

УДК 94(100)«654»
ББК 63.3(0)5
В26

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Национального центра научных исследований Франции
(GDR1 375 Médiations culturelles, UMR 8083, UMR 5037),
Высшей нормальной школы гуманитарных наук (Лион),
Германского исторического института (Москва)*

Издание основано в 2006 году

Редакционная коллегия:

*Е.Э. Бабаева, В.Я. Берелович, П.Р. Заборов, А.Б. Каменский,
С.Я. Карп (ответственный редактор), Н.А. Копанев,
Г.А. Космолинская (составитель и ответственный секретарь),
Н.Д. Кочеткова, Г. Маркер, С.А. Мезин,
Ж.Д. Мелло, Е.Е. Рычаловский, А.Ю. Самарин,
Е.Б. Смилянская, К. Франк, А.В. Чудинов, Е.Б. Шарнова*

Кураторы тематической части

К. Вольфияк-Оже, С.Я. Карп

Рецензенты:

доктор филологических наук *Н.П. Гринцер*,
доктор исторических наук *В.В. Рогинский*

В оформлении переплета использован
портрет И.И. Винкельмана (1768) работы А. фон Марона.
Художественное собрание Веймара – Дворец-музей, Картинная галерея

Век Просвещения / [отв. ред. С.Я. Карп ; сост. Г.А. Космолинская] ; Науч.
совет «История мировой культуры» РАН ; Ин-т всеобщей истории РАН ; Науч.
центр исслед. истории кн. культуры. – М. : Наука, 2006 – .

Вып. 4 : Античное наследие в европейской культуре XVIII века. – 2012. –
491 с. – ISBN 978-5-02-038027-1 (в пер.)

Выпуск посвящен изучению античного наследия в европейской культуре XVIII в. Материалы сборника представляют результаты новейших исследований, проведенных специалистами из России, Франции, Великобритании, ФРГ, Италии и Нидерландов. В их статьях раскрываются такие аспекты указанной темы, как рождение классической филологии и палеографии; завоевание и освоение новых пространств (образ Александра Македонского); «упадок империй»; республиканские добродетели; новые культурные практики (путешествия в Италию, Грецию и на Восток, коллекционирование); неоклассицизм (стили, жанры, сюжеты, мода, быт), новый религиозный опыт и т.п.

Для специалистов по изучению XVIII в., а также всех интересующихся судьбами античной культуры в последующих эпохах и историей культуры Просвещения.

По сети «Академкнига»

ISBN 978-5-02-038027-1

© Российская академия наук и издательство
«Наука», продолжающееся издание «Век
Просвещения» (разработка, оформление),
2006 (год основания), 2012

© Космолинская Г.А., составление, 2012

© Редакционно-издательское оформление.
Издательство «Наука», 2012

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ

Тематическую часть четвертого выпуска сборника *Век Просвещения** составили статьи, авторы которых приняли участие в международной конференции «Античное наследие в европейской культуре XVIII века», проходившей в Московском музее-усадьбе Останкино 28–30 июня 2010 г. Конференция была организована Центром по изучению XVIII века Института всеобщей истории РАН, Комиссией по культуре Просвещения Научного совета РАН «История мировой культуры», Музеем-усадьбой Останкино, Российским обществом по изучению XVIII века, Германским историческим институтом в Москве, Франко-российским центром гуманитарных и общественных наук в Москве, Институтом истории классической мысли Национального центра научных исследований Франции, Центром по изучению риторики, философии и истории идей Высшей нормальной школы гуманитарных наук в Лионе, при поддержке посольств Королевства Нидерландов и Французской республики в Российской Федерации. Редколлегия сборника пользуется случаем, чтобы поблагодарить Германский исторический институт в Москве и нашу коллегу Ингрид Ширле, внесшую огромный вклад в организацию конференции, а также директора Музея-усадьбы Останкино Г.В. Вдовина за предоставленную возможность провести эту встречу в историко-культурном контексте усадьбы Шереметевых, сохранившей дух XVIII столетия и те памятники, в которых отразились судьбы античного наследия в эту эпоху.

* Выпуск подготовлен в рамках международного проекта «Россия и Западная Европа: “культурный трансфер” и судьба общеевропейских культурных традиций», поддержанного Национальным центром научных исследований Франции и Российским гуманитарным научным фондом (проект № 11-21-17001).

АНТИЧНОСТЬ: ОСОБЫЙ МИР?*

«Источник – это зеркало». Такими словами в 1995 г. историк литературы Жан Эрар охарактеризовал сложное восприятие античности XVIII столетием, указав именно на то, что делает изучение этой темы особенно интересным в наших глазах¹.

Тема эта невероятно богата, поскольку каждая ее составляющая постоянно порождает новые интерпретации, а они постепенно и незаметно трансформируют и обновляют общую картину: имена на протяжении веков остаются прежними, но взгляд на них меняется. *Федр* Платона, переведенный в XV в. Марсилио Фичино, породил теорию возвышенной любви, оказавшую влияние на всю европейскую литературу. Но разве Платон *Федра* тождествен Платону, создавшему образ обаятельного соблазнителя Алкивиада? Первый удостоился в XVIII в. града насмешек (в *Новых диалогах о мертвых* Фонтенеля и во многих текстах Вольтера), а второй стал едва ли не разрушителем устоев: от любви платонической до любви сократической, от Платона-метафизика до Платона-политика, от теории души до *Республики* – каждый находил в нем то, что искал. Еще большие метаморфозы пережило восприятие Тацита. Со времен Макиавелли он считался лучшим другом тиранов, наставлявшим сильных мира сего в *arcana imperii* – тайнах владычества в духе Тиберия. После появления перевода Д'Аламбера и выхода *Духа законов*, то есть во второй половине XVIII в., Тацит превратился в историка и философа, осуждав-

© Катрин Вольпияк-Оже, 2012

* Перевод С.Я. Карпа и Н.Ю. Плавинской.

¹ См. предисловие к специальному номеру журнала *Dix-huitième siècle*, посвященному теме восприятия античности в эпоху Просвещения и вышедшему под редакцией Эдит Фламмарин и Катрин Вольпияк-Оже (1995. N 27).

шего тех же самых тиранов: описывая гнусные средства, при помощи которых они утверждали свою власть, он вручал народам оружие борьбы против них. Сам смысл, который люди вкладывали в сочинения историка, радикально изменился: выходит, источник на самом деле – зеркало, отражающее разные лики, и каждый видит в нем лишь то, что желает увидеть.

В эпоху Просвещения Западная Европа искала в античной истории образцы, соответствовавшие ее собственным представлениям о самой себе. В далекой древности, рассматриваемой исключительно в пределах греко-римского мира (зачастую ограниченного образами Афин и Спарты или же республиканского и августинианского Рима), она находила неиссякаемый источник вдохновения. Она обнаруживала в ней множество родственных черт, которые служили ей и средством самоутверждения, и своеобразным доказательством благородного происхождения, ибо всякая древность ценна сама по себе. Впрочем, могла ли Западная Европа представить себе, что умственное развитие человечества имело иные истоки, иные корни? Когда Вольтер в середине столетия заявил на первых страницах *Опыта о нравах*, что человеческий разум зародился у границ Индии и Китая, он оказался в полном одиночестве: ни Тюрго, ни Кондорсе не поддержали его, поскольку, по их мнению, сугубо эмпиричный Восток мог породить лишь зачатки примитивных и неустойчивых знаний. И тот, и другой полагали – Тюрго писал об этом в *Обращении к сорбонцам* (1750), а Кондорсе в *Эскизе исторической картины прогресса человеческого разума* (1780–1793) и подготовительных работах к нему, – что только Греция могла послужить родиной Науки и Философии, только она могла передать Европе подлинную мысль, а точнее – умение мыслить.

В свою очередь Фенелон, изобразивший диалог Сократа и Конфуция в царстве мертвых, из всего китайского искусства смог признать художественную ценность только одной техники – лакировки, да и то лишь для того, чтобы осудить примитивность китайской живописи, лишенной, по его мнению, какого-либо благородства и правдоподобия и не вмещающей ни голоса природы, ни голоса разума. А во второй половине XVIII столетия Винкельман нашел средство окончательно утвердить превосходство классической эстетики, введя понятие «образец совершенства», которое как нельзя лучше укладывалось в рамки ожидаемых впечатлений. Таким образом, античный фундамент европейской культуры служил удобным аргументом для тех, кто желал «освободить» Европу от иных влияний и настаивал на ее самодостаточности... Так рождалась идентичность, основанная на отрицании роли неевропейцев (или презрении к ним). Толща времен позволяла игнорировать великие движения, сотрясавшие мир, но подобное толкование истории вело к географической слепоте. Античность, а вернее упорно отстаиваемая прочная связь с ней, служила универсальным объединяющим фактором в эпоху, начавшуюся Утрехтским миром и завершившуюся Французской революцией и наполеонов-

ской Империей. Латынь по-прежнему оставалась международным языком научного сообщества (хотя Венгрия, где ее действительно широко использовали, так и не стала центром европейских научных контактов) и вообще языком образованных людей, обеспечивая их общей культурной базой: о Шекспире в Париже знали в лучшем случае понаслышке, а чаще не имели о нем ни малейшего представления, зато имя Юлия Цезаря было известно и в Лондоне, и в Берлине, и, разумеется, в России. Что было общего у будущего шведского короля Карла XII и мальчугана, выросшего во французской деревне? Первый слыл большим поклонником Квинта Курция и великим почитателем Александра Македонского; второй (упомянутый Руссо во второй книге *Эмиля*), как попугай, твердил зазубренный урок о нечеловеческой отваге этого завоевателя. Но оба – и отпрыск буржуазного семейства, вдохновлявшегося добрыми принципами, и наследник престола, воспитанный для царства, – участвовали в одном и том же движении, укоренявшем мораль в общей почве, в той самой античности, с которой будут отождествлять себя многие ораторы Французской революции.

Философия, эстетика, мораль и даже политика, посредством которых современный мир конструировал себя, находили в античности необходимые ориентиры и образцы для подражания. Разве Монтескье, выстраивая в *Духе законов* систему, в которой различные формы правления обрели надлежащее место, смог бы описать демократическую республику, не имея под рукой примера Спарты или Афин? Конечно, Швейцария тоже порой давала ему пищу для размышлений, но она всегда оставалась маргинальной: даже когда Монтескье предрекал блестящее будущее Бернскому кантону, он называл его «республикой, о которой никто не знает». Исследовать эту тему он тоже начал именно с *Размышлений о причинах величия и падения римлян*, причем не потому, что ему захотелось написать их историю (на роль историка он никогда не претендовал), а потому, что Рим являл собой наиболее подходящий пример: он прошел через все стадии политического развития от монархии к республике, а затем к империи, сопровождавшиеся соответствующим изменением внешней политики. За 22 века Рим проделал путь от Лациума до Константинополя, от Ромула до Восточной Империи, и этот путь представлял собой почти идеальное поле для наблюдений над эволюцией умов и общественных институтов. Как живое существо, Рим заключал в себе целый мир, открывая простор для всевозможных интеллектуальных построений.

Гибкость античной модели, ее способность соответствовать изменчивым и противоречивым устремлениям тех, кто ею восхищался, превращала ее в фундамент Европы, расширявшейся на Север и на Восток, но при всех своих масштабах и разнообразии сохранявшей свою идентичность и целостность и остававшейся открытой для всех возможностей, ибо эта самая модель позволяла ей иметь их в виду и реализовывать. Существует множество доказательств этого единства в многообразии. Однако не пора ли нам хоть немного усомниться в подобной гармонии?

Не может ли стать, что античность, которой столь громогласно восхищались европейцы, была не столько зеркалом, сколько оптической иллюзией? Вольтер расточал хвалы Фукидиду, но мы знаем, что он не прочел ни одной его страницы... Что осталось от Гомера в переводе госпожи Дасье? И кто в таком случае на самом деле читал Гомера и Фукидиду в XVIII в.? Стоит ли думать, что Вергилий был и впрямь популярен только на том основании, что людям пришлось по вкусу его выражение *ingemuitque reperta*?² Можно ли вообще утверждать, что у автора много читателей и что он хорошо известен, если его поклонники лишь повторяют одни и те же цитаты? Древний мир, обнаруженный у подножья Везувия, неспешно открывал перед людьми иную античность, о которой можно было судить по возвращенным из небытия произведениям изобразительного искусства, предметам повседневной жизни и изделиям ремесел. Однако новое знание медленно проникало в умы, в книги, тем более в школьные программы. Отсутствие строгих различий между эрудицией и удовольствием, между ученостью и дилетантизмом, между яркими впечатлениями от увиденного и реальными глубокими познаниями, между «я знаю» и «я читал» порождало настоящие апории. Поэтому стоит задаться вопросом, действительно ли в XVIII столетии имело место обновление *respublica litterarum*: существовало ли еще в век академий (ибо век Просвещения можно назвать и веком академий) сообщество ученых, простиравшееся поверх границ, не придававшее значения национальной принадлежности и связанное узами знания, в том числе – и не в последнюю очередь – страстным интересом к памятникам античной культуры? А если оно существовало, было ли оно достаточно влиятельным, чтобы распространять по свету эти знания, приобретенные ценой немалых усилий? Стоит также присмотреться к тому, как именно эти знания циркулировали по Европе – ведь зачастую единственным способом их трансляции оказывался французский язык. Идеализированное представление о том, что передача осуществлялась по «вертикальной оси», ошибочно. Голос античности не просто поднимался к потопкам из глубины веков – он проделывал сложный путь, преломляясь в непростых судьбах текстов и памятников (предметов искусства), сочетавших в себе заимствования, влияния и параллели, авторами которых выступали не только ученые, но и «любители», и вообще все те, кто служил посредником между источником знания и более или менее широкой публикой. Платон, латинизированный и популяризированный Фичино, в XVII в. был посредственно и неполно переведен на французский язык Андре Дасье. Полное собрание его сочинений на французском языке увидело свет лишь в XIX в. благодаря Виктору Кузену. Тем не менее Платон был широко представлен в *Энциклопедии*, черпавшей сведения о нем из

² Вергилий, описывая смерть Дидоны в 4-й книге *Энеиды*, написал: «Quesivit coelo lumen, ingemuitque reperta» («Весь ее пламень пропал, и в воздух душа отлетела». – Пер. В.Я. Брюсова). – *Примеч. пер.*

Критической истории философии Брукера, хотя мало кто из французских читателей отдавал себе в том отчет... Изучение этих многообразных путей и посредников стало одной из главных тем нашего сборника.

Переосмыслить традиционное отношение к древности необходимо еще и для того, чтобы избавиться от некоторого нарциссизма, характерного для взаимоотношений всех европейских народов с античностью: ведь любясь на себя в это зеркало, они оставались в плену укоренившихся предрассудков, иными словами – той географической ограниченности, которая сужала интеллектуальное и чувственное поле их восприятия. Это отнюдь не означает отрицания самой категории «наследственного достояния», которая подразумевает привилегированные отношения между общим предком и тем, кто заявляет о себе как о его наследнике жестом или поступком, легитимизирующим обоих. Напротив, мы рассматриваем ее на страницах данного тома. Однако не забудем и о нюансах, ибо утверждать, что эта категория устарела, то есть утратила свою значимость, – следовательно, признавать, что отражаемая ею связь была существенной и что любая ее эволюция подразумевает изменение парадигмы.

Следуя этой логике, мы должны также сопоставить формы, которые принимала эта связь в разных странах и в разных культурных зонах – по обе стороны Танаиса и Ра, то есть Дона и Волги, населенных как потомками франков, так и потомками скифов. Ведь классическое наследие могло не только служить общим фундаментом культур, но и подчеркивать различия между ними, выявлять специфику его освоения в каждой из них. Пересечение культурных границ – прекрасный инструмент для подобного сопоставления, которому посвящены некоторые из публикуемых здесь исследований.

Наконец, мы должны поразмыслить над самим понятием «античность» и над вопросами, связанными с употреблением этого термина. Похоже, данную проблему можно сформулировать в категориях «режимов историчности» (если воспользоваться ставшим классическим выражением Франсуа Артога³). Как сочленились прошлое, настоящее и будущее в восприятии обществ XVIII столетия, столь различных между собой? Античность осознавалась как очень далекое прошлое, но способствовало ли это свободному и непредвзятому взгляду на нее? Ведь если до начала «спора древних и новых» прошлое явно довлело над настоящим, то и после его окончания, в течение всего XVIII в. (во всяком случае, до Французской революции), древность по-прежнему воспринималась как горизонт, к которому невозможно приблизиться. Таким образом, последний поворот нашей темы – античность как объект осмысления и как средство самоидентификации.

³ *Hartog F. Régimes d'historicité. Présentisme et expériences du temps. Paris, 2003.*

ЦИРКУЛЯЦИЯ ЗНАНИЙ

Здесь на первый план выступает филология. Она особенно ярко высвечивает уважительное отношение Просвещения к классической древности. Б.Л. Фонкич демонстрирует это на примере греческих рукописей Синодальной (Патриаршей) библиотеки: их описание, начатое в конце XVII в. и завершившееся появлением подлинно научного каталога, составленного в 1776–1805 гг. немцем К.Ф. Маттеи, свидетельствовало о наличии в России глубокого интереса к античности и о превращении Москвы в важный центр классических штудий. Г.А. Тюрина обращается к уникальной рукописи *Илиады* (проданной Маттеи библиотеке Лейденского университета), вписывая историю этого текста в интеллектуальный и политический контекст «Греческого проекта» Екатерины II.

Затем наступает очередь археологии. Открытие античных городов у подножья Везувия стало важнейшим событием эпохи и породило самые разные отклики. Но Г.А. Космолинская показывает, что реакция на него в России оказалась не совсем такой, как мы могли бы ожидать: по сути интерес русскоязычной публики удовлетворялся опубликованными в 1786–1795 гг. переводами статьи Жокура «Геркуланум» (напечатанной в *Энциклопедии* еще в 1765 г.) и фрагментами из сочинений Винкельмана, которые, хотя и знакомили с археологическими открытиями под Неаполем, вряд ли давали читателям ясное представление о сути его теории. Пути передачи знания не всегда очевидны, и чтобы выявить их, приходится вновь и вновь обращаться к текстам...

НАСЛЕДИЕ АНТИЧНОСТИ

Раскрытие всего богатства этого наследия – задача непростая. И дело не только в том, что аспекты его чересчур разнообразны – от эстетики до политики, от выраженных в самой абстрактной форме философских теорий до их практического применения, – но и в том, что само понятие «наследие» может быть интерпретировано по-разному. Д. Челетти рассматривает его на примере разрыва, доказывая, что опыт, накопленный агрономической наукой латинян и весьма востребованный Возрождением, утратил свою значимость к концу XVIII в., поэтому подъем сельского хозяйства в Венецианской области, связанный со становлением академий, происходил на совершенно новой основе. А В. Велема размышляет о преемственности, утверждая, что Батавская республика, появившаяся на свет в 1795 г., была во многом обязана своей жизнеспособностью историческому и идейному наследию античности. Ее возникновение до сих пор рассматривалось как радикальный разрыв с прошлым, но мы не должны игнорировать и то упорство, с которым ее отцы-основатели взывали к своим античным корням, к гражданским добродетелям и к необхо-

димости участия граждан в политической жизни государства. Политика занимала главное место и среди разнообразных интересов неаполитанца Галиани, однако К. Стэплбрук рассматривает его деятельность сквозь призму истории: аббат Галиани – один из лучших знатоков Горация – стремился объяснять прошлое настоящим, а настоящее прошлым, изучая международное право и торговые отношения своего времени сквозь призму античности.

Философия предлагает особый тип преемственности: суждения Эпикура о зарождении речи и теория происхождения языков, сформулированная Руссо, позволяют разглядеть то общее, что сближало представления этих мыслителей о ранних этапах развития человечества. П.М. Морель размышляет об их глубоком теоретическом родстве, но также о творческом обновлении или переосмыслении эпикуреизма в творчестве Руссо.

Искусство ощущает преемственность как метаморфозу. Возможно, именно поэтому в драматическом театре и опере XVIII в., фактически не оставлявшим места для *deus ex machina*, устрашающая картина ада, унаследованная от античности, а затем вновь востребованная барочным театром, превратилась в образ темницы. В нем, полагает А.С. Корндорф, нашло свое рациональное отражение присущее людям ощущение тревоги: декорации с изображениями адских мук порой противоречили правдоподобию сценического действия, но при этом подчеркивали мучения, переживаемые героями.

СРАВНЕНИЯ

Античность, а точнее отношение к античности – идеальное поле для сопоставления или противопоставления различных ее интерпретаций у разных народов и культур. Поэтому образы древних героев и их изречения, запечатленные на медалях, чеканившихся при Петре Великом и Екатерине II, свидетельствовали о востребованности в России наследия Августа, тогда как французские медали эпохи Революции говорили об особом почете, которым пользовались во Франции свободы Рима. Как показывает С. Гюнтер, эти медали являлись лаконичным и ярким отражением диаметрально противоположных концепций власти. Иное сопоставление проводит В.С. Ржеуцкий: он прослеживает попытки барона Чуди, секретаря И.И. Шувалова, отыскать в античной истории персонаж, достойный служить риторическим прототипом фигуре Петра I, ведь в эпоху Просвещения Александр Великий вряд ли мог считаться бесспорным примером для подражания, тем более царю, одолевшему Карла XII.

С. Панцрам, в свою очередь, сопоставляет «немецкий» и «испанский» взгляды на археологические открытия под Везувием: если немецкие знатоки искусства, такие как Гёте и Винкельман, с интересом сле-

дили за раскопками и критиковали попытки неаполитанской монархии засекретить их, то немногочисленные испанские путешественники интересовались ими очень мало (в отличие, например, от французов). Когда же культура пересекала границы и выходила за собственные рамки, она попадала в сферу политики, в действие вступали факторы, далекие и от любительского интереса, и от ученых занятий. В этом смысле покупка Екатериной II коллекции резных камней герцога Орлеанского (1787) стала результатом взаимодействия политических, юридических и коммерческих факторов, исследованных С.Я. Карпом.

АНТИЧНОСТЬ КАК ОБЪЕКТ ОСМЫСЛЕНИЯ

Наконец, на античность можно взглянуть и как на предмет изучения. Дистанция, отдаляющая ее от последующих эпох, превращает древность из данности в объект исторического и философского осмысления. Тем самым исследователь оказывается перед необходимостью задуматься и о своем методе, и о своем подходе к миру античности, точнее к древним мирам (учитывая различные формы восприятия прошлого во времени и пространстве), и о своей собственной роли. К. Вольпьяк-Оже, исследуя суждения автора *Духа законов* о путешествии вокруг Африки карфагенянина Ганнона, приходит к выводу, что, по мнению Монтескье, античные авторы руководствовались рациональными соображениями и стремлением к истине не в меньшей степени, чем его современники, систематически критиковавшие древних и приписывавшие эти качества только собственному веку. М. Дёнике доказывает, что на рубеже XVIII и XIX столетий византийское искусство в историческом, географическом и эстетическом плане играло роль «недостающего звена», которое восстанавливало преемственность между античностью (периодом гармонии) и Средневековьем (периодом упадка). П. Бриан рассматривает вопрос о том, как образ Александра Македонского, созданный Квинтом Курцием, подталкивал авторов XVIII столетия к размышлениям о цивилизации и «варварстве» различных народов (от скифов до татар), о пресловутой близости последних к «природе», а также о той важной роли, которая отводилась в этих размышлениях фигуре Петра Великого.

К пересмотру устоявшихся взглядов на античность призывал и аббат Гуаско, малоизвестное сочинение которого анализирует Н.Ю. Плавинская. Гуаско задавался вопросом о том, какими функциями наделялись статуи, созданные в давно минувшие века, устанавливая таким образом связь между скульптурой и философией. Следуя за своим другом Монтескье, Гуаско признавал существование тесной зависимости между античным искусством пластики и религией, политикой и моралью древних обществ. А Бенжамен Констан, к неопубликованному трактату которого обратился Дж. Паолетти, размышлял об античном политеизме: пытаюсь

соединить гражданскую историю с историей религии, Констан задумывался о том, как вписать политеизм древних и их приверженность свободе в породивший эти черты исторический контекст.

Статьи, собранные в этом томе, открывают перед читателем неизвестные стороны прошлого, основываясь на бесспорных открытиях и новаторских исследованиях; они намечают непроторенные пути, новые и перспективные направления поиска. Античность предстает перед нами в своем бесконечном разнообразии, отражаясь в бесчисленных осколках разбитого зеркала европейской культуры и по-новому высвечивая ее грани.

Катрин Вольпияк-Оже

СУДЬБЫ КЛАССИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ

Б.Л. ФОНКИЧ

АНТИЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА В ОПИСЯХ И КАТАЛОГАХ ГРЕЧЕСКИХ РУКОПИСЕЙ МОСКОВСКОЙ ПАТРИАРШЕЙ / СИНОДАЛЬНОЙ БИБЛИОТЕКИ В XVIII – НАЧАЛЕ XIX ВЕКА

В 1652 г. во главе Русской церкви становится московский патриарх Никон. Одним из важнейших мероприятий времени его правления (1652–1658) является церковная реформа, основную часть которой составляет реформа книжная. Она предполагала издание русских богослужебных книг на базе исправления уже имевшихся переводов или осуществления новых, главным образом по древним греческим рукописям.

Между тем в России к середине XVII в. греческие рукописи насчитывались единицами; к тому же они были рассредоточены по различным городам и монастырям. Все эти материалы были слишком незначительны, чтобы служить основой для проведения в жизнь книжной реформы. Было поэтому решено отправить в известные своими книжными богатствами афонские монастыри старца Арсения Суханова, который уже не раз выполнял ответственные дипломатические поручения, хорошо знал греческий язык и обычаи православного Востока.

В 1655 г. Арсением Сухановым были привезены с Афона в Москву огромная коллекция греческих рукописей IX–XVII вв. и несколько греческих и греко-латинских печатных книг XV–XVII вв. Вместе со славянскими рукописями, доставленными тогда же с Афона в русскую столицу, число привезенных книг достигало почти 500 единиц. Это большое собрание, приобретенное на Св. Горе, стало ценным ядром Московской Патриаршей (а с XVIII в. – Синодальной) библиотеки¹.

© Б.Л. Фонкич, 2012

¹ Подробно см.: *Фонкич Б.Л.* Греческие рукописи и документы в России в XIV – начале XVIII в. М., 2003.

На протяжении второй половины XVII в. греческие рукописи Патриаршей библиотеки описывались трижды: в 1658 г. – в связи с уходом со своего престола патриарха Никона²; в 1675 г. при патриархе Иоакиме (1674–1690) – в связи с передачей всех иностранных рукописных и печатных книг, находившихся на Иверском подворье и в Воскресенском монастыре, в Патриаршую ризную казну³; наконец, в 1686 г. – при передаче ризницы и Патриаршей библиотеки от прежнего их хранителя иеродиакона Иакинфа новому ризничему иеродиакону Тихону⁴. Описи 1675 и 1686 гг. являются наиболее полными, точно отражающими греческий рукописный фонд Патриаршей библиотеки последней четверти XVII в. Они легли в основу первой описи XVIII столетия, составленной в 1701 г.⁵ и положившей начало целому ряду учетных документов последующих десятилетий.

Чтобы дать представление об описях греческих рукописей Патриаршей / Синодальной библиотеки XVIII в., перечислим их в порядке хронологии до того момента, когда стали появляться научные описания Х.Ф. Маттеи:

- 1) 1701 г. Первая опись XVIII в., составленная на основе описей 1675 и 1686 гг. (ГИМ. Син. 95).
- 2) 1709 г. Опись книг составлена на базе описи 1701 г. (ГИМ. Син. 94).
- 3) 1721 г. «Осмотр» фонда, описанного в 1701 г. (ГИМ. Син. 1046).
- 4) 1725 г. «Осмотр» того же фонда (ГИМ. Син. 1046).
- 5) 1727 г. Результаты проверки и нового описания книг на основе описи 1701 г. и с учетом проверок 1721 и 1725 гг. (ГИМ. Син. 1046).
- 6) 1735 г. Документ, составленный на основе описи 1727 г. и учитывающий результаты всех проверок (ГИМ. Син. 1047).
- 7) 1738 г. Опись рукописных книг, впервые включившая в свой состав перечень всех, в том числе и греческих, грамот XVI – начала XVIII в. архива московских патриархов (ГИМ. Син. 1048; Син. 1204; Син. 1205).
- 8) 1749 г. Проверка наличия рукописных книг и документов в соответствии с описью 1738 г. (ГИМ. Син. 1204).
- 9) 1754 г. Опись Синодальной библиотеки на основе документов 1738 и 1749 гг. (ГИМ. Син. 1204; Син. 1205).

² См.: *Беляев И.* Переписная книга домовая казны патриарха Никона // *Временник Общества истории и древностей российских при Московском университете.* Кн. 15. М., 1852. Материалы. С. I–III, 1–136.

³ ГИМ. Син. 424. Л. 422–449. Описание см.: *Протасьева Т.Н.* Описание рукописей Синодального собрания (не вошедших в описание А.В. Горского и К.И. Невоструева). Ч. 2. № 820–1051. М., 1973. С. 8 (№ 824).

⁴ ГИМ. Син. 98. Л. 1–2 об., 198–238. Описание см.: Там же. С. 8–10. № 825.

⁵ ГИМ. Син. 95. Л. V об., 150–207 об. Описание см.: Там же. С. 14–15. № 828. См. также: Син. 94 (Там же. С. 20–21. № 833).

- 10) Вторая половина XVIII в. Описание, в основе своей идентичная описи 1754 г. (ГИМ. Син. 1206).
- 11) 1771–1772 гг. Реестр греческих рукописных и печатных книг иеродиакона Гедеона (ГИМ. Син. 968).

Если к этому перечню документов хранителей Синодальной библиотеки XVIII в. добавить составленный и вслед за этим опубликованный каталог греческих рукописей 1723 г. Афанасия Скиады, учителя Греческой школы в Москве⁶, то картина учета и описания греческих рукописей интересующего нас собрания будет полной.

Значительную часть греческого рукописного собрания Синодальной библиотеки составляли списки произведений античной литературы: принимая во внимание только полные кодексы такого содержания и не учитывая древнегреческие тексты в виде отдельных статей в различных сборниках, мы насчитаем около 50 рукописей XII–XVII вв.⁷ Как же описываются эти книги в учетных документах Синодальной библиотеки XVIII в.?

В 1701 г. мы имеем следующие образцы описания античной литературы (приводим лишь отдельные примеры):

- «Аратова книга писмянная греческая, в полдесть, астрономская, Ватопецкого монастыря, в досках, ветха» (Син. 95. Л. 152).
- «Аристотеля физика, греческая, в десть, писмянная, в досках» (Там же).
- «Галина две книги, писмо греческое, в полдесть, третья его же писмянная велика, в десть, в досках» (Там же. Л. 154).
- «Димостен, книга писменная, греческая, в десть, в досках без обложки» (Там же. Л. 157 об.).
- «Книга Есхила, писмо греческое, в полдесть, в досках з жучки» (Там же. Л. 159 об.).
- «Исиодовы дела и дни, книга греческая харатейная писмянная, в десть, числом 156, в досках з жючки, корень ветх» (Там же. Л. 166 об.).
- «Омира толковая писмянная греческая, в десть, в досках черных, ветха» (Там же. Л. 173 об.).
- «Плутарха философа книга греческая писмянная, харатейная, в малую десть, числом 8-я, в досках красных» (Там же. Л. 175 об.).
- «Фукидида философа афинского книга писмянная греческая, в десть, в досках з жючки» (Там же. Л. 180 об.).

⁶ О нем см.: *Karathanassis A.E.* Contribution à la connaissance de la vie et de l'oeuvre de deux grecs de la diaspora: Athanasios Kondoïdis et Athanasios Skiadas // *Balkan Studies*. 1978. V. P. 172–184; перизд.: *Καραθανάσης Άθ.Ε.* Άθανάσιος Κοντοειδής και Άθανάσιος Σκιαδάς : δύο Έλληνες λόγιοι του 18ου αιώνας και τό πνευματικό τους έργο στην Ρωσία // *Καραθανάσης Άθ.Ε.* Ο Έλληνικός κόσμος στα Βαλκάνια και την Ρωσία. Θεσσαλονίκη, 1999. Σ. 357–374.

⁷ См.: *Владимир* (архим.). Систематическое описание рукописей Московской Синодальной (Патриаршей) библиотеки. Ч. 1. Рукописи греческие. М., 1894.

Сравнение этих характеристик с описями 1675 и 1686 гг. свидетельствует о том, что первая опись Патриаршей библиотеки XVIII в. повторяет учетные документы XVII в., дополняя их данные в основном сведениями, касающимися переплетов книг и их сохранности. Эта информация о рукописях будет практически неизменной до 1770-х годов.

Дело, казалось бы, должно было серьезно измениться в 1771–1772 гг., когда к описанию греческих рукописей и печатных книг был назначен синодальный иеродиакон Гедеон, знавший греческий и латинский языки и, несомненно, хорошо разбиравшийся в древних книгах. Его рукой был написан «*Catalogus Graecorum, Latinorum, Graeco-Latinorum typo-pressorum, nec non manuscriptorum graecorum Librorum, qui exstant in Mosquensi Synodali Bibliotheca / Реэстр греческим, латинским, греко-латинским печатным и рукописным греческим книгам в Московской Синодальной Библиотеке находящимся*»; при этом греческие рукописные книги были распределены по трем форматам (ГИМ. Син. 968. Л. 26–42 об.) – «в лист», «в поллиста», «в четверть», а внутри каждого такого раздела названия манускриптов были расположены в порядке латинского алфавита. Название основного сочинения на каждой странице приводится по-гречески, затем дается его русский перевод и, если это возможно, указывается год создания кодекса. Вот несколько примеров описания некоторых рукописей, фигурировавших выше в описи 1701 г.:

Ἀράτου φιλοσοφία καὶ Νικομάχου ἀριθμητικὴ μετὰ σχολίων. Πλουτάρχου συγγράμματα. Ἰσιόδου ἔργα καὶ ἡμέραι. Ὀμήρου ποιήματα.	Аратова философия и Никомахова Арифметика с толкованием. Плутарховы писания. Исиодовы писания. Омировы писания.
--	--

Несмотря на то, что на сей раз за учет греческих рукописей Синодальной библиотеки взялся не простой хранитель, но хорошо подготовленный для такой задачи образованный человек, результат оказался ничуть не лучше, чем все те описи, которые составлялись на протяжении предыдущего столетия. Более того: несмотря на некоторые уточнения названий отдельных книг, информация о греческих рукописях в описи Гедеона оказалась значительно более скудной, чем это было в прежних учетных документах, поскольку синодальный иеродиакон убрал из своего «Каталога» всю кодикологическую часть, где имелись сведения о материале для письма, переплетах и сохранности рукописи.

Подводя итоги, можно сказать, что на протяжении значительной части XVIII столетия большой корпус греческих рукописных (а также печатных) книг с сочинениями античных авторов, хранившихся в Синодальной библиотеке, все еще представлял собой лишь часть подлежавшего время от времени очередной проверке и формальному учету книжного фонда бывшего патриаршего ведомства, не более того. На этом «участке

русской культуры» Нового времени век Просвещения еще никак себя не проявил.

Ситуация коренным образом меняется в 1772 г., с приглашением в Московский университет Христиана Фридриха Маттеи⁸. Молодой, но уже серьезно подготовленный для работы филолог-классик вскоре после своего приезда в Россию начинает изучение почти совсем не известных в Европе греческих рукописей московских собраний, и в 1776 г. из печати выходят его *Notitia codicum manuscriptorum graecorum Bibliothecarum Mosquensium Sanctissimae Synodi Ecclesiae Orthodoxae Graeco Rossicae* (Mosquae: Typis Universitatis, 1776) – описание 50 манускриптов размером in folio. Перед нами – начало подлинно научной каталогизации греческого рукописного собрания Синодальной библиотеки, с принадлежащими самому исследователю датировками манускриптов, подробной росписью их содержания, историей рукописей, основанной на впервые проводившемся изучении различных записей и помет, наконец, с соотнесением результатов анализа московских рукописей и существовавшей к тому времени библиографии. Представив свой первый и еще, казалось бы, небольшой по объему и результатам труд, Х.Ф. Маттеи уже сделал важный шаг в сторону введения греческих рукописных богатств России в науку Европы. Вся его последующая деятельность по обработке и описанию рукописной книжности Синодальной и Типографской библиотек (каталоги 1780 и 1805 гг.)⁹, анализу и изданию многочисленных и разнообразных текстов античных авторов, Священного Писания, патристики, сочинений византийской литературы¹⁰ приведет в конечном счете к тому, что важнейшая – московская – коллекция греческих манускриптов уже не позже начала XIX в. будет введена в научный оборот и с тех пор постоянно находится в поле зрения европейских ученых. Х.Ф. Маттеи прервал существовавшую до него целое столетие традицию формального учета греческих рукописей Москвы, оставив этот способ «обработки фондов» их хранителям, и поставил на первое место научное изучение рукописных богатств Синодальной и Типографской библиотек, введя их тем самым в культуру эпохи Просвещения.

⁸ См.: *Тюрина Г.А.* Из истории изучения греческих рукописей в Европе во второй половине XVIII – начале XIX в. Христиан Фридрих Маттеи (1744–1811) (в печати).

⁹ *Matthaei Chr.Fr. Index codicum manuscriptorum Graecorum bibliothecarum Mosquensium Sanctissimae Synodi Ecclesiae Orthodoxae Graeco-Rossicae.* Petropoli: Typis Academiae Scientiarum, 1780; *Idem.* Accurata Codicum Graecorum mss. Bibliothecarum Mosquensium Sanctissimae Synodi Notitia et Recensio. Lipsiae: In Libraria Ioachimica, 1805. 2 t.

¹⁰ Подробно см.: Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Московского университета за истекающее столетие, со дня учреждения января 12-го 1755 года, по день столетнего юбилея января 12-го 1855 года, составленный трудами профессоров и преподавателей, занимавших кафедры в 1854 году, и расположенный по азбучному порядку: В 2 т. М., 1855. Т. 2; *Тюрина Г.А.* Указ. соч.

Б.Л. ФОНКИЧ

Boris Fonkitch

**La littérature antique dans les inventaires
et les catalogues des manuscrits grecs
de la Bibliothèque Patriarchale/Synodale de Moscou
au XVIIIe et au début du XIXe siècle**

En 1655 Arseniy Soukhanov apporta d'Athos à Moscou environ 500 manuscrits grecs des IXe–XVIIe siècles et quelques livres grecs imprimés, destinés aux réformes de l'Église russe du patriarche Nikon. Ce fonds immense comprenait environ 500 manuscrits des IXe–XVIIe siècles, qui étaient entièrement ou en grande partie des copies d'œuvres de la littérature antique.

Au cours de la deuxième moitié du XVIIe siècle et jusqu'au début des années 1770, les manuscrits grecs de la Bibliothèque Patriarchale/Synodale furent décrits par leurs conservateurs 14 fois. Ces inventaires étaient assez sommaires, mais assez intéressants pour devenir un objet d'étude.

Tout changea en 1772 quand arriva à Moscou un savant allemand, Ch.Fr. Matthaei, qui commença l'étude scientifique et le catalogage des manuscrits grecs de la Bibliothèque Synodale. Progressivement, la description de ces manuscrits arriva à publication en 1776, 1780, et, enfin 1805 de leurs catalogues et plusieurs études et éditions. C'est son activité remarquable qui a permis de faire entrer les manuscrits grecs de Moscou dans la culture du siècle des Lumières.

Г.А. ТЮРИНА

МОСКОВСКАЯ РУКОПИСЬ *ИЛИАДЫ*
В БИБЛИОТЕКЕ ЛЕЙДЕНСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Достижения европейской науки и образования эпохи Просвещения легли в основу создания и успешного развития системы высшей школы в России в XVIII в. Важнейшими вехами этого процесса явились учреждение Петербургской Академии наук (1724) и основание Московского университета (1755). Их деятельность стала возможной благодаря поддержке лучших европейских учебных заведений и научных сообществ, присылавших в Россию своих ученых и преподавателей. Невозможно представить себе историю отечественной науки без имен Леонарда Эйлера, Николая и Якоба Бернулли, Герарда Фридриха Миллера и многих других. Начало изучению классической филологии в Московском университете было положено доктором философии Тюбингенского университета, считавшегося лучшим в Европе по уровню богословского образования, Иоганном Маттиасом Шаденом (1731–1797), которого студенты называли «отцом истинного классического учения в России»¹. Особое значение приобрело изучение античного наследия.

© Г.А. Тюрина, 2012

¹ Этот немецкий профессор прослужил в Московском университете 41 год. После отъезда в 1756 г. из Тюбингена он никогда больше не был на родине, принял православие. Скончался в Москве 28 августа 1797 г. Ученики, в их числе Николай Карамзин и Денис Фонвизин, его очень любили и почитали. В речи на его похоронах были следующие слова: «Кто хочет научиться добродетели, пусть придет на погребение того, кто любил ее. Он научится более нежели из всех написанных доселе книг о нравственности!» – См.: Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Московского университета за истекающее столетие, со дня учреждения января 12-го 1755 года, по день столетнего юбилея января 12-го 1855 года, составленный трудами профессоров и преподавателей, занимавших кафедры в 1854 году, и расположенный по азбучному порядку: В 2 т. М., 1855. Т. 2. С. 558–574.

«Гомер должен был, как некая деталь, входить в декоративное убранство блистательного царствования»². В атмосфере российской великодержавной политики и войн с Турцией был издан первый печатный перевод *Илиады* П.Е. Екимова³. В письмах 1770–1771 гг. Екатерине II Вольтер шутливо предсказывал, что императрица «тотчас учредит прекрасную греческую академию, если станет повелительницей Константинополя»⁴. Внук Екатерины II Константин изучал греческий язык и культуру, готовя себя к роли греческого императора⁵. И хотя «Греческий проект» остался нереализованным, перевод Гомера стал делом государственной важности.

Ценителями и знатоками древней словесности были не только государственные, но и духовные сановники, такие как митрополит Московский Платон (Левшин) (1737–1812), архиепископ Словенский и Херсонский Евгений (Булгарис) (1716–1806), митрополит Киевский Евгений (Болховитинов) (1767–1837). Ученики Славяно-греко-латинской академии по указу митрополита Платона, как и университетские студенты, изучали греческий язык, переводя памятники античности, а лучшие из них должны были учиться и новогреческому и ходили для практики в Никольский греческий монастырь, который был подворьем афонского Ивирского монастыря и центром греческой колонии в Москве⁶.

В конце XVIII в. Москва стала одним из европейских центров изучения греческой палеографии. Заслуга в этом принадлежит замечательному немецкому ученому и педагогу Христиану Фридриху Маттеи (1744–1811), приехавшему в 1772 г. из Лейпцига на службу в Московский университет и открывшему научному миру богатства московских рукописных собраний, главным образом Синодальной и Типографской библиотек⁷. Составленный и изданный им каталог хранившихся в Москве греческих рукописей⁸, беспрецедентный для российской науки того времени, сохранил научную актуальность до наших дней. Его данные

² Егунов А.Н. Гомер в русских переводах XVIII–XIX веков. М., 2001. С. 180.

³ Омировых творений [часть 1–2] / Перевел с греческого языка коллежский секретарь Петр Екимов [Санкт-Петербург]: При Имп. Акад. наук, 1776–1778.

⁴ Егунов А.Н. Указ. соч. С. 48.

⁵ Фонкич Б.Л. Греческие рукописи научной библиотеки Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова: Каталог. М., 2006. С. 11.

⁶ Шахова А.Д. Никольский греческий монастырь в Москве в XVII–XVIII вв. // Третьи чтения памяти профессора Николая Федоровича Каптерева: Материалы. М., 2005. С. 96–100.

⁷ О нем см.: Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Московского университета... Т. 2; Тюрина Г.А. Из истории изучения греческих рукописей в Европе во второй половине XVIII – начале XIX в.: Христиан Фридрих Маттеи (1744–1811) (в печати).

⁸ Accurata Codicum Graecorum MSS. Bibliothecarum Mosquensium Sanctissimae Synodi Notitia et recensio / Ed. Ch. F. Matthaei. Lipsiae, 1805.

(прежде всего датировка манускриптов) были полностью пересмотрены лишь в конце XX в. Б.Л. Фонкичем⁹.

Описание не являлось главной целью работы Маттеи с рукописями. Кодексы интересовали его и с кодикологической, и с палеографической, и с филологической, и с исторической точек зрения. Образование, полученное в Лейпцигском университете, где его учителями были Иоганн Август Эрнести (1707–1781)¹⁰ и Иоганн Якоб Райске (1716–1774)¹¹, исследовательский талант, огромное трудолюбие и сохраненная на протяжении всей жизни искренняя увлеченность своим делом обеспечили Маттеи место в ряду выдающихся филологов-классиков эпохи Просвещения. Современники называли его «одним из первых эллинистов Европы»¹². И хотя Эрнести и Райске, не только ценившие способности и прилежание студента Маттеи, но и дорожившие им как специалистом-филологом, с крайней неохотой отпустили его по окончании курса, после защиты магистерской диссертации, в Москву, именно годы, проведенные ученым на «краю Европы»¹³, стали самым плодотворным периодом жизни Маттеи. Он был первым исследователем, допущенным к работе с фондами Синодальной и Типографской библиотек, хранившими более 500 греческих манускриптов IX–XVII вв. Ныне эти рукописи составляют фонд «Синодальное собрание греческих рукописей» Отдела рукописей Государственного исторического музея¹⁴ и являются, помимо всего прочего, важнейшим источником для изучения исследовательской деятельности Маттеи, поскольку многие из них хранят на себе следы его работы.

Постоянная переписка с европейскими коллегами позволяла Маттеи оставаться в курсе актуальных научных проблем, оценить достоинство исследуемых им рукописей и значение содержащихся в них сочинений.

⁹ Фонкич Б.Л., Поляков Ф.Б. Греческие рукописи Московской Синодальной библиотеки. Палеографические, кодикологические и библиографические дополнения к каталогу архимандрита Владимира (Филантропова). М., 1993.

¹⁰ Один из ведущих специалистов по античному наследию своего времени, составивший учебник риторики (*Initia rhetorica*), по которому учились студенты всех высших учебных заведений Европы, включая чуть позднее и российские университеты. Близкий друг Баха, ректор школы при Томаскирхе в 1734–1758 гг. О нем см., например: *Allgemeine Deutsche Biographie*. (Далее: ADB). Leipzig, 1877. Bd. 6. S. 235–241.

¹¹ Врач и специалист по древним восточным языкам. Среди прочих изданий выпустил в свет в 1770–1775 гг. 12 томов греческих ораторов. См.: ADB. Leipzig, 1889. Bd. 28. S. 129–143.

¹² Вестник Европы. 1811. Ч. 60. № 21. С. 59.

¹³ Так называл Москву создатель греческой палеографии Бернар де Монфокон (1655–1741) в предисловии к 13-му тому сочинений Иоанна Златоуста, напечатанному в 1739 г. в Париже.

¹⁴ Главным руководством по их использованию и в наши дни остается изданный в конце XIX в. каталог, составленный синодальным ризничим архимандритом Владимиром (Филантроповым) (впоследствии – епископ Ковенский). См.: *Владимир* (архим.). Систематическое описание рукописей Московской Синодальной (Патриаршей) библиотеки. Ч. 1. Рукописи греческие. М., 1894.

Главным занятием ученого было копирование неизданных до того времени сочинений, которые он находил в кодексах, сличение разных рукописей и печатных изданий одного сочинения, извлечение вариантов чтения, создание на основе этих данных своих исследований, подготовка их к печати и издание. Из 80 опубликованных трудов Маттеи более 20 посвящены памятникам античности¹⁵, а самым знаменитым манускриптом, с которым работал ученый, стала рукопись *Илиады* Гомера, хранящаяся ныне в библиотеке Лейденского университета (BRG 33 H).

Это бумажный кодекс XV в. в 50 листов, содержащий шесть песней *Илиады* Гомера (с 435-го стиха VIII песни по 134-й стих XIII песни), а также 16 гимнов (Аполлону, Меркурию, два гимна Венере, Вакху, Марсу, Диане, Минерве, еще один Венере, Юноне, Деметре, Матери богов, Гераклу, Эскулапу, Диоскуру и Меркурию). Рукопись, по-видимому, уже во времена Маттеи была в плохой сохранности. В настоящее время она имеет красивый светло-коричневый переплет, каждый ее лист заключен в паспарту, поскольку некоторые листы сильно повреждены (например, л. 35 настолько испорчен, что его текст утрачен). История бытования этого манускрипта в Москве и его перемещения в Лейден уже два столетия остается предметом особого внимания специалистов.

В 1777 г. завязалось тесное научное сотрудничество между Маттеи и голландским филологом-классиком Давидом Рункеном (1723–1798)¹⁶. В библиотеке Лейденского университета хранится часть их оживленной переписки, а именно 16 писем Маттеи 1777–1788 гг., переплетенных в два кодекса: RHN 28 и BPL 338. Письма написаны на бумаге разного формата и разного качества на латинском языке мелким почерком коричневыми чернилами. В тексте писем встречаются пространные вставки на греческом языке – варианты чтений, извлеченные Маттеи из различных рукописей, и копии целых сочинений.

Начало сотрудничеству было положено письмом Маттеи от 14 октября 1777 г., в котором он писал, что приобрел в Москве рукопись Гомера, содержащую гимны в более полном виде, чем любая другая известная его рукопись, а именно, в ней находились 12 неизвестных стихов

¹⁵ В их числе: *Disputatio de Aeschine oratore*. Lipsiae, 1770; Πλούταρχος. Περὶ δυσωπίας καὶ περὶ τύχης. Mosquae, 1777; *Plutarchus de superstitione, et Demosthenis oratio funebris*. Graece et Latine. Mosquae, 1778; *Lectiones Mosquenses, seu varia inedita et discrepantes lectiones ad nobiliores scriptores, tam Graecos, quam Latinos*. 2 V. Lipsiae, 1779; *Clytemnestrae Sophoclis fragmentum*. Graece et Latine. Mosquae, 1805; *Publii Terentii Africi Comoediae sex*. Mosquae, 1806. Маттеи составил несколько хрестоматий для чтения, одна из них широко использовалась в российских учебных заведениях и была опубликована в нескольких переводах на русский язык, например: 'Ελληνίδι φωνῇ γραφάντων. Избранные места из греческих писателей, собранные Христианом Фридрихом Маттеем, а переведенные с греческого на Российской язык для обучающихся в Смоленской семинарии, той же семинарии пиитического, историографического и греческого классов учителем Борисом Филоновым. М., 1785.

¹⁶ О нем см.: *Wyttenbachius D.A. Vita Davidis Ruhnkenii*. Lugduni Batavorum, 1799; ADB. Leipzig, 1889. Bd. 29. S. 615–624.

гимна Вакху и гимн Деметре. Рункен, будучи специалистом по Гомеру, знал о существовании этого гимна, но считал его утраченным. Без всякой надежды он обратился к своим коллегам с просьбой сообщить, если кому-то из них что-либо известно об этом тексте. Маттеи, как только обнаружил в Москве эту уникальную рукопись, сразу же написал о ней Рункену, предложив ему взять на себя ее публикацию¹⁷.

Рункен, пораженный тем, что текст обнаружен именно в России¹⁸, с благодарностью согласился, и Маттеи скопировал для него 12 стихов гимна Вакху и 501 стих гимна Деметре, используя малейшее свободное пространство бумаги для замечаний и отметок. Ученый указал испорченные места текста в рукописи, стихи и отдельные слова, в прочтении которых он сомневался. Кроме того, Маттеи приложил варианты чтения гимна Меркурию, а в заключение привел перечень античных авторов, кодексы с сочинениями которых имеются в московских библиотеках¹⁹.

По этой копии Рункен в 1780 г. осуществил первое издание гимна Деметре, восторгаясь и восхваляя в предисловии поступок Маттеи²⁰. Однако выход в свет этой книги поставил под угрозу сотрудничество и

¹⁷ Письмо Маттеи Рункену от 14/25 октября 1777 г.: «Eius enim nuper hic sum nactus codicem manu scriptum, qui non solum omnes illos Hymnos, qui in editione Lipsiensi Ernestii, Praeceptoris quondam mei, a pag. 3 ad 93. leguntur; sed et ineditum fragmentum Hymni in Bacchum et illum bene longum Hymnum in Cererem, cuius fragmentum ex Pausania in eadem editione repetitum est pag. 134. complectitur. Eam cum ex praefatione Ernestii intellexissem, et raros esse horum Hymnorum codices manu scriptos, et Te, Vir Doctissime, in iis emendandis reliquos antecessisse omnes, continuo ad Te scribendum Teque interrogandum putavi, annon placeret Tibi, si illum ineditum Hymnum cum fragmento illo inedito et variis lectionibus ad reliquos Hymnos a me accepisses, iterum manum illis opusculis admovere eaque Tuis animadversionibus illustrata edere». – Universitaire Bibliotheken Leiden. (Далее: UBL): RUH 28. Fol. 1. (*Перевод*: «Ведь здесь недавно я приобрел его [Гомера] рукописный кодекс, который содержит не только все те гимны, которые находятся на страницах с 3 по 93 в Лейпцигском издании Эрнести, когда-то моего наставника, но также неизданный фрагмент гимна Бахусу и тот довольно длинный гимн Церере, фрагмент которого из Павсания в том же издании воспроизведен на странице 134. Когда я узнал из предисловия Эрнести, что рукописные кодексы, содержащие эти гимны, редкость и что Вы, ученейший муж, превзошли всех остальных в их исправлении, я тотчас подумал, что нужно написать Вам и спросить, угодно ли было бы Вам, если бы Вы получили от меня этот неизданный гимн с этим неизданным фрагментом и вариантами чтения к остальным гимнам, чтобы со своей стороны приложить руку к этим сочинениям и издать их, снабдив Вашими комментариями»).

¹⁸ В предисловии к своему изданию гимна Деметре, осуществленному по списку рукописи, сделанному Маттеи в Москве, Рункен пишет: «Nec minus mirabile mihi videbatur, Hymnum mitti ex Moscovia; ubi tale antiquitatis monumentum latere, si quis forte narrasset, omnes eum joculari potius, quam serio loqui, putassent». – Homeri Hymnus in Cererem / Ed. D. Ruhnkenio. Lugduni Batavorum, 1782. P. III. (*Перевод*: «Не менее мне показалось удивительным, что гимн был прислан из Москвы; ведь если бы кто-нибудь рассказал, что там хранится такой великий памятник, все скорее сочли бы, что он шутит, чем говорит серьезно»).

¹⁹ Письмо Маттеи Рункену от 8 февраля 1778 г. – UBL: RUH 28. Fol. 3–7.

²⁰ Homeri Hymnus in Cererem / Ed. D. Ruhnkenio. Lugduni Batavorum, 1780.

дружеские отношения Маттеи и Рункена. В издании, ставшем европейской сенсацией и привлекавшем пристальное внимание ученых, имелась ошибка. Она была сделана Маттеи при копировании, но не замечена ни им самим, ни Рункеном. На нее публично указал И.Г. Восс, которому текст гимна был известен от графа Штольберга²¹, нарушившего данное Маттеи обещание никому его не показывать до выхода в свет публикации Рункена. Самому Штольбергу Маттеи предоставил этот текст, поскольку тот занимался переводом Гомера на родной для Маттеи немецкий язык.

На гневное письмо Рункена с обвинениями Маттеи ответил очень мягкими и почтительными словами, в которых, признавая в допущенной ошибке свою невольную вину, все же отмечал и недостаточно ответственный подход к делу Рункена. Ведь он в нескольких письмах настойчиво просил Рункена, во-первых, самому тщательно проверить скопированный текст, а во-вторых, прислать ему на проверку типографский набор гимна для окончательной сверки. Рункен так спешил издать этот уникальный текст, что пренебрег и тем, и другим. Не поддавшись гневному тону Рункена, но ответив с достоинством и уверенностью в дальнейшей дружбе и сотрудничестве, Маттеи еще раз выправил текст гимна Деметре, и Рункен еще дважды по новой копии Маттеи его издал²², повторив в предисловии восторженный отзыв об ученом: «Муж искуснейший в обоих языках, в котором легко узнаешь воспитанника школы Эрнести»²³.

В 1786 г., уступая настойчивым просьбам Рункена, опасавшегося за судьбу уникального манускрипта, Маттеи продал его библиотеке Лейденского университета²⁴, где он находится и поныне и доступен для исследования²⁵.

Еще в конце XIX в. С.А. Белокуров в своей монографии *О библиотеке московских государей в XVI столетии* доказал, что этот кодекс является окончанием рукописи *Илиады*, хранившейся в Москве в библиотеке Архива Коллегии иностранных дел (ныне в РГАДА. Ф. 181. Оп. 1. № 1287), и обе части рукописи, лейденская и московская, составлявшие прежде один кодекс, происходят из библиотеки янинского иеромонаха Дионисия, которая в 1690 г. была перевезена в Москву из Нежина²⁶.

Московский фрагмент состоит из 93 листов, сохранность которых должна быть признана лучшей, чем сохранность второй части кодекса,

²¹ Фридрих Леопольд, граф Штольберг (1750–1819). Немецкий поэт и переводчик, друг Гёте; в 1778 г. опубликовал свой перевод *Илиады*: Homers Ilias verdeutscht durch Friedrich Leopold Graf zu Stolberg. Flensburg; Leipzig, 1778. О нем см.: ADB. Bd 36, Duncker & Humblot, Leipzig, 1893. S. 350–367.

²² Homeri Hymnus in Cererem / Ed. D. Ruhnkenio. Lugduni Batavorum, 1782; Ibid. 1784.

²³ Ibid. 1782. P. 3.

²⁴ См.: Mahne G.L. Epistolae viri clarissimi Davidis Ruhnkenii ad D. Wytenbachium. Ulissingae, 1832. P. 53.

²⁵ Geel I. Catalog librorum manuscriptorum, qui inde ab anno 1741 Bibliothecae Lugduno Batavae accesserunt. Lugduni Batavorum, 1852. P. 9–10.

²⁶ Белокуров С.А. О библиотеке московских государей в XVI столетии. М., 1898. С. 22.

хранящейся в Лейдене. Листы изобилуют множеством помет и надписаний, не носящих научного характера²⁷. Состояние листов рукописи свидетельствует о том, что она активно использовалась в учебном процессе. В московской половине кодекса присутствуют следы работы с ней Маттеи: в некоторых местах он проставил своей рукой нумерацию стихов (всего 26 его помет). О том, что ученый работал с этим фрагментом, он неоднократно публично объявлял в своих печатных трудах²⁸; в его архиве сохранилась небольшая работа с рассуждениями об особенностях гомеровских стихов²⁹. Сведениями об этой части рукописи *Илиады* Маттеи поделился с геттингенским профессором Х.Г. Гейне³⁰, который использовал эти данные в подготовке своего издания Гомера, вышедшего в свет в 1804 г.³¹

Б.Л. Фонкич доказал, что рукопись от начала до конца является автографом Иоанна Евгеника, известного государственного и церковного деятеля первой половины XV в.³²

Относительно бытования лейденской половины *Илиады* до 1786 г., когда она была перевезена в Лейден, в историографии существовало несколько предположений. Особое внимание исследователей было обращено на то, каким образом эта рукопись вошла в личную коллекцию манускриптов Маттеи, которая сложилась преимущественно за 12 лет пребывания ученого на службе в Московском университете в 1772–1784 гг. и была достаточно обширной – в нее входили не менее 80 манускриптов IX–XVIII вв. Для своего времени она должна быть признана богатейшим частным собранием. Коллекционирование греческих рукописей было обусловлено научными интересами Маттеи – подавляющее большинство приобретенных кодексов и фрагментов он использовал в своей работе или же предоставлял для изучения коллегам.

²⁷ Например, на л. 30 находится бесформенный рисунок.

²⁸ См.: Index codicum manuscriptorum Graecorum bibliothecarum Mosquensium sanctissimae Synodi Ecclesiae Orthodoxae Graeco-Rossicae / Ed. Ch.F. Matthaei. Petropoli, 1780. P. 23; см. также: Heyne C.G. Homeri Carmina. London, 1802. T. 3. P. XC.

²⁹ «Примечания к Илиаде», XVIII в. – РНБ. Ф. 573. № 388.

³⁰ Один из корифеев немецкой филологической науки XVIII в.; преподавал классическую филологию в Геттингенском университете на протяжении 50 лет. О нем см.: Vöhler M. Christian Gottlob Heyne und das Studium des Altertums in Deutschland // *Disciplining classics – Altertumswissenschaft als Beruf*. Göttingen, 2002. S. 39–54; Heidenreich M. Christian Gottlob Heyne und die Alte Geschichte. München; Leipzig, 2006; Graepler D. Das Studium des schönen Altertums: Christian Gottlob Heyne und die Entstehung der klassischen Archäologie: Ausstellung in der Paulinerkirche Göttingen 11. Februar – 15. April 2007. Göttingen, 2007.

³¹ Homeri Ilias, cum brevi annotatione; curante C.G. Heyne. 2 V. Lipsiae; Londini; Mackinlay, 1804.

³² Фонкич Б.Л. Иоанн Евгеник и его «Монодия на падение Константинополя» // *Византия между Западом и Востоком: Опыт исторической характеристики*. СПб., 1999. С. 284; см. также: Он же. Греческие писцы эпохи Возрождения, 3 // *Византийский временник*. 1981. Т. 42. С. 124–128.

Поскольку Маттеи был ученым, а не сановным вельможей и не располагал большим состоянием, с неизбежностью в научной литературе встал вопрос, каким образом и на какие средства университетский профессор приобретал эти редкие манускрипты и, в особенности, где и при каких обстоятельствах в его собрании оказалась уникальная рукопись *Илиады*.

С.А. Белокуров считал, что ученый похитил ее из Синодальной библиотеки³³ или из Архива Министерства иностранных дел³⁴. Однако ни одна из этих версий не имеет доказательств. Нет никаких свидетельств того, что рукопись когда-либо принадлежала Синодальной библиотеке, а побывавший в 1891 г. в Архиве Министерства иностранных дел Эдуард Тремер отверг возможность того, что Маттеи отделил и похитил вторую половину кодекса в этом книгохранилище³⁵. Между тем, Маттеи сам подробно изложил историю приобретения им манускрипта в письме Рункену от 8 февраля 1783 г.³⁶

Ученый редко писал о своей коллекции, в основном он делал это, когда издавал работу, основанную на данных своих манускриптов. В таком случае в описании исследованной рукописи он указывал ее местонахождение. Иногда, упоминая кодекс из своего собрания, он лаконично указывал «*meus*», иногда сообщал, где и как его приобрел. Отослав Рункену копию уникального гимна, Маттеи, однако, ничего не сообщил о самой рукописи и ее происхождении. Поскольку Рункен знал о работе Маттеи по каталогизации рукописей Синодальной библиотеки, он решил, что именно там ученый обнаружил этот фрагмент, о чем без всяких сомнений написал в предисловии к своему изданию. Маттеи тотчас опроверг это предположение и попросил Рункена убрать это сообщение из второго издания, которое тот собирался предпринять в скором времени³⁷.

Точные и подробные сведения о происхождении уникального фрагмента Маттеи изложил в письме Рункену лишь в 1783 г. Объяснение такому долгому нежеланию ученого сообщать о владении им столь редким памятником находим в его словах Рункену о том, что он очень боится

³³ Белокуров С.А. Арсений Суханов. М., 1891. Т. 1. С. 340.

³⁴ Белокуров С.А. О библиотеке московских государей... С. 22.

³⁵ Тремер Э. Библиотека Иоанна Грозного. М., 1891. С. 6.

³⁶ Письмо от 8 февраля 1783 г. – UBL: RUH 28. Fol. 23.

³⁷ Письмо Маттеи Рункену от 20 сентября 1780 г.: «*Sed redeo ad illam praefationem, in qua non nulla, coniectura ductus, quod nihil certi ex me audieras, de Codice Homeri prodidisse videris, quae in secunda istius libelli editione mutanda existimem. Nam ille codex, unde Hymnum in Cererem exscripsi, nec in bibliotheca S. Synodi servatur, nec, praeter fragmentum Iliados et Hymnorum, ullum alium librum complectitur*». – Ibid. Fol. 20 v. – 21. (*Перевод*: «Но возвращаюсь к тому предисловию, где Вы, кажется, обнародовали происхождение кодекса Гомера, основываясь лишь на Вашем предположении, поскольку ничего определенного Вы от меня не слышали и которое, я полагаю, должно быть изменено во втором издании этой книги. Ведь тот кодекс, откуда я скопировал гимн Церере, не хранится в Синодальной библиотеке и, кроме фрагмента *Илиады* и гимнов, не содержит никаких других сочинений»).

зависти и недоброжелательности некоторых людей, для которых достаточно малейшего подозрения, чтобы составить донос и выдвинуть против него обвинение. Подобные случаи в отношении приезжих профессоров не были редкостью в то время в России, и Маттеи, у которого были завистники, опасался за свою судьбу и за судьбу своей семьи небезосновательно. Сообщение Рункена о том, что в Синодальной библиотеке Маттеи обнаружил такой драгоценный памятник, тогда как на самом деле его там не было, могло подвергнуть ученого серьезной опасности. Однако Маттеи не упрекает в этом Рункена, а лишь говорит о том, что подобная поспешность может нанести вред вовсе не ему, но филологии в целом³⁸.

Впоследствии такая угроза, по-видимому, отпала, и Маттеи во всех деталях описал Рункену обстоятельства приобретения им этого фрагмента: «Итак, если рассказать вкратце, я извлек этот гимн не, как Вы могли бы подумать, из какой-либо библиотеки, но из сарая, где в течение многих лет он был сокрыт вместе со множеством книг, как рукописных, так и печатных, между цыплятами и поросятами»³⁹. Упомянутый сарай принадлежал пожилому коллежскому ассессору Карташеву⁴⁰, который приходился родственником некоему человеку, бывшему в то время профессором красноречия в Московском университете. Маттеи не указывает его имени, однако его нетрудно узнать – профессором красноречия был близкий друг ученого Антон Алексеевич Барсов (1730–1791)⁴¹. Именно он познакомил своего родственника, у которого в течение долгих лет в сарае на скотном дворе лежали без движения книги и рукописи, доставшиеся ему в качестве приданого от тестя, бывшего

³⁸ Письмо Маттеи Рункену от 20 сентября 1780 г.: «Si ergo homines malevolos et cupidos ante tempus attentos et cautos reddidero, timendum erit, ne id cum magno litterarum damno fecisse me poeniteat». – UBL: RUH 28. Fol. 21. (*Перевод*: «Если же я сообщу людям завистливым и жадным прежде, чем думающим и надежным, надо было бы бояться, что я пожалею, что нанес этим большой ущерб литературе»).

³⁹ Письмо Маттеи Рункену от 8 февраля 1783 г.: «Istum hymnum ergo, ut breviter expediam, non, ut Tu opinaris, ex bibliotheca aliqua, sed ex stabulo, ubi per plures annos cum libris pluribus tam scriptis, quam typis expressis, inter pullos et porcos latuerat, protraxi». – Ibid. Fol. 23.

⁴⁰ В настоящее время мы не располагаем точными сведениями об этом человеке. Возможно, речь идет об Алексее Ивановиче Карташеве, хотя известно, что он уже в конце 1760-х годов был в чине надворного советника.

⁴¹ Один из первых русских лингвистов, автор *Русской грамматики*, служил в Московском университете с момента его основания. Именно Антон Барсов как профессор красноречия говорил на торжественном акте, посвященном его открытию, *Речь о пользе учреждения Императорского Московского университета*, в которой он определил роль наук в жизни человека. Они призваны «хотя отчасти наградить урон, причиненный громким падением высоты естества нашего [т. е. грехопадением первого человека в раю], и возратить нам естество наше, возратить нас естеству нашему и тем содействовать к совершенствованию человека и к устройению возможного нам здесь благополучия». См.: Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Московского университета... Т. 1. С. 52.

некогда протопресвитером, с Маттеи, тотчас заинтересовавшимся этим никому не нужным богатством. Осмотрев эти книги, ученый отобрал для покупки некоторые из них, однако Карташев, который понял, что наконец-то сможет получить выгоду от бесполезного наследства, а другого такого случая может не представиться, потребовал, чтобы Маттеи купил все собрание⁴², что, по-видимому, и было сделано, поскольку в коллекции ученого оказалось еще несколько кодексов из собрания иеромонаха Дионисия: греческая грамматика 1634 г., «Описательная география» Дионисия Перизгета и единственная латинская рукопись коллекции Маттеи – Четвероевангелие XII в. (по указанию Маттеи в сарае Карташова было несколько латинских кодексов и книг). Одна из рукописей собрания Маттеи, вероятно, приобретенная тогда же, является автографом иеромонаха Дионисия, а именно рукопись Гесиода. На основании отсутствия помет о принадлежности Синодальной библиотеке рукописи Патерика и басен Синтипы Перса немецкий исследователь Оскар фон Гебхардт предположил и ее происхождение из библиотеки Дионисия⁴³.

Каким образом некий протопресвитер оказался владельцем фрагмента библиотеки янинского иеромонаха Дионисия, остается неизвестным. Как уже было указано, собрание Дионисия в 1690 г. было перевезено в Москву из Нежина, где Дионисий был учителем в греческой школе. В Нежине существовала значительная греческая колония, в конце XVII в. в нем было два греческих храма⁴⁴. 31 января 1690 г. в Севск прибыла царская грамота из Малороссийского приказа, в которой гетману Запорожского войска И. С. Мазепе предписывалось составить опись греческих книг Дионисия, находившихся в Нежине у некоего частного лица, и отправить их в Москву. В описи только шесть книг были обозначены как

⁴² Письмо Маттеи Рункену от 8 февраля 1783 г.: «Tandem quoque illum senex iste, post varias tergiversationes, ludos et frustrationes, quibus me de die in diem duxerat, ut reliquos libros prius emerem, cum iam ad obiurgationes et convicia descendissem, mihi vendidit. Fuit ille homo, nomine Kartatschew, Collegiorum Assessor ac cognatus nostri Professoris eloquentiae. Codicem vero illum cum aliis multis ac praestantissimis libris Graecis et Latinis haereditate acceperat a socero suo, qui quondam hic fuerat Protopresbyter». – UBL: RUH 28. Fol. 23. (Перевод: «Наконец этот старик и его тоже мне продал, после различных виланий, шуток и обмана, которыми он меня день за днем изводил, чтобы я прежде купил остальные книги, когда я уже дошел до порицания и ругани. Этот человек, по имени Карташев, был коллежским ассессором и родственником нашего профессора красноречия. Он же этот кодекс вместе со множеством других превосходнейших книг греческих и латинских получил в наследство от своего тестя, который некогда был здесь протопресвитером»).

⁴³ См.: Gebhardt O.V. Christian Friedrich Matthaei und seine Sammlung griechischer Handschriften. Ein Beitrag zur Geschichte der Moskauer Bibliotheken. Leipzig, 1898 (отд. оттиск из кн.: Centralblatt für Bibliothekswesen, XV. Jahrgang). S. 91.

⁴⁴ См.: Дмитриевский А.А. Греческие нежинские храмы и их капитальный вклад в Церковно-археологический музей при Киевской духовной академии // Православное обозрение. 1885. С. 370–400; Λασκαρίδης Χ. Π. Το καταστατικό της Ελληνικής εμπορικής κοινότητας στη Νίζνα της Ουκρανίας. Ιωάννινα, 1997.

рукописные, однако, исходя из сохранившихся в Посольском приказе, затем в Архиве Коллегии иностранных дел и, наконец, в РГАДА греческих кодексов собрания Дионисия, следует сделать вывод, что их было не менее 20⁴⁵. Рукопись *Илиады* Гомера обозначена в составе первой коробки под номером 9.

После поступления коробок в Малороссийский приказ в течение шести лет они простояли без движения⁴⁶. В 1696 г. было принято решение о передаче иноязычных книг Малороссийского и Посольского приказов на Печатный двор, что, однако, сделано не было⁴⁷. Иностранные книги Малороссийского приказа, в основном исключительно книги собрания иеромонаха Дионисия, были перевезены в Посольский приказ. В 1720 г. библиотека Посольского приказа переместилась в новое здание Архива Коллегии иностранных дел, располагавшееся на Варварке, так что книги и рукописи Дионисия снова пережили переезд. Вероятно, при одном из таких перемещений (скорее всего в 1720 г.) часть собрания Дионисия не достигла места назначения и осталась во владении некоего протопресвитера, который впоследствии передал их своему зятю.

Рукописи Дионисия представляли собой в основном учебные материалы, так что состояние их сохранности было соответствующим. Кодекс Гомера разделился на две части, одна из которых поступила в фонд Архива Коллегии иностранных дел, а вторая осталась в числе прочих у протопресвитера. По-видимому, тогда же в коллекцию ученого попали арабские рукописи и турецкий паспорт, которые Карташев заставил Маттеи купить вместе с остальным. Их присутствие в собрании Маттеи может быть еще одним свидетельством в пользу предположения причастности протопресвитера к делам Посольского приказа.

К сожалению, большими сведениями для определения других рукописей, принадлежавших собранию протопресвитера, который, по-видимому, понимал ценность этих материалов и намеренно собирал их, мы пока не располагаем. Сведения, приводимые Маттеи о приобретенных им рукописях, очень скудны. Возможно, его долгое молчание о происхождении рукописи Гомера и других манускриптов из сарая престарелого коллежского асессора было связано также с его желанием не навлечь чьего-либо подозрения и на Карташева, и на его тестя, а заодно и на Барсова. Может быть, в 1783 г. Карташев уже умер, и Маттеи мог свободно говорить о его собрании.

⁴⁵ См. подробное исследование, посвященное собранию Дионисия: *Фонкич Б.Л.* Собрания греческих рукописей в Москве последнего десятилетия XVII в.: Библиотека иеромонаха Дионисия // *Фонкич Б.Л.* Греческие рукописи и документы в России... С. 230–239.

⁴⁶ На обороте одной из описей сохранилась надпись: «Книги все против сей нижеписанной росписи указали великие государи в приказ Малыя России принять и записать в книгу и беречь подъячему, у которого в приеме, чтобы были все в целости и за печатью». См.: *Белокуров С.А.* О библиотеке московских государей... С. 63–64.

⁴⁷ Там же.

Извлеченная в конце XVIII в. со скотного двора рукопись *Илиады* в наши дни является важнейшим источником исследований в самых разных областях научного знания – от палеографии до истории науки и образования в России. Деятельность Х.Ф. Маттеи, ученого и педагога, более 40 лет своей жизни отдавшего преподаванию древних языков и словесности в высших учебных заведениях (в их числе – ведущие немецкие университеты, такие как Лейпцигский и Виттенбергский) и заложившего основы классической филологии в России и как науки, и как учебной дисциплины, является ярчайшей страницей истории немецко-русских связей. Его фигура – одна из ключевых в изучении проблем европейского Просвещения и восприятия его на русской почве.

Galina Tiourina

Le manuscrit «moscovite» de l'*Iliade* à la bibliothèque de l'Université de Leyde

Le progrès et l'institutionnalisation des sciences en Russie au XVIIIe siècle (avec la fondation de l'Académie des sciences de Saint-Pétersbourg en 1724 et de l'université de Moscou en 1755) ont stimulé l'intérêt pour la langue et la culture grecques. La guerre contre la Turquie a fait naître le «projet grec» de Catherine II, qui a renforcé ce mouvement. Le grec est devenu une des matières principales dans les écoles laïques et ecclésiastiques (séminaires). Les savants occidentaux invités en Russie comme professeurs ont apporté avec eux la tradition des études classiques de leurs universités d'origine et ont commencé à dépouiller les manuscrits grecs du IXe au XVIIe siècles apportés d'Orient et du mont Athos en Russie et conservés à la Bibliothèque (patriarcale) du Synode et à la Bibliothèque de l'Imprimerie du Synode au Kremlin de Moscou.

Le philologue allemand Christian Friedrich Matthaei (1744–1811), professeur à l'Université de Leipzig et de Moscou (depuis 1772) fut le premier à les étudier. Il a décrit ces manuscrits et a publié leur catalogue en latin à Leipzig en 1805. Cette édition a fait connaître la richesse de ces bibliothèques à toute la communauté scientifique de l'Europe. Moscou, qui se trouvait selon Bernard de Montfaucon «à l'extrémité de l'Europe», est devenu un des centres des études classiques.

Galina Tiourina attire l'attention des lecteurs sur le seul manuscrit grec d'Homère qui comprend l'hymne à Déméter, un manuscrit de l'*Iliade* du XVe siècle. Il fut découvert à Moscou en 1777 par Matthaei, qui en fit une copie et proposa à David Ruhnken de Leyde, spécialiste d'Homère, de le publier, ce qui a été fait en 1780. En 1786 Matthaei vendit une partie de ce manuscrit à la bibliothèque de l'Université de Leyde; l'autre partie est conservée aujourd'hui aux Archives des actes anciens de Moscou. G. Tiourina retrace l'histoire de ce manuscrit, essaie de comprendre pourquoi il a été divisé en deux parties et comment Matthaei a pu s'approprier la partie la plus précieuse et la vendre.

ЗНАНИЯ

PIERRE BRIANT

DES SCYTHES AUX TARTARES,
ET D'ALEXANDRE DE MACÉDOINE À PIERRE DE RUSSIE.
L'HISTOIRE DE L'EUROPE AU PASSÉ
ET AU PRÉSENT

Au cours de ses difficiles campagnes en Bactriane et Sogdiane (approximativement l'Afghanistan et l'Ouzbékistan actuels), Alexandre le Grand lança une offensive au-delà de l'Iaxartes (l'actuel Syr-Darya). Là, il se heurta aux redoutables armées que lui opposèrent divers peuples et royaumes scythes¹. Mon propos n'est évidemment pas de raconter les guerres d'Alexandre ni d'en donner une interprétation historique. Il est d'exposer et d'explicitier comment les érudits, philosophes et historiens du XVIIIe siècle ont intégré les textes anciens dans leurs propres représentations et réflexions sur les contacts entre civilisation et barbarie, et sur la mission bienfaisante que pouvait y réaliser éventuellement un 'conquérant civilisateur', – que celui-ci fût situé dans l'Antiquité ou dans le monde de leur temps².

Pour ce faire, je partirai d'un passage des *Histoires d'Alexandre* de Quinte-Curce, qui a suscité de nombreux commentaires contradictoires à l'époque des Lumières (VII.8.8-30). Voici de quoi il s'agit. Avant qu'Alexandre n'ait donné à ses troupes le signal de passer le fleuve, il fut abordé par une ambassade de vingt Scythes, qu'il reçut sous sa tente. Quinte-Curce, à ce point, donne la parole au plus âgé de ces légats, en assurant qu'il transmet la péroraison du Scythe «sans altérer la tradition (*incorrupta*)». Au demeurant, précise-t-il

© Pierre Briant, 2012

¹ Ceux que les Perses nommaient Sakas, comme le rappelle Arrien.

² Pour l'essentiel, je reprends le texte que j'ai présenté lors du Colloque d'Ostankino, en y ajoutant références aux textes anciens et à quelques études modernes plus spécifiques. J'ai fait récemment un point des recherches sur Alexandre dans mon livre *Alexander the Great and his empire* (Princeton UP, 2010); par ailleurs, les questions abordées ici sont traitées dans un contexte plus global dans mon livre *Alexandre des Lumières. Fragments d'histoire européenne* (NRF Essais). Paris: Gallimard, 2012.

par avance à destination de lecteurs dubitatifs, «à la différence des autres Barbares, les Scythes ne manquent ni de finesse ni de culture; certains passent même pour aptes à acquérir la sagesse». Il peut ainsi prêter à l'ambassadeur une rhétorique digne des meilleures écoles spécialisées de Rome.

Ce chef-d'œuvre de l'art oratoire est aisé à résumer en quelques phrases. Les Scythes sont des peuples libres: méprisant les villes et l'agriculture, ils vivent dans les déserts et les forêts; ils peuvent ainsi se déplacer aisément, au contraire d'un Alexandre chargé de butin, et, plus généralement, contrairement aux civilisés attachés à «leurs champs et leurs villes opulentes». Si Alexandre lance une expédition, ils s'enfuiront devant lui en refusant le combat. L'ambassadeur dénonce l'ambition insatiable et absurde du conquérant macédonien, car, à supposer même qu'il «dompte tout le genre humain (*humanum genus omne*)», il ne pourra l'emporter «contre les forêts, les neiges, les fleuves et les bêtes sauvages». Alexandre mène une guerre injuste, puisque eux-mêmes, les Scythes, «n'ont jamais touché [son] royaume». D'où cette apostrophe méprisante: «Mais toi qui te vantes d'aller à la poursuite des bandits (*latrones*), pour tous les peuples où tu es parvenu, c'est toi le bandit (*latro*)». Comme l'a remarqué un exégète récent des recherches menées sur ce texte à partir de 1927–1928, le discours «est la reproduction de scène-cliché souvent reprise dans l'historiographie antique qui se fait l'écho de l'exaltation des vertus des barbares face aux vices du monde civilisé»; il souligne aussi que ces *topoi* «sont présents dans une longue tradition, depuis Hérodote jusqu'à Salluste et à Trogue [-Pompée]»³. Mais comment a-t-on considéré et utilisé le passage chez les érudits, historiens, philosophes et moralistes des XVIIe et XVIIIe siècles? Telle est la question que je voudrais ici aborder.

L'intérêt pour le discours de l'ambassadeur scythe a une longue histoire, dont je n'évoquerai que quelques étapes, à travers des auteurs qui, alors, ont consacré des réflexions à la manière d'écrire l'histoire, et au crédit que l'on pouvait accorder, ou non, aux harangues transmises par les auteurs anciens⁴. En 1636, dans son *Arte Istorica*, Agostino Mascardi, sur des critères purement formels, mit en doute la réalité du discours mis dans la bouche de l'ambassadeur scythe⁵. Dix ans plus tard, en s'opposant explicitement à l'érudit italien, La Mothe Le Vayer prit une position inverse: le discours de l'ambassadeur scythe – écrit-il – correspond si bien au caractère scythe «qu'[il] passe dans mon esprit pour une copie sur le véritable original». La source peut en être Ptolémée, Aristobule ou quelque autre témoin oculaire. Au demeurant – ajoute-t-il –, on retrouve les

³ Voir *Ballesteros-Pastor L.* Le discours du Scythe à Alexandre le Grand (Quinte-Curce 7.8.12–30) // *Rheinisches Museum*. 2003. N 146/1. P. 23–37.

⁴ Voir également *Volpilhac-Auger C.* Parler au peuple, parler au roi: la question des harangues (XVIIe– XVIIIe siècles) // *Des voix dans l'histoire / Sous la dir. de C. Volpilhac-Auger et L. Guellec*. Rennes, 2010. P. 57–74.

⁵ *Mascardi A.* Dell'arte istorica, trattati cinque [1636]. Ultima impressione. Venetia: presso Paolo Baglioni, 1674. P. 446–447. Sur l'ouvrage de Mascardi et son jugement sur les harangues, voir *Daunou P.* Cours d'études historiques. VII: Art d'écrire l'histoire. Paris, 1844. P. 82–91.

mêmes façons de s'exprimer chez «les Scythes et les Tartares». On doit donc considérer que ces «propos sentencieux» doivent être reçus avec confiance «à cause de l'air qu'ils ont de leur païs, et de cette rare façon de s'exprimer qui n'a presque rien du Grec ni du Latin». Ce jugement vient au cours du chapitre consacré par Le Vayer à Quinte-Curce⁶.

À partir de cette date, le passage ne cessera d'être intégré aux discussions sur la crédibilité dont on doit créditer ou non l'auteur latin par comparaison avec Arrien, – les partisans d'Arrien émettant régulièrement les plus vives réserves sur les discours chez Quinte-Curce⁷. Les propos de Le Vayer illustrent en outre une des méthodes couramment adoptées par les exégètes: rapprocher l'ancien monde (les Scythes) du monde connu à l'époque moderne (les Tartares), et postuler une permanence invariante des mœurs et des coutumes. Ce postulat peut ouvrir la voie à une exaltation des mœurs barbares ou à une condamnation sans appel. Il en est de même du rapprochement fait entre le discours scythe de Quinte-Curce et celui que Tacite prête au chef calédonien Galgagus dans l'*Agricola*⁸.

Ce thème a déjà été abordé et traité avec science et talent par Rolando Minuti dans son livre de 1994, *Oriente barbarico*⁹. Il y a fort bien montré que deux courants historiographiques ont existé et se sont opposés au cours du XVIIIe siècle. Une position favorable aux Scythes-Tartares était très répandue chez des auteurs qui ont écrit sur Tamerlan à partir de sources provenant de ce côté. C'est le cas de l'*Histoire du Grand Tamerlan* de Sharaf al-Dîn Ali, connue en Europe par la traduction-adaptation publiée en français par le Sieur de Sainctyon en 1677. Dans sa Préface, Sainctyon assure vouloir réagir contre «les historiens sujets ou tributaires des Othomans». Dans une seconde préface, Tamerlan est rapproché de grands rois et conquérants du passé, Cyrus, Alexandre et César: «Comme des demi-dieux, [ils] viennent remettre l'ordre où régnait la confusion, ainsi que de charitables Médecins viennent purger la nature corrompue de ses mauvaises humeurs»¹⁰. On con-

⁶ La Mothe Le Vayer F. de. Jugements sur les anciens et principaux historiens grecs et latins dont il nous reste quelques ouvrages [1646] // La Mothe Le Vayer F. de. Œuvres. Nouvelle édition revue et augmentée. Dresde: chez Michel Groell, 1761. T. IV/1. P. 225–226.

⁷ Voir par exemple: Arrian's History of Alexander's expedition, translated from the Greek, with notes historical, geographical and critical / by Mr. Rooke. In two volumes. (...) To which is prefix'd Mr le Clerc's criticism upon Quintus Curtius and some remarks upon Mr Perizonius's vindication of that author. London: printed for T. Worrall at the Judge's Head in Fleet-street; J. Gray at the Cross-Keys in the Poultry; L. Gilliver at Homer's Head in Fleetstreet; and R. Willock, at Sir Isaac Newton's Head in Cornhill, 1729. T. 1. P. X–XV; sur ces discussions en Europe, voir mon livre *Alexandre des Lumières*, chapitre 2.

⁸ Voir par exemple Gillies J. Histoire de l'ancienne Grèce, de ses colonies et de ses conquêtes, depuis les premiers temps, jusqu'à la division de l'Empire Macédonien / Traduite de l'anglais de John Gillies, par M. Carra. Paris: chez Buisson, 1788. T. VI. P. 241–242 (longue note).

⁹ Minuti R. Oriente barbarico e storiografia settecentesca: rappresentazioni della storia dei Tartari nella cultura francese del XVIII secolo. Venezia, 1994.

¹⁰ Sainctyon [Sieur de]. Histoire du Grand Tamerlan tirée d'un excellent manuscrit et de quelques autres originaux, très propre à former un grand capitaine. Paris: chez André Pralard, 1677. Préface. P. 1–2.

naît aussi une *Histoire de Timur-Bec* grâce à la traduction de François Pétis de la Croix (1653–1713), publiée après sa mort par son fils Alexandre-Louis-Marie. Dans son *Épître à Monseigneur Bignon*, Pétis (le fils) met en relief l'amour du conquérant «pour les Arts et les Sciences», et ses fondations de toutes sortes (villes, villages, châteaux, murailles etc.), reprenant en résumé de longs développements en ce sens de l'auteur persan, en particulier dans la conclusion du chapitre XLVIII¹¹. En 1787, Langlès diffuse une image identique, en traduisant une chronique qui venait de la cour de Timour, et en donnant un exposé sur «la vie de Timour d'après les auteurs orientaux»¹². Le passage de Quinte-Curce dont je suis parti n'est jamais très loin, soit sous forme suggérée, soit sous forme explicite¹³. Considérons simplement la préface écrite par Antoine Galland pour la célèbre *Bibliothèque Orientale* de Barthélemy d'Herbelot:

Quant aux mœurs de ces Nations, on ne les trouvera pas différentes de celles que Quinte-Curce a décrites en parlant des Scythes qui ont été les mêmes peuples. On remarquera en eux la même manière de vivre, la même simplicité, la même candeur, les mêmes sentiments, et à peu près le même mépris pour toute sorte d'ambition <...>¹⁴

Sans prétendre à une illusoire exhaustivité, examinons maintenant quelques-unes des réflexions faites à ce sujet par les historiens et historiens-philosophes qui ont traité de l'histoire d'Alexandre dans le cours du XVIIIe siècle. Tout courant choisit l'image favorable de Scythes à la fois libres et sages. C'est l'interprétation que choisit sans hésiter Rollin dans son *Histoire ancienne*. La raison n'en est pas qu'il aurait mené une analyse critique préalable de Quinte-Curce. Beaucoup plus simplement, une paraphrase servile lui permet de porter une nouvelle condamnation contre un Alexandre, coupable, à ses yeux, d'avoir mené des guerres injustes contre des peuples qui ne

¹¹ Histoire de Timur-Bec connu sous le nom de Grand Tamerlan, empereur des Mogols et Tartares, en forme de Journal historique de ses victoires et conquêtes dans l'Asie et dans l'Europe, écrite en persan par Cherefeddin Ali, natif d'Yezd, auteur contemporain. Traduite en français par feu Monsieur Pétis de La Croix. Avec des notes historiques, & cartes géographiques. Paris: chez André Cailleau, 1722. T. IV. P. 300–301.

¹² Langlès L. Instituts politiques et militaires de Tamerlan, proprement appelé Timour, écrits par lui-même en Mogol et traduits en français sur la version persane d'Abou-Taleb-al-Hosseini, avec la vie de ce Conquérant, d'après les meilleurs auteurs orientaux, des notes et des tables historique, géographiques etc. Paris: chez Née de la Rochelle, Lottin de Saint-Germain, Didot fils l'aîné, 1787. P. 33–122.

¹³ Voir la Préface de J. Cléland: «Le moyen d'imaginer que parmi des peuples barbares, il se trouve un homme de génie! Convenons de bonne fois que le nom de Tamerlan a beaucoup nui parmi nous à la gloire de ce Héros <...> Si le grand Alexandre se plaignait de ne point avoir un Homère pour célébrer ses exploits, Timour n'avait point d'Arrien ni de Quinte-Curce pour transmettre les siens à la postérité» (Langlès L. Op. cit. P. 2–3).

¹⁴ Galland A. Discours pour servir de Préface à la Bibliothèque Orientale // Herbelot de Molainville B. d'. Bibliothèque orientale ou dictionnaire universel contenant généralement tout ce qui concerne la connaissance des Peuples de l'Orient, leurs histoires véritables ou fabuleuses etc. Paris: Compagnie des libraires, 1697. P. VII.

lui avaient fait aucun mal, et qui, en raison de leurs vertus, ne méritaient pas d'être traités de la sorte. Rollin reprend contre le roi l'accusation de brigandage portée par l'ambassadeur scythe, puis, y ajoutant celle de «piraterie», il commente, sans hésiter ni balancer: «Voilà la juste définition d'Alexandre, et dont il n'y a rien à rabattre»¹⁵. D'autres auteurs reprennent la substance du discours de l'ambassadeur scythe, mais, pour justifier leur démarche, ils établissent explicitement des rapprochements qui n'étaient que suggérés chez La Mothe Le Vayer. C'est le cas de l'abbé Guyon dans son *Histoire des empires*, en 1736. Conscient des discussions récurrentes, il choisit son camp, en proposant la remarque suivante, sans malheureusement s'y attarder: «J'ai lu une harangue des sauvages du Canada à l'Intendant de Québec en 1726, pour le moins aussi belle que celle-ci»¹⁶. La méthode était déjà courante. Elle est systématiquement et explicitement employée par le Père Lafitau, qui pourrait bien avoir inspiré Guyon. En 1721, Lafitau déclare mener un parallèle constant entre les mœurs des Américains avec celles des Anciens, «parce qu'il n'y a pas un seul trait des mœurs de ceux-là qui n'ait son exemple dans l'Antiquité»¹⁷. Il ne manque pas, par exemple, de rapprocher les Hurons et les Iroquois des peuples de la Thrace asiatique, qui s'établirent jusque dans l'Ariane, autrement dit dans les différents pays du Plateau iranien¹⁸; et les Thraces appartiennent à la même famille que les Scythes¹⁹. Sous forme d'évidence, on retrouve le raisonnement dans l'article «Tartares, (*Géogr. anc.*)» de l'*Encyclopédie*, sous la signature du chevalier de Jaucourt²⁰: le rapprochement, en lui-même, permet de comprendre pourquoi «les sauvages de l'Amérique sont si peu attachés à leur propre religion, et pourquoi, depuis que nos missionnaires leur ont fait bâtir au Paraguai des églises, ils sont devenus zélés pour la nôtre», – formule que Jaucourt emprunte à *L'Esprit des lois* (XXV, 3). L'auteur de l'article «Scythes, Thraces et Gètes, philosophie des» (Diderot) prend lui aussi préférentiellement ses références chez les Scythes d'Europe, bien connus en particulier par le Livre IV d'Hérodote. Il feint de s'étonner:

¹⁵ Rollin C. *Histoire ancienne* // Rollin C. *Œuvres complètes / Nouvelle édition accompagnée d'observations et d'éclaircissements historiques*, par M. Letronne. Paris: F. Didot, 1821. T. 6 (*Histoire d'Alexandre*). P. 361–362.

¹⁶ Guyon Cl.-M. *Histoire des empires et des républiques depuis le Déluge jusqu'à Jésus-Christ*. Où l'on voit dans celle d'Égypte et d'Asie la liaison de l'Histoire Sainte avec la profane; et, dans celle de la Grèce, le raport de la Fable avec l'Histoire. Paris: chez Hippolyte-Louis Guerin, Jean Villette Fils et Charles J.B. Delespine le Fils, 1736. T. IV (*Les Macédoniens*). P. 434. N 1.

¹⁷ Lafitau J.F. *Mœurs des sauvages américains comparées aux mœurs des premiers temps*. Paris: chez Saugrain l'aîné et Ch. Estienne, 1724. T. 1. P. 18. Sur le «comparatisme» de l'auteur, voir *Motsch A.* Lafitau et l'émergence du discours ethnographique. Québec, Paris, 2001.

¹⁸ Lafitau J.F. *Op. cit.* T. 1. P. 92.

¹⁹ *Ibid.* P. 41.

²⁰ *Encyclopédie, ou dictionnaire raisonné des sciences, des arts et des métiers / par une société des gens de lettres*. Paris: chez Briasson, David l'aîné, Le Breton, Durand, 1765. Vol. 15. P. 924.

Les Scythes grossiers ont joui d'un bonheur que les peuples de la Grèce n'ont point connu. Quoi donc! L'ignorance des vices serait-elle préférable à la connaissance de la vertu; & les hommes deviennent-ils méchants & malheureux, à mesure que leur esprit se perfectionne & que les simulacres de la divinité se dégrossissent parmi eux?²¹

Ailleurs Jaucourt fait à nouveau référence au discours de Quinte-Curce, et il l'utilise dans le cadre d'une réflexion sur «la liberté naturelle». «C'est sur ce fondement» – explique-t-il dans l'article «Estime» – que

les Scythes répondirent autrefois à Alexandre: «N'est-il pas permis à ceux qui vivent dans les bois, d'ignorer qui tu es, & d'où tu viens? Nous ne voulons ni obéir ni commander à personne». Aussi les sages mettent au rang des sottises opinions du vulgaire, d'*estimer* les hommes par la noblesse, les biens, les dignités, les honneurs, en un mot toutes les choses qui sont hors de nous²².

Dans son article «Tartares ou Tatars, (*Géogr. Mod.*)», le chevalier de Jaucourt justifiait la longueur de ses propos par le livre de Joseph de Guignes auquel il renvoyait. Il disait aussi sa dette à l'égard de Voltaire:

Mais depuis que les *Tartares* de l'Orient, ayant subjugué une seconde fois la Chine dans le dernier siècle, n'ont fait qu'un état de la Chine, & de la Tartarie orientale: depuis que l'empire ottoman s'est abâtardi dans la mollesse & l'oisiveté; depuis que l'empire de Russie s'est étendu, fortifié, & civilisé; depuis enfin que la terre est hérissée de remparts bordés d'artillerie, les grandes émigrations de tels peuples ne sont plus à craindre; les nations polies sont à couvert des irruptions de ces nations barbares. Toute la Tartarie, excepté la Chine, ne renferme plus que des hordes misérables, qui seraient trop heureuses d'être conquises à leur tour, s'il ne valait pas encore mieux être libre que civilisé. Toutes ces réflexions par lesquelles je finis, sont de M. de Voltaire²³.

Voltaire a en effet fréquemment abordé les personnages d'Alexandre le Grand et de Pierre le Grand. C'est à partir de la rencontre entre le souvenir (reconstitué) de l'un et de l'autre en Asie centrale (à la fois «scythe» et «tartare») qu'il a proposé une comparaison entre ceux qu'il considérait comme des conquérants-civilisateurs. On rappellera d'abord que, si Voltaire n'a jamais consacré un ouvrage au conquérant macédonien, il n'a cessé de dire et de redire son admiration pour un conquérant qui a plus construit qu'il n'a détruit, et qui, en particulier, a élevé des villes qui étaient encore à l'époque moderne des relais du grand commerce international entre l'Est et l'Ouest. Je cite simplement une déclaration faite dès 1736 dans ses *Conseils à un*

²¹ Ibid. Vol. 14. P. 849. Voir *Morin R.* Diderot, l'*Encyclopédie* et le Dictionnaire de Trévoux // *Recherches sur Diderot et sur l'Encyclopédie.* 1989. N 7. P. 90.

²² Encyclopédie... Paris, 1755. Vol. 5. P. 1003.

²³ Ibid. 1765. Vol. 15. P. 926.

journaliste, qui deviendra comme le leitmotiv de son appréciation sur le conquérant macédonien, sur une période de quarante ans²⁴:

Représentez-le donnant des lois au milieu de la guerre, formant des colonies, établissant le commerce, fondant Alexandrie et Scanderon, qui sont aujourd'hui le centre du négoce de l'Orient. C'est par là surtout qu'il faut considérer les rois, et c'est ce qu'on néglige²⁵.

Telle est la raison pour laquelle Voltaire récuse le parallèle entre Alexandre et Tamerlan proposé par ceux qu'il appelle «les auteurs orientaux». Déjà au chapitre LX de l'*Essai sur les mœurs*, il avait accusé Gengis-khan de n'avoir fait que détruire et dévaster au cours de ses campagnes²⁶. Il revient sur la question au chapitre LXXXVIII consacré à Tamerlan que les Orientaux comparent à Alexandre:

mais [il est] fort inférieur au Macédonien, en ce qu'il naquit chez une nation barbare, et qu'il détruisit beaucoup de villes comme Gengis, sans en bâtir une seule: au lieu qu'Alexandre, dans une vie très courte, et au milieu de ses conquêtes rapides, construisit Alexandrie et Scanderon, rétablit cette même Samarcande, qui fut depuis le siège de l'empire de Tamerlan, et bâtit des villes jusque dans les Indes, établit des colonies grecques au-delà de l'Oxus, envoya en Grèce les observations de Babylone, et changea le commerce de l'Asie, de l'Europe et de l'Afrique, dont Alexandrie devint le magasin universel. Voilà, ce me semble, en quoi Alexandre l'emporte sur Tamerlan, sur Gengis, et sur tous les conquérants qu'on lui veut égaler²⁷.

Le renouveau du commerce lié à la fondation de villes est l'une des constantes du discours de Voltaire sur Alexandre. Toujours dans l'*Essai*, le chapitre CXLI est consacré aux *Découvertes des Portugais*. Il ne manque pas

²⁴ Voir en 1776 son portrait encore plus élogieux s'il est possible: «Si je voulais connaître Alexandre, je me le représenterais à l'âge de vingt ans, succédant au généralat de la Grèce qu'avait eu son père, soumettant d'abord tous les peuples, depuis les confins de la Thrace jusqu'au Danube, vainqueur des Thébains, qui s'opposaient à ses droits de général, conduisant trente-cinq mille soldats aguerris contre les troupes innombrables de ces mêmes perses qui depuis vainquirent si souvent les Romains, enfin allant jusqu'à l'Hydaspe dans l'Inde, parce que c'était là que finissait l'empire de Darius. Je regarderais cette guerre mémorable comme très légitime, puisqu'il était nommé par toute la Grèce, malgré Démosthène, pour venger tous les maux que les rois de Perse avaient faits si longtemps aux Grecs, et qu'il méritait d'eux une reconnaissance éternelle. Je m'étonnerais qu'un jeune héros, dans la rapidité de ses victoires, ait bâti cette multitude de villes, en Égypte, en Syrie, chez les Scythes et jusques dans les Indes; qu'il ait facilité le commerce de toutes les nations, et changé toutes ses routes en fondant le port d'Alexandrie. J'oserais lui rendre grâce au nom du genre humain.» (Voltaire. La Bible enfin expliquée (ch. «Les Maccabées») // Voltaire. Œuvres complètes / Éd. par L. Moland. Paris, 1880. T. 30. P. 271).

²⁵ OCV. T. 20A. P. 482.

²⁶ Voltaire. *Essai sur les mœurs et l'esprit des nations et sur les principaux faits de l'histoire depuis Charlemagne jusqu'à Louis XIII* / Éd. par R. Pomeau. Paris, 1990. T. 1. P. 611.

²⁷ Ibid. P. 807.

alors d'évoquer le précédent d'Alexandre, qu'il inscrit dans une vaste perspective historique incluant le voyage de Vasco de Gama :

Alexandre, que des déclamateurs n'ont regardé que comme un destructeur, et qui cependant fonda plus de villes qu'il n'en détruisit, homme sans doute digne du nom de *grand* malgré ses vices, avait destiné sa ville d'Alexandrie à être le centre du commerce et le lien des nations²⁸.

Quinte-Curce, le «rhéteur et déclamateur», est vivement attaqué dans le chapitre XIV du *Pyrrhonisme de l'histoire* : «Toutes ces harangues des historiens seraient fort belles dans un poème épique (...) Elles sont l'apanage de la fiction (...)». À ses yeux, les Tartares ne sont rien d'autre que les descendants directs des Scythes de l'Antiquité, et ils revêtent les mêmes caractéristiques de prédateurs²⁹. Face à eux, Alexandre vient rétablir l'ordre, étendre la civilisation, et «changer le commerce de l'univers». Quinte-Curce est aussi violemment dénoncé dans le chapitre XIV de l'Introduction de l'*Essai* consacré à «Scythes et Gomérites» :

Pourquoi Quinte-Curce, en parlant des Scythes qui habitaient au nord de la Sogdiane, au delà de l'Oxus (qu'il prend pour le Tanaïs, qui en est à cinq cents lieues), pourquoi, dis-je, Quinte-Curce met-il une harangue philosophique dans la bouche de ces barbares? Pourquoi suppose-t-il qu'ils reprochent à Alexandre sa soif de conquérir? Pourquoi leur fait-il dire qu'Alexandre est le plus fameux voleur de la terre, eux qui avaient exercé le brigandage dans toute l'Asie si longtemps avant lui? Pourquoi enfin Quinte-Curce peint-il ces Scythes comme les plus justes de tous les hommes? La raison en est que, comme il place en mauvais géographe le Tanaïs du côté de la mer Caspienne, il parle du prétendu désintéressement des Scythes en déclamateur.

Si Horace, en opposant les mœurs des Scythes à celles des Romains, fait en vers harmonieux le panégyrique de ces barbares, (...) c'est qu'Horace parle en poète un peu satirique, qui est bien aise d'élever des étrangers aux dépens de son pays.

C'est par la même raison que Tacite s'épuise à louer les barbares Germains, qui pillaient les Gaules et qui immolaient des hommes à leurs abominables dieux. Tacite, Quinte-Curce, Horace ressemblent à ces pédagogues qui, pour donner de l'émulation à leurs disciples, prodiguent en leur présence des louanges à des enfants étrangers, quelque grossiers qu'ils puissent être³⁰.

Dans l'*Histoire de Russie*, cette perspective l'amène à comparer directement Alexandre et Pierre le Grand. Déjà proposée par Fontenelle dans l'*Éloge de Pierre le Grand* à l'Académie des Sciences, à propos d'Alexandrie et de Saint-Pétersbourg³¹, la comparaison vient alors que Voltaire parle des expé-

²⁸ Ibid. Paris, 1990. T. 2. P. 309–310.

²⁹ Sur ce thème, voir *David J.* Les Scythes et les Tartares dans Voltaire et quelques uns de ses contemporains // *Modern Languages Notes*. 1938. N 53/1. P. 1–10.

³⁰ *Voltaire*. *Essai sur les mœurs...* T. I. P. 50–51.

³¹ *Fontenelle B.* *Éloge du Czar Pierre I* // *Histoire de l'Académie Royale des Sciences*. Année M.DCCXXV. Avec les Mémoires de Mathématique & de Physique, pour la même Année. Tirés des Registres de cette Académie. Amsterdam: chez Pierre Mortier, 1732. P. 105–128.

ditions de Pierre vers l'Asie centrale (1722), là même où Alexandre est connu pour s'être opposé aux Scythes (IIe partie, ch. XVI: «Des conquêtes en Perse»). Voltaire rapporte que, appelé au secours par le Shah de Perse, le Czar ne manqua pas d'y répondre, car «Pierre méditait depuis longtemps le projet de dominer sur la mer Caspienne par une puissante marine, et de faire passer par ses États le commerce de la Perse et d'une partie de l'Inde»³². L'arrivée de l'armée russe à Derbent suggère à Voltaire de faire le lien entre Pierre et Alexandre, à travers le danger présenté par les barbares, constant depuis l'Antiquité. En effet,

Il reste encore les débris d'une ancienne muraille, semblable à celle de la Chine, qu'on avait bâtie dans le temps de la plus haute antiquité; elle était prolongée des bords de la mer Caspienne à ceux de la mer Noire, et c'était probablement un rempart élevé par les anciens rois de Perse, contre cette foule de hordes barbares qui habitaient entre ces deux mers³³.

Et Voltaire de faire référence à ce point aux sources antiques sur Alexandre, à savoir Quinte-Curce et Arrien, et de mettre en doute leurs informations géographiques, puis d'ajouter une nouvelle fois une attaque contre «les auteurs qui se sont plus dans tous les temps à tromper les hommes et combien ils ont préféré une vaine éloquence à la vérité». C'est à ce point qu'il dénonce le discours scythe que l'on trouve dans Quinte-Curce:

Quinte-Curce met dans la bouche de je ne sais quels Scythes un discours admirable, plein de modération et de philosophie, comme si les Tartares de ces climats eussent été autant de sages, et comme si Alexandre n'avait pas été le général nommé par les Grecs, contre le roi de Perse, seigneur d'une grande partie de la Scythie méridionale et des Indes. Les rhéteurs qui ont cru imiter Quinte-Curce, se sont efforcés de nous faire regarder ces sauvages du Caucase et des déserts, affamés de rapine et de carnage, comme les hommes du monde les plus justes; et ils ont peint Alexandre vengeur de la Grèce, et vainqueur de celui qui voulait l'asservir, comme un brigand qui courait le monde sans raison et sans justice³⁴.

Puis vient le rapprochement que le lecteur attend entre le conquérant du passé et celui du présent:

On ne songe pas que ces Tartares ne furent jamais que des destructeurs, et qu'Alexandre bâtit des villes dans leur propre pays; c'est en quoi j'oserais comparer Pierre le Grand à Alexandre; aussi actif, aussi ami des arts utiles, plus appliqué à la législation, il voulut changer comme lui le commerce du monde, et bâtit ou répara autant de villes qu'Alexandre³⁵.

³² Voir OCV. T. 47. P. 918.

³³ Ibid. P. 921.

³⁴ Ibid. P. 923.

³⁵ Ibid. P. 923–924.

Le rapprochement est fondé aux yeux de Voltaire, du fait d'une équivalence absolue entre les Scythes et «ces mêmes barbares que nous avons depuis appelés Tartares, [et qui] tantôt, sous le nom de Monguls ou de Huns, (...) ont asservi la Chine et les Indes; tantôt, sous le nom de Turcs, ont chassé les Arabes qui avaient conquis une partie de l'Asie»³⁶. Comment donc des compilateurs anciens et modernes peuvent-ils «encore aujourd'hui» en vanter l'équité «quand ils copient Quinte-Curce?»³⁷

Qui plus est, il est clair que des Tartares aux Turcs, la distance n'est pas plus grande que celle qui sépare et unit les Scythes et les Tartares: «Ils [les Turcs], – écrit-il encore dans le chapitre LIII de l'*Essai* – «étaient compris parmi ces Tartares que l'Antiquité nommait Scythes»³⁸. Puis il ajoute, en écho à des préoccupations typiquement contemporaines:

Et ce qui est plus admirable, c'est qu'en 1770, temps auquel nous écrivons, Catherine II poursuit en Europe et en Asie les Turcs fuyant devant ses armées, et les fait trembler dans Constantinople. Ses soldats sont aussi terribles que sa cour est polie; et, quel que soit l'événement de cette grande guerre, la postérité doit admirer la Thomiris du Nord: elle mérite de venger la terre de la tyrannie turque³⁹.

Pour des raisons qui tiennent aussi à des préoccupations de politique contemporaine, Voltaire n'a donc nulle volonté d'admirer les Scythes vus par le talent oratoire de Quinte-Curce. Sans qu'il soit nécessaire d'y insister, il est clair que le débat sur les Scythes et la vertu nourrit un plus vaste débat chez les historiens d'aujourd'hui, celui du «mirage russe»⁴⁰.

Du côté des historiens du XVIIIe siècle, examinons l'exemple du baron de Sainte-Croix, dans son *Examen critique des anciens historiens d'Alexandre*: lauréat de l'Académie Royale des Inscriptions et Belles-Lettres en 1772, il publia deux éditions imprimées de son mémoire, en 1775 puis en 1804⁴¹. Il eut lui aussi l'occasion d'aborder la question. La discussion érudite y est étroitement liée à des images opposées d'Alexandre et à des conceptions très tranchées sur l'évolution du genre humain, de la barbarie à la civilisation. On ne s'étonnera pas qu'il prenne une position contraire à celle de Voltaire, sur ce point aussi. Il mena avec une particulière conviction le parallèle entre peuples de l'Amérique et peuples scythes d'outre-Iaxartes. Déjà évoquée dans le manuscrit de 1771, la question est traitée longuement en 1775, puis, avec

³⁶ *Voltaire*. *Essai sur les mœurs...* T. 1. P. 51.

³⁷ *Ibid.* P. 52.

³⁸ *Ibid.* P. 552.

³⁹ *Ibid.* P. 52.

⁴⁰ Voir, en écho et en réponse à l'ouvrage fameux d'Albert Lortholary (*Lortholary A. Le mirage russe en France au XVIIIe siècle*. Paris, 1951), le recueil plus récent: *Le mirage russe au XVIIIe siècle / Textes publiés par S. Karp et L. Wolff*. Ferney-Voltaire, 2001.

⁴¹ Sur l'auteur et son œuvre, voir mon livre *Alexandre des Lumières, passim*, en particulier le chapitre 5, également 8, où l'on trouvera de nombreux développements sur la position de Sainte-Croix face aux développements et aux thèses de Voltaire.

plus de détails encore, dans la version de 1804. Sans citer La Mothe le Vayer, Sainte-Croix lui emprunte plusieurs considérations et la conclusion sur la valeur de Quinte-Curce: «c'est donc injustement qu'on en a attaqué la vraisemblance», – écrit-il⁴². En effet, «moins les peuples sont civilisés, plus leur langage est figuré; les métaphores sont plus hardies & plus familières dans leur conversation, qu'elles ne le sont dans notre poésie épique»⁴³. Comme l'abbé Guyon (qu'il ne cite pas), il trouve «beaucoup de rapport entre le discours des Scythes & ceux des sauvages: l'imagination d'un peuple qui n'a pas le malheur d'être enchaîné par nos besoins & subjugué par nos préjugés sera sans doute mûe par tous les grands objets de la nature ; tout ce qui intéresse la conservation & la liberté de ce même peuple, est pour elle un puissant ressort»⁴⁴. Il cite aussi en exemple la manière qu'avaient les Scythes et qu'ont les sauvages de l'Amérique d'enlever «la chevelure à leurs ennemis»⁴⁵. J'ai tout lieu de croire que Sainte-Croix a trouvé le parallèle chez Lafitau, bien qu'il ne le cite pas⁴⁶. Dans son édition de 1804, où il donne une traduction exhaustive du passage de Quinte-Curce, l'auteur ajoute un élément, très convaincant à son avis, à la comparaison déjà proposée entre Scythes et sauvages de l'Amérique⁴⁷. À cette fin, il renvoie à un discours tenu par un chef de la nation iroquoise, celle des Oneidas, lorsque fut débattue chez eux la question de savoir s'ils devaient cultiver la terre. Entre-temps, Sainte-Croix avait en effet consulté le *Voyage dans la Haute Pennsylvanie et dans l'État de New York*, paru à Paris en 1801. L'auteur en était l'Américain d'origine française, J. Hector St. John de Crèvecoeur, désigné comme «membre adoptif de la nation Oneida». Au sein du conseil réuni pour discuter de cette importante question, le chef Kohassen, un Oneida, disait à ses pairs, du moins selon les propos qui lui sont attribués par l'observateur européen: «En vivant comme les Blancs, nous cesserons d'être ce que nous sommes, les enfants de notre Dieu, qui nous a faits chasseurs et guerriers»⁴⁸. Des Scythes anciens aux Iroquois modernes, le rapprochement était d'autant plus évident qu'il était déjà proposé par l'éditeur du texte de Crèvecoeur (à savoir son frère). On y lit en effet, en

⁴² Sainte-Croix G.-E.-J. *Guilhem de Clermont-Lodève de*. Examen critique des anciens historiens d'Alexandre le Grand. Paris: chez Dessain Junior, 1775. P. 87.

⁴³ Ibid.

⁴⁴ Ibid. P. 88.

⁴⁵ Ibid. P. 280.

⁴⁶ Voir Lafitau J.F. Op. cit. T. 1. P. 257 (à propos des chevelures des ennemis).

⁴⁷ Sainte-Croix G.-E.-J. *Guilhem de Clermont-Lodève de*. Examen critique des anciens historiens d'Alexandre le Grand. 2e édition. Paris: Imprimerie de Delance et Lesueur, 1804. P. 323–331.

⁴⁸ Crèvecoeur M.-G. *Jean de (dit John Hector St. John de)*. *Voyage dans la Haute Pennsylvanie et dans l'État de New-York*, par un membre adoptif de la Nation Oneida, traduit et publié par l'auteur des *Lettres d'un cultivateur américain*. Paris: Imprimerie de Crapelet, chez Maradan, 1801. T. 1. P. 121. Sur cet ouvrage, voir Plet F. Une géographie de l'Amérique du Nord à la fin du XVIIIe siècle // *Saint-John de Crèvecoeur*. *Voyage dans la Haute Pennsylvanie et dans l'État de New York depuis l'année 1785 jusqu'en 1798* / Éd. sélective présentée et commentée par F. Plet. Saint-Denis, Montréal, 2002. P. 17–21.

note de bas de page explicative: «Ces discours, dont la mâle et sauvage éloquence est vraiment admirable, rappelle la belle harangue des ambassadeurs scythes envoyés vers Alexandre, que rapporte Quinte-Curce. (...) Il y a un langage pour les hommes de la nature, et un langage pour les hommes civilisés»⁴⁹.

On peut se demander pourquoi Sainte-Croix, par ailleurs critique vis-à-vis de Quinte-Curce, admet la réalité du discours attribué au Scythe, dans le fond sinon dans la forme. La première raison est que le «témoignage» nourrit son hostilité générale aux conquérants, et plus précisément aux conquêtes d'Alexandre, surtout considérées après la bataille de Gaugamèles et la mort de Darius: c'est-à-dire un moment où le roi macédonien a été gagné par les vices des despotes asiatiques. Contre Montesquieu, dont il ne cesse de mettre en cause le portrait qu'il a dressé d'Alexandre, Sainte-Croix ne croit pas aux vertus ni même au principe des rapprochements pacifiques entre vainqueurs et vaincus. Il aime lui aussi à faire des anciens Scythes «les sauvages de l'ancien continent»⁵⁰, et il juge que l'arrivée des peuples civilisés au contact de ces peuples sauvages conquis par eux n'a que des conséquences négatives. De son point de vue, de la navigation des Portugais autour de l'Afrique n'a résulté qu'«une longue suite de calamités morales et politiques»⁵¹. Il propose des réflexions tout aussi pessimistes sur les conséquences des navigations européennes de l'époque moderne. Il s'oppose aux vues considérées comme illusoires de l'Anglais George Vancouver qui, en 1798, concluait son rapport en exaltant le développement parallèle de la science géographique et de l'astronomie nautique, du grand commerce maritime, et de «l'heureuse introduction de la civilisation chez les nombreuses tribus de nos semblables»⁵². Ces «semblables» (*fellow creatures*), ce sont les sauvages américains du nord-ouest du continent que Vancouver venait d'explorer et de rattacher à la couronne britannique. L'avis de Vancouver avait trouvé un écho très favorable chez un critique du temps, adepte également de l'Alexandre de Montesquieu:

Cette idée est vraie & sublime, & il faut la recommander au siècle qui arrive. Mais la plus grande, après celle-là, est sans contredit celle que conçut Alexandre, celle de faire entrer l'Europe en partage des félicités de l'Asie (...)⁵³.

Il en fut tout autrement de Sainte-Croix, dont le commentaire sur Vancouver et Alexandre est exprimé sans ambages:

Heureux, sans doute, [les sauvages le sont] s'ils ne reçoivent pas en même temps le germe pestilentiel de nos vices, et s'ils peuvent se soustraire à la ty-

⁴⁹ *Crèvecoeur M.-G. Jean de*. Op. cit. T. 1. P. 124–125, note.

⁵⁰ *Sainte-Croix G.-E.-J. Guilhem de Clermont-Lodève de*. Op. cit. (éd. 1804). P. 705.

⁵¹ *Ibid.* P. 738.

⁵² *Vancouver G.* Voyage de découvertes à l'océan Pacifique du Nord et autour du monde... exécuté en 1790, 1791, 1792, 1793, 1794 et 1795 / traduit de l'anglais [par Demeunier et Morellet]. Paris: Imprimerie de la République, 1799. T. 2. P. 508–509.

⁵³ Voir S.-J. Bourlet de Vauxcelles: Paris pendant l'année 1801, Londres. 1801. Vol. 32. P. 121.

rannie de nos besoins factices, fléau non moins redoutable pour eux que notre cupidité mercantile, l'ennemie du peu d'innocence et de bonheur qui reste encore sur la terre, dans quelques déserts, ou au milieu de l'Océan Pacifique⁵⁴.

Face à Alexandre, les déserts de Scythie sont manifestement considérés par l'érudit comme un conservatoire de mœurs pures, exempt des maux qui naissent de l'expansion politique, commerciale et culturelle de l'Europe de son temps.

Pour terminer, sinon pour conclure, on ne peut manquer de souligner à nouveau à quel point le «débat scythe» est organisé ou réapproprié systématiquement dans un autre débat, bien contemporain celui-là, et si bien attesté par de multiples documents: à savoir celui de l'identité européenne face aux barbares de l'ancien continent et aux sauvages de l'Amérique. Qu'ils soient érudits, historiens, philosophes, voyageurs ou littérateurs de tout poil, les hommes du XVIIIe voient dans le discours scythe de Quinte-Curce l'écho et le reflet de leurs propres réflexions et contradictions face aux conquêtes européennes et à leurs conséquences dans l'ordre du domptage⁵⁵ et de la civilisation⁵⁶. En ce sens, les entreprises d'Alexandre et de Pierre le Grand sont vues comme d'immenses succès ou comme de cruels échecs. Dans un passage souvent commenté de l'*Esprit des Lois* (XXI.8), Montesquieu s'interrogeait sur le commerce de l'Inde sous les Perses puis sous Alexandre: «Mais faut-il conquérir un pays pour y négocier?» Une autre manière de poser la question est suggérée par l'exemple scythe: faut-il conquérir un peuple par les armes pour le policer, au risque d'en détruire les fondements sociaux et culturels? Sans que jamais il n'évoque directement l'exemple des Scythes, Montesquieu lui-même (qui ne nourrissait aucune admiration pour Pierre le Grand) admettait qu'une conquête réussie (celle d'Alexandre) pouvait conduire à des décisions positives au regard de la 'civilisation', – en l'occurrence extirper les restes de «superstition» ou/et de «barbarie»⁵⁷. Sans que le mot soit encore utilisé,

⁵⁴ *Sainte-Croix G.-E.-J. Guilhem de Clermont-Lodève de*. Op. cit. (éd. 1804). P. 750.

⁵⁵ Terme utilisé par Plutarque dans un opuscule (*De Fortuna Alexandri*, I et II), qui fut utilisé très largement par Montesquieu et d'autres auteurs porteurs d'une image favorable du Macédonien, alors que ses contempteurs (parmi lesquels de Sainte-Croix) n'ont pas manqué de souligner les erreurs (voire la puérité) du discours plutarchéen.

⁵⁶ J'utilise le terme à dessein, sans ignorer les discussions sur la date d'apparition du terme «civilisation» dans la littérature du XVIIIe siècle, car, si le mot n'est pas attesté avant Mirabeau (père), le concept de «civilisé» (ou/et en voie de l'être) n'est évidemment pas étranger aux hommes des Lumières. Voir sur ce thème en dernier lieu *Monnier R. Usages d'un couple d'antonymes au 18e siècle: la civilisation et son revers, la barbarie // DHS. 2008. N 40. P. 523–542.*

⁵⁷ Voir *Esprit des Lois* X.14, éd. 1757 (Bactriens) et XXI.8 (Ichthyophages): «Il fit creuser des puits, bâtir des villes; il défendit aux Ichthyophages de vivre de poisson; il voulait que les bords de cette mer fussent habités par des nations civilisées»; dans sa note explicative (XXI.8), Montesquieu précise que la décision d'Alexandre ne valait pour les Ichthyophages «moins ichthyophages» que d'autres; plus proches géographiquement de la Perse, ils étaient donc déjà engagés dans un processus d'acculturation (le terme n'est évidemment pas utilisé

la «déculturation» est au cœur des doutes de ceux qui s'interrogent sur les conséquences à moyen et long terme des conquêtes menées à plus de vingt siècles de distance par les chefs macédoniens et par les tsars de Russie.

Пьер Бриан

**От скифов до татар,
от Александра Македонского к Петру Великому.
История Европы во времени прошлом
и настоящем**

Вольтер часто упоминал о татарах как об агрессивном и варварском народе; им он противопоставлял русских царей, которым приписывал цивилизаторскую роль. Открыто восхищаясь деяниями Петра и его наследников, он проводил прямые параллели между татарами и турками, с одной стороны, и современными ему татарами и древними скифами – с другой. Читая римского историка Квинта Курция, Вольтер придавал особое значение тем речам, с которыми обратились к Александру Великому, находившемуся в Согдиане, скифские послы. Однако если Квинт Курций восхвалял их, то Вольтер отнесся к ним критически. Поскольку Согдиана располагалась в непосредственной близости от земли скифов (татар), Вольтер предпочитал рассматривать и Александра Македонского, и русского царя Петра как основателей городов и центров торговли в варварской стране.

На протяжении XVIII столетия критика Квинта Курция сопровождала и оправдывала агрессивный антиазиатский дискурс, свойственный не только одному Вольтеру. Другие европейцы, напротив, предпочитали делать из «скифских речей» выводы (далеко не всегда оптимистические) о «цивилизаторской миссии» Европы, проводя параллели между древними скифами и современными «дикарями Нового света».

par Montesquieu, mais il rend assez bien l'idée qu'il présente). Sur cet aspect de l'exposé de Montesquieu, voir mon *Alexandre des Lumières*. P. 344–357; Sur la démonstration contraire de Sainte-Croix, voir: *Ibid.* P. 421–430.

CATHERINE VOLPILHAC-AUGER

L'ANTIQUITÉ, LOINTAINE OU PROCHE?
MONTESQUIEU ET LE *PÉRIPLÉ* D'HANNON

De précédentes recherches m'avaient donné l'occasion de traiter de la mer Caspienne vue de France, et des découvertes qu'avaient faites les explorateurs anciens: avant l'invention de la boussole, ce sont les guerres qui font parcourir le monde¹. Mais surtout reconnaître la Caspienne était pour Montesquieu le moyen de réfléchir à ce que les Modernes appellent, grossièrement et de manière simplificatrice, «Antiquité», uniformisant sous ce vocable tout ce que des nations différentes, et souvent étrangères les unes aux autres, et surtout des époques différentes, parfois éloignées de plusieurs siècles, ont pensé et connu. Distinguant soigneusement ce que les Grecs savaient au temps de Ptolémée et ce que les Romains connaissaient, aux dires de Pline, il s'interroge sur les raisons pour lesquelles les savoirs se perdent, ou plutôt comment, au plus près de la vérité, on a pu s'en écarter: «les yeux étaient ouverts; ils se fermèrent»². N'aurions-nous pas beaucoup à apprendre des Anciens, y compris quand ils se trompent?

À une époque où la science géographique se fonde encore en partie sur la «géographie ancienne», la confrontation du présent et des textes issus du

© Catherine Volpilhac-Augier, 2012

¹ Cf. *Montesquieu C.-L.* Pensées. N 1714 // Montesquieu. Pensées. Spicilège / Éd. L. Desgraves. Paris, 1991. P. 541: «Ce furent les conquêtes d'Alexandre qui firent connaître l'Orient à l'Occident; ce furent les guerres des Carthaginois et des Romains qui firent connaître l'Occident à lui-même».

² *Montesquieu C.-L.* L'Esprit des lois. XXI, 7 (9) P. 210. [Chiffres romains le livre, en chiffres arabes le chapitre, suivant la première édition de 1748–1750, puis avec la numérotation de l'édition «définitive», 1757–1758; nous modernisons l'orthographe, comme pour tous les textes que nous citons]. À partir de l'édition posthume de 1757–1758, cette formulation disparaît.

passé amène aussi à d'étranges constats, que j'avais alors envisagés à propos de la mer Caspienne et du «lac d'Arak», alimentés par des fleuves dont le cours s'est modifié au fil des siècles: si les descriptions des anciens ne rendent pas compte de la réalité du monde, est-ce la faute des anciens, observateurs infidèles? Ne serait-ce pas le monde qui a changé?

Ces animaux que nous appelons fabuleux, parce que nous ne les trouvons plus sur la terre, quoiqu'ils aient été exactement décrits par les anciens auteurs, ne pourraient-ils avoir existé et leur espèce s'être perdue? Car je suis persuadé que les espèces changent et varient extraordinairement, qu'il s'en perd et s'en forme de nouvelles. La terre change si fort tous les jours qu'elle donnera sans cesse de l'emploi aux physiciens et aux observateurs <...> Pline et tous les anciens physiciens seront convaincus d'imposture, quelque vrais qu'ils fussent de leur temps <...> Nous accusons sans cesse les anciens de trahir la vérité. Pourquoi voulons-nous qu'ils l'aimassent moins que nous³?

Plus sensible que la plupart de ses contemporains à l'évolution des espèces comme du monde physique⁴ (il lance en 1719 une enquête sur les transformations qu'a connues la Terre⁵), Montesquieu récuse d'emblée la position de surplomb et d'autorité que s'octroient les modernes. Dès lors, pour lui, s'attaquer à un problème historiographique renvoie constamment à une perspective épistémologique, voire philosophique: les modernes, si prompts à condamner leurs prédécesseurs, si fiers des progrès récents des observations et de la raison elle-même (et on se doute que Voltaire est de ceux-là), ne doivent-ils pas admettre que leur point de vue n'est que relatif et partiel? C'est introduire, l'idée, éminemment dangereuse, que la raison peut être amenée à douter d'elle-même, ou plutôt à se définir sur d'autres bases. En tout cas, pour Montesquieu, loin d'être une «invention» moderne, elle doit être considérée comme le pont le plus sûr jeté entre l'Antiquité et l'époque présente. Rejetant toute idée de supériorité d'un temps sur un autre, Montesquieu établit avec l'Antiquité une continuité dont bien peu de ses contemporains se soucient. Cette continuité, c'est avec l'expédition d'Hannon autour de l'Afrique que nous allons l'expérimenter.

³ *Montesquieu C.-L.* Pensées. N 102. P. 210–211. Cette remarque est à dater d'une époque précoce de la réflexion de Montesquieu, antérieure semble-t-il à 1730.

⁴ Je renvoie à mon article: *Volpilhac-Auger C.* Les deux infinis. Montesquieu historien des catastrophes? // *L'Invention de la catastrophe au XVIIIe siècle: du châtimeut divin au désastre naturel* / Sous la dir. d'A.-M. Mercier-Faivre et C. Thomas. Genève, 2008. P. 119–130.

⁵ *Montesquieu.* Projet d'une histoire de la Terre ancienne et moderne / Texte établi, présenté et annoté par L. Bianchi // *Montesquieu. Œuvres complètes.* Oxford, 2003. T. VIII. P. 177–184.

«C'EST UN BEAU MORCEAU DE L'ANTIQUITÉ
QUE LA RELATION D'HANNON»

Suivre Montesquieu, qui lui-même suit Hannon, c'est se lancer dans l'inconnu, à plus d'un titre: car non seulement au XVIIIe siècle on sait très peu de chose de l'Afrique, mais tout est incertain dans ce qui constitue une des principales sources antiques sur le sujet, le *Périple d'Hannon* – et en l'occurrence, Montesquieu prend le contrepied de la plupart de ses prédécesseurs immédiats et de ses contemporains⁶. Ce bref récit (il tient sur moins de deux de nos pages «standard»⁷) retrace une tentative infructueuse de circumnavigation qui conduisit une expédition carthaginoise de l'antique Gadès (Cadix) jusqu'à un point-limite que les Carthaginois, faute de vivres, renoncèrent à dépasser, et que l'on a longtemps identifié avec le mont Cameroun⁸. Mais Montesquieu, et c'est là une partie de son originalité par rapport à ses contemporains, distingue soigneusement les deux parties de l'expédition: l'une qui vise à fonder des établissements, ce qui fut fait seulement jusqu'à l'île de Cerné, qu'il situe au vingt-cinquième degré de latitude nord, «c'est-à-dire deux ou trois degrés au-delà des îles Canaries», donc un peu au nord du Tropique du Cancer, bien en deçà de ce qui correspondrait aujourd'hui à la frontière sud du Maroc; l'autre qui consiste seulement en une rapide exploration de vingt-six jours qui suit la côte d'Afrique vers l'est, et qui restera sans conséquence aucune: «Il ne prit presque aucune connaissance du continent (...) Il paraît que les Carthaginois ne firent aucun usage de cette entreprise d'Hannon»⁹.

Qui était Hannon? Quand fut écrit ce récit? Que décrit-il réellement? Est-il seulement vraisemblable? Contre le parti pris critique (on pourrait presque dire «hypercritique») de certains modernes, et sans répondre à toutes ces questions¹⁰, Montesquieu envisage le *Périple* comme un véritable docu-

⁶ Pour un aperçu de la bibliographie depuis la publication de ce texte en 1533, voir *Mund-Dopchie M.* La fortune du Périple d'Hannon à la Renaissance et au XVIIe siècle. Continuité et rupture dans la transmission d'un savoir géographique. Namur, 1994 (Collection des Études classiques, 8). Sur l'ensemble du problème historiographique, voir *Desange J.* Recherches sur l'activité des Méditerranéens aux confins de l'Afrique (IVe siècle avant J.-C. – IVe siècle après J.-C.). Rome, 1978. P. 39–85, et *Jacob C.* Aux confins de l'humanité: peuples et paysages africains dans le Périple d'Hannon // *Cahiers d'études africaines*. 1991. Vol. XXXI. N 121–122. P. 9–27.

⁷ Chateaubriand devait en donner une traduction dans l'*Essai sur les révolutions* (1814).

⁸ Les historiens contemporains en réduisent considérablement la portée en y voyant surtout un «voyage imaginaire»: pour une mise au point récente, voir *Euzennat M.* Le périple d'Hannon // *Comptes rendus des séances de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres*. 1994. Vol. 138. N 2. P. 559–580.

⁹ *Montesquieu.* L'Esprit des lois. XXI, 8 (11) pour les deux citations.

¹⁰ Notamment il ne précise pas s'il l'identifie avec Hannon le Grand, contemporain et rival d'Hannibal, ce qui constitue un élément capital puisque cela détermine la date du voyage; mais comme Montesquieu parle dans la suite du chapitre d'Hannon le Grand sans éprouver le besoin de lever une éventuelle ambiguïté, on devrait supposer que c'est le cas – à moins qu'en raison de la rapidité de la rédaction, Montesquieu n'y ait pas pris garde. Certes il

ment historique, une «relation» fidèle au réel, mais en examinant avec soin l'interprétation qu'il faut en donner¹¹. La leçon est d'autant plus intéressante qu'on peut la dater très précisément: elle ne figure pas dans le manuscrit de travail de *L'Esprit des lois* et apparaît dans la première édition; elle a donc été écrite entre janvier et juin 1747, entre le moment où Montesquieu abandonne le manuscrit de travail aujourd'hui subsistant et celui où il envoie à Genève la copie au net qui servira à l'imprimeur Barrillot¹². Cette circonstance amène à penser qu'elle a été rédigée très rapidement: on verra que cela a son importance.

Montesquieu, qui ne se demande pas comme le fera Diderot s'il vaut mieux écrire une belle page que faire une belle action, salue d'abord en Hannon celui qui maîtrise l'action et l'écriture, profondément analogues l'une de l'autre:

C'est un beau morceau de l'Antiquité que la relation d'Hannon: le même homme qui a exécuté a écrit. Il ne met aucune ostentation dans ses récits. Les grands capitaines écrivent leurs actions avec simplicité, parce qu'ils sont plus glorieux de ce qu'ils ont fait que de ce qu'ils ont dit¹³.

Les choses sont comme le style. Il ne donne point dans le merveilleux: tout ce qu'il dit du climat, du terrain, des mœurs, des manières des habitants, se rapporte à ce qu'on voit aujourd'hui dans cette côte d'Afrique; il semble que c'est le journal d'un de nos navigateurs¹⁴.

Transcendant l'histoire («un de *nos* navigateurs»), Montesquieu, qui ne peut lire l'ouvrage que dans une traduction latine¹⁵ et ne se soucie pas d'analyse philologique, affirme une qualité essentielle des «grands hommes» – catégo-

emploie le terme de «capitaine» pour qualifier le navigateur, mais ce n'est guère déterminant puisque ce titre peut s'appliquer au chef de l'expédition qu'est Hannon, même si celui-ci n'avait rien à voir avec le suffète carthaginois (la table des matières de l'édition de 1749 ne parle que du navigateur, mais les versions suivantes – car la table des matières s'étoffe d'édition en édition jusqu'à la fin du XVIIIe siècle – ne montrent pas la même prudence).

¹¹ Sa démonstration sera apparemment retenue non seulement par ses lecteurs habituels que sont les auteurs de *L'Encyclopédie*, et au premier chef Jaucourt, qui se réfère explicitement à ce passage de *L'Esprit des lois* (voir l'article «Périples», t. XII, 1765, p. 374–376), mais également par Jean Pierre de Bougainville, de l'Académie des inscriptions et belles-lettres, le frère de Louis Antoine de Bougainville le navigateur, *Mémoires de l'Académie*, t. XXVI et XXVIII, mais sans que l'on prête toujours grande attention à la soigneuse distinction qu'il opère: sa démonstration se justifie au livre XXI par son intérêt pour l'histoire du commerce, alors que ses lecteurs – signe des temps? – s'intéressent beaucoup plus à l'exploration en tant que telle.

¹² Une version préliminaire, embryonnaire et très raturée, figure dans le manuscrit, n.a.fr. 12835, f. 294r (*Montesquieu. De l'esprit des loix* (manuscrits) / Éd. C. Volpilhac-Auger // Montesquieu. Œuvres complètes. Oxford, 2008. T. IV. P. 550).

¹³ Dans la première édition, l'alinéa après ce mot était supprimé: Montesquieu a eu à cœur de le rétablir dans toutes les éditions suivantes, parmi les listes de corrections qu'il envoie à travers l'Europe dès 1749.

¹⁴ *Montesquieu. L'Esprit des lois*. XXI, 8 (11).

¹⁵ Sans doute celle d'Hudson, qui figure dans l'édition d'Oxford dont il est question plus loin.

rie qu'il récuse d'ordinaire, du moins si on l'entend comme ses contemporains, pour désigner des hommes capables de changer le monde par leur seule action. Dans l'Antiquité comme au XVIIIe siècle, pour Montesquieu le grand homme est celui dont la valeur s'affirme d'elle-même, avec une «simplicité» qui a force éthique et esthétique à la fois¹⁶. Il opère lui-même explicitement ailleurs le rapprochement entre Hannon et un contemporain qui fut son ami, le maréchal de Berwick¹⁷, auteur de *Mémoires* dans lesquels il voit à l'œuvre une probité à toute épreuve, à l'image de ce grand chef de guerre mort sur le champ de bataille en 1734¹⁸. Autrement dit, l'héroïsme doit se passer du style élevé, encore plus du sublime. Mais ce refus de l'emphase (et même de l'ornement), ainsi situé sur le plan moral, qui renforçait l'éloge de Berwick en dotant l'homme d'une qualité supplémentaire, la modestie, a en l'occurrence une conséquence du plus haut intérêt: il garantit la véracité des faits («il ne donne point dans le merveilleux»), lesquels étaient très controversés.

QUERELLE D'EXPERTS

Il faut revenir sur cette querelle, qui sera ici seulement esquissée, car elle est seconde par rapport à mon propos, et Montesquieu lui-même a introduit dans son texte quelques variantes qu'il faudrait étudier en détail – ce n'en est pas ici le lieu. Dans une dissertation jointe à l'édition des *Geographiae veteris scriptores Graeci minores*¹⁹, l'érudit Dodwell émettait un certain nombre de doutes sur le supposé auteur du *Périple*, dont l'antiquité lui semblait beaucoup moins grande qu'on ne l'avait prétendu en le fixant au Xe siècle avant Jésus-Christ, donc avant Homère, comme le faisait Isaac Vossius. Mais

¹⁶ On remarquera que le style même se fait alors d'une simplicité qui arrive à se faire oublier: brièveté des deux premières phrases, cadence mineure de l'attaque du paragraphe, usage inhabituel (absolu) des deux verbes *exécuter* et *écrire*. Voir la mention qu'en fait Sainte-Beuve à l'occasion de sa critique de *Salammbô* parue dans *Le Constitutionnel* du 8 décembre 1862 (et repris ensuite dans les *Nouveaux lundis*): «Il n'existe pas d'historien ni de poète carthaginois. On n'a que le récit de la navigation autour de l'Afrique, le *Périple* de cet Hannon de qui Montesquieu a dit si magnifiquement: "C'est un beau morceau de l'Antiquité (...) point dans le merveilleux...". Remarquons bien, en passant, que ce seul monument qu'on ait de la littérature carthaginoise est simple, nullement étrange ni emphatique» (voir ci-après, note 20).

¹⁷ Voir *Montesquieu*. Ébauche de l'éloge historique du maréchal de Berwick (vers 1753) / Éd. E. Mass et H. Himelfarb // *Montesquieu. Œuvres complètes*. Oxford, 2006. T. IX. P. 455, lignes 292–293: «M. le Maréchal de Berwick a écrit ses Mémoires; & à cet égard, ce que j'ai dit dans l'esprit des Loix sur la relation d'Hannon, je puis le dire ici. *C'est un beau morceau de l'Antiquité (...) ont dit*».

¹⁸ On peut aussi le rapprocher d'un autre «grand homme», mais dans le mal cette fois, le cardinal de Richelieu, dont le caractère permet d'authentifier le *Testament*: «(...) j'y trouvais toujours l'esprit du cardinal» (*Montesquieu*. *Pensées*. N 1962. P. 601).

¹⁹ *Oxoniae: e theatro Sheldoniano*, 1698 (Montesquieu semble n'en avoir jamais connu que le tome I).

surtout il frappait de doute l'opuscule lui-même: pourquoi un Carthaginois aurait-il écrit en grec? L'auteur devait en être un Grec de Sicile qui ne serait donc guère crédible²⁰. On devait y voir également un simple résumé, car une telle sécheresse était suspecte²¹. Montesquieu retourne donc le jugement, faisant de la «simplicité» une valeur positive; le facteur de suspicion devient la preuve la plus solide – on retrouve là un goût du paradoxe, ou plutôt l'art qu'a Montesquieu de renverser le point de vue habituel.

Il ne suit pas davantage les critiques que formulait Huet dans son *Histoire du commerce et de la navigation des anciens*, sur laquelle il avait pris des notes depuis longtemps²²: Huet ne sait finalement pas s'il doit suivre les anciens (Pline et surtout Pomponius Méla), qui doutent eux-mêmes de la relation d'Hannon, puisqu'on ignore si la relation dont ils parlent est identique à celle que l'on possède²³. Mais de toute manière Montesquieu se défie de ce lecteur apparemment pointilleux qu'il juge en fait partial, et donc peu fiable²⁴.

Fait remarquable, il n'est pas sensible ici à ce qu'il relève à propos d'autres récits, ceux d'Homère²⁵: alors que le *Périple* souligne à plusieurs reprises les dangers de l'expédition, chaleur extrême, torrents de feu, volcan, hostilité des habitants, présence d'animaux agressifs (les crocodiles...), il n'y voit rien qui lui semble destiné à décourager des expéditions ultérieures: l'explication en est que les Carthaginois n'ayant pas découvert la bien-nommée Côte d'or – ils n'étaient pas entrés dans les terres –, ils n'avaient rien à cacher à leurs contemporains: nouveau motif de croire le *Périple*. Mais la différence essen-

²⁰ Cf. la réponse de Flaubert à Sainte-Beuve (voir ci-dessus, note 16): «Dès le début, je vous arrête à propos du *Périple d'Hannon*, admiré par Montesquieu, et que je n'admire point. À qui peut-on faire croire aujourd'hui que ce soit là un document *original*? C'est évidemment traduit, raccourci, échenillé et arrangé par un Grec» (décembre 1862, cité d'après *Sainte-Beuve C.-A. Nouveaux lundis*. Paris, 1865. T. IV. P. 436).

²¹ Ce que devait réfuter, peu après la mort de Montesquieu, l'Espagnol Campomanes: *Campomanes P.R. Antigüedad Maritima de la Republica de Cartago*. Madrid: Antoine Perez de Soto, 1756. Les *Mémoires de Trévoux* en rendent compte dans leur livraison d'août 1757. P. 1938–1965.

²² Voir Bordeaux, Bibliothèque municipale. Ms 2526/22: notes de la main d'un secrétaire ayant exercé au plus tard en 1731; ces notes seront publiées par Pierre Briant au tome XVII des *Œuvres complètes* de Montesquieu, dirigé par Rolando Minuti. On ne s'étonnera pas que Voltaire, dans les *Questions sur l'Encyclopédie*, article «Lois, Esprit des», s'appuie sur Huet pour critiquer Montesquieu.

²³ Chap. XV, *in fine*.

²⁴ Cf. ce passage du manuscrit (*Montesquieu. Œuvres complètes*. T. IV. P. 531) que Montesquieu supprime dans l'imprimé, donc au moment même où il écrit ce développement sur Hannon: «Mr Huet a ramassé et calfeutré tous les passages qui peuvent (...) faire croire» à l'activité commerciale des Romains («calfeutrer» a ici le sens de «renforcer»).

²⁵ Cf. *Montesquieu. Pensées*. N 1714 (fin). P. 541: «Tout ce qu'Homère raconte des dangers des navigations d'Ulysse: des Circés, des Lestrigons, des Cyclopes, des Sirènes, de Charybde et de Scylla, étaient des fables répandues dans le monde et établie par des navigateurs qui, faisant le commerce d'économie, voulaient dégoûter les autres peuples de le faire après eux».

tielle réside dans l'absence de «merveilleux», car à la différence des magiciennes ou des monstres de l'*Odyssée*, ces dangers ont des causes humaines ou naturelles.

Il en défend également la véracité sur le plan purement historiographique: le seul fait qu'il soit dû à un Carthaginois semble le frapper de suspicion – quelle confiance prêter en effet à ces «Puniques» dont la mauvaise foi est proverbiale? Mais justement il a à cœur d'inverser une nouvelle fois le raisonnement: les Romains, vainqueurs, ont écrit l'histoire à leur manière et attribué aux Carthaginois vaincus les défauts qui étaient les leurs. Et le moderne Dodwell, dit Montesquieu, a «suivi ce préjugé». En appliquant un doute systématique au *Périple*, loin de montrer l'impartialité du savant, Dodwell a cédé à l'opinion dominante.

LA CERTITUDE DES FAITS

Voilà l'érudit soumis à son tour à la question et sommé de s'expliquer, notamment sur un aspect qui retenait moins l'attention, souvent concentrée sur les points de chronologie ou sur l'identité d'Hannon²⁶: les fondations de villes qui ponctuent le récit du navigateur n'ayant pas laissé de trace, on ne pouvait, disait Dodwell, les accepter comme des faits vrais. Le retournement est complet: «Je dis plus: quand les ruines de ces villes subsisteraient encore, qui est-ce qui aurait été en faire la découverte dans les bois et les marais?» Naïveté du savant anglais, qui n'est pas allé explorer les territoires côtiers de l'Afrique à la recherche des murailles perdues, inconsistance de ses critiques, qui supposent qu'on pouvait garder la moindre trace d'établissements vieux de dizaines de siècles, de simples comptoirs... c'est son propre édifice qui s'effondre. Quand on sait que de Carthage il ne subsiste guère de vestiges, que pouvait-il en être de ces forts ou de ces villages isolés sur les côtes ouest-africaines?

Montesquieu s'en tient donc aux faits: l'évocation des feux nocturnes ou d'un volcan, toutes choses que «nos relations confirment ⟨...⟩», et que seuls des savants en chambre peuvent mettre en doute. Ainsi, il suffit de laisser la parole aux anciens et de prendre la peine de les écouter pour percevoir une vérité dénaturée par des commentaires pseudo-savants. La mention des «deux femmes velues», ou «Gorillas»²⁷, «qui se laissèrent plutôt tuer que de suivre les Carthaginois et dont il fit porter les peaux à Carthage», lui apparaît comme la preuve de cette «simplicité» ou refus du merveilleux: Hannon se distingue ainsi, aux yeux du lecteur, de Pline qui voyait en elle les descendantes des

²⁶ Voir par exemple Bayle, *Dictionnaire historique et critique*, article «Hannon», et bien sûr les notes.

²⁷ Le mot grec *Gorillas* que donne le *Périple* est un hapax; il a servi à former le mot *gorille* au XIXe siècle, quand cette espèce a été identifiée.

Gorgones²⁸. L'épisode était jugé par les critiques «hors de vraisemblance»; Montesquieu en décide autrement, mais sans fournir le moindre argument: c'est aux critiques qu'incombe la charge de la preuve. Qu'ils démontrent d'abord que les anciens ont tort, et que le fait est impossible ou peu vraisemblable; tant qu'ils ne l'ont pas fait, les anciens n'ont pas à être défendus.

Mais c'est surtout l'évocation des feux et des «sons de divers instruments de musique» audibles seulement la nuit, dans des contrées qui paraissent désertes, qui semble décisif à Montesquieu. Il tient ces faits pour avérés, car il les trouve confirmés par «nos relations»: «ces sauvages, pour éviter l'ardeur du soleil, se retirent dans les forêts; (...) la nuit, ils font de grands feux pour écarter les bêtes féroces; et (...) ils aiment passionnément la danse et les instruments de musique». Il ne produit aucune référence moderne à l'appui – le lecteur comprendra sans doute que l'affaire ne souffre pas de discussion. En revanche, il fournit en note une citation de Pline l'Ancien qui va dans le même sens, et que l'on pourrait traduire ainsi: «[le mont Atlas,] la nuit, brille de feux innombrables, (...) et retentit du son des flûtes et des syrinx, du bruit des tambourins et des cymbales»²⁹ – à un détail près: il omet sans le dire quelques mots (ce qui est signalé ci-dessus par les trois points entre chevrons), *Aegipanum Satyrorumque lascivia inpleri*, «s'emplit des ébats folâtres des Egipans et des Satyres». En effet Pline fournissait sa propre explication, pleine de ce «merveilleux» que dénonce Montesquieu, et celle-ci est peu compatible avec le rôle qu'il entend faire jouer à cette référence. Montesquieu aurait pu utiliser Pline, qui ne fait que se conformer à un type d'interprétation très répandu de son temps³⁰, pour montrer la crédulité des anciens et renforcer par contraste les mérites d'Hannon; il préfère en gommer ce qui affaiblirait son argumentation, laquelle consiste à conforter le témoignage d'Hannon³¹.

Que faut-il retenir de ce développement? La leçon est plus discrète que celle que Montesquieu assène à propos de l'histoire de France, avec l'abbé Dubos par exemple, et ne saurait avoir la même portée méthodologique:

²⁸ Le *Périple* parle de trois, Pline, qui déclare s'appuyer sur cette source, de deux: la lecture de Montesquieu a été influencée en cela par l'auteur latin, mais très partiellement.

²⁹ *Pline l'Ancien*. Histoire naturelle. Livre V, 1re partie, 7 (ma traduction).

³⁰ On sait que les bruits d'origine inconnue sont un des thèmes favoris de l'historiographie romaine, que Tite-Live en rapporte maint exemple, ne serait-ce que pour expliquer les peurs paniques qui s'emparent de ceux qui les entendent ou les considèrent comme la manifestation d'une volonté divine; c'est aussi un thème poétique illustré par Ovide comme par Virgile: voir le *Discours sur la cause de l'écho*, dans *Montesquieu*. Œuvres complètes. T. VIII. P. 154.

³¹ Ce que réfute Flaubert (voir ci-dessus, note 16), critiquant «(...) ce fameux *Périple* où perce un petit coin de merveilleux à travers le grec; – ne fût-ce que ces peaux de gorilles prises pour des peaux humaines et qui étaient appendues dans le temple de Moloch (traduisez Saturne), et dont je vous ai épargné la description; – et d'une! remerciez-moi». Signalons la suite pour mémoire: «Je vous dirai même entre nous que le *Périple d'Hannon* m'est complètement odieux pour l'avoir lu et relu avec les quatre dissertations de Bougainville (dans les *Mémoires de l'Académie des Inscriptions*) sans compter mainte thèse de doctorat, – le *Périple d'Hannon* étant un sujet de thèse».

la démonstration n'est pas toujours très rigoureuse, comme en témoignent des affirmations dont certaines auraient dû être étayées et une indifférence remarquable à la datation du voyage, alors que c'est un élément décisif; sans doute se ressent-elle de la hâte avec laquelle ces quelques pages ont été rédigées. Celles-ci n'en montrent pas moins clairement quel type de relation Montesquieu entretient avec les auteurs antiques: il les considère avant tout comme des hommes, plus ou moins dignes de foi selon les cas, mais dont la personnalité, l'honnêteté, l'intelligence, importent finalement davantage que les conditions matérielles de transmission des textes, dont il ne parle nullement. L'aspect philologique lui est d'ailleurs en l'occurrence entièrement étranger. Il faut voir là sans doute un esprit critique encore marqué par une conception ancienne de l'histoire, plus portée à s'intéresser aux auteurs qu'à pratiquer une étude interne des textes, et ne pas se cacher qu'on a affaire à un point faible de la démonstration. Faut-il aller jusqu'à y déceler un dédain aristocratique des données matérielles du texte? La spécificité de la démonstration tient surtout à ce que Montesquieu refuse de considérer les auteurs anciens avec la méfiance qu'imposent les érudits de son temps, et d'adopter les *a priori* qui font d'eux des suspects. Il y a là un autre *a priori*, dira-t-on. Mais la vraie question ne me semble pas être celle de la pertinence d'une argumentation sur un objet pour lequel les données historiques étaient de toute manière insuffisantes en 1748; il faut plutôt en retenir que Montesquieu est prêt à accorder sa confiance pleine et entière à un auteur antique, du moment qu'il ne montre aucune propension au «fabuleux» – reproche dont ni Homère ni même Pline, et combien d'autres, ne sont exempts.

Lorsqu'il fait dialoguer Sylla et Eucrate, Xantippe et Xénocrate, Lysimaque et Callisthène³², il ne manipule pas à son gré des marionnettes dotées de noms à consonance antique: il cherche à comprendre les motivations et les pensées de personnages qui ne lui sont pas étrangers. Ce qui s'explique souvent par l'unité supposée de la nature humaine, fondement de toute œuvre qui s'appuie sur l'histoire – que l'on pense à la tragédie, notamment – et prétexte à tous les anachronismes, doit être vu sous un autre jour: le sens que cherche Montesquieu ne relève pas de ce qu'on appelle aujourd'hui psychologie, mais d'un ordre de rationalité et d'un amour pour la vérité qui le fonde³³. C'est cela qui lui paraît mériter intérêt chez le mystérieux Hannon.

La raison, que ses contemporains se vantent d'avoir mise au premier plan, pour en faire un crible qui mettra à mal l'histoire ancienne – cela sera particulièrement le cas avec la *Philosophie de l'histoire* (1765), et de manière générale avec toute l'œuvre historique de Voltaire –, n'est pas à ses yeux l'apanage du monde moderne. Mais elle sort renforcée de cette expérience, ou de ce voyage en contrée périlleuse: Montesquieu invite l'esprit humain à franchir le fossé immense qui le sépare de l'Antiquité et à se réconcilier avec lui-même.

³² Respectivement dans le *Dialogue de Sylla et d'Eucrate*, dans *Xantippe et Xénocrate* et *Lysimaque*.

³³ Voir ci-dessus la citation des *Pensées*. N 102.

Катрин Вольпьяк-Оже

**Античность далекая или близкая?
Монтескье и *Перипл* Ганнона**

«Описание путешествия Ганнона – одно из прекрасных творений древности», – написал Монтескье в *Духе законов* (XXI, 11). В статье прослеживается историографическая судьба сочинения, которое Монтескье считал образцовым. Во-первых, он отдавал должное мужеству человека, которого жажда открытий побудила отправиться навстречу неизвестности. Во-вторых, он считал, что Ганнон придерживался именно тех методов, которыми следует руководствоваться при изучении прошлого, в особенности если современные представления не совпадают с представлениями людей прошлого. Нужно реконструировать условия, в которых создавалось описание, учитывая при этом те изменения, которые произошли со времени его создания в жизни отдельных стран и народов. Важно понимать, чем объясняются эти расхождения – сменой наблюдателя или изменением объекта наблюдения. Еще Фонтенель приписывал древним народам «пристрастие к чудесному», видя в нем характерную черту начальной эпохи человеческой истории. Эта тема была подхвачена Вольтером, который усматривал в нем одно из главных препятствий, мешающих принимать на веру сочинения далекой древности. Монтескье, настаивая на том, что в описании Ганнона нет «ничего чудесного», сделал его героем, достойным Нового времени.

DAVID CELETTI

L'HÉRITAGE CLASSIQUE DANS LA PENSÉE
ET LA PRATIQUE AGRONOMIQUE
DU XVIIIE SIÈCLE

INTRODUCTION

Le siècle des Lumières détermina une générale redécouverte et une nouvelle réflexion sur la pensée classique faisant de celle-ci le point de référence de la culture européenne dans les domaines de la philosophie, de l'art et en particulier de la politique¹.

L'héritage classique, toutefois, ne se limita pas au seul terrain de la spéculation où, se posant comme élément novateur par rapport au passé, il arriva à assumer un rôle déterminant pour faire évoluer une humanité que l'on voulait affranchie de l'irrationalité médiévale, mais conserva, jusqu'à la fin du XVIIIe siècle une influence, acquise tout au long de la Renaissance, même dans des domaines «techniques» comme l'hydraulique, la médecine, la biologie, l'architecture ou l'agronomie². Contrairement au progrès déterminé par la redécouverte de la pensée des anciens sur les plans philosophiques et sociaux, dans le secteur agraire elle constitua l'ultime expression d'un savoir élaboré à partir du bas Moyen Âge grâce à l'assimilation, directe ou le plus souvent transmise à travers la tradition scolastique ou arabe, des textes gréco-romains³.

© David Celetti, 2012

¹ *Venturi F.* Settecento riformatore. Vol. V (1–2): L'Italia dei Lumi. Torino, 1987–1990.

² *Gadamer H.-G.* Natural science and hermeneutics: the concept of nature in ancient philosophy // Proceedings of the Boston Area Colloquium in Ancient Philosophy / Ed. by J.J. Cleary. Lanham, 1986. Vol. 1. P. 39–52; *Vegetti M.* Tra Edipo e Euclide. Forme del sapere antico, Milano, 1983; *Cerami P.* Il concetto di scienza nel II secolo d. C. // Atti dell'Accademia di Scienze Lettere Arti di Palermo. 1980. N 40. P. 169–204.

³ *Céard J.* La curiosité à la Renaissance. Paris, 1986; *Hoeniger F.D.* How plants and animals were studied in the mid- sixteenth century // Science and the arts in the Renaissance / Ed. by J.W. Shirley, F.D. Hoeniger. Washington, 1985, P. 130–148; *Woehrle G.* Die Teleologie in den botanischen Schriften des Theophrast: Abkehr von Aristoteles? // Würzburger Jahrbücher für die Altertumswissenschaft. 1984. N 10. S. 47–55.

En ce contexte, le XVIIIe siècle apparaît comme un moment de transition, une ligne de frontière le long de laquelle se manifesta un rapport dialectique entre d'une part la «modernité» de la philosophie ancienne, en mesure de contraster, grâce aux instruments fournis par la logique et la rationalité, les constructions idéales, politiques et sociales encore ancrées à des lignes de pensée influencées par les structures idéologiques religieuses; et d'autre part, le caractère «arriéré» de cette même culture classique appliquée à des questions purement matérielles, dont le développement avait désormais besoin de bases nouvelles et de différents schémas intellectuels. Les sciences expérimentales, considérées au départ comme une simple méthode de recherche, constituèrent, dès le début du XIXe siècle, l'apport le plus original de la pensée occidentale moderne au développement des connaissances humaines, capable, par la force de ses résultats, de s'imposer dans tous les domaines des sciences théoriques à l'application technique, jusqu'au point d'influencer fortement la spéculation philosophique elle-même⁴. Elles représentèrent, en ce sens la solution du précédent rapport dialectique et la synthèse qu'exprima non seulement la culture de la modernité, mais aussi ses contradictions internes aujourd'hui bien évidentes⁵.

Nous étudions ici les différents aspects de l'héritage classique dans la pensée agronomique du XVIIIe siècle en Italie du nord et, en particulier, dans la Vénétie. Nous soulignerons, avant tout, les éléments de continuité directe entre la théorie et la pratique agronomique encore en usage au XVIIIe siècle et les solutions proposées par le savoir classique⁶. Nous mettrons ensuite en évidence les limites de ces interprétations face aux besoins réels d'un secteur économique particulièrement important dans les sociétés d'ancien régime. Nous soulignerons enfin les effets de longue période du mouvement réformateur, issu de la redécouverte des classiques, qui, en faisant ressortir les problèmes déterminés par un savoir désormais incapable de répondre aux besoins de modernisation, contribuèrent au progressif abandon des règles gréco-romaines⁷.

L'étude a été élaborée en utilisant un vaste appareil de sources allant des œuvres d'agronomie classique aux traités d'agriculture réalisés à partir de la Renaissance, de la littérature scientifique contemporaine aux actes des Académies d'Agriculture et aux fonds d'intérêt pour la recherche conservés auprès des archives d'Etat de Venise et de Padoue.

⁴ *Jas N.* Au Carrefour de la chimie et de l'agriculture. Les sciences agronomiques en France et en Allemagne, 1840–1914. Paris, 2000.

⁵ *Fitzpatrick M.* Science and Society in the Enlightenment // Enlightenment and Dissent. 1985. N 4. P. 83–105; *Dooley B.* Science teaching as a career at Padua in the early eighteenth century: the case of Giovanni Poleni // History of Universities. 1984. N 4. P. 115–151.

⁶ *Mamiani M.* Newton lettore dei classici: A proposito di due abbozzi newtoniani inediti sulla «prisca philosophia» // Sapienza antica: Studi in onore di Domenico Pesce. Milano, 1985. P. 358–363.

⁷ *Foster J.R.* Ancients and moderns: a study of the rise of the scientific movement in seventeenth-century England. St. Louis, 1961.

L'IMPORTANCE DE LONGUE DURÉE
DE L'HÉRITAGE LATIN

L'œuvre d'auteurs comme Caton, Varron, Columelle, Pline, Palladius et, à certains égards, Lucrèce lui-même, constitua la base sur laquelle se développa la culture agricole de la Renaissance et demeura un point de référence pour tout spécialiste de thèmes ruraux jusqu'à l'aube de l'âge contemporain⁸. Les raisons d'un phénomène à bien des égards paradoxal, centré sur la récupération des connaissances «techniques» d'époques si lointaines, étaient nombreuses et différentes de par leur nature et importance⁹.

Tout d'abord les conditions matérielles de l'agriculture occidentale – surtout dans les milieux méditerranéens – n'avaient pas beaucoup changé par rapport au contexte analysé par les érudits romains¹⁰.

L'enjeu essentiel du secteur, en effet, était resté celui d'augmenter les récoltes de blé sur lequel reposait en grande partie l'alimentation, compte tenu des limites de productivité imposées par la technique de l'époque¹¹. Les objectifs immédiats, alors, étaient de répondre à une demande croissante, de limiter le poids des importations, d'atténuer les tensions qui, de temps à autre, déterminaient de fortes augmentations des prix et des protestations sociales¹².

Le genre de production et d'organisation propres de l'entreprise agricole-type de la Renaissance, en outre, était assez similaire à ce qu'on aurait pu trouver à l'époque classique¹³. La place centrale des céréales et du vin, la culture mixte, les assolements sur deux ou trois ans, l'impossibilité matérielle de dépasser les contraintes imposées par la jachère, la pénurie d'engrais, les techniques de préparation du sol tributaires de la charrue traînée par les bœufs¹⁴

⁸ Ravelli F. Il ciclo idrologico naturale nel pensiero dei classici fino agli albori della moderna idrologia // Rivista di storia dell'Agricoltura. 2000. Vol. 40. N 1. P. 3–31; Fussel G.E. The Classical Tradition in West European Farming. The Sixteenth Century // The Economic History Review. 1969. N 22. P. 538–551.

⁹ Giorgetti G. Il movimento riformatore nel Settecento // Capitalismo e agricoltura in Italia / A cura di G. Giorgetti. Roma, 1977. P. 273–286.

¹⁰ Giorgetti G. Per una storia della campagna toscana nella seconda metà del Cinquecento // Ibid. P. 432–442.

¹¹ Les rendements du blé se situaient, comme au Moyen Âge, autour de 4 ou 5 pour 1 dans les terres les plus fertiles (Montanari M. Rese cerealicole e rapporti di produzione // Campagne medievali: Strutture produttive, rapporti di lavoro, sistemi alimentari. Torino, 1984. P. 54–85). Voir aussi Aymard M. Rendements et productivité agricole dans l'Italie moderne // Annales E.S.C. 1973. N 2. P. 445–497.

¹² Appleby A.B. Grain Prices and Subsistence Crisis in England and France: 1590-1740 // Journal of Economic History. 1979. N 39. P. 865–887; Achilles W. Getreidepreise und Getreidehandelsbeziehungen europäischer Raume im 16. und 17. Jahrhundert // Zeitschrift für Agrargeschichte und Agrarsoziologie. 1959. N 7. S. 32–55.

¹³ Dickson A. L'agricoltura degli antichi. Bologna, 1983.

¹⁴ Dieck A. Terminologie der Pflugteile, älteren Pflugarten und des Pflügens: ein Beitrag zur bäuerlichen Gegenstandskultur // Zeitschrift für Agrargeschichte und Agrarsoziologie. 1957. N 5. S. 160–169.

constituaient autant de points en commun de ces sociétés pourtant historiquement lointaines¹⁵.

Bien sûr, il y avait aussi des différences importantes. De nouveaux produits avaient été introduits des Amériques, comme, par exemple, le maïs, la pomme de terre, le tabac et les tomates¹⁶; le lin et le chanvre¹⁷ étaient cultivés en grandes quantités; les manufactures rurales avaient inséré la campagne dans les marchés urbains¹⁸ et, depuis le XVIIe siècle, l'élevage du ver à soie était devenu une activité fondamentale dans les campagnes¹⁹. Le progrès technique, évident surtout dans la fabrication des ustensiles agricoles, avait déterminé une évolution des procédés de labourage, de même que la réalisation des grandes œuvres d'assainissement et d'assèchement²⁰ avait augmenté la capacité de contrôler les eaux et de réaliser des structures d'irrigation modernes et efficaces²¹. Ces développements, toutefois, n'avaient pas entraîné de transformations substantielles, mais avaient plutôt contribué à des améliorations marginales dans un cadre productif par ailleurs inchangé dans ses éléments structurels. Pour ces raisons, des savants tels que Agostino Gallo, Camillo Tarello, Luigi Alamanni avaient fondé leurs analyses sur des textes latins et en avaient diffusé le message, souvent en reproduisant le style et la structure narrative, les nouveautés se limitant à des aspects secondaires²².

En même temps, la redécouverte de la rationalité classique avait créé une mentalité nouvelle, radicalement différente de celle qui avait dominé jusqu'alors²³. L'homme du Moyen Âge, dont le potentiel de compréhension

¹⁵ *Cherubini G.* L'Italia rurale del basso Medioevo. Roma; Bari. 1984.

¹⁶ *Fassina M.* L'introduzione della coltura del mais nelle campagne venete // *Società e Storia*. 1982. N 15. P. 31–59; *Gasparini D.* Polenta e formenton. Il mais nelle campagne venete tra XVI e XX secolo. Verona, 2002.

¹⁷ Le chanvre fut introduit dans les domaines vénitiens de Treviso en 1433 (Archivio di Stato di Venezia, par la suite ASV, Compilazione leggi. Busta 107. Carta 67r) et de Padoue vingt ans après (ASV. Patroni e Provveditori all'Arsenale. Busta 537. 25 octobre 1455).

¹⁸ *Celetti D.* Fustagni e «canevazze» per le vele della marina veneta tra '500 e '700 // *Atti dell'Istituto Veneto di Scienze, Lettere ed Arti, Classe di Scienze Morali, Lettere ed Arti*. 2003. N 160. P. 796–849; *Idem.* La canapa nella Repubblica Veneta. Produzione nazionale e importazioni in età moderna. Venezia, 2007; *Idem.* Hemp's Adversities. Technical, Economic and Social Aspects Involved in the Protection of the Crops of a Strategic Asset from Parasites and Pathogens in Italy and France between the Seventeenth and Eighteenth Centuries // *Le interazioni fra economia e ambiente biologico nell'Europa preindustriale secc. XIII–XVIII / Economic and Biological Interactions in the Pre-industrial Europe from the 13th to the 18th Centuries*. Atti della «Quarantunesima Settimana di Studi» 26–30 aprile 2009 / A cura di S. Cavaciocchi. Firenze, 2009. P. 93–109.

¹⁹ *Girelli A.M.* Il setificio veronese nel '700. Milano, 1969.

²⁰ *Borelli G.* Alvise Cornaro e il problema delle bonifiche // *Nuova Rivista Storica*. 1989. N 78. P. 424–433.

²¹ *Fussel G.E.* The Classical Tradition in West European Farming. The Sixteenth Century // *The Economic History Review*. 1969. N 22. P. 538–551.

²² *Mometto P.* L'azienda agricola Barbarigo a Carpi gestione economica ed evoluzione sociale sulle terre di un villaggio della bassa pianura veronese, 1443–1539. Venezia, 1992.

²³ *Tafuri M.* Venezia e il Rinascimento religione, scienza, architettura. Torino, 1985.

des mécanismes naturels avait été fortement limité par le poids de la religion, avait cédé la place à un esprit plus ouvertement penché sur l'étude de la réalité matérielle et des processus qui en expliquent l'évolution²⁴. A partir de ce point de vue les textes techniques latins représentaient les dernières analyses «empiriques» réalisées avant la période médiévale et constituaient donc le seul point de référence théorique sur le lequel s'insérer pour de nouvelles recherches. Les classiques furent donc lus et interprétés en raison de leur capacité à transmettre des méthodes d'analyse et des compétences immédiatement utilisables²⁵, avec une approche similaire à celle qui, à partir du VIIIe siècle, avait animé les traducteurs arabes de textes techniques grecs²⁶.

L'ensemble de ces aspects avait déterminé la diffusion et la popularité des écrits des anciens, même au-delà du cercle des spécialistes d'agronomie ou des érudits en langues classiques²⁷. A partir du XVe siècle, en effet, les traductions et les éditions des «œuvres rurales» s'étaient multipliées dans toute l'Europe²⁸. Le traité *Oeconomicus* de Xénophon²⁹, par exemple, avait été publié en anglais en 1534 et ensuite réédité en 1544, 1557 et 1573, tandis qu'en Italie Alessandro Piccolomini en présentait en 1543 une version restée un point de référence incontournable jusqu'à la fin du XVIIIe siècle. Caton, Varron, Columelle et Palladius avait été réunis dans une même édition parue avec un grand succès de vente à Venise en 1472, à Reggio en 1482, 1496, 1499, à Bologne en 1554, puis rééditée neuf fois encore au cours du siècle suivant. Caton et Varron avaient été présentés dans un même volume à Paris en 1543 et à Lyon en 1549. Au cours du XVIe siècle Columelle bénéficia de cinq éditions en latin, deux parues en Italie et trois en France, et Pline, après sa traduction en italien par Antonio Brucioli en 1543, fut imprimé dans les villes les plus importantes de la Péninsule.

L'intérêt pour «les œuvres techniques» latines était donc général et s'insérait de façon cohérente dans un processus intellectuel de grande en-

²⁴ *Comet G.* Le statut intellectuel des savoirs agricoles au Moyen Âge, référents et vecteurs // Traditions agronomiques européennes. Elaboration et transmission depuis l'Antiquité. Actes du 120e Congrès national des sociétés historiques et scientifiques. Section Histoire des sciences (Aix-en-Provence, 23–25 octobre 1995) / Sous la dir. de M.-Cl. Amouretti et F. Sigaut. Paris, 1998. P. 27–41.

²⁵ *Amigues S.* La signature des plantes, source de croyances ou de savoir dans l'Antiquité gréco-romaine? // La transmission des connaissances techniques. Tables rondes Aix-en-Provence, avril 1993 – mai 1994 / Éd. par M.-Cl. Amouretti et G. Comet. Aix-en-Provence, 1995. P. 127–138.

²⁶ *Gutas D.* Pensiero greco e cultura araba. Torino, 2002; *Saltini A.* Storia delle scienze agrarie. Dalle origini al Rinascimento. Bologna, 1984.

²⁷ *Beutler C.* La genèse de la maison rustique au XVIe siècle // Traditions agronomiques européennes. P. 43–52.

²⁸ *Amouretti M.-Cl., Comet G.* Hommes et techniques de l'Antiquité à la Renaissance. Paris, 1993.

²⁹ *Taragna Novo S.* Economia ed etica nell'Economico di Senofonte. Torino, 1968.

vergure qui trouvait d'autres exemples importants dans la médecine³⁰, dans l'art militaire³¹ et, naturellement, dans l'architecture. Palladio, par exemple, essaya tout au long de son œuvre d'appliquer les méthodes de construction et de conception des espaces définies par les grands réalisateurs romains³².

Ce ne fut qu'à la fin du dix-huitième siècle qu'une transformation radicale de la société imposa l'abandon des enseignements classiques et leur remplacement par la méthode expérimentale.

HÉRITAGE CLASSIQUE ET PRATIQUES RURALES

A partir de la fin du XVe siècle la reprise de la croissance démographique unie à l'essor des villes, de l'artisanat, des commerces détermina une augmentation de la demande de produits agricoles qui, à son tour, mit en évidence les limites des techniques et des rapports de production d'origine médiévale. On comprit, en particulier, qu'il était impensable de répondre aux nouveaux besoins de la société par la simple extension des terres cultivées. Il fallait repenser, dans une approche globale, les méthodes de culture et de gestion des fermes en substituant l'exploitation extensive typique des économies féodales par l'exploitation intensive des terres, ce qui, à son tour, aurait profondément affecté les structures agraires elles-mêmes.

La littérature technique latine fournit alors aux agronomes de la Péninsule non seulement le schéma théorique de référence, mais aussi des indications de pratique rurale basées sur la rationalité et sur la recherche d'une plus grande efficacité dans l'usage des moyens de production³³.

Si Piero de Crescenzi (1233–1320)³⁴, «compilateur» d'une «somme» de connaissances agricoles, le *Ruralium Commodorum Opus* (1304)³⁵, intégra les enseignements de Varron et Columelle à une approche aristotélicienne, le Florentin Luigi Alamanni (1495–1556), auteur de *La coltivazione* (1546)³⁶, poème didactique en hendécasyllabes à l'imitation des *Géorgiques* de Virg-

³⁰ *Bylebyl J.J.* *Medicine, Philosophy and Humanism in Renaissance Italy // Science and the Arts in the Renaissance* / Ed. by J.W. Shirley and F.D. Hoeniger. Washington, 1985. P. 27–49.

³¹ *Del Negro P.* *Guerra ed eserciti da Machiavelli a Napoleone*. Roma, 2001; *Hale J.R.* *Guerra e società nell'Europa del Rinascimento*. Roma, 1987.

³² *Palladio* / Ed. by G. Beltramini and H. Burns. London, 2008.

³³ *Kotelnikova L.A.* *Mondo contadino e città in Italia dall'XI al XIV secolo*. Bologna, 1975; *Sereni E.* *Storia del paesaggio agrario italiano*. Bari, 1961.

³⁴ *Testi agronomici d'area emiliana e Rinascimento europeo*. La cultura agraria fra letteratura e scienza da Pier de' Crescenzi a Filippo Re. Atti del convegno internazionale, Bologna 31 maggio – 1 giugno 2007 / A cura di L. Avellini, R. Finzi, L. Quaquarelli. Bologna, 2007.

³⁵ *De Crescenzi P.* *Trattato della agricoltura di Piero De' Crescenzi traslatato nella favella fiorentina rivisto dallo 'Nferigno accademico della Crusca*. Bologna: nell'Instituto delle Scienze, 1784. 2 vol.

³⁶ *Alamanni L.* *La coltivazione di messer Luigi Alamanni*. Venezia: dalla Stamperia Palese, a spese di Gio. Andrea Foglierini, 1795.

ile³⁷, étudia et utilisa à son tour des écrits classiques en dehors de tout système philosophique et dans le seul but d'identifier des méthodes utiles pour accroître le rendement de la terre³⁸. L'agronomie s'était désormais libérée des contraintes idéales ou théologiques et s'insérait, dans un cadre de très forte continuité, dans le sillon jadis tracé par les érudits latins.

Cette même approche, en effet, fut reprise avec plus de rigueur par Agostino Gallo (1499–1570), auteur de *Le Vinti giornate dell'agricoltura e dei piaceri della villa*³⁹, un traité conçu sous la forme d'un dialogue entre deux amis, Battista Avogadro, propriétaire foncier, et Messer Vincenzo, son hôte, en empruntant un modèle stylistique largement utilisé par des auteurs comme Xénophon, Varron, Bembo et en puisant abondamment dans le texte de Columelle⁴⁰.

Bien que la pensée classique ait constitué une base essentielle de l'œuvre d'Agostino Gallo, l'image finale qui se dégage de son travail présente aussi d'importantes innovations⁴¹. L'auteur italien prôna, avant tout, un genre de culture très intensif et analysa les conditions d'accélération des cycles d'exploitation des sols, de réduction des périodes de repos, de développement des plantations spécialisées⁴².

L'intensification des pratiques agraires détermina d'un autre côté une attention accrue au problème des engrais. Ceux-ci acquirent une importance fondamentale et leur disponibilité apparut comme un élément indispensable au fonctionnement du système. Tout aussi décisif était le bon emploi des techniques d'irrigation et, en ce domaine, Agostino Gallo montra qu'il connaissait bien les expériences de l'agriculture arabe transmises par les écrits de Ibn al-Awwam⁴³.

Ces derniers aspects constituèrent les résultats les plus importants et novateurs de l'agriculture de la Renaissance. En effet non seulement les assèchements, la création et la mise en œuvre des structures d'irrigation (excavation de canaux, construction de barrages, assainissement hydraulique

³⁷ *Caccialanza F.* *Le Georgiche di Virgilio e La coltivazione di Luigi Alamanni: studi e raffronti.* Susa, 1892.

³⁸ *Barni G.* Alamanni nel territorio Lombardo // *Archivio Storico Lombardo.* 1892. N 3. P. 1–12.

³⁹ *Gallo A.* *Le tredici giornate della vera agricoltura & de' piaceri della villa di m. Agostino Gallo.* Venetia: Bevilacqua, 1566.

⁴⁰ Agostino Gallo nella cultura del Cinquecento. Atti del Convegno Brescia, 23–24 ottobre 1987 / A cura di M. Pegrari. Brescia, 1988; *Josa G.* Agostino Gallo e le sue Venti giornate dell'agricoltura e dei piaceri della villa. Firenze, 1943.

⁴¹ *Saltini A.* Il sapere agronomico. Dall'aristotelismo alla poesia didascalica: la parabola secolare della letteratura georgica // *Storia dell'Agricoltura Italiana.* II: Il Medioevo e l'età moderna / A cura di G. Pinto, C. Poni, U. Tucci. Firenze, 2002. P. 449–474.

⁴² *Celetti D.* La canapa nella Repubblica Veneta.

⁴³ *Ibn al-Awwām al-Īsbīlī, Yaḥyā ibn Muḥammad.* Le Livre de l'agriculture / Traduit de l'arabe par J.-J. Clément-Mullet. 2 t. en 3 vol. Paris, 1864–1867. Voir aussi *Watson A.M.* The Arab Agricultural Revolution and Its Diffusion, 700–1100 // *Journal of Economic History.* 1974. N 34. P. 7–35.

des terres), augmentèrent la productivité au-dessus de celle de «l'agriculture sèche», mais ils mirent aussi en évidence la corrélation directe existant entre rentabilité du sol, expansion des cultures fourragères et élevage intensif de bovins⁴⁴. Le système de culture qui se développa en Lombardie à partir du XVe siècle représenta un paradigme au niveau européen des potentialités offertes par l'irrigation, le pré artificiel, l'élevage intensif.

Agostino Gallo exposa enfin, pour la première fois dans l'histoire de l'agronomie occidentale, les procédés de la culture du riz et les avantages que cette dernière garantissait en termes de quantité de glucides et de protéines par rapport au blé⁴⁵.

L'accroissement de la productivité des terres en passant d'une agriculture sèche et extensive, typique de l'époque romaine, à un système intensif et irrigué fut reprise dans ses prémisses et complétée dans ses méthodes et conséquences par Camillo Tarello (1505–1570), qui, dans son œuvre *Ricordo di agricoltura*, éditée sans interruption de 1567⁴⁶ à 1811, définit une méthode de culture considérée absolument novatrice. En partant des analyses des engrais et de leurs propriétés réalisées par Plinie et Columelle⁴⁷ – qui, dans le travail de Tarello, sont cités respectivement 111 et 90 fois – et des hypothèses formulées par Agostino Gallo, Tarello proposa de réduire de moitié la surface ensemencée en blé en la remplaçant en partie par des prairies de trèfle, en partie par d'autres cultures enrichissantes, en premier lieu les légumineuses, ce qui aurait évité toute baisse dans la récolte des céréales et, en même temps, aurait permis d'augmenter les productions laitière et de viande. La grande quantité de travail libéré par la diminution des champs de froment et, surtout, la masse du fumier produit par le bétail auraient augmenté le rendement en blé plus que proportionnellement par rapport à la réduction des surfaces⁴⁸.

Les acquis de la culture agronomique du XVIe siècle constituèrent un point de référence et un modèle qui ne put être dépassé qu'à la fin du XVIIIe siècle, après une longue période de stagnation intellectuelle, économique et démographique qui toucha l'ensemble des États italiens⁴⁹. Les guerres, la décadence du grand commerce méditerranéen, la peste et le contrôle imposé par l'Église sur toute forme de créativité et d'innovation déterminèrent un profond ralentissement du développement social dans son ensemble. L'agriculture, de plus, ressentit aussi de la faiblesse des marchés et de l'imposition de rapports de production fortement défavorables aux cultivateurs. Les clauses con-

⁴⁴ *Salvemini B.* L'allevamento // *Storia dell'Agricoltura Italiana*. II: Il Medioevo e l'età moderna. P. 255–320.

⁴⁵ *Sigaut F.* Entre pratiques raisonnées et science efficace, l'âge des doctrines en agronomie // *Traditions agronomiques européennes*. P. 197–221.

⁴⁶ *Tarello C.* *Ricordo d'agricoltura*. Venetia: appresso Francesco Rampazetto, 1567.

⁴⁷ *Colella A.* Confronto tra agronomi latini sul problema della concimazione // *Rivista di storia dell'Agricoltura*. 1998. Vol. 38. N 1. P. 3–22.

⁴⁸ *Saltini A.* *Storia delle scienze agrarie. Dalle origini al Rinascimento*.

⁴⁹ *Chevet J.M.* La transmission des savoirs agricoles dans les processus de croissance aux XVIIIe – XIXe siècles: l'exemple de la région parisienne // *Traditions agronomiques européennes*. P. 171–180.

tractuelles de fermage, qui imposaient avant tout la production de blé, la pauvreté structurelle des paysans, la nécessité d'obtenir des apports alimentaires directs, éloignèrent rapidement, surtout dans les provinces de la Vénétie, la réalité rurale des modèles exposés par les auteurs du siècle précédent. La littérature agronomique se caractérisa à cette époque par un formalisme stérile, dépourvu de toute capacité d'innovation⁵⁰.

Ainsi, le livre d'Africo Clementi Dell'agricoltura, imprimé à Venise en 1572⁵¹, ou celui de Giovanni Falcone, *La nuova villa*⁵², ne sont que des brochures dans lesquelles, en reprenant mot à mot les préceptes des auteurs classiques, on fournit quelques informations générales sur l'exploitation du fonds rustique.

La seule exception dans ce cadre par ailleurs assez pauvre est l'œuvre de Vincenzo Tanara (mort en 1667), *L'Economia del cittadino in villa*, imprimée la première fois à Bologne en 1644⁵³. En affichant le propos de rendre le séjour des nobles à la campagne le plus agréable et profitable possible, il présenta avec originalité et profondeur les différents aspects de l'agriculture du Bolognais et, en particulier, de la culture du chanvre, plante alors très répandue dans la région et objet de profitables exportations vers la Vénétie⁵⁴.

LE «SIÈCLE DES LUMIÈRES» DANS LES TERRES DE LA VÉNÉTIE

Jusqu'au début du XVIIIe siècle, les œuvres agronomiques publiées en Italie continuèrent à se caractériser par la légèreté de la forme et la pauvreté du contenu. On vit apparaître surtout des poèmes didactiques où les enseignements des anciens étaient proposés dans le cadre raffiné de l'Arcadie, comme le démontrent les travaux de Giovanbattista Spolverini, *Coltivazione del riso*⁵⁵, de Girolamo Baruffaldi *Il Canapaio*⁵⁶, de Gianfrancesco Giorgetti, *il Filugello ossia il baco da seta*⁵⁷.

⁵⁰ Saltini A. Storia delle scienze agrarie. Dalle origini al Rinascimento.

⁵¹ Clementi A. Trattato dell'agricoltura. di M. Africo Clemente Padovano, nel quale si contiene il vero, & utilissimo modo di coltivare le cose di Villa. Venezia, 1700.

⁵² Falcone G. La nuoua, vaga et diletteuole villa. Venetia: appresso Nicolo Moretti, 1603.

⁵³ Tanara V. L'economia del cittadino in villa. Venezia: Brignonci, 1665.

⁵⁴ Malvasia I. Istruzioni di agricoltura dettate da monsignore Innocenzo Malvasia pel fattore delle sue terre a Panzano di Castel Franco nel bolognese. Bologna, 1871. Voir aussi *Finzi R. Monsignore al suo fattore. La «Istruzione di agricoltura» di Innocenzo Malvasia (1609)*. Bologna, 1979.

⁵⁵ Spolverini G. La coltivazione del riso del marchese Giambattista Spolverini colle varie lezioni del medesimo. Milano, 1813.

⁵⁶ Baruffaldi G. Coltivazione della canape. Istruzioni di tre pratici centesi Fabrizio Berti, Innocenzio Bregoli, et Antonio Pallara. Raccolte dal cavaliere Gio. Antonio Berti centese. Bologna: nella stamperia di Lelio dalla Volpe, 1741.

⁵⁷ Giorgetti G. Il Filugello, ossia il Baco da seta, poemetto in libri III. Venezia: P. Valvasense, 1752.

On était, toutefois, à la frontière d'une nouvelle époque. Comme ce fut le cas pendant la Renaissance, la contradiction entre les besoins matériels d'une société en pleine expansion, les limites productives de l'agriculture, les instruments opérationnels disponibles imposèrent de nouvelles approches de recherche dont le résultat fut le dépassement progressif et, enfin, l'abandon de «l'héritage classique» dans les sciences agronomiques⁵⁸.

De par leurs conditions structurelles les terres de la Vénétie constituèrent un exemple particulièrement intéressant du processus dialectique que nous venons de décrire. Le secteur subissait de façon particulièrement grave les tensions déterminées par les besoins d'une population en forte croissance démographique, les prélèvements imposés par les propriétaires en termes de rente foncière⁵⁹ et les limites apparemment insurmontables de la productivité des terres⁶⁰.

La persistance de profonds déséquilibres entre pâturages et terrains semés, la pénurie d'engrais, l'extension excessive de la monoculture des céréales généralement pratiquée sur la base d'inefficaces assolements sur trois ans, les contrats de fermage trop courts, l'augmentation incontrôlée des terres arables au détriment des prairies et des bois furent les causes les plus évidentes d'une situation qui, dans de nombreux milieux, était considérée avec alarme et préoccupation⁶¹.

Les origines de ces problèmes remontaient au temps de la conquête de la *Terraferma*, quand, en plein milieu du XVe siècle, les nobles vénitiens amorcèrent un processus d'acquisition foncière sur grande échelle alors que l'augmentation des prix des céréales sur les marchés les plus importants déterminait une forte propension à accroître les surfaces arables. En ce contexte, la diffusion, à partir du XVIIe siècle, du maïs, modifia profondément les critères d'exploitation des terres, sans toutefois déterminer des transformations capables de résoudre positivement les limites que nous venons d'exposer. La nouvelle culture, en effet, ne diminua pas, mais, au contraire, augmenta fortement la pression sur l'extension des terres cultivées, l'élargissement des champs ensemencés en maïs ou en blé, la diminution des cultures spécialisées, des prairies et des élevages⁶². La seule exception à un tableau par ailleurs négatif était la production d'huile d'olive

⁵⁸ *Rombai L., Boncompagni A.* Popolazione, popolamento, sistemi culturali, spazi coltivati, aree boschive ed incolte // *Storia dell'Agricoltura Italiana. II: Il Medioevo e l'età moderna.* P. 171–222.

⁵⁹ *Lecce M.* L'agricoltura veneta nella seconda metà del Settecento. Verona, 1968.

⁶⁰ *Ibid.*

⁶¹ *Simonetto M.* L'inchiesta Arduino e i grandi problemi dell'agricoltura veneta nel Settecento // *Venetica.* 1998. Terza serie. N 1. P. 9–46.

⁶² *Blanchard I.* The Continental European Cattle Trades, 1400–1600 // *Economic History Review.* 1986. N 39. P. 427–460; *Tucci U.* L'Ungheria e gli approvvigionamenti di bovini nel Cinquecento // *Rapporti veneto-ungheresi all'epoca del Rinascimento. Atti del II Convegno di studi italo-ungheresi / A cura di T. Klaniczay.* Budapest, 1975. P. 153–171.

autour du lac de Garde⁶³, du chanvre entre Cologna Veneta et Montagnana, du riz dans le Véronèse⁶⁴.

Le XVIIIe siècle reçut en héritage et, à bien des égards, porta à ses conséquences extrêmes ces structures foncières et ces rapports de production, ce qui alarmait les esprits les plus ouverts et les amenait à réclamer des mesures capables de résoudre une situation autrement sans perspectives⁶⁵. Toute option efficace rencontrait toutefois une opposition ouverte ou larvée des éléments politiques et sociaux les plus influents qui n'auraient pas accepté des transformations pouvant mettre en question leur position privilégiée.

C'est seulement dans les dernières décennies du siècle que s'amorcèrent quelques transformations positives. La hausse des prix des produits agricoles, la bonne rentabilité des investissements fonciers, la propagation en Italie de l'idéal anglais du «gentleman-farmer» – l'entrepreneur d'origine aristocratique qui s'impliquait directement dans la gestion de sa propriété – déterminèrent un intérêt croissant d'une partie de la classe dirigeante pour l'amélioration des techniques et des rendements agricoles qui, à son tour, induisit un soutien politique au renouvellement du secteur⁶⁶.

L'ESPRIT DES ACADÉMIES

Un des résultats les plus évidents de l'action publique fut la création de la magistrature dite «Deputazione all'Agricoltura» qui, explicitement responsable des affaires rurales, stimula par la suite la création de la chaire d'agronomie à l'Université de Padoue et des académies agraires, élément central du renouveau culturel, plus encore que matériel, des sciences agricoles – et, en général, de l'économie⁶⁷ – dans la Vénétie⁶⁸. Le 10 septembre 1768⁶⁹, un décret

⁶³ *Pinto G.* Olivo e olio // *Storia dell'Agricoltura Italiana. II: Il Medioevo e l'età moderna.* P. 489–502.

⁶⁴ *Beltrami D.* Saggio di storia dell'agricoltura nella Repubblica di Venezia durante l'età moderna. Venezia; Roma, 1955.

⁶⁵ *Fornasin A.* La proprietà della terra, i percettori dei prodotti e della rendita // *Storia dell'Agricoltura Italiana. II: Il Medioevo e l'età moderna.* P. 357–382.

⁶⁶ *Hunecke V.* Il corpo aristocratico // *Storia di Venezia. Dalle origini alla caduta della Serenissima. Vol. VIII: L'ultima fase della Serenissima* / A cura di P. Del Negro, P. Preto. Roma, 1998. P. 359–429.

⁶⁷ *Piscitelli E.* Il pensiero degli economisti italiani del '700 sull'agricoltura, la proprietà terriera e la condizione dei contadini // *Clio.* 1979. N 2. P. 245–293.

⁶⁸ Le 3 mai 1765, le Sénat créa à Padoue la première chaire d'agronomie d'Italie, confiée à Pietro Arduino qui avait à sa disposition un jardin-laboratoire de 12 champs de Padoue. Voir *Gullino G.* *Politica ed economia, a Venezia, nell'età di Benedetto Marcello (1686–1739)* // *Benedetto Marcello la sua opera e il suo tempo. Atti del convegno internazionale (Venezia, 15–17 dicembre 1986)* / A cura di Cl. Madricardo e F. Rossi. Firenze, 1988. P. 1–15.

⁶⁹ *Gullino G.* Arduino ed i clementissimi protettori veneziani // *Scienza tecnica e «Pubblico bene» nell'opera di Giovanni Arduino: 1714–1795. Atti del Convegno (Verona, 9–10 febbraio 1996)* / A cura di E. Curi. Verona, 1999. P. 325–339.

établit que toutes les académies littéraires et culturelles de l'État se seraient transformées en académies agraires ou, tout au moins, auraient prévu une section spécifique dédiée à l'étude des problèmes ruraux. En peu d'années les académies ouvrirent leurs portes à Brescia, Bergame, Crema, Vérone, Vicence, Padoue, Rovigo, Trévis, Belluno, Feltre, Udine Conegliano, Capodistria (Koper), Zara (Zadar), Spalato (Split), Traù (Trogir).

On assista enfin à la fondation, par décret du 9 septembre 1773, de l'École de médecine vétérinaire de Padoue, installée dans l'ancien couvent des *Maddalene* et confiée à la direction de Giuseppe Orus (1751–1792). On créa également des publications destinées à diffuser vers un large public les résultats des études et des expériences menées par les membres des Académies, dont le *Giornale d'Italia spettante alla scienza naturale e principalmente all'agricoltura, alle arti ed al commercio*, dirigé par Francesco Griseolini (1717–1787) et publié à partir de 1764, ou *La raccolta di memorie delle pubbliche Accademie di Agricoltura, Arti e commercio dello Stato veneto* (1789–1797), en furent les exemples les plus importants.

La tâche principale des Académies était de diffuser «auprès des sujets de toutes conditions les vrais principes de la culture des terres, d'introduire l'émulation parmi les travailleurs, de les persuader, sans utiliser la force, d'abandonner certaines mauvaises pratiques et de vaincre par le poids du raisonnement, la résistance opiniâtre des paysans» à toute innovation technique. Ces institutions représentèrent un moment tardif, mais réel, de développement de la culture et de la pensée agronomique dans la Vénétie. Elles constituèrent surtout un lien avec ce qui se passait à cette époque dans les parties les plus avancées d'Italie et d'Europe. Elles furent, en d'autres termes, la voie d'accès dans la Vénétie de la pensée des Lumières et des méthodes de recherche propres aux «sciences naturelles» appliquées à l'agronomie⁷⁰. Le travail de ces institutions se concentra sur le développement des cultures «alternatives» aux céréales, comme, par exemple, le chanvre dans les provinces de Padoue⁷¹ et de Rovigo⁷²; le lin dans les alentours de Piove di Sacco⁷³, ou les pommes de terre⁷⁴; la diffusion des bonnes pratiques de culture parmi les exploitants⁷⁵; les problèmes liés à la gestion des eaux⁷⁶, à l'usage des engrais⁷⁷, à la présence des moutons dans les terres cultivées et aux droits de pâturage⁷⁸.

⁷⁰ Chevet J.M. Op. cit.

⁷¹ Archivio di Stato di Padova (par la suite ASP). Canapi. Busta 2266. Filza 62. 1764; Busta 2267. Filza 61, 1763; ASV. Deputati all'Agricoltura. Busta 16. 14 agosto 1781.

⁷² ASV. Deputati all'Agricoltura. Busta 19. Filza 13. 19 settembre 1794.

⁷³ ASV. Deputati all'Agricoltura. Busta 16. 23 gennaio 1778.

⁷⁴ Zanon A. Lettera intorno alle Patate del Signor Antonio Zanon, corretta in piu luoghi / Ed illustrata con note dal dottor N.N. Roma: P. Giunchi, 1785.

⁷⁵ ASV. Deputati all'Agricoltura. Busta 16. Carta 4.

⁷⁶ ASV. Deputati all'Agricoltura. Busta 16. Carta 5; Busta 19. Filza 13. 19 settembre 1794.

⁷⁷ Zanon A. Della Marna e di alcuni altri fossili atti a render fertili le terre. Venezia: appresso M. Fenzo, 1768.

⁷⁸ ASV. Deputati all'Agricoltura. Busta 16. Carta 6.

La «nouvelle science agraire», une fois acquise et approuvée par la classe dirigeante, qui en comprenait enfin les potentialités, se propagea très vite dans les provinces de la *Terraferma* ainsi que dans certaines municipalités du *Stato da Mar*. Les enseignements classiques, la présence même de la littérature d'origine latine ainsi que des auteurs de la Renaissance, perdirent en importance et les efforts de recherche furent de plus en plus dirigés vers l'étude de la chimie et de la biologie, vers les tentatives d'application des «nouvelles sciences» aux problèmes de la terre, vers l'identification des mécanismes qui expliquaient les processus d'enrichissement du sol, de reproduction des plantes, de diffusion des maladies. Aux schémas théoriques fournis par la littérature agronomique latine se substituèrent ceux nouvellement créés par des agronomes étrangers et, en partie, par les Italiens qui opéraient selon la méthode expérimentale.

John Mortimer, par exemple, auteur de *L'Agriculture complète ou l'Art d'améliorer les terres*, publiée en France en 1707, fut largement lu et sa prétention d'avoir éliminé tout lien intellectuel avec l'agronomie classique par le caractère radicalement novateur de son approche expérimentale et empirique trouva un fort consentement parmi les agronomes de l'époque. Encore plus importante fut l'influence de Jethro Tull (1674–1741) qui définit un axiome destiné à devenir le point central de la révolution agricole moderne. Il démontra en effet que la connaissance des caractéristiques du sol et des processus d'acquisition des éléments nutritionnels par les plantes – donc de la chimie appliquée – représentait la condition préalable à tout développement des pratiques agricoles.

Francis Home, auteur des *Principles of agriculture and vegetation*, publiés en 1757, s'insérait dans la même voie en approfondissant en particulier les raisons de la diffusion des maladies et des parasites. L'école française fournit aux membres des Académies un exemple d'approche à la fois moderne et structuré grâce aux travaux de Henri Louis Duhamel Du Monceau (1700–1782), naturaliste, propriétaire d'exploitations agricoles, inspecteur général de la Marine, membre des Académies des Sciences de Paris, de Londres, de Saint-Petersbourg et de Palerme⁷⁹.

Le premier travail «scientifique» paru en Italie fut celui de Francesco Ginanni (1716–1766) auteur de *Delle malattie del grano in erba*, une œuvre qui ouvrit une longue série d'études à la frontière entre la biologie, la médecine et l'agriculture⁸⁰.

Giovanni Targioni-Tozzetti (1712–1783)⁸¹ et Felice Fontana (1730–1805)⁸² poursuivirent le même parcours en s'illustrant par la rigueur scien-

⁷⁹ *Boulain J.* Vingt ans de vulgarisation trop exclusive – 1785–1805 // Traditions agronomiques européennes. P. 53–63.

⁸⁰ *Ginanni F.* *Delle Malattie del grano in erba, trattato storico-fisico del conte Francesco Ginanni, (...)* con altre osservazioni di storia naturale del medesimo autore. Pesaro: Stamperia Gavelliana, 1759.

⁸¹ *Ragionamenti del dottor Giovanni Targioni-Tozzetti sull'agricoltura toscana.* Lucca: Stamperia di Jacopo Giusti, 1759.

⁸² *Opuscoli scientifici di Felice Fontana fisico della persona di S.A.R. l'Arciduca, e Gran Duca di Toscana, e Direttore del suo Real Museo di Storia Naturale e di Fisica.* Firenze: per Gaetano Cambiagi stampator granducale, 1783.

tifique de leurs travaux, la volonté d'appliquer toutes les connaissances et les compétences des «autres sciences», l'utilisation des instruments les plus modernes, comme, par exemple, le microscope.

Les travaux des auteurs que nous venons d'examiner, ainsi que ceux, moins importants, d'autres agronomes et les relations de l'Accademia dei Georgofili, fondée à Florence par Umberto Montelatici, constituèrent le cadre théorique sur lequel travaillèrent les membres des Académies opérant en Vénétie.

Face à un effort intellectuel et d'organisation tout à fait considérable, toutefois, les réalisations concrètes des Académies et de ce qu'on pourrait appeler le «mouvement global de renouvellement de l'agriculture vénitienne» furent relativement limitées. Outre les nombreuses primes et récompenses données pour des idées novatrices, le résultat le plus important fut la première – et unique – enquête agricole de l'histoire vénitienne réalisée selon les principes rationnels des Lumières françaises voulue et dirigée par Pietro Arduino (1728–1805). Novatrice de par sa méthode, l'enquête mit en valeur les problèmes les plus évidents du secteur qui, d'ailleurs, étaient déjà largement connus, sans toutefois affronter les causes réelles qui empêchaient – ou du moins retardaient – toute action modernisatrice et, surtout, la nécessité de réformer des rapports de production archaïques, fonctionnels au bien-être de la classe dominante, mais nuisibles au progrès social et économique⁸³.

CONCLUSIONS

Les résultats de la pensée agronomique des XVe et XVIe siècles se basèrent sur l'étude des classiques et se traduisirent par l'inclusion des schémas intellectuels et des prescriptions pratiques des anciens dans la réalité des campagnes de la Renaissance. L'agronomie latine, en d'autres termes, fut considérée comme un modèle capable de fournir des outils à la fois théoriques et pratiques appropriés au renouvellement du secteur et à sa capacité de répondre, grâce à l'application de méthodes rationnelles de production, aux besoins de la société. Dès le XVIIe siècle, toutefois, l'apport classique avait perdu tout rôle moteur. On comprenait que les enseignements des anciens, même modifiés pour en permettre une meilleure application, ne pouvaient plus augmenter la productivité des sols et que les niveaux qui avaient été atteints à la fin du XVIe siècle n'auraient pu être dépassés en s'appuyant uniquement sur la répétition des règles de Pline ou Columelle.

La corrélation directe entre la productivité du sol et la disponibilité d'engrais, théorisée par Tarello et prouvée par les résultats de l'agriculture intensive flamande et lombarde, constitua à cet égard un tournant qui orienta la recherche agricole vers de nouveaux terrains d'étude jusqu'alors incon-

⁸³ *Lecce M.* Op. cit.

nus. La connaissance de la composition chimique du sol, des moyens pour l'enrichir, des processus d'absorption par les plantes des éléments nutritionnels devinrent dès lors les éléments fondamentaux où se concentrèrent les efforts des sciences agronomiques.

Cette transformation se compléta quand l'agronomie bénéficia des acquis des autres «sciences naturelles» et accéda au rang de science expérimentale. La chimie fournit la clé pour comprendre les processus qui règlent les échanges d'éléments nutritionnels entre les plantes et le monde minéral. La biologie et la médecine étudièrent les mécanismes qui régissent l'activité coordonnée de plusieurs organes et organismes, certains fonctionnels à la croissance des plantes cultivées, d'autres absolument négatifs.

La transformation de l'agriculture en une science expérimentale se produisit donc, tout au long du XVIIIe siècle, grâce au développement des « nouvelles sciences », aux apports de la pensée des Lumières et à leur insertion positive dans l'ensemble des transformations qui, à cette époque, touchaient les pratiques agraires des pays les plus avancés d'Europe. Le renouvellement théorique de l'agronomie coïncida donc à la fois avec une transformation globale de la culture occidentale et avec la pénétration des rapports de production de type capitaliste dans les campagnes⁸⁴. En ce contexte le message des anciens avait largement perdu de sens et leurs textes étaient effectivement devenus, comme l'avait affirmé Jethro Tull, des écrits d'un langage raffiné mais qui ne pouvaient transmettre aucune connaissance utile au développement de l'agriculture.

Давид Челетти

Классическое наследие в теории и практике сельского хозяйства XVIII столетия

Статья посвящена судьбам классического наследия в агрономической науке и практике Северной Италии XVIII в. Автор анализирует элементы преемственности между состоянием агрономии в указанный период и греко-римскими моделями, их интерпретацию в эпоху Просвещения, а также последующее критическое переосмысление.

⁸⁴ *Argemi L.* Agriculture, Agronomy and political Economy: Some Missing Links // History of Political Economy. 2002. N. 34. P. 449–478.

ИСКУССТВО И ОБЩЕСТВО

А.С. Корндорф

«ТЕМНАЯ СТОРОНА» ПРОСВЕЩЕНИЯ. АНТИЧНАЯ ТРАДИЦИЯ И ИНФЕРНАЛЬНЫЕ СЮЖЕТЫ АРХИТЕКТУРНОЙ СЦЕНОГРАФИИ XVIII ВЕКА

Одним из самых любопытных и загадочных явлений театральной иконографии XVIII в. представляется развитие классического сюжета «схождения в Аид». Пользовавшиеся огромной популярностью в придворном театре XVII – начала XVIII столетия «сцены преисподней» в век Просвещения начали терять свое былое значение, а в первой трети XIX в. и вовсе стали достоянием лишь двух-трех опер и балетов, изначально предполагавших спуск героев в Аид, – *Орфея*, *Психеи* и *Альцесты*. Прочие же бесчисленные театральные коллизии, заставлявшие участников чуть ли не каждого праздничного спектакля, приуроченного к государственным торжествам, неизменно оказываться по ту сторону *реки забвения*, пусть даже отклоняясь от классических литературных маршрутов, оказались накрепко забыты.

К счастью, сохранились десятки описаний, авторских ремарок, гравюр и эскизов, посвященных подобным сценам. Часть этих материалов, описанная и опубликованная исследователями, легла в основу известных трудов по истории того или иного европейского придворного театра, о творчестве отдельных художников-декораторов или о становлении оперного жанра. Однако развитие собственно иконографии театрального «Ада» XVII–XVIII вв. и причины ее актуальности на европейских подмостках в течение более чем столетия как сквозные темы истории искусства до сих пор не привлекали внимания ученых¹. Хотя вопрос о

© А.С. Корндорф, 2012

¹ В отличие от трансформации образов загробного мира (и христианского Ада в частности) в живописи, миниатюре, средневековом и школьном театре и других видах искусства, применительно к которым эта тема разработана более чем подробно.

значении адских сцен в барочном придворном театре уже был поставлен музыковедами в конце XX в.²

Разумеется, ни я, да и никто другой не возьмется проследить подробную иконографию «Ада», даже если речь идет лишь об иллюзорной театральной архитектуре³. В данном случае, рассмотрев содержательный, фабульный аспект того, как зародилась и почему угасла монаршая «аидомания», и наметив основные узнаваемые «топографические» приметы архитектурной сценографии «Ада» (в предыдущих работах⁴), я попробую проследить судьбу этой мизансцены с точки зрения трансформации ее иконографии в придворном театре Просвещения.

Сцены Ада, первоначально призванные представлять стихию огня в аллегорических барочных постановках конца XVI столетия, уже в XVII в. обрели вескую политическую мотивацию. Отправной точкой для придания видениям преисподней нового смысла стал один из самых знаменитых «инфернальных сюжетов» – история Орфея и Эвридики. Хрестоматийный миф, переработанный Оттавио Ринуччини и композитором Якопо Пери, представили на сцене роскошного палаццо Питти 6 октября 1600 г. в честь бракосочетания Марии Медичи, дочери правителя Флоренции Франческо I, с королем Франции Генрихом IV. Успех *Эвридики* был абсолютным, слава флорентийской камераты и самого Пери сделалась предметом зависти большинства итальянских дворов. Но не меньше музыки и грандиозных декораций пришлось по сердцу венценосным гостям герцога Медичи и новая политическая аллюзия, дополнившая традиционный мотив умирения адской огненной стихии. Она таилась в

² *Rode-Breymann S.* In Charons Nachen. Die Unterweltszene in der Barockoper // Musik & Bildung. 2000. N 6. S. 24–32; *Blumenberg H.* Schiffbruch mit Zuschauer. Paradigma einer Daseinsmetapher. Frankfurt/Main, 1979; *Булычева А.В.* Сады Армиды. Музыкальный театр французского барокко. М., 2004. Интерес этих исследователей фокусируется преимущественно на музыкальной составляющей театра барокко, но их работы имеют определяющее значение для изучения поэтики и структуры придворных спектаклей в целом.

³ Существует несколько работ, посвященных раннебарочной иконографии «Ада». См., например: *Pirrotta N.* Gli due Orfei. Da Poliziano a Monteverdi. Con un saggio critico sulla scenografia di Elena Povoledo. Torino, 1975; *Beijer A.* Visions célestes et infernales dans le théâtre du Moyen-âge et de la Renaissance // Les Fêtes de la Renaissance, I. Journées internationales d'études, abbaye de Royaumont, 8–13 juillet 1955 / Études réunies et présentées par J. Jacquot. Paris, 1956. P. 405–417. Несколько страниц уделено иконографии «Ада» в монографическом исследовании творчества Торелли: *Bjurström P.* Giacomo Torelli and baroque stage design. Stockholm, 1961. P. 201–204, а также в книге: *Solf S.* Festdekoration und groteske. Der wiener bÜnenbildner Lodovico Ottavio Burnacini: inszenierung barocker kunstvorstellung. Baden-Baden, 1975. S. 85–91. Наконец, см. статью об «Аде» как одном из локусов театральной топографии от Средневековья до XVII в. в многотомной «Enciclopedia dello spettacolo» (Roma, 1956. T. VI. P. 555–556).

⁴ *Корндорф А.* «Схождение в Аид» и бродячие сюжеты театральной иконографии XVII–XVIII веков // Искусствознание. 2009. № 3/4. С. 303–335; *Она же.* Архитектура «Ада», или Еще раз о театральной иконографии «Подземного царства» // Там же. 2010. № 1/2. С. 92–144.

драматических похождениях Орфея, благополучно вернувшегося на землю вместе со своей возлюбленной.

Сознательное и дерзкое преодоление героем границ земного мира в придворном аллегорическом спектакле-энциклопедии, стремящемся разом сообщить о порядке мироздания, истории, мифологии, морали, об отношениях монарха к своим подданным и о последних событиях внутри августейшей семьи, оказалось наделено мощнейшей метафорической интенцией. Преодоление земных границ героем придворного действия, имевшего высочайшее адресное посвящение, создавало иллюзию проникновения в пространство теологии, в пространство по ту сторону истории, и тем самым служило знаком приобщения чествуемого владыки к миру скрытых сущностей.

Первым монархом, во славу которого Орфей Нового времени преодолел границы бытия, стал Генрих IV. Победоносно завершенная героем экспедиция в царство мертвых сразу же показалась современникам очевидной аллегорической проекцией безграничности королевской воли на пути к универсалиям, символом неуязвимости высшей власти для Хроноса и тлена. Возможно, безвременная кончина французского короля и дискредитировала бы авторитет начавшей складываться традиции, но эффектный театральный механизм доблестного «хождения в Аид», как императорской инсигнии, прижился в Европе куда раньше, чем Равальяк нанес свой удар.

Таким образом, «схождение в Аид» в придворном театре XVII столетия начало играть роль символической конструкции авторитета власти, раздвигающей границы политической сферы в недоступную для смертных область. Если правитель вступает в нее, и вступает победоносно, то он тем самым наглядно демонстрирует свое, данное Богом, правомочие. Сцена Ада оказывается аллегорией полноты власти, которую самодержавный правитель получает от владыки небесного как его соправитель на земле и в этом качестве становится неотъемлемым элементом большинства свадебных и коронационных спектаклей XVII – первой половины XVIII в.⁵ Более того, будучи эффектнейшим зрелищем, она оказывается кульминацией риторической связи политической функции и художественного выражения спектакля.

Неслучайно параллельно с легендой об Орфее все больше укрепляется в правах еще один «свадебный» сюжет придворного театра – апулеевская история Амура и Психеи, а также все возможные изводы мифов о Прозерпине и Геракле, подразумевавшие неизбежный спуск в Аид.

В отличие от «государственного» сюжета «Орфея», аллегорический потенциал апулеевой сказки получил иное символическое прочтение. Коллизия схождения Психеи в Аид, с одной стороны, воплощала суть христианской и гностической интерпретации «мифа о Душе», спасенной

⁵ Rode-Breymann S. Op. cit. S. 28.

и вознесенной на небеса, а с другой – утверждала идею «Любви, побеждающей смерть». Нарушив обет и узрев лик супруга, Психея обрекала себя на суровые испытания. Самым тяжким в череде невыполнимых поручений Венеры, отказывавшейся признать в Психее невестку, должен был стать спуск в Аид за красотой Прозерпины.

Для придворного театра залогом символического прочтения сюжета стала именно сцена спуска Психеи в Аид. Уже в сентябре 1649 г. в *Психее* А. Леардини на либретто Д. Габриелли, поставленной по случаю бракосочетания герцога Мантуанского Карла II Гонзага и Изабеллы Клары, эрцгерцогини австрийской, адская сцена вытеснила все прочие испытания неблагодарной супруги (добычу шерсти бешеных златорунных баранов и поход за водой из охраняемого драконами источника) и стала ключевой⁶.

С завидной периодичностью чествовали правителей видениями Ада флорентийские Медичи и мантуанские Гонзаги, страстные почитатели балета Бурбоны и грезившие созданием «универсальной монархии» Габсбурги, и даже сторонящиеся континентальных веяний британцы.

Влияние этих грандиозных постановок «государственного ранга» на последующую сценическую судьбу Ада было колоссальным. И в этом контексте представляется весьма любопытным тот факт, что одним из первых спектаклей придворного русского театра Алексея Михайловича стал балет об Орфее⁷. При исключительном, сугубом внимании труппы Грегори к библейским сюжетам этот балет Г. Шютца *Орфей и Эвридика* не просто оказался первой в России постановкой на светской, даже больше того – мифологической основе, но едва ли не единственным действием, которое «пересадили» на русскую сцену из репертуара придворного театра саксонского курфюрста⁸.

К началу XVIII столетия пламенеющие картины преисподней буквально наводнили европейские подмостки. Что же представлял собой этот Ад, куда один за другим устремлялись протагонисты придворного театра? Разумеется, за более чем столетие неистовой популярности

⁶ К тому времени уже были поставлены *Влюбленный Амур* Ф. Кавалли (1642) и две *Психеи* – Т. Брени (1645) и М. Скакки (1634). Причем последняя была повторена в честь торжественного приезда в Гданьск в 1646 г. новой польской королевы Марии Гонзага.

⁷ *Державина О.А., Демин А.С., Робинсон А.Н.* Появление театра и драматургии в России в XVII веке // *Ранняя русская драматургия (XVII – первая половина XVIII в.)*. Т. I: Первые пьесы русского театра. М., 1972. С. 56.

⁸ В его основу были положены текст и музыка немецкого балета *Орфей и Эвридика*, который ставился в Дрездене в 1638 г. Текст был написан виттенбергским профессором поэзии и риторики Августом Бухнером и, возможно, является переводом с итальянского. Якоб Рейтенфельс, побывавший в Москве в 1671–1673 гг., в своей книге *О делах московитов (De rebus Moscoviticis)*, напечатанной в Падуе (1680), упоминает эту постановку и даже приводит текст приветственной песни, которую исполнял Орфей в качестве посвящения русскому государю (см.: *Державина О.А.* Орфей // *Ранняя русская драматургия (XVII – первая половина XVIII в.)*. Т. 2: Русская драматургия последней четверти XVII и начала XVIII веков. М., 1972. С. 311–312).

иконография загробного мира обрела целый набор узнаваемых устойчивых образов, кочевавших из спектакля в спектакль. Как бы ни называли его в либретто – Жерло Ада (*Bocca d'inferno*), Царство Плутона (*Reggia di Plutone*), Аид (*Ade*) или, чаще всего, просто Ад (*L'inferno*), – его образ имел мало общего с памятным по священному театру Адом – местом назидательного наказания, кары для верующей публики. Скорее, это был условно-аллегорический загробный мир, в равной степени эллинизированный и христианский, куда с одинаковым успехом могли спускаться Орфей и Святая Урсула и который включал несколько основных иконографических мотивов. К числу подобных обязательных архитектурных стереотипов прежде всего относились: огромная, разинутая арка Жерла Ада, затем раскинувшаяся на берегах Ахерона крепость Дит с пылающими городскими башнями и неперемными символами мучений – торчащими из стен или свисающими со сводов и балок кольцами, цепями и колесами. Напоминающие о тщете всего сущего руины, устремленные ввысь лестницы Иакова и судные мосты, столь высокие и узкие, что пройти по ним в Царствие Небесное могут лишь праведники. И, наконец, торжественный подземный Дворец Плутона⁹.

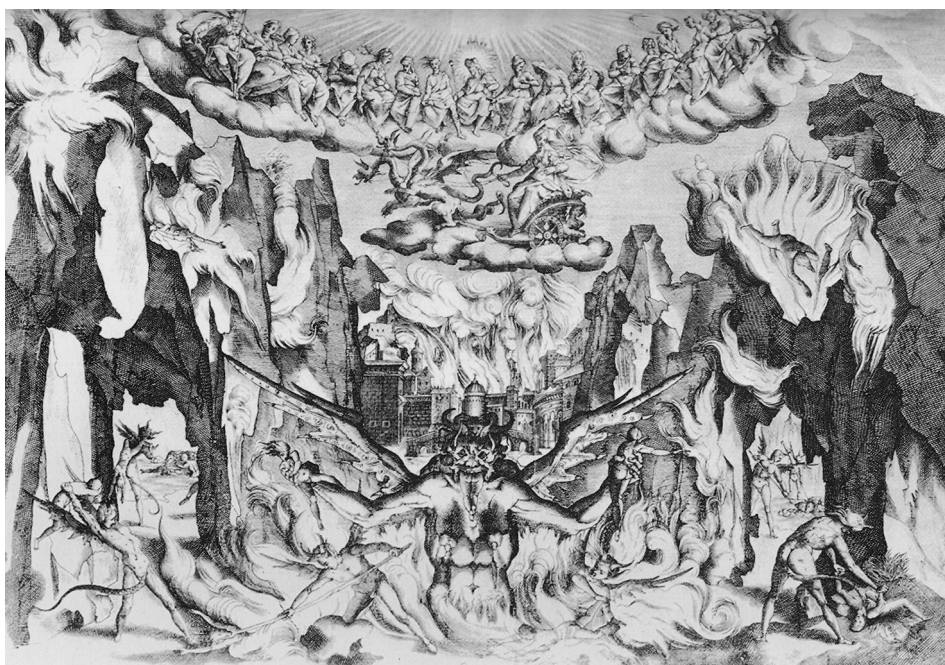
Десятки гравированных изображений и декорационных эскизов, составляющих сегодня корпус иллюзорной топографии Ада, сохранили для нас бесконечные вариации одних и тех же видений. Сторожевые башни, мосты и лестницы охваченного зловещим огнем и дымом Дита то виднеются внутри разинутого адского жерла Левиафана (ил. 1), то превращаются в идеальную ведуту рисованного задника (ил. 2, 3), то разворачиваются в масштабную панораму Адской цитадели (ил. 4, 5), то, уже руинированные, маячат за окном грандиозного Дворца Плутона. Сам Дворец властителя Аида в противоположность разнообразным городским и крепостным видам «Дита», обозначавшим для героя, переправляющегося через Ахерон, внешний облик Ада и маркировавшим ландшафт сего унылого места как архитектурный, неизменно числился по разряду «интерьеров» – пышных амфитеатров, атриумов и лоджий (ил. 6, 7, 8)¹⁰. Он открывался зрителю изнутри как обширный торжественный

⁹ В первой половине XVII столетия преемственную связь со средневековой традицией оформления священных драм еще можно встретить в изображении башен, напоминающих очертания главной угловой башни средневековых крепостей; в люке провала, искони предназначавшемся для свержения Христом Сатаны после отверзания дверей «Ада», и, наконец, во входе в «Преисподнюю», символизированном «жерлом Ада» – огромной пастью чудовища, которая могла закрываться и открываться, чтобы позволять входить и выходить дьяволам.

¹⁰ Инвенции подобных дворцов можно встретить на множестве гравюр. Например: С. делла Белла *Царство Плутона* – сцена интермедии «Ад» к спектаклю *Ночь богов* (1637), гравюра по эскизу А. Париджи; Кюзель М. *Дворец Плутона* – сцена из спектакля *Золотое яблоко* (1668), гравюра по рисунку Л. Бурначини (Вена, Национальная библиотека); В. Спада. *Дворец Плутона* – сцена из спектакля *Геркулес в Фивах* (1661), гравюра по эскизу Ф. Такко; etc.

Ил. 1. М. Кюзель. Жерло Ада, сцена из спектакля Золотое яблоко. 1668

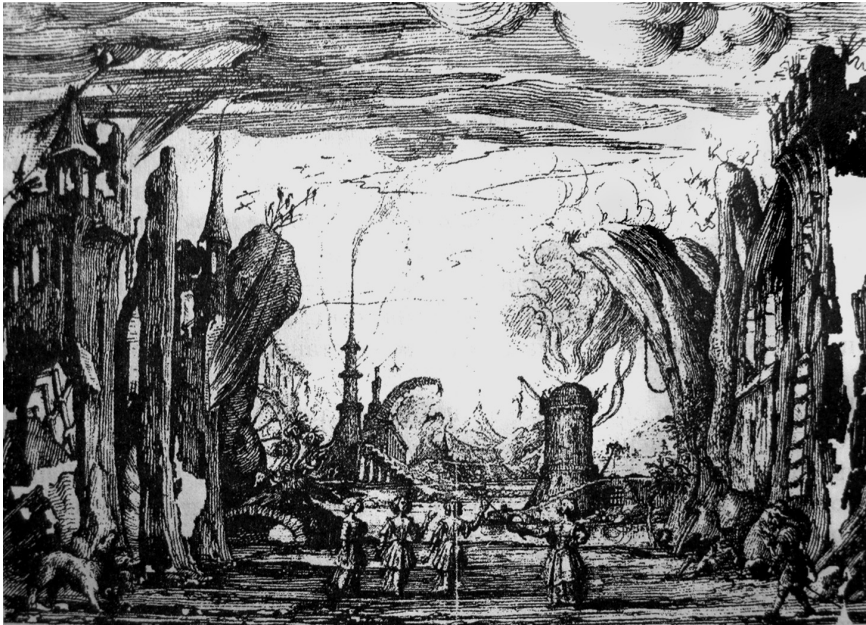
Ил. 2. Э. Д'Альфиано. Сцена четвертой интермедии Ад. 1589

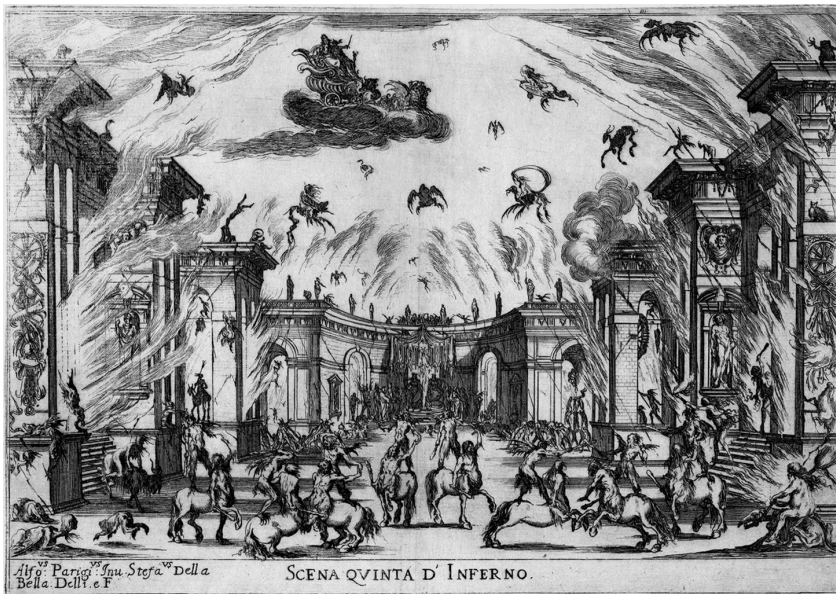
Ил. 3. Неизвестный художник. Сцена *Ада* для второго действия спектакля *Ревнивая Венера*. 1643

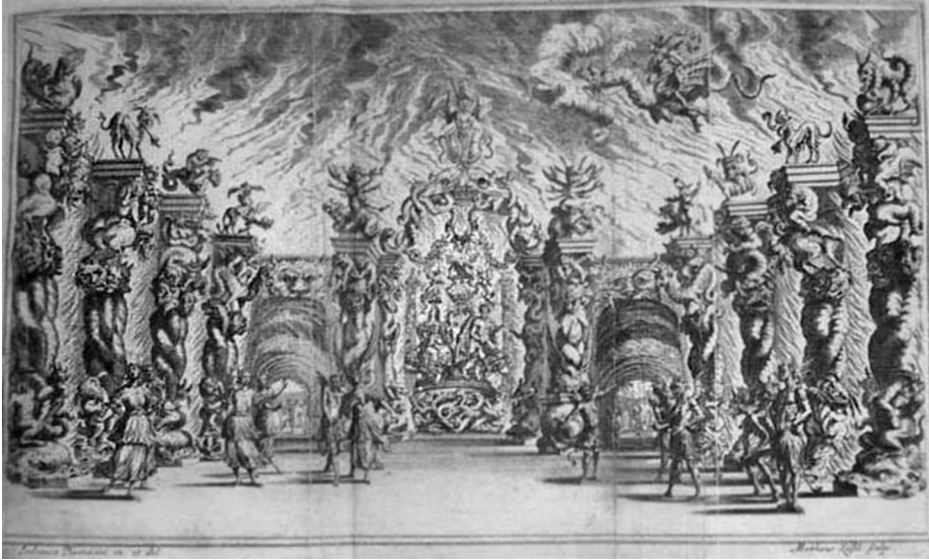
Ил. 4. В. Спада. Сцена *Ада* для третьего действия спектакля *Геркулес в Фивах*. 1661

Ил. 5. Б. дель Бьянко. Сцена Ада из спектакля *Андромеда и Персей*. 1653

Ил. 6. С. делла Белла. Царство Плутона, сцена интермедии Ад к спектаклю *Ночь богов*. 1637

Ил. 7. М. Кюзель. Дворец Плутона, сцена из спектакля *Золотое яблоко*. 1668

Ил. 8. В. Спада. Дворец Плутона, сцена из спектакля *Геркулес в Фивах*. 1661

зал с очень сложной и пышной орнаментикой, как правило, с арочным перекрытием средней части и многочисленными колоннами и пилястрами в один или несколько ярусов. Уже в конце XVII в. можно говорить о сложившемся формальном языке подземного царства – огненной природе его архитектуры, циклопической кладке, арках дикого камня, руинированных обломках и фантазмагорическом биоморфном декоре.

Казалось, что образ Ада, сопровождавший придворный театр с момента его возникновения, утвердился навсегда. Однако к середине XVIII в. видения Ада начали повсеместно вымываться из репертуара, а в 1770–1780-е годы они оказались лишены практически всех черт традиционной иконографии¹¹. Что же стало причиной столь стремительного угасания одного из самых значительных театральных образов?

На первый взгляд, в самом театре в это время мало что изменилось: общая интенция развития сюжета и даже место чудесного в придворном театре остались прежними. Однако способы их репрезентации и координаты действия стали принципиально иными. В середине XVIII в. сценические апелляции к суду Божьему начали восприниматься почти как дурной тон, во всяком случае как нарушение правил изящной интеллектуальной игры, не поощрявшей обращения к трансцендентным факторам общественной и государственной жизни. И если в мире рационалистической картезианской теологии на место действующего Бога, по выражению Паскаля, пришел Бог сокровенный, то и в придворном театре «сценический пантеизм» повсеместно сменился «сценическим деизмом», подразумевавшим существование высших сил, но отнюдь не стремившимся выводить их на сцену (по крайней мере в качестве «пружины» действия). Место «бога из машины» и античных божеств вообще, то и дело вмешивавшихся в дела смертных, постепенно занимали благородные и мудрые правители, чтобы равно сверхъестественным образом разрешать, казалось бы, неразрешимые коллизии, творить добро и приводить историю к неправдоподобно, немислимо счастливой развязке.

Разумеется, в первую очередь новые веяния коснулись облачных небесных апофеозов и пламенеющего Ада. Горизонтальная плоскость разверты-

¹¹ Примеры отхода от традиционной иконографии в последней трети XVIII в. множатся год от года. Так, загробный мир *Орфея и Эвридики* Глюка, описанный в либретто Раньеро Кальцабиджи, – блаженный Элизиум, прекрасное царство теней, завораживающее красотой пейзажа, чудесными звуками и пением птиц. Его первый интерпретатор Джованни Мария Квальо, оформивший премьеру оперы в венском Бургтеатре, создал декорацию, где деревья и цветы не были царством вечно живой, пышной и благоухающей природы, но чарующетоскливой картиной осеннего леса, поражающего яркой красотой последних чахоточных цветов и готовых облететь при первом дуновении ветра листьев. «Ад» Луи Депре для стокгольмской постановки *Альцесты* Глюка 1781 г. – всего лишь огромный каменный нимфей. Ад *Данаид* Сальери Шереметевского театра, готовившихся к постановке в Останкине в 1784–1787 гг., – сцена, залитая волнами крови, среди которых возвышается скала с прикованным Данаем, чьи окровавленные внутренности когтит коршун.

вания событий явно начала превалировать над их вертикальной устремленностью. Небесные дворцы и явления, без которых не обходилось действие ни одной из барочных опер, сменились великолепными храмами божеств на земле, Адские бездны – узилищами соответственного масштаба. Извечные ассоциации Ада и тюрьмы начали обрастать плотью.

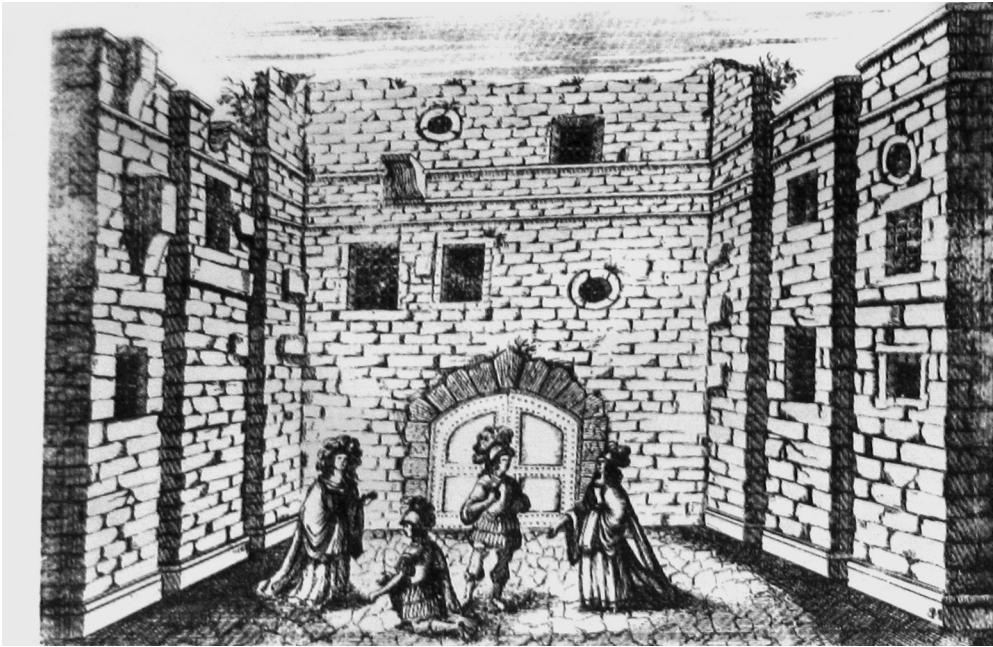
И здесь мы подходим к одной из интереснейших иконографических метаморфоз придворного театра Просвещения – сращению образов преисподней и «мрачной темницы». Конечно, к началу XVIII в. тюрьма как место театрального действия имела собственную иконографическую традицию, восходящую к священным драмам средневекового театра и «*gobbe*» комедии *дель арте*.

Тюрьма как обязательный элемент «трагической сцены» фигурировала и в трактате *Об архитектуре* Себастиано Серлио¹², однако никаких конкретных указаний на то, как именно должны выглядеть ее интерьеры, автор не приводил. Поэтому на протяжении XVII столетия театральные застенки, в которых томилась в ожидании спасения герои, почти всегда представляли открытый небу внутренний двор тюрьмы (*Cortile di prigione*) или крепости, вроде того, что изобразил Фердинандо Такка, оформлявший сцены флорентийского спектакля *Геркулес в Фивах* (*Ercole in Tebe*) 1661 г. (ил. 9). На иллюстрирующей оформление пятого действия гравюре, созданной по рисунку Такка, представлен типичный интерьер замкнутой с трех сторон крепости, сложенной из мощных каменных квадров, без крыши. Верхняя часть стены местами обвалилась и поросла травой, окна забраны решетками, единственная дверь расположена на противоположной зрителю стене. Некоторые дополнительные сведения сообщает либретто: «Исчезает сельская местность, и можно видеть замкнутый двор [крепости] с двойными стенами, выполненными мощным рустом, с маленькими дверьми, запертыми на двойные засовы, где [находятся] соответствующие помещения укреплённой тюрьмы. Здесь Мегара, Ило и Иола томятся по приказу Лико»¹³.

Нередко подобный двор переходил в Арсенал или Оружейное место (*Arsenale o Luogo d'Armi*), которые также могли служить тюрьмой (*Arsenale che serve anche di prigione*), как, например, в миланской постановке 1673 г. *Любовь среди оружия* (*Amor tra l'armi*). И лишь на рубеже XVII–XVIII вв. у тюрем появился свод, прорезанный небольшим, как правило круглым, решетчатым окном. Такой тип сценического убранства принято считать инвенцией Маркантонио Кьярини – архитектора, исполнившего декорации к опере *Сила добродетели* (*Forza della virtù*), поставленной в Болонье в 1694 г. В отличие от привычных открытых атриумов и дворов новый извод тюремной декорации получил собственное характерное наименование – «Тюрьма закрытая» (*Prigione chiusa con soffitto*) и обрел

¹² *Serlio S.* Il Secondo Libro di Prospettiva. Venetia. 1540. P. 46.

¹³ *Moniglia G.A.* Ercole in Tebe. Festa teatrale rappresentata in Firenze per le reali nozze de'serenissimi sposi Cosimo Terzo principe di Toscana. 1661. P. 148.

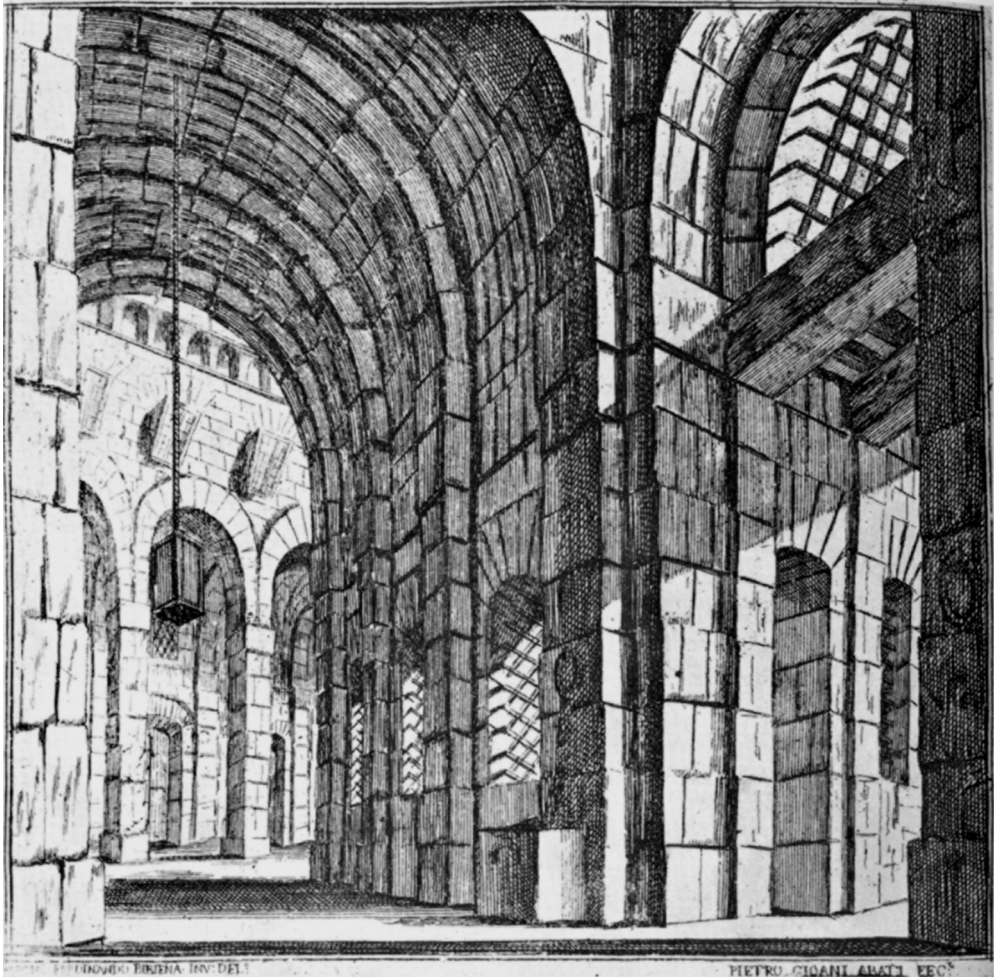

Ил. 9. В. Спада. Тюремный двор, сцена из спектакля *Геркулес в Фивах*. 1661

особую популярность в театре просвещенного столетия, на долю которого и пришелся подлинный расцвет тюремной сценографии. Он был связан прежде всего с именами Марко Риччи, Филиппо Юварры и художниками семьи Галли Бибиена, несколько поколений которой были самыми выдающимися мастерами театрального оформления. Основатель династии Фердинандо Галли Бибиена, а затем его сыновья и внуки работали почти во всех странах Европы на протяжении целого века с лишним, создавая и совершенствуя стройную систему композиционных и стилистических принципов квадратуристской сценографии, которой довольно строго придерживались все придворные театры вплоть до конца XVIII столетия.

Хотя в своем трактате *Architettura civile* (1711) Фердинандо Бибиена не посвящает отдельных пассажей тюрьмам и военным дворам, именно его наследию мы обязаны основным типом тюремной декорации XVIII в. Отныне во всем многообразии сотен сохранившихся тюремных инвенций Бибиен и их преемников развивается единственная типологическая схема повторяющихся интерьеров – «атрио» или «интерно» – разработанная в одной или двух плоскостях¹⁴. Будь то «Тюрьма» (*prigione, carcere*), «Крепость» (*fortezza*) или «Атриум» (*atrio*), декорационная

¹⁴ *Disegni teatrali dei Bibiena. Catalogo della mostra / A cura di M.T. Muraro e E. Povoledo. Venezia, 1970. P. 101.*

Ил. 10. П.-Д. Абати. *Тюрьма*, гравюра по эскизу Ф. Галли Бибиена

композиция может строиться лишь в трех вариантах – вокруг традиционной центральной перспективы, по бибиенской схеме «*per angolo*», то есть «с угла», и, наконец, на двух пересекающихся осях.

Характерным примером таких композиций могут служить два ранних эскиза семьи Бибиена. Первый из них, гравированный Пьетро Абати по рисунку Фердинандо Бибиены, принадлежит к серии листов *Рисунки сцен к двум операм, представленным в течение сего года в Туринском королевском театре* (ил. 10)¹⁵. Выполненный не позднее 1703 г., рисунок уже далек

¹⁵ Бибиена Ф. *Тюрьма (Carcere)* – резцовая гравюра на меди Пьетро Джованни Абати, 252 × 257 мм; внизу слева надпись: «Arch. o Ferdinando Bibiena Inv. Del.», а справа:

от традиционных схем XVII столетия. И хотя его композиция еще не обрела той непринужденности и свободы, которая станет отличительной чертой тюрем второй трети века, в ней уже очевиден источник многих аспектов последующей иконографии. Строгая, математически выверенная инвенция строится на изобретенном Бибиеной ракурсе «с угла», выдвигая на первый план сценического пространства опоры грандиозных арочных коридоров, расходящихся под углом 45°. Прочные толстые стены и своды тесаного камня не сдавливают пространство, но создают впечатление циклопических, подавляющих своей грандиозностью объемов. Этот же мотив варьируется и во втором эскизе, приписываемом Алессандро Бибиене¹⁶. Здесь тема расходящихся монументальных аркад, несомненно, почерпнутая в упомянутой работе его отца, обретает дополнительную динамику и драматизм за счет усложнения пространственного решения – нарочитого сужения криволинейных пролетов к основанию и постепенного повышения пола в одной из галерей. Пожалуй, главная отличительная черта тюрем начала века – некая «сгущенность» пространства, возникающая за счет ощущения массивности кладки, тяжести сводов и «кряжистости» напряжившихся под их весом опор. При этом набор опознаваемых иконографических элементов остается неизменным. Это – пилоны, аркады, контрфорсы, коридоры, решетчатые калитки, крутые, неожиданно изворачивающиеся лестницы, балконы, галереи, цепи, закрытые ставнями или деревянными щитами с доспехами окна, фонари и, конечно, множество железных решеток.

Однако во второй четверти XVIII в. пространство тюрем начинает неуклонно разрастаться. Не случайно, авторитетнейшие специалисты по сценографии М.Т. Мураро и Е. Поволедо, готовя выставку театральных рисунков семейства Бибиена, выделяют тюрьмы в отдельный раздел своего исследования, считая, что этот тип оформления сцены претерпел изменения куда более значительные, чем все «*regge*», «*giardini*» и «*gabinetti*»¹⁷. Действительно, типичная для либретто XVII столетия ремарка «тесная камера (*l'angusta carcere*) исчезает и быстро переменяется в открытую площадь»¹⁸ в 1740-е годы оказывается не только совершенно невозможной, но и противоречащей самой сути сценического образа тюрьмы¹⁹. Ведь в нем на общую для XVIII в. тенденцию к мегаломании

«Pietro Giovanni Abati fec.t»). Лист из серии «Disegni delle scene che servono alle due opere che si rappresentano l'anno corrente nel Regio Teatro di Torino» (Roma, 1699–1703).

¹⁶ Бибиена А. *Тюрьма (Prigione)* – рисунок, перо, кисть коричневым тоном, 273 × 270 мм, Монако.

¹⁷ *Disegni teatrali dei Bibiena...* P. 101.

¹⁸ *Moniglia G.A.* Op. cit. P. 148.

¹⁹ Эти тенденции реализовывались и на русской придворной сцене 1730-х годов, начавшей осваивать арсенал европейских приемов и аллегорий. Во время подготовки любительской постановки *Комедии об Иосифе*, пришедшейся, как доказала Л.М. Старикова, на 1734–1735 гг., было предписано «темницу сделать на три человека с решеткою и вычернить черною; ширины 3, а вышины 4 аршина» с дверьми на железных петлях и «градскими», то есть крепостными, стенами (см.: *Старикова Л.М.* Театральная

в построении любых архитектурных построений, охватившую и изображаемые на подмостках иллюзорные площади, интерьеры дворцов или храмов, наложились два весьма примечательных обстоятельства: влияние иконографии «Theatrum Sacrum» (прежде всего страстей Христовых) и наметившаяся интенция к слиянию образов Ада и тюрьмы.

Визуально эта интенция осуществлялась за счет адаптации всех иконографически значимых атрибутов Ада к образу тюрьмы, с одной стороны, и одновременного размывания образа Ада – с другой. Не менее важным фактором стало и онтологическое изменение их пределов. Если прежде отчетливая упорядоченность и крепостная архитектура Ада связывались с представлениями о замкнутости и невероятной тесноте преисподней, нередко осмыслявшейся в категориях человеческого узилища, то теперь ситуация зеркально перевернулась и уже рационально обусловленное появление на сцене тюремных картин приобретало поистине космический inferнальный масштаб. Ужас замкнутости, вероятно, переживаемый до наступления Нового времени более остро, чем страх безмерности несомаштабного смертному разуму божественного мира, обернулся трепетом перед «вечным молчанием этих бесконечных пространств». Свобода от Абсолюта, предоставленная индивиду деистической логикой Просвещения, неожиданно оставила его наедине со своими страхами на краю бездны ужаса от предельности собственного существования «перед лицом вечности». Новоевропейская философия, литература и даже рационалистическая наука стали своего рода апологией бездны.

⟨...⟩ Обратившись к себе, пусть человек сравнит свое существо со всем сущим; пусть почувствует, как он затерян в этом глухом углу Вселенной, и, выглядывая из тесной тюремной камеры, отведенной ему под жилье, – я имею в виду весь зримый мир, – пусть уразумеет, чего стоит вся наша Земля с ее державами и городами и, наконец, чего стоит он сам. Человек в бесконечности – что он значит?²⁰

жизнь России в эпоху Анны Иоанновны. М., 1996. С. 42, 374). Таким образом, оформление сцены темницы, представляющей темную и тесную (2,1 × 2,8 м) камеру, было весьма лапидарным и отвечало скорее традиции библейских постановок школьного театра или придворных празднеств прошлого века. Однако уже два года спустя в поставленной ко дню рождения императрицы опере Ф. Арайи *Сила любви и ненависти* (*La forza dell'amore e dell'odio*) темница была не только одним из основных мест действия, но и представляла собой как узнаваемый экстерьер, так и охватывающий все пространство сцены интерьер. Согласно либретто, декорация Иеронима Бона к 7-му явлению второго действия должна была явить зрителям «двор, окруженный балясами, а в проспекте видится некоторый род темницы с дверьми посередине». Одна из мизансцен третьего акта разыгрывалась непосредственно внутри тюремной ограды, занимающей «весь театр», окруженный «железными балясами» (Сила любви и ненависти: Драмма на музыке представленная на новом Санктпетербургском императорском театре по указу ея императорскаго величества Анны Иоанновны самодержицы всероссийския. СПб.: Печ. при Имп. Акад. наук, 1736. С. 59, 89).

²⁰ Паскаль Б. Мысли / Пер. с франц. Э. Фельдман-Линейкой. СПб., 1999. С. 31.

Этот могучий образ Паскаля – почти мистическое воплощение многоликой бесконечности как вне, так и внутри нас – лишь распалил воображение художников-визионеров. Даже Вольтер, категорически не приемлющий онтологическое ничтожество человека как «атома», затерянного в необъятных просторах вселенной, когда маркиза де Помпадур в 1759 г. предоставила ему возможность выбрать библейский текст для поэтического переложения, предпочел две темы: «любовную» (Песнь Песней) и «мотив бездны» (книга Екклесиаста). Ветхозаветный образ бездны приобрел в переложении Вольтера значение непознанного и непознаваемого («O nature, abîme immense: Tu me laisses sans clarté»). «Бесконечной бездной» предстает сама природа. «Одна и та же бездна», «вечная ночь», всех соединяющая и уравнивающая, уготована всему живому после смерти. В этом смысле концепция Екклесиаста, исключаяющая более поздние христианские догматы воскресения, бессмертия души и вечной жизни, оказалась вполне созвучна рационалистическому деизму.

Просвещенный век буквально изобиловал безднами разного сорта. Они отверзались ученым – «открылась бездна звезд полна, звездам нет счета, бездне – дна» (М.В. Ломоносов), – прочитывались за изливаемыми словно из «рога изобилия» архитектурными и декоративными «щедротами», подстерегали человека на протяжении жизни и в конце пути и даже изнутри морочили его сознание тоннелями ночных «готических» кошмаров.

В то же время хаос бездны взывал к рационалистической упорядоченности; последний, отсроченный во времени Суд алкал превентивного земного наказания, назидательные тяготы адской пропасти рисовались в картинах юридической ответственности за прегрешения перед законом. И новоевропейский «Дон Жуан», маркиз де Сад, согласно логике времени, водворялся отнюдь не в Ад, а в тюрьму. В рамках европейского придворного театра эта содержательная подмена адской бездны тюремной реализовывалась наиболее наглядно благодаря двум ключевым сюжетам XVII–XVIII вв.: похождениям Геракла и странствиям героя рыцарского романа Амадиса.

Хтонический культ Геракла, связанный с загробным царством, как нельзя лучше подходил для этой цели. Ведь в классических придворных спектаклях-инсигниях XVII – начала XVIII столетия освобождение Гераклом закованных в кандалы узников тюрьмы было лишь проходным эпизодом по сравнению с символически и смыслово значимым походом в Ад. Например, в *Геркулесе в Фивах* (*Ercole in Tebe*) 1661 г. герой отправлялся в загробный мир освобождать своего друга Тесея, невзирая на то, что его жена и сын томились в застенках. Лишь побывав по ту сторону царства смерти, Геракл выручал и их. В XVIII столетии сюжет об освобождении Гераклом заточенных в темницу благородных героев эмансипируется от Плутономахии. В это же время появляется сразу несколько театральных интерпретаций *Амадиса Гальского* – одного из

самых популярных рыцарских романов, дошедшего до потомков в обработке испанского кавалера Родригеса де Монтальво.

Чтобы добиться руки возлюбленной, Амадис совершает ряд подвигов, в частности освобождает пленников из подземелий замка волшебника Аркалауса. Узники приветствуют героя, сравнивая его подвиг с отверзанием адских врат. Этот ключевой для нас момент сближения тюрьмы и Ада нашел свое отражение и во множестве сценических воплощений романа.

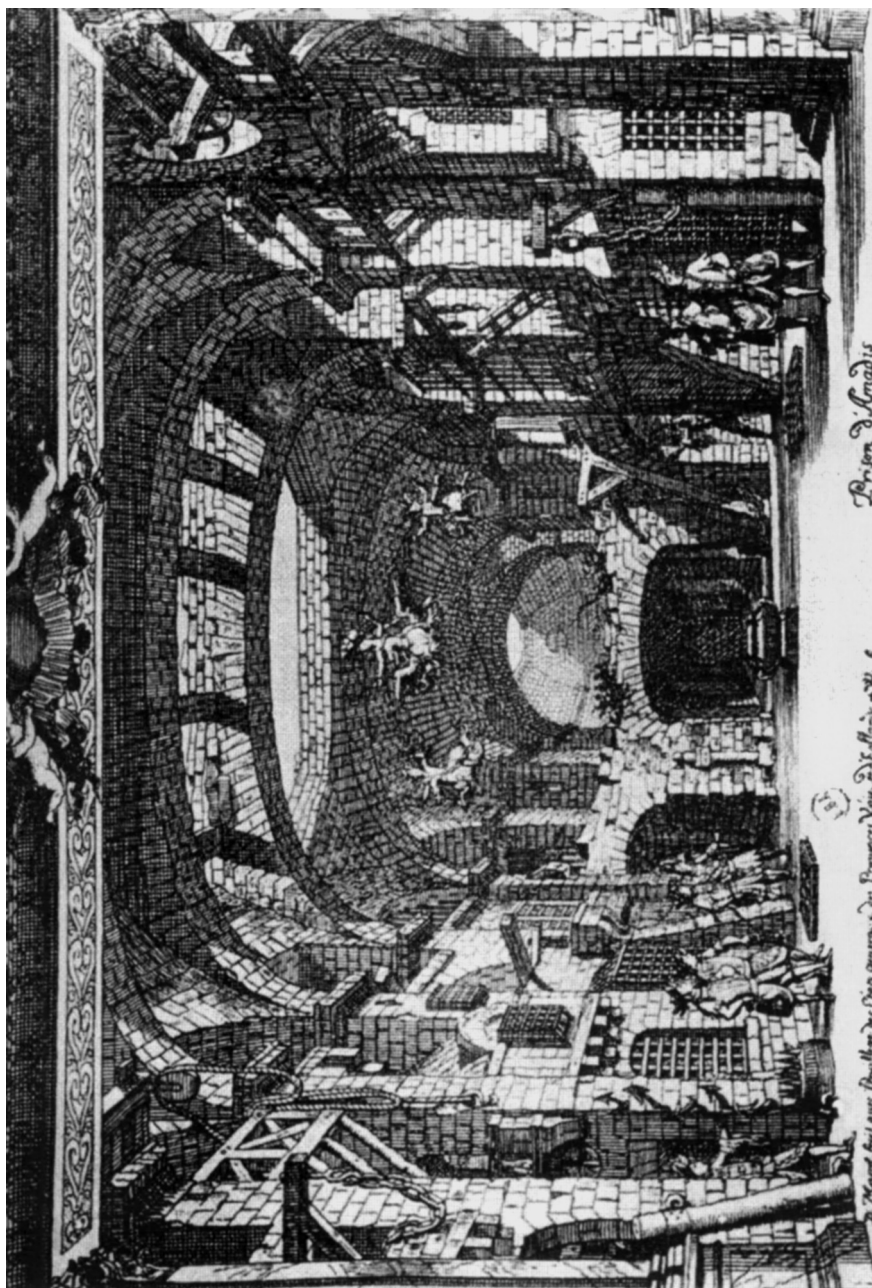
Таким образом, со временем становилось все более очевидно, что спуск в преисподнюю, символизирующий преодоление границ возможного, с минимальным ущербом может быть заменен освобождением из тюрьмы. Тем более что темница в любительском театре XVIII в., по справедливому наблюдению Л.А. Софроновой, выполняла функцию театрального локуса, замещающего образ смерти, и даже описывалась зачастую как находящаяся «вне града, в дальнем граде или вертограде», знаменуя собой низшую точку семантической вертикали пьесы²¹. Показательно, что и сами заточенные герои воспринимали тюрьму как знак смертельной опасности и даже как мрачную и темную гробницу: «Что ты за пленник сидишь зде в темнице, яко мертвыи, горко в глубокой гробнице?»²²

Не приходится удивляться, что набор иконографических архитектурных черт преисподней был воспринят в качестве минимального и уже неделимого смыслового элемента тюремной декорации. Все рассмотренные нами детали иконографии Ада теперь легко можно было узнать в тюрьмах. Адский огонь превратился в неизменно горящий фонарь, судный мост – в бесконечные узкие галереи, нависающие над колоссальными пролетами, крепость Дит неожиданно проросла башнями, встраивающимися во внутренние интерьеры пространных казематов, жерло Ада разинулось огромными арками первого плана, устрашающе скалящими зубья железных решеток. Даже разбегающиеся во всех направлениях лестницы и видимые на своих местах пыточные колеса стали лишь знаком утраты того обилия смыслов, что стояли за ними век назад.

В этом отношении весьма любопытно сравнение выполненной в первой трети XVIII в. декорации *Тюрьмы Амадиса* Даниэля Моро (ил. 11) с композицией адской кузни Джулио Париджи 1608 г., известной благодаря гравюре Ремиджио Кантагаллины (ил. 12). Обе театральные сцены, построенные по законам центральной перспективы, включают четыре пары уходящих в глубину архитектурных кулис и замыкаются поразительно схожей рунированной двухъярусной аркой, поросшей диким

²¹ Софронова Л.А. Российский феатрон: Московский любительский театр XVIII века. М., 2007. С. 196.

²² Акт комедиальный о Калеандре, цесаревиче греческом, и о мужественной Неонильде, цесаревне трапезонской, скомпонованный в Москве 1731 году июня в 16 день // Ранняя русская драматургия. М., 1976. Т. 5: Пьесы любительских театров. С. 259.

Ил. 11. Д. Маро. Тюрьма Амидиса, гравюра из книги: *Marot D. Livre de décoration diférente*. La Haye, s.d. [XVIII^s.]

кустарником. Эту же характерную двухъярусную аркаду Ада можно узнать и в самой ранней из известных тюремных инвенций Фердинандо Бибиены – небольшом офорте, гравированном по следам созданной им в 1687 г. декорации ко второму акту *Дидио Джулиано (Didio Giuliano)* (ил. 13). Здесь массивная аркада становится основным архитектурным элементом мрачного подземелья. Еще немного, и тема руинированной двухъярусной inferнальной аркады станет типичным сюжетом тюремной иконографии современников и последователей Бибиен, независимо от того, представляют ли они «*Interno*» или «*Atrio*». Если в либретто *Амадиса* речь, безусловно, идет об интерьере темницы, то пространство Моро, лишь местами перекрытое руинированным сводом, нельзя однозначно представить ни как внешнее, ни как внутреннее. Огромный зал, стены тесаного камня, забранные мощными решетками проемы, балконы, контрфорсы, переходы и даже гигантский окулос можно с равным успехом трактовать как двор арсенала и как интерьер фантастического готического замка. Эта вымороченность тюремной архитектуры, невозможность определить ее в пространственных категориях внешнего–внутреннего, замкнутого–открытого и даже порой подземного–земного в середине XVIII в. станет родовым свойством архитектуры тюрем вплоть до Пиранези. Не случайно несколько поколений исследователей, дотошно перечисляя старые адские атрибуты Моро – арку, цепи, блоки и вóроты, лестницы, галереи и мосты, – будут называть *Тюрьму Амадиса* провозвестницей тюрем Пиранези²³.

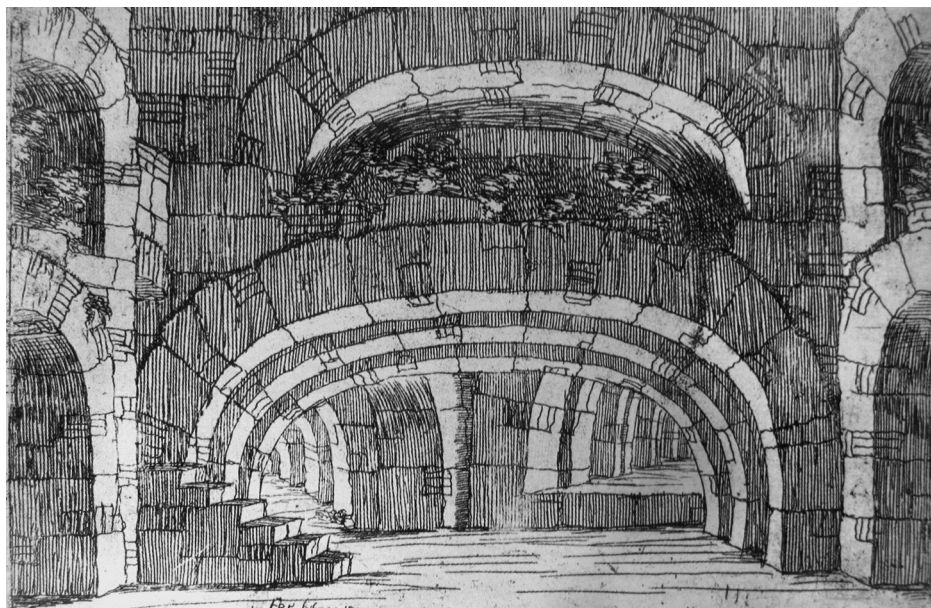
Нельзя не обратить внимания на еще один любопытный факт. Вплоть до прихода на придворную сцену *Дон Жуана*, травестирующего государственно-символическую функцию Ада, преисподняя никогда не выступала в качестве репрессивной машины по отношению к Герою. Та же ситуация сохранялась и по отношению к наследующей эту «адскую функцию» тюрьме. Положение изменится только с наступлением романтизма.

Заглавный герой никогда не оказывается в загробном мире вследствие собственной смерти (а поначалу и в тюрьме, в результате собственного заключения), но лишь как избавитель, гость, некто внешний и прямо противостоящий царству смерти, его покою и загадочности. Ад всегда был представлен некоторым экспонированным, выставленным напоказ, на всеобщее обозрение, на позорище местом, в которое приходит вестник-свидетель. Можно сказать, что загробный мир становится трагическим лишь тогда, когда он осматривается свидетелем, пришедшим в него из внешнего мира.

²³ О преемственности *Carceri* по отношению к «тюрьмам» театральной декорации начала XVIII в. см., например: *Sekler P.M. Giovanni Battista Piranesi's Carceri: Etchings and Related Drawings // The Art Quarterly. 1962. N 25. P. 331–363; Wilton-Ely J. The Mind and Art of Giovanni Battista Piranesi. London, 1978. P. 81–93; Robison A. Giovanni Battista Piranesi // The Glory of Venice. Art in the Eighteenth Century / Ed. by J. Martineau and A. Robison. New Haven, 1994. P. 377–404.*

Ил. 12. Р. Кантагаллина. Сцена пятой интермедии *Кузница Вулкана*. 1608

Ил. 13. Неизвестный художник. *Подземелье*, сцена из спектакля *Дидио Джулиано*. 1687

Поэтому онтологический статус тюрьмы подразумевает место действия, где герой лишь томится, лишенный воли к действию, в ожидании, когда подвиг освобождения будет осуществлен извне. Придворные герои XVIII в. не осуществляют побегов отнюдь не потому, что, кажется, они претят их понятию чести, а от того, что побег чреват поступком, геройством, действием. Тюрьма, как и Ад, – страдательный залог. Христианство погубило мифологию эпического героизма, подменив его смирением и подвижничеством. Души дантового Ада, каков бы ни был скрежет зубовой испытываемых ими мук, смиренны. Просвещение, подменив волю Божию человеческой, сохранило за отверженными героями лишь страдательный залог. Бессилие просвещенного героя перед лицом напасти свыше – симметричная противоположность противостоянию всему и вся эпического героя древности.

Следовательно, коллизия «заключения–освобождения» предполагает лишь два типа героя. Героя низвергнутого, заточенного и страдающего. И героя-освободителя. Эти функции принципиально несовместимы, но при необходимости взаимозаменяемы. Например, в одном действии герой освобождает из тюрьмы героиню, в следующем она вызволяет его. Так происходит в *Амадисе*, *Дардане*, в поставленном в честь Анны Иоанновны представлении *Сила любви и ненависти*.

Говоря о театральных тюрьмах, нельзя не вспомнить и о Пиранези, воплотившем в своих *Carceri* идею адаптации адских атрибутов к тюрьмам, с последовательностью поистине поразительной для видений, навеянных кошмарным наваждением малярийной лихорадки. Чего стоят сами названия листов гравированной сюиты *Carceri d'invenzione* (*Воображаемые тюрьмы*): *Круглая башня* (лист III), *Дымящийся огонь* (лист VI), *Разводной мост* (лист VII), *Лестница с трофеями* (лист VIII), *Огромное колесо* (лист IX), *Готическая аркада* (лист XIV), *Столб с цепями* (лист XVI), etc., будто нарочно цитирующие весь набор inferнальных атрибутов адской архитектуры. Даже отмеченное исследователями неожиданное присутствие в тюремных пространствах Пиранези швартовых колец и тумб (см., например, лист XIII *Колодец*), принадлежащих пристани, но никак не тюрьме²⁴, удивительным образом рифмуется с адской иконографией причала Харона у стен Дита – необходимого технического элемента «эффекта переправы» из арсенала старой барочной машинерии²⁵.

²⁴ Scott J. Piranesi. London, 1975. P. 60.

²⁵ Особенно интересны в этом отношении два рисунка Пиранези, традиционно связываемые с работой над тюремной сюитой. Это лист из коллекции Института Курто *Вдоль городского причала*, где мотив пристани у канала дополнен читающимися силуэтами двух круглых башен и аркой моста, оживленное движение на котором при желании может быть трактовано в русле традиции христианского визионерства. Не менее любопытен рисунок из собрания Британского музея, в котором на фоне все того же «судного моста» возносятся в неведомую высь пролеты заполненной людьми узкой и шаткой лестницы.

Причем в данном случае не имеет решительно никакого значения, чем именно были инспирированы тюремные инвенции Пиранези – влиянием гения Тьеполо, традицией венецианского архитектурного каприччио, образами дантового *Ада* или собственно театральной иконографией тюрем. У каждой из этих версий достаточно апологетов среди искушеннейших специалистов по итальянской гравюре. Нам важно другое. В *Carcere* Пиранези окончательный акт смысловой подмены *Ада* тюрьмой воплотился со всей мощью великого визионера.

Эта метаморфоза оказалась неизбежной в ту эпоху, когда визуальный запас страха, накопленного картинами *Ада*, был исчерпан до дна. И если вопрос, в какой мере театральные инвенции Моро, Юварры и Бибиен (а если правильно сформулировать проблему – их робкие попытки привнести традиционные атрибуты адской иконографии в расплзающиеся по диагоналям «арсеналы» и «фортеции», еще недавно скромно служившие театральными тюрьмами) сказались в творчестве Пиранези, спорный, то ответное влияние *Carceri* на театральную иконографию второй половины XVIII в. несомненно.

Ужасы *Ада*, изживаемые придворной сценой параллельно балетам скачущих кентавров и самой барочной машинерии, были насквозь привычны и знакомы благодаря трудам бесчисленных подражателей Буонталенти, Торелли и Бурначини. Но именно поэтому они скорее воспринимались просвещенным зрителем как дань традиционной интеллектуальной программе, нежели пробуждали в нем аффекты. Уже за десять лет до первого издания *Carceri* посреди изысканного рокайльного тронного зала Дворца Плутона на эскизе Жака де Лажу возникают зарешеченные окна, вделанные в стены доски с нечитаемыми надписями, загадочные приспособления, напоминающие орудия пыток – колесо и свисающие отовсюду цепи.

В то время как традиционные образы кошмарных адских видений и отталкивающие монстры – некогда динамичные, экспрессивные и обольстительные – застывают почти античными масками монументального декора, оставаясь лишь неотъемлемым атрибутом адской архитектуры наравне с аппаратами и устройствами чинимых ими мучений.

Ни в этом эскизе, ни в близкой к нему гравюре 1736 г. де Лажу не выходит за рамки традиционной театральной иконографии адских страстей, изображая в качестве главных символов мучений хорошо известные уже по адским видениям медийского театра колесо Иксиона, решетки и цепи, одновременно напоминающие об услышанном Энеем лязге влекомых цепей и пронзительном скрежете железа²⁶, терзаниях Тития, прикованного к скале Тартара, и множестве христианских коннотаций.

И все же приращение старой тюремной иконографии подобными визуальными образами *Ада* испугало заново – на этот раз, если пере-

²⁶ *Вергилий. Энеида. Песнь VI.* М., 1979. С. 255.

фразировать слова Николая Шептулина о готическом романе, – именно сокрытием прежних форм ужасного. Страх непознаваемый и спрятанный, принадлежащий исключительно месту, а не происходящему в нем действию, ужасал и дезориентировал зрителя, привыкшего к осязаемой архитектонике четко обозначенных кошмаров²⁷. Любой Ад барочной сцены был отнюдь не ужасным местом, а местом, где происходят ужасы. Различие понятно.

Картины Ада знали, как правило, одну форму демонстрации аффекта – внешнюю. Иррациональное злое начало лежало вне человека и окружало его. Экспансия этого ужаса извне – пылающий Дит, Пороки, скачущие фурии и черти, inferнальный декор – вот основной прием создания напряжения. В пришедших на сцену тюрьмах сохранялось лишь главное неперемное условие сценографического ужаса – его обостренная репрезентативность, естественно вытекающая из его внешних форм. Зрителя, которого медитативные поиски вынесенных за пределы сцены точек перспективного схода медленно затягивают внутрь этого грандиозного пространства, охватывал страх и растерянность перед малостью человека, не просто перед лицом величественной архитектуры (как в дворцовых и парковых сценах придворного театра), но и аппарата принуждения, каковым неизбежно выступала тюрьма.

По сути тюрьмы придворного театра – это первый в истории искусства случай, когда тема внешнего насилия над человеком – одна из животрепещущих для Просвещения – раскрывалась со всей возможной глубиной, вне зависимости от действия, только архитектурой и оптикой. Иллюзорная глубина, наполняясь inferнальными коннотациями, становилась изнанкой рационалистически освоенного мира, первой архитектурной антиутопией. И здесь разница между аллегориями Ада и Тюрьмы (а и то, и другое именно аллегии, некие символические образы, а не реальные географические и архитектурные координаты) не менее ясна, чем сходство. Чудовищное жерло Ада было только невероятно, тюремное пространство Бибиен–Пиранези – невообразимо. За адскими видениями – боги Рима и Израиля, за тюрьмами – деизм Просвещения.

Прирученный придворный Ад XVII столетия был необходим как часть Божественной мировой гармонии. Мрачный иррациональный мир театральных «тюрем» Просвещения, полный inferнальной образности, служил теньвым оппонентом, подтверждающим полноценность «позитивной» и упорядоченной модели мироздания. Он – ее мрачный антимир, необходимо дополняющий картину до всеохватности. И в этом смысле политическая сатира, показывающая «изнанку жизни» *Оперы нищих* Джона Гея, основное действие которой разворачивается в тюрьме, архитектурный выворот неоклассических инвенций Пиранези и тюремные эксцессы де Сада – явления одного порядка.

²⁷ Шептулин Н. Ужас и наслаждение Томаса де Квинси // Де Квинси Т. Исповедь англичанина, употребляющего опиум. М., 1994. С. 121.

Однако, заменив теургическую идею всепроникающего Бога постижением изначально сообщенных им разумных законов мироустройства, Просвещение, в конце концов, лишило мироздание двойного дна. У любой изнанки предполагалась залитая светом Разума лицевая сторона.

Инферральным, иррациональным тюрьмам Бибиен–Пиранези противостояли утопия знаменитого трактата Чезаре Беккария *О преступлениях и наказаниях* и проект «паноптической» тюрьмы Иеремии Бентама. Своей идеальной тюрьме, задуманной в 1786–1787 гг., Бентам хотел придать такую архитектурную форму, которая позволяла бы надзирателю в любое время наблюдать за каждым заключенным, при этом самому оставаясь невидимым. Тотальный надзор должен был осуществляться из центральной башни, вокруг которой замкнутым кольцом построено здание с камерами. В каждой из них – два окна. А поскольку пространство камер занимает весь внутренний объем здания в ширину, то одно из окон всегда выходит вовнутрь, прямо на окна башни, другое – вовне, так что дневной свет освещает всю камеру целиком. Возникающая благодаря такой конструкции возможность постоянного контроля должна держать заключенных в вечном страхе, повиновении и напряжении. Не случайно Мишель Фуко предложил считать Паноптикон перевернутой темницей, где наказанием служит не тьма, а полная освещенность, не темница, а светёлка²⁸.

Есть сведения, что во время пребывания в России Бентам послал план Паноптикона ко двору в надежде заинтересовать Екатерину II своим проектом²⁹. И хотя императрица не откликнулась на призыв ученого мужа, некоторый резонанс в Петербурге эта идея, видимо, все-таки получила. Причем самый неожиданный. Во всяком случае, готовя в начале 1790-х годов к постановке очередной спектакль придворного театра, декоратор Пьетро Гонзага создал эскиз сценического оформления, поразительно близкий концепции Паноптикона (ил. 14). На нем художник представил карательное учреждение инферального типа, построенное в виде четырехъярусной замкнутой кольцом аркады, напоминающей структуру Колизея. Проемы первого этажа забраны решетками, а в видимых насквозь арках-камерах трех верхних уровней томятся узники, подвергаемые самым извращенным адским наказаниям. Даже на крыше отчетливо читаются силуэты виселицы, колеса и прочих пыточных орудий. При этом положение зрителя, видящего фрагмент здания, оказывается сродни позиции бентамовского надзирателя или, если угодно, соседа по камере напротив.

Такой поворот адской коллизии кажется неожиданным даже для Гонзага, в наследии которого есть не только видения ада, решенные в характерной для конца XVIII в. «живописной манере» и представляющие собой совершенно выхолощенные с точки зрения традиционной иконог-

²⁸ Хачатуров С.В. Романтизм вне романтизма. М., 2010. С. 156.

²⁹ Борисова И.В. Бентам // Новая философская энциклопедия. М., 2000. Т. 1. С. 235–237.

Ил. 14. П. Гонзага. Сцена *Ада*, эскиз декорации для спектакля *Амур и Психея* (?)

рафии дикие романтизированные пещеры, населенные фуриями и демонами, но и целая галерея тюремных камер, включающих как повторения *Мрачной темницы* Пиранези, так и множество собственных инвенций, разрабатывающих тему круглящихся подземелий с арками, центральными башнями, лестницами и мостами-галереями.

И все же наличие в композиции узнаваемой адской мартирологии и летающих демонов позволило автору монографии о Гонзага Ф.Я. Сыркиной связать этот лист со сценой «схождения в Аид» для одной из балетных постановок истории *Орфея* или *Амура и Психеи*³⁰.

Как бы то ни было, скупые ремарки либретто этого времени представляют исследователю лишь теряться в догадках о подлинном предназначении декорационного проекта, чья оригинальная символическая иконография лишь подтверждает кризис прежней архитектурной тради-

³⁰ Речь идет об *Амуре и Психее* Шарля Ле Пика 1793 г. (на музыку Бальдассаре Галуппи) или 1795 г. (на музыку Винсенте Мартини-и-Солера), представленных в Эрмитажном театре в оформлении Гонзага. См.: *Сыркина Ф.Я.* Пьетро ди Готтардо Гонзага. М., 1974. С. 230. № 191.

ции. Очевидно, что на излете века и «Ад» и «Тюрьмы» нуждались уже не только в обновлении арсенала ужасов и архитектурных форм, но и в принципиально иных символических координатах действия.

Если абстрагироваться от этической стороны, можно сказать, что двухвековая inferнальная традиция в целом, начиная от «хождения в Аид» как инсигнии императорской власти, завершилась весьма характерным перверсивным жестом – падением Бастилии, заключением и казнью монарха. Символическая смерть августейшего героя в тюрьме, столь охотно демонстрируемая во всех коронационных спектаклях XVIII в., обернулась не символическим воскресением, торжеством доблести и оперным хеппи-эндом, а реальной смертью Людовика XVI. Старый сценарий больше не работал.

По инерции его попытались еще пару раз «натянуть» на новые обстоятельства, переложив на музыку пьесу Ж. Буйи о событиях времен якобинского террора. Но затея П. Гаво и Ф. Паэра представить классическим «культурным героем» Флорестана, брошенного в темницу за свои убеждения и спасенного от произвола лишь благодаря преданности и мужеству жены Леоноры, явившейся в тюрьму в мужском платье и с пистолетом в руке как раз в тот момент, когда злодей Пицарро решил расправиться с узником, оказалась не слишком удачной. Вдохнуть в этот сюжет жизнь в полной мере не удалось даже гению Бетховена, представившего публике свой вариант той же коллизии под названием «Фиделио». И все же именно эту грандиозную примыкающую к романтизму оперу можно назвать своего рода финалом века Просвещения, где «сквозь житейскую оболочку сюжета, буквально почерпнутого из газетной хроники времен террора, действительно просвечивает мифологизм архетипической фабулы, породившей оперу как жанр: нисхождение героя или героини в Ад и торжество любви над смертью»³¹.

A.S. Korndorf

**The «Dark Side» of Enlightenment.
Ancient Tradition and Infernal Themes
of Eighteenth-century Architectural Scenography**

The article deals with the transformation of one of the most popular motifs of seventeenth- and eighteenth-century theatre iconography, the scenes of «Inferno» into those of «Prisons». Investigating the philosophical and aesthetic causes of this process, and also the political allusions, which invariably determined the choice of subject by the court theatre company, the author uses collisions of classical literature

³¹ Кириллина Л.В. «Фиделио» Бетховена: взгляд из XX века // Мир искусств. Альманах. М., 1991. С. 111.

and librettos to show how the character's liberating prison inmates substituted for his going down to the underworld (Hades). This suggests a totally new interpretation of the development of the eighteenth-century theatre prison iconography and the role assigned to prison scenography in the Enlightenment theatre. The underlying principle was that the Enlightenment theatre visually replaced the Inferno with grim prison scenes by adapting every iconographically significant attribute of the Inferno to the image of prison.

Artists used dozens of engravings and scenery sketches that form today the corpus of imaginary topography of the Inferno of the seventeenth and eighteenth centuries to construe a set of stably recognizable images that migrated from one stage production to another. These architectural stereotypes include above all the huge open arch of the gaping Inferno, then the Dis fortress on the shores of the Acheron with glowing city towers and the indispensable symbols of torture – rings, chains and wheels sticking out of the walls or hanging from vaults and beams, ruins bespeaking of vanities of vanities, Jacob's ladders leading upwards and judgement bridges, so high and narrow that only the righteous people could pass through them to the Kingdom of Heaven, and finally, the solemn Palace of Pluto in the underworld. The set of Inferno iconographic architectural features was perceived as the minimal and, by now, indivisible semantic element of prison sets. All the Inferno iconography details considered by the author could now be easily recognised in prisons. The infernal fire became the ever burning lantern, the judgement bridge turned into endless narrow galleries hanging over colossal spans, the Dis fortress unexpectedly acquired towers built into the interiors of spacious dungeons, and the gaping Inferno opened with huge arches in the foreground, threateningly baring the peaks of iron bars. Even the stairs running in all directions and the visible wheels of torture now only signified the loss of the multitude of infernal meanings they had had a century earlier.

By absorbing the Inferno iconography, prisons of the court theatre became the first instance in art history when the theme of external violence against man, which was of burning importance to the Enlightenment, was shown with utmost depth, irrespective of action, entirely with the help of architecture and optics. The illusory depth of prison inventions by Bibiena, Moreau, Piranesi and Gonzago, filled with infernal connotations, became the rationally mastered world turned inside out, and the first architectural anti-utopia.

С.О. АНДРОСОВ

АНТИЧНАЯ ПЛАСТИКА И «НЫНЕ ЖИВУЩИЕ»
СКУЛЬПТОРЫ В РИМЕ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII ВЕКА*

К середине XVIII столетия в художественной жизни Рима начинают ощущаться кризисные явления, заметные ранее всего в области архитектуры и скульптуры. Уже не строится, как прежде, большое количество церквей и дворцов знатных семейств. Сокращается и число заказов на скульптурные произведения. Завершаются работы по созданию комплекса Фонтана Треви, а также работы по украшению статуями интерьера собора Св. Петра. Надгробия, создаваемые в это время в Риме, приобретают камерный облик и осуществляются без размаха, характерного для более ранних монументов. Все это приводит к тому, что скульпторы оказываются вынужденными больше времени уделять копированию и реставрации античных статуй, обеспечивая себе тем самым возможность безбедного существования.

Наиболее ярким примером ваятеля нового типа является Бартоломео Кавачеппи (около 1717–1799). Сегодня мы знаем несколько оригинальных статуй, а также ряд портретных бюстов его работы, однако наибольшую известность он получил как реставратор антиков, а также как коллекционер и антиквар. Сам он называл своим учителем Пьера Этьена Монно (1657–1733), но в момент смерти последнего Кавачеппи едва ли исполнилось 17 лет. Позднее юноша работал в мастерской Карло Антонио Наполиони (1675–1742), занимавшегося реставрацией скульптуры для Капитолийского музея. В то же время почти ничего не известно о реставрационных работах самого Кавачеппи до выхода в свет трех томов с гравированными изображениями исправленной им античной скульптуры¹. По-видимому,

© С.О. Андросов, 2012

* Статья содержит новые материалы и наблюдения, дополняющие монографию автора: Скульпторы и русские коллекционеры в Риме во второй половине XVIII века. СПб., 2011.

¹ [Cavacessi B.] Raccolta d'antiche statue, busti, teste cognite ed altre sculture antiche

после этого издания Кавачеппи и стал знаменитым, притом скорее как реставратор и теоретик реставрации, но так же как антиквар и коллекционер и лишь потом – как скульптор. Достаточно вспомнить, что его избрали членом Академии Св. Луки только в 1782 г. Именно в качестве реставратора, работая сначала для Капитолийского музея, а затем для кардинала Алессандро Альбани, Кавачеппи достиг богатства, позволившего ему собрать великолепную коллекцию античной скульптуры и моделей мастеров барокко².

В том же направлении развивалось и творчество Карло Альбачини (около 1734–1813), по некоторым сведениям, бывшего родственником Кавачеппи и работавшего в его мастерской около 1765 г. До сих пор художественная карьера Альбачини не привлекала внимания исследователей, он был известен в основном как реставратор антиков³. Тем не менее, благодаря тесным контактам мастера с русскими заказчиками, прежде всего с И.И. Шуваловым, музеи нашей страны располагают значительным числом его подписных произведений. Некоторые из них, в том числе несохранившиеся или неидентифицированные, упоминаются в так называемом «Списке Шувалова» – описи произведений, приобретенных Шуваловым в Риме и привезенных в 1769 г. в Петербург. Единственное оригинальное произведение Альбачини из этого числа – мраморная статуя, изображавшая Екатерину II в рост и оцененная в «Списке Шувалова» в 700 скуди⁴ (римская серебряная монета), – как раз не дошло до наших дней. Все остальные известные нам статуи и бюсты, созданные Альбачини, которые ныне хранятся в Эрмитаже и в государственных музеях-заповедниках «Павловске», «Коломенском», «Архангельском», представляют собой более или менее точные копии с античных или современных оригиналов.

Характерным примером раннего творчества Альбачини могут служить две статуи из собрания Эрмитажа, которые идентифицируются с *Флорой* и *Исидой*, упомянутыми в «Списке Шувалова» с общей оценкой в 300 скуди: «Эти две маленькие статуи скопированы с совершенством и из превосходного мрамора»⁵. *Флора* является копией знаменитой *Флоры Фарнезе* (ныне – Неаполь, Национальный археологический музей) (ил. 1). *Исида* (ил. 2) повторяет статую, найденную на вилле Адриана в Тиволи и хранящуюся ныне в Капитолийском музее в Риме⁶.

restaurate da Cav. Bartolomeo Cavaceppi scultore romano. Rome: presso P. Manno, 1768–1772. 3 vols., in-fol

² О жизни и творчестве Кавачеппи см.: *Howard S. Bartolomeo Cavaceppi. Eighteenth-Century Restorer*. New York; London, 1982; *Bartolomeo Cavaceppi scultore romano (1717–1999)*. Catalogo della mostra / A cura di M.G. Barberini e C. Gasparri. Roma, 1994.

³ Как правило, исследователи ограничивались анализом античных произведений, реставрированных Альбачини, например: *Vaughan G. Albacini and his English Patrons // Journal of the History of Collections*. 1991. Vol. 3. N 2. P. 196; *Bignamini I., Hornsby C. Digging and dealing in Eighteenth century Rome*. New Haven; London, 2010. Vol. 1. P. 226.

⁴ РГИА. Ф. 789. Оп. 1. Ч. 1. Д. 367. Л. 40.

⁵ Там же. Л. 43.

⁶ Опубликованы в каталог: *Canova alla corte degli Zar. Capolavori dall'Ermitage di San Pietroburgo*. Catalogo della mostra / A cura di S. Androsov e F. Mazzocca. Milano, 2008. P. 92, 94. N 9, 10.

Ил. 1. К. Альбачини. Флора Фарнезе. Конец 1760-х годов. ГЭ

Ил. 2. К. Альбачини. Исида. Конец 1760-х годов. ГЭ

Обе фигуры полностью оправдывают характеристику, данную Шуваловым. Они действительно выполнены из статуарного мрамора высшего качества, почти лишенного прожилок и венатур, который иногда кажется почти прозрачным. Исполнение статуй также отличается исключительной тонкостью и элегантностью. Безусловно, подобные произведения должны были нравиться просвещенным любителям искусства не только высоким качеством исполнения, но и тем, что они повторяли знаменитые произведения античности.

Для того же Шувалова Альбачини исполнил портретный бюст Петра Великого в мраморе. Благодаря подписи мастера он был идентифицирован А.Н. Кубе с бюстом, находившимся около 1920 г. в Библиотеке Главного штаба в Петербурге⁷. Он также числится в «Списке Шувалова» среди произведений, отправленных в Россию в 1769 г. В качестве прототипа скульптор использовал восковой портрет русского царя, исполненный в России Бартоломео Карло Растрелли и находившийся тогда в Риме, в знаменитом собрании кардинала Сильвио Валенти Гонзага (в 1861 г. он был приобретен русским правительством, ныне в ГЭ, ЭРСК-157). Мраморный бюст, происходящий из Библиотеки Главного штаба, хранится в музее-заповеднике «Коломенское». Позднее, очевидно в 1780-е годы, Альбачини исполнил еще одно повторение портрета Петра Великого для князя Н.Б. Юсупова. Этот бюст сопровождался парным изображением Екатерины II. Оба произведения сегодня находятся в музее-усадьбе «Архангельское»⁸, как и подписной мраморный бюст, повторяющий античного так называемого *Умиравшего Александра Великого* из Уффици⁹.

Отношения с Карло Альбачини поддерживали и другие русские любители искусства, посещавшие Рим. Наследник престола великий князь Павел Петрович и его супруга Мария Федоровна, путешествовавшие по Европе под именем графа и графини Северных, побывали в римской мастерской Альбачини дважды – 26 февраля и 1 марта 1782 г.¹⁰ С этими посещениями следует связать приобретение или заказ целого ряда работ. Скульптурная группа *Амур и Психея* (высота 69 см), хранящаяся в музее-заповеднике «Павловск» и подписанная Альбачини, является копией с древнеримского памятника из Капитолийских музеев, восходящего к греческому оригиналу II в. до н.э. С мая 1783 г. скульптура находится в Павловском дворце. Ее тонкое и деликатное исполнение вполне соответствует ранним статуям Альбачини¹¹.

⁷ Кубе А.Н. Мраморный бюст Петра Великого, работы Карло Альбачини // Государственный Эрмитаж: Сб. Пг., 1920. Вып. 1. С. 63–71.

⁸ См.: «Ученая прихоть». Коллекция князя Николая Борисовича Юсупова / Каталог выставки ГМИИ им. А.С. Пушкина. М., 2001. С. 218. № 147–148.

⁹ Там же. С. 219. № 149.

¹⁰ Стадничук Н.И. Римский журнал графа и графини Северных // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник 2002 г. М., 2003. С. 36, 40.

¹¹ Королев Е.В. Скульптура Павловского дворца-музея: Каталог. СПб., 2007. Т. 3. С. 296. № 77.

Менее ясна, несмотря на присутствие подписи, история создания двух парных мраморных статуэток, которые изображают мальчика, держащего птичку, и девочку, держащую гнездо. Обе они с конца XVIII в. находились в Павловском дворце, но первая из них была утрачена во время немецкой оккупации. Эти композиции известны во многих вариантах и в разных материалах. *Мальчик с птичкой* – копия с античной статуи, хранящейся в Галерее Боргезе в Риме. *Девочка с гнездом*, очевидно, является инвенцией второй половины XVIII в. Традиционно автором этой композиции считается малоизвестный французский скульптор Шарль Антуан Бридан, работавший в Риме в 1757–1762 гг. Недавно в поддержку этой традиционной атрибуции выступил английский исследователь Алистер Лэнг¹². Тем не менее убедительных доказательств авторства Бридана найти пока не удалось. Поскольку *Девочка с гнездом* из Павловска имеет подпись Альбачини, Е.В. Королев рассматривает ее как оригинальное произведение мастера и датирует исполнение первого экземпляра около 1760 г.¹³ Таким образом получается, что Павел Петрович в 1782 г. мог приобрести статуэтку, исполненную более чем двадцатью годами ранее, или ее повторение, что возможно, но нуждается в дополнительных доказательствах.

Впрочем, этими скульптурами не ограничивается список работ, исполненных Альбачини для графа и графини Северных и ныне хранящихся в Павловском дворце. Польская исследовательница К. Микоцка-Рахубова в своей книге о Канове и его польских заказчиках приводит отрывки из дневника Игнатия Романа Потоцкого (1750–1809), посетившего Рим в 1783 г. В нем содержится список мастеров, работавших тогда в «вечном городе», с краткими их характеристиками. В дневнике упомянут и Альбачини:

Шарль Альбаджини, скульптор (на Гречи), занят также починкой поврежденных антиков и делает с них копии. В настоящий момент он работает над девятью музами для Великого Князя России. Он делает также камины¹⁴.

Такое свидетельство современника окончательно решает вопрос об авторстве комплекса мраморных статуй, изображающих Аполлона и девять муз, находящихся ныне в Библиотеке Марии Федоровны в Павловском дворце. В основу этой серии были положены фигуры муз, найденные при раскопках Доменико Де Анджелиса на так называемой Вилле Кассия в окрестностях Тиволи. Однако, как отмечает Е.В. Королев, к скульптурам виллы Кассия, помимо статуи Аполлона, восходят только

¹² Lang A. «A bird in the hand...» // *Antologia di belle arti. La scultura*. II (1996). P. 154–165.

¹³ Королев Е.В. Указ. соч. С. 61–63. № 33, 42, 43.

¹⁴ *Mikocka-Rachubova K. Canova, jego krag i Polacy (okolo 1780–1850)*. Warszawa, 2001. Т. 1. P. 96.

«семь муз». Муза лирической поэзии Эвтерпа повторяет античную статую, ныне хранящуюся в Художественном историческом музее в Вене. Что же касается изображения музы истории Клио, то исследователь считает ее оригинальной работой, сделанной в дополнение к остальным фигурам серии, возможно, Иоганном Генрихом Даннекером из Штутгарта, работавшим в Риме в 1785–1787 гг.¹⁵ Таким образом можно признать, что по крайней мере восемь статуй серии представляют собой вольные копии с антиков, отличаясь от них меньшими размерами. Их нейтральная классицизирующая манера допускала и ранее возможность авторства Альбачини, однако только записки Потоцкого позволили документально обосновать эту атрибуцию. Вместе с тем можно согласиться с Е.В. Королевым, который всю серию помещает под определением «Карло Альбачини и его мастерская».

Другие произведения Альбачини в российских собраниях, к сожалению, лишены документации. Некоторые приписываются Альбачини или его мастерской только гипотетически. Вместе с тем можно констатировать, что скульптор оказывается тесно связанным с британскими художниками-антикварами Томасом Дженкинсом и Гэвином Гамильтоном, контролировавшими, наряду с Кавачеппи, антикварный рынок в Риме. С 1782 г. он назначается официальным реставратором Ватиканских музеев. В конце 1780-х годов он занимается также реставрацией статуй собрания Фарнезе и их перевозкой в Неаполь из Рима. Практически для Альбачини это означало отказ от собственного творчества.

Если деятельность Дженкинса и Гамильтона в качестве антикваров достаточно хорошо известна, кажется интересным проанализировать с этой точки зрения пребывание в Риме Джозефа Ноллекенса (1737–1823), самого крупного английского скульптора своего времени. Он приехал в Рим в августе 1762 г., выиграв конкурс, организованный британским Обществом поощрения художеств в 1759 г., и покинул «вечный город» восемь лет спустя. За время пребывания в Риме он исполнил несколько портретных бюстов своих соотечественников (в том числе Лоренса Стерна, мраморный вариант – в Национальной портретной галерее в Лондоне, а также Джованни Баттиста Пиранези – Рим, Академия Св. Луки). Еще одним произведением Ноллекенса, созданным в Риме, стала мраморная группа *Кастор и Поллукс*, исполненная в 1768 г. для Томаса Энсона и повторяющая античный оригинал (Лондон, Музей Виктории и Альберта)¹⁶. Как представляется, этих заказов было недостаточно, чтобы обеспечить скульптору существование в Риме в течение восьми лет. К тому же Джон Томас Смит, друг и первый био-

¹⁵ Королев Е.В. Указ. соч. С. 90–95. № 67–75.

¹⁶ О римском периоде творчества Ноллекенса см.: Kenworthy-Browne J. Establishing a Reputation. Joseph Nollekens: the years in Rome – I // Country Life. June 7. 1979. Vol. CLXV. P. 1844–1848; *Idem*. Genius recognized. Joseph Nollekens: the years in Rome – II // June 14. 1979. Vol. CLXV. P. 1930–1933.

граф Ноллекенс, сообщает, что тот вывез из Италии некоторое число произведений древних и современных мастеров (называются имена Микеланджело, Джамболоньи, Дюкенау)¹⁷. По-видимому, англичанин, помимо славы, должен был составить себе в Риме и некоторое состояние. Источником богатства Ноллекенс могла быть реставрация античной скульптуры. Смит упоминает, со слов мастера, что тот работал для Дженкинса и Гамильтона¹⁸. Косвенные факты свидетельствуют о том, что Ноллекенс посещал и мастерскую Кавачеппи. Смит также рассказывает историю, которая иллюстрирует возможности, открывающиеся в результате сотрудничества скульптора-реставратора и антиквара. Дженкинсу принадлежала голова Минервы, которую не удалось продать. Ноллекенс случайно купил античный торс, который, как оказалось, хорошо подходил к этой голове. Соединив оба фрагмента (по-видимому, также доделав недостающие части), скульптор создал новое произведение античного искусства, за которое удалось выручить целую тысячу гиней¹⁹.

С. Хауард, автор первого исследования о жизни и творчестве Кавачеппи, отмечает, что, согласно третьему тому гравированного изображения скульптуры, реставрированной Кавачеппи (1772 г.), владельцем двух статуй (*Атлета* и *Гигеи*) указан Ноллекенс. Очевидно, что он мог приобрести эти статуи только до отъезда из Рима. Исследователь предполагает поэтому, что они могли предназначаться каким-то британским коллекционерам; таким образом, Ноллекенс не только реставрировал антики, но и занимался их перепродажей²⁰. В пользу такой гипотезы говорят и документы, относящиеся к вывозу из Рима произведений искусства. В конце 1760-х и в 1770 г. Ноллекенс, согласно имеющимся у нас материалам, по меньшей мере восемь раз обращался за лицензией на вывоз антиков за пределы Италии. 13 ноября 1765 г. он вывозил из Рима некую урну с рельефным изображением и крышкой и статую неизвестного юноши²¹, а 4 апреля 1767 г. – две античные статуи, изображавшие путто и Гигею (последняя, вероятно, идентична с реставрированной в мастерской Кавачеппи)²². В 1768 г. он сделал две отправки: 4 января – неизвестную античную статую высотой 8 палмов (около 170 см)²³ и 26 октября – уже упоминавшуюся группу *Кастор и Поллукс*, скопиро-

¹⁷ *Smith J.T.* Nollekens and his Times. London, 1949. P. 5, 6.

¹⁸ *Ibid.* P. 122.

¹⁹ *Ibid.* P. 6.

²⁰ *Howard S.* *Op. cit.* P. 71. В последнее время эта сторона деятельности Ноллекенса была достаточно подробно исследована в монографии И. Биньямини и К. Хорнсби (*Bignamini I., Hornsby C.* *Op. cit.* Vol. 1. P. 305, 306). Приведенные ими документы по датам могут не совпадать с приводимыми нами, поскольку в одних случаях речь идет о дате рассмотрения прошения, а в других – о выдаче окончательного разрешения.

²¹ ASR. Camerale II. Antichita' e belle arti. Busta 11 (senza pagine).

²² *Ibid.* Camerale I. Busta 679. Fol. 105.

²³ *Ibid.* Camerale II. Busta 11.

ванную им со знаменитого антика²⁴. 1 июня 1769 г. Ноллекенс просил лицензию на вывоз крупной античной статуи, изображавшей Нептуна²⁵. Наконец, 17 сентября 1770 г., вероятно навсегда уезжая из Рима, скульптор увозил с собой целую группу антиков – статую Ганимеда, голову Септимия Севера, голову Фавна, барельеф с изображением Митры, ногу льва, две статуи путти и одну капитель²⁶.

Предположение об участии Ноллекенса в антикварной торговле вполне подтверждается и данными «Списка Шувалова», который включает в себя информацию о предыдущей истории памятников искусства. По крайней мере пять произведений Шувалов приобрел у Ноллекенса («Nolchens»). К сожалению, четыре из них не поддаются идентификации из-за слишком общего описания (например: «Овальный рельеф с двумя фигурами»). Однако в одном случае Шувалов дает достаточно подробное описание барельефа, купленного у Ноллекенса за 780 скуди и представляющего жертвоприношение императора Тита. Барельеф был включен в книгу Иоганна Иоахима Винкельмана о неизданных античных памятниках в Риме. Согласно «Списку Шувалова», он первоначально был куплен неким англичанином по фамилии Джонсон («Jahnson»), но ему не удалось получить разрешения на вывоз. Поэтому рельеф перекупил Шувалов, который смог добиться желаемой лицензии²⁷. Ныне *Жертвоприношение Тита* хранится в музее-заповеднике «Гатчина». До Второй мировой войны рельеф, вмонтированный в стену, сохранял головы, практически отделенные от фона, очевидно, реставрированные Ноллекенсом. Во время пожара Гатчинского дворца он был сильно поврежден и в настоящее время экспонируется без реставрационных доделок. Его история убедительно доказывает, что Ноллекенс занимался в Риме не только реставрацией, но и продажей памятников античности.

Сведения о происхождении рельефа *Жертвоприношение Тита* подводят нас к вопросу о разрешении на вывоз произведений искусства из Италии. Вполне налаженная система контроля за экспортом сложилась в Риме в середине XVIII в. Человек, желавший официальным путем вывезти произведение искусства (древнее или современное), обращался к комиссару или заменявшему его ассессору по античности (пост комиссара в 1764–1768 гг. занимал Винкельман, а в 1768–1784 гг. – Джованни Баттиста Висконти; ассессором в 1765–1787 гг. состоял Алессандро Браччи, сын скульптора Пьетро Браччи). Комиссар или ассессор осматривал памятники и давал заключение, которое обычно включало в себя также общую оценку всей партии. Окончательное разрешение выдавалось в правительственной канцелярии на основании заключения предыдущей инстанции. Поэтому в настоящее время документы, связанные с вывозом

²⁴ Ibid. Camerale I. Busta 679. Fol. 153 r.

²⁵ Ibid. Busta 682. Fol. 21 r.

²⁶ Ibid. Fol. 111.

²⁷ РГИА. Ф. 789. Оп. 1. Ч. 1. Д. 367. Л. 40.

искусства, находятся в двух различных фондах Государственного архива в Риме. В фонде «Камерале II. Античность и изящные искусства» собраны заключения экспертов. В фонде «Камерале I», наряду с другими разрешениями и лицензиями (например на ведение археологических раскопок), хранятся итоговые документы. Как ни странно, материалы одного фонда не всегда соответствуют материалам другого. Частичная публикация лицензий, осуществленная еще в XIX в. А. Бертолотти, учитывает только фонд «Камерале I». К тому же документы приводятся здесь в сокращении и нередко с ошибками, вызванными то ли описками автора, то ли простыми печатками²⁸. В настоящее время часть материалов, касающаяся вывоза антиков, главным образом в Англию, опубликована в книге И. Биньямини и К. Хорнсби²⁹. Тем не менее только сопоставление всех материалов двух фондов римского архива может дать сколько-нибудь полную картину вывоза художественных произведений из Рима во второй половине XVIII в.

Некоторые наблюдения, которые делаются в данном контексте, позволяют выделить интересные моменты, относящиеся к области художественной политики и заслуживающие дальнейшего изучения.

В известных нам документах часто встречаются имена самих скульпторов, ходатайствующих о вывозе своих произведений (Франческо Ладзарини, Франческо Каррадори, Карло Альбачини, Винченцо Пачетти, а также иностранцев, например Иохана Тобиаса Сергеля). Скульпторы Кавачеппи и Нолленкенс экспортируют также античную скульптуру, как и антиквары Томас Дженкинс, Гэвин Гамильтон и шотландец Джозеф Байрс. Как правило, лицензия дается на три месяца и оговаривается способ транспортировки – «морем» или «сушей». При этом место назначения той или иной посылки, за редчайшим исключением, не указывается. Некоторые детали позволяют предположить, куда вывозились произведения искусства, потому что люди, часто обращавшиеся за разрешением, были достаточно известны. Это, например, Франческо Пиранези (сын гравера), «агент короля Швеции» или «кавалер Иньяцио Брокки», «агент короля Польши». Изредка здесь можно встретить и имена русских любителей древностей, чаще всего И.И. Шувалова, который в общей сложности не менее 11 раз просил о лицензии, а позднее – русского консула в Риме Гаспаре Сантини, по-видимому, занимавшегося пересылкой произведений искусства, купленных в Риме русскими путешественниками. Можно предположить, что в этом деле он был не одинок. Некоторые имена в данных документах встречаются регулярно и по несколько раз

²⁸ Bertolotti A. Esportazione di oggetti di belle arti da Roma nei secoli XVII e XVIII // Archivio storico, artistico, archeologico e letterario della città e provincia di Roma. 1887. Vol. 2. P. 209, 289; *Idem*. Die Ausfuhr einiger Kunstgegenstaende aus Rom nach Oesterreich, Deutschland, Polen und Russland vom 16. bis 19. Jahrhundert // Repertorium fuer Kunstwissenschaft. 1882. Bd. 5. S. 371.

²⁹ Bignamini I., Hornsby C. Op. cit. Vol. 1.

в год. Вероятно, мы имеем здесь дело с посредниками, которые обеспечивали доставку произведений искусства, приобретенных в Риме, в различные страны. Попытаемся выявить среди них тех, кто мог быть связан с русскими путешественниками и коллекционерами.

Первым следует назвать имя банкира Франческо Барацци (1709–1785), человека чрезвычайно активного в 1760-е годы, когда он свыше 20 раз обращался за разрешением на вывоз разных статуй и картин. В ряде случаев можно предположить, что картины предназначались для отправки в Англию. Так, 3 февраля 1766 г. он просил разрешение на вывоз портрета «господина англичанина работы Батони»³⁰. 1 мая того же года снова идет речь о портрете и картине работы Батони³¹. 27 апреля 1767 г. он ходатайствует о вывозе уже четырех картин Батони³². По-видимому, все это не может быть простым совпадением. Действительно, имя Франческо Барацци несколько раз упоминается на страницах известной монографии Э.М. Кларка о Батони – то как «торговца, хорошо знакомого англичанам», то как «друга Батони», то как банкира³³. Более подробные сведения, приведенные в книге И. Биньямини и К. Хорнсби, свидетельствуют о дальнейших связях Барацци с британскими путешественниками и коллекционерами; особенно тесное сотрудничество связывало его с Гэвином Гамильтоном³⁴. Внимательное прочтение документов, относящихся к деятельности Барацци, позволяет установить его возможную причастность и к отправкам произведений искусства в Россию. Так, в уже упоминавшемся прошении от 1 мая 1766 г., кроме портрета, речь идет о картине Батони, оцененной в 1400 скуди. Ее сюжет в дословном переводе определяется как «Геракл, которому нравится добродетель». Как правильно отмечает Э.М. Кларк, речь здесь должна идти о монументальной картине *Геракл на распутье*, приобретенной в Риме графом К.Г. Разумовским, ныне находящейся в Эрмитаже³⁵.

Другой случай нуждается в более обстоятельном объяснении. Историкам искусства давно уже известно письмо живописца Шарля Натюра, директора Французской Академии в Риме, к маркизу де Мариньи, датированное 9 ноября 1769 г. В нем сообщается, что И.И. Шувалов заказал четыре статуи из мрамора небольшого размера четверем молодым пенсионерам Академии. Это были Клод Мишель, прозванный Клодионом, и Луи Симон Буазо, ставшие затем прославленными скульпторами, а также ничем себя позднее не проявившие Бове и Буше³⁶. Произве-

³⁰ ASR. Camerale II. Busta 11.

³¹ Ibid.

³² Ibid.

³³ Clark A.M. Pompeo Batoni. A Complete Catalogue of his Works with the Introductory Test. New York, 1985. P. 294, 307, 313.

³⁴ Bignamini I., Hornsby C. Op. cit. Vol. 1. P. 231.

³⁵ Clark A.M. Op. cit. P. 299, 300. N 288.

³⁶ Lapauze H. Histoire de l'Académie de France à Rome. Paris, 1924. T. 1 (1666–1801). P. 271.

дение Клодиона гипотетически идентифицируется со статуей *Весталка* (высота 95,5 см), ныне хранящейся в Национальной галерее искусств в Вашингтоне, но находившейся в начале XX в. в России³⁷. Луи Рео пытался отождествить статую, исполненную Буазо, с небольшой фигуркой *Девушка с бабками*, подписанной Буазо и датированной 1768 г. (ГЭ, Н.СК 1296)³⁸. Недавно Г. Шерф и Т. Пикенар высказали предположение о том, что на самом деле Буазо создал для Шувалова статую, происходящую из Гатчинского дворца (и неизвестную Л. Рео), ныне экспонируемую в музее-заповеднике «Павловск»³⁹, по размерам (высота 105 см) более соответствующую статуе Клодиона (она также подписана Буазо и датирована 1769 г.)⁴⁰. Предположение французских исследователей вполне подтверждает письмо молодого скульптора из Ломбардии Донато Андреа Фантони (1746–1817), который учился в Риме в 1766–1770 гг. Упомянув о своей дружбе с «Господином Буазу», Фантони сообщает, что тот подарил ему «Жрицу, им самим придуманную и исполненную в мраморе для Его Светлости Скиаффлоффа, москвитя»⁴¹. По-видимому, это была небольшая модель статуи из терракоты. Определение сюжета – «Жрица» – как нельзя лучше соответствует статуе из Павловска (ил. 3). Это положение подтверждается и материалами римского архива. 13 декабря 1769 г. Франческо Барацци просил разрешения на вывоз «морским путем» из Рима «маленькой мраморной статуи высотой 4 пальма, представляющей жрицу, высеченную ныне живущим французским скульптором»⁴². Лишь неточность в размерах может породить сомнения в том, что эта статуя, оцененная в 160 скуди, тождественна исполненной Луи Симоном Буазо для Шувалова и ныне хранящейся в Павловском дворце. К тому же имя Франческо Барацци как человека, причастного к отправке произведений искусства в Петербург, упоминается в «Списке Шувалова»⁴³.

В документах более позднего времени выделяются два человека, возможно родственники, которые также регулярно подавали прошения о вывозе из Рима произведений искусства. Только в 1777–1780 гг. Джакомо Антонио дель Прато обращался за лицензией 23 раза. Период наибольшей активности Джузеппе дель Прато приходится на 1786–1790 гг. – семь обращений. Его имя также упоминается в «Списке Шувалова», где он назван «упаковщиком» («*emballeur*»)⁴⁴. И. Биньямини и К. Хорнсби

³⁷ *Middeldorf U.* Sculptures from the Samuel H. Kress Collection. European schools XIV–XIX century. London, 1976. P. 106, 107.

³⁸ *Reau L.* Catalogue de l'art français dans les musées russes. Paris, 1929. P. 139. N. 9.

³⁹ *Королев Е.В.* Указ. соч. С. 64. № 46.

⁴⁰ *Louis-Simon Boizot* (1743–1809). Sculpteur du roi et directeur de l'atelier de sculpture a la Manufacture de Sevres. Paris; Versailles, 2001. P. 15, 66.

⁴¹ *Fantoni A.D.* Diario di viaggio e lettere. 1766–1770 / A cura di A.M. Pedrocchi. Bergamo, 1977. P. 84.

⁴² ASR. Camerale II. Busta 12.

⁴³ РГИА. Ф. 789. Оп. 1. Ч. 1. Д. 367. Л. 48, 49 об., 50 об., 51 об.

⁴⁴ Там же. Л. 50 об.

Ил. 3. Л.-С. Буазо. Весталка. 1769. Государственный музей-заповедник «Павловск»

называют Джакомо дель Прато «курьером-агентом»⁴⁵. По-видимому, оба дель Прато занимались отправкой произведений искусства, приобретенных в Риме, в разные страны, в том числе в Россию. Так, 14 мая 1781 г. Джакомо Антонио дель Прато ходатайствовал о разрешении на вывоз ряда скульптур и среди них – «статуи, изображающей Императрицу России (высотой) шести пальмов»⁴⁶. Дальнейшая судьба этой скульптуры неизвестна, но логично предположить, что она предназначалась для России.

Как правило, статуи и бюсты, экспортируемые из Рима, определяются в документах как «античные» («antichi») или «современные» («moderni»), иногда как созданные «ныне живущим автором», однако имя этого «ныне живущего» мастера раскрывается чрезвычайно редко. Как уже отмечалось, большинство античных скульптур вывозится профессионалами своего дела – Кавачеппи, Дженкинсом, Гамильтоном, Байрсом. Обычные путешественники зачастую довольствовались уменьшенными мраморными копиями с антиков (высотой в три пальма, то есть 70–80 см), а также столами и вазами. При этом можно допустить, что небольшие бронзовые статуэтки (высотой около 30 см), создававшиеся в изобилии в мастерских Ригетти и Дзоффоли, вывозились без объявления. Чаще других копировались статуи: *Аполлино Медичи*, *Аполлон Бельведерский*, *Геракл Фарнезе*, *Флора Фарнезе*, *Гладиатор Боргезе*, *Венера Медичи*, *Венера Каллипига*, а из групп – *Кастор и Поллукс*, *Амур и Психея*, *Вакх и Ариадна*.

Внимание также привлекает оценка скульптуры, определявшаяся ассессором по античности, по-видимому, при участии заинтересованного в вывозе лица. Как правило, оценивалась целая группа произведений, представленная просителем, поэтому высчитать стоимость одной статуи или бюста непросто. Обращает на себя внимание, что при детальном описании антиков, упор явно делался на их дефекты и следы реставрации. Зачастую они характеризовались словом «заурядный» («ordinario»). Создается впечатление, что в целом современные произведения стоили дороже античных, что удивляет. Чтобы проиллюстрировать это положение, можно привести несколько примеров.

13 июля 1771 г. Гэвин Гамильтон просил разрешение на вывоз нескольких произведений – античной головы Паллады (больше натуре, с бюстом и частью шеи современной работы) и двух античных торсов высотой около 1 м (без голов, рук и ног). Алессандро Браччи оценил их в 130 скуди⁴⁷. 19 августа 1786 г. скульптор Лоренцо Карделли вывозил из Рима мраморный бюст короля Польши, исполненный его сыном (Доменико Карделли). Этот бюст, находящийся ныне во Дворце Лазенки в

⁴⁵ Bignamini I., Hornsby C. Op. cit. Vol. 1. P. 233.

⁴⁶ ASR. Camerale I. Busta 693. Fol. 72 v.

⁴⁷ Ibid. Camerale II. Busta 12; Bignamini I., Hornsby C. Op. cit. Vol. 1. P. 272.

Варшаве, был оценен в 300 скуди⁴⁸. Примерно в той же пропорции могли оцениваться античные и современные статуи и группы. В одном из разрешений, полученном 2 мая 1778 г. Джакомо Антонио дель Прато, упоминаются три античные статуи и четыре современных канделябра, оцененные суммарно всего в 200 скуди. При этом описание антиков явно должно было подчеркнуть их низкое качество исполнения и плохую сохранность:

⟨...⟩ Бакхант [высотой] шести палмов, зауряднейший («ordinatissimo»), отсутствует голова, правая рука и ноги, Консул [высотой] семи палмов, заурядный, с современными руками и приделанной головой, маленькая Венера, посредственная («mediocre») с головой не своей и многими другими доделками⁴⁹.

Близка к этому и оценка группы антиков, разрешение на вывоз которых получал Гэвин Гамильтон 17 ноября 1779 г. Это были статуя Венеры или Нимфы в натуральную величину (очевидно античная), также античный, но заурядный Аполлино, два посредственных бюста Агриппины и Фаустины, маленький бюст фавна из красного мрамора, а также ванна каррарского мрамора, две вазы и женская голова современной работы, прикрепленная к античному термину. Вся эта группа произведений оценивалась всего лишь в 200 скуди⁵⁰.

С такой оценкой контрастирует стоимость двух мраморных групп (сюжеты не указаны) высотой шесть палмов (около 130 см), скопированных с антиков «ныне живущим ремесленником» и приобретенных в Риме графом И.Г. Чернышевым. Прошение о разрешении на вывоз было представлено 31 мая 1776 г., и цену обоих произведений определили в 300 скуди⁵¹.

Несоответствие стоимости древних и современных произведений невозможно объяснить только падением курса римской монеты (которое стало ощущаться лишь в 1790-е годы). Возможно, следует учесть, что цена произведений современного искусства регулировалась реальными расходами (стоимость материала, время, затраченное на работу, и т.д.), в то время как стоимость античной скульптуры зависела от ее сохранности и обстоятельств находки и могла сильно варьироваться. Тем не менее нам представляется, что оценка произведений могла искусственно занижаться для постоянных клиентов. Здесь можно сослаться на пример, связанный с тем же Шуваловым. В 1769 г. он заказал, по поручению Екатерины II, знаменитому живописцу Помпео Батони монументальное полотно *Фетида забирает Ахиллеса у кентавра Хирона* (ил. 4) (ныне в ГЭ, 2608). По словам Шувалова, цена этой картины, по договору, составила

⁴⁸ Mikocka-Rachubova K. Op. cit. 2001. Т. 2. Р. 152. N 61.

⁴⁹ ASR. Camerale I. Busta 690. Fol. 35.

⁵⁰ Ibid.; Bignamini I., Hornsby C. Op. cit. Vol. 1. P. 273, 274.

⁵¹ ASR. Camerale II. Busta 12.

Ил. 4. П. Батони. *Фетида забирает Ахиллеса у кентавра Хирона*. 1769–1770. ГЭ

1691 скуди 25 байокки⁵². В то же время в разрешении на вывоз, полученном Шуваловым 4 августа 1770 г., картина Батони (сюжет не обозначен, но, судя по размерам, это именно Фетида, забирающая Ахилла) оценена всего в 800 скуди, то есть более чем в два раза дешевле ее стоимости⁵³. Шувалова, без сомнения, можно считать постоянным клиентом, регулярно получавшим экспортные лицензии, в связи с чем он мог пользоваться некоторыми привилегиями у римских чиновников. Однако аналогичную ситуацию можно отметить и в случае с картиной *Геракл на распутье* Помпео Батони, приобретенной князем К.Г. Разумовским. Согласно информации, собранной Э.М. Кларком, за картину художник получил 3000 цехинов⁵⁴, в то время как в прошении о разрешении на вывоз, поданном Франческо Барацци, она оценивается всего в 1400 скуди.

⁵² РГИА. Ф. 789. Оп. 1. Ч. 1. Д. 367. Л. 51. О картине Батони см.: *Фомичева Т.Д.* Картины Помпео Батони в собрании Эрмитажа // Труды ГЭ. 1956. Т. 1: Западноевропейское искусство. С. 86; *Бушмина Т.Б.* К истории создания двух парных картин Помпео Батони для Екатерины II // Труды ГЭ. 2000. Т. 29. С. 76.

⁵³ ASR. Camerale II. Busta 12.

⁵⁴ *Clark A.M.* Op. cit. P. 229.

Таким образом, представляется, что запросы художественного рынка превращали «ныне живущих» римских скульпторов в простых копиистов антиков или их реставраторов. Этот род занятий облегчал им существование и обеспечивал постоянной работой, избавляя от нужды. Тем не менее художественный уровень их собственных произведений неминуемо снижался. Молодой Антонио Канова (1757–1822), впервые приехав в Рим в 1779 г., посещал мастерские ведущих скульпторов. В его дневнике нет слов, прямо осуждающих нетворческий характер работы Кавачеппи или Альбачини, однако сами произведения Кановы показывают, что для себя он избрал другой путь и очевидно в нем преуспел. Этот путь заключался в создании оригинальных композиций, которые, отражая влияние антиков, все же оставались современными. В исторической перспективе можно сказать, что Канова вывел искусство ваяния из того тупика, в котором оно оказалось в конце XVIII в., и на долгие годы укрепил значение Рима как мировой столицы искусства.

Sergej Androsov

Ancient Plastic Arts and the «Currently Living» Sculptors in Rome in the Second Half of the Eighteenth Century

From the middle of the 18 c. sculptors working at Rome devoted most of their attention to restoration and the execution of copies of ancient statues and busts. Characteristic examples of this tendency were the work of Bartolomeo Cavaceppi (about 1717–1799) and Carlo Albacini (about 1734–1813). Cavaceppi's artistic career has been studied very extensively. Albacini, although widely displayed in Russian collections, remained completely in the shadow of his master Cavaceppi. Two marble statues from the Hermitage, the *Flore Farnese* and the *Isis*, both acquired in Rome by Ivan Shuvalov and sent to Petersburg in 1769, reflect the very high quality of Albacini's reproductions.

A review of the relevant documents demonstrates that the noted English sculptor Joseph Nollekens (1737–1823, in Rome between 1762 and 1770) also was involved in the restoration and sale of antiques works. Shuvalov had acquired from Nollekens a relief of the *Sacrifice of the Emperor* that has been dated from the first century in a study published by I.J. Winkelmann (the relief is now housed in The State Museum-Reserve «Gatchina», but it was severely damaged during World War II).

Documents from the Archivio di Stato in Rome provide very important information on the export of works of art from Rome to Russia. They show that Shuvalov quite often was the holder of the export licenses, and it is clear that he acquired these works both for Catherine II and for other collectors from Russia. In other cases some middle men were also involved, but they are difficult to identify. For example, the painting *The Choice of Hercules* of Pompeo Batoni destined for Prince Kirill Razumovsky (Hermitage) and the statue of the *Priestess* by Louis Simone Boizot (The State Museum-Reserve «Pavlovsk») for Shuvalov were exported with the help of the Roman banker Francesco Barazzi.

This situation contributed to the crisis in Roman sculpture of the end of 18. c. which eased only after Antonio Canova (1757–1822) revived interest in the original statues in the neoclassique style for the collectors and benefactors.

SABINE PANZRAM

THE REDISCOVERY OF HERCULANEUM
AND POMPEII: CARLOS III AND WINCKELMANN –
A «REY ARQUEÓLOGO» AND A POLEMICAL INTELLECTUAL,
FIGHTING JUST BECAUSE OF ...?

To Horst Pietschmann,
30 September 2010

THE FACTS

The discovery and excavation of Herculaneum and Pompeii is due to a Spanish King's passion for hunting: in spring of 1758, a thunderstorm in the Gulf of Naples made Bourbon King Carlos III seek refuge at Portici¹. The stocks of animals filled him with so much enthusiasm that he decided to build a villa there. In the course of the surveying works, the engineer Roque Joaquín de Alcubierre discovered statues of marble and bronze, and a short time later he unearthed wall-paintings. Due to the expected high bounty of the site, he was able to convince the King and his minister, Bernardo Tanucci, to support further excavations. Also, the enthusiasm of Carlos's wife, Maria Amalia, a Saxon princess, who knew the so-called «Herculanian women» («Herculanerinnen») that had been discovered in 1711, may have influenced this decision².

From then on, Alcubierre working 26 metres below the ground, dug deep shafts, ramps and tunnels into the thick layer of hard lava. Excavating by mining

© Sabine Panzram, 2012

¹ *Fernández Murga F.* Roque Joaquín de Alcubierre, descubridor de Herculano, Pompeya y Estabia // *Archivo Español de Arqueología*. 35 (1962). P. 3–35; respectively *Idem.* Carlos III y el descubrimiento de Herculano, Pompeya y Estabia. Salamanca, 1989; *Strazzullo F.* Documenti per l'Ing. Rocco Alcubierre scopritore di Ercolano // *Atti della Accademia Pontaniana*. Nuova Serie. 29 (1980). P. 263–290; *Idem.* I primi anni dello scavo di Ercolano nel diario dell'ingegnere militare Rocco Gioacchino d'Alcubierre // *La regione sotterrata dal Vesuvio. Studi e prospettive*. Atti del Convegno Internazionale 1979 / Università degli Studi di Napoli. Napoli, 1982. P. 103–181. I am grateful to the editors Sergey Karp (Moscow) and Garry Marker (New York) for comments and corrections, and to Otto Danwerth (Frankfurt am Main) and Florian Sittig (Berlin) for inspiring discussions. All remaining errors, however, are mine.

² *Herbig R.* Don Carlos von Bourbon als Ausgräber von Herculaneum und Pompeji // *Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts. Abteilung Madrid*. 1 (1960). P. 11–19; *Bowersock G.W.* The Rediscovery of Herculaneum and Pompeii // *The American Scholar*. 47 (1978). P. 461–470.

THE REDISCOVERY OF HERCULANEUM AND POMPEII

Carlos III, King of Naples and Sicily and of Spain; frontispiece of the *Antichità di Ercolano* (1757)

made secrecy easier since nobody was allowed to enter the sites, except those directly contributing. The workers – partly locals, partly prisoners – were thoroughly searched when leaving, and even torture was used to investigate theft since thieves were deemed to have stolen the King's property and had thus harmed him personally³. There was no «sight-seeing». The groundplans and sketches of the ancient buildings made by Alcubierre, the Swiss Karl Weber and the Frenchman Pierre Bardet de Villeneuve by order of the court were classified as «secret documents»⁴. A royal edict protected all antiques and banned their export⁵. They were collected and used to decorate the royal villa at Portici. From 1752 on, the finds from the excavations were exhibited at the *Sacro Museo Ercolanense*, a mixture of excavation museum and Royal Antique Cabinet⁶. On the ground floor, visitors were impressed by the horse statues of Marcus Nonius Balbus, father and son, the floors were decorated with mosaics, and portrait busts from the *Villa dei Papiri* embellished the walls. Visitors could even admire the copy of an ancient kitchen in a separate room! Viewing time, however, was restricted: Camillo Paderni, draughtsman, sculptor, and director, made sure that visits did not take much time. Also, there was a strict ban on sketching and taking notes. Visitors were shown just enough to give them an idea of the immeasurable value of the exhibited treasures. They were welcome if – as it is written in one permission – they reported enthusiastically, «so as to glorify the singularity of this museum in other countries» («per apportare la fama della rarità d'esso museo nelle altre province»)⁷. Visitors who were suspected of having more than just a

³ For this see *Allroggen-Bedel A.* Tanucci e la cultura antiquaria del suo tempo // Bernardo Tanucci – statista, letterato, giurista. Convegno internazionale di studi per il secondo centenario. 1783–1883 / A cura di R. Ajello e M. d'Addio. Napoli, 1986 (Storia e Diritto. Studi; 18). P. 521–536, here P. 533.

⁴ *Parslow C.C.* Karl Weber and Pompeian Archaeology // Ercolano 1738–1988. 250 anni di ricerca archeologica. Atti del Convegno Internazionale – Ravello– Ercolano– Napoli– Pompei, 1988 / A cura di L. Franchi dell'Orto. Roma, 1993 (Ministero per i Beni Culturali ed Ambientali. Soprintendenza Archeologica di Pompei. Monografie; 6). P. 51–56; respectively *Idem.* Rediscovering Antiquity. Karl Weber and the Excavation of Herculaneum, Pompeii, and Stabiae. Cambridge, 1995; see also *Allroggen-Bedel A.* Dokumente des 18. Jahrhunderts zur Topographie von Herculaneum // Cronache Ercolanese. 1983. T. 13. P. 139–158.

⁵ *Pucci G.* Il passato prossimo. La scienza dell'antichità alle origini della cultura moderna. Roma, 1993. P. 133–136.

⁶ *Allroggen-Bedel A., Kammerer-Grothaus H.* Das Museo Ercolanese in Portici // Cronache Ercolanese. 1980. T. 10. P. 175–217; *Kammerer-Grothaus H.* Die erste Aufstellung der Antiken aus den Vesuvstädten in Portici // Antikensammlungen im 18. Jahrhundert / Hrsg. von H. Beck und P.C. Bol. Berlin, 1981 (Frankfurter Forschungen zur Kunst; 9). S. 11–19; *Allroggen-Bedel A., Kammerer-Grothaus H.* Il Museo Ercolanese di Portici // La Villa dei Papiri. Congresso internazionale – Napoli, 1983. Napoli, 1983 (Cronache Ercolanese. 2° Suppl.; 13). P. 83–128.

⁷ *Allroggen-Bedel A.* Winckelmann und die Archäologie im Königreich Neapel // Johann Joachim Winckelmann. Neue Forschungen / Hrsg. von Winckelmann-Gesellschaft Stendal. Stendal, 1990 (Schriften der Winckelmann-Gesellschaft; 11). S. 27–46, reproduces here, S. 33, a document dating from October 31, 1768, that is preserved in the Archivio di Stato Napoli, Casa Reale Antica. Primo Inventario, 1542/8.

superficial look and whose competence was feared, such as the scholar Padre Paolo Maria Paciaudi, were refused access⁸.

Inscriptions above the entrance to the museum and within, for which Alesio Simmaco Mazzocchi was responsible, informed that *REGIA VIS* had taken the finds out of the mouth of Mount Vesuvius and that it had been Carlos who had founded the museum *STUDIO ANTIQUITATUM INCENSUS*, and indeed *IMPENDIO MAXIMO*⁹. The rights to further research was reserved to him and his immediate entourage. It was they who decided which information was given when and to whom. Insights were literally considered «sovereign knowledge», a principle that generated great dissatisfaction among outsiders such as Winckelmann who considered it counterproductive and harassing that important finds and new scientific insights were kept away from the interested public. Strict secrecy supported the suspicion that there was something to hide, and created the impression of harmful looting.

The court at Naples chose a way of informing the European world, which was excitedly waiting for news, about sensational new finds from the ancient cities which made clear that the King claimed a monopoly on marketing the discoveries and thus attested to the nature of the excavations as a state enterprise. He published the discoveries, with their inventory numbers, measurements, dates and places of discovery, in luxurious volumes, the *Antichità di Ercolano*¹⁰. Detailed scholarly commentaries were presented along side of careful and precise illustrations under the control of the responsibility of the members of the *Accademia Ercolanese*, founded in the year 1755. The King reserved the right to distribute copies of the total of eight volumes containing paintings, statues and bronzes, which were to be published until 1792, as presents to the European nobility¹¹. The luxurious volumes were in such demand that the secretary of the Neapolitan embassy in Paris, Abbé Galiani,

⁸ Correspondance inédite du Comte de Caylus avec le P. Paciaudi, Théatin (1757–1765). Suivie de celles de l'Abbé Barthélemy et de P. Mariette avec le même / Publ. par C. Nisard. Paris, 1877. T. 1. N LXVII. P. LIX–LX, here P. LIX: letter from November 3, 1761: «Les académiciens, jaloux, ont dit au marquis que j'examine tout avec exactitude, que je prends note de tout, et qu'avant des correspondances littéraires et devant voyager, je rendrais publiques ces antiquités avant qu'elles n'aient été éclaircies et publiées par l'Académie».

⁹ *Allrogen-Bedel A., Kammerer-Grothaus H.* Il Museo Ercolanese di Portici... P. 109–110, respectively 120: inscription situated above the entrance to the museum: *HERCULEAE EXVIAS VRBIS TRAXISSE VESEVI EX / FAUCIBVS VNA VIDEN REGIA VIS POTVIT*; inscription located above the stairway: *CAROLVS REX VTRIVSQUE SICILIAE PIUS FELIX AVGVSTVS / STUDIO ANTIQVITATVM INCENSVS QVIDQVID VETERIS GAZAE / EX EFFOSSIONIBVS HERCVLANENSIBVS POMPEIANIS STABIENSIBVS / CONTRAHERE TOT ANNIS IMPENDIO MAXIMO POTVIT / IN HAEC MUSARVM SEDEM ILLATVM SVISQUE APTE PINACOTHECIS DISPOSITVM / VESTVSTATIBVS AMATORIBVS EXPOSVIT ANNO MDCCLVIII.*

¹⁰ *Le antichità di Ercolano* esposte. Napoli, 1757–1792. 8 vol. (Vol. 1–4, 7: Pitture; 5, 6: Bronzi; 8: Lucerne e candelabri).

¹¹ For this see: *Civiltà del '700 a Napoli: 1734–1799.* Napoli 1979–1980. Museo e Gallerie Nazionali di Capodimonte et al. Vol. 2. Firenze, 1980. P. 283–284; *Kaspar D.* Felix Urbium Restitutio – Le Antichità di Ercolano zwischen Museum und Öffentlichkeit // *Antikensammlungen im 18. Jahrhundert / Hrsg. von H. Beck, P.C. Bol, W. Prinz und H. von Steuben.* Berlin, 1981 (Frankfurter Forschungen zur Kunst; 9). S. 21–31.

A. von Maron. *Johann Joachim Winckelmann*. Rome, 1768

bemoaned: «You can really believe me that God's greatest punishment you have to cope with serving your King abroad is that saint book you can't buy. You are continually annoyed (...)»¹². The dedication of the first volume of the *Antichità di Ercolano* celebrated the excavations as a completion of the King's military success¹³. The frontispiece illustrated this combination of military and archaeological success: under a locket with the King's picture, military weapons on one side and excavated discoveries (ancient vessels, busts, an inscription) on the other are organized to form a symbolic still life. The King had already been compared to Alexander the Great in *Prodromo delle Antichità d'Ercolano*, a work telling everything about Hercules and the mythological foundation of Herculaneum but nothing about the excavations, published in 1752¹⁴. Subsequently the court went further and celebrated him as the new Hercules:

That is why he followed legendary Hercules who is said – beside other deeds, which are sung of by the poets – to have brought very great and glorious signs of his victories from underneath the ground, after he had left farthest Hispania (...). In the same way, (...) CAROLVS moreover endeavoured to investigate this province thoroughly, which was due to its location far of the heartland of his empire, unknown or neglected by his predecessors, and after rediscovering and exploring it, to add to his dominion without harming anybody or acting unjustly towards anybody¹⁵.

The discovery of these ancient cities and the sensational finds were considered a particular achievement of the King, a confirmation of «good gov-

¹² Opere di Ferdinando Galiani / A cura di F. Diaz e L. Guerci. Milano; Napoli, 1958 (Illuministi Italiani; 6). N 12. P. 852–856, here P. 856: letter from November 3, 1760, from Paris to Bernardo Tanucci: «Mi creda con verità che il più gran gastigo di Dio, che possa avere chi sta servendo il Re in paesi esteri, è questo santo libro che non si vende. La molestia è continua, e viene da persone alle quali senza rammarico non si può dir no».

¹³ «Veda dunque ormai l'Europa una parte dell'ozio Vostro dopo aver veduto il Vostro senno e valore nella difesa de'Vostri Stati, la Vostra sapienza e religione nell'ordinar Leggi e Magistrati, la sofferenza eroica de'pericoli, e delle private e pubbliche calamità, la providenza luminosa nel ricomporre un Popolo abbandonato, e formarne una Nazione, che comparisca degnamente tra le più colte per forze, per arti, per commercio, per pulizia, per lo splendore». – Le antichità di Ercolano esposte. Le pitture antiche di Ercolano e contorni incise con qualche spiegazione. Napoli, 1757. T. 1.

¹⁴ *Bayardi O.A.* Prodromo delle Antichità d'Ercolano. Napoli, 1752. Pars 1. P. V–XLVIII.

¹⁵ The *praefatio* of the introductory volume to the publication of the papyri from Herculaneum published by *Rosinio C.* – *Dissertationis isagogicae ad Herculaneusium Voluminum explanationem.* Pars prima. Napoli, 1797 – pointed it out the following way: «Quare fabulosum illum Herculem imitatus, quem ab ultima Hispania in haec ipsa loca profectum, praeter alia poetis decantata facinora, e subterraneis specubus maxima gloriosissimaque victoriarum insignia reportasse ferunt; item CAROLVS in has Terras delatur, post multa praeclare glorioseque gesta, id praeterea studuit, ut ignoratam neglectamve ab decessoribus provinciam imis terrae visceribus abditam scrutaretur, repertamque et exploratam, nemini noxius in neminem iniuriosus, imperio Suo adiungeret».

ernment» («buon regno»). By way of this discovery God had visibly blessed the King and thus given evidence of the legitimacy of his rule. Even after Carlos had been the King of Spain for a long time, the *Accademici Ercolanenses* still dedicated the volumes to him¹⁶, and he was considered the guarantor for the success of the enterprise. This was how he demanded that «his» discovery be used, about which he was regularly informed by Tanucci. We know from their correspondence that he expressed his regret over the slow progress of the excavations, his enthusiasm about every discovery, his impatient anticipation of the first pages of the third volume of *Antichità di Ercolano* as well as his joy, which could hardly be expressed by words, when about one and a half year later the complete volume arrived, or his interest in the design of the museum¹⁷. From 1755 on, he had systematic excavations also being carried out at Pompeii; here, however, the ancient buildings were left uncovered after excavating, thus that visitors could have a view on their own¹⁸.

The reactions that these excavations provoked among Germans such as Winckelmann or Goethe are well known. Also well known is the influence the rediscovered ancient styles – from wall paintings to basic commodities – had on painting, furniture and the minor arts in the second half of the 18th and the first half of the 19th centuries. For example, the roof design of Pompeian houses was imitated, salons were decorated with copies of the tripods from Isis' temple, and meals were served on classicist china made by the English porcelain manufacturer, Wedgwood¹⁹. Less well known is the dispute between Winckelmann and the court of Naples, which indicates two fundamentally different attitudes towards the ancient heritage. Whereas the German art historian and archaeologist assumed as a matter of course that it would be

¹⁶ See, for instance: «Alla S.C.R.M. di Carlo Terzo, Re delle Spagne, delle Indie &c. &c. &c.» – Le antichità di Ercolano esposte. Le pitture antiche d'Ercolano e contorni incise con qualche spiegazione. Napoli, 1760. T. 2.

¹⁷ Carlos III. Cartas a Tanucci (1759–1763) / Prólogo G. Anes; Introducción, transcripción y notas M. Barrio. Madrid, 1988. N 46. P. 137–140: San Ildefonso, September 2, 1760; N 47. P. 141–144: San Ildefonso, September 9, 1760; N 73. P. 208–211: Buen Retiro, March 10, 1761; N 78. P. 221–223: Aranjuez, April 14, 1761; N 79. P. 223–226: Aranjuez, April 21, 1761; N 100. P. 280–282: San Ildefonso, September 15, 1761; N 120. P. 332–335: San Ildefonso, August 3, 1762; N 127. P. 348–350: San Ildefonso, September 21, 1762; N 130. P. 355–357: El Escorial, October 12, 1762; N 131. P. 358–360: El Escorial, October 19, 1762; N 133. P. 362–364: El Escorial, November 2, 1762.

¹⁸ Parslow C.C. The Open-Air Excavations at Pompeii in the Eighteenth-Century: New Methods, New Problems // Pompei, scienza e società. 250° anniversario degli scavi di Pompei. Convegno Internazionale. Napoli 1998 / A cura di P.G. Guzzo. Milano, 2001. P. 19–28.

¹⁹ See, for example: Haskell F., Penny N. Taste and the Antique. The Lure of Classical Sculpture 1500–1900. New Haven, 1981. P. 1–131; Pawlitzki B. Antik wird Mode. Antike im bürgerlichen Alltag des 18. und 19. Jahrhunderts. Ruhpolding / Mainz, 2009. S. 9–26; Alonso Rodríguez M. del C. Ecos de Herculano: «Aquellas cosas que sabes que son tan de mi genio y gusto» // Corona y Arqueología en el Siglo de las Luces. Exposición Palacio Real – Madrid, 2010 / Dir. M. Almagro-Gorbea, J. Maier Allende. Madrid, 2010. P. 237–245.

accessible to everybody and that any interested person would be allowed to carefully study and publish about it, the Spanish King made it his personal matter and an «affaire d'État»²⁰. Generally speaking, subsequent scholarship has shown little interest in the reasons for the King's behaviour. Instead, since Goethe's time scholars tended to convey their regret or outrage at the incompetence or «Southern sloppiness» («südländische Schlamperei») of the way in which the excavations had been carried out²¹. Alternatively, some have gone to the other extreme by depicting a King, together with his «minister, the archaeologist» very positively («ministro archeologo»)²² as patron of excavations and antiques, indicated as well by his activities in the New World and by his progressive rule²³. We must be thankful to the classical archaeologist Agnes Allroggen-Bedel for having repeatedly accentuated the antagonism of «archaeology and politics» in the context of the debate between Winckelmann and Carlos²⁴. However, she does not give any reasons for the «political instrumentalization of the archaeological discovery».

The analysis here presented wants to fill that gap assuming a genuinely pragmatic attitude of the King, which may be explained against the background of the significance of antiquity in Spain in the 18th century. Maybe something looks like incomprehensible «secretiveness» («Geheimniskrämerei») which, according to Spanish criteria, was adequate and appropriate? The following explanations certainly can neither sketch an extensive nor representative depiction of this extended topic. By way of analyzing – as an example – the reactions to the discovery of Herculaneum and Pompeii in Spain and Germany it will only be possible to discuss some telling aspects of the extraordinarily

²⁰ *Caylus A.C.P. de Recueil d'antiquités égyptiennes, étrusques, grecques, romaines et gauloises*. Paris, 1759. T. 3. P. 142–146 with a commentary to plate XXXVI, here P. 143: «(...) car l'Antiquité à Naples est une affaire d'Etat, & c'est avec une forte d'inquiétude que je communique les monumens de ce pays».

²¹ *Goethe J.W. Italienische Reise* / Hrsg. von A. Beyer und N. Miller. München, 1992 (Münchener Ausgabe; 15). S. 262–263, here S. 263: letter from March 18, 1787, from Naples: «Jammerschade daß die Ausgrabung nicht durch deutsche Bergleute recht planmäßig geschehen, denn gewiß ist bei einem zufällig-räuberischen Nachwühlen manches edle Altertum vergeudet worden». – Thus recently, for instance, *Harris J. Pompeii Awakened. A Story of Rediscovery*. London; New York, 2007.

²² *Finzi C. Un ministro «archeologo»*. Gli scavi di Ercolano nell'epistolario di Bernardo Tanucci // *Pompei 79. XIX Centenario* / A cura di E. Acquaro et al. Roma, 1979. P. 155–160; see also the recent contributions: *Almagro-Gorbea M. La arqueología en la política cultural de la corona de España en el siglo XVIII* // *Corona y Arqueología en el Siglo de las Luces...* P. 34–46; *Cabello Carro P. Arqueología en la América del siglo XVIII* // *Ibid.* P. 365–373.

²³ Thus, for example, *Acton H. The Bourbons of Naples (1734–1825)*. London; New York, 1974 (reprint of the 1956 edition); *Carlos III y la Ilustración*. Congreso Internacional. Madrid, 1988; Madrid, 1989. 3 Vols.; *Questioni di storia e istituzioni del Regno di Napoli (secoli XV–XVIII)* / Dir. G. Buffardi, G. Mola. Napoli; Roma, 2005 (I Quaderni di «Le Radici & il Futuro»). Collana di studi, documenti, testimonianze dal e sul Sud; 2).

²⁴ *Allroggen-Bedel A. Winckelmann und die Archäologie im Königreich Neapel...* S. 27–46; *Idem. Archäologie und Politik. Herculaneum und Pompeji im 18. Jahrhundert* // *Hephaistos*. 14 (1996). S. 217–252.

multi-levelled mentality-historic and socio-political transformation process in the 18th century. However, by attempting to understand the role of concepts of antiquity in two European constructions of the past, and at the same time to shed light on them by their effect on society, this analysis will also shed a critical light on the relationship between intellectuals and power in those days.

THE GERMAN POINT OF VIEW²⁵

The reactions these excavations provoked among Germans such as Winckelmann or Goethe are characterized by deep emotionality, indeed alarming vehemence. At the beginning of the 18th century, the discovery of Pompeii and Herculaneum seemed to coincide with the genesis of classicist taste. But instead of «noble simplicity and silent greatness», travellers saw a city of small, arabesque embellished buildings with windowless, and often obscenely decorated rooms²⁶. For Winckelmann the classicist, the superiority of Greek art over Roman art was a matter of fact²⁷. And Winckelmann the scientist simply did not understand the Neapolitan «secretiveness» («Geheimniskrämerei»). Thus he polemized against Alcubierre who, he said, knew as much about antiques as the moon does about crayfish. He accused him, for example, of having unhinged the metal letters of an ancient inscription and having transported them in baskets to the museum where nobody had been able to put

²⁵ This title, «The German Point of View», and also that one of the following section, «The Spanish Point of View», should be understood as what the double quote indicates: as a rhetorical figure. I am fully aware of the fact that «the German Point of View» is not represented by an analysis of Winckelmann's attitude and behaviour and the same is valid for Carlos III concerning «the Spanish Point of View». Both are representative for a certain mentality attested in the 18th century which may have been shared by a lot of people of their respective countries but naturally not by all of them.

²⁶ «Das allgemeine vorzügliche Kennzeichen der Griechischen Meisterstücke ist endlich eine edle Einfalt, und eine stille Größe, so wohl in der Stellung als im Ausdruck». – *Winckelmann J.J.* Gedanken über die Nachahmung der griechischen Werke in der Malerey und Bildhauer-Kunst. Dresden, 1755 (Jahresgabe der Vereinigung der Bücherfreunde in Dresden; 1927.1). S. 19; *Fitton T.* Reisen in das befremdliche Pompeji. Antiklassizistische Antikenwahrnehmung deutscher Italienreisender (1750–1870). Berlin; New York, 2004 (Quellen und Forschungen zur Literatur- und Kulturgeschichte; 29).

²⁷ For this, the standard reference remains *Justi C.* Winckelmann und seine Zeitgenossen. Bd. 1: Winckelmann in Deutschland / Bd. 2: Winckelmann in Rom / Bd. 3: Winckelmann in Rom. Köln, 1956 (reprint of the edition Leipzig 1866–1872) respectively, for instance, *Riedel V.* Vom Muster der Kunst zur Beispielhaftigkeit des Lebens. Differenzierungen des Antikebildes bei Winckelmann und im weimarisch-jenaischen Kulturkreis // Schriften der Winckelmann-Gesellschaft. 27 (2007). S. 41–69; *Heß G.* Winckelmann und die Folgen. Transformationen des Wissens über Griechenland im 18. und beginnenden 19. Jahrhundert // Kulturen des Wissens im 18. Jahrhundert / Hrsg. von U.J. Schneider. Berlin; New York, 2008. S. 647–654.

them together again²⁸. (Instead, the excavation reports state clearly that the letters had been found separately²⁹.) Winckelmann criticized the choice of excavation sites and complained that the excavations were done so slowly,

that <...> even the fourth generation of our descendants will find much to excavate. With even less expense it may be possible to find equally great treasures if one decides to excavate at Pozzuolo, at Baja, at Cuma and at Misenum, for it was there where the great Romans had their magnificent villas³⁰.

(His criticism was thus aimed at the choice of the excavation sites and the speed of work, but not at the method and «treasure hunting» as such.) He mocked the practice of composing the fragments of the Quadriga from the theatre of Herculaneum into one single horse³¹. (This way of proceeding was, however, definitely common in those days, and accordingly he approved of completing a fragmentary group for Cardinal Albani by adding one more statue³².) Despite his polemics, he was one of the few who were allowed to have a look at the so-called «secret documents» («Geheimdokumente»), although he could not study them thoroughly. He also successfully evaded the strict regulations of the museum, due to his «close friendship with Mister Camillo Paderni»: «I'm behaving there as if it was my home»³³.

²⁸ «Dieser Mann, welcher mit den Alterthümern so wenig zu thun gehabt hatte, als der Mond mit den Krebsen, nach dem Welschen Sprichworte, war durch seine Unerfahrenheit Schuld an vielem Schaden und an dem Verluste vieler schönen Sachen. Ein Exempel kann an statt aller dienen. Da man eine große öffentliche Inschrift, ich weiß nicht, an dem Theater, oder an einem andern Gebäude entdeckete, welche aus Buchstaben von Erz bestand, die an zweien Palme lang sind, wurden dieselbe, ohne die Inschrift vorher abzuzeichnen, von der Mauer abgerissen, und alle untereinander in einen Korb geworfen, und in dieser Verwirrung Sr. Majestät gezeigt». – *Winckelmann J.J.* Sendschreiben von den Herkulanischen Entdeckungen / Hrsg. von S.-G. Bruer und M. Kunze. Mainz, 1997 (J.J. Winckelmann. Schriften und Nachlass. Bd. 2: Herkulanische Schriften Winckelmanns; 1). S. 78.

²⁹ For this see *Ruggiero M.* Storia degli scavi di Ercolano ricomposta su' documenti superstiti. Napoli, 1885. P. 29–30; cf.: *Allroggen-Bedel A.* Das so genannte Forum von Herculaneum und die borbonesischen Grabungen von 1739 // *Cronache Ercolanesi*. 1974. T. 4. P. 97–109, here P. 100.

³⁰ «Man ersieht aus dieser Nachricht von den Anstalten zu Entdeckung dieser Orte, daß mit solcher Schläfrigkeit annoch für die Nachkommen im vierten Glied zu graben und zu finden übrig bleiben werde. Mit noch geringern Kosten könnte man vielleicht ebenso große Schätze finden, wenn man zu Pozzuolo, zu Baja, zu Cuma und zu Misenum graben wollte; denn hier waren die prächtigen Villen der großen Römer». – *Winckelmann J.J.* Sendschreiben von den Herkulanischen Entdeckungen... S. 80.

³¹ *Ibid.* S. 81–82.

³² For this see *Kocks D.* Antikenaufstellung und Antikenergänzung im 18. Jahrhundert in England // *Antikensammlungen im 18. Jahrhundert* / Hrsg. von H. Beck, P.C. Bol, W. Prinz und H. von Steuben. Berlin, 1981 (Frankfurter Forschungen zur Kunst; 9). S. 317–331, esp. S. 325–326.

³³ «Außerdem verschaffet mir die genaue Freundschaft mit Herrn Camillo Paderni, dem Aufseher dieses Musei, eine hinlängliche Bequemlichkeit, alles nach meinen [sic] Wunsche zu betrachten, und ich bin daselbst wie in meinem Eigenthume». – *Winckelmann J.J.* Sendschreiben von den Herkulanischen Entdeckungen... S. 69.

With the *Antichità di Ercolano*, which he was one of the very few to receive, he criticized the detailed and scholarly commentaries, only to state almost with a sigh of relief that «art is not mentioned at all». In other words, art-historical classification or even aesthetic judgments were completely lacking³⁴. He also grumbled about the other four volumes on paintings, for «the greatest focus is on vessels and tools»³⁵. In 1762, his «Sendschreiben von den herculanischen Entdeckungen» ignored the King's ban on publication and thus presented the interested public the groundplans and architecture of the *Villa dei Papiri* and another villa at Stabiae, for example³⁶. This breach remained unnoticed until the «Sendschreiben» was translated into French and published in 1764 in Paris under the title «Lettre de l'abbé Winckelmann au comte de Brühl sur les découvertes d'Herculanum»³⁷. At that point the court at Naples began to speak of French infamy and a conspiracy: «Winckelmann! What a bad guy! What a temerarious character! His Open Letter from Herculanum is enough to call him cardinal Alexander's satellite {... }»³⁸, Tanucci became enraged. He was ruling on behalf of a still underage Fernando IV since Carlos had succeeded his father on the Spanish throne. No one understood how somebody would deliberately risk diplomatic problems just to report about Roman ruins. No serious debate on the writing ever happened. The only reaction came from Berardo Galiani, a brother of the Abbé who was officiating as the diplomat in

³⁴ *Winckelmann J.J.* Briefe. Kritisch-historische Gesamtausgabe / Hrsg. von W. Rehm in Verbindung mit H. Diepolder. Berlin, 1952. Vol. 1: 1742–1759. N 201. S. 323–327, here S. 327, letter from February 4, 1758, from Rome to Francke: «Endlich ist der erste Band von den alten Gemälden zu Portici zum Vorschein gekommen, in groß Fol. mit vielen Kupfern, welche mittelmäßig gearbeitet sind. (...) So viel sehe ich, daß von der Kunst nichts erwähnt ist».

³⁵ «Itzo werden die Statuen und Brustbilder gezeichnet, und man glaubt, es werden die noch übrigen Gemälde zurückbleiben, um in dem fünften Bande bey den Statuen anzufangen; die größte Erwartung aber gehet auf die Gefäße und Geräthe». – *Winckelmann J.J.* Nachrichten von den neuesten Herkulanischen Entdeckungen / Hrsg. von S.-G. Bruer und M. Kunze. Mainz, 1997 (*J.J. Winckelmann. Schriften und Nachlass*. Bd. 2: Herkulanische Schriften Winckelmans; 2). S. 39.

³⁶ *Winckelmann J.J.* Sendschreiben von den Herkulanischen Entdeckungen. Dresden, 1762; for this see, for example: *Kunze M.* Zu Winckelmans Schriften über Herkulaneum und Pompeji // Pompeji 79–1979. Beiträge zum Vesuvausbruch und seiner Nachwirkung. Stendal, 1982 (Beiträge der Winckelmann-Gesellschaft. Bd. 11). S. 25–39; *Longo Auricchio F.* Gli scritti ercolanesi di Winckelmann // *Cronache Ercolanesi*. 1983. T. 13. P. 179–181.

³⁷ The «open letter» was translated by Michel Huber and published by Tilliard (Dresden / Paris). For this see: *Correspondance inédite du Comte de Caylus avec le P. Paciaudi...* T. 2. N C. P. 31–34: letter from August 27, 1764; see also N XCIV. P. 13–16: letter from July 1, 1764, and N CIII. P. 38–42: letter from September 30, 1764.

³⁸ *Tanucci B.* Lettere a Ferdinando Galiani / Con introduzione e note di F. Nicolini. Bari, 1914. Vol. 1. N 94. P. 209–214, here P. 212–213, letter from December 8, 1764, from Portici: «Winckelmann! Oh che nomaccio di mal costume! Oh qual temerario! Basta la sua lettera d'Ercolano, per dichiararlo un satellite del cardinal Alessandro e dignum patella operculum».

Paris³⁹. His criticism aimed at the fact that Winckelmann had dared to write about the excavations and the museum, despite the fact that he had been allowed to see the antiques only due to the King's benevolence.

Winckelmann had thereby violated the monarch's express will and had made the *Sacro Museo Ercolanese* a profane thing. Winckelmann's reaction again was somewhat more vehement than that of the attacked Neapolitans:

A scandalous piece of writing against the Letter has been printed in Naples, and its author is given in its second edition, it is Mister March. Galiani, from whom I believe I deserved something better. It is written so foolishly that it is disgusting for everybody, and I have been told that the already mentioned permanent secretary has obliged both author and printer to suppress all copies. So for me there is no need to go to Naples once more. This time next year I hope to have had my revenge, in the preface to the Monumenti, for I hope that the author of that Portici rubbish will be discouraged in the face of a more decent piece of work⁴⁰.

Given Galiani's humorous style and definitely logical way of arguing one may hardly state that his reaction was «foolish» («Eselsmäßig»). Also, Winckelmann's fears that he would not be able to go to Naples anymore and that the museum would be closed to him forever were to prove erroneous, just as the consequences he feared did not come: «I might receive a beating, if not something worse, ⟨...⟩»⁴¹. Two years later he was again received by Tanucci and was allowed to see that «Portici rubbish» («Kram von Portici»). On his audience he wrote:

³⁹ *Allroggen-Bedel A.* Winckelmann und die Archäologie im Königreich Neapel... S. 27–46, refers here, S. 36, to «Osserv. di F. [sic] Galiani alla lettera di Winckelmann sugli scavi d'Ercolano» (Ms.) – Biblioteca della Società Napoletana di Storia Patria, Napoli (StP). XXX.C.6. Fol. 149 r – 155 r., esp. Fol. 152 v and 155 r.

⁴⁰ *Winckelmann J.J.* Briefe. Kritisch-historische Gesamtausgabe... Berlin, 1956. Vol. 3: 1764–1786. N 710. S. 102–105, here S. 103, letter from June 19, 1765, from Rome to H. Füssli: «In Neapel ist eine schändliche Schrift wider das Sendschreiben gedruckt, und der Verfasser ist in dem zweyten Drucke genennet; es ist der Herr March. Galiani, um welchen ich mich besser verdient gemacht zu haben glaubte. Es ist dergestalt Eselsmäßig [sic] geschrieben, dass es allen Eckel machet, und man hat mich versichert, gedachter Staats Secretair habe dem Verfasser und Drucker auferleget, alle Exemplare zu unterdrucken. Dieses überhebet mich fernerer Reisen nach Neapel. Künftiges Jahr um diese Zeit hoffe ich mich in der Vorrede zu den Monumenti gerächt zu haben; denn ich hoffe, es solle dem Erklärer des Krams zu Portici, im Angesicht einer würdigeren Arbeit, der Muth fallen». Cf. N 713. S. 107–108, letter from July 3, 1765, from Rome to Riedesel.

⁴¹ *Ibid.* N 890. S. 299, letter from August 4, 1767, from Rome to Riedesel: «Ich könnte mir eine Tracht Schläge, wo nicht was ärgers holen; im letztern Falle schwiege der Kläger, und im erstern behält die Prügel, der sie bekommen hat. Ich wage allezeit viel, und für diese Besorgniß können mich alle drey Kronen von Großbritannien nicht in Sicherheit setzen. Dieses könnte außer Neapel begegnen, und mehr als einer würde auf mich lauern». Cf. N 693. S. 82–84, letter from February 22, 1765, from Rome to Riedesel; N 704. S. 98, letter from the end of April 1765 from Rome to Kauderbach.

Meanwhile, in the presence of all the foreign ambassadors who were sitting with him, he accused me of that which had been insinuating about the Letter, although with a laugh ⟨...⟩⁴².

Goethe arrived in 1787, and for a moment he struggled to make it fit to his classicist's idea of antiquity – and Pompeii was victorious. His statement that much evil had been happening in the world, but little which had resulted in so much pleasure for later generations, was to inspire generations of imitators on their respective *Italienischen Reisen*⁴³. Despite the «narrowness and smallness» («Enge und Kleinheit») of streets, rooms and houses, which he had emphasized on various occasions, and despite the «strange, somewhat unpleasant impression of this mummified city» («wunderlichen, halb unangenehmen Eindrucks dieser mumifizierten Stadt»), he could not easily think of anything quite so interesting⁴⁴. His visit to the museum at Portici confronted him with the same problems as it did to Winckelmann, but for him the ban on any notes was a motivation to have even a closer look and to imagine the «lost times» as even more lively, as well as to hope for another visit:

We entered the museum warmly recommended and cordially received. But also we were not allowed to take any notes. Perhaps because of this we paid attention much more carefully and immersed ourselves more vividly into lost times, when all these things were surrounding their owners for lively use and pleasure. ⟨...⟩ Hoping to return, we followed the guide from room to room and experienced those delights and insights that the moment allowed⁴⁵.

For him, the «treasures of Portici» («Schätze von Portici») were the «alpha and omega of all collections of antiques» («Alpha und Omega aller Antiquitäten-Sammlungen»)⁴⁶.

⁴² Ibid. N 914. S. 328–330, here S. 329, letter from December 5, 1767, from Rome to Francke: «Unterdessen hielt er mir, in Gegenwart aller ausländischen Gesandten, die bey ihm gesessen hatten, jedoch mit lachendem Munde, dasjenige vor, was in dem Sendschreiben anzüglich ist, und versagte mir die Fortsetzung des Herculianischen Werks». Cf. N 915. S. 330–331, letter from December 9, 1767, from Rome to Count Moltke.

⁴³ *Goethe J.W. Italienische Reise...* S. 251–253, here S. 251: letter from March 13, 1787 from Naples; see also, for instance, *Auernhammer A. Goethes «Italienische Reise» im Kontext der deutschen Italienreisen // Goethe-Jahrbuch. 120 (2003). S. 72–86; Seta C. de Il Grand Tour e il fascino dell'Italia // Grand Tour. Adeliges Reisen und europäische Kultur vom 14.–18. Jahrhundert / Hrsg. von R. Babel und W. Paravicini. Internationale Kolloquien – Villa Vigoni, 1999 und Deutsches Historisches Institut, Paris 2000. Ostfildern, 2004 (Beihefte der Francia; 60). S. 205–214.*

⁴⁴ *Goethe J.W. Italienische Reise...* S. 243–244, here S. 243: letter from March 11, 1787, from Naples respectively S. 251–253, here S. 251: letter from March 13, 1787 from Naples.

⁴⁵ Ibid. S. 262–263, here S. 263: letter from March 18, 1787, from Naples: «In das Museum traten wir wohl empfohlen und wohl empfangen. Doch war auch uns irgend etwas aufzuzeichnen nicht erlaubt. Vielleicht gaben wir nur desto besser acht und versetzten uns desto lebhafter in die verschwundene Zeit, wo alle diese Dinge zu lebendigem Gebrauch und Genuß um die Eigentümer umherstanden. ⟨...⟩ In der Hoffnung wiederzukehren, folgten wir den Vorzeigenden von Zimmer zu Zimmer und haschten, wie es der Moment erlaubte, Ergötzung und Belehrung weg, so gut es sich schicken wollte».

⁴⁶ Ibid. S. 415: letter from June 1, 1787, from Naples.

THE SPANISH POINT OF VIEW

Regarding the reaction on the Iberian Peninsula to the discovery of the Vesuvian cities it is known that there wasn't one. Nobody seems to have been moved enough by the discovery of Herculaneum and Pompeii to decide on a journey and to attempt to grasp in writing his «Italian experience» by letters or a diary. According to proverbial lamentations by poets such as Leandro Fernández de Moratín («The Spaniards are not fond of travelling a lot and if they do, they do not usually bother people of great worth with their presence: what for? Is it not enough to visit the banker?») or intellectuals such as Juan Sempere y Guarinos («Considering how little the Spaniards have travelled, (...)»), Spaniards hardly ever travelled around Europe⁴⁷. Maybe one turned away from the Old World because none of the journeys would have been comparable to the New World. Furthermore, it seems that the Spanish public was not educated in such a way that it was already sensitive towards classics orientated to classicism. The tradition of the so-called «Grand Tour» or scholarly journey to Italy or Greece was non-existent⁴⁸. One did not undertake travel without connection to any kind of service, for no religious, diplomatic or commercial purpose. Travelling perhaps just for *curiositas* and thus for the pleasure of seeing something new and of being able to say that one had been there simply was not done. The unfolding of the individual's intellectual, moral and aesthetic skills demanded *utilitas*, the usability and usefulness of travel experiences for the community. Travel was confined to one's own country, by order of the court and for the purpose of making an inventory of one's own «stocks» of antiques, such as literary, epigraphic or numismatic evidence⁴⁹. Only when demanded by national interest, the so-called «viajes literarios», the «scholarly journey», led also to Italy. The Spanish Crown was to finance a total of three journeys to the Appenine Peninsula. Independently,

⁴⁷ Moratín L.F. *de Viaje a Italia* / Ed. crítica de B. Tejerina. Madrid, 1988. Segundo viaje a Italia: Lucerna, Lugano, Milán, Parma, Bolonia, Florencia. P. 143–207, here P. 164: «Los españoles viajan poco, y los que lo hazen no suelen, acostumar a dar molestia con su presencia a los hombres de mérito que hallan al paso: ¿para qué?, ¿no basta visitar al banquero?»; Sempere y Guarinos J. *Ensayo de una Biblioteca Española de los Mejores Escritores del Reynado de Carlos III*. Madrid, 1969 (reprint of the 1787 edition). T. 4. P. 5: «Una obra de esta clase era muy necesaria en España, particularmente en nuestro tiempo. Lo poco que han viajado los Españoles hasta ahora (...)».

⁴⁸ Ocón Fernández M. *Die Grand Tour – Spanien: Ein «open issue». Italienerfahrung als Bildungsaufgabe und Karrierefundament* // *Die Grand Tour in Moderne und Nachmoderne* / Hrsg. von J. Imorde und J. Pieper. Tübingen, 2008 (Reihe der Villa Vigoni; 20). S. 101–130, respectively the contributions in: *Grand Tour. Adeliges Reisen und europäische Kultur vom 14.–18. Jahrhundert*.

⁴⁹ For this see *Diz A. Idea de Europa en la España del siglo XVIII*. Madrid, 2000. P. 317–391; cf. *Siebers W. Bildung auf Reisen. Bemerkungen zur Peregrinatio academica, Gelehrten- und Gebildetenreise* // *Neue Impulse der Reiseforschung* / Hrsg. von M. Maurer. Berlin, 1999. S. 177–189; *Mora G., Cacciotti B. Coleccionismo de antigüedades y recepción del clasicismo. Relaciones entre Italia y España en el siglo XVIII* // *Hispania*. 56.1 (1996). P. 63–75.

from the year 1752 on the so-called «Roman scholarships» made it possible for graduates of the fine arts – and this addressed architects most of all – to complete their education by practicing on classical works from antiquity⁵⁰.

In the year 1754, Fernando VI ordered Valencia-born Francisco Pérez Bayer, chair of Oriental languages at Valencia (1745) and Salamanca (1746) as well as a Canon in Barcelona, to undertake the first one of the three journeys mentioned above. He was supposed to acquire coins, manuscripts, antiques and books in Italy to extend the holdings of the «Gabinete de Medallas de la Real Librería», as well as to copy letters and scripts by scholarly Spaniards. His qualification for this task was obviously due to his being a member of the «Comisión de Archivos» headed by the Jesuit and historian Andrés Marcos Burriel. It had been one of his tasks to copy Hebrew inscriptions and scripts in Toledo⁵¹. In April 1754, Pérez Bayer departed from Barcelona and remained on the road for five years, returning to the Iberian Peninsula in April or May 1759. His correspondence with his «master» («maestro») and friend Gregorio Mayans, «the» Valencian scholar of the Age of Enlightenment, as well as the diary he kept at that time make it possible – although only excerpts from the latter are preserved –, to be informed about his impressions and experiences, apart from his travel route. Mayans congratulated him for his «erudite pilgrimage» («erudita peregrinación»), which, he said, provided him with the possibility, «(...) to meet important persons, to see rich libraries full of good books, exquisite antiques and to collect profitable manuscripts»⁵². After having stayed in various cities in France and Switzerland as well as Italy – he had seen Turin, Genoa, Pavia, Milan, Brescia, Cremona, Mantua, Verona, Vicenza, Padua, Venice, Ferrara, Bologna, Ravenna and Ancona –, Pérez Bayer was presumed to have arrived in Rome in December 1754. His *Diario del viaje a Italia*, which ends abruptly in Venice⁵³, reflects a scholarly interest only in one thing: his task. His interest is in libraries and pieces of evidence of

⁵⁰ *Moleón Gavilanes P.* Arquitectos españoles en la Roma del Grand Tour 1746–1796. Madrid, 2003.

⁵¹ *Mora G.* Francisco Pérez Bayer // Pioneros de la arqueología en España del siglo XVI a 1912. Alcalá de Henares, 2004 (Zona Arqueológica; 3). P. 47–49.

⁵² *Gregorio Mayans.* Epistolario. Vol. 6: Mayans y Pérez Bayer // Ed. por A. Mestre. Valencia, 1977 (Publicaciones del Ayuntamiento de Oliva; 8). N 117. P. 157–158, here P. 157: G. Mayans to Pérez Bayer, September 14, 1754: «I ahora celebro la prosperidad del viage de Vm., el gusto de tratar con hombres grandes, de ver librerías abundantes de buenos libros, antigüedades exquisitas i de recoger escritos provechosos», for this see *Mora G.* La «erudita peregrinación». El viaje arqueológico de Francisco Pérez Bayer a Italia (1754–1759) // *Iluminismo e ilustración. Le antichità e i loro protagonisti in Spagna e in Italia nel XVIII secolo* / A cura di J. Beltrán Fortes, B. Cacciotti, X. Dupré Raventós, B. Palma Venetucci (Eds.). Roma, 2003 (Bibliotheca Italica. Monografías de la Escuela Española de Historia y Arqueología en Roma; 27). P. 255–275.

⁵³ *Pérez Bayer F.* Viajes literarios / Eds. por A. Mestre Sanchís, P. Pérez García, J.A. Catalá Sanz. Valencia, 1998 (Arxius i Documents; 22). P. 607–674, see also the interesting commentary by J.A. Catalá Sanz. P. 60–68.

Spaniards he hopes to find there, that is, letters, manuscripts, printed works⁵⁴. «I want to be useful for my nation, no matter the cost <...>», as he shortly summarized his attitude for Mayans⁵⁵. His letters from Rome confirm this one-dimensional perception of reality. For example, it may be presumed that he met Winckelmann and Mengs or the Frenchman Jean-Jacques Barthélemy and his own compatriot Antonio Ponz, but he does not mention any of them at all. He does not consider the excavations at Herculaenum and Pompeii, to which he paid a visit at the beginning of April 1759 – just as ruins, collections of antiques or museums – worth mentioning as such. Instead he considered his visit to the court of Naples important: the Spanish ambassador, Alfonso Clemente de Aróstegui, introduced him to the royal couple, and towards Mayans he now particularly emphasized his benevolent reception by the King, in front of whom he read out and translated, while improvising, a Greek epigram which had recently been found in Naples⁵⁶. Pérez Bayer's concentration on the essential was to pay off, in so far as after his return from the Apennine Peninsula in spring of 1759 he was appointed Canon of Toledo, one of the most important offices a member of the Spanish clergy could achieve. From 1767 on, he served as the Infant's tutor; in 1782 the *Academia de la Historia* sent him on a journey once again, this time to Andalusia, to record inscriptions and remnants from the Roman period⁵⁷. The last office he was to hold from 1783 on was the most prestigious one of *Bibliotecario Mayor* at the *Real Librería*.

This scholar and antiquarian had not made the journey from Rome to Herculaenum and Pompeii on his own, but had been accompanied by the Valencian Antonio Ponz, a Jesuit and painter who had come to Rome in 1751 to complete his artistic skills⁵⁸. There Ponz had become a friend not only of the later director of the *Real Academia de la Historia*, the Duque de Almo-

⁵⁴ *Gregorio Mayans*. Epistolario. N 114. P. 150–152: Pérez Bayer to G. Mayans, April 23, 1754; cf. N 116. P. 153–156: Pérez Bayer to G. Mayans, July 21, 1754; N 118. P. 158–164: Pérez Bayer to G. Mayans, December 1, 1755.

⁵⁵ *Ibid.* N 116. P. 153–156, here P. 156: Pérez Bayer a G. Mayans, July 21, 1754: «Yo quisiera a qualquiera costa ser útil a la nación y para esto no perdonaré trabajo ni diligencia».

⁵⁶ *Ibid.* N 128. P. 199–201, here P. 200: Pérez Bayer to G. Mayans (from Rome), April 23, 1759.

⁵⁷ *Pérez Bayer F*. Diario de Viaje desde Valencia a Andalucía y Portugal en 1782. Vol 1: Diario de Viaje desde Valencia a Andalucía. Córdoba, a 4 de julio de 1782 / Vol. 2: Diario de Andalucía y Portugal. Madrid, a 30 de diciembre de 1782 – Biblioteca Nacional Madrid. Ms. 5953–5954; for this see *Álvarez de Morales A*. Pérez Bayer y su viaje a Andalucía en 1782 // II Coloquio de Historia de Andalucía Moderna – Córdoba 1980. Córdoba, 1983. P. 185–197; *Mora G*. Historias de mármol. La arqueología clásica española en el siglo XVIII. Madrid, 1998 (Anejos de Archivo Español de Arqueología; 18). P. 45–46.

⁵⁸ For this see *Haibach H.W*. Antonio Ponz und sein «Viage fuera de España». Frankfurt am Main (et al.), 1983 (Studien und Dokumente zur Geschichte der Romanistischen Literaturen; 10); Antonio Ponz (1725–1792). Coloquio hispano-alemán – Biblioteca Ducal de Wolfenbüttel, 1992 / Hrsg. von H.J. Lope. Frankfurt am Main, M., 1995 (Studien und Dokumente zur Geschichte der Romanistischen Literaturen; 27).

dovar, but also of Mengs and Winckelmann, so that it does not come as a surprise that in spring of 1759, the three compatriots went to Naples, succeeding Winckelmann. Apart from the fame of this city, they had been attracted by the renown of those great treasures which were each day recovered from the ashes of Mount Vesuvius which had buried Herculaneum and Pompeii, as José Ponz gives as a reason in his biography of his uncle. Our information about the latter's stay in Italy is restricted to the few remarks in the *Vida de Don Antonio Ponz*, which serve as an introduction to the posthumous 18th volume of his *Viage de España*⁵⁹. There exist no notes or impressions of the Vesuvian cities. After his return, Carlos ordered him to travel to the convents and places of the expelled Jesuits in 1771 to make an inventory of their works of art. In this context, he was definitely interested in antiques, as he made drawings of all the inscriptions, coins, statues, and monuments he saw, and took notes on them. He then published his results in the best Enlightenment manner, together with valuable information about the infrastructure, agriculture and trade on the Iberian Peninsula, in 17 volumes under the telling title *Viage de España, en que se da noticia de las cosas mas apreciables, y dignas de saberse, que hay en ella* (Madrid, 1772–1792)⁶⁰. It seems that on his way through Extremadura, the view of the remnants of Mérida challenged him to make the remark that, if one decided to excavate, treasures similar to those in the ancient cities near Naples might be discovered there⁶¹.

But apart from this remark, the ignorance the two Valencians show towards Herculaneum and Pompeii – particularly compared to Barthélemy – who, like Pérez Bayer, was a great expert in Oriental languages, is conspicuous. By order of the French Crown, Barthélemy travelled through Italy between August 1755, and April 1757, to complete the numismatic collection of the *Cabinet des Médailles* of the royal palace, the Louvre, the director of which he had been appointed⁶². He also visited the excavations at Herculaneum and the museum at Portici, as early as at the end of 1755. In his *Voyage en Italie* he

⁵⁹ Ponz A. *Viage de España, en que se da noticia de las cosas mas apreciables, y dignas de saberse, que hay en ella*. Tomo XVIII. Obra póstuma de Don Antonio Ponz, Secretario que fué de S.M. y Consiliario de la Real Academia de San Fernando, individuo de la Real Academia de la Historia, y de las Reales Sociedades Bascongada, y Económica de Madrid, &c. Concluida por su sobrino D. Joseph Ponz quien la dedica al Rey Nuestro Señor. Trata de Cadiz, Malaga y otros pueblos de Andalucía. Madrid: J. Ibarra, 1794. P. XXV–LXIV, here P. XXXIII–XXXIV. In the more accessible 4-volume-edition of Aguilar, this biography can be found in Vol. 1: *Viage de España*. Preparación, introducción e índices de C.M. del Rivero. Madrid, 1988. P. 71–90, here P. 77.

⁶⁰ For this see *Frank A.I.* El «Viage de España» de Antonio Ponz. *Espíritu ilustrado y aspectos de modernidad*. Frankfurt am Main (et al.), 1997 (Studien und Dokumente zur Geschichte der Romanischen Literaturen; 31); *Mora G.* *Historias de mármol...* P. 47–48.

⁶¹ Ponz A. *Viage de España*. Madrid, 1988. Vol. 5–8. P. 600.

⁶² *Barthélemy J.-J.* *Voyage en Italie...* Imprimé sur ses lettres originales écrites au Comte de Caylus, avec un appendice où se trouvent des morceaux inédits de Winckelmann... / Publié par A. Sériey. Paris, 1802. P. VII–XXIV (Avant-propos de l'éditeur).

reports on the discovery of Greek manuscripts at the *Villa dei Papiri*, on the *Accademia Ercolanese*, and on the project of publishing the discoveries by a team headed by Ottavio Antonio Bayardi, on whom he comments in an amusing letter. He also reports on the wall paintings of Herculaneum, whose delicateness impressed him very much, on his visits to the temples of Paestum and about the plans Count Felice Gazzola («Gazolles») made of it. They were «stolen» by the French architect Jacques-Germain Soufflot («M. Soufflot») to publish them himself in Paris in 1764⁶³ – in passing, he also mentions his reception by the King, whom he calls «le Trajan de Naples et de l’Espagne»⁶⁴. Obviously, Barthélemy was not moved enough by what he saw to speak of an «Italian experience», as in the case of Goethe, but at least he had an eye for a reality beyond his «mission»⁶⁵.

POLEMICS VERSUS PRAGMATISM

Winckelmann’s reaction to the Neapolitan «secretiveness» («Geheimnis-krämerei») seems inappropriate, particularly given his actual «power to act» at the place and even looking at it from a distance of almost 250 years. Other travellers such as Goethe or Barthélemy were confronted with the same restrictions but they reacted much more moderately. None became so enraged by Ottavio Antonio Bayardi’s «Prodromo delle Antichità d’Ercolano»: «It’s a waste of good paper. It seems as if he did nothing else [...] than looting [...] these great works»⁶⁶. «For Mr. Bajardi, the author of the Podromi of Herculano, who by order of the King wrote two damned volumes in 4°, is an arch-stupid beast, and it seems that they are lacking people who know something of the matter»⁶⁷. Winckelmann’s statement, «that all compliments should be banned from the Republic of Scholars»⁶⁸, suggests that his was «a polemic for

⁶³ Ibid. P. 252–261: Appendix IV; 312–317: Appendix VI; 262–305: Notizie sopra la Città d’Eraclea, ò Ercolando; 55–62: Lettre X. A Naples, ce 20 décembre 1755.

⁶⁴ Ibid. P. 306–311: Appendix V.

⁶⁵ For this see *Seznec J.* Herculaneum and Pompeii in French Literature of the Eighteenth Century // *Archaeology*. 2 (1949). P. 150–158; see also *Grell C.* Herculaneum et Pompéi dans les récits des voyageurs français du XVIIIe siècle. Naples (et al.), 1982 (Mémoires et Documents sur Rome et l’Italie Méridionale; 2 / Bibliothèque de l’Institut Français de Naples; 3.2).

⁶⁶ *Winckelmann J.J.* Briefe. Kritisch-historische Gesamtausgabe... Vol. 1. N 105. S. 158–160, here S. 160, letter from December 19, 1754, from Dresden to Berendis: «Schade um das schöne Papier. Er scheint nicht [sic] gethan, der Hr. Bayardi als die großen Werke de re Numismatica, Inscriptiones u.f.f. geplündert zu haben».

⁶⁷ Ibid. N 114. S. 178–181, here S. 180, letter from July 25, 1755, from Dresden to Berendis: «Denn Hr. Bajardi der Auctor des Prodromi vom Herculano der auf Königl. Ordre zwo verfluchte Bände in 4° geschrieben hat, ist ein ertzdummes Vieh und es scheint es fehlet ihnen an Leuten die die Sache verstehen».

⁶⁸ Ibid. N 128. S. 204–206, here S. 205, letter from January 29, 1756, from Rome to Francke: «[...] ich sollte wissen, daß aus der Republick der Gelehrten alle Complimente sollten

the sake of polemics» («Polemik um der Polemik willen»)⁶⁹. But such an interpretation, like the characterological interpretation of his common attitude of polemic sharpness as a compensation for theoretical sublimation⁷⁰, is not sufficient. Obviously, apart from science, Winckelmann was astonishingly peaceful: his polemics are directed exclusively against scholars, their methods, theses, judgments, knowledge and results. Therefore Ernst Osterkamp chose a functional- and scientific-historical approach and in his study on this archaeologist's «Fierceness in Speaking and Judging» («Heftigkeit im Reden und Richten») was able to convincingly explain the function of his polemics, as generally of all polemics in the Age of Enlightenment⁷¹.

Winckelmann's first «attacks» date from December 1754, when he had just converted to Catholicism. He had left his service as a librarian for Count Heinrich von Büнау and was, for the first time, confronted with the need to survive in the literary market. From now on it was important to achieve a viable position away from university and library service, and only by way of scholarship. However, his emancipation from the court had come along with emancipation from the latter's code of conduct. He now belonged to a republic of scholars, where one was judged not by origin but by achievements. One did not orient one's self as at the court but, for the sake of gaining insight and telling the truth, one had to be literally «discourteous» («un-höflich»). In this context politeness indicated dishonesty, whereas a rude tone was considered an indicator of the demand for truth. The courteous ideal of behaviour was contrasted by a bourgeois one – politeness according to situative necessities, modesty according to achievements, in other words: courteous dissimulation versus the honest semantics of Enlightenment. Thus, in the context of scientific debates in the 18th century the opponents' ethical integrity is always questioned. However, as the republic of scholars is at the same time a republic of competitors, the scholarly debate also works as a medium of enforcing career opportunities in the literary market, a weapon in the fight for the few vacant positions. Winckelmann had to deny any scientific capability of the Neapolitan scholars simply because of the opportunity of having access to a unique subject of research: the publication and evaluation of the finds from the Vesuvian cities. Covering this topic would have made him a European celebrity with unique professional prospects – if the court in Naples had not imposed an exclusive monopoly. Thus, all he was left with were polemics,

verbannet seyn, und um mir die Freiheit deutlicher zu zeigen, redete er mit dem jungen Menschen, den er nicht kannte, und dieser durfte seinen Huth nicht anrühren».

⁶⁹ *Sichtermann H.* Winckelmann in Italien // Johann Joachim Winckelmann 1717–1768 / Hrsg. von T.W. Gaetgens. Hamburg, 1986 (Studien zum Achtzehnten Jahrhundert; 7). S. 121–160, here S. 139.

⁷⁰ *Disselkamp M.* Die Stadt der Gelehrten. Studien zu Johann Joachim Winckelmanns Briefen aus Rom. Tübingen, 1993 (Studien zur Deutschen Literatur; 124). S. 326–365.

⁷¹ For this and the following *Osterkamp E.* Johann Joachim Winckelmanns «Heftigkeit im Reden und Richten». Zur Funktion der Polemik in Leben und Werk des Archäologen. Tübingen, 1996 (Akzidenzen; 9 / Flugblätter der Winckelmann-Gesellschaft).

and the harshness of his verbal attacks can be explained as a symbolic reaction to the actual power situation he was confronted with. The republic of scholars was still to come, and the failure of its realization was precisely due to the verbal violence which Winckelmann defined as a necessary medium in the process of finding the scientific truth («Truth, beside religion, has always been my shield and I have never made any word dying in my mouth; one became accustomed to my fierceness in speaking and judging, and by now one is used to listen what I am thinking»⁷²). In the context of the behaviour in the republic of scholars verbal violence became a medium of exclusion and monopolization of knowledge, blocking any progress of gaining insight and, at the same time, destroyed all competitors and thus potential members of a *res publica litteraria*.

These conditions, particularly the Enlightenment culture of debate, were typical for the German states in those days – Gotthold Ephraim Lessing, one of the sharpest polemicists of German intellectual history may be mentioned⁷³ – but not for Spain or the Kingdom of Naples. Moreover in these countries there was no sense of an «antiquity» at universities moving away from its close connection to theology and working as a discourse pattern or «counterworld» («Gegenwelt») for intellectuals⁷⁴. In Germany, Johann Matthias Gesner had founded the Seminarium philologicum at the University of Göttingen in 1737. He explained that the purpose of studying antiquity was the education of taste, judgment and reason. Christoph Gottlob Heyne had defined the task of philologies in the context of «studia antiquitatis» as a contribution to man's aesthetic and ethical education and considered Göttingen a «new Alexandria». Here classics already enjoyed a certain degree of independence. One considered studying to be «useful» beyond intellectual enrichment, which was reflected, on the one hand, by political-educational projects of educating young people according to the models of antiquity, but, on the other hand, by its utopian nature which was due to the enthusiasm towards

⁷² *Winckelmann J.J. Briefe. Kritisch-historische Gesamtausgabe...* Vol. 3. N 764. S. 167–171, here S. 168, letter from March 10, 1766, from Rome to Genzmer: «Die Wahrheit war, außer der Religion, allezeit mein Schutz, und ich habe niemals ein Wort im Munde ersterben lassen; man bequeme sich nach meiner Heftigkeit im Reden und Richten, und itzo ist man es gewohnt zu hören, was ich gedenke».

⁷³ Fundamental for this the collected essays in: *Streitkultur. Strategien des Überzeugens im Werk Lessings. Internationale Tagung. Freiburg im Breisgau, 1991 / Hrsg. von W. Mauser und G. Sasse. Tübingen, 1993.*

⁷⁴ A good sketch of the circumstances in Germany is offered by S. Fornaro, «s.v. Antikerezeption in Deutschland. Teil 3: Bis 1806», in: *Der Neue Pauly. Enzyklopädie der Antike. Bd. 13: Rezeptions- und Wissenschaftsgeschichte. A – Fo. Stuttgart; Weimar, 2000. S. 792–805*; see also the contributions in the volumes of *Antike und europäische Welt. Aspekte der Auseinandersetzung mit der Antike / Hrsg. von M. Svilar und S. Kunze. Bern (et al.), 1984 (Kulturhistorische Vorlesungen; 1983–1984) und Aufklärung und Geschichte. Studien zur deutschen Geschichtswissenschaft im 18. Jahrhundert / Hrsg. von H.E. Bödeker, G.G. Iggers, J.B. Knudsen und P.H. Reill. Göttingen, 1986 (Veröffentlichungen des Max-Planck-Instituts für Geschichte; 81).*

Greece, the «metaphysics of everything Greek» («Metaphysik des Griechischen») which Winckelmann had initiated. In this context, «antiquity», which symbolized the Platonic ideal of beauty – and whose political and social fundamentals were thus not of interest, as they would have disturbed, indeed destroyed, the idealized image – was the literary point of reference which made it possible to get away from the difficult political situation: given Germany's political fragmentation, it was a unity-creating element.

In Spain, by contrast, the court «employed» and instrumentalized «antiquity» for its self-presentation against the Church. This function as an argument looked back to tradition. For centuries, the kings had postulated that they were absolute sovereigns by the grace of God, and this striving for authority was supported by sections of the clergy, as the episcopate was split into a pro-Papist and a regalistic faction⁷⁵. Throughout the entire 18th century, some denounced the infringements of the rights and privileges of the clergy by the worldly power, whereas others protested against the Roman Curia's economic and legal interventions in Spain – and both were successful. In 1717, a radical offensive of the Crown, which had resulted in a break of diplomatic relations with Pope Clement XI had at first come to an end. But only two decades later, in 1737, King Felipe V and Pope Clement XII signed a concordat which was disadvantageous for Rome in so far as it stated there that monasteries which had been founded thanks to the generosity of earlier kings depended on the Crown and not on the Church. Pope Benedict XII did not want to accept this paragraph and after Fernando VI's accession to the throne, he demanded a revision of the concordat. The Crown then established a commission of scholars, headed by Burriel, which was sent to the various kingdoms in Spain to find documents which might justify the Crown's claims in respect of the appointment of bishops, Church donations, pensions, the property of convents and monasteries and so on⁷⁶. In this context, Pérez Bayer copied scripts and inscriptions at the Cathedral of Toledo, and it seems that he was not the only one to be successful since at the beginning of 1753, the quarrels were resolved. By this concordat, the Roman Curia granted the Spanish Crown unrestricted patronage over the Church and thus the right to intervene in the occupation of all Church positions, dignities and sinecures and only reserved a restricted number to be occupied by itself. In this way, the Spanish Church had become a kind of State Church which in the future – and this is true even for the secularization of Church property at the end of the century – would not be able to seriously resist state directives.

⁷⁵ For this and the following see *Bernecker W.L., Pietschmann H. Geschichte Spaniens. Von der frühen Neuzeit bis zur Gegenwart. Stuttgart, 2005. S. 176–216; López-Cordón Cortezo M.-V. La corona y la irradiación de la cultura española // Corona y Arqueología en el Siglo de las Luces... P. 18–33.*

⁷⁶ For this see *Mora G. Historias de mármol... P. 41–44; Maier Allende J. Renovación e institucionalización de la investigación arqueológica en el reinado de Fernando VI (1746–1759) // Corona y Arqueología en el Siglo de las Luces... P. 147–157.*

For the same reasons – *mutatis mutandis* – the Crown was also to finance journeys across the Iberian Peninsula and to Italy in the future, under the supervision of the *Real Academia de la Historia*, which was founded by Felipe V in the year 1738⁷⁷. The foundation of academies in various fields – the *Academia de la Farmacia* (1737) or the *Academia de la Jurisprudencia* (1742), for instance – was a reaction to the intolerable situation at the universities:

The bad method introduced in the universities, the concern for ancient systems, faction, the lack of preliminary knowledge, which should precede the learning of more difficult skills, the non use of good authors and above all the excessive conceit of considering themselves as wise people, which generated the use of the *ergo* and subtleties without embarrassment, all of them were an inaccessible barrier to good taste and to freedom, and to indifference, which must be the relevant features of a good man of letters⁷⁸.

In the future, it was the academies which taught, organized, coordinated, and controlled them and thus tried to work against conservatism and faction, arrogance, ignorance, indifference and indolence. Its founding decree gives as the objectives of the activities of the *Real Academia de la Historia* among others, the «purge» from the country's history of «fables» («fábulas») and the publication of a *Diccionario Histórico-crítico-universal de España*⁷⁹. It was necessary to write «the one and only true national history» («la verdadera Historia Nacional»), and for this purpose any evidence of the Hispanic/Spanish history had to be noted, recorded, and registered. The necessity of knowing about the history of the nation, to be able to correct the current situation and to organize progress was also emphasized. The founders expressed astonishment and discontent that a country which had such extended overseas properties, was able to do brisk overseas trade and to receive enormous amounts of precious metals from its colonies, was politically and economically so exhausted. Thus, all antiquities-related scientific activities in Spain derived from political and economic reasons rather than from genuinely «scientific» ones in so far as they reflected the nature of the «culture utilitaire

⁷⁷ *Almagro-Gorbea M., Maier J.* La Real Academia de la Historia y la Arqueología española en el siglo XVIII // *Iluminismo e ilustración. Le antichità e i loro protagonisti in Spagna e in Italia nel XVIII secolo.* P. 1–27; *Anes y Álvarez de Castrillón G.* La Real Academia de la Historia: sus orígenes y actividades en el Siglo de las Luces // *Corona y Arqueología en el Siglo de las Luces...* P. 125–133.

⁷⁸ *Sempere y Guarinos J.* Ensayo de una Biblioteca Española de los Mejores Escritores del Reynado de Carlos III. T. 1. P. 14: «El mal método introducido en las Universidades, la preocupación por los sistemas antiguos, el espíritu de partido, la falta de los conocimientos preliminares, que deben preceder á las facultades mayores, el ningun uso de los buenos Autores, y sobre todo la demasiada presuncion de sabios, que producía el desembarazado uso del *ergo*, y de las sutilezas, eran una barrera impenetrable al buen gusto y á la libertad, é indiferencia de que debe estar dotado todo literato».

⁷⁹ *Ibid.* P. 63–71.

et dirigée» of Enlightenment⁸⁰. Their goals were effectiveness and progress, practical instructions are more important than theoretical teaching. If there are debates on evidence from antiquity, they are primarily on the different degrees of *utilitas*, which might distinguish one kind of source from another, but not on intellectual enrichment by ways of reading them.

Against the background of these different concepts of antiquity, the debate between Winckelmann and Carlos or the Royal Court at Naples appears unavoidable. The King reacted to the discovery of the Vesuvian cities according to his mentality: he considered himself to be challenged in a field where in those days no one had experience. How could he have reacted in a competent way in such a situation? It was literally a «unique pioneer enterprise»⁸¹, and it would be unjust to accuse him of lacking the right approach and a system of excavating. His way of dealing with the discoveries as well as their instrumentalization for his own self-staging, was common practice in Spain where, for example, Christina of Sweden's famous collection of sculptures served to decorate the *Granja de San Ildefonso* in Madrid. There, Felipe V and his wife presented their treasures as symbols of prestige⁸². This passion for collecting, which was so typical for the Baroque Age, was also practiced in the 17th century by the German rulers who celebrated themselves by way of the medium of Roman history and classical mythology, and for this purpose they had bought entire collections. The accusation that out of «paranoid fear» Carlos had made his discoveries accessible only to a carefully chosen part of the public is thus not convincing⁸³. Doubtlessly, in the eyes of enlightened circles, which like Winckelmann demanded an «open market» («offener Markt») of ideas and for sciences, he acted in a way which was inappropriate to the demands of the time. Accordingly, the communication of the two opponents looks like «synchronicity of the asynchronous» («Gleichzeitigkeit des Ungleichenzeitigen»)⁸⁴. However, against the background of the situation in his homecountry, Carlos' policy was considered «modern» in Naples⁸⁵;

⁸⁰ This is the telling title of the corresponding chapter in the fundamental study of *Sarrailh J.* *L'Espagne éclairée de la seconde moitié du XVIIIe siècle.* Paris, 1954. P. 165–184, cf. also: *El reformismo borbónico. Una visión interdisciplinaria* / Ed. por A. Guimerá. Madrid, 1996, and the contributions concerning Spain in the volume of collective studies of *Dos monarquías en la Europa de la Ilustración: Carlos III de España y Gustavo III de Suecia. Undécimo encuentro España-Suecia* / Ed. por E. Martínez Ruiz, M. de Pazzis Pi Corrales, E. Villalba, D. García Hernán. Madrid, 2003 (Colección Monografías; 44).

⁸¹ *Grant M.* *Bourbon Patronage and Foreign Involvement at Pompeii and Herculaneum // Oxford, China and Italy. Writings in Honour of Sir Harold Acton on his 80th Birthday* / Ed. by E. Chaney and N. Ritchie. London, 1984. P. 161–168, here P. 168.

⁸² *Elvira Barba M.Á.* *La colección de Felipe V e Isabel de Farnesio en la Granja de San Ildefonso // Corona y Arqueología en el Siglo de las Luces...* P. 85–93.

⁸³ Against *Gordon A.R.* *Subverting the Secret of Herculaneum. Archaeological Espionage in the Kingdom of Naples // Antiquity Recovered. The Legacy of Pompeii and Herculaneum* / Ed. by V.C. Gardner Coates and J.L. Seydl. Los Angeles, 2007. P. 37–57, here 39.

⁸⁴ E. Bloch coined this semantic concept at his time: *Erbschaft dieser Zeit.* Frankfurt am Main, 1962. S. 104–126.

⁸⁵ *Rao A.M.* *Charles de Bourbon à Naples // Le règne de Charles III. Le despotisme éclairé en Espagne* / Éd. par G. Chastagnaret et G. Dufour. Paris, 1994. P. 29–57.

maybe it was precisely for this reason that his archaeological activities in Italy met with hardly any response in Spain: given the excavations at Pompeii, Herculaneum and Stabiae, nobody there felt that they had a mission to carry out such projects⁸⁶. The works of the diplomat José Nicolás de Azara in Rome and Tivoli also did not meet with a response. One was satisfied with other kinds of sources, and systematic excavations were only to take place after the mid-19th century. Under Carlos, the Spaniards were still asleep and snoring, for – as the humanist Manuel Martí, «the failed hope» of Spanish Enlightenment, wrote to his friend, Bernard de Montfaucon, when telling him about his futile wish to bring the Spanish antiques to daylight – for this was the only thing for which they did not need any help⁸⁷.

Сабина Панцирам

**Открытие Геркуланума и Помпей: Карл III и Винкельман.
В чем причина разногласий между *rey arqueólogo*
и интеллектуалом-полемистом?**

Раскопки Геркуланума и Помпей начались в середине XVIII в. в царствование короля Неаполя и Сицилии Карла VII из династии Бурбонов, ставшего в 1759 г. королем Испании под именем Карла III. Археологические работы велись на государственном уровне, по приказу короля праздные зеваки не допускались на место раскопок, осмотр найденных памятников был строго регламентирован, а получить экземпляр *Antichità di Ercolano* могли лишь друзья короля. Некоторые немецкие ученые, прежде всего Винкельман, критически относились к этим ограничительным мерам, приводившим к неоправданно раздутой секретности (*Geheimniskrämerei*), которая, по их мнению, была чревата возникновением дипломатических проблем между Неаполем, Римом и Парижем.

Изучение двух противоположных точек зрения на эту проблему позволяет говорить о столкновении двух ментальностей и выявляет коренные отличия в восприятии античных памятников испанцами и немцами. Первые относились к ним достаточно утилитарно, вторые видели в них реликвии, принадлежащие всему человечеству.

⁸⁶ *Alvar J.* Carlos III y la arqueología española // *Corona y Arqueología en el Siglo de las Luces...* P. 313–323; *Luzón Nogué J.M.* Las Bellas Artes y lo antiguo entre Italia y España en el siglo XVIII // *Ibid.* P. 203–213.

⁸⁷ Emmanuelis Martini, ecclesiae Alonensis decani, Vita, scriptore Gregorio Maiansio, generoso Valentino / Estudio preliminar, edición bilingüe y comentario de L. Gil. Valencia, 1977 (Publicaciones del Ayuntamiento de Oliva. Serie Menor; 3). P. 291: letter from March 8, 1717, from Alicante to Montfaucon: «Ese consejo que me das (dice) de poner todo mi ánimo y esfuerzo en sacar a la luz las antigüedades de Hispania, es precisamente lo que yo deseé desde mi misma juventud. (...) Pero ahí ves un nudo más difícil de desatar que el Gordiano. Así que durmamos sobre una y otra oreja, amigo Montfaucon, y ronquemos profundamente, ya que sólo para esto no necesitamos de la ayuda ajena». See also *Gil L.* El deán Martí o la esperanza fallida // *Tres grandes humanistas españoles.* Madrid, 1975. P. 63–84.

Г.А. КОСМОЛИНСКАЯ

ЧТО ЗНАЛ РУССКИЙ ЧИТАТЕЛЬ XVIII ВЕКА
О РАСКОПКАХ ГЕРКУЛАНУМА?*

«Я не припомню ничего более интересного <...>» – записал великий Гёте, впервые посетив весной 1787 г. раскопки Помпей под Неаполем¹. Эту по-детски восторженную реакцию разделяли многие его современники, которым посчастливилось увидеть возрождение античных городов, погребенных в 79 г. до н.э. чудовищным извержением Везувия. На протяжении почти всего XVIII столетия неаполитанское чудо не переставало приковывать к себе внимание. Геркуланум, Помпеи, Стабии, через 17 столетий буквально «восставшие из пепла», стали местом паломничества художников, знатоков и теоретиков искусства, коллекционеров и просто любознательных путешественников, стремящихся своими глазами увидеть то, что стали называть «возрожденной античностью».

Начальная история раскопок под Неаполем, сегодня уже хорошо изученная, получила довольно подробное освещение в литературе²; здесь достаточно очертить основные ее вехи.

© Г.А. Космолинская, 2012

* Статья подготовлена в рамках проекта РГНФ № 11-21-17001.

¹ «Es ist viel Unheil in der Welt geschehen, aber wenig, das den Nachkommen so viele Freude gemacht hätte. Ich weiß nicht leicht etwas Interessanteres». – *Goethe J.W. Italienische Reise / Hrsg. von A. Beyer und N. Miller. München, 1992 (Münchener Ausgabe; 15). S. 251.*

² См., например: *Furchheim F. Bibliografia di Pompei Ercolano e Stabia / 2 ed. riveduta e notevolmente aumentata. Napoli, 1891.* Изучение не прекращалось и на протяжении следующего столетия, отмечу лишь некоторые, оказавшиеся наиболее ценными для нас публикации: *Grell Ch. Herculaneum et Pompéi dans les récits des voyageurs français du XVIIIe siècle. Naples; Roma, 1982; Allroggen-Bedel A., Kammerer-Grothaus H. Il museo Ercolanese di Portici // La villa dei Papiri. Secondo supplemento a Cronache Ercolanesi. 13. Napoli, 1983. P. 83–128; Parslow C.C. Rediscovering Antiquity. Karl Weber and the Excavation of Herculaneum, Pompeii, and Stabiae. Cambridge, 1995; см. также статью Сабины Панцрам в настоящем сборнике.*

Первым археологическим открытием стал итальянский город Геркуланум, расположенный на западном склоне Везувия. Раскопки производились в 1709–1714 гг. во время строительства виллы герцога д'Эльбёфа вблизи Портичи. В 1711 г. в районе деревушки Ресина, значительный участок которой герцог приобрел под строительство, произошло знаменательное событие. Рабочие наткнулись, как выяснилось позже, на античный театр³, в котором были обнаружены хорошо сохранившиеся статуи трех весталок – первые крупные находки, которые «первыми навели на след последующих открытий подземных сокровищ города Геркуланума»⁴. Позже приобретенные курфюрстом Саксонии Фридрихом Августом II, статуи весталок оказались в королевском собрании античных скульптур в Дрездене, где, выставленные на всеобщее обозрение, произвели ошеломляющее впечатление – знатоки и любители античности увидели в них «великие шедевры греческого искусства»⁵.

Регулярные раскопки на месте античного Геркуланума начались в 1738 г. Инициатором стал сам неаполитанский король Карл III Бурбон (по неаполитанскому счету VII), специально с этой целью приобретший обширный земельный участок на месте бывшей виллы д'Эльбёфа в Портичи. Работы производились под руководством испанского военного инженера Роке Хоакина де Алькубьерре (1702–1780); находки, в том числе мраморные и бронзовые статуи, сразу же последовали одна за другой. Позднее были открыты города Помпеи (1748) и Стабии (1749). Но к 1764 г. раскопки постепенно прекратились⁶ и возобновились лишь в следующем столетии.

Большая часть находок была размещена в Королевском дворце в Портичи, превращенном в уникальный музей – *Sacro Museo Ercolanense*⁷, – доступ в который, хотя и ограниченный, был открыт с 1752 г. Гёте, называя это хранилище «альфой и омегой всех античных собраний», писал в своих итальянских дневниках: «Там мы видим, насколько древние опережали нас в художественном чутье, хотя в чисто ремесленной сноровке изрядно от нас отставали» (Неаполь, 1 июня 1787 г.)⁸. Ознакомьтесь

³ Подтверждающая надпись – «Theatrum Herculanense» – была обнаружена в 1738 г., из нее также стало известно имя города – Геркуланум.

⁴ Винкельман И.И. Мысли о подражании произведениям греческой живописи и скульптуры [1755 г.] // Иоганн Иоахим Винкельман. История искусства древности. Малые сочинения / Изд. подг. И.Е. Бабанов. СПб., 2000. С. 313.

⁵ Там же. С. 314.

⁶ Причиной во многом послужил отъезд главного инициатора и вдохновителя раскопок Карла Бурбона, который должен был занять испанский престол (1759).

⁷ См.: *Allroggen-Bedel A., Kammerer-Grothaus H.* Op. cit.

⁸ Цит. по: *Geme I.B.* Собр. соч. М., 1980. Т. 9. С. 172; ср.: «Schätzen von Portici wenig gesehen, und es bleibt mir manches zurück, um dessentwillen ich nicht den Fuß aufheben mag. Aber jenes Museum ist auch das [Alpha] und [Omega] aller Antiquitätensammlungen; da sieht man recht, was die alte Welt an freudigem Kunstsinn voraus war, wenn sie gleich in strenger Handwerksfertigkeit weit hinter uns zurückblieb». – *Goethe J.W.* Op. cit. P. 415.

с королевским собранием антиков стремились многие, но прежде всего европейские интеллектуалы, серьезно озабоченные осмыслением феномена античности.

Именно с этой целью четырежды – в 1758, 1762, 1764 и 1767 гг. – посетил Неаполь немецкий ученый Иоганн Иоахим Винкельман (1717–1768); во многом благодаря этим визитам на свет появилась его *История искусства древности* (1764). Сразу же после своего первого знакомства с музеем в Портичи Винкельман опубликовал в Дрездене *Письмо к графу фон Брюлю об открытиях в Геркулануме* (1762)⁹; двумя годами позже там же – *Сообщение о новейших открытиях в Геркулануме*¹⁰. Эти небольшие по объему малотиражные издания, ставшие, на самом деле, первыми серьезными описаниями геркуланумских находок, хотя и не остались незамеченными в научных кругах Германии, но по настоящему широкую известность получили лишь после их перевода на французский язык¹¹.

Французский перевод первого письма Винкельмана о Геркулануме появился уже через два года¹², чему немало способствовал известный знаток античности граф де Кейлюс¹³. Появления этого перевода с беспокойством ожидали при неаполитанском дворе, и он действительно наделал здесь немало шума. Возмущение было вызвано не столько обидными выпадами немецкого ученого в адрес тех, кто осуществлял раскопки (инженер Алькубьерре, в первую очередь) и занимался изучением найденных древностей, сколько тем, что человек, которому была оказана особая честь ознакомиться с находками¹⁴,

⁹ *Winckelmann J.J. Sendschreiben von den herculanischen Entdeckungen an den... Herrn Heinrich Reichsgrafen von Brühl...* Dresden: G.C. Walther, 1762.

¹⁰ *Winckelmann J.J. Nachrichten von den neuesten Herculanischen Entdeckungen.* Dresden: G.C. Walther, 1764.

¹¹ См.: *Lappo-Danilevskiy K.Yu. Gefühl für das Schöne. J.J. Winckelmanns Einfluss auf Literatur und ästhetisches Denken in Russland.* Köln; Weimar; Wien, 2007 – Введение, разделы «О рецепции идей Винкельмана в Германии» и «Французское осмысление наследия Винкельмана». Пользуюсь случаем поблагодарить автора за любезно предоставленную мне возможность ознакомиться с неопубликованной русской версией книги.

¹² *Winckelmann J.J. Lettre de M. l'abbé Winckelmann, antiquaire de Sa Sainteté, à M. le comte de Brühl, chambellan du roi de Pologne, electeur de Saxe, sur les découvertes d'Herculanum.* Traduit de l'allemand [par Michael Huber]. À Dresde; et se trouve à Paris: chez N.-M. Tilliard, 1764. Второй, исправленный перевод вышел в сборнике: *Recueil de lettres de M. Winckelmann, sur les Découvertes faites à Herculanum, à Pompeii, à Stabia, à Caserte et à Rome. Avec des notes critiques / Traduit de l'allemand [par H. Jansen].* Paris: L.-F. Barrois l'aîné, 1784. P. 3–150; здесь же напечатан перевод второго письма Винкельмана о Геркулануме. – «Relation des nouvelles découvertes faites a Herculanum, adressée a M. Henri Fuessli, de Zurich» (P. 153–230).

¹³ См.: *Décultot É. Winckelmann et Caylus. Enquête sur les rapports de l'histoire de l'art au savoir antiquaire // Le comte de Caylus, les arts et les lettres. Actes du colloque international Université d'Anvers (UFSIA) et Voltaire Foundation. Oxford, 26–27 mai 2000 / Éd. par N. Cronk et K. Peeters.* Amsterdam, 2004. P. 62.

¹⁴ Винкельман, видимо, не случайно был одним из очень немногих обладателей издания *Antichità di Ercolano*, которое предназначалось для подношения королевским особам и знатым лицам.

нарушил королевский запрет на публикацию любых сведений, рисунков и планов, касающихся раскопок¹⁵.

Несмотря на строгость этого запрета, недостатка в информации о находках европейский читатель не испытывал, получая ее из периодических изданий, описаний, дневников и записок очевидцев. Только в 1748 г. (через 10 лет после начала регулярных раскопок) появилось сразу несколько довольно заметных публикаций: в Риме вышло сообщение об античных находках маркиза Марчелло Венути (1700–1755)¹⁶, участника раскопок Геркуланума до 1740 г.; во Флоренции – собрание личных свидетельств «прославленных писателей» о «знаменитом открытии» под Неаполем, подготовленное известным антикварием Антонио Франческо Гори (1691–1757)¹⁷; в Париже – дневник маркиза де Лопиталья (1697–1776), очевидца раскопок, чрезвычайного посла Франции в Неаполе с 1740 по 1750 г.¹⁸ Эти и другие сообщения ввиду большого общественного интереса к раскопкам незамедлительно переводились на другие языки или просто перепечатывались. Например, переведенный на итальянский язык дневник Лопиталья уже на следующий год был издан одновременно в Венеции и Флоренции¹⁹, причем вместе со статьей о неаполитанских древностях из венецианских *Литературных известий* («Articolo delle Novelle Letterarie di Venezia Sotto il N 43. del 1748»).

¹⁵ О геркуланумских письмах Винкельмана и реакции на них в Неаполе см.: *Strazzullo F.* [Nota introduttiva] // *Winckelmann J.J. Le scoperte di Ercolano. Con nota introduttiva e appendice di F. Strazzullo. Collana napoletana di studi e documenti in memoria del conte Giuseppe Matarazzo di Licosa. 3 / Dir. da F. Strazzullo. Napoli, 1981. P. 35–48; De Franciscis A. L'esperienza napoletana del Winckelmann // Cronache Pompeiane. 1975. 1. P. 14–16.*

¹⁶ *Venuti N.M. Descrizione delle prime scoperte dell'antica città d'Ercolano ritrovata vicino a Portici, villa della Maestà del re delle Due Sicilie distesa dal cavaliere marchese Don Marcello de Venuti. Roma: Nella Stamperia del Bernabò, e Lazzarini, 1748 (2-е изд. – Venezia: L. Baseggio, 1749).*

¹⁷ *Notizie del memorabile scoprimento dell'antica città Ercolano vicina a Napoli del suo famoso teatro, templi, edifizii, statue, pitture, marmi, scritti e di altri insigni monumenti avute per lettera dei vari celebri letterati che da se stessi gli hanno veduti, ed osservati dal principio degli scavamenti fatti nel villaggio di Resina fino al corrente anno MCCXLVIII. Aggiunta la statua equestre di marmo, eretta in onore de M. Nonio Balbo, ed una dissertazione sopra la mensa sacra degli Ercolani scritta con lettere etrusche. Firenze: Stamperia imperiale, 1748.*

¹⁸ [*L'Hospital P.F. Galluccio de, marquis de Châteauneuf-sur-Cher*]. *Mémoire sur la ville souterraine découverte au pied du mont Vesuve. Paris: Cl. Herissant, 1748* (другие издания: Avignon: A. Giroud, 1748 и Gottingue: A. Vandenhoeck, 1748). Дневник выходил анонимно; в качестве авторов или редакторов назывались «аббат Муссино» (abbé Moussinot) и «секретарь французского посла в Неаполе» д'Артена (d'Arthenay); см. об этом, например: *Grell Ch. Herculaneum et Pompéi dans les récits des voyageurs français du XVIIIe siècle. Naples; Roma, 1982.*

¹⁹ [*L'Hospital P.F. Galluccio de, marchese de Châteauneuf-sur-Cher*]. *Memoria sopra la città sotterranea scoperta a' piedi del monte Vesuvio // Raccolta d'opuscoli scientifici e filologici. Venezia: S. Occhi, 1749. T. 41. P. [1]–67; [Idem]. Notizie intorno alla città sotterranea scoperta alle falde del monte Vesuvio tradotte dal franzese [da Giuseppe Pavini]. Firenze: G.P. Giovannelli, 1749. В 1750 г. в Лондоне вышел английский перевод дневника Лопиталья с примечаниями Вильяма Фордиса (W. Fordyce).*

Между тем большинство изданий, вышедших вопреки королевскому запрету «нелегально», содержали множество неточностей, а зачастую и просто вымыслов – неизбежное следствие ограничений, введенных неаполитанскими властями на посещение раскопок. Появление геркуланумских текстов Винкельмана, написанных после непосредственного и весьма тщательного ознакомления с находками, существенно изменило ситуацию: авторитетные суждения немецкого ученого об античности становились своего рода эталоном. Так или иначе, и без того немалый интерес к неаполитанским древностям неуклонно возрастал.

В 1765 г. на страницах *Энциклопедии* Дидро и Д'Аламбера появляется статья «Herculanum»²⁰, написанная шевалье Луи де Жокуром (1704–1779), хорошо знакомым читателям этого издания своими многочисленными статьями на разные темы²¹. Исследователи не без основания называют его одним из популяризаторов идей Винкельмана, имея в виду прежде всего его более раннюю статью о греках²², в которой прослеживается связь с *Мыслями о подражании произведениям греческой живописи и скульптуры* (1755)²³, равно как и статью о скульптуре²⁴, где обнаруживаются основные положения *Истории искусства древности* (1764)²⁵. Не случайно статья Жокура о греках при переиздании²⁶ получила в качестве дополнения текст, который представлял собой пересказ идей немецкого ученого с множеством ссылок на его труды²⁷.

В 1777 г. статья под названием «Herculanum», объем которой был увеличен вдвое, появляется в третьем томе *Supplément à l'Encyclopédie*²⁸. Ее автором на этот раз стал давнишний оппонент Жокура аббат Клод

²⁰ Jaucourt L. de. Herculanum // *Encyclopédie, ou Dictionnaire raisonné des sciences, des arts, et des métiers* / Par un Siciété des gens de letters. Neufchastel, 1765. Т. 8. P. 150–154.

²¹ О роли Жокура в *Энциклопедии* см.: Haechler J. *L'Encyclopédie de Diderot et de...* Jaucourt. Essai biographique sur le chevalier Louis de Jaucourt. Paris, 1995.

²² Jaucourt L. de. Grecs (Hist. anc. & Littérature) // *Encyclopédie...* Paris, 1757. Vol. 7. P. 912–918; об этой статье см.: Hartog F. *Faire le voyage d'Athènes: Johann Joachim Winckelmann et sa réception français* // *Winckelmann et le retour à l'antique* / Éd. par J. Pigeaud et J.-P. Barbe. Nantes, 1995. P. 131–132.

²³ См.: Déculot É. *Généalogie d'un malentendu la place de Winckelmann dans les panthéons français et allemand à la fin du XVIIIe siècle* // *L'art et les normes sociales au XVIIIe siècle* / Sous la dir. de Th.W. Gaetgens, Ch. Michel, D. Rabreau et M. Schieder. Paris, 2001. P. 27. Note 9.

²⁴ Jaucourt L. de. Sculpture antique, (Art d'imitation) // *Encyclopédie...* Paris, 1765. Vol. 14. P. 837–839.

²⁵ В *Journal Encyclopédique* уже в год выхода *Истории* Винкельмана публиковался обзор ее содержания, см.: *Journal Encyclopédique*, 1764. Octobre–décembre. Т. 7. P. 64–83, 39–62, 76–91; Т. 8. P. 97–122.

²⁶ Jaucourt L. de. Grecs (Hist. anc. & Littérature) // *Encyclopédie...* Nouvelle édition. Genève: par J.L. Pellet; Neuchâtel: par la Société typographique, 1777. Т. 16. P. 588–600.

²⁷ [Vallet P.-J.] «Histoire des Arts chez les Grecs» // *Ibid.* P. 600–608; текст, подписанный инициалами «V.A.L.», являлся частью статьи П.-Ж. Валле «Grecs (Philosophie des)» из 22-го тома ивердонского издания *Энциклопедии* (1773). Благодарю С.Я. Карпа за указание на эту, по-видимому самую раннюю, публикацию статьи Валле.

²⁸ Courtépée C. Herculanum // *Supplément à L'Encyclopédie, ou Dictionnaire raisonné des sciences, des arts et des métiers* / Par une Société de gens de letters. Mis en ordre et publié par M***. Amsterdam: Chez M.M. Rey, Libraire, 1777. Т. 3. P. 349–358.

Куртепе (1721–1781), посетивший Неаполь и раскопки античных городов в 1765 г. (заметим – год выхода статьи Жокура «Herculanum»).

Личные наблюдения автора, безусловно, придавали особую убедительность публикации. Описания многих находок, прежде всего экспонатов королевского собрания древностей, были сделаны от первого лица, при этом *Sacro Museo Ercolanense* назван «самым любопытным и самым богатым музеем во всей Италии»²⁹. Не обошлось и без упоминания гравированного издания *Antichità di Ercolano* (к тому времени вышло уже шесть томов)³⁰, инициатором которого и полноправным распорядителем тиража был сам король Неаполя и Сицилии. Куртепе, по-видимому, являлся одним из немногих счастливых обладателей этого раритета, на который регулярно ссылается в своей статье³¹, не забывая подчеркивать его особый статус и ценность: поскольку «король пожелал сохранить за собой привилегию единолично одаривать этим знаком отличия писателей и людей знатных», а половина тиража к тому же уже разошлась, достать его было чрезвычайно трудно – «цена за том достигала 50 цехинов»³².

В 1765 г. Жокуру был известен лишь первый из вышедших к тому времени четырех томов *Antichità di Ercolano* (1757), посвященный живописи Геркуланума. В заключительной части своей статьи он с большим энтузиазмом описывает его как некое последнее достижение неаполитанских ученых³³.

Существенным пробелом статьи Жокура являлось отсутствие в ней сведений о важнейшей геркуланумской находке – античной библиотеке папирусных свитков, обнаруженной на вилле Пизонов, так называемой Вилле Папирусов (*Villa dei Papiri*). Не зная об этом открытии, но уверенный, что цивилизация, явившая миру Геркуланум, Помпеи, Стабии, не могла не иметь развитой письменности, ученый горько сетовал о «безвозвратной утрате великой литературы»³⁴. Статья Куртепе, напротив, не только сообщала о находке, но информировала о результатах ее изуче-

²⁹ «Le cabinet d'antiques ou le *musaeum* de Portici, le plus curieux & le plus riche qu'il y ait en Italie». – Ibid. P. 352.

³⁰ *Le antichità di Ercolano esposte*. Napoli: nella Regia Stamperia, 1757–1792. 8 vol. Тома *Antichità di Ercolano* выходили в следующем порядке: четыре тома, посвященные живописи (1757, 1760, 1762, 1765), два – бронзе (1767, 1771), еще один – живописи (1779), много позже вышел восьмой том, посвященный светильникам и канделябрам (1792).

³¹ *Courtépée C.* Op. cit. P. 354.

³² «J'ai vu offrir jusqu'à cinquante sequins du volume, par des gens riches qui n'étoient pas à portée de l'avoir autrement qu'à prix d'argent». – Ibid. P. 352.

³³ *Jaucourt L. de.* Herculanum. P. 154.

³⁴ Ibid. P. 154. Раскопки на Вилла деи Папири начались в 1750 г., но информацию об этой находке старались держать втайне, по крайней мере до выхода в свет каталога греческих папирусов (1755). Об античных папирусах сообщает аббат Бартеlemi, посетивший раскопки в конце 1755 г., но его *Voyage en Italie* увидел свет лишь в 1802 г. (тогда же незамедлительно последовал его русский перевод). Винкельман, лично наблюдавший в 1758 г. трудоемкий процесс разворачивания папирусных свитков, подробно описал его в своем первом письме о Геркулануме (1762).

ния. В ней упоминались имена каноника Мадзокки и генуэзца Антонио Пьяджи, кропотливая работа которых по разворачиванию свитков Виллы деи Папири позволила составить каталог греческих папирусов³⁵, а главное – приступить к их прочтению³⁶.

* * *

Бесценные неаполитанские находки, способствовавшие по-настоящему живому восприятию античности, оказали решающее влияние на формирование неоклассического стиля, прочно утвердившегося в архитектуре, искусстве и повседневной жизни Европы XVIII–XIX вв. Историки и теоретики искусства древности (Кейлюс, Стюарт, Винкельман, Дидро, Гёте и др.) немало потрудились, чтобы широко распространившееся в XVIII столетии «увлечение античностью» превратилось в «философию жизни».

Не осталась в стороне от общеевропейского культурного процесса и Россия.

Незаурядный интерес к античности проявляла прежде всего сама русская императрица. Екатерина II имела возможность узнавать о раскопках Помпей и Геркуланума не только из *Энциклопедии*, верной читательницей которой она была, но и «из первых рук». Из Неаполя ей, только что вступившей на престол, прислали экземпляр роскошного издания живописи Геркуланума и его окрестностей – очередной, третий том *Antichità di Ercolano*, – на котором библиотекарем Эрмитажной библиотеки была сделана надпись: «К ея императорскому величеству от короля неаполитанского 4 авг. 1763»³⁷. Издание, не предназначавшееся для свободной продажи, преподносилось от имени неаполитанского двора королевским особам, а также знатым персонам и, как не без гордости отмечал его обладатель аббат Куртепе, – «aux gens de Lettres»³⁸. Известна озабоченность Екатерины по поводу приобретения остальных томов:

Если бы вы через аббата Галиани или кого-нибудь другого могли достать мне изображение Везувия, Помпей и Геркуланума и все, что неаполитанский двор издал по этим предметам, вы бы доставили мне истинное удовольствие³⁹, –

³⁵ Bayardi O. Catalogo degli antichi monumenti dissotterrati dalla discoperta città di Ercolano. Napoli: nella Regia Stamperia, 1755.

³⁶ Первые же прочитанные свитки оказались трактатами ученика Эпикура, греческого философа Филодема (Philodemus) – о философии, о морали, о музыке и о риторике (*Courtépée C. Op. cit. P. 355–356, 358*); см. также: *Немировский А.И.* Вилла Папирусов в Геркулануме и ее библиотека (обзор) // *Вестник древней истории.* 1991. № 4. С. 170–182.

³⁷ *Le antichità di Ercolano esposte. Le pitture antiche d'Ercolano e contorni incise con qualche spiegazione.* Napoli: nella Regia Stamperia, 1762. Т. 3 (НБ ГЭ, инв. 25871); см. также: *Павлова Ж.К.* Из истории книжного собрания Эрмитажа. Библиотека Екатерины II // *Труды ГЭ.* Л., 1975. Т. 16. С. 11. Благодарю сотрудника библиотеки Эрмитажа Г.В. Дорофееву за предоставленные мне сведения.

³⁸ *Courtépée C. Op. cit. P. 352.*

³⁹ Цит. по: *Сборник РИО.* Т. 23. С. 67.

писала она своему постоянному корреспонденту и «комиссионеру по делам искусства» Фридриху Мельхиору Гримму, не раз возвращаясь к этой теме. (Тома были приобретены.)⁴⁰

Идеи Винкельмана также попадали в поле зрения Екатерины II. Отчасти она даже способствовала их распространению: русская императрица наградила золотой медалью Михаэля Губера (1727–1804), переводчика на французский язык *Истории искусства древности*, а ее титул – «S. M. l'impératrice de toutes les Russies» – открывает список подписчиков этого издания⁴¹. Как явствует из письма Гримма, шесть заранее оплаченных экземпляров были высланы в Петербург на имя Якоба Штелина⁴².

Русские вельможные библиотеки XVIII в., зачастую составлявшиеся с оглядкой на двор, украшали роскошные увражи по архитектуре и альбомы с образцами античности. Разумеется, их обязательной принадлежностью становилась и *Энциклопедия*⁴³. Впрочем, основное произведение французских просветителей обнаруживается в большинстве описей русских книжных собраний той эпохи – в частности, оно служило незаменимым источником для читателей, которые проявляли особый интерес к античности, прежде всего для будущих художников и архитекторов. Так, в 1767 г. Петербургская Академия художеств, проявляя заботу о своих питомцах, настойчиво обращается к своему почетному члену князю Дмитрию Алексеевичу Голицыну (1734–1803), в то время российскому посланнику в Париже, с просьбой о приобретении для академической библиотеки полного комплекта *Энциклопедии* – «с эстампами, ко оному принадлежащими, исправный и переплетенный»⁴⁴. Очевидно, что речь идет о 28-томном издании *Энциклопедии* формата *in folio*, которое издавали Дидро и Д'Аламбер с 1751 по 1772 г.; приобрести вышедшие к тому времени 17 томов текста и 5 из 11 томов иллюстраций было совсем не просто. В письме выражалась небеспочвенная надежда: «Господин Дидро, конечно, не отречется Вашему сиятельству вспомоществовать»⁴⁵. В парижском доме русского посланника, где бывал не только Дидро, пен-

⁴⁰ НБ ГЭ, инв. 25871, 25872, 25874.

⁴¹ *Winkelmann J.J. Histoire de l'art de l'Antiquité / Trad. par M. Huber... Leipzig: J.G.I. Breitkopf, 1781–1784. 3 t. – см.: Т. 3. Р. 361.*

⁴² Письмо Гримма к Екатерине II от 12–13 августа 1781 г. – Сборник РИО. 1885. Т. 44. С. 199.

⁴³ Во многом это было следствием того беспрецедентно либерального (по сути же политического) жеста вступившей на престол Екатерины II в отношении французских энциклопедистов, которым было предложено перенести печатание *Энциклопедии*, в связи с цензурными гонениями, в Санкт-Петербург. См. также: *Коробочко А.И. Энциклопедия Дидро в России // Труды ГЭ. Т. 16.*

⁴⁴ Цит по: *Цверева Г.К. Дмитрий Алексеевич Голицын. Л., 1985. С. 30.*

⁴⁵ Там же. См. также: *Кучеренко Г.С. Д. Дидро и Д.А. Голицын // Французский ежегодник 1984. М., 1986. С. 203–218.*

сионеры Петербургской Академии художеств имели возможность знакомиться с передовыми художественными воззрениями⁴⁶.

Труды Винкельмана, как правило во французских переводах, также можно было нередко встретить в русских библиотеках Екатерининского времени. Во всяком случае, их присутствие не выглядит чем-то исключительным даже в окружении изданий по военному искусству, как можем видеть на примере книжного собрания боевого генерала и библиофила графа Петра Ивановича Панина⁴⁷. В среде европеизированного русского дворянства было немало настоящих поклонников немецкого ученого. В первую очередь следует назвать того же князя Голицына. В 1760-е годы автор компилятивных трактатов по искусству безусловно испытал на себе влияние идей Винкельмана⁴⁸, особенно заметное в его кратком сочинении *О рисунке* (1769): представления русского дипломата о прекрасном здесь, «как две капли воды, схожи с рекомендациями Винкельмана»⁴⁹. Трактаты Голицына, прочитанные в публичном собрании Академии художеств в Санкт-Петербурге, хотя и не были опубликованы, сыграли важную роль в становлении отечественной художественной теории⁵⁰.

В этой связи нельзя не упомянуть также Ивана Ивановича Шувалова (1727–1797), который, находясь в 1760–1770-е годы в гуще художественной жизни Рима, имел возможность лично встречаться со многими знаменитыми художниками и теоретиками искусства⁵¹. Весной 1768 г., как считают исследователи, состоялось его знакомство с Винкельманом⁵².

⁴⁶ Из рапорта архитектора И. Иванова в Академию художеств (1767): «⟨...⟩ его сиятельство приехал, мы же пришли и подали письма ⟨...⟩ И в то же время изволил просить господина Дидрота, чтоб к нему приехал ⟨...⟩ И читал нам свои сочинения, в которых описывал о художествах, откуда начала свое имеют, и как процветали, а отчего пришли в упадок некоторые и какое средство к восстановлению в прежнее состояние привести можно ⟨...⟩». – Цит. по: *Евсина Н.А.* Архитектурная теория в России второй половины XVIII – начала XIX века. М., 1985. С. 70–71 и след.

⁴⁷ В рукописном каталоге его замечательной библиотеки – «Catalogue par ordre alphabétique de la Bibliothèque de Monsieur le Comte de Panine» (НБ МГУ. ОРКиР: Рук. 723) – числится лейпцигское издание *Истории искусства древности* Винкельмана в трех томах (1787).

⁴⁸ *Мозговая Е.Б., Лаппо-Данилевский К.Ю.* Идеи И.И. Винкельмана и Петербургская академия художеств в XVIII столетии // XVIII век. СПб., 2002. Сб. № 22. С. 156–161; *Лаппо-Данилевский К.Ю.* *Op. cit.* – гл. 1, раздел «“О рисунке” Д.А. Голицына (1769)».

⁴⁹ *Мозговая Е.Б., Лаппо-Данилевский К.Ю.* Указ. соч. С. 159.

⁵⁰ *Евсина Н.А.* Указ. соч. С. 68–71.

⁵¹ Между прочим, Пиранези посвятил русскому вельможе свой знаменитый *Сборник Ваз*: Vasi, candelabri, cippi, sarcofagi, tripodì, lucerne ed ornamenti antichi disegnati... incisi dal cav. G.B. Piranesi. Roma, 1778. О контактах Шувалова в художественной среде Рима см.: *Androsov S. Ivan Šuvaov e la sua cerchia a Roma // Italia-Russia: Incontri culturali e religiosi fra '700 e '900. Atti del Convegno internazionale, Napoli, 9–10 ottobre 2008 / A cura di A. Milano. Napoli, 2009. P. 1–17; Андросов С.О.* Скульпторы и русские коллекционеры в Риме во второй половине XVIII века. СПб., 2011. С. 189–213.

⁵² *Мозговая Е.Б., Лаппо-Данилевский К.Ю.* Указ. соч. С. 163.

Шувалов много способствовал тому, чтобы питомцы Петербургской Академии художеств, приезжавшие в Италию для завершения своего образования, могли воочию увидеть «живую античность»⁵³. Весьма характерный, «в духе Шувалова», аргумент звучит в рапорте академических пенсионеров, дающих объяснения по поводу своей задержки в Риме: они ни за что не хотели покинуть Италию, «не повидавав вырытых городов у ног Везувия, о которых все говорят и чье воскрешаемое искусство творит новый стиль»⁵⁴.

Посещение раскопок античных городов, как и *Sacro Museo Ercolanense*, стало почти обязательным в маршруте образовательных путешествий в Италию, столь популярных в XVIII столетии. Неаполь и его окрестности входили в план европейского турне 1782 г. великого князя Павла Петровича с супругой, составленный самой Екатериной II⁵⁵. Контакты Винкельмана с представителями русской аристократии в Италии (М.И. и С.Р. Воронцовыми, Е.Р. Дашковой, В.Н. Зинovieвым и др.) представляют немалый интерес в связи с историей формирования художественных коллекций в России XVIII столетия⁵⁶. Не менее значимо распространение идей Винкельмана в стенах Московского университета; их активным проводником здесь выступал в 1760–1770 гг. профессор Иоганн Готфрид Рейхель (1727–1778). Утверждая, что «о заслугах Винкельмана (...) какие он оказал в свободных искусствах, лучше молчать, нежели мало говорить», Рейхель призывал изучать труды немецкого ученого «с великим прилежанием»⁵⁷.

⁵³ В распоряжении студентов Академии художеств в Санкт-Петербурге находилась библиотека И.И. Шувалова, наибольшее число книг которой было «посвящено античности», в том числе издание *Antichità di Ercolano* (обнаружен том 1), каталог древностей Геркуланума, составленный О. Баярди, и другие «труды по археологии, сообщавшие о последних изысканиях в этой области» (*Обрадович А.Г. Собрание книг И.И. Шувалова в Научной библиотеке Российской Академии художеств // Философский век. Альманах. Вып. 8: Иван Иванович Шувалов (1727–1797). Просвещенная личность в российской истории / Отв. ред. Т.В. Артемьева, М.И. Микешин. СПб., 1998. С. 208–209*).

⁵⁴ Рапорт А.М. Иванова, Ф.Ф. Щедрина, И.Ф. Мерцалова и Ф.И. Шубина в Академию художеств от 19 мая 1771 г., цит по: *Трубинов А. Первые пенсионеры императорской Академии художеств // Старые годы. 1916. Апрель-июнь. С. 82. Примеч. 129*.

⁵⁵ См., например: *Гузанов А.Н. Великий князь Павел Петрович и заграничное путешествие // Павел Петрович: Великий князь. Император / Под общ. ред. Н.С. Третьякова. Павловск; СПб., 2001. С. 26 и след.*

⁵⁶ Подробнее об этом см.: *Мозговая Е.Б., Лаппо-Данилевский К.Ю. Указ. соч. С. 164–165; Лаппо-Данилевский К.Ю. Op. cit. – гл. 2, раздел «Воронцовы и окружение Винкельмана»; Андросов С.О. Указ. соч.*

⁵⁷ «Сочинения же сего в искусствах искуснейшего мужа достойны того, чтоб любители словесных наук читали их с великим прилежанием». – *Рейхель И.Г. Слово о способе, каким древние возбуждали в гражданах любовь к отечеству. На высокаторжественный день рождения (...) Екатерины II (...) празднованный апреля 22 дня, 1775 года в Императорском Московском университете. Перевел с латинского Х. Чеботарев. [М.]: Унив. тип., [1775]. С. 8.*

Таким образом, людей, в той или иной мере осведомленных о раскопках античных городов под Неаполем, было немало среди российской культурной элиты и образованного дворянства, как и в кругах близких Академии художеств и Московскому университету.

А что об этом было известно не слишком образованному, но от того не менее любознательному потребителю отечественной печатной продукции? Какие публикации о геркуланумских находках могли быть ему доступны?

Как свидетельствует *Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века*, неаполитанская археологическая сенсация не получила широкого освещения в российской печати. Пожалуй, единственной полноценной публикацией, посвященной «неаполитанским древностям», можно назвать статью о раскопках Геркуланума в журнале *Растущий виноград* за 1786 г., подававшуюся читателям как «Перевод с французского Василия Березайского»⁵⁸. Еще дважды, в 1789 и 1795 г., этот перевод с новыми дополнениями и под разными названиями выходил отдельными изданиями⁵⁹ – этого достаточно, чтобы обратить на него более пристальное внимание. Прежде всего – кто был автором анонимной статьи «О новооткрытом из земли древнем городе Геркулане»?

Отсутствие указания на французский оригинал в свое время побудило Д.М. Молдавского предположить, что Василий Семенович Березайский (1762–1821), хотя и названный в публикации переводчиком, на самом деле был автором этой «компилятивной статьи», к написанию которой его подвиг первый редактор *Растущего винограда* профессор Евгений Борисович Сырейщиков⁶⁰. Второе предположение вовсе не бессмысленное: занимавшийся историей, археологией и нумизматикой, Сырейщиков вполне мог побудить начинающего автора выступить на страницах нового журнала. Но вряд ли со статьей (пусть и «компилятивной»)

⁵⁸ О новооткрытом из земли древнем городе Геркулане / Перевел В.С. Березайский // *Растущий виноград*, ежемесячное сочинение, издаваемое от Главного народного училища города святого Петра. СПб., 1786. Январь. С. 32–64.

⁵⁹ Любопытное открытие города Геркулана, поглощенного страшным извержением горы Везувия и бывшего под землею около 1700 лет / Собрано из разных писателей и на российской язык переведенное Васильем Березайским. СПб.: На иждивении И.К. Шнора, 1789. 83 с.; 8° – СК 3863; Открытие описание и содержание города Геркулана, поглощенного страшным извержением горы Везувия и бывшего под землею около 1700 лет / [Перевел В.С. Березайский]. СПб.: на иждивении И.К. Шнора, 1795. 96 с.; 12° – СК 5071.

⁶⁰ См.: *Молдавский Д.М.* Василий Березайский и его «Анекдоты древних пошехонцев» // *Русская сатирическая сказка в записях сер. XIX – нач. XX в.* / Подгот. текста, ст. и коммент. Д.М. Молдавского. М.; Л., 1955. С. 238. В статье дается ссылка на архивные документы, якобы связанные с работой Березайского над этой статьей: «в Гос. Историческом архиве Ленингр. области, в фонде Смольного института 2, дело 901, связка 302, лист 1–5», но в современном ЦГИА СПб. эта информация, к сожалению, не подтвердилась.

на тему, требующую широкой образованности и специальных знаний, скорее, речь могла идти о переводе⁶¹.

Действительно, публикация в *Растущем винограде* является переводом уже упоминавшейся энциклопедической статьи Жокура «Herculanium» (1765). Смущает лишь ее выбор – мог ли в 1786 г. он исходить от профессионала? Ведь к этому времени существовал более «свежий» материал – например одноименная статья Куртепе в *Supplément à l'Encyclopédie* (1777), издании, довольно распространенном, в том числе в России.

Запоздалость текста Жокура стала очевидна самому переводчику уже в процессе работы. Сталкиваясь с такими выражениями, как «Il y a près dix ans que l'on parle toujours avec admiration de cette découverte» (р. 150 и др.), ему приходилось прибегать к невинным ухищрениям: «Уже тому несколько лет, как с удивлением говорят о сем открытии»⁶². В целом осведомленность Березайского о состоянии дел на раскопках под Неаполем простиралась не слишком далеко. Иначе он не стал бы вслед за Жокуром горько сожалеть об утрате античных рукописей:

⟨...⟩ как бы я был счастлив, если бы смог закончить это описание древностей, найденных в Геркулануме, сообщением о находке рукописи, но то небольшое, что удалось найти либо погибло безвозвратно, либо листы склеились и превратились в лохмотья. ⟨...⟩ И так утешимся о утрате рукописаний, поглщенных в безднах сего города ⟨...⟩⁶³

Неудивительно, ведь статья Жокура сообщала о раскопках Геркуланума, которые велись десятью годами ранее – «с 1750 по 1755 г.»⁶⁴ В России между тем и через несколько десятилетий (!) немногие слышали о находке на Вилле деи Папири. Начатые в 1753 г. опыты по восстановлению папирусных свитков поначалу держались втайне: в Неаполе ожидали

⁶¹ Переводы занимали основное место в журнале и выполнялись прежде всего «студентами Главного народного училища, пажами и литературной молодежью» (СК IV. № 222. С. 177–179).

⁶² О новооткрытом из земли древнем городе Геркулане // Растущий виноград. С. 35 (курсив мой. – Г.К.).

⁶³ Там же. С. 63–64. Ср.: «Ma joie seroit grande, si je pouvois terminer cet article par la nouvelle d'un beau manuscrit, tiré des ruines d'Herculanium: mais dans le petit nombre de ceux qu'on a déterrés de cette ville souterraine, ou l'écriture étoit effacée, ou les feuilles si fort collées les unes aux autres, qu'elles ont parti par lambeaux. Nous serions trop heureux si les excavations fussent tombées sur le temple d'un homme de lettres; je veux dire, sur une maison écartée, consacrée aux muses, dans laquelle on eût trouvé en bon état quelqu'un de ces précieux ouvrages complets qui nous manquent toujours, comme un Diodore de Sicile, un Polybe, un Saluste, un Tite Live, un Tacite, la seconde partie des fastes d'Ovide, les vingt-quatre livres de la guerre des Germains, que Pline commença lorsqu'il seroit dans ce pays; ou bien enfin, puisque ce peuple aimoit tant le théâtre, un Eschyle, un Eurypide, un Aristophane, un Ménandre; certes on pouvoit se flatter de ce dernier genre de découvertes. ⟨...⟩ Consolons-nous donc de la perte des manuscrits engloutis quelque part dans les abysmes de cette ville, puisqu'enfin ces fouilles pratiquées depuis 1750 jusqu'à 1755 ont produit d'autres raretés ⟨...⟩». – *Jaucourt L. de. Herculanium*. P. 153–154.

⁶⁴ «⟨...⟩ ces fouilles pratiquées depuis 1750 jusqu'à 1755 ⟨...⟩». – *Ibid.* P. 154.

окончания работ над каталогом греческих папирусов. Но и после его выхода в 1755 г. мало что изменилось, поскольку, как и тома *Antichità di Ercolano*, каталог не предназначался для продажи – грандиозный издательский проект неаполитанского короля априори не мог иметь широкого резонанса. Не сумел по достоинству оценить его значение и Василий Березайский, посчитавший информацию о первом томе *Antichità di Ercolano* (1757) в статье Жокура не обязательной для русского читателя.

Тем не менее, несмотря на досадные упущения, а, возможно, как раз благодаря им, через три года Березайский берется переиздавать свой перевод, теперь – отдельной книжкой⁶⁵. Он увеличивает объем текста с 32 до 83 страниц, дополнив титульный лист уточнением: «Собрано из разных писателей». Действительно, внимательный читатель мог обнаружить здесь массу новых сведений о геркуланумских находках, прежде всего о библиотеке папирусов. Дополнения, рассыпанные по всему тексту, занимали в общей сложности более 40 страниц.

Как удалось установить, источником этих дополнений послужило первое письмо Винкельмана о Геркулануме (1762), русский перевод которого был выполнен Березайским с французского оригинала. До сих пор никаких следов геркуланумских писем в русскоязычной книжной культуре обнаружено не было; с трудами немецкого ученого здесь знакомились в основном на языке оригинала или чаще во французских переводах.

Первое появление «русского Винкельмана» было принято датировать 1791 г., когда в московском журнале *Чтение для вкуса, разума и чувствований* появилось знаменитое описание Аполлона Бельведерского из *Истории искусства древности*⁶⁶. Обнаруженное нами скрытое присутствие текста Винкельмана в переводе статьи Жокура «Herculanum» из *Энциклопедии* уточняет представление о циркуляции идей немецкого теоретика искусства в России XVIII столетия.

Вопрос, можно ли причислить Березайского к поклонникам немецкого ученого, в данном случае не вполне уместен. Налицо лишь кропотливая работа переводчика, свидетельствующая о стремлении максимально восполнить пробелы своей первой журнальной публикации (1786), и именно с таким расчетом был проведен отбор материала из письма

⁶⁵ Любопытное открытие города Геркулана... (полное описание см. примеч. 59).

⁶⁶ Чтение для вкуса, разума и чувствований. 1791. Ч. I. № 23. С. 361–365; еще раз описание Аполлона Бельведерского (а также группы Лаокоон) появилось в *Рассуждении о свободных художествах* П.П. Чекалевского (СПб., 1792. С. 52–56). Тогда же был напечатан перевод статьи Винкельмана «О грации в произведениях искусства»: Замечания о прелести в произведениях искусства, по руководству аббата Винкельмана // Чтение для вкуса, разума и чувствований. 1792. Ч. V. №. 17–18. С. 261–272. Об этом см. также: *Пожарова М.А.* «У нас не было Винкельмана...» К вопросу о русском неоклассицизме // *Век Просвещения. Вып. 3: Западноевропейское искусство в России XVIII века: тексты, коллекции мастера* / Отв. ред. С.Я. Карп. М., 2011. С. 123–124 и далее.

Винкельмана. В результате выборочного, но отнюдь не хаотичного и довольно тщательного перевода появился объединенный текст о Геркулануме Жокура–Винкельмана.

Что же нового теперь мог узнать русский читатель о раскопках под Неаполем?

Прежде всего, текст Жокура пополнился письмами Плиния Младшего, очевидца трагедии августа 79 г. до н.э., – важнейший документальный источник стал впервые доступен русскоязычному читателю⁶⁷. Не менее ценным дополнением перевода статьи Жокура стали также страницы из письма Винкельмана, посвященные находке античной библиотеки на Вилле деи Папири. Очевидец процесса раскручивания папирусных свитков, он сообщает об этом массу живых подробностей, освещает дальнейший ход изучения греческих рукописей, анализирует античные тексты, обсуждает научные гипотезы. Те описания находок, которые принадлежат Винкельману, выделяются предельной информативностью: атрибуция изобразительного материала с опорой на греческую мифологию находит множество параллелей в произведениях античных авторов, именами которых максимально насыщена фактура его текстов. Названы и те, кто внес вклад в изучение античности, участвовал в раскопках, изучал находки, готовил к публикации антики: «граф д'Келюс» (Кейлюс) с его знаменитым «собранием древностей»; «г. Венути», эрудит, хранитель библиотеки и музея Королевского дворца в Портичи; «отец Антон Пиаджи», первооткрыватель античных свитков, нашедший способ их разворачивать и первый списавший четыре греческих текста; и проч.

Отметим немногие, но характерные пропуски, которые, при всей тщательности переводов из письма Винкельмана, были допущены Березайским. В описаниях сюжетов, воспроизведенных на геркуланумских вазах или других предметах, русский переводчик старательно избегает специфических подробностей, относящихся к фигуре Вакха. А имя Приапа, часто встречающееся в тексте Винкельмана, он даже не упоминает. Очевидно, это следует связать с табу на сексуальную тематику, характерным для славянских культур⁶⁸.

Неоднократное переиздание русского перевода статьи о Геркулануме являлось, с одной стороны, свидетельством признания этого открытия, достойным «внимания всех упражняющихся в изящных письменах,

⁶⁷ Любопытное открытие города Геркулана... С. 6–14. Перевод писем Плиния, в отличие от остального текста, снабжен прямыми ссылками на источник: «Lib. VI. Epist. XVI», «Lib. VI. Epist. XX» и т.д.

⁶⁸ О том же, но на другом материале см.: *Malek E.* Why was the legend of Tristan and Isolde not translated in old Rus' and in Poland? // *Chloe beihefte zum Daphnis. Band 29: Tristan und Isolt im Spätmittelalter. Vorträge eines interdisziplinären Symposiums vom 3. bis 8. Juni 1996 an der Justus-Liebig-Universität Giessen / Hrsg. X. von Erzdorff unter red. von R. Schulz.* Amsterdam, 1996. P. 501–515.

науках и художествах»⁶⁹, с другой – интереса, проявленного к нему русскоязычным читателем⁷⁰. Не случайно, владелец частной типографии в Санкт-Петербурге Иоганн Карл Шнор (1738–1812)⁷¹, издавший своим иждивением перевод статьи Жокура–Винкельмана в 1789 г., на этом не остановился. Через шесть лет в его типографии выходит новая версия перевода Березайского⁷². Поскольку имя переводчика нигде не значится, можно предположить, что права на издание полностью перешли к издателю. Подготовкой текста, объем которого был увеличен с 83 до 96 страниц, на этот раз занимался Федор Васильевич Каржавин (1745–1812), сотрудничавший с типографией Шнора особенно тесно в 1790-е годы. Принимая участие в подготовке к изданию целого ряда книг⁷³, Каржавин нередко дополнял их своими примечания, характерной особенностью которых являлось упоминание (наряду с *Энциклопедией* Дидро и Д’Аламбера⁷⁴) собственных трудов.

Перевод Березайского также дополнен его примечаниями, в данном случае двумя⁷⁵. Одно из них – к слову «Периптер / Peripterae» (с. 35) – содержит отсылку к «стран. 109 и след.» трактата Клода Перро (1613–1688) *Сокращенный Витрувий*, перевод которого был выполнен Каржавиным⁷⁶.

⁶⁹ О новооткрытом из земли древнем городе Геркулане // *Растущий виноград*. С. 32.

⁷⁰ «Знаменитый город около 1700 лет был погребен, и потом нечаянно паки на свет возникнувший, может, без сомнения, в каждом возбудить любопытство». – Любопытное открытие города Геркулана... С. 17.

⁷¹ Шнор был владельцем самой крупной частной типографии в Петербурге конца XVIII в., имел словолитню и торговал шрифтами (даже арабским, которым он напечатал три издания Корана). Типография Шнора выпустила немало многотомных изданий по истории, географии, медицине, ботанике; здесь были впервые отпечатаны *Недоросль* Фонвизина, переводы *Илиады* Гомера, *Утопии* Томаса Мора и др.

⁷² Открытие описание и содержание города Геркулана... СПб., 1795 (полное описание см. примеч. 59).

⁷³ См.: *Полонская И.М.* Издательская деятельность Ф.В. Каржавина // *Проблемы рукописной и печатной книги*. М., 1976. С. 177; 175, примеч. 59.

⁷⁴ Характерным примером может служить издание *Писем персидских* Монтескье в переводе Е.В. Рознатовского (СПб., тип. Шнора, 1792), об участии в этом издании Ф. Каржавина см.: *Светлов Л.Б.* Писатель-вольнодумец Ф.В. Каржавин // *Известия АН СССР. Сер. литературы и языка*. 1964. Т. 23. Вып. 6. С. 524; *Долгова С.Р.* Творческий путь Ф.В. Каржавина. Л., 1984. С. 114–116.

⁷⁵ Утверждение С.Р. Долговой о существовании якобы еще одного, «расширенного» комментария Каржавина на «страницах 73–74», – описания «уникального книгохранилища античного города» (*Долгова С.Р.* Указ. соч. С. 124), к сожалению, ни на чем не основано. Текст, который исследовательница цитирует, приписывая его Каржавину лишь на том основании, что ему «эта тема близка», на самом деле принадлежит Винкельману; в переводе Березайского он занимает не две, а 11 страниц и появляется уже в издании 1789 г., к которому Каржавин отношения не имел.

⁷⁶ *Перро К.* Сокращенный Витрувий, или Совершенный архитектор / Перевод архитектуры-помощника Федора Каржавина. М.: Унив. тип., у Н. Новикова, 1789 [не ранее 1791]. XXXII, 230 с. На «стран. 109 и след.» *Сокращенного Витрувия* слово «Периптер» не упоминается; можно предположить, что в распоряжении Каржавина находилось ранее не известное издание или корректурный экземпляр.

При этом он не упускает случая напомнить и о своем *Словаре Архитектоническом*, вошедшем в состав этого издания⁷⁷.

Другое примечание, подписанное инициалами «Ф.К.», занимая в общей сложности почти две страницы (с. 94–96), по сути являлось пространном дополнением к переводу статьи Жокура–Винкельмана. Каржавин затрагивал в нем не столько научный, сколько этический аспект изучения «возрожденной античности» – отношения, возникшие между неаполитанским двором и учеными, в особенности иностранцами. Как известно, на их пути были выставлены разного рода запреты: на публикацию находок, на зарисовки с натуры и даже на пристальное рассмотрение антиков. Исключение не делалось даже для знаменитостей⁷⁸. Конфликт интересов, который затрагивал многих известных путешественников, стремившихся в Неаполь, чтобы изучать античность, получил огласку. Не молчал об этом и Винкельман, который, несмотря на рекомендации высоких римских покровителей и репутацию знатока античного искусства (а, возможно, как раз благодаря этому), сталкивался с теми же трудностями⁷⁹. Эту практическую сторону неаполитанской археологии и попытался осветить Ф. Каржавин.

Своих соотечественников, желающих посетить раскопки под Неаполем и осмотреть «истинного удивления достойное собрание редкостей» Королевского дворца в Портичи, он предусмотрительно наставляет: для этого необходимо получить «разрешение от градоправителей Неаполитанских»⁸⁰. Заметив, что теперь власти «дают пропускной билет охотно, однако с рассмотрением», он напоминает о недавнем прошлом, когда «непозволено было даже рассматривать в подробности, что

⁷⁷ Словарь, в котором, по возможности моей, изъяснены иноязычные обретающиеся в архитектурных сочинениях речи, из которых многия переняты нашими зодчими без нужды от иноземельных мастеров: собранный в 1772 году при Модельном доме в Кремле, и поправленный для пользы общества в 1789 году в С.П.Б. архит. помощником Ф[едором] К[аржавинным] // Там же. С. 171–228. «Словарь», напечатанный в типографии Типографической компании с отдельным титульным листом, тем не менее, имеет общую с изданием *Сокращенный Витрувий* пагинацию; ссылка на несуществующую «стран. 55» (как и в случае с примечанием к слову «Периптер») указывает на вероятное существование ранее неизвестного печатного экземпляра с собственной пагинацией.

⁷⁸ Например, не получили разрешения на зарисовки во время посещения раскопок в 1786–1787 гг. Гёте и Тишбейн. Еще раньше французский архитектор Белликар по той же причине вынужден был реконструировать планы геркуланумских Театра и Базилики по памяти: *Observations sur les antiquités de la ville d’Herculanum / Par messieurs Cochin le fils & Bellicard*. Paris: Ch.-A. Jombert, 1754 (об этом см. также: *Gordon A.R. Jérôme Charles Bellicard’s Italian Notebook of 1750–51: The Discoveries at Herculaneum and observations on Ancient and Modern Architecture // Metropolitan Museum Journal*. 1990. N 25. P. 49–142).

⁷⁹ См.: *De Francis A.* Op. cit. P. 12–24; *Strazzullo F.* Op. cit. P. 17–33. Эта ситуация довольно язвительно комментируется в переписке Винкельмана, позже опубликованной Гёте: *Winckelmann und sein Jahrhundert*. In *Briefen und Aufsätzen / Hrsg. von Goethe*. Tübingen, 1805.

⁸⁰ Открытие описание и содержание города Геркулана... С. 94–95.

собрано в Портических залах, а менее того и вписывать чтонибудь в свою карманную книжку {...}»⁸¹. Впрочем, объяснение подобным строгостям Каржавин находит в законном желании защитить «авторские права» членов специально созданной для изучения неаполитанских древностей Геркуланумской академии, в стенах которой долгие годы велась работа по подготовке монументального издания *Antichità di Ercolano*. Недаром, пишет Каржавин, после его выхода в свет потребность в запретах при посещении музея в Портичи сама собой отпадает. Упоминание этой публикации – еще одно свидетельство его широкой библиофильской эрудиции (знакомство Каржавина с трудами Винкельмана также не исключается⁸²).

И все же, чью сторону в этом споре между учеными и неаполитанскими властями занимал Каржавин?

Казалось бы, с одной стороны, он проявляет солидарность с представителями «литературной республики». Но, с другой – оставляет без внимания точку зрения ученого сообщества, обвинявшего неаполитанский двор в непомерных амбициях и узурпации ценностей, которые должны «принадлежать всему миру» (Винкельман). Нужно признать, что при всем огромном уважении к науке⁸³ и просветительской убежденности позиция Каржавина не отличалась достаточной широтой. Скорее, она – лишь отражение личной биографии, тесно связанной в силу жизненных обстоятельств с книгопечатанием и книжным рынком (о таких явлениях, как недобросовестная конкуренция, плагиат или контрафакция, он знал не понаслышке⁸⁴). По сути он не делает различия между охранительной политикой неаполитанского двора, противоречащей духу свободной науки, и заботой властей о сохранении «сокровища от очей завидливых»; и то и другое для него – не более чем меры против банального воровства⁸⁵.

⁸¹ Там же. С. 95–96.

⁸² Каржавин был внимательным читателем *Journal Encyclopédique*, где публиковался обзор содержания *Истории искусства древности* (*Journal Encyclopédique*. 1764. Octobre–décembre. Т. 7. Р. 39–62, 64–83, 76–91; Т. 8. Р. 97–122); комплекты журнала за 1765 и 1775 гг. с его пометами хранятся в РГБ, см.: *Полонская И.М.* Книги из библиотеки и с автографами Ф.В. Каржавина в собрании отдела редких книг // *История книги*. Тр. Гос. б-ки СССР им. В.И. Ленина. М., 1979. Т. 14. С. 138–143.

⁸³ Во время своего почти 20-летнего пребывания в Париже Каржавин, несмотря на серьезные житейские трудности, сумел получить университетское образование, блестяще овладеть иностранными языками, сблизиться с французской академической средой (см.: *Космолинская Г.А.* Ф.В. Каржавин – хранитель рукописей Королевской библиотеки в Париже: несостоявшаяся карьера // *Век Просвещения*. Вып. 3. С. 241–245).

⁸⁴ Его характерный опыт, борца за авторские права, отразился на страницах издания *Les Loix de Minos* (Genève, 1773): к словам Вольтера, возмущенного недобросовестностью парижского издателя Валада, Каржавин приписал на полях: «Книжник везде плут» (*Космолинская Г.А.* Указ. соч. С. 238).

⁸⁵ «Редкости ископываемые требуют много предосторожности (так!); многочисленная стража, при самом входе, защищает сокровища от очей завидливых, и наблюдает

Итак, появление, хотя и с большим опозданием, перевода статьи Жокура «Herculanium» из *Энциклопедии* оказалось в России своевременным, что подтверждают его переиздания на протяжении по крайней мере целого десятилетия (1786, 1789, 1795). Выбор текста, во многом обусловленный широкой популярностью *Энциклопедии*, в то же время не исключает и фактора притягательности самой идеи «благородной простоты и спокойного величия» античности (Винкельман), популяризатором которой, как мы знаем, выступал французский энциклопедист. Видимо, неслучайно его статья в русском переводе получила в результате трехкратной публикации свое логическое завершение в форме компиляции, вобравшей в себя текст Винкельмана как свое идейное исходное начало.

История перевода статьи о Геркулануме Жокура–Винкельмана–Каржавина дает некоторое представление о своеобразном пути освоения античности в России эпохи Просвещения. Так или иначе, русский читатель, узнавая о главных археологических открытиях, знакомился с гениальными идеями Винкельмана, даже если они и оставались для него анонимными. Впрочем, преувеличивать интерес к ним все же не стоит – большинство людей в России (как и в Европе) интересовала не теория, а реальные события. Вполне естественно, что им хотелось знать, как велись раскопки и что было найдено, где сохранялись находки и как они изучались, иными словами – как собственно происходил тот процесс, который интеллектуалы и теоретики искусства называли «возрождением античности».

G.A. Kosmolinskaya

What did the Eighteenth-Century Russian Reading Public Know about the Archeological Excavations of Herculaneum?

The sensational archeological excavations of the ancient Roman sites of Herculaneum, Pompeii, and Stabiae near Naples fascinated eighteenth-century Europe. Artists, art collectors, connoisseurs, scholars, and tourists flocked to Naples to admire the «resurrected antiquity». European readers were able to glean a mass of information about the discoveries from such works as the famous *Encyclopédie* of Diderot and d’Alembert and very important works of J.J. Winckelmann. The author attempts to clarify what kind of information about the discoveries at Herculaneum was available at the same time to Russian audiences.

строжайший порядок между каторжниками осужденными на сию работу: частных людей хотя и впускают, но везде за ними ходят и более глядят на их руки нежели на ноги». – Открытие описание и содержание города Геркулана... С. 96.

As it happens, that the translation of the article «Herculaneum» by Louis de Jaucourt from *Encyclopédie* (1765) was perhaps the only complete account of «Neapolitan antiquity» more or less widely available in Russian. Its history is rather convoluted. Vasilii Berezaiskii's «translation from French» came out in 1786 (and again in 1789 and 1795) without referencing the original source but with extensive additions (the second edition was already describing itself as «collected from various authors»). These additions, as it have been able to establish, included excerpts from the *Letters* of Pliny the Younger as well as Winckelmann's *Letter of the Discoveries at Herculaneum* (1762). This was the first time that Russian-language readers had made the acquaintance of the Winckelmann's ideas of Antiquity.

MARTIN DÖNIKE

À LA RECHERCHE DU MISSING LINK:
GOETHE, THE «RUSSIAN HOLY PICTURES»
AND THE DISCOVERY OF BYZANTINE ART
AS A LINK BETWEEN ANTIQUITY
AND THE MODERN AGE

Trop heureux Winckelmann! C'est sur cette époque brillante, c'est en Grèce, qu'après avoir tracé rapidement la marche de l'Art chez les différents peuples, et dans l'âge qui précéda celui de la perfection, tu t'arrêtes, pour y fixer avec tant d'intérêt nos études et nos jouissances!

Jean Baptiste Louis Georges Séroux d'Agincourt: Histoire de l'Art par les Monuments (Paris, 1823, Vol. 1, p. iv)

I

According to the humanistic model of history, which retains its commanding authority where the culture of European Neoclassicism is concerned, Antiquity and the Modern Age are separated from one another by the unbridgeable chasm of the Middle Ages (*medium aevum*). In his very influential book, *Lives of the Most Eminent Painters, Sculptors and Architects (Vite de' più eccellenti pittori, scultori et architettori)*, 1550/1568, Giorgio Vasari divides the development of art into three periods: (1) the glorious age of Greco-Roman art (it.: *perfezzione*), (2) a middle period of artistic decay which began during the life of Emperor Constantine the Great, and finally (3) the age of the Renaissance or rebirth (it.: *restaurazione/rinascita*) of art dating from the mid 13th century, which finally reached its peak in the 16th century with the works of Raphael and Michelangelo¹.

The same three-phase model was used by the founding father of neoclassical art theory, Johann Joachim Winckelmann². Although Winckelmann saw

© Martin Dönike, 2012

¹ *Vasari G.* Le vite de' più eccellenti pittori, scultori e architettori nelle redazioni del 1550 e 1568 / Testo a cura di P. Barocchi. Commento secolare a cura di R. Bettarini. Firenze, 1967. P. 13 (*Proemio delle vite*, 1568). Cf. *Garin E.* Giorgio Vasari e il tema della «rinascita» // Il Vasari. Storiografo e artista. Atti del congresso internazionale ne IV centenario della morte. Firenze, 1976. P. 259–266.

² This three-phase model is not to be confused with his teaching of the four, in fact, five periods of Greek art («beginning, development, plateau, waning, and end») and the four styles connected with them (more ancient style, high style, beautiful style and the style of the imitators). Cf. *Winckelmann J.J.* History of the Art of Antiquity / Intr. A. Potts, trans. H.F. Mallgrave. Los Angeles, 2006. P. 227–244; *Idem.* Geschichte der Kunst des Alterthums.

the downfall of antique art as starting with the death of Alexander the Great³, in his *History of the Art of Antiquity* (*Geschichte der Kunst des Alterthums*, 1764) he dated the moment of its «complete collapse» («gänzlicher Verfall») from the era of the late Roman Empire starting, in fact, even before the reign of Constantine the Great:

The actual, specific date at which the complete fall of art occurred was before Constantine, at the time of the great disturbances wrought by the thirty tyrants who rose up against Gallienus, that is, at the start of the second half of the third century⁴.

Like Vasari, Winckelmann maintained that art, which had become «dry and stiff» («trocken und steif»)⁵ during the Middle Ages, did not reach its full flowering until the 16th century with the work of Michelangelo and Raphael, who «were responsible for restoring art to its heights»⁶.

The idea of a «complete collapse of art» also seemed definitive for Johann Dominicus Fiorillo, the founder of academic art history in Germany who, as a teacher, had a profound influence on the young German Romantics⁷. Fiorillo's *Geschichte der zeichnenden Künste von ihrer Wiederauflebung bis auf die neuesten Zeiten* (1798, Vol. 1) offers the traditional evaluation that once the early signs of decadence in taste had appeared, even «under the first Emperors», one could «expect a second period of complete collapse in the representational arts»⁸. «The fifth century» was ultimately «the most damaging for the remnants of the former culture because of the invasions of various barbaric peoples into the Roman Empire, whose heartland they besieged and

Text: Erste Auflage Dresden 1764, zweite Auflage Wien 1776 / Hrsg. von A.H. Borbein. Mainz, 2002 (Schriften und Nachlaß. Bd. 4,1). S. 426–480.

³ *Winckelmann J.J.* History of the Art of Antiquity. P. 316–317; *Idem.* Geschichte der Kunst des Alterthums. S. 688–692. The fact that art did not decline completely at this point in history is one Winckelmann attributes to the continued flourishing of Greek art under the Romans and its brief renaissance, even, under Hadrian and the Antonines.

⁴ *Winckelmann J.J.* History of the Art of Antiquity. P. 346–347. Cf. the German original edition: «Die eigentliche bestimmte Zeit, in welcher der gänzliche Fall der Kunst erfolgte, war vor dem Constantin, zur Zeit der großen Verwirrung durch die dreyßig Tyrannen, welche sich unter dem Gallienus aufwarfen, das ist, zu Anfang der letzten Hälfte des dritten Jahrhunderts». – *Winckelmann J.J.* Geschichte der Kunst des Alterthums. S. 822. According to Winckelmann, the collapse of art had already begun under Commodus, see: *Winckelmann J.J.* History of the Art of Antiquity. P. 344; *Idem.* Geschichte der Kunst des Alterthums. S. 816.

⁵ *Winckelmann J.J.* History of the Art of Antiquity. P. 244; *Idem.* Geschichte der Kunst des Alterthums. S. 478.

⁶ *Ibid.* P. 244, respectively S. 478.

⁷ In fact, Fiorillo taught the art historian Karl Friedrich von Rumohrs and also several of the Romantics: August Wilhelm Schlegel, Wilhelm Heinrich Wackenroder and Ludwig Tieck. Cf. Johann Dominicus Fiorillo: *Kunstgeschichte und die romantische Bewegung um 1800* / Hrsg. von A. Middeldorf Kosegarten. Göttingen, 1997.

⁸ *Fiorillo J.D.* Geschichte der zeichnenden Künste von ihrer Wiederauflebung bis auf die neuesten Zeiten. Göttingen: Rosenbusch & Rower, 1798. Bd. 1. S. 5, 11 (here and in the following my translation. – *M.D.*).

not only Italy and Rome, the main object of their crusades, but also laid waste other provinces»⁹.

The same topos was put forward by none other than the first historiographer of medieval art, Jean Baptiste Louis Georges Séroux d'Agincourt (1730–1814). The following statement, drawn from the *Discours préliminaire* to his great *Histoire de l'Art par les Monumens*, in which he took up Winckelmann's thread and attempted to close the art-historiographical gap between Winckelmann's Antiquity and Vasari's Modern Age, leaves no doubt as to his aesthetic preference for the art of Antiquity:

⟨...⟩ on voit donc que Winckelmann a choisi la meilleure part, *optimam partem elegit*; et qu'il ne m'a laissé à décrire qu'une période funeste, où, sujet comme les mortels à la faiblesse et à la décadence, l'Art parut, comme eux, s'éteindre et mourir. J'aurais volontiers détourné mes regards de ce spectacle, sans toucher au voile que s'épaissit de plus en plus sur les détails et les preuves de cette décadence déplorable; mais ⟨...⟩ l'Histoire générale et la Philosophie m'ont semblé réclamer contre cet oubli, et vouloir que le vide fût rempli¹⁰.

Given this unanimously negative judgment, it is hardly surprising that the view of the Middle Ages as a period of artistic decadence dating back to the 4th century prevailed in the classical atmosphere of Johann Wolfgang Goethe's Weimar: «The relief figures on the frieze ⟨...⟩ are stiff and inelegant, and we should assume all figurative decoration of public buildings of that period looked the same». These were the words of Johann Heinrich Meyer, Goethe's longtime advisor on questions of art, describing the famous triumphal arch of Constantine the Great, dedicated in 315 A.D., in his *Geschichte der bildenden Künste bei den Griechen und Römern* (1836, Vol. 3)¹¹. Although «artistic talent was never extinguished» during the Middle Ages, but only hindered in its development¹² Meyer, like his predecessors Vasari and Winckelmann, did not deem the actual «transition from the old, extinguished art to the newly flower-

⁹ Ibid. S. 22. Fiorillo was equally against the «prejudice» – held even by Goethe, as shall become apparent – «as though all art in Italy were entirely lost, so that the foundation of its new beginnings could only have been relearned in the Orient, where the glamour of the imperial court still protected it from decline» (S. 64). In this respect, he also rejects the use of the term «maniera greca» (S. 68–69).

¹⁰ Séroux d'Agincourt J.-B.L.G. *Histoire de l'art par les monumens, depuis sa décadence au IVe siècle jusqu'à son renouvellement au XVIe*. Paris: Treuttel & Würtz, 1810. Vol. 1. *Discours Préliminaire*. P. V. For Séroux d'Agincourt cf. Griener P. *La fatale attraction du Moyen Age*. Jean-Baptiste Séroux d'Agincourt et l'*Histoire de l'art par les monumens* (1810–1823) // *Zeitschrift für Schweizerische Archäologie und Kunstgeschichte / Revue Suisse d'Art et d'Archéologie / Rivista svizzera d'Arte e d'Archeologia*. 1997. N 54. H. 1. S. 225–234; Mondini D. *Mittelalter im Bild*. Séroux d'Agincourt und die Kunsthistoriographie um 1800. Zürich, 2005.

¹¹ Meyer J.H. *Geschichte der bildenden Künste bei den Griechen und Römern*. 3 Bde. Dresden, 1824–1836. Bd. 3. S. 313. Cf. S. 107 ff., 315–330, the section on «Geschichte der bildenden Kunst bei den Griechen und Römern, nach Constantin des Großen Tode, während der Zeit ihres Verfalls», according to which it concerns an «unifying period of art history».

¹² Ibid. S. 327. Meyer agrees with Fiorillo in this respect, see above, note 9.

ing and individually formed art» completed until the end of the 13th century, with the work of Cimabue, from whom he drew a direct line to Raphael and his contemporaries¹³.

Fundamentally, Goethe shared both Meyer's preference for the classical, i. e. an appreciation for Antique and Renaissance art, and his reservations concerning Medieval art¹⁴. Yet towards the end of his life, under the influence of the Romantic enthusiasm for the Middle Ages, Goethe felt increasingly obliged to ask whether a kind of «missing link» might not exist between Antique and Renaissance art after all: a link which ensured that, far from being eradicated entirely during the Middle Ages, the artistic achievements of Antiquity provided the conditions which ensured that they could be transferred into the Modern Age at all.

II

The first doubts concerning the idea of a clear break between the Antique and the Modern came to Goethe as early as 1790 when he visited Venice for a second time in order to meet the Weimar Duchess Anna Amalia, who was returning home from Italy. Initially alone, apart from the company of his manservant Paul Goetze, and later together with two friends from Rome, Johann Heinrich Meyer and Friedrich Bury, Goethe visited the local churches and art collections. With the assistance of Antonio Maria Zanetti's *Della Pittura Veneziana* (1771), he formed in his mind a «general historical picture of the inestimable Venetian School»¹⁵. In the process, he gave particular attention to the «mosaics and the Greek pictures» as being the «oldest monuments of the newer art». However, the results of the systematic study of Venetian painting which he produced during his stay in Venice were not published in revised form until 1825¹⁶. In the conviction that an as yet unfilled «great» historical «gap» («Lücke») existed, his view encompassed the «old Greek» («altgriechischen») paintings and mosaics in the Byzantine style with the art of Domenico Veneziano and Giovanni Bellini and that of Titian, Tintoretto and

¹³ Ibid. S. 329. Cf. S. 125 ff. on the art of «the period from Cimabue to Raphael, i. e. from the second half of the XIIIth century to the beginning of the XVIth. And the long, unpleasant period from the death of Constantine the Great, up to the XIIIth century».

¹⁴ See *Dönike M.* Goethe und die Kunstgeschichte // Goethe-Handbuch. Supplemente. Bd. 3 / Hrsg. von A. Beyer, E. Osterkamp. Stuttgart; Weimar, 2011. S. 84–126.

¹⁵ See *Goethe J.W.* Sämtliche Werke nach Epochen seines Schaffens. Münchner Ausgabe. 21 Bde / Hrsg. K. Richter in Zusammenarbeit mit H.G. Göpfert, N. Miller, G. Sauder, E. Zehm. München, 1985 ff. Bd. 14. S. 16; Bd. 9. S. 649; *Idem.* Tagebücher. Historisch-kritische Ausgabe, im Auftrag der Klassik Stiftung Weimar / Hrsg. von J. Golz. Stuttgart, 1998 ff. Bd. I.1. S. 11; Bd. I.2. S. 747–751; *Idem.* Werke / Hrsg. im Auftrage der Großherzogin Sophie von Sachsen. 143 Bde. Weimar, 1887–1919. Bd. III.2. S. 11–12.

¹⁶ *Goethe J.W.* Ältere Gemälde. Neuere Restaurationen in Venedig. Betrachtet 1791 (recte 1790) // Goethe J.W. Sämtliche Werke. Bd. 3.2. S. 289–294; Bd. 13.2. S. 186–195. Cf. *Effenberger A.* Goethe und die «Russischen Heiligenbilder». Anfänge byzantinischer Kunstgeschichte in Deutschland. Mainz, 1990. S. 30–32.

Veronese, using the concept of the «holiness of the painting» («Heiligkeit der Tafel») itself as a connecting link¹⁷.

He went further: while contemplating a Byzantine icon of the Virgin Mary in the church of S. Giorgio degli Greci, he thought he recognized the features of the Empress Helena, known to him from «an old painting of the Emperor Constantine and his Mother»¹⁸. With this in mind, Goethe developed the idea that one could generally perceive in medieval Byzantine paintings, «a particular inherited concept of art and a particular treatment» and «particular ideals»¹⁹. Their origin was, however, a mystery to him at that time: «it might be possible to discover from where such things have come»²⁰.

It was to be another quarter of a century until Goethe found himself confronted anew with the question of the relationship between Antique, Medieval and Modern art. This time the impulse came from Sulpiz Boisserée, one of Friedrich Schlegel's pupils and the owner of an important collection of medieval art, who tried to interest Goethe in the Dutch and German Art of the 13th to 16th century²¹. From his very first letter of May 8th 1810, in which he tried to draw Goethe's attention to the collection of paintings owned by himself and his brother Melchior, Boisserée argued that the collection enabled the «discovery of a continuous style of painting which began with van Eyck, which indeed reveals Greek influence as we know it from before Raphael's time in Italy»²². With this thesis – which obviously owes much to Vasari's ex-

¹⁷ *Goethe J.W.* Sämtliche Werke. Bd. 3.2. S. 290–291.

¹⁸ «Description of the Virgin Mary's face. / I remember a picture of the Emperor Constantine and his mother, whose eyes were disproportionate compared to the mouth» – Ibid. P. 289. Goethe expounded on this observation in the revised version of the text in his periodical *Über Kunst und Alterthum* as follows: «The face of the Virgin Mary, on closer observation, seems to be modeled on the Imperial family. An archaic picture of the Emperor Constantine and his mother made me think of this; what particularly struck me was the size of the eyes, the slender bridge of the nose, creating a long narrow nose, with a very fine tip and an equally fine mouth» (Bd. 13.2. S. 187). It is not possible, from a modern perspective, to discover exactly which picture Goethe was describing here.

¹⁹ Ibid. Bd. 3.2. S. 289; Bd. 13.2. S. 186. See *Effenberger A.* Goethe und Seroux d'Agincourt. Anfänge byzantinischer Kunstforschung am Vorabend der französischen Revolution // *La grecia antica. Mito e simbolo per l'età della grande rivoluzione. Genesi e crisi di un modello nella cultura del Settecento* / A cura di P. Boutry. Milano, 1992. P. 323–332, here P. 330–331.

²⁰ *Goethe J.W.* Sämtliche Werke. Bd. 3.2. S. 289; Bd. 13.2. S. 187.

²¹ For Friedrich Schlegel's influence on the Boisserée brothers, see *Behler E.* Friedrich Schlegel und die Brüder Boisserée. Die Anfänge der Sammlung und ihr philosophischer Ausgangspunkt // *Kunst als Kulturgut. Die Bildersammlung der Brüder Boisserée – ein Schritt in der Begründung des Museums* / Hrsg. von A. Gethmann-Siefert und O. Pöggeler. Bonn, 1995. S. 30–41; *Heckmann U.* Die Sammlung Boisserée. Konzeption und Rezeptionsgeschichte einer romantischen Kunstsammlung zwischen 1804 und 1827. München, 2003. S. 23–59.

²² *Boisserée M.* Sulpiz Boisserée. 2 Bde. Stuttgart, 1862. Bd. 2. S. 5; for Sulpiz's praise of the «new Greek» painting and Goethe's reaction, see: *Goethes Gespräche. Eine Sammlung zeitgenössischer Berichte aus seinem Umgang auf Grund der Ausgabe und des Nachlasses von Flodoard Frhr. von Biedermann* / Ergänzt und hrsg. von W. Herwig. München, 1998.

planatory model of the «modern Greek», i.e. the character of Medieval art as derived from older Byzantine precursors²³ – Boisserée made the art-historical connection between early Dutch and German painting of the 13th to 16th century and the Antique-Greek ideal propagated by Goethe²⁴. And it is precisely this connection, which shifted Goethe's attention – quite contrary to Boisserée's original intentions – back to the transmission of Antique art elements in and through the art of the Christian Middle Ages.

III

While still in Weimar, before leaving for Heidelberg in the autumn of 1814 to see the Boisserée brothers' collection with his own eyes, Goethe took the first step in his attempt to find an answer to the rekindled question of the relation between Antique and Medieval art. An enquiry of Goethe's addressed to the Russian Tsarist court, in which he asks about «samples» of «Russian holy pictures», is dated March 1814²⁵. He specifically mentions products from the town of Suzdal where, according to his information, «such pictures are made both in the town and in the surrounding villages», «which may be considered not only the object but also the external *raison d'être* of the Russian religious service»²⁶.

Goethe requested precise information about these holy pictures, «both in respect to their production, the number of people who are involved in it and to what extent these works could represent a significant trading area». «Would it be possible to find out», he continues,

how long such an establishment has existed here? Whether old Greek paintings [alte Griechische Bilder] are still there, being used as models [Muster] from which to copy? Whether there are any especially gifted artists among

Bd. 2. S. 646; *Gombrich E.* The Values of the Byzantine Tradition. A Documentary History of Goethe's Response to the Boisserée Collection // The Documented Image / Ed. G.P. Weisberg. Syracuse/NY, 1987. P. 291–308; *Effenberger A.* Goethe und die «Russischen Heiligenbilder». S. 17–23.

²³ Cf. *Vasari G.* Vite. P. 28: «(...) quell'età, nella quale non si usavano altre sculture nè pitture, che quelle le quali un residuo di vecchj artefici di Grecia facevano, (...). Questi artefici, come migliori, essendo soli in queste professioni furono condotti in Italia, dove portarono insieme col mosaico la scultura e la pittura in quel modo la sapevano. E così le insegnarono agli Italiani goffe e rozamente: i quali Italiani poi ne se servirono (...) insino a un certo tempo». See *Bickendorf G.* «Maniera Greca». Wahrnehmung und Verdrängung der byzantinischen Kunst in der italienischen Kunstliteratur seit Vasari // *Okzident und Orient* / Hrsg. S. Ögel und G. Wedekind. Istanbul, 2002. S. 113–125.

²⁴ *Osterkamp E.* «...das erhebende Gefühl des Siegs einer großen schönen Sache über die Vorurteile» // *Wiederholte Spiegelungen. Weimarer Klassik 1759–1832. Ständige Ausstellung des Goethe-Nationalmuseums* / Hrsg. von G. Schuster und C. Gille. 2 Bde. München, Wien, 1999. Bd. 1. S. 449–458, here S. 452; *Heckmann U.* Op. cit. S. 86, note 224.

²⁵ *Goethe J.W.* Sämtliche Werke. Bd. 9. S. 651 («Russische Heiligenbilder»). Cf. *Tarasov O.* Icon and Devotion. Sacred Spaces in Imperial Russia / Trans. and ed. R. Milner-Gulland. London, 2002. P. 53–54.

²⁶ *Goethe J.W.* Sämtliche Werke. Bd. 9. S. 651.

the Susdalers? Whether all the work is done in the archaic religious style [in dem alten heiligen Styl]? Or whether other objects are also being produced in a more modern way [auf eine modernere Weise]?²⁷

There is no need here to speculate further on the source of Goethe's knowledge of Suzdal as a centre of Russian icon painting – possible sources are the Weimar Grand Duchess Maria Pavlovna, who originally came from Russia and who had two Russian Orthodox icons in her trousseau, or conversations with members of the clergy in the Greek-Orthodox community in Weimar, whose chapel housed an entire iconostasis²⁸.

More important for the present context is the statement Goethe made in the same text, that it «must be informative for the art lover just how a branch of art, existing since ancient times [aus den ältesten Zeiten], all the way from Constantinople, has lasted unchanged until our day, through constant repetition, because in all other countries art has progressed and distanced itself from its early religious, strict forms»²⁹. The phrase «all the way from Constantinople» is both a geographical and a historical signifier in this context: what is meant is the capital of the Eastern Roman Empire, consecrated by Emperor Constantine in 330 AD, considered the legitimate successor to Ancient Rome until its conquest by Ottoman troops in the mid 15th century. Hence for Goethe, medieval Byzantium always implied ancient Constantinople. Likewise, Byzantine art always implied that of Ancient Rome and Athens. In other words, Goethe's request, which Maria Pavlovna passed on to the Russian court, focused mainly on the question of the extent to which ancient Byzantine models of iconography, composition and painting technique were traditionally passed down through the centuries via the «Russian holy pictures».

The Russian Interior Ministry did, in fact, answer Goethe's enquiry by writing a report «on the Suzdalian painting», but neither this report nor the four icons dispatched simultaneously ever reached him in Weimar³⁰. Never-

²⁷ Ibid. In his choice of the expression «old Greek paintings» Goethe is clearly not focusing on Antique paintings but on Byzantine icons. Cf. Vasari's description of the painting technique developed by byzantine-trained artists in Italy as «maniera greca» (*Vasari G. Vite*. P. 22, 24, 27, 36 f.) and his distinction between «old» and «antique» works: «⟨...⟩ antico furono le cose innanzi a Costantino, di Corinto, d'Atene e di Roma, e d'altre famomissime Città, fatte fino a sotto Nerone, ai Vespasiani, Trajano, Adriano, ed Antonino; perciocchè l'altre si chiamano vecchie, che da S. Silvestro in quà furono poste in opera da un certo residuo de' Greci, i quali piuttosto tignere che dipignere sapevano» (P. 29).

²⁸ See *Alekseev M.P.* Goethe und die altrussische Malerei // *Alekseev M.P.* Zur Geschichte russisch-europäischer Literaturtraditionen. Aufsätze aus vier Jahrzehnten. Berlin, 1974. S. 128–137, 386–388; *Wahl H.* Goethes Anstoß zur russischen Ikonenforschung // *Goethe. Neue Folge des Jahrbuchs der Goethe-Gesellschaft*. 1947. N 2. S. 219–226, here S. 219; *Propper M. von.* Goethes Verhältnis zur russischen Ikonenmalerei. Analyse einer Legende // *Goethe. Neue Folge des Jahrbuchs der Goethe-Gesellschaft*. 1963. N 25. S. 27–69; *Effenberger A.* Goethe und die «Russischen Heiligenbilder». S. 13; 48–49, note 22.

²⁹ *Goethe J.W.* Sämtliche Werke. Bd. 9. S. 651.

³⁰ Cf. *Wahl H.* Op. cit. S. 224–225; *Effenberger A.* Goethe und Seroux d'Agincourt. S. 9–13. Cf. Goethe to Boisserée, 23 October 1815 (*Boisserée M.* Op. cit. Bd. 2. S. 68).

theless, two years later Goethe was to return once more to the «Russian holy pictures» as an example of the faithful handing down of the oldest iconographic and compositional patterns, this time placing them in a larger art-historical context.

IV

When Goethe travelled to Heidelberg in the autumn of 1814 to finally see the Boisserée collection for himself, and thus fill what was until then a gaping «hole» («Lücke»), as he saw it, in the history of art³¹, he kept to the maxim he himself had formulated in 1810, that involvement with medieval art was only «estimable» if it was carried out «in a truly historical and critical manner»³². His report on the Boisserée collection, which appeared in 1816 in his periodical *Über Kunst und Alterthum*, thus began with the declaration that in this case only a historical approach could lead to genuine and useful results³³.

He achieved his aim of historically cataloguing and evaluating the Heidelberg pictures by including an overview of the history of art from the end of Antiquity to the beginning of the 15th century, a prologue which preceded the actual description³⁴. Goethe had access not only to one of the first volumes of Séroux d'Agincourt's 1810 publication *Histoire de l'art par les monuments*³⁵ and the recently completed *Geschichte der Kunst* by his friend Meyer³⁶, but also the first volume of Johann Dominicus Fiorillo's *Geschichte der zeichnenden Künste in Deutschland und den Vereinigten Niederlanden* (1815–1820), which he borrowed from the Weimar Library towards the end of 1815³⁷. Thus his excursion into the world of medieval art history begins:

³¹ Cf. *Goethe J.W.* Sämtliche Werke. Bd. 14. S. 307 («Tag- und Jahreshäfte», 1821).

³² See Goethe to Reinhard, 14 May 1810 (*Goethe J.W.* Werke. Bd. IV.21. S. 294) Goethe is here referring to Boisserée's efforts on behalf of the Cologne Cathedral as a prominent example of Gothic architecture.

³³ «(...) daß auf historischem Wege hier das Reinste und Nützlichste zu wirken ist» – *Goethe J.W.* Sämtliche Werke. Bd. 11.2. S. 59–83; here S. 59. The article appeared in the first volume of the periodical *Über Kunst und Altertum*.

³⁴ *Ibid.* S. 61–68, cf. also the summary of art history in the article on «Die Externsteine» (Bd. 13.2. S. 176–177) and the «Paralipomena» in *Goethe J.W.* Sämtliche Werke. Briefe, Tagebücher und Gespräche / Hrsg. von H. Birus et al. 40 Bde. Frankfurt a. M. 1987 ff. Bd. I,16. S. 651–664.

³⁵ Goethe refers to Seroux d'Agincourt's opus in «Kunst und Altertum» (*Goethe J.W.* Sämtliche Werke. Bd. 11.2. S. 65) and «Die Externsteine» (Bd. 13.2. S. 179). Cf. *Schweinfurth P.* Goethe und Seroux d'Agincourt // *Revue de littérature comparée*. 1932. N 12. P. 623–630.

³⁶ *Meyer J.H.* *Geschichte der Kunst* / Hrsg. von H. Holtzhauer und R. Schlichting. Weimar, 1974. The work remained unpublished in Meyer's lifetime. For the development of art in the «Zeitraum vom Tode Constantins des Großen bis ins dreizehnte Jahrhundert» see S. 110–124; cf. also the aforementioned posthumously published third volume of his *Geschichte der bildenden Künste bei den Griechen und Römern* (S. 315–330).

³⁷ *Fiorillo J.D.* *Geschichte der zeichnenden Künste in Deutschland und den Vereinigten Niederlanden*. Hannover, 1815. Bd. 1; *Keudell E. von.* Goethe als Benutzer der Weimarer Bibliothek. Ein Verzeichnis der von ihm entliehenen Werke / Hrsg. von W. Deetjen. Weimar,

Military and political disaster plunged the Roman Empire into such a degree of confusion and degradation, that good institutions of every kind, and also artistic endeavour, disappeared from the face of the earth. Art, which had been of such high quality only a very few centuries before, became completely lost in the turmoil of war (...). In contrast, we owe the preservation of art to the Christian Church, be it only as glowing embers beneath the ashes. (...) The world as a whole was too much in turmoil and downcast; the constantly growing disarray erased civilization in the West; only Byzantium remained a firm sanctuary for the Church and the art associated with it³⁸.

Although Goethe and many of his contemporaries initially found Byzantine art «stiff» («steif»), «rigid» («starr»), «mummified» («mumisiert»), «austere» («strenge») and «dry» («trocken»)³⁹, he emphasized the «great service» which comes «from the mighty legacy of older Greek and Roman predecessors, handed down via art practice [kunstmäßig], and retained through the craft workshops [gildenmäßig]»⁴⁰. He also seemed convinced that «the entire cycle of the “Christian Olympus” had been handed down from Constantinople and encouraged his correspondent Boisserée to pay just as much attention to this strain of tradition, because for Art and Art history the derivation of figures» remains «always the most important»⁴¹.

The «Russian holy pictures» which were produced in Suzdal are in this context only one, but a very important, example of this tradition of handing down information⁴². Goethe was convinced that it was possible to «perhaps have the most reliable conception of that archaic form of holy pictures [jener altertümlichen Gestalt der Heiligenbilder], when we look at those pictures whose worship is part of the Russian Church service»⁴³.

1931. S. 159. N 1003; *Hölter A.* Goethe, Meyer und der Kunsthistoriker Johann Dominik Fiorillo. Mit einem ungedruckten Brief // *Goethe-Jahrbuch*. 1992. N 109. S. 115–130, here S. 128; *Schrapel C.* Fiorillos Sicht der «altdeutschen» Kunst und ihre Interdependenz mit der Kunst und der Kunstbetrachtung des frühen 19. Jahrhunderts // *Fiorillo J.D.* Kunstgeschichte und die romantische Bewegung um 1800 / Hrsg. von A. Middeldorf-Kosegarten. Göttingen, 1997. S. 306–327. The numerous discussions which Goethe had with Sulpiz Boisserée in Weimar and Heidelberg should also be borne in mind, cf. *Goethes Gespräche*. Bd. 2. S. 646, 660, 957–958. For Boisserée’s theory of the development of art history, his methodical premises and his approach to art history, see: *Heckmann U.* Op. cit. S. 81–90; *Bisky J.* Poesie der Baukunst. Architekturästhetik von Winckelmann bis Boisserée. Weimar, 2000. S. 261–320.

³⁸ *Goethe J.W.* Sämtliche Werke. Vol. 11.2. P. 61–63. For Fiorillo’s dismissive approach to this radical opinion see above, fn. 9. Cf. also Goethe’s «Paralipomena» (*Goethe J.W.* Poetische Werke. Kunsttheoretische Schriften und Übersetzungen. 22 Bde. Berlin, 1960–1978. Bd. 15. S. 635).

³⁹ *Goethe J.W.* Sämtliche Werke. Bd. 11.2. S. 63 («ein alter starrer mumienhafter Styl»), 64 («mumisiert», «strenge, trockne Symmetrie»), 67 and passim.

⁴⁰ *Ibid.* S. 64. Cf. also S. 313–314 and the essay «Die Externsteine» (Vol. 13.2. S. 176–177). For Roman art as heir to the Greek art, cf. also «Paralipomena»: «Greek art, retained by the Romans, collapses due to military destiny in the political world, as can be seen from the coinage». – *Goethe J.W.* Poetische Werke. Bd. 15. S. 639.

⁴¹ Goethe to Boisserée, 19 November 1814 (*Goethe J.W.* Werke. Bd. IV.25. S. 81–82).

⁴² *Goethe J.W.* Sämtliche Werke. Bd. 11.2. S. 63.

⁴³ *Goethe J.W.* Poetische Werke. Bd. 15. S. 638 («Paralipomena»).

Among the accomplishments of Byzantine art, which he found to be «few»⁴⁴, Goethe included above all «composition that is true to art» («kunstgerechte Komposition»), in which «the Greeks were the Great Masters and the Romans after them»⁴⁵. Originating in Antiquity, such knowledge of the rules of «composition that is true to art» was gradually spread by the Byzantine artists of the Middle Ages into the countries of the «destroyed West»:

Constantinople was always in contact with the occidental countries, and it was probably the persecution of the images [i. e. the Byzantine iconoclasm] that drove artists and craftsmen northwards in all directions, as craft workers they brought their figures [Gestalten] with them, and because all these figures were considered holy, they were given the best hospitality everywhere with pious people⁴⁶.

With this idea, Goethe believed that he had identified the «missing link» between the art of Antiquity and that of the Renaissance, which had up to then eluded him. In contrast to Vasari, for Goethe it was no longer only the naturalness of the portrayal and the imitation of the antique monuments, which had promoted the renaissance of art since about the mid 13th century. There was also the knowledge of the old rules of composition, which were imparted to the Modern Age by medieval artists:

An important consideration is worthy of note here: notwithstanding its spare and arid nature, Byzantine Art has, after all, passed on something which can be seen as having the greatest merit: the composition of both individual and multiple figures symmetrically and in a way pleasing to the eye, which is always a sign that one knows how to decorate a given space⁴⁷.

The art of the «Byzantine School» might indeed appear «mummified», but it must be remembered, writes Goethe, that «even in hollowed-out bodies, with dried and hardened muscles, the form of the skeleton still retains its integrity»⁴⁸. With this anatomical-morphological interpretation, Goethe the classicist, brought up on Winckelmann, had the opportunity to honour Medieval art if not aesthetically, then at least historically: as a mummified figure whose reduced form gives an idea of its former beauty, or, as he writes elsewhere, as a dried plant which still contains «a seed» («Samen») within, out of which the art of the Renaissance could «renew» itself⁴⁹.

⁴⁴ *Goethe J.W. Sämtliche Werke*. Bd. 11.2. S. 64.

⁴⁵ *Ibid.* Bd. 11.2. S. 64.

⁴⁶ *Goethe J.W. Poetische Werke*. Bd. 15. S. 637 («Paralipomena»).

⁴⁷ *Ibid.* P. 642. Cf. *Goethe J.W. Sämtliche Werke*. Bd. 11.2. S. 65: «In the thirteenth century, though, as the feeling for the truth and beauty of Nature revived, the Italians turned forthwith to those much-vaunted skills of the Byzantines, symmetrical composition and differentiated character. They succeeded all the more in this, as a sense of form quickly emerged». In contrast, he acknowledges a loss of precisely this symmetrical composition in the works of Jan van Eyck (S. 78–79).

⁴⁸ *Goethe J.W. Sämtliche Werke*. Bd. 11.2. S. 64. According to Goethe, this is also the case with sculpture: cf. his essay on «Die Externsteine» (Bd. 13.2. S. 176–179).

⁴⁹ *Goethe J.W. Poetische Werke*. Bd. 15. S. 635 («Paralipomena»).

V

In contrast to what Boisserée and the Romantics had hoped, Goethe never came to admire Medieval art on its own merits, but he certainly valued it as an intermediary of Graeco-Roman ancient knowledge. This conclusion might seem from today's standpoint to be the half-hearted concession of a hopeless and incorrigible Classicist. Also, the more or less continual reception and therefore «survival» of the Antique between the 13th and 16th centuries is nowadays part of the basic knowledge of every art historian⁵⁰. It should be remembered, however, how strange the art of the late Antiquity and Medieval art must have looked to the classically-trained eye and how revolutionary the simultaneous attempt to integrate it into a history of art still embedded in the ideal of the Antique.

Goethe's attempt at a historical integration of the art of the «period of disintegration» led not only to a blurring of the boundaries of the Classical aesthetic to which, for example, the presence of late Antique and Medieval art in his personal art collection bear witness⁵¹. Viewed in the long-term, it was to prove an initial, though still hesitant, step on the path to a historical way of appreciating art and writing about art history, in other words: the beginning of a universal art history borne out of the spirit of Classicism.

Мартин Дёнике

**В поисках недостающего звена:
Гёте, «русские образы святых»
и новый взгляд на византийское искусство
как на связующее звено между античностью
и современностью**

В настоящей статье прослеживается, как переосмысление произведений средневекового искусства в эпоху Романтизма привело к переоценке позднеантичной культуры: эстетика неоклассицизма позволила увидеть в ней связующее звено между древностью и современностью, отказавшись от традиционных представлений о ее упадническом характере. В 1810 г. Гёте пожелал ознакомиться с образцами русских икон, хранившихся при российском императорском дворе. Он был поражен силой византийской традиции в русской иконописи, а также той неизменностью, с которой на протяжении многих веков она проявлялась в ма-

⁵⁰ Out of the extensive research on this topic inspired by Aby Warburg it may be sufficient to name only Jean Seznec's work, itself being a «classic» by now: *Seznec J. La survivance des dieux antiques. Essai sur le rôle de la tradition mythologique dans l'humanisme et dans l'art de la Renaissance*. London, 1940 (Studies of the Warburg Institute, 11).

⁵¹ Cf. Goethe als Sammler. Kunst aus dem Haus am Frauenplan. Zürich, 1989; Goethe und die Kunst / Hrsg. von S. Schulze. Ostfildern-Ruit, 1994. S. 60–101; Räume der Kunst: Blicke auf Goethes Sammlungen / Hrsg. von M. Bertsch und J. Grave. Göttingen, 2005.

нере письма. Уделяя большое внимание судьбам классической традиции в Средние века, Гёте считал, что культура Древней Греции и Древнего Рима аналогичным образом оказала огромное влияние на развитие немецкого средневекового искусства. Интерес Гёте к русским иконам не только демонстрирует особое отношение к античной культуре в рамках неоклассицизма, но и свидетельствует о зарождении исторического подхода к изучению искусства.

С.Я. Карп

ИЗ ИСТОРИИ ПОКУПКИ ЕКАТЕРИНОЙ II
КОЛЛЕКЦИИ РЕЗНЫХ КАМНЕЙ
ГЕРЦОГА ОРЛЕАНСКОГО: НЕКОТОРЫЕ УТОЧНЕНИЯ*

Коллекция резных камней герцога Орлеанского, купленная Екатериной II в 1787 г. при посредничестве Гримма, – одна из жемчужин собрания Государственного Эрмитажа. История ее, казалось бы, неплохо изучена. Создателем первого ее ядра был пфальцграф Отто Генрих (1502–1559), хранивший свои сокровища в Гейдельбергском замке. В середине XVII столетия Эзекиель Шпанхайм, эрудит и нумизмат, находившийся на службе пфальцграфа Карла I Людвига (1617–1680), совершил путешествие в Италию, чтобы пополнить его собрание гемм. Большинство из них относилось к античной эпохе (в том числе эллинистического периода), но были в ней и камеи, созданные итальянскими резчиками эпохи Возрождения, и инталии эпохи барокко. Когда со смертью Карла II Пфальцского (1685) мужская линия Палатинского дома (точнее старшей – пфальцской – ветви дома Виттельсбахов) пресеклась, права на его наследство предъявила Франция – от имени сестры последнего пфальцграфа (принцессы Палатинской) Елизаветы Шарлотты, супруги герцога Филиппа I Орлеанского. Эти претензии послужили предлогом для французского вторжения в Пфальц. В 1688 г. французская армия взяла штурмом Гейдельбергский замок. Многие сокровища были разграблены, но собрание гемм уцелело и было передано Елизавете Шарлотте – умной и образованной женщине, успевшей значительно пополнить его. После ее смерти (1721) собрание перешло по наследству к ее сыну Филиппу II Орлеанскому – регенту Франции, а от него – к его сыну Луи Орлеанскому (1703–1752). Этот герцог также оказался страстным собирателем гемм и приумножил свое собрание, приобретя в 1741 г. знаменитый

© С.Я. Карп, 2012

* Статья подготовлена в рамках проекта РГНФ № 11-21-17001.

кабинет резных камней умершего в 1740 г. Пьера Кроза. Богатейшее собрание живописи Кроза позднее (1772) будет приобретено у его наследников Екатериной II (при посредничестве Дидро и Д.А. Голицына) – оно окажется в Эрмитаже за 15 лет до поступления туда собрания резных камней герцога Орлеанского.

Коллекция Кроза, насчитывавшая 1382 геммы, была одной из самых известных в Европе, в 1741 г. ее подробно описал Пьер Жан Мариетт¹. В состав коллекции вошли, в частности, купленные Кроза остатки прежних дактилиотек Лоренцо Медичи, Фульвио Орсини, Питера Пауля Рубенса. После покупки коллекции Кроза герцогом Орлеанским его собрание существенно увеличилось: на каждую гемму, некогда принадлежавшую принцессе Палатинской, теперь приходилось две геммы из собрания Кроза. Герцог, человек глубоко набожный, завещал свою коллекцию резных камней (насчитывавшую уже более 2 тыс. гемм) парижскому аббатству Св. Женевьевы, у которого сразу после его смерти (1752) ее выкупил его сын Луи Филипп I (1725–1785) и вернул в Пале-Руаяль. Описание его собрания, вышедшее в 1780–1784 гг., было проиллюстрировано гравюрами Огюстена де Сент-Обена и Никола Кошена². Эта публикация вызвала колоссальный интерес³, о ней упоминал и Дидро, например в письме к тому же Сент-Обену от 11 апреля 1781 г.⁴ После смерти герцога в 1785 г. собрание резных камней перешло по наследству к его сыну Луи Филиппу II (будущему Филиппу Эгалите) и через два года было приобретено у него Екатериной II. Продажа собрания в Россию была болезненно воспринята общественным мнением Франции, которое рассматривало эту утрату в одном ряду с судьбой картин из коллекции Кроза или библиотеки Вольтера.

¹ *Mariette P.-J.* Description sommaire des pierres gravées du cabinet de feu M. Crozat. Paris: chez Pierre-Jean Mariette, rue S. Jacques, aux Colonnes d'Hercules, 1741.

² [*La Chau G. de, Le Blond G.M.*] Description des principales pierres gravées du cabinet de S. A. S. Monseigneur le Duc d'Orléans, premier prince du sang. 2 vols. Paris: chez M. L'Abbé de La Chau, au Palais Royal, chez M. l'Abbé Le Blond, au Collège Mazarin, et chez Pissot, Libraire, Quai des Augustins, 1780–1784/1785.

³ Впрочем, еще до этой публикации кабинет резных камней герцога Орлеанского пользовался заслуженной славой. Так, анонимный автор энциклопедической статьи «Pierre gravée» (приписываемой Д.Ф. де Монтами), писал: «⟨...⟩ depuis le renouvellement des beaux arts, les pierres gravées ont été recherchées par les nations polies de l'Europe avec un grand empressement; & ce goût semble même avoir pris de nos jours une nouvelle vigueur. Il n'y a presque point de prince qui ne se fasse honneur d'avoir une suite de pierres gravées. Celles du roi & celles de l'impératrice reine de Hongrie, sont considérables. Le recueil de M. le duc d'Orléans est très-beau» (Encyclopédie, ou Dictionnaire raisonné des sciences, des arts et des métiers. Paris, 1765. Vol. 12. P. 591).

⁴ Catalogue of the renowned collection of autograph letters and historical manuscripts formed by the late Alfred Morrison, Esq., of Fonthill, and now the property of Mrs. Alfred Morrison. Second portion. London, Sotheby, Wilkinson & Hodge, 15 avril 1918. London, 1918. P. 250. N 1483; Corr. T. XV. P. 232–233.

Весной 2000 г. в Париже – в мэрии V округа – и осенью 2001 г. в Петербурге – в Эрмитаже – состоялась выставка значительной части гемм из этого собрания. Она сопровождалась публикацией каталогов на французском и русском языках⁵. Обе версии каталога были подготовлены известными специалистами из Эрмитажа – Юлией Освальдовной Каган и Олегом Яковлевичем Неверовым; во французском каталоге помимо них участвовали Анри Лавань (Практическая школа высших исследований), Александр Гади (Комиссия Старого Парижа) и Брижитт де Монкло (Музей Карнавале). Упомянутые публикации знаменовали собой важный рубеж в изучении этого выдающегося собрания, достигнутый к началу XXI в.: были рассмотрены основные этапы формирования коллекции, происхождение отдельных ее частей, обстоятельства покупки ее российской императрицей. Тем не менее в настоящей статье я хотел бы остановиться не на многочисленных достоинствах этих изданий, а всего лишь на двух аспектах истории покупки собрания герцога Орлеанского Екатериной II, которые после выхода обеих версий каталога оказались не столько разъяснены, сколько затемнены, запутаны: во-первых, это точная дата и цена покупки; во-вторых, это факторы, повлиявшие на формирование этой цены в момент продажи собрания в Россию.

Начнем с того, что в статье Ю.О. Каган и О.Я. Неверова, опубликованной в 2000 г. во французской версии каталога под названием «Le destin du cabinet des pierres gravées du Duc d'Orléans», а затем и в аналогичной статье русского каталога 2001 г. под названием «Кабинет резных камней герцога Орлеанского» была анонсирована, можно сказать, сенсационная находка:

Un document trouvé récemment dans les Archives des Actes anciens, permet enfin de définir le montant exact de cet achat, qui dans les sources épistolaires varie entre quarante et cinquante mille roubles. Le Cabinet de son Altesse par l'intermédiaire de la banque du baron Sutherland à Londres, paya la somme de 46 092 roubles et 93 kopeks. Ce paiement fut étalé sur quatre ans en cinq échéances sous forme de traites signées par l'ambassadeur de Russie en Angleterre, S. Vorontsov. Le rôle de créancier fut confié à la firme viennoise Fritz & Co ⁶.

Находка в Архиве древних актов (РГАДА) позволила наконец уточнить сумму этой сделки, колеблющуюся в эпистолярных источниках между сорока и пятьюдесятью тысячами рублей. Кабинетом Ее Императорского Величества через банковский дом барона Сазерленда в Лондоне было

⁵ Splendeurs des collections de Catherine II de Russie: le cabinet de pierres gravées du Duc d'Orléans / Ouvrage collectif sous la dir. de J. Kagan et O. Neverov, avec la coll. d'A. Gady, H. Lavagne et B. de Montclos. Paris, 2000; Каган Ю.О., Неверов О.Я. Судьба одной коллекции. 500 резных камней из кабинета герцога Орлеанского / Le destin d'une collection: 500 pierres gravées du cabinet du duc d'Orléans. СПб., 2001.

⁶ Kagan J., Neverov O. Le destin du cabinet des pierres gravées du Duc d'Orléans // Splendeurs des collections de Catherine II de Russie... P. 26.

выплачено 46 092 рубля 93 копейки. Расчеты с банкиром были произведены в течение четырех лет пятью неравными частями по векселям, подписанным русским послом в Англии С.Р. Воронцовым. В качестве кредитора выступила венская фирма «Фриз и Ко»⁷.

Признаюсь, описанный механизм выплат несколько удивил меня своей сложностью, а указанная сумма – своей дробностью. Мое удивление только возросло, когда в статье Б. де Монкло, опубликованной в этом же французском каталоге, я обнаружил обширную цитату из акта о передаче коллекции барону Гримму, представителю Екатерины II. Согласно этой передаточной записи, за коллекцию герцога Орлеанского его казначею было единовременно выплачено 450 тыс. ливров⁸. Однако при тогдашнем курсе рубля (в то время 1 рубль серебром стоил примерно 4 ливра) 450 000 ливров никак не могли равняться 46 092 руб. 93 коп. Таким образом, в одном и том же каталоге были опубликованы две статьи, содержащие взаимоисключающие сведения о сумме сделки. Само по себе это наводило на мысль, что авторы каталога не читали статей друг друга, во всяком случае до выхода каталога в свет. Но на этом сюрпризы не кончились. В русском издании каталога, вышедшем через год после французского, в вышеупомянутой вступительной статье Неверова и Каган «Кабинет резных камней герцога Орлеанского» уже содержалась ссылка на статью Б. де Монкло и даже приводился русский перевод опубликованного ею фрагмента из передаточной записи, но, к моему изумлению, авторы просто включили этот текст в свою статью сразу после сведений о своей «находке» из РГАДА – том самом документе, согласно которому, как они утверждали, коллекция резных камней герцога Орлеанского обошлась Екатерине II в 46 092 руб. 93 коп. Поместив эти сведения друг за другом, авторы не усмотрели в них ни малейшего противоречия. Таким образом, взаимоисключающие сведения были на сей раз опубликованы не в двух разных статьях, вошедших в один и тот же каталог, а в рамках одной и той же статьи! Любопытно, что этот случай оказался не единичным. Во французском и русском вариантах статьи Неверова и Каган сказано, что в ноябре 1787 г. в Петербург прибыли 1467 гемм герцога Орлеанского⁹. Между тем, в передаточной записи, частично опубликованной Б. де Монкло, а затем воспроизведенной Неверовым и Каган в русской версии своей статьи, сказано, что их было 1468¹⁰.

⁷ Каган Ю.О., Неверов О.Я. Кабинет резных камней герцога Орлеанского // Каган Ю.О., Неверов О.Я. Судьба одной коллекции... С. 24. Оставляем на совести переводчиков выражение «son Altresse», отнюдь не соответствующее наименованию «Ее Императорское Величество», равно как и странную транскрипцию фамилии Fritz.

⁸ Montclos B. de. Une glotonnerie imperiale // Splendeurs des collections de Catherine II de Russie... P. 49.

⁹ Kagan J., Neverov O. Op. cit. P. 17; Каган Ю.О., Неверов О.Я. Кабинет резных камней герцога Орлеанского. С. 13.

¹⁰ Montclos B. de. Op. cit. P. 49; Каган Ю.О., Неверов О.Я. Кабинет резных камней герцога Орлеанского. С. 24.

Попробуем хотя бы частично разобраться в этой путанице. Дело из РГАДА, «обнаруженное» Каган и Неверовым – фонд 1239 (Дворцовый отдел), опись 3, дело 61 794, – действительно имеет название «О заплата придворному Банкиру Сутерланду за выписанные им для Ея Величества Антики 46.092 р. 93 к.», однако в его состав входят несколько различных документов. По содержанию их объединяет отнюдь не покупка неких «антиков»: все документы, включенные в вышеупомянутое дело, посвящены взаиморасчетам между Кабинетом Е.И.В. и конторой придворного банкира Ричарда Сутерланда (Сазерленда)¹¹. Там мы находим и счета, выставленные Сутерландом Кабинету по векселям С.Р. Воронцова (1787), и счет, выставленный Сутреландом за некий «Кабинет Антик, включая все харчи и комиссию... Сереб. р. 32.000» (от 20 ноября 1787 г. по ст. стилю), возможно, имеющий отношение к приобретению интересующего нас собрания, и некоторые другие финансовые бумаги. Но главное – сумма в 46.092 р. 93 к. (точнее «46 092^{рб.}: 93 ¼ коп.») появляется там только в документах 1792 г., причем она является не чем иным, как обозначением общей суммы долга, который следовало уплатить из Кабинета Е.И.В. в контору Сутерланда после его смерти (1791) и не имеет ни малейшего отношения к покупке собрания герцога Орлеанского. Таким образом, название дела 61 794 Дворцового отдела, появившееся, скорее всего, в конце XIX в., весьма неточно отражает содержание вошедших в его состав документов. Тем не менее именно оно, судя по всему, послужило единственной причиной, по которой Каган и Неверов сочли упомянутую в нем сумму обозначением стоимости коллекции, купленной у герцога Орлеанского. Косвенно это подтверждается тем обстоятельством, что именно обложку этого дела, содержащую вышеупомянутое название, они избрали в качестве иллюстрации для своей статьи во французской и русской версиях каталога.

Что же касается передаточной записи, фрагмент из которой был опубликован Б. де Монкло, то этот документ сохранился, как минимум, в двух экземплярах. Один из них отложился в Национальном архиве Франции в Париже среди бумаг Гримма, конфискованных в его доме в 1793 г.¹² Именно он, судя по всему, послужил источником для французской исследовательницы, хотя, кроме названия архива, она не сообщает о его местонахождении никаких других сведений. Однако документ этот датирован не 27 октября 1787 г., как она утверждает и как повторяют за ней в своей статье для русского каталога Неверов и Каган, а предыдущим днем¹³. Второй сохранившийся экземпляр, абсолютно идентичный первому, также переданный Гримму для пересылки Екатерине II, нахо-

¹¹ См. о нем: *Кросс Э.* Британцы в Петербурге. XVIII век. СПб., 2005. С. 93–96.

¹² AN. Т. 319.

¹³ Эта же неточность (и не она одна) присутствует в единственной публикации этого документа, изданного Морисом Турнё в 1877 г. (CL. Т. I. P. 7–8). Возможно, именно оттуда она перекочевала в статью Б. де Монкло.

дится в Архиве Санкт-Петербургского Института истории РАН¹⁴. Этот документ входит в состав неопубликованных приложений к письмам Гримма Екатерине II. О существовании неопубликованной части этой переписки и о готовящемся ее издании мне не раз приходилось писать¹⁵. Именно в этом неопубликованном массиве документов содержатся новые сведения, которые проливают дополнительный свет на то, какую ценность представляла коллекция герцога Орлеанского с точки зрения современников сделки, какие факторы влияли на формирование ее цены, какую роль играли в этом процессе юридический статус коллекции, ее продавец, покупатель, другие агенты рынка – различного рода комиссионеры-посредники.

Александр Гади в своей статье из французской версии каталога¹⁶ рассказал о завещании герцога Луи Орлеанского Благочестивого, составленном в 1749 г. Согласно этому завещанию, коллекция резных камней переходила к аббатству Св. Женевьевы, на территории которого принц провел последние годы своей жизни. Гади особо отметил, что, завещав коллекцию аббатству, принц рассчитывал сделать ее своего рода музейным собранием – оно должно было сделаться доступным для публики, чтобы приносить пользу «прогрессу истории и наук»¹⁷. Однако, как уже говорилось, после его смерти сын герцога Луи Филипп I Толстый выкупил у аббатства коллекцию своего отца за 150 тыс. ливров и вернул ее в Пале-Руаяль. Из неопубликованного доклада Гримма Екатерине II, подготовленного в конце 1786 – начале 1787 г.¹⁸, мы узнаем, что герцог Луи Филипп в последние годы жизни, опасаясь, как бы после его смерти сын не продал эту коллекцию, пожелал придать ей статус «*substitution regetuelle*» – неотчуждаемого имущества, переходящего по

¹⁴ Архив СПбИИ РАН. Ф. 203. Оп.1. № 164. Л. 1–1 об.

¹⁵ Карп С.Я. Переписка Гримма с Екатериной II: публикации и источники // Россия и Франция. XVIII–XX века / Отв. ред. П.П. Черкасов. М., 1995. С. 50–68; *Он же*. Французские просветители и Россия: Исследования и новые материалы по истории русско-французских культурных связей второй половины XVIII века. М., 1998. С. 197–222; *Karp S.* Der Briefwechsel Friedrich Melchior Grimms mit Katharina II // *Europa in der Frühen Neuzeit. Festschrift für Günter Mühlpfordt* / Hrsg. von E. Donnert. Weimar; Köln; Wien, 1997. Bd. 3. S. 159–176; *Idem.* (avec la coll. de S. Iskoul) *La correspondance entre Grimm et Catherine II: la longue histoire des manuscrits et des éditions* // *La Culture française et les archives russes. Une image de l'Europe au XVIIIe siècle* / Études réunies par G. Dulac. Ferney-Voltaire, 2004. P. 83–98; *Карп С.Я.* Переписка Екатерины II с Фридрихом Мельхиором Гриммом: из истории рукописей // *Век Просвещения. Вып. 1: Культурное пространство Европы в эпоху Екатерины II* / Отв. ред. С.Я. Карп. М., 2006. С. 30–49.

¹⁶ *Gady A.* Louis d'Orléans (1703–1752). Premier prince du Sang, mystique et curieux // *Splendeurs des collections de Catherine II de Russie...* P. 36–47.

¹⁷ *Ibid.* P. 43.

¹⁸ Гримм Екатерине II, 19/30 декабря 1786 г. – 22 января / 2 февраля 1787 г. // Архив СПбИИ РАН. Ф. 203. Оп. 1. № 151. Л. 89–90 об., 50–51 об.; № 198. Л. 132–133 об., 140–140 об.; листы доклада перепутаны и включены в состав двух разных единиц хранения.

наследству его прямым потомкам мужского пола. Поскольку речь шла об изменении юридического статуса движимого имущества, он не мог сделать это в форме обычного завещания – требовалось разрешение короля и оформление особых жалованных грамот. От года к году принц откладывал свое ходатайство на эту тему, не желая осложнять и без того напряженные отношения с сыном. После смерти отца Луи Филипп II, вопреки тому, что о нем пишут авторы каталога, отнюдь не спешил расстаться с сокровищами Пале-Руаяля, а, напротив, поначалу стремился доказать общественному мнению, что отец горько заблуждался на его счет¹⁹. Однако, поскольку речь шла о движимом имуществе, права собственности на коллекцию принадлежали не ему одному, но также его сестре Луизе Терезе Батильде Орлеанской, вышедшей замуж (1770) за Луи Анри, герцога Бурбонского. С 1781 г. супруги жили раздельно, но контроль за имуществом герцогини находился в руках ее мужа. Именно он, по словам Гримма, настоял на составлении описи недвижимого имущества, оставшегося после смерти тестя, и определении его стоимости. Собрание живописи было оценено в 200 тыс. ливров. Герцог Орлеанский предложил заплатить эту сумму герцогу Бурбонскому, чтобы сохранить картины в Пале-Руаяле, или же продать ему их по этой цене с тем, чтобы тот разместил их в Бурбонском дворце. Он отметил при этом, что предоставляет право выбора герцогу Бурбонскому, ибо ему самому безразлично, в каком из дворцов будет находиться собрание живописи, лишь бы оно оставалось во Франции.

Герцог Бурбонский тянул с ответом, поскольку, по словам Гримма, некоторые люди советовали ему настоять на организации аукциона, чтобы получить максимальную цену. Такая же судьба, по мнению Гримма, ждала кабинет резных камней. Многие тут зависело от актив-

¹⁹ «(...) Филипп-Эгалите вряд ли заботился о пополнении фамильных собраний. Наоборот, как уже говорилось, вступив во владение, он тут же приступил к поискам возможностей расстаться с ними с максимальной выгодой» (*Каган Ю.О., Неверов О.Я.* Кабинет резных камней герцога Орлеанского. С. 24). Представления о том, что герцог Орлеанский стремился как можно быстрее распродать коллекции своего отца, основываются на традиционной негативной оценке нравственных качеств этого принца. Между тем, Гримм в вышеупомянутом докладе Екатерине II отмечает: «Le Duc de Chartres, du vivant de son pere, eut le tort de ne pas vouloir ressembler à un si excellent Prince du côté de la bonté; (...) Il eut le tort de mépriser l'opinion publique dont ni les bons Israélites ni les vauriens ne sauraient se passer; d'afficher ce mépris; et le public choqué dans quelques occasions, lui donna bientôt une foule de torts et un cortège de vices. On ne peut pas dire précisément que le Duc de Chartres, devenu Duc d'Orléans, ait eu le projet de changer de principes et d'allure; mais il n'en est pas moins vrai que comme Duc de Chartres il a été jugé avare, grand calculateur de ses profits et peu délicat sur les moyens, et que devenu Duc d'Orléans, sans renoncer au gout des calculs et des spéculations financières, il a montré de la noblesse et de la générosité, et bien marqué la différence qu'il y a entre le Duc de Chartres dont les moyens étaient très bornés, et le Duc d'Orléans qui se trouve maître d'un revenu de plus de quatre millions, sans compter ceux qui l'attendent encore à la mort de M. le Duc de Penthièvre, son beau-pere». – Архив СПбИИ РАН. Ф. 203. Оп. 1. № 151. Л. 50.

ности антикваров-оценщиков и комиссионеров-перекупщиков. Гримм сообщает, что в это время в Париже действовали два выдающихся дельца такого типа. Первым из них был Жан Батист Пьер Лебрэн, супруг известной художницы Элизабет Виже-Лебрэн, которой покровительствовала супруга нового герцога Орлеанского Луиза Мария Адelaide Бурбонская. Лебрэн специализировался больше на купле-продаже живописи, но готов был заработать и на резных камнях. Вторым был Альфонсо Милиотти, уроженец Флоренции, обосновавшийся в Париже около 1773 г.²⁰ и специализировавшийся на геммах. Герцог Орлеанский поначалу хотел поручить оценку Милиотти, но Лебрэн «перебежал ему дорогу», сообщив герцогу, что того нет в Париже, хотя это и не соответствовало действительности.

Дело было доверено Лебрэну, который оценил собрание гемм Орлеанского дома в 230 тыс. ливров; герцог согласился с этой оценкой и изъявил готовность выкупить собрание за указанную сумму. В любом случае она его вполне устраивала, ибо, как свидетельствует Гримм, он собирался без лишнего шума выкупить коллекцию, если герцог Бурбонский согласится с этой оценкой. Однако, когда Милиотти узнал, что его обошли, он обратился именно к герцогу Бурбонскому и легко убедил его, что Лебрэн – невежда, оценивший собрание в половину его реальной стоимости. Сам он оценил его в 418 459 ливров, причем предложил приобрести его за эту цену при условии, что ему предоставят кредит сроком на один год. Таким образом, парижский антиквар в данном случае выступил в качестве конкурента не только своего собрата, но и таких титулованных особ, как первый принц крови герцог Орлеанский и даже российская императрица (учитывая ее интерес в этом деле). В завершающей части упомянутого доклада (22 января / 2 февраля 1787) Гримм пишет Екатерине:

Ce qu'il y a de bon, c'est qu'on dit dans Paris que le marché est conclu et que votre Majesté paie ce cabinet 480 mille livres. Quand on me le demande, je dis que comme dans tout marché il faut être deux, celui qui propose et celui qui accepte, il est vrai de dire que le marché est conclu à moitié ; que celui qui

²⁰ Alphonse Denis Gaspart Miliotty (Milliotty, Miliotti, Migliotti). См. о нем: *Gelly C.* Nancy, Musée des beaux-arts: peintures italiennes et espagnoles, XIVe–XIXe siècle. Catalogue raisonné. Roche-la-Molière, 2006. P. 131; *Marandet F.* Pierre Remy (1715–97): the Parisian art market in the mid-eighteenth century // *Apollo*. 2003. N 498. P. 32–43; *Edwards J.* The Conti Sales of 1777 and 1779 and their Impact on the Parisian Art Market // *Studies in Eighteenth Century Culture*. 2010. Vol. 39. P. 77–110, особенно p. 80. Во время революции Милиотти эмигрировал, а в 1803 г. опубликовал в Вене первый том описания императорского кабинета резных камней в Санкт-Петербурге (*Miliotti A.* Description d'une collection de pierres gravées qui se trouvent au Cabinet Impérial de St. Pétersbourg. T. 1. Vienne: dans la Librairie de Camesina, 1803); продолжения этой публикации не последовало. Медальон с профильным рельефным портретом Милиотти из стеклопасты работы Джеймса Тасси (1784) хранится в Отделе европейской скульптуры и декоративного искусства Музея Метрополитен в Нью-Йорке (Accession Number 38.145.8).

propose consent, et qu'il ne manque plus que le consentement de celui qui doit accepter. Il faudra voir, lorsqu'on en viendra à la vente publique, lequel des deux brocanteurs aura approché de la vérité par son estimation²¹.

Впрочем, до аукциона дело не дошло: по зрелом размышлении оба герцога – Орлеанский и Бурбонский – заявили, что готовы согласиться на условия Милиотти либо продать собрание камней императрице, если она предложит большую, чем он, сумму. Поначалу Екатерина возмутилась и запретила Гримму платить больше 40 тыс. руб. (т.е. примерно 160 тыс. ливров): «*sinon, je n'en veux pas, et les emportera qui voudra. Je crois que le régent se retournera dans son cercueil quand il apprendra que ce qu'il a amassé se dissipe, Dieu sait pourquoi et comment*»²². Однако под влиянием своего фаворита Александра Дмитриева-Мамонова, страстного любителя резных камней, она вскоре передумала и в письме Гримму от 2/13 апреля 1787 г. установила новый ценовой предел – 480 тыс. ливров²³, то есть ту самую сумму, которая еще недавно представлялась Гримму наполовину фантастической. Казалось бы, дело решенное – в июне 1787 г. он получил официальное уведомление о согласии продать коллекцию за 450 тыс. ливров (таким образом, Екатерина сэкономила 30 тыс. ливров). Однако Гримму все еще приходилось волноваться. В августе-сентябре 1787 г. ему по секрету сообщили, будто герцог Орланский собирается изъять из коллекции наиболее ценные камни. Тем же летом по Парижу поползли слухи, что коллекция уступлена за половину своей рыночной цены и что наследники могли получить за нее от 800 тыс. до миллиона ливров, если бы решились продать ее в Англии на аукционе. Описывая происходившее, Гримм позднее писал Екатерине:

*On s'était porté cet été en foule pour voir ce cabinet que la France allait perdre. On se lamentait sur cette perte comme sur un malheur public. On exagérait le prix du cabinet, on disait qu'il valait des millions, et comme on ne cachait pas au palais royal le prix pour lequel on l'avait cédé à votre Majesté Impériale, on disait dans le public que quand votre Majesté l'aurait payé le double, elle l'aurait encore eu à très bon marché. Les artistes disaient que s'ils avaient été avertis, ils se seraient cotisés pour conserver ce trésor à la France et à l'Académie. Nota que ce trésor devait être vendu à l'encan et dispersé, et que personne n'avait offert un écu pour le conserver à la France. Les brocanteurs disaient qu'ils avaient des différentes parties de l'Europe des soumissions sur dix ou douze pierres de ce cabinet, pour les pousser jusqu'à 40 mille livres ; et voilà comme il s'établit dans le public l'opinion que votre Majesté a eu ce cabinet pour la moitié de ce qu'il vaut*²⁴.

²¹ Гримм Екатерине II, 22 января / 2 февраля 1787 г. – Архив СПбИИ РАН. Ф. 203. Оп. 1. № 198. Л. 140 об.

²² Екатерина II Гримму, 5/16 октября 1786 г. – Сборник РИО. СПб., 1878. Т. 23. С. 385.

²³ Екатерина II Гримму, 2/13 апреля 1787 г. – Там же. С. 396.

²⁴ Гримм Екатерине II, 15/26 октября 1787 г. – Архив СПбИИ РАН. Ф. 203. Оп. 1. № 151. Л. 109 об.

В последний момент, за две недели до юридического оформления сделки, Гримм узнал, что между герцогом Орлеанским и домом Бурбон-Конде достигнута договоренность о любовном разделе имущества; согласно этому соглашению, герцог Орлеанский выплачивал герцогине Бурбонской (то есть своей сестре) 9 млн ливров, а ее семья в обмен отказывалась от всех притязаний на движимое имущество, оставшееся герцогу Орлеанскому после смерти его отца²⁵. Оказавшись единственным владельцем кабинета резных камней, герцог Орлеанский не желал более его продавать, и только напоминание о слове, данном императрице, удержало его от расторжения сделки. В итоге передача камней в обмен на деньги состоялась, как мы уже знаем, 26 октября 1787 г.

Итак, мы видим, что устоявшееся представление об обстоятельствах этой покупки теперь может быть существенно скорректировано: как выяснилось, герцог Орлеанский отнюдь не стремился как можно быстрее продать коллекцию своего отца; не он, а герцог Бурбонский – его зять – потребовал ее рыночной оценки и последующей продажи по максимальной цене. Цена собрания сформировалась не в результате состязания между желавшими приобрести ее коллекционерами («не замедлившими появиться в Париже сильными соперниками, среди которых были и опытные перекупщики»²⁶), а в результате конкуренции между самими перекупщиками – антикварами-оценщиками Лебреном и Милиотти. Наконец, выяснилось, что эта конкуренция развернулась на фоне спора между герцогом Орлеанским и герцогом Бурбонским по поводу наследственного достояния Орлеанского дома – спора, порожденного фактически переходным юридическим статусом коллекции, с которым покончила ее покупка Екатериной II, вызвавшая у французов немало отрицательных эмоций.

Sergueï Karp

**Quand Catherine II achetait la collection
des pierres gravées du duc d'Orléans:
quelques précisions**

L'article est consacré à l'histoire de l'achat de la collection des pierres gravées du duc d'Orléans par Catherine II en 1787. Les expositions organisées à Paris en 2000 et à Saint-Pétersbourg en 2001 ont attiré l'attention du public sur ce trésor de gemmes antiques et modernes, leurs catalogues raisonnés étant censés faire l'état actuel des connaissances dans le domaine concerné. La partie inédite de la correspondance entre Catherine II et Frédéric Melchior Grimm comporte des renseignements supplémentaires qui permettent de préciser les circonstances de l'achat, ainsi que les facteurs politiques, juridiques et commerciaux qui ont décidé le sort de la collection.

²⁵ Там же. Л. 110.

²⁶ *Каган Ю.О., Неверов О.Я.* Кабинет резных камней герцога Орлеанского. С. 12.

ПОЛИТИКА

SVEN GÜNTHER

BETWEEN IMPERIUM AND LIBERTAS:
UNDERSTANDING, UTILIZATION AND DIVERSITY
OF INTERPRETATION OF ROMAN POWER
AND MORAL CONCEPTS IN EUROPEAN MEDALS
AND SEALS OF THE 18th CENTURY

INTRODUCTION: PARADIGMS OF CLASSICAL ANTIQUITY
IN THE CONTEXT OF SCENARIOS OF POWER

The issue of representation and communication of rulership has not only occupied the realm of contemporary research in recent years and produced a variety of models explaining medial concepts and strategies on the part of the rulers. Groundbreaking studies, like that of New York historian Richard S. Wortman's *Scenarios of Power. Myth and Ceremony in Russian Monarchy*¹, have evoked a resounding effect within the research community and promoted the deeper and further development of complex models and typologies of communication. Hence, the symbolic system that is associated with the ritualized acts of rulers is no longer understood as one-way communication from an authoritative, active sender to a subordinate, passive receiver. Rather, the interactive process of representation as well as the image of power has become the focus of research². Thereby, polyvalent surfaces of representation are assumed in each case, meaning that both the rulers' generated symbolic performance and the receivers' self-generating acceptance of symbolic communication comprise different layers of meaning. Additionally, various consequences, either intentional or unintentional, could be unfolded from this.

Oddly enough, the numismatic evidence from modern states has been, in a certain way, omitted to date. This evidence complies with the basic

© Sven Günther, 2012

¹ *Wortman R.S. Scenarios of Power. Myth and Ceremony in Russian Monarchy. Vol. 1: From Peter the Great to the Death of Nicholas I. Princeton/NJ, 1995; Vol. 2: From Alexander II to the Abdication of Nicholas II. Princeton/NJ, 2000.*

² Cf. Tagungsbericht Historikertag 2008: Szenarien der Macht. Repräsentation von Herrschaft im späten Zarenreich und in der frühen Sowjetunion. 30.09.2008 – 03.10.2008. Dresden, H-Soz-u-Kult, 29.10.2008, <http://hsozkult.geschichte.hu-berlin.de/tagungsberichte/id=2318> (01.01.2011).

requirements for the posed issues «in nuce», so to speak³. In the form of images and legends, they provide a sort of «frozen» ritual act which should be interpreted as a point of culmination of medial performance with regard to both the still image as well as the political vocabulary conveyed by the legend. In addition, the permanence of coining enables not only synchronic, but also diachronic studies concerning interaction, even though a performed action and reaction of that type can certainly not always be grasped. Here, the medal plays a particular role in both possible approaches. Occasionally disregarded in numismatics as a «coin-like memento without any legal monetary value» («münzähnliches Erinnerungsstück ohne gesetzliche Zahlkraft») (Friedrich von Schrötter)⁴, it enriches the scope of interpretation in the form of a more individual and more complex assemblage of images and legends. It exhibits a more comprehensible and therefore a more confined target group of coined pieces. The disadvantages, above all the restriction to certain segments of mediality and target groups, mean that only an exemplary analysis and, hence, an incomplete mosaic of the «scenarios of power» is possible.

The fact that 18th century medals demonstrate a clear emphasis on Classical motifs is hardly surprising in the light of their vivid reception in all times and mediums. Far more noteworthy here are the paradigms of the «Old (Ancient) World», whose polyvalences in diachronic and synchronic perspectives still await systematic analysis. In addition it is necessary to understand the range of meaning in each case and, if applicable, the shift in meaning of Classical vocabulary or symbols, both in antiquity itself and in its later reception. This mode of interpretation constitutes a necessary precondition for the analysis of Classical themes, which are constantly being contextualized anew in the fabric of medial strategies. In this respect, the following exemplary study is designed to sharpen the awareness of these difficult processes of reception and to give the medals their due recognition as an «ideal» medium for interactive communication.

The terms *Imperium* and *Libertas* are used here as guidelines for the analysis of coinage developments discussed in this work to express the various forms of reception of Classical antiquity in the 18th century. Although modern reflections on power, politics, government and society are not entirely based on Classical ideas, references to Classical concepts are always perceptible. They are sometimes used as mere topics in discourse, but at other times they also convey the transformation and reinterpretation of power concepts and moral concepts of antiquity.

³ For an impressive exception besides several case studies on singular medals cf. the comprehensive study: Jones M. The Medal as an Instrument of Propaganda in late 17th and Early 18th Century Europe // Numismatic Chronicle (NC). N 142 (1982). Part 1. P. 117–126; N 143 (1983). Part 2. P. 202–213. See also the exhibition catalogue by W. Steguweit «Europäische Medaillenkunst von der Renaissance bis zur Gegenwart» (Berlin 1995).

⁴ Wörterbuch der Münzkunde / Hrsg. v. Fr. v. Schrötter. Berlin, 1930. S. 379.

FROM THE WEST TO THE EAST?
 CLASSICAL THEMES IN RUSSIAN MEDAL COINAGE,
 FROM PETER THE GREAT TO CATHERINE THE GREAT

The beginning of the reign of Peter the Great (1682–1725) and his adaptation of Western absolutist approaches to rulership in all areas of social life marks the beginning of an increased presence of Classical themes in the representational art of Russian rulers. The transformation of politics, the economy, society, monetary system and military followed the Western example, which was subject to the condition of absolute preservation and, above all, the establishment of the ruling sovereignty, entailed profound changes. It is therefore here that we find the foundations of an *Imperium* way of thinking, which defined the whole 18th century and lead to Catherine the Great's notions of a modern empire.

The precise planning of iconography and legends in all types of media clearly reflects the Western influence on symbolic language during his reign. The same holds true for the coining of medals, although medals with Cyrillic legends are certainly also in the evidence⁵. However, «classic» themes such as rulership are dominated by Classical motifs and present them almost programmatically. This especially includes the successes in foreign policy or the general scheme of the ruler as the founder of the state. It is interesting to note that apart from medals which were struck under the commission of Peter the Great by the German medallist Philipp Heinrich Müller (1654–1719) there are many pieces which were created in the next 50–100 years, especially under the reign of Catherine the Great. This not only shows a retrospective admiration, but also a historicised and even historicising view of Peter the Great and his policy by later rulers, a phenomenon which needs to be analyzed in further studies.

For all medals, during Peter's reign or afterwards, it is not only the Classical theme itself which is informative, but also the legend inscribed on each medal as well as the interaction between the image and text. This pattern was also the case in other absolutist countries⁶. The legends, which are frequently written in Latin, express not only a double exclusivity – the elites themselves on the one hand, those mastering Latin on the other – and express furthermore an intention to expand their influence beyond the Russian border towards the West. They also present Peter the Great's new concept of rule on the obverse as well as reverse of the medals, respectively the later views and imaginations

⁵ The Russian medals are quoted after M.E. Diakov: *Дьяков М.Е. Медали Российской империи*. Ч. 1 (1672–1725). М., 2004; Ч. 2 (1725–1796). М., 2005 (each with bibliography). For the medals of Peter the Great cf. also the excellent website of the Pushkin State Museum of Fine Arts – http://coins-and-medals.ru/medals/db/russia/peter_1/index.shtml?en&adm=f3ebf2852c7c6fde18e96fd3f147c72d (06.01.2011).

⁶ E.g. cf. *Jones M. Op. cit.* // NC 142 (1982). Part 1. P. 117–126; NC 143 (1983). Part 2. P. 202–213.

of that concept, especially under Catherine the Great. Whereas the front displays the title of Peter the Great, the back systematically makes reference to Classical literary subjects, especially the Augustan poets like Virgil and Ovid, but also to the other «greats» of the literary elite from the Roman Empire.

At this point, a few examples from the rich treasury of medals shall follow. The establishment of the Russian Navy 1696 is celebrated in several examples of medal coining. The bronze medal, shown here as a later copy by the medallists Samoyla Yudich Yudin (1730–1800) and Johann Georg Wächter (1726–1800) and coined in the 19th century (fig. 1)⁷, features Tsar Peter I. with laurel wreath and cloak on the obverse, and on the reverse is Neptune with a trident, standing facing the right in a sea chariot that is drawn by two seahorses heading toward personified *Russia*, who is standing on the shore with her right hand raised. In the background, sailing ships at sea symbolize the new position of power. The legend on the reverse presents a quote from the *Metamorphoses* by Ovid, FACTA PVTA QVAECUNQUE IUBES (4.477), after which the name of the author, OVID, appears in smaller type. Requested by Juno because of her hatred of the House of Cadmus, the quoted sentence is a curse laid down by Tisiphone, an Erinyes, on the Boeotian king Athamas and his wife Ino. It expresses the certainty that this request is about to happen. In this case, of course, it is the PRIMORDIA RUSSICAE CLASSIS that summarizes the legend in this section, followed by the year 1696 in old Latin letters.

Further quotes from Ovid, also containing Classical motifs in each case, are found in association with other achievements in foreign affairs, such as the Peace of Constantinople 1700 or the erection of Castle Kronschoß 1704⁸. We find abundant examples of these Classical motifs in picture and legend during the Great Northern War (1700–1721)⁹. Likewise, the medial counter-

⁷ Дьяков М.Е. Op. cit. Part 1. 4.3; the original (4.1.) was struck unsigned by Vasiliv Klimov (or Klimentov) (?–1782).

⁸ Peace of Constantinople 1700 – Ibid. 12.1–8 (wrongly ascribed to the Peace of Karlowitz 1699): Reverse: Crowned and armoured Tsar to the left on a throne hands over the scroll with the peace treaty to a kneeling woman who is chained by a soldier (Mars? / Mercur?). Ceres with cornucopia accompanies the scene; reverse-Legend: QVA VICIT VICTOS PROTEGIT ILLE MANV CLAVD. The quote derives from Ovid, *Amores* 1.2.52 («with (his) hand by which he triumphed he protects the defeated») and is wrongly ascribed to Claudian. Castle Kronschoß 1704 – Дьяков М.Е. Op. cit. Part 1. 19.1–2 (modifications in 19.3–17): Obverse: View of the fortress; obverse-legend: PALLAS QVAM CONDIDIT ARCEM IPSA COLIT VIRG («Pallas (Athene) who built the fortress takes care for it, Vergil»); it derives from Vergil, *Eclogae* 2.61 f. (there: *Pallas quas condidit arces | ipsa colat*); in exergue: CRON SCHLOS | MEDIA HIEME A RVSS IMPERA|TORE EXTRVCT(a) | MMDCIII. Reverse: Pallas (Athene) / Minerva with a spear pointing at a nest of winter-born sea gull in the sea; reverse-legend: HIBERNO TEMPORE NIDIS INCVBAT ALCYONE | TVM VIA TUTA MARIS | Ovid Metam («During the winter Alcyone breeds in her nest / then safe is the sea-voyage, Ovid Metamorphoses»); it derives from Ovid, *Metamorphoses* 11.745–747; in exergue: MARIS FINNICI | SECVRITAS.

⁹ A further study on the medals concerning the Great Northern War will be published soon by the author.

Fig. 1. Establishment of the Russian Fleet (1696)

point of the enemies towards the Russian offensive during a pursuit on foreign soil can be observed. There is, for instance, a silver medal dating back to 1700 by Martin Brunner (1659–1725) and Georg Friedrich Nürnberger (1677–?) (fig. 2), displaying the Swedish victory over the Russians at Narva on November 20th and featuring quotations by the late antique poet Claudian (370–405 A.D.)¹⁰. In turn, it seems that a Russian medal makes reference to this, also with a quotation by Claudian in the form of a chronogram, responding to a Russian victory at the Pelkine River in 1713 (fig. 3)¹¹.

¹⁰ Cf. Künker Auctions 150.2121: Obverse: Bust of Karl XII; obverse-legend: HAEC OMNES VETERVM REVOCAVIT ADOREA LAVRV(o)S Claud («This victory has recalled all laurels of the ancestors, Claud(ian)»); it derives from Claudian, *Carmina maiora* 21.1.384 (*De consulatu Stilichonis*); in exergue: CAROL XII D G SVEC GOTHOR | REX RVSSORVM TRIVM|PHATOR MDCC. Reverse: Swedish lion tramples down the Russian dragon with the city of Narva in the background; reverse-legend: COMPRIME FERALE TORVI PRAEDONIS HABENAS CL («Strike down the lethal reins of the furious bandit, Cl(audian)»); it derives from Claudian, *De raptu Proserpinae* 2.272; in exergue: CALCABITVR | ASPER («the bitter will be kicked»); it derives from Claudian, *Carmina maiora* 3.375 («In Rufinum»). On the rim another quotation of Claudian: NIL SIBI PERIVRV M SENSIT PRODESSE FVROREM CLAVD («He learned that his mad treachery availed him nothing, Claud(ian)»); it derives from Claudian, *Carmina maiora* 28.206 («Panegyricus dictus Honorio Augusto sextum consuli»).

¹¹ Дьяков М.Е. Op. cit. Part 1. 45.5 (cf. 45.1–4. 6 f.; original by Philipp Heinrich Müller): Reverse: Battlefield of Pelkine, in the front a running Roman soldier and a River God; reverse-legend: sVb te CeCIDere | trIVMphIs CLAVD («They have fallen under you with triumphes, Claud(ian)»); it derives from Claudian, *Carmina maiora* 1.139 («Panegyricus dictus Olybrio et Probino consulibus»); in exergue: SVECI AD PELKINVM | AMNEM VICTI | 6 OKT S V.

Fig. 2. Swedish Victory over the Russians at Narva (20th November 1700)

Fig. 3. Battle near the Pelkine River (6th October 1713)

Peter I's visit to Paris in 1717 seems to be almost programmatic both for the appearance of Classical themes in the subsequent medal production as well as his connections to the West. Upon Peter's visit to the Parisian mint on June 1, 1717, Jean Duvivier (1687–1761) coined a medal in his presence (fig. 4)¹².

¹² Дьяков М.Е. Op. cit. Part 1. 52.1: Obverse: Armoured bust of Tsar Peter I., signature: DUVIVIER F(ecit). Reverse: Gloria holding two trumpets and flying towards the sun; reverse-legend: VIRES ACQUIRIT EVNDO («She achieves powers by advancing»);

Fig. 4. Peter's Visit to Paris Mint (1st June 1717)

A floating female figure with two trumpets upon a landscape with the rising sun in the background symbolizes the rise of the Russian Empire, which is put into words with a passage of Virgil's *Aeneis* *VIRE S ACQUIRIT EUNDO* (this passage is decontextualized, as it makes reference not to the vicious rumor (*fama*), but to the spirit of optimism itself). This was later adapted by the Russians in a copy by Timofei Ivanovich Ivanov (1729–1802/3)¹³.

While Peter the Great's immediate successors tended to make conscious reference to Classical themes in medal production, a universal concept is not evident due to their relatively short term reigns. However, under the reign of Empress Elizabeth (1741–1762) evidence of a proper stabilization program can be observed from the medals, over and above commemorative coins of her father. A series of medals were created celebrating the special and somewhat tumultuous circumstances of her accession to the throne, exhibiting the *memoria* of good Petrine times and the *damnatio memoriae* of Peter's successors. This clearly demonstrates the aspiration, much more of Catherine the Great than of Elizabeth, to put the Empire back on the right track; yet, they cannot manage to conceal a certain sense of stagnancy.

Interestingly, the coronation medal features a Cyrillic legend, but does not exhibit significant Classical references¹⁴. However, in the first few years

it derives from Virgil, *Aeneis* 4.175. On the rim: FRAPPEE EN PRESENCE DE S. M. LE TZAR (cf. the medal in Künker Auctions 146.8027).

¹³ Cf. Дьяков М.Е. Op. cit. Part 1. 52.2.

¹⁴ Cf. Ibid. Part 2. 86.1–11. But cf. also the medal that was (later) struck for her accession to the throne under Catherine the Great by Georg Christian Wächter (1724–1789) (84.1–3), with Latin legend (reverse: RESTITVIT REM; in exergue: VINDIC SOL PATER D | XXV NOV MDCCXLI).

Fig. 5. Liberation of Prisoners (15th December 1741)

of Elizabeth's reign, her political measures are praised in language and images (later published under Catherine the Great) inscribed on medals with allegorical personifications of virtues, always in conjunction with Latin legends and Classical motifs. For instance, a medal dated as early as 1741 and issued in the reign of Catherine the Great, who used a similar type for her virtue-presentation, makes reference to *CLEMENTIA AVGVSTAE* on the reverse and therefore also to the general amnesty of political enemies at the beginning of her reign (fig. 5)¹⁵. This is illustrated by the accompanying legend in a section on the reverse. A personification of Grace (*Clementia*) appears in the image, removing the shackles from three prisoners. More prisoners come out of the prison building in the background, which reinforces this act of amnesty as a general measure. In this way, the reference to the Augustan virtue of *clementia* becomes visible to the educated observer. Amply stressed by Caesar, it is a rule of conduct that appears prominently in the 34th chapter of the *Res Gestae Divi Augusti* on the shield of virtue, a copy of which was also found in Arles¹⁶. However, the allegory conveyed here is also self-explanatory.

¹⁵ Ibid. 85.1–3; original by Georg Christian Wächter and Johann Georg Wächter (1724–1797): Reverse-legend: *CLEMENTIA AVGVSTAE* (Mercy of the monarch); in exergue: *NOXIORVM VINCVLIS | EXSOLVTIS MDCCXLI | D XV DEC* (After the shackles were removed from the culprits, 15.12.1741).

¹⁶ *Res Gestae divi Augusti* 34.2: *Quo pro merito meo senatus consulto Augustus appellatus sum et laureis postes aedium mearum vestiti publice coronaque civica super ianua meam fixa est et clupeus aureus in curia Iulia positus, quem mihi senatum populumque Romanum dare virtutis clementiaeque et iustitiae et pietatis caussa testatum est per eius clupei inscriptionem.* Cf. AE 1952, 165 (Arles): *SENATUS | POPULUSQUE ROMANUS*

We are therefore no longer concerned with Classical antiquity as a referential and explanatory model for contemporary conduct, but instead with a systematic decontextualization and pure instrumentalization of Classical imagery for current (or later interpreted) actions. Whether this was of any consolation to those who were reprieved and sent to the Siberian exile, however, remains doubtful.

The above-mentioned instrumentalization is also applicable to the other medals of this series, which celebrate the LIBERALITAS AUGUSTAE in 1753 to commemorate the abatement of taxes and the BONITAS AUGUSTAE in 1754 to commemorate the consolidation of the treasury¹⁷. In fact, these were already considered ideal virtues in the Roman Empire, but it is initially in this context that they became meaningful and decisive standards of a good ruler, especially in the retrospect.

During Elizabeth's reign, allusions to Classical literary subjects continued, and these served to substantiate her actions, as interpreted by Catherine the Great. For instance, a silver-coated bronze medal dated 1754, which here was presumably produced later in the 19th century, displays an interesting scene on its reverse (fig. 6)¹⁸. It shows the presentation of a child through the clouds from Providence to personified *Russia*, who is kneeling in front of a burning altar. In the legend, there is a quote from the Augustan poet Horace, IN VOTUM VENIT (Horace, *epistulae* 1.11.5). This is unlike the original context, where the well travelled, but dissatisfied Bullatius is asked this as a rhetorical question, calling for inner conversion. However, this quote is interpreted here as a confirmation: «Here comes the fulfilled wish». Needless to say, this rendering correlates far better with the occasion associated with the creation of this medal, namely the birth of the Grand Duke, later Tsar Paul I. So the legend in the exergue fits to this interpretation naming Paul *princeps iuventutis* (PAULO PRINCIPE IUVEN | NATO D XX SEPT | MDCCLIV), a title which was first given from Augustus to his intended heirs C. and L. Caesars, his grandsons from his daughter Iulia and friend Agrippa.

Another medal from 1754 was produced following an edict by Elizabeth to determine the borders (fig. 7)¹⁹. This medal exhibits the personifications of Justice (*Iustitia*) and Injustice (*Iniuria*); here, Injustice is lying on the ground being kicked by Justice. The legend quotes the appropriate half-line of verse from Virgil's *Aeneis*: LITEM VT DISCERNET ARVIS (To end the dispute over the lands) (12.898b). This line serves to characterize the stone that Turnus throws in vain in order to protect himself from Aeneas' revenge. Here,

| IMP(eratori) CAESARI DIVI F(ilio) AVGVSTO | CO(n)S(uli) VIII DEDIT CLVPEVM | VIRTVTIS CLEMENTIAE | IVSTITIAE PIETATIS ERGA | DEOS PATRIAMQVE.

¹⁷ Cf. Дьяков М.Е. Op. cit. Part 2. 94.1–4 (original by Georg Christian Wächter) and 95.1–3 (original by Georg Christian Wächter).

¹⁸ Ibid. 97.2; cf. the original (97.1) by Georg Christian Wächter and Samoyla Yudich Yudin (1730–1800).

¹⁹ Ibid. 99.2; cf. the original (99.1) by Georg Christian Wächter.

dencies for this change become evident from a later medal following the Battle of Kunersdorf on August 12, 1759, which resulted in a success for the Russo-Austrian troops during the Seven Years' War. The image on the medal still relates to «Latin» antiquity; however, the legend is written in Cyrillic. The Classical warrior, standing in a victorious pose amidst trophies of war and fallen soldiers, his left foot placed on an urn fountain, is «Russianized», so to speak, and arrogated through the Cyrillic legend²⁰.

Clear changes become apparent under the reign of Catherine the Great (1762–1796), although a lot of original medals for the former rulers and most of the copies of Peter's and Elizabeth's medals were struck by medallists under her reign which clearly produces a «Catherine's view» of the development of the Russian Empire in the 18th century. Accompanying her expansion of domestic government and inclusion of the population in her concept of rule, one kind of medal production flourished. Medals with themes relating to domestic policy developed; both the legends and partly also the iconography began to move away from Classical antiquity. However, they did not completely lose their connection with the «West». For example, the coronation medal by Timofei Ivanov (1729–1802/3) and Georg Christian Wächter, here in another version of Ivanov and Yudin (fig. 8)²¹, with a Russian legend demonstrates the manifestation of a different concept of rule that also includes the average population, an idea that was also quite clearly expressed in other types of media. The medal features Catherine the Great on the obverse, together with a personified *Russia* and personified Faith, who are both holding a wreath with Catherine's monogram over an altar, accompanied by the personified Providence coming from the clouds.

In the domain of domestic government, the script of the legend fluctuates between Latin and Cyril. At the beginning of her rule there is certainly still a commitment to earlier times. This can be observed in the CLEMENTIA AUGUSTAE, which is connected to an amnesty with similar motifs as the commemorative coins for Elizabeth's act²². Furthermore, this accompanies the advocacy to restore the state and introduce a code of law as «Restitutrix»²³ and «Legislatrix». Just like the content of legal organization, this language shows clear references to antiquity, yet, without adopting or imitating concrete Classical literary models. Subsequently, these references to Classical Antiquity began losing ground, at least in the legends, which started to display more Cyrillic text and focused completely on the inner dominion which was seen as an empire. This new connection of Russia's desired course with

²⁰ Cf. Ibid. 105.1–4.

²¹ Ibid. 117.2; cf. also 117.1. 3–9.

²² Cf. Ibid. 119.1 (engraved by Georg Christian Wächter and P.-L. Vernier): Reverse: *Clementia* with a palm branch in her hand removes the shackles from three prisoners sitting on the ground; prison in the background; reverse-legend: CLEMENTIA AVGVSTAE; in exergue: REIS E CARCER(ibus) LIBERATIS | ET CLEMENTIA CORRECTIS | 1762.

²³ For a medal concerning this title cf. Ibid. 120.1 (RESTITUTRIX).

Fig. 8. Coronation of Catherine II (22nd September 1762)

a new orientation of Classical symbolism becomes evident in many areas, which will not be elaborated here due to the lack of space. Besides the numerous medals of honour for significant internal political achievements, one event should be highlighted as it was programmatic for Catherine's new concept of an Empire, in my opinion. A pewter medal, also fabricated by Ivanov and Wächter (without date), commemorates the abolition of an import tax on bread from Livonia and Estonia (fig. 9)²⁴. This is illustrated on the reverse by Mercury (*Mercurius*) with *caduceus* as the god of trade and *Ceres* with a sickle and a sheaf of wheat as an allegory for agriculture and, in this particular case, bread. They are standing hand in hand on the shore, awaiting the ship in the background as the supplier of bread. This alludes to the benefits of the tax elimination for the whole of Russia, just like on the obverse displaying the ruler's titling. From the central rulers' point of view, this was not a matter of foreign policy but was rather seen as a domestic decision, which was also «sold» in this way.

References to foreign affairs on medals, however, continue to demonstrate Classical imagery and legends, while aiming at utterly different target groups²⁵, although there are certainly also medals from foreign political successes with Russian references. The coining following the successes in the conflicts with the Turks is exemplary for the display of foreign political power towards the West. Here, Catherine the Great is shown as *Minerva*,

²⁴ Ibid. 133.1f.

²⁵ E.g. medals commemorating visits of the tsarist family to western countries or vice versa of western rulers in Russia.

Fig. 9. Permission of Tax-Free Import of Bread from Livonia and Estonia to St. Petersburg (n.d.)

who, through wise planning and military skill – and therefore far better than the merely brutal Mars – forces back the Turks in two wars (1768–1774, 1787–1792) and, among other things, gains access to the Black Sea. Thus, a silver medal of 1770 by Johann Leonhard Oexlein (1715–1787) shows Minerva with spear and shield on the reverse, accompanied by the legend *SAPIENTIA ET ARMIS*, which is a clear allusion to Minerva’s attribute as a wise planner of war, a mantle which Catherine the Great had already claimed for herself as the «Minerva of the North» (fig. 10)²⁶. The linking of both terms in a military context, which was also common in Classical literature (Valerius Maximus, *Facta et dicta memorabilia* 6.4.3 ext.; Cicero *Philippicae* 5.39), is confirmed by the legend in the segment, which reads, *TVRCIS TERRA MARIQVE | DEVICTIS | MDCCLXX*, a clear allusion to the glorification of the conquests by Augustus in his *Res Gestae Divi Augusti* (cap. 3; 4; 13). Further medals offer similar allusions to victories over or peace treaty with the Turks in Latin text and image, but right at this point we can often no longer find direct and obvious references to Classical literary models²⁷. Thus, a certain kind of emancipation took place, depart-

²⁶ Дьяков М.Е. Оп. cit. Part 2. 149.1; cf. also 149.2.

²⁷ Cf. Peace with Turkey in 1772 (Ibid. 160.1): Reverse: Shield with image of Medusa and a *caduceus* standing on a pedestal covered with veil, on top a book and a wreath; reverse-legend: *AUGUSTA PER BELLA PER LEGES AUGUSTIOR*. Cf. also Peace with Turkey 1774 (165.1–4): Catherine the Great as Minerva but Cyrillic legend; cf. 165.8. But cf. 165.7 – reverse-legend: *IRAM MERUERE TONANTIS*, which derives from Claudian, *Carmina minora* 22.39.

Fig. 10. Victories over Turkey in 1770

ing from Antiquity as the sole authority. Those Classical motifs, which were still used, were now dedicated to the new reign, especially the commemorative coins on the reigns of Tsar Peter the Great and Tsar Elizabeth. They are to be understood in this way rather than as an embrace of Classical authorities! A new form of discussion and reception of Classical subjects is breaking ground in this context, reflecting the new tsaristic understanding of the empire on the way to the 19th century.

FORCE OR LIBERTY? CLASSICAL SYMBOLISM
IN THE CHANGING CONCEPTIONS
OF THE FRENCH CONSTITUTION IN THE 18th CENTURY

One can deny neither the continuation and transformation of concepts of power from the Roman Empire in Russian medal production of the 18th century nor the influence of Classical concepts and symbolism of liberty in the French Revolution. However, a complete acceptance of Classical notions of *Libertas* in contemporary discourse is admittedly improbable, especially given the lack of texts which are essential in this context (Aristotle's *Athenaion Politeia*, Cicero's *De Re Publica*). Yet, the iconography of these years definitely includes the presence of Classical Antiquity – and, thus, also the concept of liberty, which faced controversy during its original development – so that a direct and indirect reception can be made plausible. As Leonhard Schumacher

has shown in his impressive study²⁸, the different phases of the French Revolution reflected the different Classical notions of liberty in the conflict of *égalité* and *liberté*. The Aristotelian definition of democracy (as equality of number, and not of dignity) intellectually accompanied the ideas of liberty and equality in the radical phase of the Revolution. It is expressed in the perversion of the Rousseauan concept of *volonté générale* as the «despotism of liberty». The Roman idea of liberty was conceived, on the one hand, as the right to liberty granted to each individual and, on the other hand, as the aristocratic equality of opportunity and the freedom to actively participate in the political process. This dualism paved the way not only for the constitutional Revolution before and after the radical democratic period, but eventually for modern democratic systems as well.

Both of these Roman ideas of liberty, seen as belonging to domestic politics, were symbolized by the *pilleus libertatis*, a conical felt cap which was originally associated with the liberation of slaves. Ever since it appeared on the Brutus denars after Caesar's death, it experienced a broad reception in different contexts. It bore particularly rich fruit in the Romance region of the 18th century with its Enlightenment discourses on liberty. The reinterpretation of the *pilleus* as a symbol of liberation and not of liberty can be gathered from the liberty slogans of William III of England, propagated with the medals following his takeover of power in 1689. The slogans were partly directed at Louis XIV, referencing the previous successes in the Dutch War, and partly against James II of England, who had fled to France after his unsuccessful landing in Ireland²⁹. This kind of symbolism can already be understood in the Roman Empire as a fusion of the monarchic principle with the privilege of liberty, granted by the emperor.

Once again, the *pilleus* played a role as a concrete symbol of liberty in the French Revolution. Among the common supporters out «on the streets»,

²⁸ Schumacher L. *Libertas: Rezeption, Verständnis und Nutzung römischer Freiheitssymbolik in der neueren Geschichte // Römische Geschichte und Zeitgeschichte in der deutschen und italienischen Altertumswissenschaft während des 19. und 20. Jahrhunderts. Bd. 2: L'Impero Romano fra storia generale e storia locale / A cura di E. Gabba e K. Christ. Como, 1991 (Biblioteca di Athenaeum; 16). P. 299–331.*

²⁹ Cf. Jones M. *Op. cit.* // NC 142 (1982). Pl. 29.5. Obverse: William III in Roman dress, holding sword and standard with Christian monogram and cap of Liberty (*pilleus libertatis*) resting on globe; on l. shields of England, Scotland, and Ireland, arms, on r. harpies flying; obverse-legend: HIS ARMIS TRIA REGNA LIB(e)RAT; in exergue: GOTHELMUS III | LIBERATOR FLORENS. Reverse: Louis XIV. in Roman dress, decrepit, leaning on sword composed of coins, which rests on bomb-shell; above lightnings; in the distance Mons in flames and state carriage of Louis, followed by women; reverse-legend: UNAM SIC OCCUPAT URBEM; in exergue: LUDOVICUS XIII | OPPRESSOR DECREPITUS. Cf. Ibid. Pl. 30.9. Obverse: King on horseback to left, commanding at battle; obverse-legend: APPARUIT ET DISSIPAVIT; in exergue: LIBERATA HIBERNIA | MDCLXXX. Reverse: William III crowns kneeling *Irlandia* with *pilleus libertatis*; reverse-legend: FOCOS SERVAVIT IT(em) ARAS; in exergue: EXPULS(is) GAL(lis) ET REBEL(lis) | DUBLIN TRIUMPHANS | INTRAVIT. For interpretation cf. Schumacher L. *Op. cit.* P. 321.

Fig. 11. Seals of France (1792/1799)

the «Phrygian cap» became prevalent in the form of the *bonnet rouge*, referring to the *bonnet de laine*. It symbolized the people and was transformed into the much adapted and satirized sign of liberty and equality. However, the *pilleus*, being more widely received in intellectual circles, came close to the *bonnet rouge* due to its symbolic content. The different meanings were actually somewhat mixed in the general perception. At the *Fête de la Liberté* on April 15, 1792, which was connected with the «liberation» of Swiss soldiers from the Regiment Châteaueux following their imprisonment for high treason, the *pilleus* was displayed on the float as an attribute to personified liberty³⁰. Thus, the symbol entered the spectators' consciousness as a recognizable image. It also decorated the first state seal of republican France, replacing the state seal of the Bourbons in 1792 in accordance with a resolution of the national assembly on August 15³¹. Augustin Dupré (1748–1833) was put in charge of the punch cutting; the wording of the resolution was: «Le sceau d'état sera changé: il portera la figure de la liberté, armée d'une pique et surmontée du bonnet de la liberté», et pour légende: AV NOM DE LA NATION FRANÇAISE³². Dupré interpreted this resolution in a Classical

³⁰ Cf. Schumacher L. Op. cit. P. 324 f.

³¹ For the following cf. Mazard J. Le grand sceau de France (depuis 1789) // Centennial Publication of the American Numismatic Society / Ed. by H. Ingholt. New York, 1958, 459–470.

³² For the resolution cf. Archives parlementaires 48, 166 (15.08.1792, Art. 6), online access under: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k495637/f170.image.pagination.r=Archives+parlementaires+de+1787+%C3%A0+1860+.langEN> (01.01.2011).

sense and created the new state seal with reference to a medal produced following the *LIBERTAS AMERICANA* ten years before (fig. 11a)³³. It shows personified Liberty, holding a lance with the typical Brutus-*pilleus* on its head in her right hand. She is leaning on Roman *fasces* with her left hand, which, along with the rudder, are supposed to symbolize the unified state under the guidance of liberty. The legend corresponds with the formula agreed upon in the national assembly. However, NATION is replaced by RÉPUBLIQUE³⁴. The *pilleus* was exchanged for the *bonnet rouge* on the state seal only later and anachronistically in 1799 (fig. 11b), following the transformation and end of the Revolution through the *coup d'état* with its constitution of the Consulate³⁵. This marks the transition of the Revolution by Napoleon to a form that could be more easily preserved and controlled, so that liberty would eventually lead back to the empire. In the legend, Napoleon represents and directs the interest of the people as AV NOM DV PEUPLE FRANÇAIS BONAPARTE 1er CONSVL.

CONCLUSION

These insights into coined media of the 18th century, which must naturally remain fragmentary, have shed light on the different ways in which Classical Antiquity has been approached and dealt with in legend and image. Russian medal production from Peter the Great to Catherine the Great shows a clear reception of symbols from the Roman Empire with an emphasis on the Augustan era, exceptionally elaborated by Catherine's historicizing coinage so as to interpret the development of the Russian Empire by her own. Yet, it also documents a transition away from a style that is still committed to Classical themes towards new forms of manifestation of the Classical Antiquity. On the other hand, the lively debate over the proper understanding of liberty in the Romance region, with its culmination point in the French Revolution, becomes notable as a particular line of reception besides the various receptions of the Classical era/s. The examples have also shown that one cannot speak of a direct reception, sparked specifically by the discourse surrounding the Classical subject. However, the frequently heard claim that these were merely Classical reproductions without any deeper meaning is equally misled. The Classical period was certainly not perceived as a steadfast authority in the 18th century or even in earlier times. Nevertheless, it determined the discours-

³³ For the *Libertas Americana*-type cf. K. Moulton *The Libertas Americana Medal*, published online under: <http://www.coincats.com/Libertas%2008feb10%20small.pdf> (01.01.2011); cf. also Vermeule C. *Numismatic Art in America*. Cambridge/Mass., 1971. P. 9 f. with fig. 5. For a comparison cf. Schumacher L. *Op. cit.* P. 325 f.

³⁴ Cf. Mazard J. *Op. cit.* P. 461; for a *terminus ante quem* (22.09.1792) cf. Schumacher L. *Op. cit.* P. 325 footnote 108.

³⁵ Cf. Schumacher L. *Op. cit.* P. 326.

es of those times, sometimes decisively, in a new way that was no longer defined by Classical antiquity, but by the respective present. Thus, *Imperium* and *Libertas* were no longer understood by the general public as purely Classical concepts with a mere model function for the present. Its fundamental principles, however, continue to be current and under discussion.

Свен Гюнтер

**Между *Imperium* и *Libertas*:
Восприятие, использование и интерпретация
древнеримских концептов власти
и нравственности в европейских медалях и печатях
XVIII столетия**

В XVIII в. медали играли важную роль в формировании устойчивых представлений о власти и морали; в них активно использовались классические мотивы, при этом востребованными оказались не только образы и сюжеты, но и цитаты из римских авторов. Автор рассматривает судьбу медалей XVIII в. на российском и французском материале. В России при Петре I и его преемниках к античным образцам обращались для формирования имперской идеологии. В царствование Екатерины II была создана серия памятных медалей, посвященная деяниям Петра Великого и Елизаветы Петровны. Эта серия, как и медали, прославлявшие саму Екатерину II, отражали актуальные представления правящей элиты о «классических» ориентирах имперской идеологической программы. Во Франции и некоторых других западноевропейских странах важную роль в политических дискуссиях и событиях второй половины XVIII в. сыграл римский символ свободы – *pilleus libertatis* (фригийский колпак). Французская революция в 1792 г. поместила его на государственную печать. Переворот 1799 г., приведший к власти Бонапарта, сопровождался заменой фригийского колпака на *bonnet rouge*, символизируя окончание революционной эпохи.

KOEN STAPELBROEK

ANTIQUITY AND THE CHALLENGES OF MODERNITY:
THE POLITICAL THOUGHT
OF FERDINANDO GALIANI RECONSIDERED

INTRODUCTION¹

The Neapolitan Ferdinando Galiani (1728–1787) has long been recognised as a typical eighteenth-century polymath². Although he was first and foremost a political thinker who wrote on economic issues³ and on the reform of national (Neapolitan and French) as well as international trade, he was also a noted classicist⁴. Galiani was not only educated in this field to a high standard, like so many of his contemporaries. He was also capable of contributing, critically and imaginatively, to the understanding of the reality of ancient times and would throughout his life develop a series of (never to be finished) projects pertaining to the study of the classical past.

© Koen Stapelbroek, 2012

¹ Parts of this publication have appeared previously included in two articles with a different focus, logic and structure from the present text: *Stapelbroek K.* «Neutralità»: la storia del commercio mediterraneo in *Dei doveri dei principi neutrali* di Ferdinando Galiani // Il linguaggio della politica nel tardo Illuminismo italiano / A cura di A. Trampus e S. Pappalardo. Roma, 2011. P. 53–79; *Idem.* The progress of humankind in Galiani's *Dei Doveri dei Principi Neutrali*: Natural law, Neapolitan trade and Catherine the Great // War and Trade: The Neutrality of Commerce in the Inter-State System / Ed. by K. Stapelbroek. Helsinki, 2011. P. 161–183 (COLLEGIUM: Studies Across Disciplines in the Humanities and Social Sciences).

² The best overview of the range of Galiani's scholarly interests is: Accademia Nazionale Dei Lincei. Convegno Italo-Francese sul tema: Ferdinando Galiani (Roma, 25 – 27 maggio 1972). Roma, 1975 (Problemi Attuali di Scienza e di Cultura. Quaderno 211).

³ History of Economic Ideas. 2003. N 9/3, special issue ed. by R. Faucci and N. Giocoli and dedicated to Galiani's economic thought.

⁴ Galiani much admired his teachers Mazzocchi and Martorelli. See *Diodati L.* Vita dell'abate Ferdinando Galiani. Napoli: presso V. Orsino, 1788, and the relevant articles in: Accademia Nazionale Dei Lincei. Convegno Italo-Francese sul tema: Ferdinando Galiani, particularly the ones by R. Pane and P. Bédarida, as well as *Nicolini F.* Giuseppe Garampi e Ferdinando Galiani: Notizie e lettere inedite // Nicolini F. Scritti di archivistica e di ricerca storica / Raccolti da B. Nicolini. Rome, 1971. P. 47–58 (Pubblicazioni degli Archivi di Stato, 75).

The aim of this article is to bring into focus the manner in which Galiani's political thought and his studies of antiquity fed upon each other. Through this approach a novel, unified, outlook on Galiani's intellectual horizons emerges: one that connects, for instance, his juvenile piece on money at the time of the Trojan war⁵ as well as his fragmentary analysis of Horace's poetry⁶, which he worked on in the years before his death, to the political perspective that governed his works on money and the grain trade, as well as his legal-philosophical commentary on the rights of neutral trade at the time of the Neapolitan accession to the League of Armed Neutrality, initiated by Catherine the Great⁷.

The point of this article, then, is not primarily to highlight an aspect of eighteenth-century culture or educational practices, but to show how eighteenth-century figures like Galiani used historical analysis and the heritage of antiquity in particular as a method for gathering and ordering knowledge and thereby grasping the specificities and policy requirements of their own time.

ANTIQUITY FOR THE YOUNG GALIANI:
DELL'ARTE DEL GOVERNO

From a very young age, Galiani self-consciously used historical examples, ancient ones in particular, to shape the structures of his political thinking. At the age of twenty-one, Galiani had written a number of manuscripts in which he offset the reality of his own time to the reality of the past. Drawing upon an even for that period unusually wide educational spectrum, Galiani, for instance, wrote about the geological rock formation of the Vesuvius echoing ancient poets, about the institution of money at the time of the Trojan War, the idea of Platonic love in relation to eighteenth-century moral philosophy and debates about human sociability, the history of canonical law and the natural

⁵ Published in *Galiani F. Della moneta e scritti inediti / Con introduzione di A. Caracciolo e a cura di A. Merola*. Milano, 1963. P. 351–379. The manuscript is held by the library of the Società Napoletana di Storia Patria (BSNSP). XXXI.a.9. Fol. 170–197.

⁶ See the admirable and extremely useful reconstruction of Galiani's Horace studies: *Nicolini F. L'Orazio dell'abate Galiani*. Roma, 1978 (Atti dell'Accademia Nazionale dei Lincei, Memorie Scienze Morali. Serie VIII. Vol. 22/2), particularly p. 178–182, 256–257, 263, 272. Galiani drew upon the same overarching perspective in his unpublished introduction to Neapolitan seventeenth-century writings on money. See *Stapelbroek K. «To console and alleviate the human mind»: Ferdinando Galiani's attempted re-publication of Serra in the 1750s // Antonio Serra and the Economics of Good Government / Ed. by E.S. Reinert and S.A. Reinert*. London (Anthem Press, forthcoming).

⁷ *Galiani F. Dei doveri dei principi neutrali verso i principi guerreggianti, e di questo verso i neutrali, libri due / A cura di G.M. Monti*. Bologna, 1942. I will mainly refer to this edition and (where indicated) to the original one from 1782. The manuscript is in BSNSP. XXXI.c.5. All of Galiani's foreign policy advice texts (preserved by the Biblioteca della Società Napoletana di Storia Patria and the Archivio Nazionale in Naples) that remain extant and that have been published are collected in *Galiani F. Scritti di politica economica / A cura di F. Cesarano*. Lanciano, 1999.

history of the Christian religion compared with previous Roman belief systems. Throughout his life Galiani would continue to reflect in an unusually free, playful even, style on the transformation of antiquity into modernity. At the same time, contemporaries recognised the genuine scholarly content of these sketches, which – and this is something Galiani is famous for – always remained mere sketches. Galiani did not just know about antiquity, he grasped the logic of ancient belief system, institutions, social structures and mental dispositions. No wonder then that Galiani, alongside his brother Berardo who translated Vitruvius and indirectly polemicized with Winckelmann⁸, became a prominent member of the scientific team that was appointed to direct the excavations at Herculaneum and account for the findings by way of official government publications.

However heated the debate about Herculaneum may have become, Galiani from the 1740s onwards had in mind a rather different kind of application for his historical perspective. During this period, Galiani secretly worked on a treatise called *Dell'arte del governo*, an overview of the ruling manners and institutions in human history as well as a theoretical analysis of the principles of government. A mere three-page sketch of the work, which he planned to write is all there is left of the manuscript of *Dell'arte del governo*⁹. Yet, the project should be recognised as the platform from which Galiani developed his thinking in these formative years. Apparently, if we may believe Galiani's own words, his efforts to gain historical knowledge directly served to better understand the present:

The intent of this work is to open up understanding of the character of the ancient world, mainly by constant comparison with modern times. How much is new and useful, one will realise whilst reading¹⁰.

Dell'arte del governo was the overarching framework within which Galiani operated in these years in which he also delivered several lectures on the processes through which humans became social. The moral theory that Galiani developed in his lectures was the backbone of his overview of the history of mankind.

⁸ The anonymously published *Giudizio dell'opera dell'abate Winckelmann sopra le scoperte di Ercolano* (Naples, 1765) written by Mattia Zarrillo, but based on an earlier piece by Berardo that was not for publication, was often attributed to Galiani's brother, as were the Neapolitan responses to Winckelmann which Berardo had nothing to do with. On the affair see Ferdinando Galiani's satire «Raguaglio di Parnaso sotto i 13 maggio 1763», BSNP. XXXI.a.9. Fol. 149–155 and XXX.c.6. Fol. 200–206.

⁹ The manuscript is preserved at the BSNP. XXXI.c.8. Fol. 1r – 16v. The text that is seen as the actual remaining part of *Dell'arte del governo* is interrupted by empty pages on Fol. 3–7 and 12–14r, while Fol. 8–11 contain several notes on antiquarian subjects. The same manuscript volume has a few pages with lists drawn up by Galiani of subjects on which he planned to write in those years (BSNSP. XXXI.c.8. Fol. 121v – 122r). Here, Galiani's projected writings are divided neatly into categories, like «materi d'antiquità», «teologiche» and «fisiche, e di storia naturale».

¹⁰ BSNP. XXXI.c.8. Fol. 1v. Also in *Galiani F. Scritti di politica economica*. P. 3.

FROM HISTORY TO POLITICAL ECONOMY

Galiani abandoned his projected *Dell'arte del governo*, his history of morality and civilisation, to write *Della moneta* (1751)¹¹. He himself declared in the endnotes added to the second edition of 1780 that he had copied large parts of his main project into the text of *Della moneta*. Indeed, in his earlier paper *Sullo stato della moneta ai tempi della guerra trojana* Galiani had explored, using philological techniques, how money emerged from religious beliefs and cultural forms. Building on his previous studies on the relation between the development of cultural institutions and the emergence of new commercial structures and the early history of trade in the Mediterranean, Galiani concluded that the separation between modern territorial trade competition and ancient conquest was not so definite. In «those centuries» of antiquity «wealth was a companion to arms and therefore followed the vicissitudes of war», whereas «today, wealth follows the path of peace». Similarly, «whereas at that time the bravest of men were the richest, today the richest are the most unwarlike and peaceful»¹². However, the underlying difference was only a «different virtue of combat» (*diversa virtù nel combattere*)¹³. Greed inspired «men's minds» to turn «to thoughts of peace». Competition between states was as relentless and aggressive, even though in appearance it had been pacified. Consequently, the history of humankind, as «an uninterrupted history of errors, by and [self-inflicted] punishments of, the human race», had not come to an end¹⁴. Galiani declared: «I find no other distinction between the centuries of antiquity and our own but that which runs from the great to the small. What was then Oceanus, is known today as the Mediterranean»¹⁵.

So while *Della moneta* responded to a debate about the advantages and disadvantages of inflationary financial politics, and developed an outlook on the economic development of Naples a few years after it became an independent state, it was inspired by a much wider historical vision.

Following the publication of *Della moneta*, Galiani's star rose quickly and he became a diplomat in Paris in 1759, where he soon became the object of admiration by the leading intellectual figures of the age for his wit and abil-

¹¹ Galiani's Neapolitan manuscripts have been subject to a number of specific studies. See Nicolini F. *I manoscritti di Ferdinando Galiani // Archivio storico per le province napoletane*. 1908. N 33. P. 171–197; Galasso G. *I manoscritti napoletani dell'abate Galiani // La filosofia in soccorso de' governi: la cultura napoletana del Settecento*. Napoli, 1989. P. 353–368, and specifically on Galiani's correspondence, Guerci L. *Aspetti e problemi dell'epistolario di Ferdinando Galiani // Rivista Storica Italiana*. 1972. N 84. P. 80–110. These studies reconstruct the ownership of Galiani's papers since his death and correct each other on the impressions they give of the overall subject-matter of Galiani's unpublished writings.

¹² Galiani F. *Della moneta*. P. 30.

¹³ *Ibid.* P. 27–28.

¹⁴ *Ibid.* P. 12.

¹⁵ *Ibid.* P. 24.

ity to perceive connections between political, religious, literary, cultural and social phenomena. In the mid 1760s, Galiani set out to intervene in a debate on natural religion that was instigated by his friend Diderot¹⁶. The fruit of Galiani's efforts, a manuscript entitled *De l'Opinion* was not only the start of Galiani's intended intervention in that specific debate, but also of a new version of his juvenile project *Dell'arte del governo*¹⁷. The pages he wrote represent his sustained belief that modern sociability emerged from religion and that religion derived from a socialisation of man's original passions. Galiani explained this process in a way similar to how he had described the effects of Platonic love as a teenager and based his ideas on a similar epistemology¹⁸. Thus, *De l'Opinion* was his second and last attempt to construct a full-blown theory of the history of mankind. Yet, again Galiani's labours were interrupted by the political context of the time: *De l'Opinion* was abandoned for Galiani to embark on his most famous work *Dialogues sur le commerce des bleds* (1770). But this did not mean that the *Dialogues* were conceived fully independently from the project of *De l'Opinion*. Rightfully, the *Dialogues* is understood as a fundamental critique of physiocracy, the combined vitalist-naturalist inspired economic reform movement whose politics of enlightened despotism Galiani set out to demolish by means of a series of imaginary dialogues. Here too the fundamentals of Galiani's critique related to the history of humankind. Galiani characterized France as a «*nation des joueurs*». In fact, this judgment was a reaction to the first historical-philosophical pages of the first chapter of Mirabeau's, *Philosophie rurale*. Galiani's version of French history explained how the country developed steadily through cultivating the land, yet subsequently declined due to wars and luxury. Attempting to resolve these problems through agricultural productivity increase – a natural response – did not succeed, since other nations exchanged expensive luxury goods against cheap agricultural goods. Suffering under the burden of a public debt, the miserable agricultural state was driven into the arms of either feudalism or despotism, while the superstitious belief of its *joueur* population remained until Colbert delivered France from the «idle poverty of the

¹⁶ See Imbruglia G. «My ecclesiastical history»: Gibbon between Hume and Raynal // Edward Gibbon: Bicentenary Essays / Ed. by D. Womersley, J. Burrows, J. Pocock. Oxford, 1997 (SVEC. Vol. 355). P. 73–102; Pocock J.G.A. Gibbon and the primitive church // History, Religion, and Culture, British Intellectual History 1750–1950 / Ed. by S. Colini, R. Whatmore, B. Young. Cambridge, 2000. P. 48–68.

¹⁷ Nicolini F. Un inedito di Ferdinando Galiani // Biblion. 1959. Vol. I. P. 139–156. The manuscript was held by the British Museum, Ms. J.6.VII.9 (currently by the British Library). It was written after 1766 because Boulanger's *L'antiquité dévoilée par ses usages* from that year is mentioned, and probably from before 1768, when Galiani started on the *Dialogues sur le commerce des bleds*.

¹⁸ Nicolini F. Un inedito di Ferdinando Galiani. P. 146, on the resilience of shared false beliefs and customs. In *De l'opinion* Galiani argued that man's religious «credulity» enabled him by staying away from «imposture, selfishness, *amour propre*» to form, share and adjust useful, but *false*, shared beliefs to structure and coordinate human interactions (p. 155).

agricultural state and the ferocious anarchy of Chivalry to the tranquillity of submission, to the calm of affluence and to the luxury of industry»¹⁹.

In this way, over and above the fact that, as has been noticed, Galiani drew attention to history, circumstance and differentiated between European states in order to emphatically question the universal applicability of physiocratic doctrine, seeing the *Dialogues* itself as representative of Galiani's larger intellectual horizons leads to new insights. It was not without reason that Friedrich Melchior Grimm observed in 1770 that:

There is no one here who has not understood that the book is not just a book on the commerce of grain, but a work on the science of government in general, that it is a new brilliant model of the way in which all governmental affairs should be considered and reflected on; that by dealing with grain our illustrious *abbé* has managed to touch upon everything <...>²⁰.

Galiani himself chose not to explain himself, but the epigraph of the *Dialogues*, – *in vitium ducit culpa fuga, si caret arte* – meaningfully taken from Horace's *Ars poetica*, provided a major clue as to the protreptic nature of his project²¹. By playing out against each other the various shortcomings of existing positions on the nature of commerce and its politics within eighteenth-century French discussions, Galiani hoped to rise above the debate and emerge as its true master.

GALIANI'S STUDIES OF HORACE AS A CARRIER OF HIS POLITICAL THOUGHT

It would go against the grain of Galiani's intellectual horizons to conclude that he simply used the past to better understand the present. The relation went both ways: he also used the present to understand the past in a more realistic and down-to-earth manner. The method of Galiani's political economic works, we just saw, was to illuminate the present through confrontation with the past. Likewise the classicist Galiani made the past come alive by infusing

¹⁹ *Galiani F. Dialogues sur le commerce des bleds / Giusta l'editio princeps del 1770 con appendici illustrative di F. Nicolini. Milano-Napoli, 1958. P. 18, 70–71, 101–113, 117–119, 122–124, 215–216.*

²⁰ «Non, il n'est personne ici qui ne se soit aperçu que ce livre est moins un livre sur le commerce des blés qu'un ouvrage sur la science du gouvernement en général, qu'un modèle lumineux et neuf de la manière dont toute question d'État doit être envisagée et approfondie <...>» (CL. Paris, 1879. Vol. 8. P. 424).

²¹ For Horace's rhetorical strategy, which Galiani employed in his works, see *Oliensis E. Horace and the rhetoric of authority. Cambridge, 1998, esp. p. 198–223 and Armstrong D. The addressees of the Ars poetica: Herculaneum, the Pisones and Epicurean Protreptic // Materiali e Discussioni dei testi classici. 1993. N 31. P. 185–230. The epigraph of the *Dialogues* refers both to Galiani's actual critique of the physiocrats and, through recognizing Horace's rhetorical strategy, to the presentation of his general political message.*

his works with eighteenth-century political theory. Recognising this allows us to see his studies on Horace as a carrier of his general historical intellectual perspective. In fact, Galiani was famous in Paris for his knowledge of Horace.

Reconstructing Horace's poetry was the only project he worked on for longer periods of time and the only project Galiani wanted to be published after this death. At one level the bits and pieces that remain extant engage with the state-of-the-art Horace scholarship of the time. Simultaneously, Galiani's revisionist interpretation of the political meaning of Horace's writings added up to an ambitious contextualisation of the social, economic and religious upheavals at the time of Augustus, that, in its turn, reflected on eighteenth-century debates about the history of Europe after the fall of Rome, agricultural development in relation to trade, patriotism, virtue, inequality and luxury, monarchist institutions, and the causes of the decline of Empires, as well as of trade republics. In other words, Galiani's study of Horace continued his lifelong project of merging antiquity and the eighteenth century into one frame in order to better understand historical change and human nature. Not in the least, Horace became a tool for Galiani to understand Christianity as a political reform movement, which was crucial for making sense of the anomalous development pattern of European societies – something which not just Gibbon, but all eighteenth-century writers from Montesquieu, to Hume and Adam Smith were obsessed with²².

The scope of his Horace project and the way in which Galiani exploited classical texts to shape his own views are important factors in explaining Galiani's fame in Paris for his knowledge of Horace (other than for his *Dialogues*, published when Galiani had already been forced to return to Naples). Yet, he also derived inspiration from Horace in developing writing techniques. Galiani, it seems, viewed Horace's free treatment of poetic genre rules and use connotative meaning creation as constituting an ideal and model for the most accurate presentation of his own political ideas. For Galiani, the degrees of perfection that societies reached in the art of government and in linguistic expression were also directly related²³. And like studying Horace's poetry always formed a source of inspiration for Galiani to better understand the history of Rome and humankind alike, so he experimented with choice of style and rhetorical techniques to convey to his audience a sense of how he understood his own political economic reasoning to relate to the history of commerce.

²² Nicolini F. L'Orazio dell'abate Galiani. P. 178–182, 256–257, 263, 272.

²³ See Nicolini F. L'Orazio dell'abate Galiani. P. 150–152, where Galiani describes the decline of poetry after the time of Horace, the «corruption of taste» of the «ancient scholastics» of poetry and the relationships between the development of Latin, the rise of Christianity and the plunge of human civilisation into the dark middle ages. These passages resemble the account of the rise and decline of Rome and modern societies in the history of humankind that Galiani sketches in the first chapter of *Della moneta*.

Finally, Galiani's use of ancient texts not only served a range of symbolic and rhetorical functions, but also connected to his dream of transforming Naples into a Mediterranean commercial hub. In his analyses of Horace's poetry he noted that the forests of the Sila region in what is now Calabria provided eighteenth-century Naples with a natural resource for shipbuilding that was as good as the Cyprian forests the use of which until Venice lost this territory had formed a cornerstone of Venetian maritime greatness²⁴.

THE PROGRESS OF COMMERCE AND THE RIGHTS
OF NEUTRAL TRADE

Before Galiani returned for the last time to his Horace project he applied again his historical perspective to a political issue of his age, the problem of neutral trade in the War of the American Independence. Upon his forced return from Paris to Naples in 1769 and until his death, Galiani was one of the main architects of Neapolitan foreign policy. His last main work entitled *Dei Doveri dei Principi Neutrali* (1782) was written to justify the Neapolitan accession – which followed in 1783 – to the League of Armed Neutrality that Catherine the Great had brought together as a sequel to her declaration of five principles of neutral trade in 1780²⁵. Yet, simply stating these circumstances comes nowhere close to explaining the contents of *Dei doveri dei Principali Neutrali*: a peculiarly structured and sometimes legally and philosophically technical study of the rights and duties of neutral states and belligerents in wartime.

One peculiarity about Galiani's last book that may be understood in the light of the argument developed so far is the large number of epigraphs that Galiani – as a political writer and classicist in one person – inserted into the chapters and parts of *Dei doveri dei principi neutrali*. To cut a long discussion short, most of these quotations from ancient texts were taken from ancient Southern-Italian writers who emphasised the links between Greek civilization and the connecting role that Southern Italy played in the passing on of learning, trade and power from Greece to Rome. In Galiani's hands, Virgil's *Aeneid* and passages from Horace and Lucretius's *De rerum natura* were transformed into a glorification of the peaceful trade and prosperity in the South-East Mediterranean and the Dardanelles strait that lay at the bedrock of modern European civilisation²⁶.

²⁴ Nicolini F. L'Orazio dell'abate Galiani. P. 158, where he added emphasis to the strategic significance of Cuba in the War of the American Independence.

²⁵ On the Armed neutrality the main work remains *Madariaga I. de*. Britain, Russia and the Armed Neutrality of 1780: Sir James Harris's Mission to St. Petersburg during the American Revolution. London, 1963.

²⁶ *Galiani F. Dei doveri*. P. 1, 2, 8, 11, 365, 384 (apart from all the citations and allusions in the footnotes).

These epigraphs may be seen as the link between the policy advice documents written by Galiani and the main moral, legal and political argument of *Dei doveri dei principi neutrali*. While Galiani flirted with ancient myths and Aeneid's epiphany of the greatness of the Greek-Italian race²⁷, Catherine the Great's Greek project assumed similar theatrical dimensions in projecting the envisaged placement on the throne of a restored Byzantine Orthodox Empire of Catherine's Grandson Konstantin Pavlovich as a rebirth of the spirit of Constantine. Towns conquered by Potemkin were given their ancient names. This curiously presented aggressive spread of the Russian empire Southwards had been prepared through the Russo-Austrian alliance against the Ottoman Empire of 1781 but also took place at exactly the same period in which the first League of Armed Neutrality was formed. As we will see, Galiani's *Dei doveri* presented Catherine's League and the active role that Naples could play politically in assisting Catherine as the only hope for Europe to undo the perverse influence that previous legal and political customs continued to have on European interstate relations. The function, it then appears, of Galiani's use of classical texts in *Dei doveri* was to make a rhetorical case for Naples being a natural accomplice in Catherine's Greek project. Galiani's argument, mixing political reform vision, ancient myth and legal and philosophical argument was to lead the Italian people back to Troy to realize the ancient promise of the bright future of the Eastern Mediterranean.

This in my opinion is the way so far in which the otherwise excessive use of epigraphs in *Dei doveri dei principi neutrali*, Galiani's last work of 1782, is to be understood not as bad taste in showing off superior knowledge of classical authors, but as providing a separate story, about trade in antiquity and modern times, parallel to the formal-theoretical line of criticism of natural law thinkers who had discussed the rights and duties of neutral states²⁸.

In his final book Galiani neither addressed the rulers of Europe's dominant or smaller states, nor constructed an argument that in any straightforward way showed that the Armed Neutrality was in line with natural law. Basing himself on a set of principles of justice and benevolence, Galiani systematically discussed what kind of behaviour suited belligerents and neutral states in certain situations. Yet he did so in a style and approach, often interrupted by long historical disquisitions, that suggested distance from the highly polar-

²⁷ On Aeneid 6.757 («qui maneat Italia de gente nepotes»), see *Galiani F. Dei doveri*. P. 365. In laying out his views for the reform of international relations and foreign trade Galiani passed over the same territory covered by archbishop Fénelon's *Telemachus* drawing upon the Aeneid and portraying Naples as leading the way for a revival of the Italian race in the Mediterranean. See *Rao A.M. Tra erudizione e scienze: l'antiquaria a Napoli alla fine del Settecento // L'incidenza dell'antico. Studi in memoria di Ettore Lepore / A cura di Cl. Montepaone. Napoli, 1996. Vol. 3. P. 103*, for readings of Homer in late eighteenth-century Naples.

²⁸ See *Stapelbroek K. The progress of humankind in Galiani's Dei Doveri dei Principi Neutrali*.

ised political debates on neutrality during the War of the American Independence, in which he presumably intervened.

Compared with other main texts in Galiani's political oeuvre, *Dei Doveri* was, more even than *Della moneta* and the *Dialogues*, directly derived from Galiani's understanding of the influence that antiquity continued to exert on eighteenth-century politics. The fundamental problem in devising a theory about the rights of neutral trade, Galiani argued, was that most modern writers had mixed into their legal treatises the facts, customs and traditions of human history. Grotius, Vattel, Pufendorf, Bynkershoek and others had wanted to civilize international relations, but let in from the start the very principles derived from Roman law that made reform of the interstate system impossible²⁹.

Rome, Galiani explained, since it developed an interest in conquest, had considered itself the only civilised nation in the Mediterranean. Because it had transformed the exercise of primitive aggression towards other nations in a more structured professional military approach, Roman society saw itself as superior to others and holding a moral and legal right over the entire world³⁰. While other tribes plundered ships in the Mediterranean driven by natural passions of revenge and desire for bloodshed, Rome did the same inspired by an ideology of empire and conquest, which gave it a series of self-declared rights and entitled it to the goods of other tribes. Since the Romans did not consider themselves at the same level as any other nation, they had not cultivated public law, only civil law. Moreover, for a state that considered itself the only worthwhile nation in the world confusing law and morality was a second nature: it was truly a divine mission to impose the internal order onto the rest of the world. Yet, modern natural law treatises and treaties ratified between states had made very little progress in developing public law on its appropriate foundations.

Supporting his argument by philological evidence about the Roman Latin term «contract» and a discussion of Cicero's definitions of duties and sociability, Galiani placed the origins of eighteenth-century confusion about international law in the history of Europe. International law and the treaty system had emerged not as independently as they should have from religious ideas, national ideologies and the primitive customs of maritime strife. For Galiani, the madness of the crusades – a recourse to ancient warlike virtues inspired by Christian ideas – was directly comparable to the forces that urged European rulers to turn to war against merchant republics, manipulate commercial treaties by means of force and allow privateers and pirates to disturb the trade carried on by smaller states whose increasing wealth triggered sentiments of jealousy and hate in rulers of territorial states³¹. It was because eighteenth-

²⁹ Almost every mentioning of these writers on a great many pages of the book is critical for this reason. For perspective *Tuck R. The Rights of War and Peace: Political Thought and the International Order from Grotius to Kant*. Oxford, 1999.

³⁰ *Galiani F. Dei doveri*. P. 323–330.

³¹ *Ibid.* P. 353–363.

century writers had failed to develop international politics along the right lines, Galiani bitterly joked, that the only Enlightenment that he could see as a result of the political thought of the age was caused by the «blazes of warfare» that coloured the skies over Europe at night³².

Remarkably, whereas Galiani rejected most outlooks and proposals for the reform of interstate politics, he considered Catherine the Great's Armed Neutrality not only as an effective remedy to the problems of the neutrality of maritime trade during the War of the American Independence, but also as a starting point for a more general realignment of trade and war by universalising and depoliticising the commercial treaty system, civilising naval warfare, getting rid of privateering and allowing visits on board of ships at sea on a general scale³³.

Civilizing the interstate system in this way, the League of Armed Neutrality also coincided with the joint Russian and Neapolitan interests. In 1780 Galiani started a major campaign to turn Naples into the dominant trading nation in the South-East Mediterranean. In his role of secretary of the *Tribunale del commercio*, Galiani drafted a number of policy advice memoranda that outlined the diplomatic strategy of his plan. This strategy included efforts to ratify basic commercial treaties with the Ottoman Empire and Russia and thereby create a basis for outcompeting other Italian states³⁴. Seen in this con-

³² Ibid. P. 241.

³³ Ibid. P. 236–237, 300, 332. On page 236 the League of the Armed neutrality is mentioned for the first time and is presented not as a way to extend the rights of neutrals or dispute the validity and importance of strict justice itself, but as a political and moral claim that beneficence and friendship in the modern world translated into a precise idea of being truly neutral. The first Armed neutrality, Galiani wrote, came as unexpected «light from the skies». The obvious negative reference point was the «sweet delirium» of the abbé de Saint-Pierre's project for Perpetual Peace. See *Galiani F. Dei doveri*. P. 34; *Galiani F. Della moneta*. P. 306–307.

³⁴ *Diaz F. L'abate Galiani consigliere di commercio estero del Regno di Napoli // Rivista storica italiana* 80 (1968). P. 854–909; *Idem. Politica estera e problemi economici del Regno di Napoli nell'opera di Ferdinando Galiani // Accademia Nazionale Dei Lincei. Convegno Italo-Francese sul tema: Ferdinando Galiani...* F. Diaz brings out neatly the way Galiani calculated the opportunities and risks of these treaties just like he did in other cases, for example when he rejected the reasons for concluding a commercial treaty with America as insufficient. It is well known, and discussed by Diaz, that Galiani took a plan by Giovanni Cristiano de Miller (copies of which somehow circulated throughout Europe) as a basis for leapfrogging a Piedmontese design for a commercial treaty with Russia. See *Levi G. Les projets du gouvernement sarde sur les relations économiques avec la Russie à la fin du XVIIIe siècle // La Russie et l'Europe. XVIe–XXe siècles. Paris; Moscou, 1970. P. 283–306, and Karp S. Un manuscrit de Diderot porté disparu: les Observations sur le traité entre la Russie et le royaume de Sardaigne // L'édition du dernier Diderot. Pour un Diderot électronique / Textes réunis et publiés par G. Goggi and D. Kahn. Paris, 2007. P. 51–62, particularly on the Piedmontese-Russian diplomatic networks which ran via officials in The Hague, notably Prince Dmitri Alekseevič Golitsyn. The figure De Miller is discussed in *Dal Pane L. Lo Stato Pontificio e il Movimento riformatore del Settecento*. Milano, 1959). For the process of the conclusion of the Neapolitan treaty and rival projects by other Italian states see *Berti G. Russia e stati italiani nel Risorgimento*. Torino, 1957; *Giura V. Russia, Stati Uniti d'America e regno di Napoli nell'età del Risorgimento*. Napoli, 1967; *Cavalcanti M.L. Alle origini**

text *Dei doveri dei principi neutrali* comes out as the crowning achievement of Galiani's foreign politics as well as of his political writing career.

Perhaps it is appropriate here to recall the words of Ludwig Heinrich von Nicolai, who served under Catherine the Great and who in his *Erinnerungen* mentions one of Galiani's typical jokes:

During my last meeting with this Neapolitan in 1782 he interrupted a long eulogy on Catherine by exclaiming: Oh, if only she would break the chains of Greece! If only she would restore this old fatherland of wisdom and art to its old glory. Tell her, that I pray to the heavens everyday for her to do that. But tell her as well that I offer myself in advance for a job in her new state to become the Bishop of Kythira³⁵.

Catherine never conquered Greece and Galiani never became the Bishop of Kythira (known as the island of love), but that takes away nothing from Galiani's vision. In 1787, on his deathbed, Galiani still received a jeweled snuffbox from Catherine with a letter thanking him for his role in the Russian Neapolitan negotiations over a trade agreement that was concluded earlier that year³⁶. Galiani had been working on the Russo-Neapolitan treaty since 1780 and believed that Russia's initiative to use its power to launch the Armed neutrality could well have a great and lasting effect on European international relations³⁷.

del Risorgimento: Le relazioni commerciali tra il Regno di Napoli e la Russia 1777–1815. Genève, 1979, and *Venturi F. I rapporti italo-russi dalla seconda metà dal '700 al 1825 // Quaderni di Rassegna Sovietica*. 1968. N 2. P. 6–30.

³⁵ *Heier E. L.H. Nicolay (1737–1820) and his Contemporaries*. The Hague, 1965. P. 104, the text is from a note added to Nicolay's epistle *An Vos' en*: «Bey meiner letzten Zusammenkunft mit diesem berühmten Neapolitaner (1782) unterbrach er seine lange Lobrede auf Catherinen mit dem Ausrufe: O wenn sie doch einmahl die Fesseln Griechenlands zerbräche! Wenn sie dieses alte Vaterland der Weisheit und Künste in seinen ganzen Glanz wieder herstellte! Sagen Sie Ihr, wenn es sich thun lässt, dass ich täglich den Himmel darum anflehe. Aber sagen Sie Ihr auch, dass ich mich zum voraus bey Ihr um eine Stelle in diesem Ihrem neuen Staate bewerbe, um das kleine Bisthum von Cythere».

³⁶ See *Steegmüller F. A woman, a man, and two Kingdoms*. London, 1991. P. 242. Through his Parisian contacts, who repeatedly told Galiani to have himself sent to St. Petersburg as a Neapolitan diplomat, Galiani had also personally approached Catherine and had on previous occasions received gifts from the Empress, who also bought Galiani's brother's library. See the *Notizie del mondo* of 23 April 1782. P. 366–367. Galiani had sent Catherine the Great a text for an inscription for the statue of Peter the Great. On Galiani's flirts (assisted by Grimm) with Catherine's cultural-intellectual programme see *Gambacorta L. Galiani e la Russia // Archivio Storico per le Province Napoletane*. 1988. N 106. P. 335–345. See also *Dulac G. L'abbé napolitain, le «factotum» et l'impératrice de Russie: les huit dernières lettres de Ferdinando Galiani à Friedrich Melchior Grimm // Les Archives de l'Est et la France des Lumières. Guide des archives et inédits / Sous la dir. de G. Dulac et S. Karp. Ferney-Voltaire, 2007. Vol. 2. P. 641–672*.

³⁷ Loads of Italian writers reflected on the rise of Russia as a European power in relation to Catherine's foreign and domestic politics. Russia features, for instance, as something of a model in Filangieri's *Scienza della Legislazione*. See also *Algarotti F. Lettres du Comte Algarotti sur la Russie, Contenant l'état du Commerce, de la Marine, des revenus, & des forces de cet Empire. Londres [Paris]: et se trouve à Paris chez Merlin, 1769*.

CONCLUSION

What may be concluded from all this? That Galiani's juvenile work on the art of government, his *De l'Opinion* and his studies on Horace were much closer than is commonly acknowledged to the essence of his political writings. In a sense, Galiani's political works (*Della moneta*, the *Dialogues*, *Dei doveri*) were by-products of his real intellectual enterprise, which was primarily historical.

Was Galiani's mind exceptional in functioning in this way? Probably not. There is also little novelty in the point that eighteenth-century political writers drew upon vast historical learning in their writings. Entering the world of the eighteenth century perception and uses of antiquity, therefore, for most historians, is a humbling experience.

Far more significant and too often neglected is the function that knowledge of antiquity had in eighteenth-century political thought. There is something paradoxical about it. Much has been written about the famous Quarrel of the Ancients and the Moderns, but by the mid eighteenth-century these categories must have seemed curiously antiquated³⁸. Precisely when international trade rivalry, national debts finance and problems of neutral trade first manifested themselves as signs of an irreversible change it became directly useful for figures like Galiani to understand their emergence in the light of the trajectory of the history of humankind since antiquity. As an antidote to political-intellectual vertigo and in search for a method to devise political economic reforms, eighteenth-century writers turned to the study of history. One wonders if there is not a final protreptic message for us hidden in Galiani's jibe against those «ancients» and «moderns» whom we celebrate as Enlightened, but who in Galiani's view did not sufficiently grasp the challenges of modernity to be able to respond to them.

Кун Стэпльбрук

**Античность и современность:
новый взгляд на политические сочинения
Фердинандо Галиани**

Уроженец Неаполя Фердинандо Галиани (1728–1787) был человеком разнообразных познаний и в этом смысле – типичным представителем культуры XVIII столетия. Будучи политическим мыслителем и автором работ, посвященных реформе национальной (неаполитанской и французской) и международной торговли, он пользовался также немалым авторитетом как знаток античности. Подобно многим своим современникам, Галиани получил блестящее классическое

³⁸ Just like earlier relationships with antiquity gave way to new forms, see *Grafton A. Commerce with the Classics Ancient Books and Renaissance Readers*. Ann Arbor, 1997.

образование; однако, благодаря критическому уму и богатому воображению, он сумел внести собственный вклад в изучение реалий античного мира. Этой задаче был посвящен целый ряд задуманных им исследований, так и оставшихся незавершенными. В статье рассматривается, каким образом политическая мысль Галиани и его интерес к классической древности подпитывали друг друга. Этот подход позволяет предложить новый, целостный взгляд на интеллектуальный кругозор Галиани и установить связь, например, между его ранней работой о деньгах в эпоху Троянской войны, анализом поэзии Горация, которым он занимался последние годы своей жизни, и его политическими взглядами, изложенными в его сочинениях о современных платежных средствах и торговле зерном, а также философско-правовыми комментариями о правах нейтральной торговли, которые были им написаны в связи с присоединением Неаполя к Лиге вооруженного нейтралитета, созданной по инициативе Екатерины II. Автор стремится показать, каким образом такие авторы XVIII в., как Фердинандо Галиани, использовали исторический анализ, в частности наследие античности, в качестве метода отбора и систематизации знаний, по-новому осмысливая специфику собственного времени и вырабатывая свое отношение к нему.

WYGER R.E. VELEMA

CLASSICAL ANTIQUITY CONTESTED:
THE DUTCH EIGHTEENTH CENTURY
AND ANCIENT POLITICS

INTRODUCTION

The year 1795 saw the definitive end of the Dutch *ancien régime*. The republic of the Seven United Provinces, that strange political anomaly in the largely monarchical Europe of the seventeenth and eighteenth centuries, was dismantled and replaced by the Batavian Republic¹. The revolution was greeted with great enthusiasm. Soon declarations of the rights of man and of the citizen were proclaimed throughout the country². In many towns and villages the excited population gathered around hastily erected liberty trees, the political symbols of the new order. This was the year of the triumph of an entirely new and revolutionary way of thinking. A streamlined new state was to replace what many contemporaries had come to regard as the bizarre and Gothic old republican political order. The political inspiration for this new state did not come from the past, but exclusively from the timeless natural and inalienable rights of man as formulated by the Enlightenment. The past had definitively lost its political relevance. History was reduced to the sad and dreary tale of the suffering of oppressed humanity until the advent of the liberating revolutions of the late eighteenth century. Such, in a nutshell, is the current interpretation of the ideology of the Batavian revolutionaries. The Batavians, Thomas von der Dunk recently maintained echoing a long line of predecessors, «did not base themselves on

© Wyger R.E. Velema, 2012

¹ Despite numerous shortcomings, the best general treatment of the first years of the Batavian revolution is still *Schama S. Patriots and Liberators. Revolution in the Netherlands 1780–1813*. New York, 1977. P. 178–353. The Batavian revolution is discussed from a comparative perspective in *Jourdan A. La Révolution batave entre la France et l'Amérique (1795–1806)*. Rennes, 2008.

² *Tweehonderd jaar rechten van de mens in Nederland. De verklaring van de rechten van de mens en van de burger van 31 januari 1795 toegelicht en vergeleken met Franse en Amerikaanse voorgangers / Samenst. F.H. van der Burg, H. Boels*. Leiden, 1994.

history, but tried to create a new political ideal from nothing, solely on the basis of reason». It would seem, however, that this broadly accepted interpretation of the intellectual universe of the Batavian revolutionaries as exclusively based on «ahistorical rationality» is quite one-sided and therefore seriously misleading³. Indeed, it can only be sustained by ignoring what the historical actors of 1795 were actually talking and writing about. Let us take a closer look at the preoccupations of literate Dutchmen in the year 1795.

On February 21, 1795, Johan Luzac, known throughout Europe for his prestigious *Gazette de Leyde*, ended his rectorate at the University of Leiden with a farewell speech⁴. The theme this moderate reformer addressed was highly topical during these hectic first weeks of the Batavian revolution: it was the meaning of citizenship. Luzac thought he could best approach his complex subject through a concrete historical example and therefore devoted his entire speech to Socrates. From the very start, he made it clear that knowledge of abstract and timeless natural rights was absolutely insufficient for an adequate understanding of his theme. It was at least as important «constantly to study the Greek and Roman Historians, Orators, and Philosophers»⁵. That he should think so was hardly surprising, since Johan Luzac not only was a professor of Greek, but he was also a classical republican. Already in 1785, during the so-called Patriot Era, he had emphatically told an audience he suspected of containing many «fanatical devotees of Popular Government» that a pure democracy was an abomination. True liberty, the study of classical antiquity had taught him, could only exist in a mixed form of government, in a so-called «moderate Aristo-Democracy»⁶. Luzac was still of the

³ *Dunk T.H. von der*. Een Hollands heiligdom. De moeizame architectonische eenwording van Nederland. Amsterdam, 2007. P. 15, 17. The *locus classicus* of this interpretation is *Leeb I.L.* The Ideological Origins of the Batavian Revolution. History and Politics in the Dutch Republic 1747–1800. The Hague, 1973.

⁴ On Johan Luzac see *Popkin J.D.* News and Politics in the Age of Revolution. Jean Luzac's *Gazette de Leyde*. Ithaca; London, 1989; *Schöffner I.* Een Leids hoogleraar in politieke moeilijkheden. Het ontslag van Johan Luzac in 1796 // Geen schepsel wordt vergeten. Liber amicorum voor Jan Willem Schulte Nordholt ter gelegenheid van zijn vijftenzestigste verjaardag / Onder red. van J.F. Heijbroek, A. Lammers, A.P.G. Jos van der Linde. Amsterdam; Zutphen, 1985. P. 61–80.

⁵ *Luzac J.* Socrates als burger beschouwd, in eene plechtige redevoering, uitgesproken op den 21. Februari 1795, bij het nederleggen van 't Rectoraat der Hollandsche universiteit, etc. Leiden: A. and J. Honkoop, 1796. P. 7–8. Cf. the original edition of the speech: *Idem*. Oratio de Socrate cive: publice habita, die 21 Februarii MDCCXCV, quum magistratu academico abiret: probatione & adnotationes de Socrate ac de republica Attica, praesertim disquisitio de epistas ac proedris Atheniensium, et de Socrate epistate, ad calcem adjectae reperiuntur. Lugduni Batavorum: apud A. et J. Honkoop, 1796.

⁶ *Luzac J.* Redevoering ten betooge, dat de geleerdheid de voedster is der burgerdeugd, vooral in een vry gemeenebest, etc. Leiden: Hendrik Mostert, 1786. P. 48, 55. Cf. the original edition of this speech: *Idem*. Oratio de eruditione, altrice virtutis civilis praesertim in civitate libera. Publice habita a.d. XXIV. Septembris MDCCLXXXV. Quum ordinariam linguae Graecae... professionem in academia Lugduno-Batava... auspicaretur Lugduni Batavorum: apud Henricum Mostert, 1785.

same opinion in 1795 and repeated his message, although in a form slightly adapted to the changed political circumstances. Socrates had been such an exemplary citizen because he had, in times of faction and political chaos in Athens, caused by the «license of the vulgar», not entirely turned away from politics⁷. Without aspiring to political office in those times of moral decay, he had given his fellow citizens a shining example of virtuous behavior and had constantly reminded them that there was nothing above the laws and above justice – even if this meant that he eventually had to pay the highest price⁸.

Such warnings about the excesses of popular government fell on deaf ears with Johan Luzac's cousin, the hot-blooded revolutionary Johan Valckenaer, son of the eminent classical philologist Lodewijk Caspar Valckenaer⁹. He had been appointed as professor of law at Leiden University in the spring of 1795 to replace the very learned, but also very conservative Friederich Wilhelm Pestel¹⁰. That he took his political appointment very seriously indeed became clear in his inaugural lecture in October of 1795. It discussed *The duties of a Batavian citizen, particularly in revolutionary times*¹¹. To Johan Valckenaer, who belonged to the small group of Dutch revolutionaries desiring a ruthless suppression of all adherents of the *ancien régime*, any form of political moderation during the crucial early phase of a revolution was a grave mistake. That those still in favor of the old order needed to be persecuted with all available means was a lesson made perfectly clear by ancient history: «The Romans did not grant amnesty (...) to the followers of Tarquin. On the contrary, they chased them all away and beheaded both the sons of Brutus (...) and their Republic has flourished for more than four centuries»¹². But it was not only the persecution of political opponents that had excellent classical

⁷ Luzac J. Socrates als burger beschouwd... P. 35–41.

⁸ Ibid. P. 41–70.

⁹ The best biography of Johan Valckenaer is still *Sillem J.A. Het leven van Mr. Johan Valckenaer (1759–1821)*. Amsterdam, 1883, 2 Vol. On Lodewijk Caspar Valckenaer see *Gerretzen J.G. Schola Hemsterhusiana. De herleving der Grieksche studieën aan de Nederlandse universiteiten in de achttiende eeuw van Perizonius tot en met Valckenaer*. Nijmegen; Utrecht, 1940.

¹⁰ On Valckenaer's Leiden professorate see *Schöffner I. Een kortstondig hoogleraarschap. Johan Valckenaer in Leiden 1795–1796 // Bestuurders en geleerden. Opstellen over onderwerpen uit de Nederlandse geschiedenis van de zestiende, zeventiende en achttiende eeuw, aangeboden aan Prof. Dr. J.J. Woltjer bij zijn afscheid als hoogleraar aan de Rijksuniversiteit te Leiden / Onder red. van S. Groenveld, M.E.H.N. Mout, I. Schöffner*. Amsterdam, 1985. P. 193–208.

¹¹ *Valckenaer J. Redevoering over de plichten van een Bataavsch burger, vooral bij eene staatsomwenteling. Uitgesproken in de Academie van Leide op den X oktober 1795. Ter aanvaarding van zijnen post als gewoon hoog-leeraar in het algemeen, volken- en staats-recht. Uit het Latijn vertaald door G.C.C. Vatebender*. Gouda: H.L. van Buma & Comp., 1796. See the original publication: *Idem. Oratio de officio civis Batavi in republica turbata, habita in Academia Lugduno-Batava, die X. Octobris MDCCLXXXV. Lugduni Batavorum: apud A. et J. Honkoop, 1795.*

¹² *Schimmelpenninck G. Rutger Jan Schimmelpenninck en eenige gebeurtenissen van zijnen tijd. 's Gravenhage, Amsterdam, 1845. Bd. 1. P. 61.*

precedents, for Valckenaer emphasized that Batavian citizens could also learn a lot from classical politics in a more general way. They should cast off their habitual moderation, should imitate the ancient republicans in arming themselves, and should, as the great patriot Cicero had recommended, openly and actively choose the side of liberty. As for the new administrators of the country, they could do no better than to model their behavior on that of Lycurgus, Junius Brutus and Fabius Maximus¹³.

It was not only in Leiden, however, that the new political order was a topic of intense interest in 1795. Already on January 2 of that year, J.B. van der Meersch had thoroughly discussed the influence of the people on politics in the Amsterdam society *Felix Meritis*. Such popular influence, he had argued, was extremely desirable and generally led to great prosperity, yet only when it was arranged in the right way¹⁴. Those desirous to know what the right way was, should cast a «philosophical eye» on the causes of the decline of the Roman republic. For that republic had not only been ruined by «a harmful luxury», but even more by «the wrong arrangement of the influence of the people on government»¹⁵. In some respects, Van der Meersch maintained, the Romans had not allowed enough popular influence on politics. Thus the *Senatores* should have been popularly elected and the rigid division between *Patricii* and *Plebeji* should never have been tolerated, for it was incompatible with republican equality. In other areas, however, the Romans had done the opposite and had allowed too much popular influence on government. It was, for instance, quite evident «that the Romans decided many things in their popular assemblies that should have been left to their governors»¹⁶. The Batavian revolutionaries, Van der Meersch insisted, could and should learn valuable lessons from the Roman example. It was only by avoiding the mistakes the Romans had made that they could guarantee their own new republic a long and healthy life.

OMNIPRESENT AND CONTESTED ANTIQUITY

These three examples from the year 1795 make it abundantly clear that Dutchmen reflecting and commenting on their political revolution were not exclusively obsessed with «ahistorical rationality», but were, just as their American and French contemporaries, at least as much preoccupied with the heritage

¹³ *Valckenaer J.* Redevoering over de plichten van een Bataafsche burger. The copy I consulted had no page numbers.

¹⁴ *Meersch J.B. van der.* Verhandeling over den invloed van het volk op het bestuur. Voorgelezen te Amsterdam, in de maatschappij Felix Meritis. Op den 22 januarij 1795. Het eerste jaar van de Bataafsche vrijheid. Leiden: A. en J. Honkoop, 1795. P. 5–9.

¹⁵ *Ibid.* P. 1.

¹⁶ *Ibid.* P. 10–14.

of classical antiquity¹⁷. Such a preoccupation, moreover, was entirely in line with the political thought of their eighteenth-century Dutch predecessors, in which classical antiquity had played a prominent role. It is both remarkable and regrettable that this crucial element in eighteenth-century Dutch political discourse has either been neglected or declared irrelevant by subsequent historians¹⁸. It will be my aim in the present article to demonstrate that such neglect or condescension is entirely unjustified.

That the heritage of classical antiquity played such a prominent part in eighteenth-century Dutch political thought should not surprise us, for the classics were omnipresent in Dutch Enlightenment culture. To begin with, the classics – and particularly the Roman classics – continued to play a central role in Dutch education during the entire eighteenth century. Indeed, the heavily classical «School Order of the States of Holland and West-Frisia», originally adopted in 1625, remained essentially unchanged until the nineteenth century¹⁹. Despite significant intellectual innovations, the university curriculum, too, remained heavily oriented towards classical antiquity. Dutch eighteenth-century elites, in short, were steeped in the classics²⁰. What was new and important in the eighteenth century was the spread of classical culture among much broader groups in Dutch society. As was the case in other European countries, the Age of the Enlightenment in the Dutch Republic witnessed the growth of a public sphere. Communication in this new public sphere, which was very different from the *respublica literaria*, no longer took place in Latin or even French, but in Dutch²¹. This development greatly affected the transmission of the classics: classical texts, histories of the ancient world and classical references increasingly became available in Dutch.

¹⁷ On America see e.g. *Richard C.J.* The Founders and the Classics. Greece, Rome, and the American Enlightenment. Cambridge; London, 1994; *Winterer C.* The Culture of Classicism: Ancient Greece and Rome in American Intellectual Life, 1780–1910. Baltimore, 2004, and *Bederman D.J.* The Classical Foundations of the American Constitution. Prevailing Wisdom. Cambridge, 2008. On France see e.g. *Parker H.T.* The Cult of Antiquity and the French Revolution. A Study in the Development of the Revolutionary Spirit. New York, 1965 (originally published in 1937); *Mossé C.* L'Antiquité dans la Révolution française. Paris, 1989, and *Grell C.* Le Dix-huitième siècle et l'antiquité en France 1680-1789. Oxford, 1995. 2 vol.

¹⁸ Among the few exceptions are *Klein S.R.E.* Patriots republikanisme. Politieke cultuur in Nederland (1766–1787). Amsterdam, 1995, and *Sas N.C.F. van.* De metamorfose van Nederland. Van oude orde naar moderniteit, 1750–1900. Amsterdam, 2004. P. 129–143.

¹⁹ *Kuiper E.J.* De Hollandse «Schoolorde» van 1625. Groningen, 1958.

²⁰ For a general discussion of the role of the classics in early modern Dutch culture see *Veenman R.* De klassieke traditie in de Lage Landen. Nijmegen, 2009.

²¹ *Strukturwandel der Öffentlichkeit: Untersuchungen zu einer Kategorie der bürgerlichen Gesellschaft* by Jürgen Habermas (Neuwied am Rhein, 1962) remains of fundamental importance for this theme. For critical comments on Habermas see: Habermas and the Public Sphere / Ed. by C. Calhoun. Cambridge (Mass.); London, 1992, and *Blanning T.C.W.* The Culture of Power and the Power of Culture. Old Regime Europe 1660–1789. Oxford, 1992. P. 5–14. The most authoritative general account of the Dutch Enlightenment is *Kloek J., Mijnhardts W.* 1800. Blauwdrukken voor een samenleving. Den Haag, 2001.

Indeed, the Dutch eighteenth century for the first time saw the rise of a full-blown «vernacular classicism»²².

That these omnipresent classics were much more than intellectual window dressing to the eighteenth-century Dutch is apparent from, among other things, their philosophy of history. Throughout the Enlightenment the Dutch view of the past continued to bear a strongly humanist stamp²³. This meant that the past was primarily analyzed from a political point of view and that it was supposed to furnish examples of appropriate or inappropriate political behavior. For this to be possible, it had to resemble the present. Indeed, it was widely held that «the world is a stage, on which the same plays, albeit by different players, are performed over and over again through the ages»²⁴. The original and most powerful staging of these plays, the Dutch remained convinced, had taken place in the ancient and particularly in the Roman world. It was primarily Rome, as Martinus Stuart, the author of a multi-volume Roman history, remarked in 1793, which provided an inexhaustible source of political lessons for «true servants of the country»²⁵. The gradual shift from a humanist to a ‘philosophical’ view of history in the course of the eighteenth century in no way diminished the continued relevance of classical antiquity. It just meant that the individual *exempla virtutis* were increasingly accompanied by general philosophical reflection.

Crucially important as these phenomena were, however, neither their educational system nor their pragmatic view of history made the Dutch exceptional within the broader European context of the eighteenth century. What *did* make them stand out from most other European countries were their political system and their political thought. The eighteenth-century Dutch were and remained fervent republicans in an increasingly monarchical Europe²⁶. It was this rather exceptional situation that gave their views of classical antiquity a particular slant and a great sense of urgency. The most important examples of republican government, after all, were to be found in the ancient world. Whereas for most other eighteenth-century Europeans the classical republics remained at best a distant ideal, for the eighteenth-century Dutch they were of direct and permanent relevance²⁷. Indeed, it is no exaggeration

²² I have borrowed this most useful term from *Winterer C.* *The Mirror of Antiquity. American Women and the Classical Tradition, 1750–1900.* Ithaca; London, 2007.

²³ *Haitzma Mulier E.O.G.* *Between Humanism and Enlightenment: The Dutch Writing of History // The Dutch Republic in the Eighteenth Century. Decline, Enlightenment and Revolution /* Ed. by M. Jacob and W. Mijnhardt. Ithaca; London, 1992. P. 170–187.

²⁴ *Luzac J.* *Socrates als burger beschouwd.* P. 245.

²⁵ *Stuart M.* *Romeinsche geschiedenissen.* Utrecht, Amsterdam, 1793–1810, 30 bd.; here Bd. 1. P. 12. On Stuart see *Reinsma R.* *Martinus Stuart (1765–1825). Geschiedschrijver des Rijks // De Negentiende Eeuw.* 1981. N 5. P. 31–41, and *Vuyk S.* *Uitdovende Verlichting. Remonstranten als deftige vaderlanders (1800–1860).* Amsterdam, 1998. P. 68–89.

²⁶ On the varieties of eighteenth-century Dutch republicanism see *Velema W.R.E.* *Republicans. Essays on Eighteenth-Century Dutch Political Thought.* Leiden; Boston, 2007.

²⁷ For general discussions of the historical reputation of the ancient republics see *Rawson E.* *The Spartan Tradition in European Thought.* Oxford, 1969; *Roberts J.T.* *Athens on Trial. The Antidemocratic Tradition in Western Thought.* Princeton, 1994; and *Millar F.* *The Roman Republic in Political Thought. The Menahim Stern Jerusalem Lectures.* Hannover; London, 2002.

to claim that, contrary to what most historians have maintained, eighteenth-century Dutch political thought to a very significant extent revolved around the interpretation and evaluation of classical republicanism. Dutch political conflicts very frequently took the form of a battle over the proper interpretation of classical republican politics. In the remainder of this article an attempt will be made to substantiate this claim by looking at three representative episodes. First of all, it will briefly be shown how the eighteenth-century Dutch regent oligarchy presented itself, by the use of classical examples, as an «oligarchy of virtue». Then the ways, in which the reformist Patriot movement of the 1780s appealed to classical antiquity to legitimate its ideal of the independent, armed and virtuous republican citizen will be explored. The final section of this article will discuss the question whether or not the classics retained their political relevance for the Dutch after the fall of their *ancien régime* in 1795.

AN OLIGARCHY OF VIRTUE

The felicitous term «oligarchy of virtue», used by Philip Ayres to characterize the political classicism of the English governing elite during the eighteenth century, is equally applicable to the self-image cultivated by the Dutch regent elite during the Age of Enlightenment²⁸. Although Dutch historians have long described the eighteenth-century Dutch regent elite as pragmatic and non-ideological, it in fact presented itself as the descendant of the virtuous rulers of the Roman republic. This may, for instance, be seen in the eighteenth-century decoration programs of various Dutch town halls. The Burgomasters room of the town hall of Enkhuizen, decorated with a wealth of Roman *exempla* during the first decade of the century, is one of the more striking examples of the political uses of the classics for urban regents²⁹. The identification of the Dutch regent elites with the virtuous politics of classical antiquity may equally be seen in an abundance of political texts. Perhaps there is no better example of this widespread tendency than the voluminous *Treatise on Liberty in Civil Society*, first published in 1737. Indeed, the author of the *Treatise*, the Zeeland regent Lieven de Beaufort, may be regarded as the Dutch Cicero: he only wrote his work, so he assured his readers,

²⁸ Ayres P. *Classical Culture and the Idea of Rome in Eighteenth-Century England*. Cambridge, 1997.

²⁹ Bedaux J.B., Groot A., Hagen A. *Allegorieën van goed bestuur; het decoratieprogramma van het stadhuis van Enkhuizen (1687–1719)* // *Jaarboek Monumentenzorg*. Deel 3. Zwolle, Zeist, 1992. P. 142–180; *Eikema Hommes M. van, Bakker P.* Hoogachtbaarheid en ontzaglijke grootheid. De burgemeesterskamer van het stadhuis van Enkhuizen // *Romeyn de Hooghe. De verbeelding van de late Gouden Eeuw* / Onder red. van H. van Nierop, E. Grabowsky a.o. Zwolle; Amsterdam, 2008. P. 222–243.

because the largest part of Cicero's *De re publica* had been lost³⁰. In his lengthy discussion of the various aspects of liberty, De Beaufort completely ignored the writings produced by the authors belonging to the Dutch radical Enlightenment of the second half of the seventeenth century³¹. Indeed, he claimed that very little of any worth had so far been written in the Dutch Republic on the topic of liberty, with the exception of the writings of the seventeenth-century classical republican Rabo Schele³². To reach a proper understanding of liberty, which consisted both of the rule of law and of the possibility for the citizen actively to participate in government, the best and indeed the only way to proceed was to study the works of Aristotle, Tacitus, Sallust, Plutarch and Cicero³³.

From his reading of these classics, De Beaufort concluded that the government of the eighteenth-century Dutch Republic was remarkably similar to the mixed government of republican Rome³⁴. This, however, also meant that it was vulnerable to exactly the same political diseases that had caused the decline and fall of the Roman republic. The most important of these was the slow and almost imperceptible growth of monarchical power within the republican system. This was a process that, once it had started, was almost impossible to reverse and that usually, as the example of August amply demonstrated, ended in disaster³⁵. As the Greek historian Polybius had shown, the rise of monarchical power and the creeping introduction of political slavery were invariably preceded and accompanied by the emergence of two related evils: political ambition and luxury³⁶. The best and in fact the only defence against such republican decline was to be found in the political virtue of the regents, who were urged by De Beaufort to take Demosthenes, Cicero, Marcus Brutus and particularly Cato Uticensis as their political examples³⁷.

³⁰ [Beaufort *L.F. de*] *Verhandeling van de vryheit in den burgerstaet*. Leiden: S. Luchtmans; Middelburg: L. Bakker, 1737. P. 408. Large parts of Cicero's *De re publica* were unknown during the eighteenth century and only recovered in 1819. See: *Atkins E.M. Cicero // The Cambridge History of Greek and Roman Political Thought* / Ed. by C. Rowe and M. Schofield. Cambridge, 2000. P. 490. Regrettably, not much has been written on De Beaufort. See, however, *Velema W.R.E. Republicans*. P. 44–49, 56–64.

³¹ *Israel J.I. Radical Enlightenment. Philosophy and the Making of Modernity 1650–1750*. Oxford, 2001; *Idem. Enlightenment Contested. Philosophy, Modernity, and the Emancipation of Man 1670–1752*. Oxford, 2006.

³² [Beaufort *L.F. de*] *Op. cit.* P. 3. On Schelius see *Kossmann E.H. Politieke theorie in het zeventiende-eeuwse Nederland*. Amsterdam, 1960. P. 32–34, and *Streng J.C. «O heerlijk Staatsjuweel van Overijssel»*. *Reacties op het werk en de persoon van Rabo Herman Schele (1622–1662)*, in *dicht en onduidelijk // Overijsselse Historische Bijdragen*. 1994. Bd. 109. P. 87–101.

³³ The authors most quoted by De Beaufort, in this order. Modern authors are largely absent from the *Treatise*.

³⁴ [Beaufort *L.F. de*] *Op. cit.* P. 52–60, 121–144.

³⁵ *Ibid.* P. 276–291.

³⁶ *Ibid.* P. 293, 304–382.

³⁷ *Ibid.* P. 210–225.

De Beaufort's classical republican defence of the existing political order in the Dutch Republic would be increasingly undermined as the eighteenth century progressed. Some critics simply denied the relevance of his classical frame of reference. Many others, however, argued that De Beaufort had failed to apply the lessons of classical republican politics in the proper way. The first phase of this latter – and for our purposes most interesting – form of criticism already emerged at the time of the publication of De Beaufort's work, but reached its apogee in the third quarter of the century. More and more writers came to the conclusion that the twin dangers of political ambition and luxury no longer, as De Beaufort had suggested, constituted a potential threat to the Dutch Republic, but were in fact already omnipresent. This deeply pessimistic analysis, in which comparisons with the decline of the Roman republic abounded, could be found with particular frequency in the new genre of spectatorial writings³⁸. The authors of these periodicals never tired of explaining how Dutch republican virtue and sobriety were increasingly being undermined by the predominantly French imports of decadence, luxury and effeminacy³⁹. Where De Beaufort had primarily appealed to the regent elite, these new spectatorial writings stressed the need for the entire citizenry to return to republican virtue and to do so by, among other things, absorbing the wisdom of the ancients.

A REVOLUTION OF REPUBLICAN VIRTUE

Decades of spectatorial discourse on the loss of Dutch republican virtue and on the ominous parallels between the decline of the Dutch Republic and the decline of republican Rome paved the way for the next phase in the Dutch dialogue with the ancients. The cultural criticism voiced in the ubiquitous spectatorial writings prepared the ground for the definitive demise of the conventional classicist legitimation of the established republican order that was to be found in the writings of such theorists as De Beaufort. By the early 1780s, many Dutch citizens had become convinced that republican liberty was on the brink of extinction. They therefore decided to take their political fate into their own hands: the Patriot movement was born. Dutch Patriotism no doubt derived from many different sources. The movement was triggered by the disastrous Fourth Anglo-Dutch War. It was inspired by the example of the American Revolution⁴⁰. Yet it would have been unthinkable without the classics. Indeed, the revolution of the Dutch Patriots was primarily a revolu-

³⁸ A brief introduction to the genre may be found in *Buijsters P.J.* *Spectatoriale geschriften*. Utrecht, 1991.

³⁹ The eighteenth-century Dutch debate on luxury is discussed in *Nijenhuis I.J.A.* *De weelde als deugd? // Documentatieblad Werkgroep Achttiende Eeuw*. 1992. N 24. P. 45–56.

⁴⁰ The influence of the American revolution in the Dutch Republic is discussed in *Schulte Nordholt J.W.* *The Dutch Republic and American Independence*. Chapel Hill; London, 1982.

tion of classical republican virtue. It rejected the traditional classicist defence of the Dutch republican *ancien régime* in the name of a radical reinterpretation of the meaning of classical republican citizenship. What exactly was it that the Patriots wanted?

It is a question to which there is no simple answer. One of the key elements in Patriot political thought was a radical (re-) interpretation of the ultimately Aristotelian notion that the citizen can only express his virtue by direct and permanent participation in politics⁴¹. In the work of De Beaufort, this idea had been reduced to the theoretical accessibility of political offices to all deserving and virtuous citizens. For the Patriots, on the contrary, it came to mean that the Dutch citizens should permanently exercise their sovereignty, just as the citizens of the classical republics were deemed to have done. Indeed, citizens without permanent sovereignty were held to be no better than slaves. This revolutionary reinterpretation of the classical political heritage obviously owed much to enlightened theories concerning the inalienable nature of popular sovereignty, but it was also inspired by some of the more radical texts from the British classical republican or Commonwealth tradition. Thus Marchamont Nedham's explosive *The Excellency of a Free State*, originally published in the 1650s, was translated into Dutch in 1783⁴². The new Patriot reading of the classical heritage had far reaching consequences. It meant, first of all, that the citizen should be allowed and was obliged to protect his liberty and independence through the bearing of arms. It also meant that the distance between governors and governed should be minimal. Republican citizen participation was incompatible with a territorially extended state, as the history of the ancient republics amply confirmed. It finally meant that the citizen should never entirely transfer his political power to representatives, for that would mean the end of his existence as a virtuous political being⁴³.

Yet to conclude from all this that the Patriots simply wished to revive the politics of the ancient city states in all respects would be a mistake, for they were certainly aware of the substantial differences between the ancient

⁴¹ A still unsurpassed history of this mode of thought is *Pocock J.G.A.* The Machiavellian Moment. Florentine Political Thought and the Atlantic Republican Tradition. Princeton, 1975.

⁴² Cf. *Millar F.* Op. cit. P. 84: «Nedham's work must represent the most emphatic statement of the proposition that both sovereignty and effective power must reside in the people and that the best model for that state of affairs was the Roman Republic». On Nedham see *Worden B.* Marchamont Nedham and the Beginnings of English Republicanism, 1649–1656 // *Republicanism, Liberty, and Commercial Society 1649–1776* / Ed. by D. Wootton. Stanford, 1994. P. 45–81. The classic work on the Commonwealth tradition is *Robbins C.* The Eighteenth-Century Commonwealthman. Studies in the Transmission, Development, and Circumstances of English Liberal Thought from the Restoration of Charles II until the War with the Thirteen Colonies. Cambridge (Mass.), 1959.

⁴³ Patriot political thought is discussed in *Klein S.R.E.* Op. cit.; *Sas N.C.F. van.* Op. cit. P. 173–274 and *Velema W.R.E.* Op. cit. P. 115–157.

and the modern world. Virtually nobody therefore advocated the institutional imitation of Athenian direct democracy or the introduction of the legendary Spartan sobriety. Almost all Patriots agreed that some form of representation was necessary in a modern political system based on the sovereignty of the people. The big challenge for the Patriots, in short, was to find ways in which to combine classical virtuous citizenship with a modern representative political system. How intensely the Patriots wrestled with this problem may be seen in one of the most important texts of the 1780s, Rutger Jan Schimmelpenninck's *De imperio populari caute temperato*, first published in 1784 and translated into Dutch the next year. In this work the young Schimmelpenninck, later to become one of the key figures of the Batavian era, embraced the notion of representative popular government and went to great lengths to demonstrate that, contrary to what Rousseau had maintained, the notion of representation was not incompatible with the principle of permanent popular sovereignty. The *maiestas* remained with the people, whereas the *summum imperium* could be given to representatives⁴⁴. Having made this fundamental point, Schimmelpenninck went on in an entirely classical republican vein. The sovereign citizens he described were, just as their classical predecessors, independent and virtuous bearers of arms⁴⁵. They did choose representatives, but saw to it that they remained permanently responsible to the electorate and could be removed instantly⁴⁶. More generally, they made sure that their free republic was constituted in such a way that 'the simplicity of manners and morals, the love of liberty and equality, and the hatred of domination and slavery are a constant presence in the minds of the citizens'⁴⁷. Schimmelpenninck, in short, wished to establish a classical republic adapted to modern times⁴⁸.

THE END OF CLASSICAL POLITICS?

The Dutch Patriot revolution of the 1780^s ended in defeat and counterrevolution. It was not until 1795, well after the start of the French revolution and with considerable help from the French armies, that the Dutch *ancien régime* finally and definitively fell and that the Batavian republic was founded. The question that needs to be answered in this final section is whether or not the

⁴⁴ Schimmelpenninck R.J. *Verhandeling over eene welingerichte Volksregeering*. Uit het Latyn vertaald, door Mr. A.B. Swart. Leiden: F. De Does, 1785. P. 3–8.

⁴⁵ Ibid. P. 16–34, 84.

⁴⁶ Ibid. P. 34–37.

⁴⁷ Ibid. P. 76.

⁴⁸ On Schimmelpenninck in general see *Sas N.C.F. van*. Op. cit. P. 293–302; on *De imperio populari* in particular see *Klein S.R.E.* *Republikanisme en patriottisme*. Rutger Jan Schimmelpenninck en de klassieke wortels van het republikeinse denken (1784–1785) // *Tijdschrift voor Geschiedenis*. 1993. Bd. 106. P. 179–207.

fall of the Dutch *ancien régime* in 1795 also meant the end of the prominent role of classical antiquity in Dutch political thought. At the beginning of this article it has been pointed out that this was certainly not yet the case in the revolutionary year 1795 itself. It might however be supposed that the profound political changes of the following years brought about such a strong sense of living in an entirely new and unprecedented era among the Batavian revolutionaries, that the classics lost much of their relevance⁴⁹. For a number of them, this was certainly the case. Rutger Jan Schimmelpenninck for instance, whom we have met as a classically inspired revolutionary during the 1780s, seems to have lost some of his youthful enthusiasm for the politics of antiquity after the establishment of the Batavian republic. On June 21, 1796, he discussed the perils of political faction in a speech for the new National Assembly. In the course of his argument, he observed that he could easily make his point by adducing examples from «the histories of Rome» or from those of «the Greek republics» and that he would certainly have done so, «had not the French Nation, in the course of her recent astonishing revolution, made all previous examples unnecessary or even misplaced»⁵⁰. To many others Batavian revolutionaries, however, the ancient ideal of disinterested political virtue and direct citizen participation in politics lost nothing of its attraction.

That the classics remained immensely popular and important during the early years of the Batavian republic may be seen, among other things, from the wealth of Dutch language publications on antiquity. It was during these years that the most important volumes of Martinus Stuart's *Roman histories* were published and that Barthélemy's lengthy *Voyage du jeune Anacharsis en Grèce* was translated into Dutch⁵¹. There also appeared new Dutch editions of Plutarch, Sallust and Cicero, all with elaborate political commentaries⁵². The classical republican heroes, moreover, were constantly referred to as examples to be followed. Thus in 1798, the year of the first Dutch constitution, Adriaan Loosjes published a series of portraits of Roman republican heroes. He included Lucius Junius and Marcus Junius Brutus and Cornelia, mother of the Gracchi. They were, so he assured his readers, «excellent models of

⁴⁹ For some suggestive comments on this theme see *Fritzsche P.* Stranded in the Present. Modern Time and the Melancholy of History. Cambridge (Mass.); London, 2004.

⁵⁰ *Dagverhaal der Handelingen van de Nationaale Vergadering representeerende het Volk van Nederland.* 1796. Deel 2. P. 195.

⁵¹ For Stuart see note 25. It was also Stuart who translated Barthélemy's work as *Reize van den jongen Anacharsis door Griekenland* (10 vols. Amsterdam, 1794–1801).

⁵² *Plutarchus.* De levens van doorduchtige Grieken en Romeinen, onderling vergeleeken, door Plutarchus / Uit het oorspronkelyke Grieksch, geheel opnieuw vertaald, en met zeer veele aantekeningen opgehelderd door Ev. Wassenbergh en H. Bosscha. Amsterdam: J. Allart, 1789–1809. 13 vols.; *Sallustius.* Cajus Crispus Sallustius over de samenzwering van Lucius Sergius Catilina; *Benevens vier Redevoeringen van Marcus Tullius Cicero / Over het zelfde onderwerp; uit het Latijn vertaald en met aanmerkingen en ophelderingen vermeerderd door Jan ten Brink.* Amsterdam: J. ten Brink, 1798.

true moral greatness in Roman History, worthy of moral imitation by real Republicans»⁵³. The members of the National Assembly were already familiar with this sort of message, for the citizen Webbers had told them in the very month they first met that, should they remain standing with republican courage in the «fierce political gales» surrounding them, they would be honored «as the Brutusses of our times» by posterity⁵⁴.

Yet the Batavian debt to the classics went much deeper than an appeal to the familiar republican *exempla virtutis*. Just as their Patriot predecessors had done, the Batavian revolutionaries embraced a classical vision of politics in which the permanent participation in politics of the virtuous and independent citizen was of central importance. That they were fully aware of the classical origins of their revolutionary political thought is evident from, for instance, the pages of *The Republican*, one of the most important early revolutionary periodicals. In providing its readers with an intellectual genealogy of contemporary revolutionary thought, *The Republican* observed that the Greeks had discovered human dignity, the Romans had formulated the eternal principles of politics, and the late eighteenth-century revolutionaries, «mining the veins of antiquity», had perfected this heritage⁵⁵. How deeply embedded the classical ideal of citizen participation in politics remained in Dutch revolutionary discourse after 1795 became particularly evident in the struggles over the adoption of a new constitution. When, in 1797, the first draft of the new constitution threatened to curtail the role of the citizen to little more than periodically casting his vote, a number of prominent revolutionaries decided to draw up a manifesto condemning this in their eyes pernicious development. Should the new constitution be adopted, they warned, «the Batavians will not become *Greeks* or *Romans*, whose disinterested virtue and self-sacrifice for the good of the Fatherland after so many centuries still brightly shines in our eyes»⁵⁶. Clearly then, the classical political heritage kept its relevance for Dutch republicans until the very end of the eighteenth century.

⁵³ *Loosjes A.* Romeinsche antiëken van vrijheids en vaderlands-liefde. Haarlem: A. Loosjes, 1798. P. IV–V.

⁵⁴ Dagverhaal der Handelingen van de Nationaale Vergadering representeerende het Volk van Nederland. 1796. Deel 1. P. 24.

⁵⁵ *De Republikein*. 1797. Deel 3. N 175, 521–523. On this periodical see *Vuyk S.* De republikein van Jan Konijnenburg (februari 1795 – augustus 1797) // *Stooschriften. Pers en politiek tussen 1780 en 1800* / Red. P. van Wissing. Nijmegen, 2008. P. 217–229.

⁵⁶ *Beoordeling van het Ontwerp van Constitutie voor het Bataafsche Volk, door de Nationale Vergadering ter goed of afkeuring aan hetzelfde volk voorgedragen, door eenige burgers, zynde repraesentanten van het volk van Nederland.* Leiden: Pieter Hendrik Trap, 1797. P. 9–10.

Вигер Велема

**Споры вокруг классического наследия:
голландский XVIII век и политическая
мысль античности**

В работе исследуется использование античной традиции в политической мысли Нидерландов XVIII столетия. Поскольку голландцы, в отличие от большинства европейских народов, имели республиканскую форму правления, они не раз обращались к истории республиканского строя в Древней Греции и Древнем Риме, пытаясь извлечь из нее урок, полезный для их собственной страны. Приведя множество примеров присутствия античной традиции в Нидерландах XVIII в., автор показывает, как правящая олигархия, опираясь на классические образцы, позиционировала себя как «олигархия добродетели». Представители реформистского патриотического движения 1780-х годов искали в классической древности аргументы в пользу своего идеала – общества, состоящего из независимых, вооруженных и добродетельных граждан. В заключительной части статьи автор пытается выяснить, сохранили ли жители Нидерландов интерес к республиканским традициям Греции и Рима после падения своего *ancien régime* в 1795 г.

ФИЛОСОФИЯ

Н.Ю. ПЛАВИНСКАЯ

АНТИЧНАЯ СКУЛЬПТУРА СКВОЗЬ ПРИЗМУ
ФИЛОСОФИИ: АББАТ ГУАСКО И ЕГО ТРАКТАТ
*DE L'USAGE DES STATUES CHEZ
LES ANCIENS**

В 1768 г. аббат Оттавиано Гуаско опубликовал в Брюсселе обширное историческое эссе *О назначении статуй у народов древности*, в котором попытался осмыслить скульптурное наследие давно ушедших веков с позиций современной ему философии. Полагая, что конечной целью всякого научного поиска является познание человека, человеческих деяний и устремлений¹, пьемонтской эрудит задался вопросами: что дают для понимания людей прошлого созданные ими изваяния? какими функциями, помимо сугубо декоративных и эстетических, наделялась скульптура в минувшие столетия? Широкий пласт памятников скульптуры – от примитивных и бесформенных каменных фетишей до тонко проработанных человеческих фигур, высеченных в мраморе или отлитых в бронзе греческими и римскими мастерами, – стал для Гуаско источником размышлений о религии и морали античных обществ, об отношении древних к политическим установлениям, об их восприятии природы.

Сочинение Гуаско не избаловано вниманием исследователей. В 1970-х годах итальянский историк Сальваторе Ротта даже утверждал, что оно попросту забыто². И хотя в последние годы интерес к нему, похоже, несколько оживился, из работ, специально посвященных трактату *О назначении статуй*, мне известны лишь два доклада швейцарского историка

© Н.Ю. Плавинская, 2012

* Статья подготовлена в рамках проекта РФНФ № 11-21-17001.

¹ [Guasco O.] *De l'usage des statues chez les anciens. Essai historique*. Bruxelles: L. de Boubiers, 1768. Préface. P. VIII. (Далее: *Guasco O. De l'usage des statues*).

² Rotta S. *Montesquieu nel Settecento italiano: note e ricerche // Materiali per una storia della cultura giuridica*. 1971. N 1. P. 101. (Далее: *Rotta S. Montesquieu nel Settecento italiano*).

искусства, профессора университета Невшателя Паскаля Гринера – на VIII Международном конгрессе по Просвещению³ и на конференции *Актуальность Античности во Франции XVIII в.*⁴, а также статья болонской исследовательницы Алессандры Сарки о влиянии сочинения Гуаско на взгляды французского археолога и философа Катремера де Кинси, работавшего на рубеже XVIII–XIX столетий⁵. Кроме того, коротко коснулась трактата *О назначении статуй* пизанский историк искусства Кьяра Саветтери в статье, также посвященной Катремеру⁶.

Впрочем, о самом авторе трактата тоже написано немного. Отечественные литературоведы и историки упоминают о Гуаско вскользь – как о близком друге и первом биографе русского посла во Франции Антиоха Кантемира, первом издателе кантемировых *Сатир* во французском переводе⁷. Зарубежные исследователи знают его прежде всего как близкого друга Монтескье, автора первого (хотя и оставшегося неизданным) итальянского перевода *Духа законов* и первого издателя эпистолярного наследия философа – сборника *Частной переписки Монтескье с итальянскими друзьями*⁸. При этом собственное – весьма обширное – научное наследие Гуаско до сих пор не стало предметом специальных разысканий, да и биография его пестрит темными местами и домыслами.

Уроженец Пьемонта (он родился в 1712 г. в Брикеразиио в семье чиновника администрации сардинского короля Виктора Амадея II), Оттавиано Гуаско поначалу обучался в иезуитском коллеже Пинероло и в семинарии Асти, а затем, видимо, продолжил образование в университете

³ Griener P. Ottaviano di Guasco and the History of Art of the Enlightenment // Transactions of the Eighth International Congress on the Enlightenment / Actes du huitième Congrès international des Lumières. Bristol, 21–27 juillet 1991. SVEC. T. 305. Oxford, 1992. P. 1480–1485.

⁴ Griener P. Ottaviano di Guasco, intermédiaire entre la philosophie française et les antiquités de Rome // Roma triumphans. L'attualità dell'antico nella Francia del Settecento. Roma, 2007. P. 25–54. (Далее: Griener P. Ottaviano di Guasco, intermédiaire).

⁵ Sarchi A. Quatremère de Quincy e Ottaviano Guasco: abbozzo per una genesi dello *Jupiter olympien* // Recherche delle storia dell'arte. 1998. N 64. P. 79–88.

⁶ Savettieri C. «L'art ne reproduisait pas seulement, mais il créait les dieux». Quatremère de Quincy entre archéologie, histoire d'art et approche anthropologique // Histoire de l'art et anthropologie. Paris, 2009. URL: <http://actesbranly.revues.org/82> (дата обращения: 10.10.2011).

⁷ Satyres de M. le Prince Cantemir, avec l'histoire de sa vie, traduites en français. Londres: J. Nourse, 1749.

⁸ Lettres familières du Président de Montesquieu baron de La Brède à divers amis d'Italie. [Florence], 1767. Эта публикация вызвала громкий скандал в парижском обществе: его спровоцировали содержащиеся в письмах Монтескье и в комментариях Гуаско нелицеприятные оценки госпожи Жоффрен. См.: Haroche-Bouzinac G. Lettres familières du Président de Montesquieu, amitié et familiarité // Revue Montesquieu. 2002. N 6. P. 17–31; Volpilhac-Auger C. Un auteur en quête d'éditeurs? Histoire éditoriale de l'œuvre de Montesquieu. Lyon, 2011. P. 185–197.

Турина⁹ (или Флоренции¹⁰ – сведения расходятся). Избрав, в отличие от своих братьев-военных¹¹, духовную стезю, он принял сан и в 1738 г. отправился в Париж (пополнив собой многочисленную когорту «тонзурированных клерков», о которых с сарказмом напишет позже Луи Себастьян Мерсье¹²) в надежде приобщиться к космополитичной культурной элите, наводнявшей французскую столицу.

Благожелательная пристрастность, знания и готовность ими делиться, большая бойкость и огромное желание нравиться, полуфранцузская, полуйтальянская речь, которой внимали не только уши, но и глаза, ибо она сопровождалась выразительной пантомимой, от которой уши становились снисходительнее, поскольку эта пантомима восполняла нехватку точности в терминах, придавала смысл расплывчатым выражениям, добавляла силы или остроты мыслям, от чего разговор делался интереснее и, если так можно выразиться, сильнее воздействовал на слушателя – благодаря всему этому он преуспел в обществе даже более, чем рассчитывал (...)¹³ –

столь двусмысленные комплименты, адресованные Гуаско бароном Жозефом Дасье в похвальном слове, произнесенном в стенах Парижской академии надписей после смерти аббата, как нельзя лучше отразили двойственное отношение к нему современников. Двойственное отношение исследователей нашего времени выразил Роберт Шэклтон, охарактеризовавший нашего героя как человека, в котором глубокий ученый

⁹ *Lorenzi B. Elogio del conte abate Ottaviano Guasco recitato nell'Accademia Filarmonica // Prose e versi dell'Abate Bartolomeo Lorenzi, veronese. Milano: G. Silvestri, 1826. P. 214, 217; Preti C. Guasco, Ottaviano // Dizionario Biografico degli Italiani. URL: [http://www.treccani.it/enciclopedia/ottaviano-guasco_\(Dizionario-Biografico\)](http://www.treccani.it/enciclopedia/ottaviano-guasco_(Dizionario-Biografico)) (дата обращения: 10.10.2011).*

¹⁰ *Cadilhon F. Guasco, Ottaviano di // Dictionnaire électronique Montesquieu. URL: <http://dictionnaire-montesquieu.ens-lyon.fr/index.php?id=333> (дата обращения: 10.10.2011); Shackleton R. L'abbé de Guasco ami et traducteur de Montesquieu // Shackleton R. Essays on Montesquieu and on the Enlightenment. Oxford, 1988. P. 217. (Далее: *Shackleton R. L'abbé de Guasco ami et traducteur de Montesquieu*).*

¹¹ Джованни Франческо Антонио (1708–1763) и Пьетро Алессандро (1714–1780) Гуаско начинали свою военную карьеру на русской службе, но в 1742 г. перешли под знамена Марии Терезии. Оба дослужились в австрийской армии до звания фельдцугмейстера. Одновременно с аббатом Гуаско они получили в 1747 г. титул графов де Клавьер.

¹² *Мерсье Л.-С. Картины Парижа. М., 1995. С. 93.*

¹³ «Cette prévention favorable, des connaissances dont il n'était point avare, beaucoup de vivacité, un grand désir de plaire, un langage moitié français, moitié italien, soutenu de cette pantomime expressive, qui, partageant l'attention entre les yeux et les oreilles, rend celles-ci plus indulgentes, supplée ce qui manque à la propriété des termes, détermine le sens des expressions vagues, ajoute à la force ou à la finesse des pensées, et donne plus d'intérêt au récit, en le mettant pour ainsi dire en action, le firent réussir dans la société au-delà de ses espérances». – *Dacier J. Éloge de M. l'abbé de Guasco // Histoire de l'Académie royale des inscriptions et belles lettres. 1793. T. XLV. P. 186–195. См. также рецензии на речь Дасье: Mercure de France. Samedi 2 avril 1785. Paris: Ch.-J. Panckoucke. P. 81–85; L'Esprit des journaux, français et étrangers. Juin, 1785. T. 6, 14e année. Paris: Valade. P. 247–251.*

странным образом уживался с интриганом и пронырой, главной за­слугой которого стало умение втереться в дружбу к великому Мон­тескье¹⁴.

Действительно, Гуаско приложил немало стараний, чтобы получить признание в ученых кругах. Он поставлял на академические конкурсы свои бесчисленные исторические диссертации, и на этом поприще успех ему вполне сопутствовал. Ему удалось добиться членства в академиях Бордо (1745), Тулузы (1750), Амьена (1750), По¹⁵ и Нанси (1751), вступить в Этрусскую академию Кортонны (ранее 1746) и флорентийскую академию Джоргофили¹⁶, в Берлинскую академию (1746) и лондонское Королевское общество (1750), наконец получить звание ассоциированного члена Парижской академии надписей (1750), которым он особенно дорожил. В «литературной республике» нашлись люди, высоко оценившие его ум и таланты. К их числу можно отнести Антиоха Кантемира, Клода Адриана Гельвеция, Шипионе Маффеи или Жана Барбо, постоянного секретаря Академии Бордо¹⁷. Монтескье, питавший к молодому пьемонтцу искреннюю симпатию, доверял ему свои творческие тайны и издательские планы. Гуаско сблизился с его семьей и неоднократно подолгу гостил в замке Ла Бред и в доме Монтескье в Бордо. А вот в свете репутация Гуаско была сомнительной, и даже дружба с автором *Персидских писем* и *Духа законов* не оградила его от недоброжелателей. Фридрих Мельхиор Гримм¹⁸, Фердинандо Галиани¹⁹, Пьетро Верри²⁰ и многие другие относились к Гуаско с нескрываемым пренебрежением, считая его дурно воспитанным выскочкой и занудой. Казанова писал о нем как о своднике²¹. Ко всему прочему за аббатом тянулась репутация шпиона. Вспыхнувший в конце 1754 г. конфликт с госпожой Жоффрен и ее окружением (хозяйка одного из самых знаменитых парижских салонов однажды выставила чрезмерно назойливого гостя за дверь) вынудил Гуаско оставить Париж. Он, и прежде много странствовавший, принялся колесить по Европе, нигде надолго не оседая: неоднократно посещал

¹⁴ Shackleton R. L'abbé de Guasco ami et traducteur de Montesquieu. P. 217.

¹⁵ См.: [Jacques Hébrail, Joseph de Laporte]. La France littéraire. Paris: veuve Duchesne, 1769. Т. 1. P. 126.

¹⁶ См.: Atti della real Società economica di Firenze ossia de'Georgofili. Firenze: Pagani e compagni, 1791. Т. 1. P. 8.

¹⁷ Rotta S. Montesquieu nel Settecento italiano. P. 100–101.

¹⁸ Correspondance littéraire, philosophique et critique de Grimm, Diderot, Raynal, Meister. Publiée par M. Tournoux. Paris, 1879. Т. 7. P. 389–391. Выпуск от 15 августа 1767 (№ 67 : 221 по: Kölvig U., Carriat J. Inventaire de la Correspondance littéraire de Grimm et de Meister. Oxford, 1984. Т. 1. P. 206).

¹⁹ Ferdinando Galiani, Louise D'Épinay. Correspondance / Présentation de G. Dulac. Texte établi par D. Maggetti et annoté par G. Dulac et D. Maggetti. Paris, 1992. Т. I. P. 231. Письмо LXVII от 11 августа 1770.

²⁰ Carteggio di Pietro e di Alessandro Verri / A cura di F. Novati. Milano, 1923. Т. 1. Parte 2. P. 190–191.

²¹ Казанова Дж. История моей жизни. М., 1991. С. 131.

Рим, путешествовал по Тоскане, ездил в Австрийские Нидерланды (в 1751 г. он получил от Марии Терезии солидный пенсион и сан каноника Турне), несколько раз побывал в Вене, где пользовался покровительством графа Карла Кобенцля. После 1761 г. он окончательно вернулся в Италию, обосновался сначала во Флоренции, затем переехал в Рим, оттуда – в Мантую, а умер в Вероне в доме своей сестры в 1781 г.

Гуаско оставил после себя немало эрудитских сочинений. Его перу принадлежат: *Исследования о состоянии литературы, наук и искусств во Франции в царствование Карла VI и Карла VII*²²; *Диссертация об автономии городов и о народах, находящихся под чужеземным владычеством*²³; эссе *О состоянии наук во Франции в царствование Людовика XI*²⁴ (благодаря этим трем работам Гуаско трижды – в 1746, 1747 и 1749 гг. – побеждал на конкурсах Парижской академии надписей); *Диссертация о временах, когда у волсов появились науки и искусства, и о переменах, которые произошли в нравах, обычаях и религии этого народа* (1750)²⁵, получившая награду Академии Тулузы; *Диссертация о римском преторе peregrinorum* (1756)²⁶; *Трактат о религиозных и политических убежищах с древнейших времен до времен христианства* (1756)²⁷; эссе *О сооружении*

²² *Guasco O. Recherches sur l'état des lettres, des sciences et des arts en France sous les règnes de Charles VI et de Charles VII // Dissertations historiques, politiques et littéraires, par le comte Octavien de Guasco. Tournay: Veuve D. Varlé, 1756. T. 1. P. 1–259. (Далее: *Guasco O. Dissertations historiques*). См. также рецензию на этот сборник: *Journal des savants, combiné avec les Mémoires de Trévoux. Suite des CLXX volumes du Journal des Savants. Août II vol. 1757. T. 29. Amsterdam: M.-M. Rey, 1757. P. 259–267.**

²³ *Guasco O. Dissertation sur l'autonomie des villes et des peuples soumis à une puissance étrangère. Avignon: J.-D. Hirshner, 1748. См. также: *Guasco O. Dissertations historiques. 1756. T. 2. P. 169–314.**

²⁴ *Guasco O. L'Etat des sciences en France sous le règne de Louis XI – рукопись не опубликована; по сведениям Р. Шэклтона, хранится в Biblioteca civica di Verona, MS 328 (963).*

²⁵ *Dissertation sur le temps que les sciences et les arts commencèrent à être cultivés chez les Volces, et les changements qui s'introduisirent dans les mœurs, les coutumes et la religion de ces peuples // Pièces qui ont remporté le prix de l'Académie royale des sciences, inscriptions et belles lettres de Toulouse depuis l'année 1747 jusqu'en 1750. Toulouse: B. Moulas, 1758. Тулузское издание, видимо, осталось незамеченным современниками, поскольку в 1765 г. шевалье де Жокур, упомянув в *Энциклопедии* о «намерении» Гуаско исследовать искусство и науку племени волсов, населявшего Лангедок в древности, иронично заметил: «Не хватает лишь исторических памятников, которые могли бы помочь осуществить этот проект» (*Jaucourt L. Volcæ // Encyclopédie ou Dictionnaire raisonné des sciences, des arts et des métiers. Paris, 1765. T. 17. P. 443*). Позже диссертация была еще раз напечатана: *Recueil philosophique et littéraire de la Société typographique de Bouillon. Bouillon, 1769. T. 4. P. 225–258; 1770. T. 5. P. 66–97.**

²⁶ *Guasco O. Dissertation sur le preteur des étrangers à Rome // Dissertations historiques. T. 1. P. 261–301.*

²⁷ *Guasco O. Dissertations sur les asyles, tant sacrés que politiques // Ibid. T. 2. P. 1–167.*

в Поццуоло, называемом храмом Сераписа²⁸ и еще несколько работ разного жанра (*Диссертация о несовместимости двух бенефициев, Записка о семинарии Турне, Похвальное слово генералу Франческо Гуаско* и др.).

Однако главным трудом его жизни стал 500-страничный трактат *О назначении статуй у народов древности*. Он состоял из трех частей. В первой аббат Гуаско рассуждал об изваяниях «богов, называемых идолами» («*simulacres des dieux appelés idoles*») и их «физическом и моральном прогрессе» («*les progrès tant physiques que moraux*»). Вторая часть была посвящена статуям, созданным в целях прославления людей: в ней автор размышлял о причинах появления и расцвета этого типа скульптурных изображений, о законах, которые вводились в связи с ними, о злоупотреблениях, которые возникали на этой почве. В третьей части Гуаско попытался выявить особенности развития искусства пластики у различных народов²⁹.

Сбором материалов для своей книги пьемонтский эрудит занимался около десяти лет. Она была написана по-французски, как и большинство сочинений аббата, и, надо признать, изобиловала погрешностями языка и стиля, причем настолько, что даже сын Монтескье – Жан Батист де Секонда – не удержался от иронии, заметив, что этим своим сочинением, в котором каждая фраза пестрела стилистическими ошибками, итальянец «словно нарочно вознамерился ободрать французским читателям уши»³⁰.

Благодаря публикациям отдельных фрагментов трактата в *Journal encyclopédique* в 1763 и 1766 гг. к выходу книги Гуаско публика была подготовлена: *Секретные мемуары Башомона* упоминали о ней за два года до ее выхода из печати³¹. Разумеется, критиков и недоброжелателей хватало. П. Гринер отметил в своей статье и ревность Винкельмана, и резкую оценку братьев Верри (которые при этом сами трактата о статуях, похоже, не читали)³². Гримм, педантично включавший в свою *Литературную корреспонденцию* все сколько-нибудь заметные новинки книжного рынка, опус аббата высокомерно проигнорировал.

Однако читатель, прежде всего читатель профессионально заинтересованный, не оставил его без внимания. Отметим небескорыстный ин-

²⁸ *Guasco O.* Dell'edificio di Pozzuolo volgarmente detto il Tempio di Serapide. Roma: G. Settari, 1773.

²⁹ *Guasco O.* De l'usage des statues... P. 2.

³⁰ Jean-Baptiste de Secondat à François de Paule Latapie, du 22 avril 1769: «Il y a presque a chaque phrase des fautes de stile. [...] Il semble qu'il ait juré dans cet ouvrage-ci d'ecorcher les oreilles des lecteurs francois». – Bibliothèque municipale de Bordeaux. Fonds de La Brède. Ms 2715/15. Я благодарю Катрин Вольпник-Оже, которая сообщила мне об этом письме.

³¹ *Mémoires secrètes de Bachaumont de 1762 à 1787 / Nouv. éd., par J. M. Ravenel.* Paris, 1830. T. 2 (1766–1769). P. 10.

³² *Griener P.* Ottaviano di Guasco, intermédiaire... P. 36–38.

терес к трактату Гуаско археолога Пьера Франсуа Юга Данкарвиля, чьи *Этрусские, греческие и римские древности*³³, видимо, следует считать плагиатом³⁴. Отметим безусловное влияние Гуаско на упомянутого выше Антуана Хризостома Катремера де Кинси, в частности на его работу *Юпитер Олимпийский, или Искусство античной скульптуры*³⁵. Отметим также хвалебную рецензию в *Journal encyclopédique* за 1770 г. Что касается оценки широкой публики, можно считать, что ее сформулировал Жан Батист де Секонда: критикуя стилистические изыскания книги Гуаско, он признавал, тем не менее, что автор трактата «рассуждает как эрудит и достаточно просвещенный знаток», который «по крайней мере собрал воедино все, что слышал от людей просвещенных»³⁶.

Кругозор Гуаско действительно был чрезвычайно широк, и хотя среди его источников вполне закономерно преобладали классики древности, трактат содержал также множество отсылок на *Всеобщую историю путешествий*³⁷ аббата Прево, на знаменитые и малоизвестные частные художественные коллекции³⁸, на европейские музейные собрания, на труды ученых и философов. Страницы его книги пестрели почтительными упоминаниями таких авторитетов, как Энгельберт Кемпфер, Бернар де Монфокон, Анн Клод Филипп де Кейлюс, Шарль де Бросс, Жан Батист Дюбо, Жан Жак Бартеlemi, Уильям Уорбертон, Эдмунд Грипенхельм (Фигрелиус), Монтескье, Ньютон, Юм. Не были обойдены молчанием даже Вольтер и Руссо.

Во введении Гуаско поименно назвал тех, кого он считал своими прямыми предшественниками: итальянца Леона Баттисту Альберти (1404–1472) – автора трактата *О статуях* (1464); голландского эрудита-протестанта Франциска Юниуса (Франсуа Дю Жон, 1591–1677) – автора

³³ *D'Hancarville P.-F. Hugues. Antiquités étrusques, grecques et romaines. Tirées du cabinet de M. Hamilton. 4 vol. Naples: Morelli, 1766–1767* [на самом деле – около 1776].

³⁴ Сошлемся на мнение: *Jenkins I., Sloan K. Vases and volcanoes. Sir William Hamilton and his collection. London, 1996. P. 99–100; Carabelli G. Veneri e Priapi: culti di fertilità e mitologie falliche tra Napoli e Londra nell'età dell'Illuminismo. Bari, 1996. P. 112.*

³⁵ *Quatremère de Quincy A.-Ch. Le Jupiter olympien, ou l'Art de la sculpture antique. Paris: Didot frères, 1814.*

³⁶ Jean-Baptiste de Secondat à François de Paule Latapie, du 22 avril 1769: «(…) Il me semble qu'il en parle en homme erudit et en connoisseur assés éclairé; qu'il a du moins recueilli ce qu'il a entendû dire à des gens éclairés». – Bibliothèque municipale de Bordeaux. Fonds de La Brède. Ms 2715/15.

³⁷ Издание монументальной *Histoire générale des voyages, ou Nouvelle collection de toutes les relations de voyages par mer et par terre* было начато Антуаном Франсуа Прево в 1746 г. и продолжалось до 1789 г.

³⁸ Гуаско упоминает в своей книге коллекции шеваля де Монтэгю, графа де Кейлюса, кардинала Полиньяка, королевы Кристины, маркиза Маффеи, маршала Багиани, господина Лафона из Нарбонна, господина Лабона из Монпелье, господина Гуарначи из Вольтерры, английского консула в Ливорно Дейка, собрания Цоррази, Селлари, Беви-Аква, Ла Валля и др.

книги *О живописи древних* (1637)³⁹; наконец, шведа Эдмунда Фигрелиуса (Эдмунд Грипенхельм, 1622–1675) – автора труда *О знаменитых римских статуях* (1656)⁴⁰. Одно имя, впрочем, осталось неназванным – имя Франсуа Леме (даты жизни установить не удалось), сочинившего *Трактат о статуях*⁴¹, напечатанный в Париже в 1688 г.

Невозможно поверить, что Гуаско – дотошный исследователь с чрезвычайно широким кругозором – остался в неведении относительно сочинения, напрямую связанного с интересующей его темой и даже содержавшего специальную главу, посвященную размышлениям о том, каким целям служили те или иные статуи. Томик Леме вышел анонимно, но имя автора, первым обозначившего проблему политической функции общественных монументов⁴², разумеется, не составляло тайны для заинтересованных читателей. Шевалье де Жокур упомянул о нем в статье «Статуи греков и римлян», помещенной в XV томе *Энциклопедии*⁴³, увидевшем свет всего за три года до появления книги Гуаско.

Хотя никаких прямых ссылок на Леме у аббата мы не обнаружим, некоторые косвенные признаки позволяют предположить, что с *Трактатом о статуях* он все же был знаком. Так, опровергая «некоего сочинителя, вкратце писавшего о статуях» и выводившего их происхождение из «подражания случайным творениям природы»⁴⁴, Гуаско делал на полях отсылку на Альберти, чья небольшая книга *О статуях* (1464) действительно открывалась рассуждениями о том, что искусства берут начало в попытках воспроизвести «облики природы». Однако рассуждения эти довольно пространны⁴⁵. Между тем, у Франсуа Леме имеется лаконичное утверждение, близкое по форме к утверждению Гуаско: «Всякое изображение есть не что иное, как подражание природе»⁴⁶. Полемика просматривается и на более отвлеченном уровне: собственно говоря, все сочинение Гуаско *О назначении статуй у народов древности* может

³⁹ Junius F. De pictura veterum libri tres. Roterodami, 1694.

⁴⁰ [Gripenhjelm E.] Emundi Figrelīi de Statuis illustrium Romanorum liber singularis. Holmiae: ex officina J. Janssonii, 1656.

⁴¹ [Lemée F.] Traité de statues. Paris: A. Seneuze, 1688. (Далее: *Lemée F. Traité de statues*). Я благодарю Кристофа Франка, указавшего мне эту книгу.

⁴² См. аннотацию к готовящемуся в настоящее время критическому изданию: François Lemée, Traité des Statues. Paris 1688 / Éd. critique, par D. Bodart et H. Ziegler. Weimar: Verlag und Datenbank für Geisteswissenschaften (VDG). URL: <http://www.artbooks.com/w/c.dll?ab~searchitemno~&cart=0&itemno=109184> (дата обращения: 10.10.2011)

⁴³ *Jaucourt L. Statues des Grecs et des Romains // Encyclopédie ou Dictionnaire raisonné des sciences, des arts et des métiers*. Paris, 1765. Т. 15. P. 504.

⁴⁴ «Un auteur qui a écrit fort en abrégé sur les statues, les fait venir de l'imitation de quelque production fortuite de la nature». – *Guasco O. De l'usage des statues...* P. 3.

⁴⁵ См.: *Alberti L.B. De la statue et de la peinture. Traité*. Traduits du latin en français par C. Popelin. Paris: A. Lévy, 1868. P. 67, 69–70.

⁴⁶ «Qu'est-ce que l'image, sinon une imitation de la nature». – *Lemée F. Traité de statues*. P. 6.

рассматриваться как развернутое опровержение мыслей Леме, высказанных в десятой главе его трактата, озаглавленной «О пользе статуй» («De l'utilité des statues»).

Предположив, что «люди не стали бы вырезать статуи столь разных объектов [человек, животные, растения, горы, реки, дүхи и др.], если бы они были абсолютно бесполезны»⁴⁷, Леме попытался сформулировать, каким целям служили и продолжают служить скульптурные изваяния. Он писал: одни статуи доставляют «удовольствие лицезреть портреты дорогих нам людей»⁴⁸, другие «служат тому, чтобы отпугивать птиц, детей и простаков»⁴⁹, третьи являются ориентирами в горах или на побережье, четвертые «можно использовать для воздания почестей какому-либо человеку»⁵⁰ и т.д. Наконец, статуи изображают объекты поклонения, и «хотя стремление отыскать форму для воплощения Бога было безумием, в какую только форму его ни облекали»⁵¹. Как мы видим, Леме подходил к вопросу о назначении статуй довольно утилитарно, сводя его к практической пользе, извлекаемой людьми из предметов скульптуры, и одновременно отказывая в этой пользе изображениям, служившим «порокам», к примеру таким, как «идолопоклонничество, непристойность или злословие»⁵². Этому подходу был вполне созвучен и термин «utilité» (польза, полезность), вынесенный в название десятой главы трактата Леме. Гуаско же направил свои размышления по совершенно иному руслу.

Слово «usage» (назначение, использование) в заголовке его сочинения – ключевое. Автор, по его собственному выражению, решил подойти к анализу древних изваяний с позиций «философствующего историка» (Historien Philosophe), то есть попытался взглянуть на объект своего исследования сквозь призму человека и человеческого общества. Этот подход намечался им уже давно: еще в 1756 г., во введении к своему двухтомнику исторических диссертаций Гуаско утверждал, что «в наш век философское сознание стало необходимым»⁵³ и что «наилучшим образом подготавливает умы и наставляет их на путь Философии» именно

⁴⁷ «Il est très certain que les hommes n'auraient jamais taillé les statues de tant d'objets différents, si elles n'étaient aucunement utiles». – Ibid. P. 258.

⁴⁸ «⟨...⟩ Cette satisfaction que l'on a de regarder le portrait des personnes qui nous plaisent ⟨...⟩» – Ibid. P. 258.

⁴⁹ «⟨...⟩ Épouventer les oiseaux, les enfants et les simples ⟨...⟩» – Ibid. P. 259.

⁵⁰ «⟨...⟩ Honorer une personne ⟨...⟩» – Ibid. P. 260.

⁵¹ «Et quoiqu'il y ait de la folie à rechercher la forme de Dieu, il n'y en a point toutefois, sous laquelle on ne l'ait mis». – Ibid. P. 257–258.

⁵² «⟨...⟩ Quand elles ne servent qu'aux vices, comme à l'idolatrie, à l'impureté, et à la médisance ⟨...⟩» – Ibid. P. 273.

⁵³ «On peut dire que l'esprit philosophique est devenu si nécessaire dans notre siècle». – *Guasco O. Dissertations historiques. T. 1. Avant-propos. P. [XXII].*

изучение обычаев и нравов времен античности⁵⁴. Религиозные и светские памятники древности могут многое поведать об этих нравах пылливому философскому уму, писал он. Даже пустячная, на первый взгляд, находка, вроде медного кузнечика, обнаруженного в руинах виллы Индустрия близ Турина (скромное подношение богам людей, веривших, что эта маленькая фигурка избавит их поля от набегов саранчи), обогащает наши представления о верованиях язычников, о распространенности предрассудков во всех народах во все времена. «На свете очень мало таких вещей, которые, имея отношения к нравам, были бы безразличны Философу, ибо нравы имеют отношение к человеку», – заявлял Гуаско⁵⁵.

По мнению С. Ротта, пьемонтский эрудит стремился «отыскать и оживить утраченную ментальность»⁵⁶. Мы также считаем, что трактат Гуаско *О назначении статуй* представляет собой попытку проанализировать эволюцию античной скульптуры с антропологической и социологической точек зрения. Во введении к своей книге он писал:

Главная цель всякого открытия – понять его связь с человеком, его поступками и страстями: связь вещей между собой важна нам лишь в той мере, в которой эти вещи связаны с нами. (...) А ведь ничто не стоит так близко к человеку, как памятники, созданные для того, чтобы его изобразить или обессмертить⁵⁷.

Поэтому внимание автора сосредоточивалось не столько на «физических», сколько на «моральных» истоках искусства ваяния. «Мы будем искать происхождение [статуй] и их физический прогресс в моральных причинах, которые их породили», – заявлял он⁵⁸. При этом под словом «мораль» он понимал комплекс общественных правил и коллективных установок тех или иных народов древности – «политическую мораль, которая руководит людьми»⁵⁹. Иными словами, его занимала не степень эстетического совершенства созданных ими предметов пластики (хотя и этот вопрос он не обходил вниманием), но их общественная функция, их связь с состоянием умов, с развитием социума.

⁵⁴ «(...) Aucune [étude] n'est certainement plus propre à préparer et à amener les esprits à la Philosophie que celle des usages et des mœurs de l'antiquité». – Ibid. P. [XXIII].

⁵⁵ «Il y a bien peu de choses indifférentes aux yeux du Philosophe, lorsqu'elle regardent les mœurs, parce que les mœurs regardent l'homme (...)» – Ibid. P. [XXIX].

⁵⁶ Rotta S. Montesquieu nel Settecento italiano. P. 101.

⁵⁷ «Le but essentiel des découvertes, est de connaître les rapports qu'elles ont avec l'homme, ses actions et ses passion: ceux que les choses ont entr'elles ne nous importent que par ceux qu'elles ont avec nous. (...) Or rien n'est moins éloigné de l'homme que des monuments faits pour le représenter et l'immortaliser». – Guasco O. De l'usage des statues... Préface. P. VIII.

⁵⁸ «(...) Nous considérerons leur origine et leur progrès physiques, dans les causes morales qui les ont fait imaginer». – Ibid. P. 4.

⁵⁹ «(...) Cette morale politique qui gouverne les hommes tels qu'ils sont». – Ibid. P. 235.

Именно поэтому Гуаско не стал ограничивать свой анализ антропоморфными статуями, но распространил его на иные предметы (священные камни, колонны, пирамиды и проч.), служившие древним народам объектами поклонения. Он подчеркивал, что грубые, несовершенные, даже уродливые с точки зрения эстета памятники, созданные в период, который он назвал «сумерками искусства»⁶⁰, не менее ценны в глазах того, кто хочет понять процесс развития искусства, чем самые прекрасные человеческие изваяния.

Антиквар смотрит на статуи как на сокровища; любитель с наслаждением ими любит; для богача, склонного к пышности, они – игрушки; знаток видит в них плоды искусства с его совершенством и недостатками; Философствующему Историку они говорят об истоках искусства, которое их породило: он сопоставляет степень развития искусства с историей народов; он наблюдает за тем, как оно рождается или угасает при подъемах или спадах свободы, при политических потрясениях; наконец, он видит глубинную связь статуй, служивших как религиозным целям, так и целям прославления, с добродетелями, пороками и ошибками обществ⁶¹.

На протяжении всей книги Гуаско апеллировал к «философскому разуму», задача которого – направлять эрудицию исследователя на выявление связей между обычаями и нравами людей, законами, которым они подчиняются, и произведениями искусства, которые они создают. Формулируя главный тезис своей книги о том, что назначение статуй у древних народов выходило за рамки эстетики и имело прямое отношение к религии и политической морали, к установившимся в том или ином обществе политическим максимам, к особенностям восприятия этим обществом природы, Гуаско утверждал: «Статуи принадлежат Философии гораздо больше, чем можно подумать»⁶². Избранный им метод, разумеется, был напрямую позаимствован у Монтескье, что уже отмечал П. Гринер: итальянской эрудит явно намеревался предложить вниманию читателей своего рода *Дух статуй*⁶³, восполняя тем самым лауну, оставленную автором *Духа законов* в сфере истории искусства.

Пытаясь объяснить с позиций «философствующего историка» разнообразие форм, художественных приемов и материалов, царившее в искусстве пластики у народов древности, Гуаско как верный адепт теории

⁶⁰ «Le crepuscule des arts». – Ibid. P. 27.

⁶¹ «Pour un Antiquaire, les statues sont des trésors, l'amateur les caresse comme ses délices, elles sont des poupées pour l'homme riche est fastueux; le connaisseur voit en elles les efforts de l'art, ses perfections et ses défauts, elles rappellent à l'Historien Philosophe les causes même de l'art qui les a produit; il combine les degrés de l'art avec l'histoire des nations, il le voit naître et s'éteindre, montrer et descendre avec la liberté, et les révolutions politiques, il voit enfin les rapports intimes que les statues tant sacrées qu'honorifiques ont avec les vertus, les vices et les erreurs des sociétés». – Ibid. Préface. P. VII.

⁶² «(...) Les statues appartiennent plus à la Philosophie qu'on ne le penserait». – Ibid. P. IX.

⁶³ *Griener P. Ottaviano di Guasco... intermédiaire*. P. 41.

климатов избрал путь, проложенный Монтескье и его предшественником – историком и дипломатом Жаном Батистом Дюбо:

То, что подметил ученый аббат Дюбо в связи с влиянием климата на искусства в целом, а также то, что великий Монтескье писал о влиянии климата на мораль, может быть приложимо, в частности, и к искусству ваяния каждого народа⁶⁴, –

полагал пьемонтский эрудит. Дюбо в своих *Критических размышлениях о поэзии и живописи* (1719)⁶⁵ размышлял о том, как тесно искусство связано с внешними условиями жизни людей, и делал вывод о географической предопределенности превосходства одних народов над другими в сфере художественного творчества⁶⁶. Монтескье развил эту идею в *Духе законов*, распространив влияние климата на иные аспекты жизни социума – такие как мораль, нравы, политика, религия, законодательство. Гуаско в своем трактате попытался соединить аргументацию Дюбо и Монтескье, поставив климат на первое место в ряду факторов, влиявших на эволюцию античной скульптуры. «Философ, стремящийся обосновать разнообразие, свойственное произведениям искусства, возможно, отыщет его причины во влиянии различных климатов», – писал он⁶⁷. Поскольку физическая среда накладывает свой отпечаток на внешний облик человека и на все его бытие, то есть воздействует на изображаемые скульптором предметы, она неизбежно должна воздействовать также на душу скульптора, направлять ее в процессе творчества. Так, греческие ваятели не случайно достигли небывалых вершин в своем мастерстве: климат Пелопоннеса особо благоприятствовал развитию у людей обостренного чувства прекрасного, ибо природа могла выступать там «без покрова, который приличия набрасывают на нее среди нас». Древние греки свободно любовались красотой обнаженного человеческого тела – на религиозных празднествах, на соревнованиях атлетов, при посещении общественных купален. «Это были своего рода школы, позволявшие наблюдать за природой во всех ее движениях и проявлениях, позволявшие изучать соотношения и пропорции частей [тела] в их действии»⁶⁸.

⁶⁴ «(...) Ce que le savant abbé du Bos observe de l'influence du climat sur les arts en général, ce que le grand Montesquieu dit de la même influence sur la morale, peut être appliqué en particulier à l'art statuaire de chaque peuple». – *Guasco O. De l'usage des statues...* Préface. P. 425.

⁶⁵ *Dubos J.-B. Réflexions critiques sur la poésie et sur la peinture.* Paris: J. Mariette, 1719. 2 vol.

⁶⁶ См., в частности, раздел XVII второй части книги Дюбо – «О протяженности климатов, более других благоприятствующих наукам и искусствам. О переменнах, которые случаются в этих климатах».

⁶⁷ «Le Philosophe qui voudrait rendre raison des différentes manières qui caractèrisent les productions de l'art, les trouverait peut-être dans l'influence des différents climats sur celles de l'âme». – *Guasco O. De l'usage des statues...* P. 424.

⁶⁸ «C'était là autant d'écoles pour observer la nature dans tous ses mouvements et ses aspect, pour apprendre le rapport et les proportions des parties avec l'usage de ses parties en action». – *Ibid.* P. 438.

В один ряд с «физическими» причинами разнообразия памятников древней скульптуры Гуаско ставил также причины «моральные», к которым он – верный ученик Монтескье – относил религию, природу правления (власти) и воспитание. Впрочем, ссылка на воспитание стала, видимо, простой данью уважения автору *Духа законов*, поскольку эту важную тему Гуаско только обозначил, но совершенно не развил. Зато размышления о таких факторах, как религия или форма политического устройства, заняли в его трактате немало места.

Анализ древней пластики сквозь призму религии, предпринятый Гуаско, естественно перекликался с изданным немного ранее сочинением Шарля де Бросса *О поклонении богам-фетишам* (1760)⁶⁹. Наш автор ссылаясь на него в самых почтительных выражениях⁷⁰. Но в отличие от де Бросса, который вслед за Юмом рассматривал развитие верований от фетишизма через политеизм к монотеизму, Гуаско настаивал на естественном первичном монотеизме человечества, искаженном и «развращенном» на ранних, варварских стадиях развития общества. Подобные представления были широко распространены в XVIII столетии, и одним из главных защитников идеи «естественной религии» выступал Вольтер в своем *Философском словаре* (1764).

На страницах трактата *О назначении статуй* Гуаско неоднократно возвращался к мысли о том, что человечество на ранних этапах своей истории придерживалось монотеизма⁷¹. По выражению аббата, «первая религия в мире была духовной, как и сам Бог, являвшийся первым объектом этой религии»⁷². Следы изначального монотеизма общество сохраняло даже в самые темные века идолопоклонничества, поэтому утверждение христианства стало естественным возвратом от приземленной «материальной» религии к возвышенной «духовной» вере – движением от «внешнего культа» к «просвещению умов и воспитанию сердец»⁷³. Однако, утверждая, что язычество возобладало в древности благодаря «предрасудкам и легковерию зарождающихся и диких народов», которые «возвели в ранг божественных существ памятники и изображения, вызывавшие в памяти тех, кто был объектом их восхищения и любви»⁷⁴, Гуаско в то

⁶⁹ [De Brosse Ch.] Du culte des dieux fétiches, ou Parallèle de l'ancienne religion de l'Égypte avec la religion actuelle de Nigritie. S. 1., 1760.

⁷⁰ *Guasco O.* De l'usage des statues... P. 22.

⁷¹ «Le Philosophe qui voudrait rendre raison des différentes manières qui caractérisent les productions de l'art, les trouverait peut-être dans l'influence des différents climats sur celles de l'âme». – Ibid. P. 9, 12, 65, 163 etc.

⁷² «Bien de raison nous disent que la première religion du monde fut spirituelle comme le Dieu qui en fut le premier objet». – Ibid. P. 9.

⁷³ «(...) Elle ne s'occupa que de maximes propres à éclairer les esprits et à former les cœurs». – Ibid. P. 490.

⁷⁴ «Nous avons vu comment et par quel degré la superstition et la crédulité des nations naissantes et sauvages, mirent au rang des êtres divins les monuments et les images qui rappelaient à la mémoire ceux qui avaient été l'objet de leur admiration et de leur amour (...)» – Ibid. P. 203.

же время признавал, что этот процесс в конечном счете имел и некоторые позитивные последствия. Парадоксальным образом идолопоклонничество произвело «политическое благо», которое, с его точки зрения, заключалось в том, что оформление устойчивого религиозного культа, пусть даже языческого, но все же апеллирующего к чувствам человека, сцементировало общество, привело его к состоянию общежития и единения, что в конце концов подняло на должную высоту культуру ремесел.

Более того, Гуаско признавал, что христианство, утвердившееся в последствии на руинах язычества, не сразу оказалось способным поддерживать дальнейшее развитие искусств и ремесел. По его мнению, это было связано не с тем, что христианские «таинства, Девы, Исповедники и Мученики» оказались менее привлекательными для людей творчества и их образы слабее воздействовали на воображение художников. «Фатальная» роль в развитии скульптуры, которую христианство сыграло на ранних этапах своего становления, предопределялась тем, что эта «святая и суровая религия» была «более духовной, нежели материальной, больше тяготела к нравоучениям, нежели к внешнему культу»⁷⁵, а потому поначалу она опасалась, как бы излишние украшения христианского обряда не сбили с пути нетвердых в вере прозелитов. Лишь когда христианство окончательно утвердилось и укрепилось, «началось возрождение искусства, и уже первые его плоды сравнивались благородством и величием с древними образцами»⁷⁶.

Не менее значимое влияние на развитие искусства пластики оказывали, по мнению Гуаско, и политические факторы – формы государственного устройства тех или иных обществ, степень их политической свободы. Аббат посвятил особую главу своего трактата анализу различий принципов возведения памятных статуй в «свободных странах» и в государствах с единоличной властью⁷⁷. В республиках, отмечал он, скульптурные изображения служили прежде всего для воздания почестей политическим добродетелям отдельных граждан.

В свободных государствах каждый человек обладает большими собственными заслугами, поскольку он оказывает большее влияние на общественное благо; добродетели отдельного гражданина имеют особое значение, ибо они составляют дух и движущую силу этого правления, питают его⁷⁸.

⁷⁵ «⟨...⟩ Plus spirituelle que matérielle, plus portée aux moralités qu'au culte extérieur ⟨...⟩» – Ibid. P. 490.

⁷⁶ «Car d'ailleurs c'est à la religion même, lorsqu'elle eut acquis toute sa consistance, que l'art dut sa renaissance et ses premières productions qui furent portées jusq' à la noblesse et au sublime des anciens». – Ibid. P. 490.

⁷⁷ Глава XIII второй части трактата.

⁷⁸ «Dans les pays libres chacun doit avoir plus de mérite intrinsèque, parce qu'il a plus d'influence dans le bien public; les vertus des citoyens y sont plus en considération, parce qu'elles sont l'âme, le mobile, le suc nourricier de ce gouvernement». – *Guasco O. De l'usage des statues...* P. 326.

Вот почему свободное общество стремилось увековечить индивидуальные добродетели – чтобы воздать им должное и сохранить их как пример для потомства. В государствах с единовластным правлением, напротив, заслуги чаще соизмерялись со степенью знатности человека и важностью занимаемого им поста, поэтому особую роль там приобретали скульптурные изображения суверенов.

Влияние монархического духа в этом отношении было особенно заметно в Риме после того, как он утратил свою свободу. Начиная с этого времени статуи стали прерогативой суверенной власти: их воздвигали государям, порой лишь потому, что они были государями, часто – даже не дожидаясь, когда они того заслужат⁷⁹.

В целом же Гуаско утверждал, что в республиках прошлого, которым была присуща бóльшая свобода духа и бóльшая чистота нравов, художественное творчество отличалось особой изобретательностью, креативностью, в то время как монархическое правление, тяготеющее к роскоши, в гораздо большей степени накладывало на предметы искусства черты «лоска, совершенства и изящества». Он полагал также, что в «свободных правлениях» (республиках) искусство значительно более «долговечно», нежели в государствах с единовластным правлением, где смена монарха или деспота непременно влечет за собой перемены в сфере художественной жизни⁸⁰.

Мысли о роли свободы в развитии «скульптурных школ» древности⁸¹ породили любопытное замечание Гуаско относительно перспектив развития искусств в современной ему России. Это замечание он включил в свои рассуждения об особенностях египетской пластики, которая представлялась ему чрезмерно ригидной, сухой и лишенной экспрессии⁸². Одной из причин такого несовершенства египетской скульптуры Гуаско полагал отсутствие стимулов для творческого соперничества мастеров, которые в Древнем Египте принадлежали к низшему политическому классу граждан. Это умозаключение автор неожиданно подкрепил российским примером, заявив, в частности, что поощрение художеств в России – занятие «почти бессмысленное», ввиду отсутствия там «свободного третьего сословия». Гуаско писал: «Дело не в недостатке талантов или мастерства – недостает заинтересованности, главного стимула

⁷⁹ «(...) C'est à Rome surtout, après qu'elle eût perdu sa liberté, qu'on aperçoit l'impression de l'esprit monarchique à cet égard. Depuis cette époque, les statues deviennent comme l'apanage de la souveraineté, on les érige aux souverains, souvent au seul titre de souverain, et souvent encore sans attendre de savoir s'ils les mériteront». – Ibid. P. 328.

⁸⁰ Ibid. P. 425.

⁸¹ Гуаско выделял пять таких «школ»: азиатскую, египетскую, этрусскую, греческую и римскую, хотя его трактат выходил за эти рамки и включал в себя также размышления об искусстве народов Африки и Нового Света.

⁸² *Guasco O. De l'usage des statues...* P. 429.

стремления к славе»⁸³. Иностранцы мастера, которых Россия активно привлекает к себе на службу, не смогут воспитать мастеров национальных, ибо творческое «соперничество и жажда успеха мало совместимы с духом рабства. Доброе зерно падает в неподготовленную почву»⁸⁴. В то же время появление в Риме первых русских пенсионеров Академии художеств⁸⁵ показалось аббату верным шагом в нужном направлении, поскольку «подмастерья, став мастерами, обретут свободу, в том числе и свободу остаться за границей»⁸⁶. Отметим, что позиция Гуаско в известной мере перекликалась с позицией Дидро, который практически в это же время также утверждал, что процветающее третье сословие – сословие свободных людей – является необходимым условием для продвижения России по пути цивилизации, одним из проявлений которого должен стать последующий расцвет искусств и ремесел⁸⁷. Однако, если для Дидро эта проблема имела очевидное политическое и экономическое измерение и напрямую увязывалась с вопросом об отмене крепостного права, Гуаско увидел в ней лишь свободу передвижения – условие, благоприятное для творческого соперничества.

В космополитической «литературной республике» второй половины XVIII столетия аббат Гуаско остался фигурой плана. Однако его трактат *О назначении статуй* – плод широкой эрудиции и «философского» подхода к проблеме – стал вполне оригинальным вкладом в осмысление европейским Просвещением художественного наследия древности.

⁸³ «Ce n'est pas le génie qui manque, ce n'est pas l'aptitude, c'est l'intérêt, c'est l'aiguillon de la gloire». – Ibid. P. 432.

⁸⁴ «(...) L'émulation et l'ambition sont peu compatibles avec l'esprit d'esclavage. On jette des bonnes graines sur des terres mal préparées». – Ibid. P. 432.

⁸⁵ Весьма примечательно, что Гуаско отметил факт появления в Риме русских пенсионеров Академии художеств, ведь до 1768 г. (до момента публикации трактата *О назначении статуй*) в «вечном городе» успели побывать только трое из них – В.И. Баженов, И.Е. Старов и А.П. Лосенко. Последовавшие за ними братья И.А. и А.А. Ивановы, Ф.Г. Гордеев и С.Ф. Щедрин добрались до Рима лишь осенью 1769 г.

⁸⁶ «(...) Ces apprentis devenus Artistes auront la liberté, même celle de rester dans les pays étrangers tant qu'ils voudront». – *Guasco O. De l'usage des statues...* P. 505.

⁸⁷ См. об этом: *Dulac G. La question des beaux-arts dans les relations de Diderot avec la Russie: les reflexions d'un philosophe (1765–1780) // Век Просвещения. Вып. 1: Пространство европейской культуры в эпоху Екатерины II. М., 2006. С. 7–29.*

Nadejda Plavinskaia

**La sculpture antique au prisme de la philosophie:
l'abbé Guasco et son traité *De l'usage
des statues chez les Anciens***

Octavien Guasco, érudit italien, a ambitionné, dans son essai historique *De l'usage des statues chez les Anciens* (1768), de reconsidérer l'art plastique de l'antiquité au prisme de la philosophie moderne. Postulant que le but de toute découverte est la connaissance de l'homme, de ses actions et de ses passions, Guasco s'est posé des questions: qu'est-ce que nous apprennent les monuments antiques sur les hommes qui les ont créées? quelles autres fonctions, outre spécifiquement esthétiques, remplissait la sculpture dans le passé? L'approche de Guasco fut bien différent de celui de François Lemée, qui se demandait sur «l'utilité des statues» dans *Traité de statues* (1688). Un vaste corpus de monuments, depuis les fétiches primitifs jusqu'aux œuvres des grands artistes grecs et romains, a servi à Guasco de source de réflexion sur la religion et la morale des sociétés d'autrefois, sur la perception de la nature chez les anciens, sur leur attitude envers les institutions politiques.

PIERRE-MARIE MOREL

ROUSSEAU, L'ÉPICURISME
ET L'ORIGINE DES LANGUES

L'épicurisme ne paraît pas occuper une place majeure dans la culture antique de Rousseau¹. Les mentions d'Épicure et des épicuriens, en effet, sont assez rares et elles restent généralement conventionnelles et dépréciatives. Saint Preux, dans *Julie ou La Nouvelle Héloïse*, estime que «ces vulgaires épicuriens, pour ne vouloir jamais perdre une occasion les perdent toutes, et toujours ennuyés au sein des plaisirs n'en savent trouver aucun»². Dans le même roman, Madame d'Orbe évoque, à propos des sages mœurs conjugales des habitants de Genève, un «épicurisme de la raison»³, mais c'est un épicurisme bien sage, d'abstinence et de mesure. Du reste, la seconde préface du roman

© Pierre-Marie Morel, 2012

¹ La critique spécialisée semble tenir ce point pour acquis, comme en témoigne, par exemple, l'absence de toute référence à Épicure dans l'étude de *Touchefeu Y. L'Antiquité et le christianisme dans la pensée de Jean-Jacques Rousseau*. Oxford, 1999. Lucrèce est mentionné une fois, p. 75, à propos de l'opposition entre Rousseau et Diderot sur la question de la Création. En l'occurrence, c'est le second qui est aux côtés du poète romain: «Alors que Diderot écoutait avec une attention grandissante les leçons de Lucrèce et du matérialisme philosophique de l'Antiquité, Jean-Jacques ne pouvait renoncer à la certitude que ce monde avait été voulu par un grand ordonnateur». Sur Diderot lecteur de Lucrèce, on se reportera notamment à l'étude de *Gigandet A. Lucrèce vu en songe. Diderot, Le rêve de d'Alembert et le De rerum natura // Revue de métaphysique et de morale*. 2002. N 3. P. 427–439. Une étude récente a néanmoins confirmé de manière claire l'influence des épicuriens sur la pensée de Rousseau en ce qui concerne le langage et les progrès de la civilisation: *Lifschitz A.S. The Enlightenment Revival of the Epicurean History of Language and Civilisation // Epicurus in the Enlightenment / Ed. by N. Leddy et A.S. Lifschitz*. Oxford, 2009. P. 207–226.

² *Rousseau J.-J. Œuvres complètes / Sous la dir. de B. Gagnebin et M. Raymond*. Paris, 1959–1995. 5 vol. Ici T. 2. P. 542. Je modernise l'orthographe.

³ *Ibid.* P. 662: «Ainsi s'aiguise la volupté du sage: s'abstenir pour jouir c'est ta philosophie; c'est l'épicurisme de la raison».

associe l'épicurisme au luxe mondain et, implicitement, à la dépravation, dénonçant les livres qui n'ont d'autres leçons et préceptes que «le raffinement du goût des villes, les maximes de la Cour, l'appareil du luxe, la morale épicurienne»⁴. Épicure, enfin, est nommé de manière très schématique dans le *Discours sur les sciences et les arts*, parmi les philosophes de l'époque dite aujourd'hui «hellénistique», qui ont subverti les mœurs et les vertus civiques des Romains:

Aux noms sacrés de liberté, de désintéressement, d'obéissance aux lois, succèdent les noms d'Épicure, de Zénon, d'Arcésilas. *Depuis que les savants ont commencé à paraître parmi nous*, disaient leurs propres philosophes, *les gens de bien se sont éclipsés*. Jusqu'alors les Romains s'étaient contentés de pratiquer la vertu; tout fut perdu quand ils commencèrent à l'étudier⁵.

Rousseau se réfère ici à Sénèque (*Lettres à Lucilius*, 95) pour dénoncer, derrière les trois noms cités, la perversion dont se rendent coupables les trois grandes écoles de la période, respectivement: l'épicurisme, le stoïcisme – en tout cas le stoïcisme grec –, et le scepticisme. En matière de mœurs, accordons-le à Rousseau, Sénèque est sans aucun doute une autorité moins discutabile qu'Épicure.

Il convient cependant de distinguer chez Rousseau entre la figure traditionnellement controversée d'Épicure et la présence, latente mais réelle, de la philosophie du Jardin, en particulier celle de son principal représentant romain, Lucrèce. Du reste, l'influence de Lucrèce sur l'anthropologie rousseauiste a souvent été notée. La seconde partie du *Discours sur l'origine et les fondements de l'inégalité parmi les hommes* (dorénavant – *Discours sur l'origine de l'inégalité* ou *DI*) fait écho sur plusieurs points essentiels à la façon dont le poète romain, au livre V du *De rerum natura* (dorénavant – *DRN*), décrit les avancées de l'humanité: le caractère progressif et insensible du processus culturel, le rôle des circonstances dans la découverte des savoir-faire, l'importance de l'expérience et de l'imitation de la nature dans le développement des techniques.

Cette influence est notamment perceptible concernant une question centrale dans le propos de Rousseau, le problème de l'origine des langues. On considère généralement que les développements consacrés à l'apparition du langage et à la diversification des langues, dans le *Discours sur l'origine de l'inégalité* puis dans l'*Essai sur l'origine des langues* (dorénavant – *EO*), sont essentiellement justifiés par la nécessité de prendre position parmi les Modernes. La lecture que Rousseau fait de Condillac est donc communément tenue pour une clef de lecture suffisante. La référence à l'épicurisme paraît absente. Toutefois, si l'on considère que, pour Rousseau comme pour Lucrèce, la question du langage doit être traitée, elle aussi, dans la perspective

⁴ Ibid. P. 19.

⁵ Rousseau J.-J. *Discours sur les sciences et les arts* // Ibid. T. 3. P. 14.

des avancées – notamment techniques – de l’humanité⁶, il serait très étonnant que le premier abandonne subitement le second lorsqu’il aborde le phénomène linguistique. En réalité, une observation attentive du traitement rousseauiste de la question du langage révèle à quel point l’analyse épicurienne est pertinente. Elle permet en effet d’établir que le langage est en un sens d’origine naturelle et que l’hypothèse d’une institution primitive des mots est, pour le moins, problématique. Elle sert ainsi à réfuter, ou à nuancer, au cœur même des débats qui sont ceux des Modernes, la thèse selon laquelle l’humanité disposerait du langage par le truchement d’une intervention divine. On verra même qu’au-delà de la référence proprement lucrétienne, Rousseau est sur ce point l’héritier de l’épicurisme antique tout entier, de son origine – c’est-à-dire depuis Épicure lui-même – à son déclin, aux alentours du IIe siècle après J.-C.

ROUSSEAU, LUCRÈCE ET LES PROGRÈS DE L’HUMANITÉ

Comme nous l’avons vu d’abord, le *Discours sur l’origine de l’inégalité* fait écho à plusieurs reprises aux traits majeurs de l’anthropologie de Lucrèce, telle qu’elle est développée au chant V du *De rerum natura*. Les éditeurs du texte de Rousseau, et tout récemment Blaise Bachofen et Bruno Bernardi⁷, signalent généralement cette influence. Dans les deux cas, nous sommes face au tableau d’une humanité engagée dans un processus paradoxal: bien qu’il prenne son essor dans l’exercice des facultés naturelles, le progrès produit un éloignement sans retour par rapport à l’état originel des choses, au point de conduire à une situation où l’homme pervertit sa propre nature.

On songe tout d’abord à l’évocation de la vie du premier homme naturel, dès le début du second *Discours*: «je le vois se rassiant sous un chêne, se désaltérant au premier ruisseau, trouvant son lit au pied du même arbre qui lui a fourni son repas, et voilà ses besoins satisfaits»⁸. Ce texte renoue *de facto* avec une veine épicurienne classique, où la mise en scène bucolique sert directement le propos philosophique: la nature pourvoit à tous les besoins

⁶ Principe clairement énoncé dans *Rousseau J.-J. Essai sur l’origine des langues* / Éd., introduction et notes par Ch. Porset. Paris: A.G. Nizet, 1970. IX, [52]. Je me réfère à cette édition avec indication du chapitre en chiffres romains et de la pagination du manuscrit entre crochets droits. On consultera également l’édition figurant dans les *Œuvres complètes* (Paris, 1995. T. 5), avec une notice de Jean Starobinski.

⁷ *Rousseau J.-J. Discours sur l’origine et les fondements de l’inégalité parmi les hommes* / Éd. présentée et annotée par B. Bachofen et B. Bernardi. Paris, 2008. Voir également le rapide parcours de la question proposé par *Black M. De rerum natura and the second Discourse // Rousseau and the Ancients. Rousseau et les Anciens* / Sous la dir. de R. Grant et Ph. Stewart. Montréal, 2001. P. 300–309.

⁸ *DI: Rousseau J.-J. Œuvres complètes*. T. 3. P. 135.

essentiels. Il s'agit probablement d'une reprise abrégée des vers 939–947 du chant V de Lucrèce. C'est aussi un *topos* philosophico-littéraire de l'époque, puisqu'on trouve l'équivalent chez Pufendorf, dans son *Droit de la nature et des gens*, de 1672⁹. Jean Starobinski estime logiquement, dans sa note sur ce passage, que «Rousseau a sans doute relu [Lucrèce] au moment de la composition du *Discours*». Sans qu'il soit question de gommer les influences intermédiaires, comme celle de Buffon, repérable quelques lignes plus bas à propos de la dispersion géographique de la première humanité¹⁰, nous pouvons tenir pour acquis que Lucrèce est présent dans toutes ces pages.

Pour comprendre l'émergence du langage, commençons par en esquisser le cadre. Concernant les avancées de l'humanité, Rousseau insiste, comme Lucrèce, sur deux points fondamentaux: le caractère progressif du processus et le rôle de l'expérience. Chez l'un comme chez l'autre, le premier aspect s'explique par le rôle conjoint des circonstances et du besoin. Pour Rousseau, le passage de la sensation aux connaissances générales, nécessaire au progrès technique, suppose, non seulement la «communication», mais aussi «l'aiguillon de la nécessité», c'est-à-dire la contrainte du besoin et des circonstances. Il s'interroge sur la somme des «différents hasards» qui ont permis de concevoir l'usage du feu¹¹. Le développement des «vertus sociales» nécessite «le concours fortuit de plusieurs causes étrangères qui pouvaient ne jamais naître», de sorte qu'il faut, pour comprendre les progrès et la perversion corrélative de l'humanité, «considérer et rapprocher les différents hasards qui ont pu perfectionner la raison humaine, en détériorant l'espèce (...)»¹²

De manière analogue, au chant V du poème de Lucrèce, les premiers hommes mènent la vie des bêtes et ne connaissent pas les techniques; leur préservation est garantie par la nature. Ils ignorent le bien commun (v. 958) et il n'y a pas de coutumes ni de lois qui régissent les relations sociales. Ils sont essentiellement instruits par le hasard (*fortuna* – v. 960), par l'expérience et l'habitude (v. 977). Lucrèce insiste également sur le fait que ce processus s'accomplit «peu à peu» (*paulatim* – v. 1454), tout comme chez Rousseau la situation se transforme «insensiblement». Chez Rousseau, la découverte fortuite du feu terrestre à l'occasion de la chute de la foudre ou sous l'effet d'une éruption volcanique fait également écho à des vers de Lucrèce (*DRN*, V, 1094–1095)¹³. La cause est faible, car l'origine est contingente, mais ses

⁹ Pufendorf S. *Le Droit de la nature et des gens*. Livre 2. Ch. 2. § 2.

¹⁰ Rousseau J.-J. *Œuvres complètes*. T. 3. P. 136. Note 6 (par J. Starobinski).

¹¹ *DI*: Ibid. P. 144.

¹² *DI*: Ibid. P. 162.

¹³ Sur la conception épicurienne des techniques et des progrès de l'humanité, je renvoie pour plus de précisions à Morel P.-M. *Épicure. La nature et la raison*. Paris, 2009. P. 71–88. Concernant le récit de Lucrèce en général, voir Campbell G. *Lucretius on Creation and Evolution. A Commentary on De Rerum Natura, Book Five, Lines 772–1104*. Oxford, 2003, qui montre notamment que le poète romain tient une position neutre et essentiellement descriptive, ni «primitiviste» ni «progressiviste»: la nature primitive que Lucrèce retrouve en

suites sont irréversibles. La rigueur de l'enchaînement est même d'autant plus frappante que l'impulsion première est purement accidentelle. Pour nos deux auteurs, le hasard des circonstances, l'aléatoire des lieux et des temps, témoignent *a contrario* du caractère inéluctable du processus. Au-delà des préoccupations qui sont propres à Rousseau – montrer, par exemple, le rôle que joue l'agriculture, par l'intermédiaire de la propriété, dans la naissance des inégalités –, on retrouve le même paradoxe d'une *Kulturgeschichte* qui, bien qu'elle décrive un phénomène contingent, explique son accomplissement par une inéluctable nécessité.

Venons-en maintenant à l'expérience, évoquée par les deux auteurs. Elle prend dans les deux cas la forme d'une imitation de la nature, lorsque les premiers hommes développent des procédés analogues aux siens. Chez Rousseau, la maîtrise du feu exige que les hommes acquièrent, en observant les volcans, «l'idée d'imiter cette opération de la nature»¹⁴ et l'agriculture, à l'origine, reproduit les voies qui sont celles-là mêmes de la nature¹⁵. Rousseau n'ignore probablement pas qu'il y a sur ce point une longue tradition antique. Démocrite montrait déjà le profit que les hommes ont su tirer de l'imitation des animaux, celle de l'araignée pour le tissage, de l'hirondelle pour l'architecture, du cygne et du rossignol pour la musique¹⁶. Lucrèce reprend cette thématique dans le chant V, en décrivant la double attitude d'imitation de la nature et d'adaptation progressive. Le soleil apprend à cuire les aliments et à les amollir¹⁷; la nature, par l'intermédiaire des rejetons spontanés des baies et des glands, donne le modèle ou l'exemple (*specimen*) des semailles et elle est à l'origine (*origo*) de la technique des greffes¹⁸.

D'une manière générale, une étude comparative systématique des deux textes, celui de Rousseau et celui de Lucrèce, montrerait que la succession des étapes est pratiquement identique dans les deux cas. Chez l'un comme chez l'autre, enfin, le progrès équivoque de l'humanité est à la fois technique, social et intellectuel.

La présence de Démocrite à l'origine de la tradition épicurienne de réflexion sur les techniques et l'apparition du langage, présence aujourd'hui bien attestée¹⁹, mérite ici d'être soulignée. Nous en avons notamment connaissance par l'intermédiaire de Diodore de Sicile. Celui-ci consacre en effet quelques pages de sa *Bibliothèque historique* à Démocrite. Or, comme nous

écrivant une préhistoire de l'humanité n'est pas une valeur en soi, pas plus que le progrès ne garantit le mieux-être de ceux qui l'accomplissent. Cette position est également celle de Rousseau, tant que l'on s'en tient aux premiers stades de l'état de nature.

¹⁴ *DI: Rousseau J.-J. Œuvres complètes*. T. 3. P. 172.

¹⁵ *Ibid.*

¹⁶ *Plutarque*. De l'ingéniosité des animaux (De sollertia animalium). 974 A [DK 68 B 154].

¹⁷ *DRN*, V, 1102–1104.

¹⁸ *DRN*, V, 1361–1367.

¹⁹ Voir *Cole T. Democritus and the Sources of Greek Anthropology*. Cleveland, 1967.

allons le voir, ce relais n'est pas sans incidence sur la façon dont Rousseau aborde la question.

Il faudrait également comparer ce que nos deux auteurs disent de la sexualité primitive, car là encore, entre le *Discours sur l'origine de l'inégalité* et le *De rerum natura*, les similitudes sont frappantes. L'union des sexes, à l'instar des progrès initiaux – et, pour l'atomiste Lucrèce, à l'instar du mouvement des atomes –, est d'abord le fait de rencontres fortuites, exemptes d'attachement passionnel:

Les mâles et les femelles s'unissaient fortuitement selon la rencontre, l'occasion, et le désir, sans que la parole fût un interprète fort nécessaire des choses qu'ils avaient à se dire: ils se quittaient avec la même facilité (...) ²⁰

On songe aux mots de Lucrèce, lorsqu'il place les premières rencontres amoureuses sur le même plan que la simple cueillette:

Et Vénus dans les bois unissait les corps des amants. Nulle qui ne cédât au désir partagé, ou à la vive violence et à l'élan de l'homme en rut, ou au gain, arbouses, baies et poires choisies (*DRN*, V, 962–965)²¹.

Dans les deux cas, l'amour naturel contraste avec son dévoiement passionnel. Dans la deuxième partie du Second Discours, «la jalousie s'éveille avec l'amour» et Lucrèce, au chant IV du *De rerum natura*, décrit en des vers fameux le désastre psychique et la dépossession de soi auxquels conduit la passion amoureuse.

Trait remarquable pour mon propos, l'union primitive est chez Rousseau une union tacite. Comme nous allons le voir, il n'est pas indifférent que les couples se forment sans que le langage soit nécessaire et sans, non plus, qu'ils en suscitent la découverte. C'est là un premier indice du caractère mystérieux de l'apparition du langage. Je vais y revenir.

C'est donc dans ce contexte de développement progressif qu'apparaît le langage, phénomène comparable, par ses causes, à la découverte technique. Chez Lucrèce, l'apparition de l'habitat précède l'évocation de la première forme de sociabilité, fondée sur l'amitié et le souci de protéger les plus faibles (v. 1011–1027). Apparaissent alors les premiers «pactes» ou «contrats» (*fœdera*) nécessaires à la préservation de l'humanité. C'est précisément à la suite que Lucrèce évoque l'origine du langage. La nature pousse les hommes à préférer des sons signifiants, et l'utilité (*utilitas*) les conduit à associer les

²⁰ *DI* : Rousseau J.-J. Œuvres complètes. T. 3. P. 47.

²¹ Je cite la traduction de José Turpin, qui accompagne son édition du texte, *Lucrèce*. De la nature. De rerum natura. Paris, 1993; (réédition) 1997. Sur l'amour chez Lucrèce, voir notamment Brown R.D. *Lucretius on Love and Sex*. Leiden, 1987; Erler M. *Exempla amoris*. Der epikureische *Epilogismos* als philosophischer Hintergrund der Diatribe gegen die Liebe in Lukrez *De rerum natura* / Le Jardin romain. Épicurisme et poésie à Rome. Mélanges offerts à Mayotte Bollack / Éd. par A. Monet. Villeneuve d'Ascq, 2003. P. 147–162; Morel P.-M. Op. cit. P. 179–183.

noms aux choses. Ce point aura d'ailleurs son influence sur la pensée des Lumières, comme on le perçoit dans l'*Entretien entre d'Alembert et Diderot*: «il faut tirer du besoin et de la proximité l'origine des sons conventionnels»²².

Pour Lucrèce, le phénomène même du langage, la désignation linguistique, vient originellement de la nature (*natura*), qui fait d'abord émettre les divers sons de la langue, puis il évolue, comme les arts, en s'adaptant aux nécessités pratiques: l'utilité conduit les hommes à fixer par convention les noms des choses, comme la nécessité et la crainte suscitent les découvertes techniques, dans la continuité mais aussi au-delà de la première impulsion naturelle (v. 1028–1090). Comme le dit Lucrèce: «La nature fit émettre les divers sons du langage et l'utilité exprimer le nom des choses»²³. Ce vers suggère même, à la faveur de l'assonance *natura / nomina*, un glissement de l'expression *nomina rerum* vers la fameuse *natura rerum*, qui constitue l'objet explicite du poème.

Pour Lucrèce, les noms ne sont que la manière dont l'utilité traduit la nature même des choses. Comme on le sait, pour Rousseau, le premier langage de l'homme n'est autre que «le cri de la nature», c'est-à-dire «le seul dont il eut besoin»²⁴. Dans la seconde partie du *Discours sur l'origine de l'inégalité*, Rousseau fait des conjectures sur la manière dont l'humanité est progressivement passée de cette originelle «langue universelle» à la formation dans chaque communauté humaine d'un «idiome commun» sous l'effet des contraintes liées à la vie sociale²⁵. Sa dette à l'égard de la tradition épicurienne n'est donc pas seulement repérable à une manière commune de situer l'apparition du fait linguistique dans le mouvement général des progrès de l'humanité, mais également à cette idée que le langage constitue un point d'articulation exemplaire entre la nature, d'une part, et la convention ou l'usage, d'autre part. C'est ce que nous devons examiner maintenant.

L'INSTITUTION DU LANGAGE ET LA PLURALITÉ DES LANGUES

Rousseau est confronté à deux difficultés classiques et étroitement liées: l'apparition d'une langue originelle, ou langue mère, et le phénomène de la pluralité des langues. Commençons par la première difficulté. Le *Discours sur l'origine de l'inégalité* envisage l'institution du langage en deux temps: non seulement dans la seconde partie, comme je viens de le rappeler, mais

²² *Diderot D.* Entretien entre d'Alembert et Diderot // *Diderot D.* Œuvres philosophiques. Paris, 1964. P. 278.

²³ «At varios linguae sonitus natura subegit / mittere, et utilitas expressit nomina rerum». – *DRN*, V. 1028–1029.

²⁴ *DF: Rousseau J.-J.* Œuvres complètes. T. 3. P. 148.

²⁵ *Ibid.* P. 167–169.

également dès la première, lorsqu'il est question des progrès intellectuels de l'humanité, c'est-à-dire du passage des simples sensations aux idées complexes. L'homme de la nature craint la douleur, qu'il éprouve, mais pas la mort, parce qu'il n'en a pas l'idée²⁶. Si l'on peut dire à l'inverse que «tout animal a des idées puisqu'il a des sens», cela n'explique pas comment l'humanité primitive est passée de la sensation à la connaissance générale qui entre en jeu dans le processus technique. Il faut alors invoquer la nécessité, les circonstances fortuites et les passions: «nous ne cherchons à connaître que parce que nous désirons de jouir (...)»²⁷

Dans ce contexte, la question de la première institution du langage est présentée comme une aporie, un «embarras». Ainsi, Condillac a tort de supposer une société pour expliquer l'institution de signes, car au premier état de nature il n'y a pas de société²⁸. Plus encore, l'hypothèse de la découverte du langage se heurte à l'obstacle, déjà signalé par Condillac²⁹, de l'usage de la pensée: «si les hommes ont eu besoin de la parole pour apprendre à penser, ils ont eu bien plus besoin encore de savoir penser pour trouver l'art de la parole»³⁰. Ce cercle est sans doute l'une des motivations qui conduit Rousseau à renoncer, quelques pages plus loin, à se prononcer sur la naissance des langues, se disant «convaincu de l'impossibilité que les langues aient pu naître, et s'établir par des moyens proprement humains»³¹.

Comme le note Starobinski, «Rousseau, en laissant entendre que les “moyens proprement humains” ne suffisent pas à justifier l'invention des langues, fait ici une large concession aux partisans de l'institution divine du langage. Mais ce n'est là qu'une hypothèse, évoquée en désespoir de cause, moins pour elle-même qu'en raison de l'échec de l'hypothèse précédente»³². Il y aurait matière à s'interroger sur les raisons d'une telle concession, car Rousseau adopte un tout autre point de vue dans l'*Essai sur l'origine des langues*, qui est probablement déjà «ébauché lors de la rédaction du second *Discours*»³³.

²⁶ Ibid. P. 143.

²⁷ Ibid.

²⁸ Ibid. P. 146.

²⁹ Condillac É. *Bonno de*. Essai sur l'origine des connaissances humaines. Amsterdam: chez P. Mortier, 1746. P. 80–82 [Partie 1. Section 2. Ch. V. § 49].

³⁰ *DI: Rousseau J.-J. Œuvres complètes*. T. 3. P. 147.

³¹ Ibid. P. 151.

³² Ibid. P. 1328.

³³ Selon Ch. Porset, dans l'avertissement à son édition du texte, *Rousseau J.-J. Essai sur l'origine des langues*. Paris, 1970. P. 15. Je parle également sous l'autorité de Blaise Bachofen que je remercie pour ses indications. Sur la question de la chronologie des traités, on consultera aussi la notice de Frédéric Eigeldinger, dans *Rousseau J.-J. Essai sur l'origine des langues*. Fac-similé du manuscrit de Neuchâtel / Introduction de J. Starobinski et notice historique de F.S. Eigeldinger. Paris, 1997. P. 144–145, qui soutient que l'*Essai*, initialement rédigé entre novembre 1753 et octobre 1754, puis refondu à la fin de 1755, a encore été retouché par Rousseau en 1761 puis en 1763. Le manuscrit du second *Discours* est remis à l'éditeur en octobre 1754; il paraît en avril 1755.

Selon Bachofen et Bernardi³⁴, il s'agit avant tout pour Rousseau de montrer qu'il y a là une «énigme théorique». Il n'est pas impossible également que Rousseau affiche dans le *Discours sur l'origine de l'inégalité*, en matière de théologie, une réserve qui ne sera plus de mise dans l'*Essai sur l'origine des langues*³⁵. Une telle prudence, il est vrai, obéit peut-être au souci de compenser les audaces, si l'on considère que le second *Discours* s'écarte de la tradition chrétienne sur un point absolument fondamental, en dépeignant un état de nature qui ne laisse pas de place au dogme du péché originel³⁶. C'est en tout cas vers l'*Essai sur l'origine des langues* qu'il faut maintenant se tourner, et c'est lui qui va nous reconduire aux épicuriens.

Dès la première page de l'*Essai sur l'origine des langues*, l'essentiel est dit: «la parole étant la première institution sociale ne doit sa forme qu'à des causes naturelles» (*EO*, I [1]). Toutefois, à la différence du langage animal, «la langue de convention n'appartient qu'à l'homme» (*EO*, I [11]). Or concernant ce dernier, l'*Essai sur l'origine des langues* précise que ce sont les passions, et non pas les besoins matériels, qui «arrachèrent les premières voix» (*EO*, II [12])³⁷. C'est incontestablement la thèse centrale du traité et, prise dans sa littéralité, elle ne doit rien aux épicuriens.

Dès lors l'*Essai sur l'origine des langues* se trouve logiquement confronté à une difficulté théologique qui avait été esquivée dans le *Discours sur l'origine de l'inégalité*: celle de l'institution divine de la langue mère. Rousseau évoque à ce sujet *La Rhétorique ou l'art de parler* du P. Lamy (Paris, 1741), à propos de l'invention des sons: «le père Lami ne conçoit pas même que les hommes en eussent pu jamais inventer d'autres [*i.e.*: que les cris], si Dieu ne leur eût expressément appris à parler» (*EO*, IV [16]). En tout état de cause, la première langue subit des changements. Il y a une «histoire» et un «progrès» des langues, évoqué au chapitre V, phénomène dû cette fois

³⁴ Rousseau J.-J. *Discours sur l'origine et les fondements de l'inégalité parmi les hommes* / Éd. par B. Bachofen et B. Bernardi. Paris, 2008. P. 228.

³⁵ Voir la référence positive à la Révélation dans l'introduction au *Discours sur l'origine de l'inégalité*. Ce point est mentionné par Bachofen et Bernardi. La présente étude n'a pas vocation à comparer de manière systématique les différents écrits de Rousseau. Je ne peux donc entrer dans le débat complexe des parentés et différences entre le *Discours sur l'origine de l'inégalité*, l'*Essai sur l'origine des langues* et l'*Émile* (texte dont je ne traiterai pas ici).

³⁶ Sur ce refus du dogme du péché originel, voir *Touchefeu Y*. Op. cit. P. 126–127.

³⁷ Les besoins, pour Rousseau, jouent un rôle décisif dans l'apparition de la première expression vocale, le «cri de la nature» dont parle le *Discours sur l'origine de l'inégalité*. L'*Essai sur l'origine des langues* semble cependant accorder aux passions un privilège exclusif sur ce point. Peut-être faut-il comprendre que l'expression vocale *signifiante* apparaît dès lors que le sentiment a le loisir de s'exprimer, c'est-à-dire une fois satisfaits les besoins de base. J. Starobinski, dans un essai qu'il a consacré à l'origine des langues, l'explique ainsi, à propos de la phase de sédentarisation: «Mieux assurés de subsister, les hommes connaissent l'alternance du travail et du loisir. Ils deviennent disponibles pour l'essor des passions» (*Starobinski J.* Jean-Jacques Rousseau. La transparence et l'obstacle, suivi de Sept essais sur Rousseau. Paris, 1971. P. 370–371).

au besoin et aux «affaires». Alors, «les lumières s'étendent» et «le langage change de caractère», les idées se substituant aux sentiments et la raison aux passions. Or, un tel progrès ne nous fait pas basculer dans le domaine de la pure institution ou de la convention absolue: «ce progrès me paraît tout à fait naturel» (*EO*, V, [19]). Il en ira de même, plus loin, à propos de l'écriture: «ce progrès n'a rien que de naturel: l'écriture par sillons est sans contredit la plus commode à lire» (*EO*, V, [25]). La diversité des langues elle-même est l'effet de circonstances naturelles, comme les climats (chapitre VIII). D'une manière générale, l'histoire des langues montre que l'institution et la raison ne sont en fait qu'un prolongement de la nature. Si l'on s'interroge sur le rapport de Rousseau au «cratylisme» – c'est-à-dire sur la position qu'il adopte, entre ceux qui croient à une origine naturelle des signes linguistiques et ceux qui l'attribuent à une institution humaine –, force est d'admettre que l'opposition entre nature et convention doit être dépassée. Je rapprocherais volontiers cette situation théorique de la description des paysages alpins par Saint Preux, qui embrasse sous un même regard ému l'œuvre de la nature et les marques de la présence humaine, un «mélange étonnant de la nature sauvage et de la nature cultivée»³⁸.

C'est dans ce contexte que se pose le problème, à la fois anthropologique et théologique, de l'enseignement de la première langue. Rousseau, là encore, montre une clarté et une fermeté assez différentes du ton adopté dans le *Discours sur l'origine de l'inégalité*. Il ne s'agit pas de rejeter l'Écriture. Toutefois, si «Adam avait été instruit par Dieu-même», il n'en demeure pas moins que la première langue n'est pas celle que nous parlons: «en se divisant les enfants de Noé abandonnèrent l'agriculture et la langue commune périt avec la première société» (*EO*, IX, [48]). La première langue perdue, il faut s'efforcer de concevoir – suivant l'exemple des Anciens – comment les langues ont pu être instituées:

Épars dans ce vaste désert du monde, les hommes retombèrent dans la stupide barbarie où ils se seraient trouvés s'ils étaient nés de la terre. En suivant ces idées si naturelles il est aisé de concilier l'autorité de l'Écriture avec les monuments antiques, et l'on n'est pas réduit à traiter de fables des traditions aussi anciennes que les peuples qui nous les ont transmises (*EO*, IX, [49]).

L'allusion polémique est manifeste: Rousseau s'adresse au P. Lamy, qui considère comme des «fables» ou des «contes» ce que Diodore de Sicile, au Ier siècle avant J.-C., rapporte à propos du langage dans sa *Bibliothèque historique*³⁹. Celui-ci cite, dit Lamy, «quelques philosophes» qui assurent que les hommes, après la formation de notre monde par des voies purement méca-

³⁸ *Rousseau J.-J.* Julie ou la nouvelle Héloïse [1re partie. Lettre 23] // *Rousseau J.-J.* Œuvres complètes. T. 2. P. 77.

³⁹ Le texte est donné en regard du passage cité de Rousseau dans l'édition Porset: *Rousseau J.-J.* Essai sur l'origine des langues. Paris, 1970. P. 102. Voir *Lamy B.* La Rhétorique ou l'art de parler. Livre 1. Ch. XV.

niques, sont nés de la terre selon des principes purement matériels, puis qu'ils s'associent et forment les langues sous l'effet naturel du besoin. Ce que ne dit pas Lamy, et que les avancées postérieures de la philologie ont montré, c'est que cette explication naturaliste est celle de Démocrite⁴⁰. Or j'ai signalé plus haut toute l'importance de Démocrite pour la *Kulturgeschichte* antique et au premier chef pour celle qu'adoptent les épicuriens. Lucrèce s'inspire sur ce point de Démocrite à de multiples reprises et l'on ne peut s'étonner qu'il se prononce sans aucune équivoque sur la première langue, en montrant qu'aucun législateur des langues, aucun nomothète⁴¹, et à plus forte raison – doit-on penser – aucun dieu, n'aurait pu l'enseigner aux autres hommes⁴². La nature suffit.

Toutefois, d'autres textes épicuriens de l'Antiquité viennent ici à l'esprit. J'en citerai deux, l'un d'Épicure, l'autre de Diogène d'Œnoanda (peut-être au IIe siècle apr. J.-C.). Ce dernier est assez peu connu, car il a été reconstitué à partir d'une inscription murale située en Turquie, découverte au XIXe siècle, et dont l'exploitation est toujours en cours.

Le premier texte, qui va fixer l'orthodoxie sur ce point, est d'Épicure lui-même⁴³:

[75] Mais il faut encore supposer que la nature, en toutes sortes de domaines, a été instruite et contrainte par les faits eux-mêmes; que le raisonnement, par la suite, précise les prescriptions de la nature et y ajoute ses propres découvertes, plus ou moins rapidement selon les cas, et, selon les périodes $\langle * \rangle \langle * \rangle$ ⁴⁴, accomplissant des progrès plus ou moins importants. De là également, le fait que les noms ne soient pas nés, à l'origine, par l'institution de conventions. En réalité, dans leurs natures mêmes, les hommes éprouvant, selon chaque peuple, des affections particulières et recevant des représentations particulières, projettent d'une manière particulière l'air émis par chacune des affections et des représentations, de sorte qu'à un moment donné la différenciation se fait aussi en vertu des lieux occupés par les différents peuples. [76] Par la suite, selon chaque peuple, les particularités ont été instituées par convention commune, afin que les informations que les hommes se donnent les uns aux autres soient moins équivoques et plus concises.

Dans ce passage de la *Lettre à Hérodote* d'Épicure, nous retrouvons plusieurs éléments qui annoncent, non seulement les textes de Lucrèce, qui s'en inspire directement et explicitement, mais aussi l'explication rousseauiste: l'idée d'une histoire – ou tout au moins d'un devenir progressif – de la na-

⁴⁰ Voir *Démocrite*, fr. 68 B 5¹ Diels-Kranz; *Diodore de Sicile*. Bibliothèque historique. I, 7–8.

⁴¹ Comme c'est à l'inverse le cas dans le *Cratyle* de Platon en 389 D.

⁴² *DRN*, V, 1041–1090.

⁴³ Je suis l'édition *Diogenes Laertius*. Vitae philosophorum / Hrsg. von M. Marcovich. Stuttgart-Leipzig, 1999. Je cite ma propre traduction d'Épicure: *Épicure*. Lettres, maximes et autres textes / Trad. par P.-M. Morel. Paris, 2011. P. 75–76.

⁴⁴ Lacune dans le texte grec.

ture; la contrainte des circonstances; le caractère graduel des avancées humaines; la particularisation progressive des besoins et des affections et sa conséquence sur la formation des langues; le passage de la nature à la convention et, du même coup, le dépassement de leur opposition réciproque. Si le passage de la nature à la convention est lui-même naturel, cela veut dire que la convention elle aussi est en un sens naturelle. Pour Rousseau comme pour les épicuriens, l'opposition entre nature et convention doit se comprendre, non pas comme une antinomie, mais comme une succession de phases dans un tableau diachronique, celui du devenir de l'humanité. Sans aucun doute, dans le débat entre Lamy et Rousseau, Épicure serait aux côtés du second contre le premier.

On doit d'ailleurs en dire autant de l'ensemble de la tradition épicurienne, puisque les derniers épicuriens de l'Antiquité souscrivent à la thèse orthodoxe. Ils en donnent même une version assez radicale. Diogène d'Œnoanda (fr. 12 Smith⁴⁵) estime lui aussi que la genèse du langage est un fait naturel et que les mots n'ont pas été institués, à l'origine, par convention. Ce texte est pour nous particulièrement remarquable. Il ne se contente pas de prendre position par rapport à la problématique du *Cratyle* platonicien: il dénonce l'illusion ou la fable d'une institution divine. Le texte se présente aujourd'hui ainsi:

(col. 1) ⟨...⟩, fuyant les orages, ils en vinrent à l'idée de maisons, et à partir de ce dont ils se servaient pour envelopper leurs corps, en les protégeant avec des feuilles, avec des herbes ou avec des peaux – car ils abattaient déjà les animaux –, ils se mirent à penser à des vêtements, non encore tissés, mais sans doute en couches grossières, ou mis de quelque autre manière. Puis, le temps passant, (col. 2) ils conçurent, eux-mêmes ou leurs descendants, le métier à tisser. Il ne faut donc associer à aucune technique – ni à celles-là ni à aucune autre – ni Athéna ni quelque autre divinité, car ce sont les besoins et les circonstances qui, avec le temps, les ont toutes engendrées.

Quant aux sons articulés – je veux parler des noms et des verbes, (col. 3) dont les hommes sortis de terre composèrent leurs premiers appels –, n'associons pas Hermès à leur apprentissage, comme le font certains – car ce ne sont manifestement que bavardages –, et ne croyons pas non plus ceux des philosophes qui disent que les noms ont été imposés aux choses par convention et instruction, afin que les hommes disposent de [signes] de celles-ci, (col. 4) leur permettant de se comprendre plus facilement entre eux. Il est en effet ridicule, et c'est même tout ce qu'il y a de plus ridicule [de penser] – outre le fait que c'est impossible – qu'il se trouve un seul individu qui ait réuni un si grand nombre de gens – car alors il n'y avait pas encore de rois, ni non plus de lettres, là où il n'y avait pas encore de sons articulés; or (col. 5) [il n'y avait nul moyen, sinon sur] ordre, que soient réunies de telles foules –, et qu'on ait

⁴⁵ Smith M.F. Diogenes of Oinoanda. The Epicurean Inscription. «La scuola di Epicuro». Suppl. 1. Napoli, 1993. Je renvoie à ma propre traduction des fragments de Diogène d'Œnoanda dans le volume: Les Épicuriens / Sous la dir. de D. Delattre, J. Pigeaud. Paris: Gallimard, Bibliothèque de la Pléiade, 2010. P. 1035.

pu, une fois ces gens réunis, leur donner des instructions à la manière d'un maître d'école qui [se servirait] d'une baguette et, touchant chaque chose, expliquerait: «ceci doit être appelé pierre, cela bois, ceci homme ou chien ou bœuf ou [âne] (...)» (col. 6 inconsistante).

Je crois inutile d'insister sur le caractère exemplaire de ce fragment, qui reprend tous les éléments déjà repérés chez Épicure et chez Lucrèce, éléments qui vont probablement constituer le fonds commun d'un naturalisme linguistique dans lequel puisera Rousseau.

On peut donc se demander si ce dernier n'importe pas, dans les débats théologiques de son temps, des clivages et des problèmes qui sont déjà, *mutatis mutandis*, ceux de l'Antiquité. S'il n'est pas question, pour les épicuriens, de Création et moins encore de fracture entre un âge adamique et un état post-adamique de l'humanité, ils récusent l'idée de providence, fût-elle immanente à la nature comme c'est le cas chez les stoïciens, et ils contestent l'hypothèse platonicienne d'un nomothète divin – ou tout au moins d'un législateur doté d'un savoir divin⁴⁶.

Tâchons, pour conclure, d'avancer sur le problème des sources et sur le rapport de Rousseau à la doctrine épicurienne originelle. Il est impensable que Rousseau ait eu connaissance du dernier texte, l'inscription de Diogène d'Œnoanda, pour les raisons archéologiques que j'ai dites. Diogène est cependant assez orthodoxe dans son épicurisme et il ne fait ici que témoigner d'une doctrine que Rousseau connaissait par d'autres intermédiaires, en particulier Lucrèce. Pour ce qui est de la réception d'Épicure lui-même, la situation est un peu moins claire. Rousseau se contente parfois d'une image convenue du Maître du Jardin, ce qui semble accréditer l'idée que celui-ci lui est en fait mal connu. Toutefois, comme on l'a vu, Rousseau a une représentation nuancée de l'épicurisme et, pour ce qui est de la *Lettre à Hérodote* citée plus haut, il pouvait fort bien la lire, au moins en traduction, dans le cadre éditorial dont nous sommes tributaires encore aujourd'hui, à savoir le livre X des *Vies et doctrines* de Diogène Laërce.

Par ailleurs, la connaissance de Diodore de Sicile par Rousseau est attestée⁴⁷. Diodore est disponible dans la traduction de l'abbé Terrasson, publiée de 1734 à 1744, de sorte que Jean-Jacques pouvait fort bien le lire plus attentivement que le P. Lamy ne l'avait fait. Il pouvait ainsi faire cause commune avec Démocrite, fût-ce à son insu, tout comme il convergeait – cette fois sciemment – avec Épicure et Lucrèce.

Cela ne doit pas nous conduire à occulter l'originalité de Rousseau en matière de théorie du langage, et notamment le fait qu'il associe, d'une part, le caractère aporétique de l'analyse de l'origine des langues et, d'autre part, la

⁴⁶ Cette superposition concerne, non seulement Rousseau, mais l'ensemble des philosophes qui se sont penchés sur le problème théologique de la langue mère, comme le montre très bien A.S. Lifschitz, qui cependant ne mentionne pas le débat avec le P. Lamy.

⁴⁷ Voir *Touchefeu Y. Op. cit. P. 274. Note 101.*

mise en exergue du facteur passionnel. Est-ce d'ailleurs manquer d'originalité que d'actualiser un *topos* ancien de manière aussi subtile et singulière? Si l'on voit les choses en partant des textes anciens, il est clair, à tout le moins, que les analogies avec la philosophie du Jardin sont frappantes et que les épicuriens sont, pour Rousseau, des alliés objectifs. Bien que Rousseau ait préféré s'en tenir à l'aporie de l'origine plutôt que d'adopter l'explication épicurienne, fondamentalement positive⁴⁸, il pouvait trouver chez eux une articulation subtile de la nature et de la convention, qu'il lui était ensuite loisible de transposer à la polémique exégétique et théologique dont il était le contemporain. Au-delà de l'opportunité stratégique, se laissent toutefois discerner des affinités théoriques profondes. Elles vont sans doute plus loin encore qu'on ne l'a montré ici: au mépris bien connu d'Épicure pour la rhétorique et le langage inutilement technique des autres philosophes, à sa préférence pour le langage ordinaire⁴⁹, répondent en écho lointain la fascination et la méfiance de Rousseau à l'égard de l'instrument linguistique, dont la perversion progressive et les mésusages traduisent très exactement ce qui nous sépare désormais de la nature, de nous-mêmes et d'autrui.

Пьер Мари Морель

Руссо, эпикуреизм и происхождение языков

Обращение к античному эпикуреизму играет центральную роль в анализе Руссо языковых явлений. Для Руссо, как и для Эпикура и Лукреция, развитие языка связано с прогрессом человечества. Тем не менее язык имеет естественное происхождение. Обращение к эпикуреизму позволяет ему отвергнуть утверждение, будто люди обрели язык благодаря божественному вмешательству. *Essai sur l'origine des langues*, в частности, показывает, что само разнообразие языков является следствием естественных причин, таких, например, как климатические различия. У Руссо, как и у эпикурейцев, противопоставление природы и договорного начала, элементарных речевых явлений и языкового разнообразия интерпретируется не как антиномия, а как последовательно сменяющие друг друга фазы развития человечества. Таким образом, эпикурейцы для него – не просто авторы античных текстов, но и единомышленники.

⁴⁸ Voir *Lifschitz A.S.* Op. cit. P. 220–221.

⁴⁹ Ainsi, à propos du temps, voir Épicure. *Lettre à Hérodoté*, 72.

В.С. РЖЕУЦКИЙ

МЕЖДУ РОССИЕЙ И ЗАПАДНОЙ ЕВРОПОЙ:
АНТИЧНОЕ НАСЛЕДИЕ И ФИГУРА
ПЕТРА ВЕЛИКОГО В ВЕК ПРОСВЕЩЕНИЯ
(НА ПРИМЕРЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ БАРОНА ДЕ ЧУДИ,
СЕКРЕТАРЯ И.И. ШУВАЛОВА)*

Античные мотивы занимали важное место в научных и литературных произведениях, публицистике и даже частной переписке в Европе эпохи Просвещения. При этом доля античного багажа, его смысловая нагрузка не были одинаковыми в разных европейских странах. Роль культурных посредников в распространении античных референций в периферийных европейских обществах, к которым относилась Россия, еще недостаточно изучена. Одним из таких посредников, возможно, наиболее видным в Елизаветинское царствование, был секретарь фаворита русской императрицы И. Шувалова – барон Теодор Анри де Чуди, в литературном творчестве которого античная тема заметно выделяется. Но прежде чем обратиться к текстам барона де Чуди, попытаемся выяснить соотношение западно-европейской и русской традиций использования античной мифологии.

РОЛЬ АНТИЧНОСТИ В ВЕК ПРОСВЕЩЕНИЯ
В РОССИИ И ВО ФРАНЦИИ

В России античность в разных проявлениях стала фактом жизни не только высших, но и низших сословий при Петре I. Это произошло, в том числе, благодаря публичным действиям, таким, как торжественные въезды царя

© В.С. Ржеуцкий, 2012

* Статья подготовлена в рамках исследовательского проекта «Франкоязычная периодика, издававшаяся в России в XVIII в.», поддержанного Домом наук о человеке (MSH) и РГНФ (2009–2010 гг.). Благодарю В. Береловича, В.М. Живова, Н.Д. Кочеткову, М. Левитта и М. Мерво за содействие в моей работе.

в столицу после военных побед. И хотя Россия во многом брала пример с Западной Европы, культурное освоение античности здесь, как показал В.М. Живов¹, часто носило весьма своеобразный характер.

В Западной Европе античная мифология издавна воспринималась в качестве важного риторического элемента, аллегорического украшения текста и актуализировалась не как религиозная система, а как язык культуры. Но при этом отношение к смешению языческих и христианских элементов здесь было далеко неоднозначным. Если в рамках культуры барокко такое смешение допускается, то пришедший на смену барокко классицизм критикует его. Фонтенелю и Демаре античные сюжеты кажутся нелепыми, а их применение в культуре, основанной на «истинной религии» и «истинной философии», кажется им оскорблением разума².

Намеренное введение мифологических сюжетов в литературу и искусство было связано в Петровское время с необходимостью апологии царской и императорской власти³, что имело место и в Западной Европе. Но при отсутствии традиции их использования в публичной сфере античность в России многими виделась как религиозная система. Именно поэтому искусство Возрождения, опирающееся на античные примеры, вызывает отторжение у русских путешественников⁴, а культурные преобразования Петра, одним из важных элементов которых было обращение к античности в самых разных формах, воспринимались населением как новое язычество.

Гражданский культ императора, использующий античные референции, развивается параллельно христианскому. Традиция обожествления Петра будет продолжена и после его смерти. По понятным причинам она не могла вызывать одобрения церковных иерархов. Поэтому мифологические мотивы используются в литературе и для того, чтобы сгладить неприятное впечатление, которое этот своего рода языческий культ мог вызвать у добропорядочного христианина. Когда Ломоносов пишет о Петре «Он Бог, он Бог твой был, Россия», его слова вложены в уста Марса: так они звучат более невинно, тем более что значительная часть духовенства к середине столетия уже привыкла к аллегорическому использованию античной мифологии⁵. Неаллегорическое использование

¹ Живов В.М., Успенский Б.А. Метаморфозы античного язычества в истории русской культуры XVII–XVIII вв. // Живов В.М. Разыскания в области истории и предыстории русской культуры. М., 2002. С. 461–531.

² Там же. С. 466.

³ Об этом подробнее см.: Живов В.М. Культурные реформы в системе преобразований Петра I // Живов В.М. Разыскания... С. 380–435.

⁴ В.М. Живов указывает как на характерный пример на реакцию московских послов, посетивших Рим в 1582 г., описанную иезуитом Антонио Поссевино (*Поссевино А. Исторические сочинения о России XVI в. М., 1983. С. 60*) – см.: Живов В.М., Успенский Б.А. Метаморфозы античного язычества... С. 470.

⁵ Живов В.М., Успенский Б.А. Метаморфозы античного язычества... С. 482, 487–488.

отсылка к античности порицается даже представителями гражданской культуры (так, Тредиаковский жестко критикует за это Сумарокова)⁶.

Хотя уже в Петровское царствование некоторые деятели Церкви, близкие к царю (Стефан Яворский, Симеон Полоцкий, Феофан Прокопович), используют античную мифологию в своих сочинениях, нам кажется, что нельзя преувеличивать резкость происходящих перемен. Отсылки к текстам античного мира присутствовали и до Петра: Сильвестр Медведев сравнивает царевну Софью с Юдифью, Деворой, Эсфирью, но все это – библейские персонажи⁷. Если мы перенесемся на три десятилетия позже и посмотрим, какие персонажи древнего мира и древней литературы использует Прокопович в своих похвальных словах, написанных при Петре, то обнаружим, что в большинстве случаев речь идет также о фигурах Ветхого Завета, намного реже – античной истории, греческой и римской (Пирр, Александр Великий, Дарий...), еще меньше – мифологии⁸.

И все же использование мифологических персонажей отличает новую, европеизированную русскую культуру от старой и, в определенной степени, гражданскую культуру – от церковной, хотя границы здесь более размыты. В рамках гражданской культуры нет полного единства в отношении использования античной мифологии. Тредиаковский советует прибегать к мифологическим именам в невысоких жанрах, Сумароков же, наоборот, подчеркивает необходимость использовать мифологические образы в высоких жанрах (и использует их во множестве в своих одах). В.М. Живов отмечает, что позиция Сумарокова соответствует русской традиции панегирика барочного происхождения, а позиция Тредиаковского может ассоциироваться как с традиционным русским ригоризмом, так и с усвоением западных моделей, поскольку он сходится в этом с Демаре, Фонтенелем, Бальзаком⁹.

Роль античного наследия была, таким образом, важна в разных областях жизни европейского общества XVIII в. Играла ли античность большую роль в образовании и воспитании в век Просвещения? Это время, когда в Европе роль классических языков в образовании аристократа уменьшается даже в коллежах и тем более в частных пансионах, где на смену латыни все больше приходят живые языки. В образование благородных девушек классические языки вообще почти никогда не включались, поэтому во Франции книги античных авторов все чаще читаются в переводе на французский, в лучшем случае – в двуязычном издании.

⁶ У Сумарокова же встречаем такие строки: «Отцем ли б ты народ, Великим ли б нарек? / Ты назван был бы богом». – *Николай Мотонис*. К образу Петра Великого, Императора всея России [перевод с лат. А.П. Сумарокова, 1760] // Сумароков А.П. Избранные произведения / Вступ. ст., подг. текста и примеч. П.Н. Беркова. Л., 1957. С. 483.

⁷ Панегирическая литература петровского времени / Изд. подг. В.П. Гребенюк, под ред. О.А. Державиной. М., 1979. С. 10.

⁸ *Прокопович Ф.* Сочинения / Под ред. И.П. Еремина. М.; Л., 1961.

⁹ *Живов В.М., Успенский Б.А.* Метаморфозы античного язычества... С. 492–493.

Более того, полные собрания сочинений и даже отдельные сочинения античных авторов становятся все чаще уделом эрудитов, а широкая публика, в том числе дворянская, ограничивается популярными изложениями. Все это ведет к менее глубокому знанию античности, но в то же время способствует развитию перевода.

В числе античных авторов наиболее знакомы французскому аристократу Цицерон, Гораций и Вергилий: их растащили на цитаты, которые являются непременным атрибутом галантного письма. Многие античные герои становятся моделями, прежде всего благодаря современным литературным произведениям на темы античности. Так, Александр Македонский, о котором подробнее речь пойдет далее, получает в глазах французского дворянства определенный образ, который формируется благодаря французской литературе на античную тематику, например одноименной пьесе Расина.

Хотя в XVIII столетии знакомство с античностью по первоисточникам все больше становится прерогативой собственно ученых, общий интерес к ней не угасает, скорее наоборот. Этому во многом способствуют и археологические находки, открывшие миру античное искусство. Античность становится более «близкой», но и менее знакомой, что ведет к самым разным, зачастую противоречащим друг другу интерпретациям¹⁰.

АНТИЧНАЯ МИФОЛОГИЯ В ТВОРЧЕСТВЕ БАРОНА ДЕ ЧУДИ

Барон Теодор Анри де Чуди попал в Россию в середине XVIII в.¹¹ и надолго обосновался в Петербурге. Как секретарь И.И. Шувалова, Чуди помогал ему в делах, связанных с университетом, а позже – в подготовке материалов для Вольтера, которому русский двор заказал *Историю Российской империи в царствование Петра Великого*. Чуди издавал первый в России франкоязычный журнал *Le Caméléon littéraire* (1755), а также перевел на французский язык известное *Слово похвальное Петру Великому* М.В. Ломоносова, которое также было послано Вольтеру¹².

¹⁰ Многие из этих моделей античности проанализировала в своем фундаментальном труде Шанталь Грель: *Grell Ch. Le Dix-huitième siècle et l'Antiquité en France, 1680–1789*. SVES. Vol. 330. Oxford: Voltaire Foundation, 1995. 2 t.

¹¹ Он приехал в Россию летом 1752 г. и оставался здесь (за исключением путешествия во Францию, закончившегося его временным заключением в Бастилию в 1756 г.) до 1760 г. О нем и его журнале см.: *Ржеуцкий В.* В тени Шувалова. Французский культурный посредник в России барон де Чуди // Новое литературное обозрение. 2010. № 105. С. 91–124 – здесь и далее ссылки сделаны на электронную версию: <http://magazines.russ.ru/nlo/2010/105/re10.html>

¹² Об этом см.: *Ржеуцкий В.С.* Барон де Чуди – переводчик Ломоносова. К истории перевода и переводчиков в России эпохи Просвещения // Ломоносов: Сб. статей и материалов / Отв. ред. Г.Ф. Терещенко и Э.И. Колчинский. СПб., 2011. С. 269–281.

Для прозы Чуди характерно постоянное, почти навязчивое использование античных мифологических имен. Об этом свидетельствует его книга *Философ на французском Парнасе*, посвященная И.И. Шувалову и опубликованная в Голландии в 1754 г.¹³, когда автор уже находился в России. Показателен в этом смысле и *Le Caméléon littéraire*¹⁴, который Чуди издавал при поддержке Академии наук и, вероятно, не без протекции И.И. Шувалова. Ни М.Н. Попова в известной статье об истории журнала и его издателя¹⁵, ни Аннет Фольмер в исследовании о франкоязычной прессе в нескольких европейских государствах, в том числе в России¹⁶, не указывают на важность античного наследия среди материалов этого издания.

Нередко античные герои, упоминаемые на страницах *Le Caméléon littéraire*, – просто неперенный атрибут галантной эпикурейской поэзии. В журнале немало образцов такого жанра, причем, возможно, это не всегда сочинения самого Чуди, как, например, *Стихи о любовнице, несчастная судьба которого сделала его любовницу неверной* («Если бы мне нужно было воспеть Исмену и Коридона, я заимствовал бы голос милой Урании» и т.д.)¹⁷. В другом стихотворении также видим имена греко-римских мифологических мест и персонажей: Парнас, Геликон, Аполлон, Минерва, Юнона, Цитера, Беллона, Венера, Диана, Аврора и т.д.¹⁸ В опубликованной Чуди поэме г-жи дю Бокаж мелькают Олимпы, Геркулесы, Мельпомены, Клио, Зефиры и лавровые венки, в общем весь набор необходимой для этого жанра античной символики¹⁹.

Античные авторы для Чуди – это и неистощимый источник цитат на все случаи жизни. В статье о поэме своего знакомого шевалье де Менвильера – *Нотте-Дieu (Человек-Бог)* – он задается вопросом, как могло случиться, что такой человек, как Менвильер, проехавший через множество стран, нигде не нашел себе пристанища? Чтобы ответить на него, Чуди дает свою имитацию стихов Горация:

¹³ Le philosophe au Parnasse françois, ou le Moraliste enjoué; Lettres du chevalier de L. et de M. de M., dédiées au comte Ivan Ivanitch Chevaloff. Amsterdam: I. Buyn, 1754.

¹⁴ Le Caméléon littéraire. Ouvrage périodique. Par l'Auteur du Philosophe au Parnasse, Imprimé à Saint-Pétersbourg [в тип. Академии наук], 1755. 12° (с 5 января по 14 декабря 1755 г. вышло 49 номеров тиражом 312 экземпляров).

¹⁵ Попова М.Н. Теодор Генрих Чуди и основанный им в 1755 г. журнал «Le Caméléon littéraire» // Известия Академии наук СССР. Отд. гуманитарных наук. М., 1929.

¹⁶ Volmer A. Presse und Francophonie im 18. Jahrhundert. Studien zur Französischsprachigen Presse in Thüringen, Kursachsen und Russland. Leipzig, 2000.

¹⁷ «Si j'avais à chanter Ismène ou Coridon / J'emprunterais la voix de l'aimable Uranie, / Je peindrais ce berger semblable à Céladon / qui perdant son Iris voulût perdre la vie». – Vers à l'occasion d'un amant dont le défaut de fortune a rendu la maîtresse infidèle par Mr. de la B... // Le Caméléon littéraire. N 6. P. 137–138. Здесь и далее все переводы принадлежат автору статьи.

¹⁸ Origine du divorce de la rime et du bon sens par Monsieur de Mor {...} // Ibid. N 9. P. 199–205; N 10. P. 215–221.

¹⁹ Ibid. N 16. P. 349–354.

Nos inconstances continues
Nous font errer par l'univers,
Et sous mille climats divers
Voir mille Terres inconnues.
Mais nous voyageons vainement
Notre esprit inquiet nous fait toujours la guerre.
Aussi pour vivre heureusement,
Il ne faut point changer de terre,
Il faut changer de sentiment.
(*Imitation d'Horace*. Liv. 2. Ode 16)²⁰.

Перевод:

Наше непостоянство вынуждает нас,
Как и раньше, скитаться по Вселенной
И смотреть тысячи разных земель
Под тысячью разных небес.
Но напрасно мы путешествуем,
Наш тревожный ум не оставляет нас в покое.
Поэтому, чтобы жить счастливо,
Не надо сменять место,
Нужно сменять чувство.
(*Имитация Горация*. Кн. 2. Ода 16).

Но имена античных персонажей появляются на страницах *Le Camé-léon littéraire* и в связи с анализом литературных произведений известных французских авторов: *Триумвират* Кребийлона, *Смерть Цицерона* Вольтера, *Гераклиды* Мармонтеля и т.д. Чуди сообщает о театре в Париже, где ставят балет *Анакреон*, пишет о постановке трагедии *Филоклет* Шатобрена, автора *Троянок*. При этом он иногда сближает те или иные детали с реалиями современной Франции. Так, в связи с пьесой Мармонтеля Чуди замечает:

Un Français en parlant de l'opiniâtreté du Clergé de l'Eglise Gallicane, rebelle aux ordres de son Roi pourrait en dire ce que dit Démothou Act. II Sc. 8 à propos des pontifes du Temple: «Ils ont placé le trône au pied de leurs autels Et les Rois devant eux ne sont que des mortels»²¹.

Перевод:

Француз, говоря об упорстве духовенства галликанской церкви, не подчиняющейся приказам своего короля, мог бы сказать то, что Демофон (2-й акт, сцена 8) говорит о жрецах Храма: «Они поместили трон к подножию алтаря, и короли для них – лишь смертные».

²⁰ Pensées philosophiques // Ibid. N 4. P. 91–92. Имя Горация упоминается во многих статьях журнала: Чуди публикует собственные имитации его од (N 22. P. 502–504; N 46. P. 1066–1068), цитирует его стихи (N 15. P. 325–338).

²¹ Extraits // Ibid. N 2. P. 43.

В XVIII в. такое обращение к античности – через литературу – было вполне обычным делом. Со времени выхода *Телемака* (1699) широкое распространение получил так называемый «античный роман», а пьесы на античные темы и вовсе не сходили с подмостков французских театров.

Имена тех же античных героев возникают и в связи с сообщениями о культурной жизни российской столицы – трудно сказать, случайно или нет, возможно, тем самым Чуди старался создать видимость единого европейского культурного поля. В Петербурге ставят пьесы на те же самые или сходные сюжеты, что и в Париже, – Чуди сообщает об опере, поставленной по мотивам Овидиевых *Метаморфоз* (*Цефал и Прокрис* Александра Сумарокова на музыку Франческо Арайи)²². Впрочем, зная, какую позицию по отношению к русскому двору и своему покровителю Шувалову занимал издатель *Le Caméléon littéraire*, не сообщить об этом событии ему было бы трудно – ведь речь шла о первой опере, либретто которой было написано на русском языке.

Чуди встает на защиту античной литературы. Возможно, как человек, взращенный на антиках, он чувствует тот культурный поворот, который происходит на его глазах: античная литература все менее знакома его современникам. Защищая роман как необходимое для воспитания чтение, Чуди показывает абсурдность обвинения этого жанра в неправдоподобности: если следовать этой логике, пишет он, то сначала надо было бы реформировать басни; при этом он замечает, что Гомер и Вергилий, *Метаморфозы* Овидия – в каком-то смысле более опасное чтение, чем современные романы²³.

Чуди сравнивает современные ему литературу и театр с античными. Признавая, что итальянская опера дает нам наиболее правдивый образ античного театра, он, тем не менее, смеется над некоторыми условностями этого жанра, утверждая, что они показались бы странными во времена Эдипа и Ореста. Французская же опера слишком далека от греческого театра, пишет он²⁴. Как видим, именно античный театр становится для Чуди мерилom современной драматургии. Утрату греческого театра может, по его мнению, восполнить хорошая трагедия, особенно французы преуспели в этом жанре²⁵. Сравнивая греческий и современный театр с точки зрения сюжета, восприятия зрителя и т.д., Чуди отдает должное старой полемике «древних» и «новых»²⁶.

²² De St. Petersburg // Ibid. N 7. P. 156–159.

²³ De l'utilité des romans // Ibid. N 9. P. 187–194.

²⁴ Extrait // Ibid. N 8. P. 223.

²⁵ De l'utilité des romans // Ibid. N 9. P. 187–194.

²⁶ О полемике «древних» и «новых» см., например: *La querelle des anciens et des modernes: XVIIe – XVIIIe siècles. Précédé de: Les abeilles et les araignées, essai de M. Fumaroli / Ed. établie par Anne-Marie Lecoq. Paris, 2001.*

Не менее важное место занимают античные авторы в опубликованном в журнале *Рассуждении о происхождении и развитии поэзии*²⁷. Речь идет о сочинении русского автора, которое приписывали то Ломоносову, то Сумарокову, но сегодня считается доказанным, что оно принадлежит Григорию Теплову²⁸. Вопрос авторства в рамках нашего исследования второстепенен, в то время как сам текст *Рассуждения* не может не обратиться на себя внимания обилием отсылок к античной литературе.

Автор *Рассуждения* весьма требователен к поэту: он должен быть знаком с историей разных эпох, как и с авторами разного времени. И здесь он вновь апеллирует к античности:

Sachés en quoi consiste la force de Démosthène, la grandeur de Cicéron, le faible de Quintilien. (...) Plusieurs auteurs grecs ont, il y a 2500 ans, fait les délices de leurs siècles, ils sont aujourd'hui des modèles pour le nôtre, en écartant de leurs écrits les défauts qui s'y rencontrent²⁹.

Перевод:

Знайте, в чем сила Демосфена, величие Цицерона, слабость Квинтилиана. (...) Многие греческие авторы 2500 лет назад восхитили свой век. Сегодня они – модели нашего века, если только убрать из их писаний встречающиеся недостатки.

Мы видим, что автор также рассуждает в русле полемики «древних» и «новых», определившей в свое время то направление, в котором стал развиваться перевод древней литературы: переводчик не только может, но и должен исправлять античный текст, приспособлявая его стиль к вкусу «новых».

Большое место в журнале Чуди занимает педагогическая тема. Он публикует серию рассказов (вероятно, собственного сочинения) о двух братьях, один из которых ленивый и нелюбознательный, другой же – отдает все свое время учебе. Истории, в которых представлены пагубные последствия поведения ленивого брата, нередко сопровождаются комментариями «от издателя». В одном из них Чуди подчеркивает, как важно не упустить время, необходимое для учебы и формирования характера, для приобретения определенных навыков и качеств. Он приводит пример из древней истории: отказ Ганнибала вести свою армию на Рим после битвы в Каннах стоил ему Карфагена – важный момент был

²⁷ Dissertation sur l'origine et les progrès de la poésie; fondée sur le témoignage des anciens auteurs grecs et latins, auquel on a joint celui des auteurs modernes // *Caméléon littéraire*. N 11. P. 232–243.

²⁸ См.: *Модзалевский Л.Б.* Ломоносов и «О качествах стихотворца рассуждение» (Из истории русской журналистики 1755 г.) // *Литературное творчество М.В. Ломоносова: Исследования и материалы*. М.; Л., 1962. С. 133–162.

²⁹ «Sachés en quoi consiste la force de Démosthène, la grandeur de Cicéron, le faible de Quintilien». – Suite de la Dissertation sur l'origine et les progrès de la poésie // *Le Caméléon littéraire*. N 9. P. 335, 333.

упущен³⁰. Эти рассказы, озаглавленные *Письма старика молодому принцу*, написаны в русле литературной традиции «наставник и ученик». На память приходит прежде всего рассказ о странствиях Телемака и его наставника Ментора – «роман воспитания» Фенелона, основанный на многочисленных отсылках к античности. Характерно, что в других публикациях *Le Caméléon littéraire* воспитатель напрямую назван Ментором. Упрекая русских дворян в неуважении к нанятым ими учителям, Чуди признает, что сами гувернеры нередко недостойны своего места, выдавая себя за тех, кем они не являются. Поэтому он дает родителям хитрый совет, найденный им у Квинтилиана: те, кто не понимают латинский язык, могут попросить помощи у своего учителя, – и предлагает в качестве «пробного камня» для гувернера длинную латинскую цитату³¹.

Владение классическими языками, как и глубокое знание греко-римской мифологии и истории, – явление не столь частое в среде российского дворянства конца Елизаветинского царствования. Это неудивительно: в Западной Европе многие дворяне обучались в коллежах, в которых примерно до середины XVIII в. было обязательным знакомство, по крайней мере, с латынью; в образовании российского дворянства, особенно мелкопоместного, классические языки занимали куда более скромное место. Среди предметов, преподававшихся в частных пансионах в России, латынь была исключительным явлением; гувернеры тоже латинский язык за редким исключением не преподавали³². Но ведь именно через изучение древних языков, а также благодаря переводам и литературе, основанной на классических сюжетах, западноевропейские элиты долгое время овладевали «античным инструментарием». Российскому дворянству этот инструментарий был также необходим, например, для освоения современной ему европейской литературы или для понимания государственной риторики, где еще с Петровских времен широко использовалось сравнение монарха с античными героями.

Конечно, журнал *Le Caméléon littéraire* – это не учебник античной мифологии: Чуди не объясняет своему читателю, кто такой Орфей и что случилось с Цефалом и Прокрис. Но его постоянное обращение к античным сюжетам можно в определенном смысле уподобить школе: здесь русский читатель погружался в новую символическую-культурную среду, которая для образованных французов той эпохи была делом вполне обычным.

Некоторые исторические материалы, помещенные в журнале Чуди, в чем-то уподобляются школьным пособиям, как, например, хроноло-

³⁰ Autre // Ibid. N 2. P. 36.

³¹ Extrait du troisième tome des Ecrits satiriques imprimés en Allemand à Leipzig // Ibid. N 5. P. 109.

³² См. об этом в статье: *Rjéoutski V. Les écoles étrangères dans la société russe au siècle des Lumières // Cahiers du monde russe, 46/3 (juillet–septembre). 2005. С. 473–528.*

гическая таблица от взятия Трои до Магомета³³ или «Ответ г-жи Дюрсэ своей подруге»³⁴, где античная история занимает важное место. Госпожа Дюрсэ в поисках аллегорий христианских добродетелей обращается к Риму, что было обычным приемом со времен Возрождения. Автор напоминает историю эпохи консулата Манья Ацилия Глабриона (190-е годы до н.э.): приговоренная к голодной смерти старуха не умерла, спасенная дочерью, которая при посещении кормила ее своей грудью. (Вообще-то в этом хорошо известном сюжете дочь дает грудь умирающему отцу, а не матери.) Поступок восхитил судий, которые освободили мать и назначили содержание ей и ее дочери. В другой статье³⁵ Чуди, рассуждая об истинном патриотизме и его границах, также обращается за примерами не к христианской истории, а к истории Древней Греции.

АНТИЧНОСТЬ И ОБРАЗ ПЕТРА ВЕЛИКОГО

Реальные античные герои служат Чуди мерилom таких достоинств, как мужество, справедливость, забота о своем народе, просвещенность. Петр Великий систематически сравнивается им с Александром Македонским (которого в западной традиции чаще называют Великим).

Разумеется, Чуди здесь совсем не оригинален – к фигуре Александра Великого обращались многие писатели. Во Франции 1660–1670 гг. это пример щедрого монарха и неустрашимого воина. Молодой Людовик XIV выбрал Александра в качестве эталона для создания своего образа: художники пишут картины, писатели – трактаты, делая намеки на те или иные значимые моменты в жизни античного полководца и государственного деятеля. Одним из популярных сюжетов, который использовал Ле Брен для украшения дворца в Фонтенбло, становится «Персидские царевны у ног Александра» – победитель Дария не обрушивает свой гнев на его семью, а предлагает ей свое покровительство, как и надлежит милостивому государю.

Мода на Александра Македонского распространилась не только во Франции. В Англии Гендель в 1731 г. сочиняет на либретто Метастазо оперу о походе в Индию (*Poro, Re dell'India*)³⁶, в которой Александр

³³ Chronologie // Le Caméléon littéraire. N 17. P. 377–379.

³⁴ Réponse de Madame Dursé à son amie // Ibid. N18. P. 403–409.

³⁵ L'amour de la patrie // Ibid. P. 412–415.

³⁶ Этот сюжет был известен и в России; при дворе, например, с успехом шла опера Ф. Арайи на либретто Метастазо: *Александр в Индии*, Опера представленная при российском императорском дворе, Для торжественного дня всерадостного рождения ея императорскаго величества Елисаветы Петровны... / Сочинение г. аббата Метастазия, стихотворца их римских императорских величеств. Музыка г. Арайя, ея императорскаго величества капель-мейстера. СПб.: АН, 1755. Переиздание (с параллельным итальянским текстом): Александр в Индии / Alessandro dell'India: Опера представленная на новом театре в Ораниенбауме, По повелению его императорскаго высочества государя великаго князя и наследника всероссийскаго / Сочинение аббата Петра Метастазия, стихотворца их римских императорских величеств. Музыка г. Арайя, ея императорскаго величества капельмейстера. СПб.: АН, 1759 – информация Маркуса Левитта, которому я выражаю мою искреннюю благодарность.

выступает в качестве завоевателя, приносящего мир, а в Испании в 1730-е годы Франческо Тревизани выполняет для летнего дворца королевской семьи серию картин по мотивам произведений Ле Брена, посвященных античному полководцу.

Во Франции Александр Великий становится прообразом монарха, который направит свою армию против «варварского» и «неверного» Востока. В литературе умножаются параллели между его правлением и недавней историей французской монархии: осажденная кардиналом Ришелье протестантская Ля Рошель предпочитает скорее обратиться за помощью к врагу Франции, Англии, чем стать частью французского королевства, – именно так Тир искал помощи у Карфагена в борьбе с Александром. Таким образом, и в России и во Франции античность становится средством утверждения абсолютной монархии.

В оппозиционных кругах Франции, напротив, подчеркивались наиболее темные стороны личности Александра, что давало возможность критиковать абсолютную монархию. Против предложенной французским двором трактовки образа античного полководца выступали и некоторые церковные иерархи. Поэтому в последующий период этот образ раздваивается: для одних – это мудрый государственный муж, для других – безумный и кровожадный завоеватель, для одних он – образец милостивого монарха, для других – воплощение несдержанности, буйства и разврата. Это вынудило Людовика XIV заменить Александра на Святого Людовика. Таким образом, во Франции на место античной истории как инструмента государственной пропаганды приходят отечественные символы³⁷.

К образу Александра обращается в своих произведениях и кумир Чуди – Вольтер, о чем издатель *Le Caméléon littéraire*, конечно, не мог не знать. Известно, что великий писатель был противником войны. Ему принадлежат знаменитые пацифистские строки, которые он напишет 26 мая 1742 г. в стихотворном послании Фридриху Великому после его победы над австрийцами:

J'aime peu les héros, ils font trop de fracas;
Je hais les conquérants, fiers ennemis d'eux-mêmes³⁸.

Перевод:

Мне не нравятся герои, от них слишком много шума; /
Я ненавижу завоевателей, они – враги самим себе, полные гордыни.

³⁷ См.: *Grell Ch., Michel Ch.* L'Ecole des princes ou Alexandre disgrâcié. Essai sur la mythologie monarchique de la France absolutiste. Paris, 1988; *Briant P.* La tradition gréco-romaine sur Alexandre le Grand dans l'Europe moderne et contemporaine: quelques réflexions sur la permanence et l'adaptabilité des modèles interprétatifs // The impact of classical Greece on European and national identities. Proceedings of an international colloquium, held at the Netherlands Institute at Athens, 2–4 october 2000 / Ed. by M. Haagsma, P. Den Boer, E.M. Moormann. Amsterdam, 2003. P. 161–180, в частности, p. 162–163.

³⁸ *Voltaire.* Œuvres complètes. Paris: chez Furne, 1836. T. X. P. 182.

Вольтер заключает письмо пожеланием, чтобы его «Александр как можно скорее снова стал Соломоном» («que mon Alexandre redevienne Salomon le plus tôt qu'il pourra») ³⁹. Ранее, в своем стихотворном послании принцу Конти (1718), он заявлял, что предпочитает «справедливое и откровенное сердце» «всем завоевателям, которых приняли за богов» ⁴⁰. Тем самым Вольтер подчеркивал различие между «героем» и «великим человеком»: герои для него – всего лишь «грабители стран» («les saccageurs des provinces») ⁴¹.

Однако мысль писателя сложнее. Он считает, что война против персов была оправданной, поскольку являлась ответом на их завоевания. В *Олимписи*, посвященной И.И. Шувалову (1762), и в *Триумвирате* (1764) Вольтер возражает против сравнения Александра с Цезарем и Октавием: первый освободил Грецию от тирании, в то время как последние навязали тиранию своему народу ⁴². В глазах автора *Века Людовика XIV* (1751) величие Александра заключается еще и в том, что своими завоеваниями он способствовал распространению цивилизации. В *Опыте о нравах и духе народов* (1756) философ доказывал, что невозможно сравнить того, кто в завоеванных им землях строил и развивал торговлю, с завоевателями-варварами (такими, как Тамерлан), разрушающими города ⁴³. Зная, какое огромное значение в век Просвещения придавалось торговле в теориях развития общества (прежде всего у Монтескье), понятно, что большего комплимента историческому деятелю трудно было бы придумать. В сущности, Александр превращается у Вольтера, с некоторыми оговорками, в образец просвещенного монарха.

Своим талантом военного стратега Карл XII напоминает философу древнегреческого полководца. Так, касаясь битвы при Нарве, Вольтер пишет, что великие победы часто одерживались небольшим числом воинов, как это было в знаменитой битве при Гавгамелах (или при Арбелах), в которой Александр окончательно разгромил численно превосходящие войска Дария ⁴⁴.

Однако, сравнивая Карла XII с Петром I, Вольтер явно отдает предпочтение русскому монарху. Конечно, все его царствование прошло в войнах. Но для философа войны и принуждение связаны с изменением в России нравов и законов: как ни парадоксально, получается, что война становится средством продвижения нации по пути цивилизации.

³⁹ Ibid.

⁴⁰ Christodolou Kyriaki E. Alexandre le Grand chez Voltaire // Voltaire et ses combats. Actes du colloque international. Oxford; Paris, 1994 / Sous la dir. de U. Kölvig et Ch. Mervaud. Oxford: Voltaire Foundation, 1997. Т. 2. Р. 1427.

⁴¹ Письмо к Тирию, 15 июля 1735 г., D 893. – Цит по: Ibid.

⁴² Ibid. Р. 1428.

⁴³ Ibid. Р. 1429.

⁴⁴ Voltaire. Histoire de Charles XII // OCV. Т. 4. Р. 435; см. также: Christodolou Kyriaki E. Op. cit. Р. 1424.

Фернейский патриарх нередко упоминает триумфальные входы петровских войск в Москву, происходившие при большом стечении народа. Известно, что они оформлялись многочисленными декорациями, напоминавшими о тех или иных античных сюжетах. Показывая народу военные победы монарха, они должны были воодушевлять его подданных следовать указанным им путем – путем реформ. Таким образом, военная слава становилась одним из средств пропаганды новых установлений. И наконец, согласно Вольтеру, Петр «вел войну как политик, в то время как Карл XII вел ее только как военный»⁴⁵.

Но Петр – не просто завоеватель и реформатор, это еще и милостивый монарх. Философ описывает, как после взятия штурмом Нарвы в 1704 г. царь пытается воспрепятствовать бесчинствам русской армии в городе: он «носится во все стороны, чтобы остановить грабежи и убийства; вырывает женщин из рук своих солдат»⁴⁶. Поэтому в глазах Вольтера Петр, в отличие от Карла, не только «герой», но и «великий человек», и именно поэтому он более достоин сравнения с Александром⁴⁷ – монархом-просветителем, монархом-строителем, милосердным и заботящимся о развитии искусств⁴⁸.

Следует ли Чуди трактовке Вольтера? Несколько раз он проводит параллели между Петром и его «античным предшественником». Отчитывая Вольтера за то, что созданный им образ русского монарха (вероятно, в *Истории Карла XII*) оказался недостаточно лестным, Чуди иронически замечает, что только Апеллесу (каковым, надо полагать, Вольтер не являлся) было позволено писать портрет Александра⁴⁹. У Чуди оба монарха заботятся о развитии «полезных знаний» и искусств:

⁴⁵ «(...) n'avait jamais fait la guerre qu'en politique, au lieu que Charles XII ne l'avait faite qu'en guerrier». – *Voltaire. Histoire de l'empire de Russie sous Pierre le Grand* // OCV. T. 47. P. 790–791. См. также: *Iverson John R. La guerre, le grand homme et l'histoire selon Voltaire: le cas de l'Histoire de Russie sous Pierre le Grand* // *Voltaire et ses combats. Actes du colloque international*. Oxford; Paris, 1994 / Sous la dir. de U. Kølving et Ch. Mervaud. Oxford; 1997. T. 2. P. 1418.

⁴⁶ «Il court de tous côtés pour arrêter le pillage et le massacre; arrache des femmes des mains de ses soldats». – OCV. T. 46. P. 649.

⁴⁷ Сравнение Петра с античными героями не было чем-то необычным, Вольтер мог встречать этот прием, например, в английской прессе. Уже популярный английский журнал *Spectator* (1711–1712), называя Петра «божественным государем», ставит его выше античных героев; за *Spectator* следует и *The Plain dealer*, который в одном из номеров мая 1724 г. сравнивает Петра с Александром Великим, называя его «величайшим монархом нашего времени». – См. предисловие М. Мерво к *Anecdotes sur le Czar Pierre le Grand* Вольтера (OCV. T. 46. P. 4).

⁴⁸ «On ne songe pas que ces Tartares ne furent jamais que des destructeurs, et qu'Alexandre bâtit des villes dans leur propre pays; c'est en quoi j'oserais comparer Pierre le Grand à Alexandre; aussi actif, aussi ami des arts utiles, plus appliqué à la législation, il voulut changer comme lui le commerce du monde, et bâtit ou répara autant de villes qu'Alexandre». – OCV. T. 47. P. 923–924.

⁴⁹ *Réflexion d'une femme d'esprit* // *Le Caméléon littéraire*. N 7. P. 147.

L'auguste fondateur de ce magnifique Empire fidele imitateur d'Alexandre le Grand favorisa les arts de toute l'étendue de son pouvoir, il en conoissoit l'excellence & son gout particulier le portoit à les cultiver lui-même⁵⁰.

Перевод:

Августейший основатель этой великолепной Империи, верный последователь Александра Великого, всей силой своей власти способствовал развитию искусства; их совершенство не было ему чуждо, а его личные вкусы побуждали его самого заниматься ими.

При следующем сравнении Петра с Александром, Чуди цитирует филолога-классика Жана Террасона, подчеркивая следующие черты античного монарха: заботу о народе и финансах, опору на полезных советников, назначение на ответственные посты претендентов в соответствии с их личными заслугами, любовь к наукам и искусствам. Наконец, Александр – это законодатель, оставивший нам целый свод законов⁵¹.

Тема Петра как законодателя была продолжена Чуди в произведениях, которые в то время так и остались в рукописях. Речь идет о трех, по-видимому, принадлежавших его перу сочинениях⁵², опубликованных лишь в XX в. профессором Пражского университета В. Черным⁵³. В одном из них⁵⁴ Чуди проводит параллель между Петром, Александром и Ликургом. Древнегреческий монарх-законодатель Ликург отказался от власти, отдав ее племяннику – сыну своего рано умершего старшего брата. Петр же сделал еще больше: он «сошел с трона», чтобы научиться царствовать, и отправился за границу. Ликург вернулся в Спарту и начал государственные реформы, как и Петр, вернувшись в Россию, привез мастеров, стал вводить искусства и науки и начал менять форму управления своей страной. Одним из главных нововведений Ликурга было учреждение Сената, который позволил ограничить власть как монарха, так и народа. Петр также создал Сенат, который стал главным судебным учреждением, в то время как раньше «все решалось по одной лишь воле и капризу судьи». Петр захотел, чтобы все в его империи подчинялось законам, которым и сам он подчинился. Чуди перечисляет и другие реформы российского монарха, сопоставимые с тем, что осуществил в Спарте Ликург: введение подушного налога, отмену местничества (что на са-

⁵⁰ Réflexion sur un trait d'histoire // Ibid. N 1. P. 6.

⁵¹ Nécessité des parallèles dans les historiens // Ibid. N 1. P. 9–11.

⁵² Эту гипотезу впервые высказал В.Л. Ченакал в 1963 г., см.: *Степанов В.П.* О пражской находке профессора В. Черного // *Русская литература.* 1964. № 2. С. 214–216; см. об этом также у М. Мерво (OCV. T. 46. P. 115).

⁵³ L'Apothéose de Pierre le Grand, etc. Trois écrits historiques inconnus, présumés de M.V. Lomonosov, destinés à Voltaire / Publiés d'après le manuscrit de Prague, avec une Introduction sur les relations de Lomonosov et Voltaire, par Václav Černý... Prague, 1964.

⁵⁴ Parallèle de Pierre le Grand avec Alexandre le Grand et Lycurgue Législateur // Ibid. P. 91–108.

мом деле произошло при царе Федоре Алексеевиче), устройство школ и т.д.⁵⁵ Некоторые Петровские реформы, по его мнению, даже превосходят по своему значению деяния древнего законодателя. Если Ликург одобрял обычай умерщвлять детей, рожденных с физическими пороками, то Петр, напротив, «построил больницы для этих несчастных новорожденных, как и для искалеченных стариков, которые оказали услуги государству»⁵⁶. В целом Чуди склонен признать превосходство законов Петра I над установлениями Ликурга. Даже в смерти двух законодателей он видит параллель. Как рассказывает Плутарх, Ликург покинул Спарту и уморил себя голодом, чтобы не освобождать своих соотечественников от клятвы соблюдать установленные им законы до его возвращения. Также и смерть Петра была преждевременной из-за всех тех дел, которые он совершил ради своей страны и которые утомили его⁵⁷.

Обращаясь к Петру как завоевателю, Чуди, конечно, не мог не сравнить его с Александром Великим. «Соперник Цезарей», Петр вел победные войны, но лишь с тем, чтобы защитить свою страну. При этом он, как это свойственно античным героям, сражается прежде всего со своими собственными страстями:

Père de ses sujets, un Prince magnanime
Fait de ses passions sa première victime⁵⁸.

Перевод:

Отец своих подданных, милостивый монарх,
Он свои страсти приносит в жертву первыми.

Чуди наблюдает сходство между Петром и Александром уже в том, что оба заняли трон в самом юном возрасте, после кончины их отцов. Но у первого, в отличие от второго, не было ни опытных генералов, ни опытных министров, а стрельцы угрожали ему самому. Воспитание Петра во многом уступало воспитанию Александра, но грубые нравы, которые он наблюдал в детстве, не смогли изменить «его мощный гений». Александр «знал», а Петр сам «изучил» разные полезные искусства, стал опытным капитаном, инженером, механиком, столяром...⁵⁹ Александр поддерживал искусства и науки, а Петр даже покинул свою империю,

⁵⁵ Ibid. P. 104.

⁵⁶ Ibid. P. 106.

⁵⁷ Ibid. P. 108. С Ликуртом сравнивает Петра в одной из своих «Надписей» Г.Р. Державин (*На изображение Петра Великого*): «Кого блистающа я вижу средь лучей? / Не Марс ли, Аполлон, Эрмий иль бог / морей? / Ликурга ль образ сей, Алкида ль представляет? / – «Великого Петра», – мне Клия отвечает». – Петр I в русской литературе XVIII века (здесь и далее цит. по электронному изданию: <http://www.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=5927>)

⁵⁸ L'Apothéose de Pierre le Grand. P. 66–67.

⁵⁹ Ibid. P. 96.

чтобы научиться им, а его щедрость по отношению к ученым не имела пределов⁶⁰.

Как полководцы, Александр и Петр во многом схожи, согласно Чуди. Оба всегда становились во главе своих армий. Но если Александр, беря крепости (Фивы, Тир), был жесток с побежденными, приказывая убивать мужчин, женщин и даже детей⁶¹, то Петр в подобных обстоятельствах проявлял милость (Азов). Признавая великодушие Александра к женам и дочерям Дария, автор замечает, что это «принесло ему больше славы, чем все его победы»⁶². Взятие Нарвы (1704) Чуди описывает в духе Вольтера: Петр сам «вырывает» женщин из рук своих солдат⁶³, выказывает несравнимую ни с чем щедрость в отношении пленных шведов и т.д., – вот почему, можно сказать, что он равен Александру в мужестве, но превосходит его в милосердии⁶⁴.

Оба государственных мужа способствовали развитию коммерции. Александр строит Александрию, которая стала крупным центром торговли; Петр также строит город, названный его именем, который должен был привлечь торговцев из разных стран. При этом русский монарх сделал даже больше: построил каналы, соединив Каспийское море с Балтийским, чтобы сделать Россию центром торговли между Европой и Азией.

Когда Александр покорил Персию, упоенный завоеваниями, он забыл свою родину, установил новый культ, заставив поклоняться самому себе как сыну Юпитера, и предался разврату. Петр также совершил поход в Персию. Отовсюду ему везли ключи от городов, умоляя взять под свое покровительство. Очень быстро он подчинил себе Персию, и дорога в Индию для него, как и для Александра, была открыта. Однако Петр не стал завоевывать Индию и вернулся домой с тем, чтобы прославить себя как монарха, который «цивилизировал» свой народ и привел его к процветанию, принеся ему науки и искусства и установив мудрые законы. Таким образом, Петр, несомненно, превосходит Александра, как, впрочем, и всех других героев античности⁶⁵.

Мы видим, что Чуди воспроизводит общепринятый во Франции XVIII в. образ Александра, учитывая как положительные, так и отрицательные его стороны. Последние служат ему средством возвысить Петра, который превосходит своего античного прототипа, например, в милосердии. Занятно, что здесь Чуди пользуется разными и противоре-

⁶⁰ Ibid. P. 97.

⁶¹ Образ Александра как жестокого завоевателя появляется в произведении А. Попа *Опыт о человеке*, которое было известно в России по переводу Н.Н. Поповского (М., 1757), сделанному с французского перевода. Благодарю Н.Д. Кочеткову за эту информацию.

⁶² L'Apothéose de Pierre le Grand. P. 97, 99.

⁶³ Ibid. P. 98.

⁶⁴ Ibid. P. 99.

⁶⁵ Ibid. P. 100.

чащими друг другу интерпретациями, в одном случае напоминая, что Александр был милостив к семье Дария, а в другом, что он был безжалостен к побежденным. Чуди близок к трактовке, которую даст Вольтер в *Истории Российской империи в царствование Петра Великого* (1759) и которая уже наметилась в его *Истории Карла XII* (1739)⁶⁶: оба монарха, Александр и Петр, принадлежат к числу великих людей, потому что они способствовали развитию «цивилизации»⁶⁷, прежде всего развивая торговлю (хотя, как мы видели, Вольтер и военное дело считает не чуждым процессу цивилизации).

АНТИЧНОСТЬ И ОБРАЗ ПЕТРА ВЕЛИКОГО В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XVIII в.

Отсылки к античной истории и мифологии встречаются и в русских сочинениях, посвященных Петру. Еще при жизни императора, в похвальном слове, произнесенном на день рождения монарха в 1723 г., Гавриил Бужинский сравнивает Петра с Гераклом, задушившим в колыбели змей, что должно было напомнить о подавлении бунта стрельцов. Он также обращается к мифу о Кадме, посеявшем зубья дракона, – намек на «потешные» полки юного Петра⁶⁸.

Сравнивали ли в русской литературной традиции Петра с Александром и, если сравнивали, какие черты образа Александра при этом подчеркивались?

Феофан Прокопович упоминает античного полководца главным образом в связи с западными сочинениями о Петре, говоря, что, согласно им, Петр «превозмог Ксеркса, Александра Великого, Иулия Кесаря»⁶⁹. В одном из «похвальных слов» он напоминает о том, как римский консул Фабриций поступил с изменниками Пирра, пришедшими к нему, и Александр – с изменниками Дария: оба почли «за стыд себе имея так

⁶⁶ См. об этом: *Ржеуцкий В.* В тени Шувалова.

⁶⁷ Этот термин тогда еще не вошел в употребление; впервые он (в формах *civiliser* и *civilisé*) встречается в 1756 г. у Мирабо в трактате *Друг людей*. См. об этом: *Moras J.* Ursprung und Entwicklung des Begriffs der Zivilisation in Frankreich (1756–1830). Hamburg, 1930; *Febvre L.* Civilisation – Le mot et l'idée. Paris, 1930. P. 1–55; *Elias N.* Über den Prozess der Zivilisation. Bd. I: Wandlungen des Verhaltens in den weltlichen Oberschichten des Abendlandes. Frankfurt a. M., 1969; *Starobinski J.* Le remède dans le mal – Critique et légitimation de l'artifice à l'âge des Lumières. Paris, 1989. P. 11–59; *Fisch J.* Zivilisation, Kultur // *Geschichtliche Grundbegriffe – Historisches Lexikon.* Stuttgart, 1992. Bd. 7. S. 679–774; *Goggi G.* Diderot et le concept de civilisation // *DHS.* 1997. N 29. P. 353–373; *Vinoche B.* (dir.). *Les Équivoques de la civilisation.* Seyssel, 2005.

⁶⁸ *Стенник Ю.В.* Петр I в русской литературе XVIII века // *Петр I в русской литературе XVIII века: Тексты и комментарии* / Отв. ред. С.И. Николаев. СПб., 2006. С. 12.

⁶⁹ Слово на похвалу блаженных и вечнодостоинных памяти Петра Великого (...) (1725) // *Феофан Прокопович.* Сочинения. М.; Л., 1961. С. 142.

побеждати неприятеля»⁷⁰. Сравнение русского монарха с Александром встречаем у Сумарокова в его *Оде на государя Петра Великого*:

Цесарь страшен был в день брани,
Август покорил весь свет,
К Александру носят дани,
Где лишь меч его сверкнет.
Петр природу пременяет,
Новы души в нас влагает,
Строит войско, входит в понт,
И во дни сея премены
Мещет пламень, рушит стены,
Рвет и движет горизонт⁷¹.

Однако такие упоминания все же у Сумарокова редки. Как правило, он сравнивает Петра и Екатерину II с целым рядом античных и современных деятелей, интересовавшихся наукой:

Перикл, Алькивиад наукой не гнушались,
Начальники их войск наукой украшались;
Великий Александр и ею был велик,
Науку храбрый чтит венчаный Фридерик;
Петром она у нас Петрополь услаждает,
Екатерина вновь науку насаждает⁷².

Подобная интерпретация встречалась и раньше: так в *Опере об Александре Македонском*, поставленной на сцене Тверской духовной семинарии в 1740-е годы, Петр, как и Александр, покровительствует «полезным наукам»⁷³.

Сумароков, скорее, сближает Петра с другим Александром – Невским: «На брегах Невских кровию вооружившихся против нас неприятелей Александр, побеждая, предвозвестил будущие Петровы победы и создание Санкт-Петербурга»⁷⁴. Сопоставления Петра с Александром Македонским у Гавриила Бужинского также редки и не несут особенной смысловой нагрузки; чаще он сравнивает Петра с русскими героями и государственными деятелями (Ярославом Мудрым, тем же Александром Невским). То же можно сказать и о сочинениях кн. М.М. Щербатова⁷⁵.

⁷⁰ Слово похвальное о баталии полтавской {...} (1717) // Там же. С. 57–58.

⁷¹ Петр I в русской литературе XVIII века.

⁷² О благородстве // *Сумароков А.П.* Избранные произведения. С. 190.

⁷³ *Державина О.А., Демин А.С. и др.* Пьесы столичных и провинциальных театров первой половины XVIII века. М., 1975. С. 25.

⁷⁴ *Сумароков А.П.* Слово похвальное о Государе Императоре Петре Великом, сочиненное ко дню тезоименитства ея императорского величества 1759 года. Цит. по: Петр I в русской литературе XVIII века.

⁷⁵ Даже когда Щербатов упоминает Александра, плачущего «о великих победах отца своего Филиппа» (*Рассмотрение о пороках и самовластии Петра Великого*), речь не идет о сравнении с Петром. См.: Там же.

К Александру Невскому отсылает читателя и М.В. Ломоносов в своем *Похвальном слове Петру Великому*⁷⁶, а с Александром Македонским он сравнивает Карла XII, но, конечно, не с тем, чтобы возвысить шведского льва:

Пускай в Германии Герой ваш успеваает,
Отверсты города свободно протекает,
В рожденной счастием кичливости своей
Низводит с высоты и взводит Королей;
Пусть дерзостно спешит, как буйный ветер, к востоку
И приближается к предписанному року.
Не найдет Дария, чтоб Александром стать <...>⁷⁷

Таким образом, Карлу не хватает Дария, чтобы стать Александром, и Петр – по преданию произнесший эти слова – его Дарием не станет. А в стихотворном посвящении Павлу Петровичу, предваряющем *Краткий российский летописец*, Ломоносов также уподобляет Карла XII Александру как монарха, стремящегося «вселенную потрясти», то есть мечтающего о личной и пустой славе завоевателя (это Александр – «sac-sageur de provinces» Вольтера), в то время как Петр «нас просветить учениями тщился»:

Я обращаю взор к вечерним сторонам,
В науках и в войнах героев вижу там.
Для малости сих строк я их не исчисляю
И вместо всех Петра со Карлом представляю.
Сей шел, как Александр, вселенной потрясти,
Но он победами пресек его пути,
Один нас просветить учениями тщился,
Другой в сражениях взять первенство стремился⁷⁸.

Тот же образ Александра находим и у М. Тихорского, который сравнивает его с Петром, утверждая, что для первого главным являлся личный успех и стремление прославить свое имя (Александр побеждает Дария ради «славы стотрубной»⁷⁹), а второй думал об общем благе (понятие общего блага было включено в российский дискурс со времени Петра).

В целом сближение образов Петра I и Александра Македонского является весьма редким приемом в русской литературной традиции XVIII в. Одно из таких сопоставлений, близкое трактовке Воль-

⁷⁶ Ломоносов М.В. Слово похвальное блаженным памяти Государю Императору Петру Великому, говоренное апреля 26 дня 1755 года // Там же.

⁷⁷ Ломоносов М.В. Петр Великий, героическая поэма // Ломоносов М.В. Полн. собр. соч. / АН СССР. М.: Л., 1959. Т. 8. С. 729.

⁷⁸ Цит. по: Там же. 1952. Т. 6. С. 291–292. Благодарю Н.Д. Кочеткову, обратившую мое внимание на это упоминание.

⁷⁹ Державина О.А., Демин А.С. и др. Указ. соч. С. 26.

тера и Чуди, находим у И.И. Голикова во введении к *Деяниям Петра Великого*:

В построении Санктпетербурга намерение великого государя было столь же обширно, сколь велик был дух и замыслы его, именно же такое, чтоб все оканчивалось при Санктпетербурге, то есть чтоб оный по своему выгодному местоположению был гостиним двором всему свету и, следовательно, неисчерпаемым источником для России богатства, словом, чтоб был он для него то, что Александрия была для Александра, основателя своего. И как Александрия переменяла все состояние тогдашней в свете торговли и сделалась столицею оныя вместо Тира, так что б и Санктпетербург переменял тогдашние пути и сделался бы центром самого наибольшего купечества в свете⁸⁰.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В произведениях Чуди, как мы убедились, античность присутствует повсюду: это и атрибут легкой поэзии, и неременный элемент риторики, и источник цитат. Остается вопрос о соотношении между многочисленными отсылками к античности и педагогическим проектом покровителя Чуди – Ивана Ивановича Шувалова.

Этот проект, который все лучше очерчивается благодаря новым исследованиям и публикациям документов, прослеживается и в подборке материалов *Le Caméléon littéraire* Чуди. Это позволяет предположить, что и античная составляющая журнала, отвечая, конечно, литературным наклонностям его автора-редактора, является отражением педагогического проекта Шувалова по воспитанию нового типа русского дворянина как просвещенного, образованного европейца.

Античность, и в русле западноевропейской, и русской традиции, становится способом утверждения и прославления власти монарха. Чуди обращается к античности, главным образом говоря о Петре Великом, что, впрочем, естественно. Петр – не только основатель новой России, он еще и отец царствующей императрицы, – прославляя его, Чуди прославляет и Елизавету, имя которой рядом с именем ее августейшего отца время от времени появляется на страницах его журнала. Чуди использует при этом античные референции, которые крайне редко встречаются в произведениях русских панегиристов⁸¹. В целом он остается в русле западной традиции, следуя во многом Вольтеру, которого сам же критикует за недостаточно хвалебный отзыв о Петре. В своем творчестве Чуди

⁸⁰ Цит. по: Петр I в русской литературе XVIII века.

⁸¹ О некоторых античных референциях, которые использовали для утверждения власти монарха и ее имперского характера в России, см.: Живов В.М. Культурные реформы в системе преобразований Петра I. С. 380–435.

весьма эклектичен: он использует как положительные, так и отрицательные стороны образа Александра Великого, встраивая их в свой дискурс, цель которого одна – восхвалять русского монарха.

С чем связана относительная редкость сближений образов Петра и Александра в русской литературе XVIII в.? По-видимому, как свидетельствует процитированный отрывок из поэмы Ломоносова, более привычным было сравнение Александра и Карла XII как гениальных полководцев, что не противоречило западноевропейской литературной традиции. Таким образом, в России почти не была актуализирована другая интерпретация образа Александра Великого – представление о нем как о цивилизаторе, поддерживающем науки и искусства, развивающем торговлю, строящем города, которая могла бы сблизить образы Александра и Петра. Возможно, сравнение с Александром казалось неподходящим, поскольку в России его образ был скорее негативным, чем положительным. Свидетельством тому может служить и опубликованная на страницах *Le Caméléon littéraire* речь Иоганна Филиппа Литке (Lütke)⁸², произнесенная на открытии Московского университета. Чуди как секретарь Шувалова не мог не откликнуться на это важнейшее событие. В своей речи Литке напоминает о деяниях Семирамиды, Кира и Александра Великого, однако в этих великих правителях он видит только «отблески величия, героизма, благородства» – на каждое их достоинство приходится недостаток. Александр внушает скорее ужас, чем уважение, другие нации боятся его, в то время как Елизавету «нежно любят соседние страны, обожают и благословляют ее подданные, ею восхищаются за границей, она внушает сердцам уважение и любовь»⁸³. Наконец, не исключено, что сравнение с Александром могло показаться панегиристам Петра не соответствующим исключительности личности русского монарха, который в России, напомним, был возведен в ранг полубога и стал объектом настоящего гражданского культа⁸⁴.

Собственные неопубликованные тексты Чуди своим отчетливо панегирическим характером отличаются от прозы, собранной им в журнале *Le Caméléon littéraire*, в чем-то более сдержанной. Переводя на французский язык *Похвальное слово Петру Великому* Ломоносова, Чуди убирает слишком нарочитые упоминания о роли Провидения и о чуть ли не божественной природе самого Петра, осознавая, по-видимому, что подобные мысли могли вызвать улыбку у просвещенного западного читателя,

⁸² Преподаватель немецкого языка и физики в гимназии Московского университета; в дальнейшем по рекомендации Чуди поступил на работу в Пажеский корпус. См.: История Московского университета (вторая половина XVIII века – начало XIX века): Сборник документов. Т. 1. 1754–1755 / Сост., авт. вступ. ст. и примеч. Д.Н. Костышин, отв. ред. Е.Е. Рычаловский. М., 2006. С. 379.

⁸³ Suite de la harangue de Monsieur Lütke // *Le Caméléon Littéraire*. N 21. P. 470.

⁸⁴ Об этом см.: *Живов В.* Культурные реформы в системе преобразований Петра I.

прежде всего у Вольтера, которому и был адресован этот перевод⁸⁵. В то же время в текстах Чуди, написанных для Шувалова, трактовка образа Петра приближается к ломоносовской: вероятно, он вынужден был принимать в расчет не только ожидания своего покровителя, но и существующую русскую литературную традицию, с которой, без сомнения, смог в некоторой степени познакомиться⁸⁶.

Vladislav Rjeoutski

**Entre la Russie et l'Occident:
l'héritage antique et la figure de Pierre le Grand
au siècle des Lumières dans l'œuvre
du baron de Tschudy, secrétaire d'Ivan Chouvalov**

Beaucoup de figures de l'Antiquité vivent au siècle des Lumières une deuxième vie. Parmi elles, l'une des plus intéressantes est celle d'Alexandre le Grand. Elle a été utilisée en Europe, notamment en France, dans la construction de l'image d'un grand monarque – homme de guerre de génie et souverain magnanime. Quand Alexandre a été abandonné par la monarchie française comme un alter ego de Louis XIV, il retrouve son éclat sur les pages de Voltaire qui le compare à deux grands monarques de son époque, Charles XII et Pierre Ier. Le secrétaire du favori Ivan Chouvalov, le baron de Tschudy est expatrié sur les bords de la Neva où il est confronté à la tradition panégyrique russe dans laquelle la figure d'Alexandre le Grand n'est pas traitée de la même manière qu'en France. Se tournant constamment vers l'Antiquité, Tschudy utilise quelques figures antiques dans ses œuvres prorusses, notamment celles qui sont consacrées à Pierre le Grand, véritable dieu tutélaire de la Russie au XVIIIe siècle. Quelle tradition rhétorique va-t-il utiliser pour construire la figure du grand monarque russe? Cet article tente de donner une réponse à cette question.

⁸⁵ О реинтерпретации ломоносовского текста в переводе Чуди см.: *Ржеуцкий В.* Барон де Чуди – переводчик Ломоносова.

⁸⁶ В том числе в процессе перевода *Похвального слова* Ломоносова; то же косвенно подтверждают и весьма обширные познания Чуди в русской истории, о чем свидетельствуют его тексты, опубликованные В. Черным.

GIOVANNI PAOLETTI

POLYTHÉISME ET RÉVOLUTION:
LE MANUSCRIT DES RECHERCHES HISTORIQUES
SUR LA RELIGION DES PRINCIPAUX PEUPLES
DE L'ANTIQUITÉ DE BENJAMIN CONSTANT

[S]i nous désirions d'être citoyens d'Athènes ou de Rome ancienne, nous ne ferions que nous tromper. (...) L'Antiquité doit nous paraître comme une chose éloignée, exempte de toute vulgarité: du passé, tout simplement.

Wilhelm von Humboldt, à Goethe,
août 1804

1. D'après une thèse largement accréditée, la connaissance historique du monde ancien connu au début du XIXe siècle un renouveau remarquable, voire un véritable changement d'approche: en fait, l'histoire ancienne, telle que nous la connaissons, c'est-à-dire une histoire conforme à nos critères de validité de la connaissance historique, serait *née* précisément à cette époque¹. Refus des traditions légendaires et des modèles rhétoriques, de l'exemplarité des Anciens, de l'histoire *magistra vitae*: voilà quelques points par lesquels la critique des nouveaux historiens – d'un Niebuhr ou du jeune Grote – exprima son souci de rupture avec l'imaginaire traditionnel du monde ancien, un imaginaire que le siècle de Lumières avait parfois critiqué, sans pourtant le mettre radicalement en question. C'était certes, à regarder les détails, une rupture parfois plus affichée que réelle²; n'importe: la nécessité de changer dans l'ensemble la façon de se mesurer avec l'héritage de l'Antiquité est ressentie avec force dans la conscience (intellectuelle) européenne de l'époque. Ce fut, pour ainsi dire, un sentiment de perte de l'innocence: pour savoir qui furent véritablement les Grecs et les Romains, il fallut une fois pour toutes cesser de les idéaliser, de les voir comme des héros, des géants ou des exemp-

© Giovanni Paoletti, 2012

¹ *Ampolo C.* Storie greche. La formazione della moderna storiografia sugli antichi Greci. Torino, 1997; *Idem.* Per una storia delle storie greche // I Greci / A cura di S. Settis. Torino, 1996. Vol. 1. P. 1015–1088; *L'Antiquité grecque au XIXe siècle. Un «exemplum» contesté? / Sous la dir. de C. Avlami.* Paris, 2000; *Vidal-Naquet P.* La démocratie grecque vue d'ailleurs. Paris, 1990.

² Si ce n'était pour la raison que le savoir des Lumières, de Fontenelle à Montesquieu, de Hume à Cornelius De Pauw et Louis de Beaufort, s'était bien montré capable de distance critique à l'égard du monde ancien.

les, comme des modèles peut-être encore praticables de vertu ou de liberté. La place centrale des Anciens dans la construction de la civilisation européenne fut ainsi mise en question. Autrefois, dans la *Querelle*, pour prendre conscience d'eux-mêmes, les Modernes s'étaient confrontés et comparés avec les Anciens: cette fois, à l'aube de l'époque contemporaine, ils croient devoir tout simplement s'en délivrer³. Et pour se délivrer des Anciens, ce qu'il fallait faire en premier lieu, c'était les placer dans l'histoire, les *historiciser*. Rien peut-être n'exprime mieux ce souci que la phrase de Wilhelm von Humboldt citée en épigraphe⁴.

Parmi les facteurs de ce changement il faut sans doute compter l'événement avec lequel le siècle des Lumières s'était clos: la Révolution française. Le processus d'historicisation des Anciens reçut une partie au moins de son élan de la réaction que l'imitation des Anciens par les révolutionnaires, les Jacobins notamment, avait suscitée. Ce ne serait que le dernier des anachronismes dont l'Antiquité avait fait l'objet depuis le Moyen Âge, mais apparemment le plus gros de conséquences. Comme devait le dire un jour Fustel de Coulanges en reprenant un lieu commun né au lendemain de Thermidor, «l'imitation maladroite des Anciens nous a conduits à la Terreur»⁵. Se délivrer des Anciens, c'était donc en même temps renoncer, intégralement ou en partie, au projet révolutionnaire: c'était penser à l'Europe moderne sans Grecs ni Romains, et sans révolutionnaires habillés en Anciens. Evidemment, la réaction la plus forte à cet usage du mythe de l'Antiquité ne pouvait avoir lieu qu'en France, et se charger d'une signification politique (à l'heure dramatique des comptes avec les Jacobins); mais ce fut hors de France, où l'enjeu politique de la question exerçait une prise moins serrée sur l'activité intellectuelle, que cette réaction donna ses premiers fruits scientifiques: la France avait été la patrie de l'imitation des Anciens, celle de leur histoire fut l'Allemagne – une histoire qui répond aux noms de Heyne, Niebuhr, August Boeckh, Karl Otfried Müller, Creuzer, Hermann...⁶

Nous nous proposons ici de mettre à l'épreuve cette reconstruction, en l'employant comme grille de lecture pour l'évaluation d'un cas particulier: celui de Benjamin Constant. Son histoire est singulière et emblématique, à plusieurs titres. Il fut un homme des deux siècles, mûri en tant qu'intellectuel au XIXe siècle, mais éduqué au XVIIIe (à partir des Lumières, surtout écos-

³ «Qui nous délivrera des Grecs et des Romains» est le titre donné par Benjamin Constant à un article de 1830 (*Le Temps*, 1er mai 1830 // Constant B. Positions de combat à la veille de Juillet 1830, Articles publiés dans le *Temps*, 1829–1830 / Éd. par E. Harpaz. Genève; Paris, 1989. P. 140–142).

⁴ Citée par Pavan M. *Antichità classica e pensiero moderno*. Firenze, 1987. P. 74. Voir aussi Ampolo C. *Per una storia...* P. 1039.

⁵ Fustel de Coulanges N.-D. *Leçon d'ouverture* (Strasbourg, 1862) // Fustel de Coulanges N.-D. *La Cité antique*. Paris, 1984. P. 473.

⁶ Cf. Marino L. *I maestri della Germania*. Göttingen 1770–1820. Torino, 1975.

saises, et de classiques gréco-romains)⁷. Il fut un acteur politique pendant la Révolution française, *et* un historien de l'Antiquité. Un intellectuel européen, partagé entre la Suisse d'où il était originaire, l'Ecosse où il avait étudié dans sa jeunesse, et ses deux patries d'adoption: une patrie politique et mondaine, pour ainsi dire, la France; une patrie culturelle et scientifique, l'Allemagne. C'est précisément cette position hybride qui fait l'intérêt de Constant pour une histoire de l'héritage de l'Antiquité à la fin du siècle de Lumières.

2. Les *Recherches historiques sur la religion des principaux peuples de l'antiquité* (dorénavant *Recherches historiques*) sont un manuscrit de presque 600 pages autographes, daté de 1809⁸. Le manuscrit est articulé en trois parties (voir la table de matière reproduite en annexe). La première, entièrement consacrée au polythéisme grec, est composée de 26 chapitres, soit 70% du manuscrit. La deuxième partie aurait dû traiter d'une autre espèce de polythéisme, que Constant appelle le «polythéisme sacerdotal». En fait, de cette deuxième partie des *Recherches historiques*, nous avons seulement le titre; dans le manuscrit, elle correspond à une case vide. Or, en 1809, Constant avait déjà commencé à étudier au moins depuis quatre ou cinq ans ce sujet, qui prendra de plus en plus d'importance à ses yeux; mais, évidemment, il n'est pas satisfait des matériaux dont il dispose: s'agit-il d'une simple carence d'informations ou d'une question d'interprétation? La question est ouverte: nous y reviendrons. La troisième partie, finalement, ne comprend que neuf chapitres au développement moins organique: Constant y traite de ces religions anciennes qui résultent d'une combinaison entre les deux espèces principales de polythéisme, comme le polythéisme scandinave (qui fait l'objet d'un chapitre) et, surtout, le polythéisme romain.

Le thème général du manuscrit ne doit pas surprendre. Dans l'histoire de la réception de l'Antiquité, Benjamin Constant est surtout connu pour des sujets politiques, et notamment pour ses réflexions sur la différence entre la liberté des Anciens et celle des modernes. Pourtant, s'il y a un axe permanent dans son intérêt pour les Grecs et les Romains, ce fut justement la ques-

⁷ À l'exception de quelques courts manuscrits et des pamphlets de jeunesse, Constant est un écrivain du XIXe siècle: son écrit le plus connu sur notre sujet, le discours sur *La liberté des anciens, comparée à celle des modernes*, date de 1819. Mais il est aussi un homme du XVIIIe siècle; son intérêt, sa passion même, pour les Anciens, date d'ailleurs de sa jeunesse: son premier écrit qui nous soit resté est une dissertation sur la *Discipline militaire des Romains*, son premier texte publié est une traduction du premier chapitre de l'*History of Ancient Greece*, de l'historien écossais John Gillies (admiré également par Condorcet).

⁸ Le manuscrit des *Recherches historiques* est conservé à la Bibliothèque cantonale de Lausanne (Ms 34/10). Son édition est prévue sous la direction de Kurt Kloocke, dans le cadre des *Œuvres complètes de Benjamin Constant* (en cours de publication chez Walter de Gruyter, Berlin). Nous remercions ici M. Kloocke d'avoir bien voulu me communiquer la transcription du manuscrit, dont je reproduis la table des matières à la fin du présent article. La numérotation des pages est celle de l'original.

tion de leur religion. Constant travailla, dans les années 1770 et 1780, à une «histoire du polythéisme» inspirée de Hume et d'Helvétius, où il se proposait de démontrer la supériorité du paganisme ancien sur le théisme chrétien. À l'autre extrême de sa biographie intellectuelle, le dernier ouvrage qu'il publia, à partir de 1824, fut l'imposant *De la religion, considérée dans sa source, ses formes et ses développements*, en cinq volumes, qu'il considérait comme l'œuvre de sa vie.

Dans cet arc chronologique qui couvre un demi-siècle – idéalement, de l'accession au trône de Louis XVI à la Révolution de Juillet –, les *Recherches historiques* sont donc situées plus ou moins au milieu, à mi-chemin entre les projets de jeunesse de Constant et son tout dernier ouvrage. La continuité de cet intérêt de longue haleine pour les systèmes religieux des Anciens se laisse voir, par exemple, dans le fait que Constant, d'après sa méthode habituelle, refond dans *De la religion* plusieurs matériaux de la première partie des *Recherches historiques*, parfois sans variations remarquables. Mais il ne faut pas confondre la persistance d'un intérêt avec la linéarité d'une évolution: qu'un intérêt soit constant ne signifie pas pour autant que son développement soit continu.

Un changement important se laisse voir, par exemple, par rapport aux premiers projets de jeunesse. À ce que nous en savons, Constant se proposait à cette époque de montrer que l'esprit du polythéisme des Anciens (pris en bloc?) était préférable, en termes de tolérance et de Lumières, au théisme judéo-chrétien – une thèse que Hume, parmi d'autres, avait développée dans les derniers chapitres de son *Histoire naturelle de la religion*⁹. Les *Recherches historiques*, au contraire, se présentent franchement comme un travail d'histoire, où la comparaison est subordonnée d'une façon plus étroite aux exigences de la temporalité historique; où, par conséquent, le rapport est établi entre deux formes de religion historiquement proches et homogènes: polythéisme des Grecs/polythéisme sacerdotal. Des années 1770–1780 à 1809, l'antiquité étudiée par Constant s'est *historicisée*: ce serait un cas du processus général d'historicisation de l'Antiquité, qui caractérise la culture européenne au passage du siècle.

De l'autre côté, il ne serait pas moins faux de voir dans les *Recherches historiques* un simple travail préparatoire à *De la religion*, l'étape d'une gestation graduelle et sans détours. Il y a des matériaux et des passages qui reviennent de 1809 à 1824; mais l'idée de fond du livre a changé, et avec elle l'ouvrage que Constant écrit sur les Anciens. *De la religion* garde la forme historique de présentation (par contraste avec un exposé plus «théorique»), que les *Recherches historiques* avaient déjà adoptée. Mais les différences entre les deux textes sont considérables.

⁹ Cf. Carpenter C. Ethics and Polytheism in Constant's early writings: the influence of Hume, Smith and Gillies // *Annales Benjamin Constant*. 2005. N 29. P. 73–100.

D'abord, à travers l'histoire, qui est en fait une histoire du polythéisme, *De la religion* se propose de parler, ainsi que son titre l'annonce, de la religion en général; les *Recherches historiques* sont au contraire une étude historique circonscrite à la religion des Anciens – les Grecs, et en partie les Romains¹⁰.

Ensuite, l'histoire des religions que *De la religion* présente obéit à un schéma bipartite, fondé sur la distinction entre les religions sacerdotales et celles où le sacerdoce est absent: ce que l'ouvrage met en scène sont les «vies parallèles», pour ainsi dire, des deux espèces de religion (genèse, éléments de l'une et de l'autre, forme des dieux, etc.). Dans les *Recherches historiques*, la partie qui aurait dû traiter du polythéisme sacerdotal est une case vide. C'est donc comme si Constant, au fil des années, avait rempli de plus en plus cette case: l'histoire qu'il finit par raconter devient, pour ainsi dire, une histoire manichéenne, structurée sur l'opposition d'un principe positif (les religions sans sacerdoce) et d'un principe négatif (les religions sacerdotales, dont l'Égypte fut l'archétype). Dans les *Recherches historiques*, au contraire, il n'y a qu'un seul barycentre: toute la réflexion se développe à l'intérieur du cadre défini par la genèse et la décadence du polythéisme grec. Il s'agit d'évaluer si cela correspond à un jugement de valeur, qu'on pourrait exprimer de la façon suivante: le polythéisme grec est le centre des *Recherches historiques* parce qu'il exprime – à lui seul, de façon exemplaire – un noyau essentiel du phénomène religieux, qu'il s'agit de rendre manifeste.

Les *Recherches historiques* ne représentent pas une simple transition dans l'évolution des études de Constant sur la religion des Anciens; elles doivent être plutôt étudiées comme l'ébauche ou l'idée d'un ouvrage singulier. En particulier, la singularité de ce manuscrit dans l'œuvre (au moins dans l'œuvre connue) de Constant dépend de deux raisons: l'*historicisation* du polythéisme des Anciens par rapport aux projets de jeunesse; la *centralité* de ce même polythéisme, plus marquée dans les *Recherches* que dans *De la religion*. Historicité et centralité des Anciens. C'est sur le sens de cette combinaison qu'il faudra maintenant nous interroger.

3. Or, de ce point de vue, Constant va à contresens par rapport à son époque. Nous avons déjà rappelé comment le regard sur les Anciens se caractérisait plutôt, au début du XIXe siècle, par la combinaison de l'*historicisation* et du décentrement: regarder les Anciens d'un œil historique équivalait à leur ôter la centralité dont ils avaient joui d'ordinaire dans le système des valeurs et d'éducation de la civilisation européenne¹¹. De ce double mouvement, Volney

¹⁰ On ne peut pas dire que les *Recherches historiques* sont encore une histoire de la religion des Anciens (avant de s'élargir à une étude à la portée plus vaste), parce qu'en 1809 Constant disposait déjà de matériaux qui, loin de ne concerner que les Grecs et les Romains, portaient sur les religions sacerdotales, sur le théisme, sur la religion en général (sa définition, son rapport avec la politique et la morale; les passions religieuses, etc.).

¹¹ Cf. *Nippel W.* La costruzione dell' 'altro' // I Greci / A cura di S. Settis. Torino, 1996. Vol. 1. P. 165–196; *Iacono A.M.* I Greci e i selvaggi // Ibid. 2011. Vol. 3. P. 1379–1396; *Binoche B.* Le sauvage et l'ancien et le moderne, ou comment penser l'histoire de la société civile // *Revista de História*, edição especial. 2010. P. 217–230 (à propos de Ferguson).

avait donné une expression célèbre dans ses *Leçons d'histoire*, prononcées dans la chaleur du débat post-révolutionnaire: entre les sauvages et les modernes, avait-il averti, c'est aux premiers que les Grecs anciens ressemblent, d'où l'absurdité de prendre encore ces «demi sauvages» comme des exemples ou des modèles¹².

Pourtant, c'est aux Anciens et à leur polythéisme que Constant revient, après l'interruption sous Napoléon de son engagement politique, et il y revient avec une passion que le temps n'a pas refroidie: «Ce que je sais et ce que j'apprends me donne assez de jouissances. Je vivrais cent ans que l'étude des Grecs seuls me suffirait»¹³. Quel est donc le sens de cette reprise?

Or Constant connaît parfaitement le débat en cours sur l'héritage de l'Antiquité: il est au courant à la fois de la réaction à l'imitation des Anciens et de ses enjeux politiques, dont il fut témoin direct, et des acquis scientifiques que les érudits et les philologues (surtout allemands, autour de l'école de Göttingen) avaient commencé à accumuler en direction d'une connaissance historique «scientifique» de l'antiquité. Constant participe à ce mouvement général; en même temps, il s'en écarte, dans la mesure où les Anciens continuent à représenter pour lui une expérience historique tout à fait centrale. Pourquoi?

Beaucoup dépend de la façon dont l'historicisation des Anciens est effectuée. Par ce mot, «historiciser», j'entend ici quelque chose d'assez simple: historiciser, c'est expliquer par des facteurs historiques un phénomène jadis expliqué par des facteurs non historiques (par exemple: nature, révélation, raisonnement philosophique, mécanismes psychologiques, etc.).

«Historiciser» implique donc effectuer un examen des facteurs légitimes de la connaissance du passé, visant à exclure tout appel à des causes de l'histoire qui ne soient pas historiques à leur tour. Ces aspects méthodologiques sont très marqués dans les *Recherches historiques*. Constant consacre plusieurs chapitres précisément à mettre en évidence les défauts de ce que nous appellerions la littérature existante sur ce sujet – de Court de Gébelin à

¹² Volney C.-F. de Chasseboeuf, comte de. *Leçons d'histoire* (1795) // Volney. Œuvres. Paris, 1989. T. 1. P. 605–606 (6e séance): «L'on a voulu nous donner des modèles grecs ou romains; mais (...) quelle comparaison établira-t-on entre les mœurs et les habitudes de petits peuples à demi sauvages*, pauvres et pirates, divisés et ennemis par naissance et par préjugé, et un grand corps de nation qui, le premier, offre dans l'histoire une masse de vingt-cinq millions d'hommes parlant la même langue, ayant les mêmes habitudes, et dont tous les frottements, depuis quinze cents ans, n'ont abouti qu' à produire plus d'unité dans ses habitudes et son gouvernement» (note de Volney*: «Maintenant que j'ai vu les sauvages d'Amérique, je persiste de plus en plus dans cette comparaison, et je trouve que le premier livre de Thucydide, et tout ce qu'il dit des mœurs de Lacédémoniens, convient tellement aux cinq nations, que j'appellerais volontiers les Spartiates, les Iroquois de l'ancien monde»).

¹³ Constant B. *Journaux intimes* (1804–1807) / Dir. par P. Delbouille et K. Kloocke // Constant B. Œuvres complètes. Série «Œuvres». T. 6. Tübingen, 2002. P. 98–99 (2 avril 1804).

Dupuis, de Warburton à Sainte-Croix¹⁴. Et le reproche qu'il adresse à ces auteurs est toujours le même, d'avoir eu recours pour interpréter le polythéisme des Anciens à des facteurs finalement non historiques: un noyau immémorial de sagesse (dont on ignore d'ailleurs la provenance¹⁵), l'hypothèse d'un peuple primitif (indémontrable, et superflue¹⁶), la Révélation du théisme¹⁷, etc.¹⁸

L'originalité du travail de Constant peut être mesurée plus précisément par rapport à quelques problématiques spécifiques: l'interprétation des mythes¹⁹; les temps héroïques de la Grèce²⁰; la relation entre les Grecs et l'«Orient» (notamment les Egyptiens).

4. La mythologie, surtout homérique, est pour Constant la source première pour l'étude du polythéisme grec²¹. Son approche de la mythologie n'est encore que très timidement philologique ou comparative, ce qui n'étonne pas à l'aube du XIXe siècle. En même temps, Constant, à la suite de Heyne²², dont il a connu assez vite les travaux, pose clairement la question de la complexité historique des mythes (ou fables). C'est en effet «une erreur trop commune» que de considérer la mythologie en bloc, comme un ensemble fixé et soustrait à l'action du temps:

Dans l'esprit de beaucoup de lecteurs assez instruits, le nom de chaque mythologie retrace un ensemble d'opinions dont ils ne démêlent pas les dates. La religion d'Homère et de Pindare leur paraît parfaitement semblable [...] Il n'en est rien. [...] Les Dieux de la Grèce n'ont en commun avec ceux d'Ovide et de Virgile que le nom et quelques fables dont la signification avait changé²³.

¹⁴ Warburton *W.* The Divine Legation of Moses demonstrated on the Principles of a Religious Deist (London, 1737–1741, 2 vol.); Court de Gébelin *A.* Le Monde primitif analysé et comparé avec le monde moderne (Paris, 1773–1782, 11 vol.); Sainte-Croix *G. de.* Mémoires pour servir à l'histoire de la religion des anciens peuples ou Recherches historiques sur les mystères du paganisme (Paris, 1784); *Idem.* Réfutation d'un paradoxe littéraire de M. F.-A. Wolf... sur les poésies d'Homère (Paris, 1798); Dupuis *Ch.-F.* L'Origine de tous les cultes, ou la religion universelle (Paris, 1795, 4 vol.).

¹⁵ Recherches historiques. Ière partie. Chap. 2. Fol. 9–10.

¹⁶ Ibid. Chap. 3. Fol. 35–38.

¹⁷ Ibid. Chap. 4. Fol. 42–43.

¹⁸ En même temps, et à côté de ces cibles plus explicites, le processus d'historicisation demandait à Constant une certaine prise de distance à l'égard de certains de ses modèles avoués: par exemple, l'histoire conjecturale (*conjectural history*), à la Ferguson, ou l'histoire naturelle (*natural history*), à la Hume. Mais une historicisation conséquente tend à interdire les reconstructions historiques fondées sur des conjectures philosophiques ou sur les principes régissant les modifications de l'esprit humain – Condorcet est très explicite sur ce point.

¹⁹ Recherches historiques. Ière partie. Chap. 2 et 9.

²⁰ Ibid. Chap. Fol. 7–8.

²¹ Cf. sur cela Bowman *P.* Le groupe de Coppet et la mythologie // Il gruppo di Coppet e l'Italia / A cura di M. Matucci. Pisa, 1988. P. 53–70.

²² Sur Heyne, cf. Graf *F.* Die Entstehung des Mythosbegriffs bei Christian Gottlob Heyne // Mythos in mythenloser Gesellschaft. Das Paradigma Roms (Colloquia Raurica 3) / Hrsg. von F. Graf. Stuttgart; Leipzig, 1993. S. 284–294.

²³ Recherches historiques. Ière partie. Chap. 9. Fol. 113–114.

Cette attitude de sens commun²⁴ sur la mythologie ancienne est sans doute encouragée par la nature même de l'objet. Les systèmes mythologiques construisent souvent des chronologies idéales²⁵, et ils renversent l'ordre génétique des fables, en présentant les plus récentes comme étant les plus anciennes²⁶: en un mot, les narrations mythiques ont tendance à effacer les traces de leur historicité. À cela s'ajoute le penchant des savants à interpréter les «fables» à partir d'éléments non historiques. Cela vaut pour les deux approches dominantes à l'époque de Constant: dans le modèle *allégorique*, qui fut en partie celui de Heyne lui-même, le sens du mythe est réduit à un noyau de vérité abstraite ou atemporelle (morale, scientifique, cosmogonique). Mais cela vaut également, et contrairement aux apparences, pour le modèle *évhémériste*, selon lequel la mythologie consisterait dans l'apothéose de personnages historiques. Or, il ne faut pas confondre le fait que les mythes expriment parfois un *contenu* historique, avec l'historicité du mythe lui-même. Dans l'hypothèse évhémériste, surtout si elle devient la seule clé d'interprétation, la formation des mythes ne dépend pas évidemment du fait historique transfiguré, mais plutôt du mécanisme de sa transfiguration: un mécanisme, qui, quant à lui, aurait plutôt des racines anthropologiques universelles (penchant à diviniser, tendance à oublier cette divinisation). D'après l'hypothèse évhémériste, en réalité, mythe et histoire s'opposent – l'histoire précède le mythe, elle ne l'explique pas²⁷:

[Cette] conjecture, c'est que la fable n'est qu'une corruption de l'histoire. Mais il faut supposer alors que, pendant un assez long intervalle, l'homme n'a eu ni idées, ni besoins religieux: car si la religion ne s'est formée que de faits historiques défigurés, elle a du attendre, pour se former, que ces faits, non seulement fussent arrivés, mais eussent été défigurés par le laps de temps²⁸.

Dans le manuscrit de Constant, l'accent tombe au contraire sur l'historicité *spécifique* de la mythologie ancienne. Les mythes, dit-il, sont sujets à des modifications incessantes, même si elles sont souvent imperceptibles: ce qui signifie que, loin de s'opposer à l'histoire ou de la suspendre²⁹, les fables en sont pénétrées de part en part. Et ces modifications sont dues à leur tour à un ensemble de facteurs, dont il faut reconstruire la stratification et l'interaction complexe: superposition d'opinions diverses (mais toutes situées sur le même

²⁴ Mais particulièrement prononcée en France... Cf. Journal intime, 5 février 1805; Recherches historiques. Ière partie. Chap. 1. P. 2.

²⁵ Recherches historiques. Ière partie. Chap. 8. Fol. 106: «les traditions éparses se concentrent et se circonscrivent dans un espace de temps qui détermine une chronologie idéale. Cet espace et ce temps trop resserré accumule et confond les événements».

²⁶ Ibid. Chap. 9. Fol. 118–120.

²⁷ Allusion au titre de l'ouvrage du théoricien de l'évhémérisme Antoine Banier: La Mythologie et les fables expliquées par l'histoire. Paris, 1738–1740. 3 vol.

²⁸ Recherches historiques. Ière partie. Chap. 2. Fol. 12.

²⁹ Par un processus que l'anthropologue Ernesto De Martino appelle *destorificazione*.

plan, c'est-à-dire sans distinction entre une sagesse cachée et la déformation de celle-ci par le vulgaire); contaminations interculturelles (dogmes indigènes / dogmes étrangers); dimension communicationnelle (doctrines secrètes et doctrines publique), liée à son tour à la structure sociale et politique; élaboration symbolique d'événements inattendus (contingence de l'histoire)³⁰.

La mythologie ancienne paraît donc à Constant un phénomène complexe et stratifié, aux multiples niveaux de signification: si son contenu recèle, comme Heyne l'avait dit, une partie «naturelle» (l'allégorie) et une partie «historique» (l'évhémérisme), c'est à sa capacité de constituer le fond des croyances populaires que la mythologie doit selon Constant sa véritable valeur. La «mythologie populaire» est celle qui intéresse Constant: et dans cette réévaluation du sens des croyances communes, dans cette réflexion sur la *forme mythique* qui caractérise souvent ces croyances et qui est à l'origine de leur force, il n'est pas difficile de voir l'effet d'une méditation sur l'expérience révolutionnaire.

Pour Constant, le point de vue auquel il faut se placer pour interpréter la mythologie ancienne se situe ainsi précisément à l'opposé des interprétations savantes, d'après lesquelles le sens véritable des mythes consisterait dans un noyau doctrinal caché au public. Ce point de vue consiste plutôt à chercher le sens de mythes dans leur signification littérale, la seule retenue par la «masse» de la nation, et celle qu'il faut donc prendre au sérieux. C'est là, en même temps, la perspective qui permet de saisir *l'historicité* des fables:

Les allégories et les symboles peuvent rester les mêmes à toutes les époques, comme exprimant des idées qui ne varient pas. *Les fables populaires changent, parce qu'elles expriment des idées qui varient*³¹.

5. La reconstruction et l'interprétation de l'époque «héroïque» de l'histoire grecque – celle pour laquelle nous n'avons pas de témoignages directs, donc à peu près la période allant des premières traces ancestrales d'une «nation grecque» jusqu'à la guerre de Troie – est un autre passage crucial. Cette époque préhistorique constituait en effet un terrain propice à la «décentralisation» des Grecs. Nous l'avons vu avec Volney: d'après ce que nous en savons, par exemple d'après le premier livre des *Histoires* de Thucydide, les premiers Grecs n'étaient, dit-il, que des «petits peuples à demi sauvages, pauvres et pirates»³².

³⁰ Recherches historiques. Ière partie. Chap. 9. Fol. 116–117: «Confondant ainsi les écrivains, les doctrines, les époques et les dates, les auteurs de la plupart de ces systèmes [sur la mythologie ancienne] n'ont point séparé les opinions des siècles divers, les dogmes empruntés du dehors des dogmes indigènes, les doctrines secrètes des doctrine publiques, et parmi ces dernières celle qui avaient toujours composé la croyance nationale de celles qui s'y étaient introduites successivement, ou y avaient été jetées tout à coup par quelque événement inattendu.»

³¹ Ibid. Chap. 2. Fol. 23–24, c'est moi qui souligne; cf. Chap. 1. Fol. 9 sur la question des modifications insensibles auxquelles les mythes sont sujets dans le temps.

³² *Volney C.-F.* Leçons d'histoire. P. 605. Pour un autre exemple de cette «démythication» des Grecs anciens, cf. l'«histoire du chamanisme», annexée par P.-Ch. Levesque à sa traduction

Dans les *Recherches historiques*, le problème est analysé dans les chapitres 7 et 8 de la première partie, où Constant décrit le passage des premiers Grecs du fétichisme au polythéisme. Son opération est double: d'une part, il reprend la question des temps héroïques de la Grèce, telle que les historiens l'avaient posée; de l'autre, son sujet étant la *religion* des Grecs, il met en rapport cette histoire avec la transformation des croyances religieuses, et notamment avec l'émergence du polythéisme.

La nouveauté de son approche consiste précisément dans la combinaison de ces deux niveaux (histoire et histoire de la religion). En effet, parmi les auteurs du XVIIIe siècle que Constant reconnaît comme ses modèles, les deux sujets étaient plutôt traités séparément: d'ordinaire chez les historiens, comme John Gillies dont Constant avait traduit partiellement l'*Histoire grecque*³³, la religion des Grecs n'est traitée qu'en marge de la reconstruction des temps héroïques; par contre, dans l'histoire des croyances religieuses, celle de Hume faisant pour Constant autorité, l'origine du polythéisme est expliquée par des facteurs universels³⁴ (incertitude et conflictualité des événements de la vie humaine, ignorance des causes, passions) sans rapport avec les circonstances *déterminées* de l'histoire grecque.

De ces deux sources, Constant tire librement les éléments de son analyse. Par exemple, de Gillies et des historiens il reprend la thèse selon laquelle la nation grecque résulta d'un mélange de peuples et de cultures (Pélasges, Hellènes, Orientaux): aux Egyptiens et aux Phéniciens, les Grecs auraient dû notamment les découvertes les plus importantes «not only in religion, but in agriculture and arts», des découvertes qui accélérèrent de façon exceptionnelle leur marche le long des stades de la civilisation³⁵. De Hume il reprend, par exemple, les remarques sur la tolérance et l'absence de fanatisme dans les cultes polythéistes, ainsi que la liaison de ces derniers avec les «mille influences inattendues et contradictoires» qui menacent la vie des hommes³⁶.

Ces éléments sont combinés par Constant dans un tableau unitaire. Le résultat de cette opération est une histoire qui ne ressemble ni à l'un ni à l'autre des modèles de départ. La genèse du polythéisme grec ne relève pas d'un développement naturel des croyances, comme chez Hume, mais de la greffe d'une religion historique (le polythéisme des colonisateurs égyptiens

des *Histoires* de Thucydide (1795; vol. 3, «Troisième excursion: Sur l'origine septentrionale des Grecs», p. 278 ss., dissertation prononcée à l'Académie des belles lettres le 29 mai 1789). Ce texte est connu par Constant qui le commente dans *Journal intime* (27 juillet 1804).

³³ *Constant B.* Essai sur les mœurs des tems héroïques de la Grèce. Tiré de l'Histoire grecque de M. Gillies (Paris, 1787) // Constant B. Œuvres complètes. Série «Œuvres». Tübingen, 1993. T. I. P. 149–197; *Gillies J.* The History of Ancient Greece... London, 1786. 5 vol.

³⁴ «Universels», plus précisément, dans la mesure où il sont liés à des stades universels du processus de civilisation.

³⁵ «Greece (...) was not left to be slowly civilized by the progressive ingenuity of the Hellenic tribes». – *Gillies J.* The History of Ancient Greece... London: Jones, 1825. P. 2.

³⁶ *Recherches historiques*. Ière partie. Chap. 4. Fol. 44.

ou phéniciens) sur une couche de croyances antérieures (le fétichisme des Pélasges)³⁷. C'est justement cette genèse tout historique qui est censée expliquer la *spécificité* du polythéisme grec par rapport au polythéisme en général. De l'autre côté, au moment de réfléchir sur cette spécificité, Constant ne peut plus se satisfaire du modèle d'histoire linéaire (marche et stades de la civilisation), dont Gillies était encore débiteur: si le noyau de la religion des Grecs vint de l'Égypte, pourquoi le polythéisme des colonisés ne fut pas identique à celui des colonisateurs?³⁸ D'où la nécessité d'introduire des déterminations historiques ultérieures: comme, par exemple, la structure rigidement stratifiée de la société égyptienne, qui fit que les colons, venant des castes inférieures, «ne pouvaient connaître que les dehors de la religion égyptienne»³⁹; ou la différence de langues, qui rendait impossible la traduction intégrale et fidèle d'un système de croyances dans un autre⁴⁰. Le polythéisme grec résulta de ces facteurs, et d'autres semblables: c'est la raison pour laquelle le passage du fétichisme au polythéisme grec ne rassemble plus du tout chez Constant à une évolution linéaire ou «naturelle» (au sens de Hume), ou à la substitution simple d'un système de croyances à un autre, mais plutôt à un processus de traduction imparfait et réciproque.

À la lumière de la reconstruction de Constant, le polythéisme aux temps héroïques de la Grèce paraît donc le résultat d'un ensemble de facteurs composite, complexe, contingent: en un mot, un ensemble «historique».

6. Le fait est que, pour Constant, la religion des Grecs et leur liberté sont liées étroitement l'une à l'autre. Étudier la formation du polythéisme grec – un polythéisme «libre», sans dogmes ni prêtres –, c'est en même temps porter en pleine lumière les conditions de naissance de la liberté des Anciens, c'est-à-dire pour Constant la seule que l'espèce humaine ait connue avant les révolutions modernes. Et historiciser la religion grecque, c'est en même temps historiciser leur expérience de la liberté. Pour les historiens lus par Constant, la cité grecque surgit d'un coup, ou spontanément, de son passé héroïque, comme on passe de l'enfance à l'âge mûr, de la nature à la civilisation. Il n'en est pas ainsi chez lui. La cité ancienne ne fut pas un fruit spontané, ni un «miracle» tombé *dans* l'histoire, mais l'effet d'une combinaison compliquée de facteurs historiquement déterminés. Elle fut, intégralement, un produit de l'histoire: est-ce qu'elle en fut aussi un produit nécessaire?

³⁷ Pour le fétichisme, cf. naturellement l'ouvrage de Ch. de Brosses, *Du culte des dieux fétiches* (1760), très apprécié par Constant.

³⁸ Recherches historiques. Ière partie. Chap. 7. Fol. 84–85.

³⁹ Ibid. Fol. 89.

⁴⁰ Ibid. Fol. 93: «La différence des langues offrait une grande facilité pour supposer la ressemblance de ces opinions. La nécessité de s'entendre faisait traduire dans un langage fort imparfait des idées qui n'étaient pas les mêmes, et la traduction devenait une espèce de concordat, par lequel une idée mixte se formait, sans qu'on s'en aperçut, aux dépens de deux idées primitives».

Venons en donc au troisième et dernier point: le problème des rapports entre les Grecs et l'Orient. C'est aussi revenir à la question de la «case vide»: à cette deuxième partie des *Recherches historiques*, que Constant envisage de consacrer au polythéisme sacerdotal, mais qu'il laisse en 1809 à l'état de projet. Pourquoi?

En général, Constant est plutôt hostile au parti des «orientalistes», qui soulignaient le poids déterminant des influences orientales (venant d'Égypte ou de plus loin) sur la civilisation grecque: les critiques qu'il adresse à Creuzer, dans les années qui suivent immédiatement les *Recherches historiques*, en témoignent clairement. Il reste que, dans le chantier de ses recherches sur la religion, le polythéisme oriental fait l'objet d'une réflexion tourmentée. Constant hésite longtemps sur la place qu'il faut assigner aux religions sacerdotales dans son système comparatif. Or, la «case vide» du manuscrit de Constant, loin de n'être que la lacune provisoire d'une rédaction en cours, est à notre avis le signe de cette hésitation théorique. Cette partie du manuscrit n'existant pas, nous entrons ici dans le terrain des conjectures. Mais le *Journal intime*, où Constant enregistre, entre autres, l'avancement de ses recherches sur la religion, nous donne sur cette question quelques aperçus.

Nous sommes dans les années qui précèdent les *Recherches historiques*, en 1804–1805 précisément, et Constant travaille intensément, bien que par intermittence, sur le polythéisme. À cette époque, son projet est d'en faire l'histoire, de sa genèse à sa décadence, en Grèce et à Rome. Cette carrière lui paraît suivre un «cours naturel» des croyances. Elle consiste notamment dans ce que nous appellerions une «sécularisation» des croyances religieuses, où le déclin des anciens dieux laisse place à une morale de plus en plus civique, ou rationalisée. À la suite de cela, Constant voulait montrer par analogie que le théisme, malgré toutes les différences qui le séparent (en pire) du polythéisme (passions religieuses, dogmatisme, sacerdoce, etc.), est destiné à suivre le même chemin, donc à se diluer graduellement dans une religion tout intérieure et au contenu moral, sans dogmes, sans prêtres et même sans Dieu (du moins sans un «Dieu-personne»)⁴¹. Dans ce plan, le moule du projet de jeunesse inspiré d'Helvétius (paganisme *versus* théisme) est encore reconnaissable. Ici, les religions grecques autres que la grecque n'ont pas de place: elles constituent tout au plus des *déviations* du cours naturel représenté par le polythéisme gréco-romain, une sorte d'«anti-nature».

C'était pourtant une déviation bien étrange: les lectures que Constant fait ces années-là, la découverte récente d'autres grands systèmes mythologiques (indien, scandinave, allemand), lui montrent que la déviation est en réalité beaucoup plus diffusée que la norme. En fait, dans le monde ancien, le poly-

⁴¹ C'est ce que Constant voit chez Schleiermacher (*Über die Religion*, 1799), cf. *Journal intime*, 14 et 19 novembre 1804. À propos du rapport entre Constant et Schleiermacher, cf. Kloocke K. Benjamin Constant et l'Allemagne. Individualité – Religion – Politique // Annales Benjamin Constant. 2003. N 27. P. 127–171 et Thouard D. Subjectivité et sentiment religieux: Constant et Schleiermacher // Annales Benjamin Constant. 2006. N 20. P. 71–95.

théisme sacerdotal était partout, hormis qu'en Grèce. Il est donc malaisé, voire impossible, de le reléguer au statut d'une simple exception à la nature. La question devient plutôt la suivante: pourquoi la Grèce n'a-t-elle pas suivi cette tendance, *de facto* presque universelle, des idées religieuses?

Après plusieurs hésitations⁴², on arrive aux *Recherches historiques*, et à la nouvelle formulation du problème qu'elles laissent voir: à la place de l'opposition polythéisme/théisme, et du modèle nature/déviations, nous avons désormais la confrontation entre deux formes de croyances religieuses, polythéisme grec et polythéisme sacerdotal, deux formes qui appartiennent au même titre au niveau de l'histoire. À notre avis, c'est ainsi que s'explique l'élaboration, évoquée ci-dessus, d'un système complexe de facteurs historiques censés expliquer la genèse du polythéisme grec. C'est un fait remarquable que cette élaboration d'un modèle d'explication historique n'est pas chez Constant le fruit d'un approfondissement interne, pour ainsi dire, à la connaissance du monde grec (grâce à la philologie, à l'archéologie, à l'anthropologie, etc.), mais qu'elle a lieu par contrecoup: dans son parcours de recherche, c'est l'histoire de l'Orient qui émerge en premier, l'obligeant à dépasser l'opposition nature/déviations et à historiciser par là en même temps le pôle de la nature, c'est-à-dire la Grèce elle-même. Dans le travail d'historicisation de l'Antiquité, Constant s'arrête là. Sa dernière découverte, c'est-à-dire *l'historicité de la liberté*, aura été en même temps la plus difficile, pour un partisan de la perfectibilité de l'espèce et des idéaux révolutionnaires. Il faut pourtant en prendre conscience: avec les religions sacerdotales de l'Orient, c'est le despotisme – avec son cortège de hiérarchies, de dogmes, d'oppression – qui sort du domaine de l'anti-nature, pour entrer à part entière dans le terrain de l'histoire, d'une histoire qui fut la nôtre.

ANNEXE

TABLE DE MATIÈRES DES RECHERCHES HISTORIQUES SUR LES RELIGIONS DES PRINCIPAUX PEUPLES DE L'ANTIQUITÉ

Première partie

Chap. 1: *Pourquoi nous avons choisi le polythéisme grec pour centre de nos recherches sur la mythologie des différents peuples de l'antiquité*

Chap. 2: *Que nous écartons de nos recherches les explications allégoriques et scientifiques de la religion grecque*

Chap. 3: *De l'hypothèse qui assigne à toutes les mythologies une origine commune*

⁴² Hésitations qu'il faudrait suivre en détail, à partir du *Journal intime*. Cf., par exemple, quelques tournants: 12 février 1804, 23 juin 1804, 16 août 1804, 21 janvier 1805, 8 avril 1805.

- Chap. 4: *La première religion des Grecs*
Chap. 5: *Du sacerdoce dans le fétichisme et par conséquent chez les premiers Grecs*
Chap. 6: *Passage du fétichisme au polythéisme*
Chap. 7: *Manière dont cette révolution s'opère chez les Grecs*
Chap. 8: *Des éléments constitutifs du polythéisme grec*
Chap. 9: *Que l'on a souvent confondu les différentes époques du polythéisme grec comme des autres mythologies*
Chap. 10: *Tableau du premier polythéisme grec*
Chap. 11: *Absence du pouvoir sacerdotal à cette époque du polythéisme grec*
Chap. 12: *Des notions sur la destinée*
Chap. 13: *Des idées d'une autre vie*
Chap. 14: *De la mythologie de l'Iliade comparée à celle de l'Odyssée*
Chap. 15: *Que la mythologie de l'Iliade est d'une époque postérieure à celle de l'Odyssée*
Chap. 16: *Rapport du polythéisme primitif des Grecs avec la morale*
Chap. 17: *De l'introduction de la morale dans le polythéisme grec*
Chap. 18: *Contradictions qui caractérisent cette époque*
Chap. 19: *Exemple de ces contradictions dans Hésiode*
Chap. 20: *De la manière dont les contradictions disparaissent*
Chap. 21: *Des historiens grecs*
Chap. 22: *Des tragiques grecs et de leurs opinions sur le caractère des dieux*
Chap. 23: *D'Eschyle et de Sophocle*
Chap. 24: *D'Euripide*
Chap. 25: *Des progrès de l'état sacerdotal chez les Grecs depuis Homère jusqu'à Euripide*
Chap. 26: *Des variétés de l'organisation de l'état sacerdotal chez les Grecs*

[Seconde partie:

Le polythéisme sacerdotal]

Troisième partie:

Combinaisons et modifications ultérieures des deux espèces de Polythéisme

- Chap. 1: *Objet de la troisième partie*
Chap. 2: *De la composition du polythéisme romain*
Chap. 3: *Des époques de la religion romaine*
Chap. 4: *Des poètes romains*
Chap. 5: *Tableau du polythéisme romain*
Chap. 6: *De la composition et des modifications du polythéisme scandinave*
Chap. 7: *Des changements que l'introduction de la morale dans le polythéisme apporte à diverses parties de la mythologie*
Chap. 8: *De la figure des dieux modifiée par leurs attributs moraux*
Chap. 9: *De l'allégorie dans le polythéisme indépendant du sacerdoce*

Джованни Паолетти

**Политеизм и Французская революция:
рукопись Бенжамена Констан *Recherches
historiques sur la religion des principaux peuples
de l'antiquité* (1809)**

Исследователям, занимающимся историей восприятия античности в Новое время, Бенжамен Констан известен прежде всего своими размышлениями о свободе в Древней Греции и Древнем Риме и в современном ему обществе. Между тем его неизменный интерес вызывал скорее вопрос о религии греков и римлян. Воспитанный на идеях Просвещения, в особенности шотландского, в 1770-х и 1780-х годах Констан, по примеру Юма и Гельвеция, занимался изучением политеизма. Французская революция прервала эти занятия, однако, как только Констану пришлось на время оставить политическую деятельность, он сразу же вновь обратился к истории религиозных воззрений античности. Причина его неослабевающего интереса к этой теме кроется не столько в любознательности эрудита, сколько в стремлении найти в политеизме ключ к пониманию политических проблем, порожденных революцией. Рукопись *Recherches historiques sur la religion des principaux peuples de l'antiquité*, созданная в самом начале XIX в., позволяет проследить, как от Просвещения к Романтизму менялось представление об античной эпохе.

ИССЛЕДОВАНИЯ И ПУБЛИКАЦИИ

МАРИЯ КРИСТИНА БРАГОНЕ

ФЕНЕЛОН В РОССИИ:
К ИСТОРИИ ТРАКТАТА
DE L'ÉDUCATION DES FILLES

Среди бумаг Паузе (Пауса), хранящихся в Рукописном отделе Библиотеки Академии наук в Санкт-Петербурге, находится небольшая рукопись, которая содержит черновой и белой списки сочинения, озаглавленного *Книги о воспитании дочерей* и лишенного указания автора¹.

Это сочинение уже довольно давно известно исследователям. Одним из первых на него обратил внимание В.Н. Перетц в своем знаменитом труде, посвященном русской поэзии XVIII в. (в том числе творчеству И. Паузе и пастора Э. Глюка), где рассматриваются также переводы педагогического характера, выполненные Паузе, по всей вероятности, во время его пребывания в Москве в гимназии Глюка².

Иоганн Вернер Паузе (Johann Werner Paus, 1670–1735), уроженец Зальца (Саксония), получивший звание магистра философии в университете Галле, где он учился у известного профессора-богослова А.Г. Франке, по приезде в Москву (1702) преподавал в Немецкой слободе, получив затем место учителя в гимназии пастора Глюка. После

© Мария Кристина Брагоне, 2012

¹ БАН. Осн. собр., 26.3.20. Л. 1–8 об. (Л. 2 об. – 4 об. пустые).

² Перетц В.Н. Историко-литературные исследования и материалы. Т. 3: Из истории развития русской поэзии XVIII в. СПб., 1902. С. 180–186; в описании сочинений Паузе Перетц включает *Книги о воспитании дочерей* в раздел «Философия, педагогика и мораль» (Там же. Ч. 2 (Приложения). С. 97–98). О пасторе Э. Глюке и его гимназии см.: Ковригина В.А. Немецкая слобода Москвы и ее жители в конце XVII – первой четверти XVIII вв. М., 1998. С. 313–332; Glück H., Polanska I. Johann Ernst Glück (1654–1705) Pastor, Philologe, Volksaufklärer im Baltikum und in Russland. Wiesbaden, 2005 (Fremdsprachen in Geschichte und Gegenwart / Hrsg. von H. Glück und K. Schröder. Bd. 1).

смерти пастора (1705) он недолго занимал место ректора гимназии, для которой составил устав – *Правила Петровского училища* (1706). Однако из-за несложившихся отношений с коллегами, учениками и их родителями Паузе в 1706 г. вынужден был уйти из гимназии. В дальнейшем он посвятил себя преимущественно переводческой деятельности и стихотворству. В 1724 г. он был зачислен переводчиком в Академию наук и оставался в России до конца жизни³.

По мнению В.Н. Перетца, свою переводческую деятельность Паузе начал примерно в 1705 г., когда он мог писать по-русски «уже вполне свободно, хотя и весьма своеобразно»⁴. Плодом этой деятельности явились: *Златая книжица о гожеении нрав* – перевод знаменитого трактата по этикету Эразма Роттердамского, предназначенного для детей (*De civilitate morum puerilium*)⁵, и *Книги о воспитании дочерей* – сочинение, на которое Перетц указывает как на «перевод (...) неизвестного нам автора»⁶. Излагая подробно их содержание, ученый подчеркивал значение трудов Паузе для истории воспитания и педагогической литературы в России XVIII в. Его вниманием при этом не был обойден известный анонимный трактат *Юности честное зерцало*, вышедший в Санкт-Петербурге в 1717 г., который обнаруживает некоторое сходство с содержанием этих двух переведенных Паузе текстов⁷.

Что касается собственно *Книг о воспитании дочерей*, Перетц замечает, что до появления этого перевода встретить упоминания о женском образовании в древнерусской книжности можно было разве что в поучениях о злых женах Иоанна Златоуста, в сборнике нравоучительных

³ Биографию Паузе и обзор его деятельности см.: *Перетц В.Н.* Указ. соч. С. 142–254; *Winter E.* Halle als Ausgangspunkt der deutschen Russlandkunde im 18. Jahrhundert. Berlin, 1953. S. 168–171; *Винтер Э. И.-В.* Паузе о своей деятельности в качестве филолога и историка (1732) // XVIII век. СПб., 1959. Сб. 4. С. 313–322; *Ковригина В.А.* Указ. соч. С. 313–332; *Моисеева Г.Н.* Паузе (Паус) Иоганн Вернер // *Словарь русских писателей XVIII века.* СПб., 1999. Вып. 2 (К–П). С. 413–415.

⁴ *Перетц В.Н.* Указ. соч. С. 153.

⁵ Для перевода трактата Эразма Паузе использовал латино-немецкое издание, озаглавленное «Liber Aureus Erasmi Roterodami, De civilitate morum puerilium. Das ist: Ein Güldenes Büchlein des Erasmi Roterodami von Höflichkeit der Sitten und Gebärden der blühenden Jugend». Исследователи предполагают, что это могло быть гамбургское издание 1678 г., см.: *Быкова Т.А., Гуревич М.М.* Описание изданий, напечатанных кириллицей: 1689 – январь 1725 г. М.;Л., 1958. С. 349 (Приложение VI); *Revunenkova N.V.* Erasme en Russie // *Dutch Review of Church History.* 1991. 71–72. P. 139; *Брагоне М.К.* В лаборатории И.В. Пауса-переводчика: черновой и белой варианты его перевода трактата Эразма Роттердамского *De civilitate morum puerilium* // *Schnittpunkt Slavistik: Ost und West im wissenschaftliche Dialog. Festgabe für H. Keipert zum 70. Geburtstag / Hrsg. von I. Podtergera.* Bonn; Göttingen, 2012. Т. 2. S. 11–30.

⁶ *Перетц В.Н.* Указ. соч. С. 166. Хотя точная дата составления этих переводов не называется, но о них говорится в контексте московской биографии Паузе периода его пребывания в гимназии пастора Глюка.

⁷ Там же. С. 167, 169, 170, 184 примеч. 1; *Быкова Т.А., Гуревич М.М.* Указ. соч. С. 349.

изречений *Пчела* или в *Беседе отца с сыном о женской злобе*⁸, – то есть в сочинениях, посвященных отнюдь не воспитанию девушек, а напротив, разрабатывающих традиционную средневековую тему женских пороков. Таким образом, *Книги о воспитании дочерей*, появившиеся в Петровскую эпоху, представляли собой для того времени несомненное новшество⁹.

Тем не менее нужно иметь в виду, что это сочинение не только не отражало действительного положения женщин в тогдашнем русском обществе, но и практически не получило распространения, о чем говорит отсутствие списков перевода или сведений об их существовании. Почти ничего не известно и о реальном использовании *Книг о воспитании дочерей*, если только не иметь в виду наше знание о распространении аналогичного материала в связи с чрезвычайно популярным *Юности честное зерцало*, где также можно найти наставления, специально предназначенные для девушек.

Изложение содержания *Книг о воспитании дочерей* Перетц сопровождает замечаниями относительно языка перевода, который он считает «куриозным и порою неудобовразумительным», где «слышится то латинская конструкция предложения оригинала статьи, то немецкий акцент переводчика и его усилия выразится точно на мало знакомом языке»¹⁰. То есть его источником, судя по этим замечаниям, ученый склонен был считать некий латинский оригинал неизвестного автора.

На основе изучения переводческой деятельности Паузе нам удалось установить, что непосредственным и наиболее вероятным источником его русского перевода под названием *Книги о воспитании дочерей* послужил трактат, изданный в 1698 г. с предисловием А.Г. Франке – *Von der Erziehung der Töchter*¹¹, – который, в свою очередь, является немецким переводом *De l'éducation des filles* знаменитого архиепископа Камбре, теолога и литератора Франсуа Фенелона (1651–1715).

Как известно, свой первый трактат, появившийся в 1687 г., Фенелон написал на основе педагогического опыта, приобретенного во время заведования *Nouvelles Catholiques* – парижским воспитательным

⁸ Перетц В.Н. Указ. соч. С. 180. Об упомянутых сочинениях древнерусской книжности см.: Каган М.Д. Слова о добрых и злых женах // Словарь книжников и книжности Древней Руси / Отв. ред. Д.С. Лихачев. Л., 1989. Вып. 2 (вторая половина XIV–XVI в.). Часть 2 (Л – Я). С. 399–401; Творогов О.В. Пчела // Там же. Л., 1987. Вып. 1 (XI – первая половина XIV в.). С. 382–387; Титова Л.В. Беседа отца с сыном о женской злобе // Там же. СПб., 1992. Вып. 3 (XVII в.). Часть 1 (А – З). С. 137–139.

⁹ Перетц В.Н. Указ. соч. С. 184, 186.

¹⁰ Там же. С. 186.

¹¹ Титульный лист издания: Von der Erziehung der Töchter: Durch den Hn. Abt von Fenelon Jetzo Ertz-Bischoff von Cammerich; Aus dem Französischen übersetzt; Mit einer Vorrede August Hermann Franckens / SS. Theol. Gr. & OO.LL.P.Ord. & Past., Halle / In Verlegung Jacob Fritsch / Buchh. in Leipzig / 1698. В статье использован экземпляр, хранящийся в Библиотеке герцога Августа в Вольфенбюттеле (Herzog August Bibliothek Wolfenbüttel).

учреждением для девушек, перешедших из протестантизма в католичество (напомним, что в 1685 г. Людовик XIV отменил Нантский эдикт). Кроме того, Фенелон был также воспитателем внуков короля.

Его сочинение *De l'éducation des filles*, написанное для герцога Де Бовилье и его жены, у которых было восемь дочерей¹², и в большей степени обращенное к матерям, чем к самим девушкам из высших слоев общества, заметно выделялось на фоне литературы дидактического характера конца XVII в. Прежде всего за счет того, что здесь впервые, помимо общепедагогических вопросов, поднималась проблема воспитания молодых женщин; хотя подход к ее решению нельзя назвать абсолютно новаторским.

С одной стороны, в программе образования девушек предусматривалось изучение таких предметов, как грамматика родного языка, литература, латынь, музыка, живопись. Оно должно было быть умеренным и неуглубленным, чтобы не поощрять слишком сильной любознательности со стороны девушки, которой полагалось владеть еще и общими сведениями по экономике и праву для успешного и порядочного ведения домашнего хозяйства. С другой стороны, всячески подчеркивалось значение роли женщины-матери, посвящающей себя важной задаче воспитания нового поколения: она должна была стать достойным примером для своих дочерей и умелой хозяйкой дома¹³.

Главная заслуга трактата Фенелона, по мнению исследователей, состоит в подчеркивании важности и специфики женского воспитания, его значения для семьи и общества¹⁴. Девушка, получившая образование, обеспечивающее ей необходимые знания в разумных, подходящих женскому воспитанию пределах, будет хорошей матерью и ответственной воспитательницей.

Знаменитый пиетист Август Герман Франке (1663–1727), усердно занимавшийся вопросами воспитания и распространения знания, не случайно обратился к трактату Фенелона *De l'éducation des filles*. Он перевел его на немецкий язык, удалив лишь несколько отрывков,

¹² Об обстоятельствах, в связи с которыми был составлен трактат, о его источниках, судьбе и взглядах Фенелона на воспитание см.: *Fénelon F. Œuvres / Éd. établie par J. Le Brun. Paris, 1983. Vol. 1. P. 1261–1268. Общие сведения о Фенелоне как авторе педагогических сочинений см.: Doderer K. (Hg.) Lexikon der Kinder- und Jugendliteratur. Personen-, Länder- und Sachartikel zu Geschichte und Gegenwart der Kinder- und Jugendliteratur. Weinheim; Basel, 1975. I (A–H). S. 373–375.*

¹³ *Brokmann-Nooren Ch. Weibliche Bildung im 18. Jahrhundert: «gelehrtes Frauenzimmer» und «gefällige Gattin».* Oldenburg, 1994. S. 163–171; в статье была использована электронная версия книги: http://oops.uni-oldenburg.de/frontdoor.php?source_opus=691&la=de.

¹⁴ См., например: *Sonnet M. L'educazione di una giovane // Duby G., Perrot M. Storia delle donne in Occidente. Dal Rinascimento all'età moderna / A cura di N. Zemon Davis e A. Farge. Roma; Bari, 1991. P. 125; Brokmann-Nooren Ch. Op. cit. S. 163–171.*

относящихся к религии¹⁵. Следует отметить, что, несмотря на специфический выбор текста для перевода, в действительности Франке волновали не столько особенности воспитания девушек (хотя в 1709 г. он и создал школу для дочерей представителей высшего сословия – *Gynaeceum*), сколько проблемы воспитания детей в целом¹⁶.

В предисловии к *Von der Erziehung der Töchter* Франке подчеркивает важность тщательного рассмотрения вопроса о воспитании. Хотя, напоминает он немецким читателям, предлагаемое сочинение и принадлежит видному представителю католичества, это обстоятельство, ввиду исключительного значения рассматриваемого вопроса, литературных достоинств самого сочинения и его пользы, может быть отодвинуто на второй план¹⁷:

Geneigter Leser.

Ich bin von vielen biss anhero angetrieben worden / von der Kinder-Zucht etwas zu schreiben und ans Tages-Licht zu geben / in Betrachtung / dass ich von der Zeit her / da mir GOtt die Augen geöffnet / meine und anderer Erziehung im Liecht der Gnaden anzusehen / meine Sorge fu^rnehmlich mit darauff gewendet / wie die u^berall ho^cchst verderbte Art der Kinder-Zucht verbessert werden mo^cchte ⟨...⟩ Da ich nun noch keine Zeit finde dissfalls zu thun / wozu ich sonst von hertzen geneigt und begierig bin / ist mir inzwischen gegenwa^rtiges Tracta^tlein des Ertz-Bischoffs von Cammerich unter die Haⁿde kommen / darinnen ich so viel gutes gefunden / dass ich verhoffet / meinen Nechsten einen guten Dienst zu leisten / wenn ich procurirete / dass es in die Teutsche Sprache u^bersetzet / und so dann heraus gegeben wu^rde ⟨...⟩ Es ist zwar dieses eigentlich / wie der Titul weiset / auff die Erziehung der To^cchter gerichtet; es ist aber das meiste so darinnen enthalten ist / also beschaffen / dass es insgemein bey der Kinder-Zucht wohl zu appliciren ⟨...⟩ Weil der Autor der Ro^misch-Catholischen Religion zugethan / hat er unterschiedliches / welches mit der Lauterkeit des Evangelii nicht u^bereinstimmt / hin und wieder eingemischt / nichtso wohl in den ersten Capiteln / als in denen / da er von der Religion handelt. Ich habe die Freyheit genommen dergleichen ansto^ssige Oerter auszulassen. Doch dienet dem Leser zur Nachricht / dass ich wegen der anderen vielen Arbeit es nicht mit der Sorgfa^ttigkeit gethan / dass nicht einige Spuhr von des Autoris Religion solte geblieben seyn. Daher ich bitten muss / dergleichen Stellen

¹⁵ *Brokmann-Nooren Ch. Op. cit. S. 175.* О теологическом аспекте воспитания у Фенелона и Франке см.: *Osterwalder F. Theologische Konzepte von Erziehung. Das Verhältnis von Fénelon und Francke // Das Kind in Pietismus und Aufklärung. Beiträge des Internationalen Symposions vom 12. – 15. November 1997 in den Franckeschen Stiftungen zu Halle / Hrsg. von J.N. Neumann und U. Sträter. Tübingen, 2000. S. 79–94.*

¹⁶ *Brokmann-Nooren Ch. Op. cit. S. 175–176.*

¹⁷ Не в последнюю очередь на выбор данного сочинения повлияла и слава Фенелона за границей в связи с его успехами в воспитании внуков короля; см. об этом: *Witt U. Bekehrung, Bildung und Biographie. Frauen im Umkreis des Halleschen Pietismus. Tübingen, 1996. S. 96.*

mit geneigten Gemu^ethe zu u^ebersehen: wie denn auch keinen Versta^endigen dadurch einiger Schade zuwachsen wird. Es wird der Leser sonst so viel gutes darinnen finden / dass er nicht Ursache haben wird / sich bey solchen kleinen Fehlern des Autoris oder der Ubersetzung auffzuhalten. Es ist uns Teutschen allerdings eine grosse Schande / und sonderlich uns Evangelischen / dass wir uns in dieser so wichtigen Sache von einen fremden mu^essen den Weeg weisen lassen: Noch eine gro^essere Schande aber wu^rdte es uns seyn / wenn wir solche Weisung nicht mit Danck annehmen / sondern um einiger Fehler willen verwerffen wolten. Es ist ja gewiss mit der Erziehung der Jugend bey uns so elend bestellet / dass es schlimmer nicht seyn koⁿte / dass wir vor andern Nationen Ursache ha^ttten / auff deren Verbesserung einmahl ernstliche Sorge zurichten¹⁸.

Перевод:

Благосклонный читатель!

До сего дня многие побуждали меня написать и опубликовать нечто о воспитании чад, в рассуждении того, что с тех пор, как Бог открыл мне глаза и дал мне взглянуть в свете благодати на воспитание мое и других, обратил я свои заботы преимущественно на то, как бы исправить способ детского воспитания, повсеместно весьма испорченный <...> На сей раз не мог я найти времени совершить то, к чему, впрочем, расположен душою и чего желаю, и тогда попал мне в руки сей небольшой трактат архиепископа из Камбре, где нашел я столь много достоинств, что возымел надежду оказать добрую услугу моим ближним, позаботившись перевести оный на немецкий язык и затем издать <...> Хотя оный, как показывает заглавие, предназначен собственно для воспитания дочерей, тем не менее бо^lьшую часть того, что в нем содержится, по своим свойствам можно вполне применить к воспитанию детей вообще <...> Поелику автор принадлежит к римско-католической церкви, он примешивал там и здесь разные вещи, не согласующиеся с чистотой Евангелия, не столько в первых главах, сколько в тех, в которых он говорит о религии. Я взял на себя смелость опустить эти предосудительные места. Однако следует уведомить читателя, что за иными многими трудами не сделал я это столь тщательно, чтобы не осталось кое-где следов веры автора. Посему должен просить великодушно пропустить эти места, тем более что ни одному разумному человеку какого-либо вреда сие не принесет. В остальном читатель найдет здесь столько хорошего, что у него не будет причины оттаⁿавливаться на таких незначительных ошибках автора или перевода. Нам, немцам, особливо евангелического исповедания, великим поношением, конечно, служит, что в таком важном деле мы позволяем указывать нам путь иноземцу. Но еще бо^lьшим стыдом было бы для нас, ежели мы такое наставление не приняли бы с благодарностью, а отвергли ради нескольких погрешностей. Ведь у нас воспитание юношества столь плохо поставлено, что ничуть не повредило бы, когда б другие народы однажды дали нам повод возыметь ревностное попечение об исправлении оногo.

¹⁸ Von der Erziehung der To^cchter, S. 2, 3–4 v°. Благодарю Е.Е. Рычаловского за помощь в переводе этого текста.

Авторитет Франке был очень высок, поэтому сам факт немецкого перевода трактата Фенелона, значение которого в деле воспитания не только юношей, но и девушек он всячески подчеркивал, не мог не повлиять на решение Паузе (еще до приезда в Россию занимавшегося вопросами дидактики¹⁹) обратиться к этому тексту. Перевод трактата *De l'éducation des filles* (наряду со знаменитым пособием Эразма Роттердамского *De civilitate morum puerilium*), по-видимому, предназначался для московской гимназии пастора Глюка, разумеется, имея целью и более широкое просвещение. В то же время трактат Эразма, по мнению В.Н. Перетца, переводился скорее «для себя»: в начале своего пребывания в России Паузе испытывал необходимость упражняться в малознакомом ему языке²⁰. Это предположение не лишено смысла и в отношении его перевода *De l'éducation des filles*.

Обратимся к самому тексту перевода Паузе трактата Фенелона.

Как уже было сказано, данный перевод сохранился в черновом и белом списках. Беловой список включает в себя часть первой главы сочинения (л. 1–2), а черновой – две первые главы и часть третьей (л. 5–8 об.). Предисловие Франке переведено не было. Черновой список содержит исправления в тексте и немногочисленные маргиналии на полях; в белом – исправления встречаются лишь изредка.

Следующая таблица показывает содержание черного и белого вариантов перевода Паузе в отношении к немецкому переводу текста Фенелона:

<i>Von der Erziehung der Töchter</i>	Книги о воспитании дочерей Черновик	Книги о воспитании дочерей Беловик
Vorrede (S. 2–8 v°)		
SAP. I. Von Wichtigkeit der Aufferziehung der Töchter (S. 1–7)	Глава ѧ. Ѣ непрелѣнной нуждѣ воѣпитанія дочерей (л. 5–6)	Глава первая. Ѣ непрелѣнной нуждѣ воѣпитанія дочерей (л. 1–2)
SAP. II. Was vor Ungelegenheit aus der gewöhnlichen Erziehung entstehe (S. 7–13)	Глава бѣ. Все вѣзчиніе проиѣходитъ изъ обычнаго воѣпитанія (л. 6 об. – 8)	
SAP. III. Von erster Grundlegung der Aufferziehung (S. 13–26)	Глава гѣ. Ѣ положеніи перваго основанія въ воѣпитаніи (л. 8–8 об.)	

¹⁹ Ковригина В.А. Указ. соч. С. 325.

²⁰ Перетц В.Н. Указ. соч. С. 231.

Как видим, Паузе перевел только малую часть трактата Фенелона – три из 13 глав. Трактат Эразма, напротив, был переведен им полностью в черновом варианте, в то время как беловая рукопись доведена примерно до половины второй главы²¹.

Материал, находящийся в нашем распоряжении, позволяет сделать несколько общих замечаний относительно методов работы Паузе-переводчика. Наблюдения над текстом перевода трактата Эразма, который был выполнен на основе латино-немецкого оригинала, дают основание утверждать, что в своей работе он ориентировался преимущественно на немецкий текст²², который переводил довольно буквально. То же стремление дословно следовать тексту оригинала обнаруживается и в переводе трактата Фенелона *De l'éducation des filles*, над которым Паузе работал предположительно одновременно с переводом Эразма.

Следующие цитаты, воспроизводящие начало первых трех глав *Книги о воспитании дочерей*, демонстрируют образцы этой работы²³:

1.

САР. I.

Von Wichtigkeit der Auferziehung der To^ochter.

Man ist in nichts nachla^ossiger / als in Erziehung der To^ochter. Der Eigensinn und die Gewonheit der Mu^otter geben zum o^offtern den Ausschlag darinnen: Man ist der Meynung / man ko^onne diesem Geschlechte wenig Unterrichtung geben. Man ha^olt die Aufferziehung der So^ohne / vor eines der fu^ornehmsten / das gemeine Beste angehenden Gescha^offte; und ob gleich nicht weniger Fehler darinnen / als bey den To^ochtern / begangen werden / so bildet man sich doch zum wenigsten ein / dass man viel Lichtes brauche / wohl damit zu verfahren²⁴.

Черновик

Глава ѿ.

Ѹ непремѣнной нужды во^oпитанія дочерей

Ѹ ниче^oго мѣнше попече^oтся, нежели во^oпитаніи дочерей. Самоудіе и обыкнове^oніе матери (поверх ии – ей) в томъ дѣлѣ частю совѣтуютъ: Ненцѣнчѣ (сверху – мнитѣся; и поверх я); кычи (сверху – 3) не (сверху – 1) во^oвозможно (сверху – 2), женскомѣ (сверху – 4) полѣ (сверху – 5) много (сверху – 1) ученія (свер-

²¹ Подробнее см.: Брагоне М.К. Указ. соч.

²² См. примеч. 5.

²³ Зачеркивания и подчеркивания в цитатах русского перевода, а также вставки в квадратных скобках принадлежат Паузе; комментарии от публикатора даются в круглых скобках.

²⁴ Von der Erziehung der To^ochter. S. 1–2. Ср.: «Chapitre I. De l'importance de l'éducation des filles. Rien n'est plus négligé que l'éducation des filles. La coutume et le caprice des mères y décident souvent de tout: on suppose qu'on doit donner à ce sexe peu d'instruction. L'éducation des garçons passe pour une des principales affaires par rapport au bien public; et quoiqu'on n'y fasse guère moins de fautes que dans celle des filles, du moins on est persuadé qu'il faut beaucoup de lumière pour y réussir». – Fénelon F. De l'éducation des filles // Fénelon F. Op. cit. P. 91.

ху – 2) **набѣчити** (сверху – 3). **Инятъ воѣпитаніе Непшѣютъ** (поверх **итъ** – **емъ**; под **итъ** – знак отмены сделанного исправления) **воѣпитаніе сынѡвъ началѣише** (ε исправлено на оε), **и ообщой же ползѣ сѣлѡ полезное дбыти (sic!) дѣло**; **и хотя въ томъ неменшѣ погрѣшамтея, нежели въ воѣпитаніи дочерей, а токмѡ мнѣніе имѣютъ и добръ разсѣждаютъ, какъ много свѣчъ надобнѡ, раздѣливъ въ немъ творити** (л. 5).

Беловик

Глава первая.

Ѳ **непремѣнной нѣждѣ воѣпитанія дщереѣ**

Ѳ **ничесомъ меншѣ попечется, нежели ѡ воѣпитаніи дщереѣ. Самолюбіе и вѣкиновѣніе матерей въ томъ дѣлѣ часто совѣтѣютъ. мнитсѡ, невозможнѡ быти, много ученія набѣчити женскомѡ полѡ. Непшѣютъ воѣпитаніе сынѡвъ началѣише, ообщой же ползѣ сѣлѡ полезное быти дѣло: и хотя въ томъ неменшѣ погрѣшамтея, нежели въ воѣпитаніи дочерей, а токмѡ мнѣніе имѣютъ, и добръ разсѣждаютъ, какъ много свѣчъ надобнѡ, раздѣливъ въ немъ творити (сверху твори – неразборчивая запись) (л. 1).**

2.

САР. II.

Was vor Ungelegenheit aus der gewo^ohnlichen Erziehung entstehe.

Die Unwissenheit einer Tochter ist Ursach / das sie verdrliesslich wird / und nicht weiss / was sie zula^osslich thun sol. Wo sie zu einen Alter gelanget / sonder sich zu etwas gewisses zu entschliessen / oder wu^oerckliche Dinge vorzunehmen / so hat sie weder Schmach / noch Hochachtung vor dieselben: Alles was ernsthaft ist / kommet ihr traurig vor / alles was vo^ollige Auffmercksamkeit erfordert / wird ihr schwer: Die Neigung zum Lu^osten / welche in der Jugend stark ist / wie auch das Beyspiel anderer ihres Alters / die sich in vergeblichen Dingen auffhalten / machet sie ein ordentliches arbeitsames Leben fu^orchten (...) Ist sie von hohen Stande / so ist sie frey von der Ha^onde Arbeit: Sie wird nichts thun / als nur etwa eine Stunde des Tages / weilen man / sonder zu wissen warum / zu sagen pflieget / dass es nicht fein stehe / wann die Weiber nichts arbeiten²⁵.

Черновик

Глава Ѳ.

Кое вѣзчиніе проиѣходитъ изъ обычагѡ воѣпитанія

Невѣжество дочери коея есть причина, что она не радѣетъ и не вѣдаетъ, что не во^oзраженнѡ дѣлати подобаетъ. Какъ во^oрасла, не дмѣетъ по^oлинно (вторая о –

²⁵ Von der Erziehung der To^ochter. S. 7–8. Cp.: «Chapitre II. Inconvénients des éducations ordinaires. L'ignorance d'une fille est cause qu'elle s'ennuie et qu'elle ne sait à quoi s'occuper innocemment. Quand elle est venue jusqu'à un certain âge sans s'appliquer aux choses solides, elle n'en peut avoir ni le goût ni l'estime: tout ce qui est sérieux lui paraît triste, tout ce qui demande une attention suivie la fatigue; la pente aux plaisirs, qui est forte pendant la jeunesse, l'exemple des personnes du même âge qui sont plongées dans l'amusement, tout sert à lui faire craindre une vie réglée et laborieuse (...) Si elle est de condition, elle est exempte du travail des mains; elle ne travaillera donc que quelque heure du jour, parce qu'on dit, sans savoir pourquoi, qu'il est honnête aux femmes de travailler».– *Fénelon F. De l'éducation des filles // Fenelon F. Op. cit. P. 93, 94.*

поверх ѡ) что неку^а промышляти, намѣрится (поверх и – я) ичи (*sic!*) ѹчинити что. ѹ нея нѣсть ни вкзсз ни велечяние дѣлательныѹ вещей: все, что прилежнѡ дѣлати подокаетъ, печалное чаетъ (на полях – все,) во еже совершенное ищется внимание, е ѿ неудобновываетъ: Приклоненіе к похотамъ, еже в ѿности свирѣпѣетъ, такожде ѿ прикладъ нынѹхъ возраста ея в сѣтныѹхъ вещахъ ѹпрядняющихся, творитъ, какъ да увчиненіи работавиѹ жизни контсѹ (...) Яще она есть ѿ нарочитагѡ чина, прядна бѹдетъ ѿ работы (сверху – 2) рѹковалныѹ (сверху – 1), ни, что здѣлаетъ весь день, точію в часѹ, понеже обыкнетъ [незнающія по что] сказывати, какъ не лѣпо есть женамъ, ничто работати (л. 6 об.).

3.

САР. III.

Von erster Grundlegung der Aufferziehung.

Um allen diesen Ubeln vorzubauen / so ist es ein grosser Vortheil wo man die Erziehung der To^ochter von der zarten Kindheit an anfangen kan: Dieses erste Alter / welches man unbescheidenen / und manchmahl ungeschickten oder unordentlichen Weibern u^oberla^osset / ist das / in welches man die tieffesten Einbildungen bergen kan / und welche folgbar ihre gantze Lebens-Zeit Wu^orkung thun.

Man kan die Kinder / ehe sie recht reden ko^onnen / zur Unterrichtung zubereiten. Man mo^ochte wohl dencken / ich sage zu viel / man bedencke aber nur / was das Kind / das noch nicht reden kan / thue²⁶.

Черновик

Глава ѳ.

Ѳ положеніи первагѡ основанія в во^oпитаніи.

Да бы мы ѹбо пресоблюдаемсѹ ѿ всегѡ таково безчинія, доброе пре^oустройство есть, аще кто во^oпитаніе дочерей ѿ молодыхъ дѣтскихъ лѣтъ зачинати можетъ. Сеи первои возраста, которои безмѣрныи и нѣкогда неключимыи и безчинныи женамъ предаются, таковой есть, в негоже (буквы его написаны поверх ѳм) глѹбочайшии (буквы ии написаны поверх ая) види закрывать, можно есть, иже послѣдocateлнѣ (*sic!*) чрезъ все житіе дѣнствовање свое и^oзавляютъ.

Можно есть дѣти, прежде даже прямо говорити могу^oтъ, на по^oученіе приготовить. Непшдетъ кто, какъ очинь многѡ глѹ: обаче да подѡ (сверху да подѡ – таковой) да подѡмлетъ, что дѣтя, не (сверху не – еще) пряму (сверху – 2) глати (сверху – 3) змѣишы" (сверху – 1; буква ы написана поверх і), дѣлметъ (л. 8).

²⁶ Von der Erziehung der To^ochter. S. 13. Ср.: «Chapitre III. Quels sont les premiers fondements de l'éducation. Pour remédier à tous ces maux, c'est un grand avantage que de pouvoir commencer l'éducation des filles dès leur plus tendre enfance; ce premier âge, qu'on abandonne à des femmes indiscrettes et quelquefois dérégées, est pourtant celui où se font les impressions les plus profondes, et qui, par conséquent, a un grand rapport à tout le reste de la vie.

Avant que les enfants sachent entièrement parler, on peut les préparer à l'instruction. On trouvera peut-être que j'en dis trop: mais on n'a qu'a considérer ce que fait l'enfant qui ne parle pas encore». – *Fénelon F.* De l'éducation des filles // Fenelon F. Op. cit. P. 96.

Итак, как видно из приведенных примеров, перевод Паузе отражает явное стремление воспроизвести текст немецкого оригинала дословно²⁷. Что касается его качества, то, по верному замечанию В.Н. Перетца, перевод Паузе получился не всегда понятным из-за «усилия выразиться точно на мало знакомом языке»²⁸. Другую причину ученый видел в использовании латинской конструкции предложения, что объяснял стремлением переводчика воспроизвести латинский оригинал; он также подчеркивал влияние русского произношения Паузе на его манеру письма²⁹.

Если предположение В.Н. Перетца о латинском оригинале, якобы оказавшем влияние на русский синтаксис Паузе, представляется неубедительным, то с его замечаниями об особенностях перевода, отражавших недостаточное владение новым языком и влияние родного языка, напротив, следует полностью согласиться. В любом случае *Книги о воспитании дочерей*, как и *Златая книжица о гоженни нрав*, представляют собой ценнейший материал для изучения, с одной стороны, деятельности и творчества Паузе, с другой – языковой ситуации Петровской эпохи, в особенности в среде московской немецкой колонии, к которой он принадлежал.

Несмотря на обзорный характер данной статьи, можно подвести некоторые предварительные итоги.

Итак, в начале своей деятельности в Москве Паузе частично перевел трактат Фенелона *De l'éducation des filles*, предназначенный для воспитания юношей и особенно девушек из высших слоев общества. Вопреки прежним предположениям о некоем анонимном латинском оригинале его работы (В.Н. Перетц) нам удалось установить, что на самом деле это был немецкий перевод трактата Фенелона, вышедший в 1698 г. с предисловием А.Г. Франке, бывшего профессора Паузе по университету Галле, одного из вдохновителей и активных деятелей пиетистского движения.

Таким образом, *Книги о воспитании дочерей*, представляя собой важное свидетельство ранних контактов между пиетистским центром в Галле и Россией, обозначают не менее важный этап в истории восприятия творчества Фенелона в России до Третьяковского. Ведь именно

²⁷ Ср., например: «Die Unwissenheit einer Tochter ist Ursach / das sie verdriesslich wird / und nicht weiss / was sie zulaßlich thun sol (...) Die Neigung zum Lußten / welche in der Jugend starck ist / wie auch das Beyspiel anderer ihres Alters / die sich in vergeblichen Dingen auffhalten» (S. 7) – «Невъжество дочери кося есть причина, что она не радаетъ и не въдаетъ, что не возвращеннѣ дѣлати подаетъ. (...) Приклоненіе къ похотамъ, еже въности свирѣпѣетъ, такожде и прикладъ нинухъ возраста ея въ светныхъ вещахъ упраздняющихся (...)» (л. 6 об.); «Man kan die Kinder / ehe sie recht reden koñnen / zur Unterrichtung zubereiten» (S. 13) – «Можно есть дѣти, прежде даже прямо говорити могѣтъ, на побѣненіе приготавлиати» (л. 8).

²⁸ Перетц В.Н. Указ. соч. С. 186.

²⁹ Там же. Влияние произношения Паузе обнаруживается, например, в слове «послѣдодательнѣ», где происходит смешение согласных *б* и *в*, или в форме родительного падежа множественного числа зачеркнутого прилагательного «молотыхъ» вместо «молодыхъ». Подробнее об этом см.: Перетц В.Н. Указ. соч. С. 132; Брагоне М.К. Указ. соч.

этот трактат Фенелона, переведенный в дальнейшем с французского языка под названием *О воспитании девиц*, судя по числу изданий, будет пользоваться немалым успехом у русского читателя второй половины XVIII в. Действительно, после выхода из типографии Сухопутного кадетского корпуса перевода И. Туманского (1763) последовали его переиздания в Санкт-Петербурге (1774) и Москве в Университетской типографии у Н.И. Новикова (1788), а через шесть лет в Тамбове появился новый перевод, выполненный «девицею Надеждою Никифоровою»³⁰.

Рукописный перевод Паузе, созданный в начале столетия, – один из любопытных, хотя и малоизвестных, прецедентов в ряду первых переводов трактата Фенелона *De l'éducation des filles*, присутствие которых в русской культуре стало наиболее заметным во второй половине XVIII в.

Maria Cristina Bragone

**Fénelon in Russia:
On the History of the Treatise *De l'éducation des filles***

The paper deals with Johann Werner Pauze's handwritten translation *Knigi o vospitanii dščerej* dating back to the beginning of the XVIII century. *Knigi o vospitanii dščerej* purported to be a translation of an anonymous text. The present article reveals F. Fénelon's famous treatise *De l'éducation des filles* published in 1687 to be the original source. In fact Pauze's translation is based on the German translation of Fénelon's treatise *Von der Erziehung der Töchter* published in Halle in 1698 with the preface of August Hermann Francke (1663–1727). The paper quotes and compares passages from *Knigi o vospitanii dščerej* and *Von der Erziehung der Töchter*.

³⁰ СК. Т. 3. С. 288. № 7703–7705.

Е.И. ЛЕБЕДЕВА

А.М. БЛЕН ДЕ СЕНМОР И М.Ж. ШЕНЬЕ:
К ИСТОРИИ ОДНОГО ТЕАТРАЛЬНОГО
КОНФЛИКТА*

В годы Французской революции театральная сцена нередко становилась ареной яростных споров не только по эстетическим, но и по общественно-политическим вопросам. Летом–осенью 1789 г. в Париже развернулась ожесточенная борьба за постановку пьесы Мари Жозефа Шенье *Карл IX, или Варфоломеевская ночь*. Ее первое представление стало прежде всего важным политическим событием.

В настоящей статье рассматривается конфликт, столкнувший весной 1789 г. молодого автора *Варфоломеевской ночи* с уже известным драматургом А.М. Блен де Сенмором. Сюжет, составляющий предысторию нашумевшего спектакля, рассматривается на основе хранящихся в архиве Комеди Франсез документов, до сих пор не привлекавших внимания исследователей. Между тем, уточняя обстоятельства сценической истории пьесы Шенье, они обогащают знание о духовной и политической борьбе своего времени. Причем речь идет о конфликте драматургов разных литературных поколений – условно говоря, просветительского и революционного. Это позволяет на конкретном материале проследить, как происходила смена идеологических векторов в бурные годы последнего десятилетия XVIII столетия.

* * *

Адриен Мишель Гиацинт Блен де Сенмор (1733–1807) родился в Париже в буржуазной семье. Он получил хорошее образование в Коллеже кардинала Лемуана, но рано остался без родителей и в молодости был сильно

© Е.И. Лебедева, 2012

* Статья подготовлена в рамках проекта РГНФ № 11-21-17001.

стеснен в средствах. Молодой человек стремился к литературной славе и пробовал себя в разных жанрах: эпиграммы, куплета, поэмы.

Ища связей среди видных членов «литературной республики», Блен де Сенмор как-то написал письмо Вольтеру и неожиданно получил одобрителный ответ в стихах¹. Молодой литератор на всю жизнь сохранил глубокий пиетет к прославленному мэтру французского Просвещения и дорожил перепиской с ним².

Блен де Сенмор стал одним из создателей жанра *героиды* – поэмы на исторический сюжет, построенной в форме посланий. Выпущенный в 1767 г. сборник его *героид* выдержал еще два издания³. Страстный любитель поэзии, литератор с юных лет коллекционировал распространявшиеся в обществе неопубликованные стихи, став в конце концов подлинным знатоком подобного рода произведений. В 1764 г. он выпустил антологию неизданной французской поэзии (с середины XVII в.)⁴, которая имела большой успех. Пользуясь случаем, составитель включил в нее и многие собственные стихи, не указав, впрочем, своего авторства.

Благодаря покровительству кардинала де Берниса, в ту пору посла Франции при Святом Престоле, Блен де Сенмор получил в 1776 г. пост королевского цензора, а чуть позже – хранителя Архива и историографа королевского Ордена Святого Духа. Его обширная и подробная рукопись материалов к истории Ордена сохранилась в Национальной библиотеке Франции⁵.

К концу 1770-х годов Блен де Сенмор достиг известности как поэт, достатка и прочного положения в обществе. Не будучи столь прославлен, как писатели и философы-просветители первого ряда, он, тем не менее, активно способствовал распространению новых идей. Так, именно Блен де Сенмор, публично ратуя за создание системы благотворительности, независимой от церкви, выступил в 1779 г. инициатором создания светского Филантропического общества.

Видимо, благодаря своему достаточно видному положению и хорошей профессиональной и личной репутации Блен де Сенмор становится в начале 1780-х годов парижским литературным корреспондентом русской великой княгини Марии Федоровны, супруги наследника престола. Отправление в Петербург каждые десять дней посланий на четырех лис-

¹ См. письма Вольтера Блен де Сенмору от 23 сентября 1761 г. с благодарностью за присланную поэму *La lettre de Gabrielle d'Estrées à Henri IV* и от 15 декабря 1761 г. со стихотворным отзывом на нее (Best. D 10036, 10211).

² Сделанные рукой Блен де Сенмора копии писем к нему Вольтера и ответов на них хранятся в Национальной библиотеке Франции: BNF Manuscrits, FR nouveaux 13139; NAF 24330.

³ *Blin de Sainmore A.M. Héroïdes ou Lettres en vers*. Paris: Jorry, 1767 (1768, 1774).

⁴ *Élite de poésies fugitives*. Londres [Paris], 1764. 3 vol. В дальнейшем издание продолжалось и составило уже пять томов. Однако составителем двух последних, вышедших в 1770 г., считается литератор П. Люно де Буажермен.

⁵ BNF MSS. NAF 25107.

тах прекратится лишь в 1791 г. и составит много томов, большая часть которых сохранилась⁶.

Наконец, одна из важнейших ипостасей творческой деятельности Блен де Сенмора – театр. Отличный знаток французской классической драматургии, он выпустил в 1764 г. теоретическое сочинение о Корнеле⁷, а в 1768 г. вышло новое трехтомное издание трагедий Расина с подробными комментариями⁸. Как драматург Блен де Сенмор оказался прилежным учеником великих классиков XVII в.

25 сентября 1773 г. на подмостках Комеди Франсез состоялась премьера трагедии Блен де Сенмора на сюжет из древнеегипетской истории – *Орфанис*. Несмотря на некоторую вторичность и переклички с Расином, она демонстрировала талант автора, имела успех у публики и долго сохранялась в репертуаре театра. В последний раз *Орфанис* представляли 17 мая 1788 г. Это был момент острого политического кризиса, вызванного попыткой властей реформировать парламенты и избавиться от оппозиции судейской магистратуры. В этих условиях строки из трагедии – «Aux projets du tyran ici tout est livré. / Ce palais est partout de gardes entouré» – были восприняты публикой как намек на текущие политические события и вызвали шквал аплодисментов, не имевших никакого отношения к самому произведению. На следующий день после спектакля пьеса была запрещена.

Однако в 1773 г. благодаря *Орфанис* Блен де Сенмор сразу превратился в признанного драматурга – успех трагедии намного превосходил тот, что приходился на долю большинства пьес, мелькавших в репертуаре ведущего парижского театра. С 1773 по 1824 г. трагедия переиздавалась по крайней мере пять раз, в том числе в составе репертуарных сборников Комеди Франсез.

Блен де Сенмор считал себя в первую очередь театральным писателем, и, тем не менее, *Орфанис* так и осталась единственным его произведением, увидевшим свет ramпы. Гораздо менее интересная драма *Иоахим, или Триумф сыновнего благочестия* была принята Комеди Франсез и издана⁹, но до сцены не дошла. Судьба же второй трагедии Блен де Сенмора *Изамберга*, о которой пойдет дальше речь, оказалась еще более печальной. Пьеса осталась ненапечатанной, а рукопись ее до сих пор не найдена.

⁶ РГАЛИ. Ф. 1321. Оп. 1. № 1–9. См. также: Лебедева Е.И. История литературной корреспонденции А.М. Блен де Сенмора в Россию // Русско-французские культурные связи в эпоху Просвещения: Материалы и исследования. М., 2001. С. 167–179; *Blin de Sainmore A.M. Correspondance littéraire de Moscou. 1788–1789 / Présentée et annotée par E. Lebedeva avec la collaboration de F. Weil. Genève, 2005.*

⁷ *Blin de Sainmore A.M. Lettre sur la nouvelle édition de Corneille par M. de Voltaire. Amsterdam, 1764.*

⁸ *Racine J. Œuvres avec les commentaires. Paris: Louis Cellot, 1768. 7 vol. (переиздано – 1796).*

⁹ *Blin de Sainmore A.M. Joachim, ou le Triomphe de la piété filiale, drame en 3 actes et en vers, suivi d'un choix de poésies fugitives. Amsterdam, et se trouve à Paris: Delalain, Le Jay, Ruault, Brunet, 1775.*

* * *

Итак, в 1789 г. Блен де Сенмору 56 лет. Он – состоявшийся человек, известный писатель и общественный деятель, отец семейства. Именно в этот момент происходит его столкновение с автором *Варфоломеевской ночи*.

Мари Жозеф Шенье родился в 1764 г. в семье французского консула в Константинополе. Мари Жозеф, как и его старший брат Андре, выбрал литературное поприще. Однако судьба братьев сложилась по-разному. Андре Шенье стал выдающимся поэтом. Презиравший диктатуру, он, как «неблагонадежный» и «подозрительный», погиб на гильотине 25 июля 1794 г. Младший же брат Мари Жозеф Шенье сделал литературную и государственную карьеру, в 1803 г. вошел в число «бессмертных» французских академиков и дожил до 1811 г.

В 1780-е годы матушка братьев Шенье держала в столице модный салон, где ее сыновья могли встречаться с литературной элитой, заводить связи. Вероятно, благодаря этим связям уже в 1786 г. первая трагедия 22-летнего Мари Жозефа – *Аземира* – была поставлена на сцене в Фонтенбло, а затем в Комеди Франсез. Совершенно ходульная и выпренная пьеса успеха не имела¹⁰. Однако важен был сам факт ее постановки на престижных сценах – молодой литератор получил право именовать себя драматургом.

* * *

Трагедию *Изамберга* Блен де Сенмор принес в Комеди Франсез в 1786 г. Согласно регламенту театра она была прочитана несколькими членами его сообщества (*sociétaires*) и одобрена на заседании Комитета театра. Однако принятие пьесы в репертуар не означало ее немедленной постановки, поскольку портфель Комеди Франсез содержал в себе десятки текстов. Своего часа авторам приходилось ждать по нескольку лет. Случались, разумеется, и постановки «вне очереди» – по соображениям конъюнктуры или по желанию какого-нибудь влиятельного лица.

Сюжет пьесы связан с историей неудачной женитьбы в 1193 г. французского короля Филиппа Августа на датской принцессе Ингеборге (у Блена – Изамберга). Король отверг ее на следующий день после свадьбы и вскоре добился от собора епископов Франции аннулирования брака. Ингеборга, впрочем, не согласилась с разводом и апеллировала к папе римскому. Она находилась в заключении, пока наконец в 1223 г. Филипп Август (успевший за это время вступить в новый брак и потерять жену), заинтересованный в союзе с папой, не возвратил ей статус королевы.

¹⁰ О пьесах Шенье см.: *Lieby A. Étude sur le théâtre de Marie-Joseph Chénier*. Genève, 1971.

Сегодня мы располагаем лишь отрывком из *Изамберги* – экспозиционным монологом Филиппа Августа¹¹. По нему можно судить только о стилистике, весьма близкой к опубликованным поэтическим текстам автора, прежде всего трагедии *Орфанис*.

Возможно, Блен де Сенмор предпринимал какие-то усилия для продвижения пьесы, нам известно во всяком случае, что артисты заказывали для себя копии ролей, которые переписывались с рукописи¹². Однако в октябре 1788 г. он сам воспротивился немедленной постановке *Изамберги*, опасаясь повторения истории с запретом *Орфанис*¹³.

Тем не менее уже 25 октября литератор, подробно излагая сюжет *Изамберги* адресату корреспонденции, сопровождает рассказ гневной и не очень внятной тирадой в адрес актрисы Комеди Франсез Франсуазы Розы де Вестрис и известного литературного критика и драматурга Жана Франсуа де Лагарпа, в свое время едко критиковавшего пьесу *Орфанис*. По словам Блена, против него ведут интригу в театре, а Лагарп – литературный корреспондент великого князя Павла Петровича – еще и при русском дворе¹⁴. Очевидно, что вокруг *Изамберги* происходит какая-то возня, но автор пьесы явно надеется, что обстановка изменится и его пьеса в скором времени будем поставлена. В связи с этим он продолжает с удовольствием рассказывать о ней и в следующем своем послании (1 ноября) и, дабы не быть голословным, приводит длинную выдержку из текста.

Драматург, как и многие парижане, пребывал в тот момент в приподнятом расположении духа в связи с предстоявшим созывом Генеральных Штатов; об этом свидетельствуют и тексты его литературной корреспонденции. Однако впереди его ждали глубокие разочарования – как в личном, так и в общественном плане.

О первом мы узнаем из корреспонденции от 14 марта 1789 г. Блен де Сенмор пишет о готовящейся постановке недавно представленной пьесы Шенье *Генрих VIII, или Анна Болейн*, сюжет которой напоминает сюжет *Изамберги*. Драматург возмущается тем, что текст его рукописи ходил по рукам из-за нечестности переписчика – фактически обвиняет своего коллегу в плагиате¹⁵.

Начало конфликта имело предысторию, которая началась в сентябре 1788 г. М.Ж. Шенье представил тогда в Комеди Франсез свою пьесу *Карл IX, или Варфоломеевская ночь*¹⁶, отличавшуюся беспрецедентным обличительным пафосом, направленным против духовенства и монархии.

¹¹ *Blin de Sainmore A.M. Correspondance littéraire de Moscou.* P. 141–143.

¹² 14 марта 1789 г. – *Ibid.* P. 205.

¹³ *Ibid.* P. 134.

¹⁴ *Ibid.* P. 139.

¹⁵ *Ibid.* P. 205.

¹⁶ Впоследствии пьеса называлась в публикациях по-разному: *Карл IX, или Урок королям*, *Карл IX, или Варфоломеевская ночь*.

После того, как 8 августа власти объявили о созыве в 1789 г. Генеральных Штатов, политическая активность в столице резко возросла, появилось множество программных и разоблачительных памфлетов. Тем не менее даже в этих новых условиях всеобщих надежд на скорые перемены, резкой критики монархии и церкви подобная пьеса была еще невозможна на подмостках парижского театра. Регламент Комеди Франсез вообще запрещал изображение на сцене духовных лиц.

Молодому драматургу, однако, непременно нужна была вторая постановка в театре, причем успешная. Можно несколько не сомневаться, что сюжет Варфоломеевской ночи был выбран Шенье после тщательного обдумывания. Публицисты соревновались в высмеивании Людовика XVI, дискредитировании, а часто в демонизировании Марии Антуанетты, шельмовании духовенства. Такое мрачное событие сравнительно недавней французской истории, как резня Варфоломеевской ночи, откровенно перекликалось с актуальными темами дня. При этом Шенье рискнул написать пьесу-памфлет – без привычной для публики любовной интриги и обаятельного женского образа.

Театр отверг *Карла IX*, и Шенье, поняв, что поторопился, немедленно приступил к написанию другой трагедии, обратившись к так сказать «запасному» сюжету из английской истории – *Генрих VIII, или Анна Болейн*. В нем женщины и их любовные коллизии оказались как раз на первом плане, но при этом имелся в наличии и король – образцовый тиран. Не дожидаясь решения цензуры, автор, по-видимому благодаря своим личным связям, добился продвижения пьесы.

Постановка *Анны Болейн* резко уменьшала шансы *Изамберги* на успех и даже вообще ее шансы выйти в обозримом будущем на сцену. В двух произведениях просматривалось слишком много параллелей, чтобы они могли на ней соседствовать. И там, и там речь шла о королях, отвергнувших своих супругов. И там, и там причиной была другая женщина, на которой король намеревался жениться. И тот, и другой подвергали неугодных жен преследованиям; и тот, и другой имели малолетних детей, принимавших участие в событиях.

Этого было вполне достаточно, чтобы вызвать досаду Блен де Сенмора и пробудить у него стремление не допустить постановки *Анны Болейн*. Будучи уверенным, что пьеса Шенье является прямым плагиатом, он направил 16 марта во Французский театр послание с протестом¹⁷:

J'apprends de tous côtés que vous disposez à représenter Henri VIII ou Anne de Boullen et que cette tragédie faite et reçue depuis très peu de tems, offre les ressemblances les plus frappantes avec Isemberge que vous avez reçue en 1786. Des personnes qui connoissent mon ouvrage, m'assurent que, dans

¹⁷ Bibliothèque-musée de la Comédie-Française. Dossier Auteurs. *Blin de Sainmore*. Sous-dossier *Isembèrge, reine de France*. 12 Feuilletts. (Далее: CF, *Isembèrge*). Автограф. Здесь и далее в цитатах сохранена орфография и пунктуация оригинала.

l'un comme dans l'autre, c'est un Roi qui dégoûté de sa femme cherche à s'endébarasser pour en épouser une autre dont il est amoureux. quoique la scene d'Anne de Boullen soit en Angleterre et celle d'Isembèrge en France, il est impossible de ne pas convenir que c'est absolument le même fond.

Ce n'est pas tout: les mêmes personnes m'assurent encore qu'Anne de Boullen, qu'Henri VIII veut sacrifier, est defendue par Jeanne Seymours sa rivale et qu'Elizabeth, encore enfant, vient déchirer sa mère par ses questions et ses caresses. Vous vous rapellez que, dans mon ouvrage, Eugénie de Mery, dont Philippe Auguste est amoureux, s'efforce de toucher ce monarque en faveur de sa femme qu'il veut répudier, et que le Prince Louis, encore enfant, vient désespérer son père en lui redemandant sans cesse Isembèrge.

Je n'examine point ici comment il se peut se faire que dans les ouvrages de deux personnes, qui ne se connoissent point, dont l'un est reçu depuis trois ans et l'autre fait et reçu depuis deux mois au plus, il se rencontre le même fond, et, ce qui est plus étonnant encore, les mêmes moyens. Mais, Messieurs, qu'une si étrange conformité soit l'effet du hazard ou de quelqu'autre cause, ma pièce a été faite et reçue la première, et J'ai le droit de m'opposer à ce qu'aucun ouvrage qui y ressemble et qui est reçu postérieurement soit mis au théâtre avant le mien. En conséquence je m'oppose formellement à la représentation d'Henri VIII ou Anne de Boullen.

Au surplus, Messieurs, il n'est pas vrai, comme on l'a répandu, que ma pièce soit arrêtée par le Gouvernement.

J'ai l'honneur d'être avec les sentimens les plus distingués,
Messieurs,

Votre très humble et très obeissant serviteur
Blin de Sainmore
Rue des Francs bourgeois
St Michel

A Paris le 16 mars 1786¹⁸

P. s. Je vous prie, Messieurs, de vouloir bien m'informer de vos dispositions par un mot de reponse.

В тот же день Блен де Сенмору было отправлено следующее уведомление за подписью одного из членов сообщества:

Monsieur,

La Comédie française me charge d'avoir l'honneur de vous informer qu'elle tiendra cette semaine un Comité dans le quel elle s'occupera de votre réclamation. Elle fait trop de cas de votre personne et de vos talens pour ne pas s'occuper au plutôt d'une chose qui vous intéresse.

J'ai l'honneur ... La Porte
Ce Lundi 16 Mars 1789¹⁹

¹⁸ Под датой помета другой рукой: «Cette date est fausse d'après la lettre même. Lisez 1789. Labitte».

¹⁹ CF, *Isembèrge*. Продиктовано и подписано семенье (дежурным членом Комитета) Ла Портом.

Комитет театра провел заседание незамедлительно, но его результаты оказались не слишком благоприятны для Блен де Сенмора. 18 марта он получил письмо за подписью члена сообщества Дезессара, содержащее выдержку из регламента театра, которая относилась к данному делу:

Monsieur,

La Comédie française assemblée ayant cherché l'article du Règlement qui a rapport à la réclamation que vous vous préparez à faire, vous en envoie la teneur mot pour mot.

Art. VI. (page 97, édition de 1781)

«Si l'auteur consent à céder son tour à un autre, ce qui ne pourra avoir lieu qu'une seule fois, il sera tenu de prendre le rang de celui au quel il aura cédé le sien; mais ce remplacement ne pourra se faire que par des pièce de même genre, et même ne pourra avoir lieu s'il se trouve d'autres pièces reçues antérieurement, dont le sujet soit le même que celui de la pièce qui sortiroit de son rang».

D'après cet article, c'est à vous, Monsieur, à voir si votre réclamation est fondée et à établir les ressemblances qui peuvent exister entre votre ouvrage et celui de M. De Chenier.

La Comédie vous prie de presser ces opérations le plus que vous pourrez, afin qu'elle ne soit point gênée dans le cours des représentations de ses nouveautés.

J'ai l'honneur d'être... Des Ess²⁰

Очевидно, что вопрос не решился однозначно ни в чью пользу; возникли споры. Вероятно, у обоих авторов нашлись сторонники и противники. И на самом деле ситуация не могла представиться членам сообщества театра столь же очевидной, какой она виделась автору *Изамберги*. Видимо, многие члены Комитета просто плохо помнили или вовсе не читали тексты трагедий, которые обсуждались. Ссылки на сходства сюжетных линий не могли, естественно, их убедить. Они нуждались в более явных доказательствах плагиата.

23 марта состоялось заседание всех членов сообщества, на котором Блен де Сенмор выступил с речью, выдающей его раздражение:

Messieurs,

J'ai besoin d'avoir avec vous une explication. Comme il s'agit ici d'une délibération qui intéresse toute la Comédie et que plusieurs d'entre vous pourroient n'en pas connoître exactement l'objet et ignorer ce qui s'est passé, il n'est pas inutile de remettre sous vos yeux et ma lettre et vos reponses. Je vous prie, Messieurs, de m'accorder jusqu'au bout toute votre attention et surtout de nepas m'interrompre. Vous ferez ensuite toutes les observations quil vous plaira.

Lundi dernier 16 de ce mois j'eus l'honneur de vous adresser la lettre suivante:

(la lettre du 16 mars)

²⁰ Ibid. Продиктовано и подписано семень Дезессаром.

L'assemblée a été frappée de ce rapprochement et de la justesse de ma réclamation. Le meme jour je reçus la reponse infiniment honnete que j'avais vous lire.

(la réponse du 16 Mars)

Deux jours après, on me fit parvenir le resultat du Comité annoncé dans la lettre précédante et qui nemeparoit pas²¹ rédigé dans le même esprit. Voici ce resultat.

(la lettre du 18 Mars)

La dernière partie de l'article cidessus est totalement en ma faveur. D'après cela j'attendois une décision conforme à ce reglement et à ma reclamation; mais au contraire, on me demande de voir si ma reclamation est fondée et d'établir les ressemblances, comme je n'avais pas fait tout cela de la maniere la plus claire dans ma lettre.

Dans une circonstance toute semblable, feu M. De Belloi reclama pareillement pour Zelmire contre Eponine²², et la Comédie ne balança pas à lui donner toute satisfaction. Comme mademande est aussi juste que celle de M. De Belloy, et que depuis les principes d'équité n'ont point changé, j'espere que la Comedie fera aujourd'hui ce qu'elle a fait autrefois.

Enfin, Messieurs, la question se réduit à deux points: les ressemblances existent ou n'existent point. Si elles existent, vous medevez justice et le reglement vous prescrit la maniere de me la rendre. En consequence pour me tranquiliser et assurer ma propriété, vous ne pouvez vous refuser de me remettre à l'instant une declaration conçue en ces termes et signée par vos deux Semainiers.

«En vertu de la juste reclamation de M. Blindesainmore, auteur de la tragedie d'Isemberge, et de l'oppositions quil a formée entre nos mains a la représentation d'Anne de Boullen ou Henri VIII en date de 16 mars 1789, nous promettons de ne point mettre au théâtre cette dernière tragédie avant la sienne. Faite en notre assemblée en presense même de M BlindeSainmore, à Paris le 23 Mars 1789. Signée par les deux Semainiers».

Si les ressemblances n'existent pas; si Jeanne Seymours ne defend pas sa rivale comme Eugenie de Mery et qu'Elisabeth encore enfant ne joue pas dans Anne de Boullen le même role que le jeune Louis VIII dans Isemberge, il faut me détromper, et jusqu'à ce que je sois bien positivement détrompé je persisterai plus que jamais dans ma reclamation et dans mon opposition. Pour medétromper, il n'est qu'un moyen, c'est de me remettre à l'instant l'écrit suivant signé par vos deux semainiers et par tous ceux qui sont présens à cette assemblée et qui ont assisté à la lecture d'Anne de Boullen.

«Nous certifions que les ressemblances établies dans la lettre de M. BlindeSainmore en date de 16 Mars 1789 n'existent pas entre Anne de Boullen et Isemberge; et sa reclamation n'étant nullement fondée, nous sommes autorisés, malgré son opposition, à ne pas retarder la representation d'Anne de Boullen ou Henri VIII. Fait en notre assemblée enpresense même

²¹ Над строкой вставлено: «tout à fait».

²² *Зельмира* – пьеса Пьера Лорена Дормона де Блуа (1727–1775) – поставлена в Комеди Франсез в 1762 г. *Эпонина* – трагедия Мишеля Поля Ги де Шабанона (1730–1792) – поставлена в том же году.

de M. BlindeSainmore à Paris le 23 Mars 1789. Signée par les deux semainiers et par ceux qui ont assisté a la lecture d'Anne de Boullen».

Comme je ne peux vous supposer l'intention²³ abusive et malhonnete de me promener d'incertitudes en incertitudes et qu'il faut enfin que je sache promptement à quoi m'en tenir, c'est à vous, Messieurs, à choisir celle de ces deux declarations que vous croirez la plus convenable²⁴ à la verité. Ce choix ne peut être ni long ni difficile. Vous ne pouvez vous refuser à l'une de ces deux propositions. Je meretire pourlaisser délibérer à ce sujet et J'attends ici près votre reponse. A Paris le 23 Mars 1789 BlinDeSainmore²⁵.

Фактически драматург повторяет свои доводы о сходстве некоторых сюжетных ходов в двух пьесах. Собрание, однако, не принимает требуемого им решения, а постановляет провести совместное чтение двух пьес.

Блен де Сенмор (как и Шенье) не возражает, однако, на следующий день пишет семье Дюнану следующее:

Depuis que j'ai eu l'honneur de vous informer, Monsieur, que j'acceptois la proposition de la Comédie pour la mettre en état de juger des ressemblances qui se trouvent entre Isemberge et Anne de Boullen, en relisant devant elle ces deux ouvrages, j'ai fait une reflexion toute simple. Je viens d'apprendre que la tragedie d'Anne de Boullen n'étoit pas encore approuvée. Il pourroit se faire quelle essayat des difficultés et meme qu'elle ne passât pas à la censure. Alors jedonnerois unepeine inutile à la Comédie en la faisant assembler pour une lecture aussi fatigante que l'est celle de deux pièces en cinq et j'ai cru devoir lui épargner une pareille corvée. Dans le cas où Anne de Boullen seroit revetue d'une approbation et seroit en état d'être mis au théâtre, je reclamerois alors la proposition que la Comédie assemblée m'afait hier et je subirois sans difficulté le nouvel examen²⁶ quelle croit necessaire pour établir les ressemblances avec connoissance de cause.

Je vous prie, Monsieur, de vouloir bien faire part à la Comédie de ma nouvelle resolution.

J'ai l'honneur d'être très parfaitement, Monsieur, votretreshumble et très obéissant serviteur

BlindeSainmore

A Paris ce Mardi le 24 Mars 1789

A cinq heures du soir²⁷.

29 апреля датировано письмо М.Ж. Шенье в Комеди Франсез, касающееся претензий Блен де Сенмора. Разумеется, он отмечает какие бы то ни было обвинения в плагиате и настаивает на трактовке регламента в свою пользу:

²³ Над строкой вставлено: «abusive et malhonnete».

²⁴ Слово «convenable» зачеркнуто и снова вставлено над строкой.

²⁵ CF, *Isemberge*. Discours à MM. les comédiens françois enleur assemblée le 23 mars 1789. Автограф.

²⁶ Зачеркнуто: «qui devi...».

²⁷ CF, *Isemberge*. Автограф. На обороте листа – адрес: «A Monsieur / Monsieur Dunant Semainier pour remettre à Messieurs les Comédiens françois / Au théâtre françois».

Personne n'a le droit d'expliquer une loi, il faut s'en tenir aux termes. Le sujet d'Isemberge ne saurait être le même que celui d'Anne de Boulen. Pour que le sujet de deux Pièces fut le même, il faudrait que, dans les deux pièces une Reine, une Mere, une Epouse fut persécutée par un époux tyrannique, accusée d'inceste et d'adultère, traduite en jugement devant des juges corrompus, condamnée et livrée au dernier supplice. Voilà ce qui constitue le sujet de Henri VIII. Les accessoires de la Pièce, quoiqu'entièrement conformes à l'histoire, ne forment point le sujet, puisque le sujet peut exister sans eux. À moins que l'auteur d'Isemberge n'ait étrangement falsifié l'histoire, il est impossible qu'il y ait entre sa Pièce et la mienne, je ne dit pas une parfaite identité, mais même des ressemblances marquées. Philippe Auguste ne peut être représenté comme un tyran perfide et cruel. Philippe Auguste n'a point aimé Isemberge. Philippe Auguste n'a jamais eu d'enfants de cette Reine; elle n'a jamais été accusée d'inceste ni d'adultère; elle n'a jamais été traduite en jugement, condamnée par un Tribunal vendu à son époux; elle n'est point morte sur un échafaud.

Il est très évident qu'il ne saurait y avoir de ressemblances marquées entre les deux Pièces dont il s'agit. Mais, quand il y en aurait, on pourrait encore s'étonner de voir s'élever une contestation sur ce sujet. L'auteur du Règlement a prévu sans doute qu'en parlant seulement de ressemblances marquées, il ouvrirait une carrière immense aux opinions arbitraires. En fait des ressemblances, il y a autant d'avis que d'individus; il est très peu de Pièces, ou, pour mieux dire, il n'en est point qui n'ait, en quelque partie, des ressemblances avec d'autres Pièces.

Si deux personnes avaient traité le sujet d'Isemberge ou d'Anne de Boulen, quelque différence qu'il y eut entre les deux Pièces, le sujet serait le même, et la réclamation serait fondée. Si ma Pièce était entièrement d'imagination, la réclamation pourrait mériter quelque égard, et il y aurait lieu à délibérer. Mais ma pièce est fondée sur un fait historique, au fonds du quel je n'ai presque rien ajouté. Je suis très convaincu qu'il ne saurait y avoir de ressemblances marquées entre les deux Pièces; mais quand elles y seraient, ce qui est impossible, le sujet d'Isemberge ne serait pas encore le même sujet que celui d'Henri VIII. Il n'y a pas même lieu à délibérer. Les termes du Règlement sont formels: la Comédie française n'a pas certainement un droit qu'aucun Tribunal ne s'arroge, celui d'interpréter une loi²⁸.

На самом деле, никак нельзя считать сюжеты *Изамберги* и *Анны Бюлейн* одинаковыми. История Генриха VIII отличается от истории Филиппа Августа. Трудно спорить и с тем, что в пьесах о неудачных браках королей в принципе могут содержаться сходные мотивы. Получается, что протест Блен де Сенмора основан на весьма шатких аргументах.

В досье М.Ж. Шенье и А.М. Блен де Сенмора в архиве Комеди Франсез хранятся еще два документа, касающиеся рассматриваемого дела.

Первый – это неподписанная справка «Sur la contestation entre M. Blin de Sainmore et M. Chevalier de Chenier pour leurs tragédies d'Isembèrge et

²⁸ Bibliothèque-musée de la Comédie-Française. Dossier Auteurs. *Chenier Marie-Joseph de*. Sous-dossier *Henri IV*. Копия.

д'Anne de Boullen ou Henri VIII», датированная 11 апреля 1789 г.²⁹ Она составлена в том же духе, что и текст Шенье, содержит в себе исправления, варианты и уточнения формулировок. Возможно, это проект заключения по делу, продиктованный кем-то из семенье:

M. Blin de Sainmore ne persuadera à personne que les sujets de deux Tragédies sont les mêmes³⁰: Il aurait fallu pour que la discussion fut dans le cas prévu par le Règlement, que les deux Contendants eussent traité, l'un et l'autre, le sujet d'Isemberge ou le sujet d'Anne de Boulen, sous des dénominations quelconques; ce qui n'est pas.

La Comédie ne peut donc délibérer sur cette contestation: son Règlement a prononcé.

Il pourrait arriver qu'un Auteur eut traité un sujet d'invention, dont les caracteres des personnages, les moyens et la catastrophe seraient les mêmes que ceux d'un sujet historique ou factice traité par un autre auteur; alors ces deux pièces pourraient être³¹ soumises à la loi du Règlement.

Les sujets d'Isemberge et d'Anne de Boulen sont historiques: ils ne sont, ils ne peuvent être les mêmes, donc la contestation élevée par M. Blin de Sainmore n'est point fondée³².

On dira peut-être que deux auteurs peuvent traiter en même tems le même sujet sous des dénominations différentes. Cela est impossible: le hasard ne produit pas de pareils phénomènes, et il n'y en a point d'exemple: la diversité des moyens, celle des caractères des personnages, enfin la différence des génies des Auteurs y mettront toujours une dissemblance frappante; à moins qu'un Auteur n'ait escamoté l'ouvrage de l'autre. Ces Messieurs sont trop recommandables, trop nobles et trop honnêtes pour qu'on ôse même les soupçonner d'un si lâche attentat.

Mais on a vu³³ des Auteurs traiter le même fonds de sujet dans des Pièces qui se sont succédées³⁴. Cela n'est point défendu: il est permis à l'art de perfectionner et d'embellir l'art, ou d'échouer dans son entreprise. C'est ainsi que Mérope a été donnée après Amasis; Oreste après Electre, Rome sauvé après Catilina; enfin Semiramis de Voltaire après celle de Crébillon³⁵.

²⁹ Ibid.

³⁰ На левом поле вставлено: «les sujets d'Isemberge et d'Anne de Boulen sont historiques; ils ne sont, il ne peuvent être les mêmes».

³¹ Зачеркнуто: «seraient».

³² Зачеркнуто: «dans le cas prévu par le Règlement».

³³ На левом поле вставлено: «(on peut observer que l'on a vu et que l'on verra)».

³⁴ Между строк вставлено: «dans de grands intervalles».

³⁵ *Амасис* – трагедия Жозефа де Лагранж-Шансея, впервые представленная публике 13 декабря 1701 г.; *Меропя* – трагедия Вольтера, впервые показанная 20 февраля 1743 г. *Электра* – трагедия Бернара Илэра де Лонпьера поставлена 22 января 1702 г.; *Орест* – трагедия Вольтера – поставлена 12 января 1750 г.; *Катилина* – трагедия Клода Проспера де Кребийона, увидевшая свет рампы 12 декабря 1748 г.; *Спасенный Рим* – трагедия Вольтера, премьера которой состоялась 24 февраля 1752 г. Трагедия Кребийона *Семирамида* была впервые показана зрителям 10 апреля 1717 г., а одноименная трагедия Вольтера на тот же сюжет – в 1748 г.

Второй документ – проект письма Блен де Сенмору от 29 марта 1789 г. – написан от имени одного из семенье:

Monsieur,

La Comédie française assemblée me charge d'avoir l'honneur de vous répondre qu'elle aurait vivement désiré trouver des moyens de conciliation entre vous et M. de Chenier; mais que forcée par les réclamations de ce derniers, à se renfermer dans les termes précis de son Règlement, et ces termes n'étant susceptibles d'interprétation qu'en faveur de la conformité de sujet seulement, il lui est impossible de recevoir votre opposition à la représentation de la tragédie d'Anne de Boulen en faveur d'Isemberge.

J'ai l'honneur... de Ah

Le 29 mars 1789³⁶.

Очевидно, что Блен де Сенмор проиграл дело. Театр отверг его возражения на том основании, что сюжеты обеих пьес на самом деле различные. Прямого текстового плагиата, конечно же, не было. Если бы в рассматриваемых пьесах существовали еще какие-то совпадения, кроме указанных Блен де Сенмором, нет сомнения, что он расписал бы их подробнейшим образом. Однако он этого не сделал.

Существовало, видимо, какое-то трудноуловимое сходство, раздражавшее старшего автора и его друзей, но практически незаметное всем прочим. Остается неизвестным, имело ли место на самом деле знакомство Шенье с рукописью Блена перед написанием *Анны Болейн*. Исключить этого нельзя. Поведение молодого драматурга в истории постановки *Карла IX* (а также во время революции) позволяет предполагать, что при разборе дела он был способен скрыть факт такого знакомства. Но могло быть и так, что вращавшийся в театральных кругах Шенье какое-то время назад что-то слышал о пьесе Блена, даже видел какой-то список, но успел об этом забыть. А потом подмеченные там приемы просто выплыли из подсознания писателя в момент работы над *Анной Болейн*. Произошло бессознательное заимствование некоторых поворотов сюжета, основанное на сходстве реальных историй. Не исключено, наконец, что сходство поступков персонажей в обеих трагедиях обусловлено общей человеческой природой и вечным сценарием любовного треугольника.

Сопоставление обеих пьес, возможно, несколько прояснило бы вопрос о плагиате, но при отсутствии текста *Изамберги* вынести окончательное суждение не представляется возможным. Так или иначе, конфликт сошел на нет, не будучи по сути дела разрешен: формального решения Комитета театра так и не было принято. Жизненные пути Блен де Сенмора и Шенье никогда больше не пересекались.

³⁶ «Modèle de la lettre à M. Blin de Sainmore du 29 Mars 1789». – CF, *Isemberge*.

* * *

Любопытно проследить, что происходило с участниками конфликта непосредственно после того, как он утратил свою актуальность.

Как уже говорилось, автор *Изамберги*, подобно многим просветителям, придерживался умеренных монархических взглядов и ожидал благотворных и мирных общественных перемен. До сих пор весьма далекий от политики, весной 1789 г. он оказался вовлечен в водоворот революционных событий. В конце апреля, через месяц после истории с *Изамбергой*, Блен де Сенмор стал членом собрания выборщиков депутатов Генеральных Штатов от третьего сословия Парижа (дистрикт Сент-Андре-дез'Ар) и комиссии по составлению наказа³⁷. На этом поприще он продолжает свою деятельность организатора светской благотворительности. В протоколах заседаний собрания содержится его записка с предложением освободить от податей беднейшую часть населения столицы, разверстав их на всех остальных горожан³⁸. Своим запросом, хотя и не имевшим никаких последствий, Блен де Сенмор на деле способствовал расширению полномочий собрания, превращению его в орган парижского самоуправления. Этот процесс активно шел в мае – июне, когда собрание, призванное по регламенту составить список депутатов, все более активно вмешивалось в повседневное администрирование. В зале заседаний выборщиков складывался прообраз парижского муниципалитета, так же как в зале заседаний Генеральных Штатов – Национального собрания.

Однако Блен де Сенмор, хотя и участвовал в этом процессе на первом этапе, вскоре от него совершенно отстранился. Реальные события все сильнее вступали в противоречие с его мечтами. Реформатора-просветителя не устраивало агрессивное противостояние оппозиции с властью, его коробил развязный тон критики в адрес монархов. Подробно рассказывая в литературной корреспонденции обо всех кровавых эксцессах весны – лета 1789 г., Блен не перестает удивляться, что за «злонамеренный дух» обуял французов, обычно столь уравновешенных, благодушных и рассудительных. Ответа он не находит, однако углубление раскола, вместо ожидавшегося единения, все сильнее ввергает в уныние автора *Изамберги*.

Разлад и взаимное непонимание приходят и в любимый им Французский театр. В 1791 г. группа радикально настроенных артистов театра уходит играть на улицу Ришелье и вскоре образует там новый Театр Нации, а затем Театр Республики. Происходящее в Комеди Франсез становится Блен де Сенмору все более чуждым и непонятным. Ему при-

³⁷ *Blin de Sainmore A.M. Correspondance littéraire de Moscou. P. 226.*

³⁸ AN. B/A 61–86. Procès-verbaux des assemblées électorales des trois ordres, cahiers de doléances, lettres, mémoires, classés par baillages ou sénéchaussées et juridiction assimilées (1788–1790). Ville et faubourg de Paris; B/A 64A. Liasse 1. Tiers état. Mémoires privés présentés au corps de ville. Pièce 42. Proposition.

шлось смириться, что его пьесы не идут на сцене, а пьесы Шенье, в том числе и *Анна Бoleyн*, имеют успех у революционной публики.

Молодой драматург успел сделать в первый год революции более чем убедительную театральную карьеру. И помогла ему в этом, разумеется, пьеса о Варфоломеевской ночи. Уже 19 июля 1789 г. Шенье неожиданно обратился в театр с просьбой приостановить постановку *Анны Бoleyн*. Мгновенно отреагировав на происходящие события, он уже досочинил и вставил в трагедию *Карл IX* 16 новых строк с упоминанием штурма *бастий*, оплотов тирании, – то был точный расчет на непосредственную реакцию парижской публики.

Свою не допущенную на сцену пьесу Шенье опубликовал еще в конце 1788 г. Конечно, она погрузилась в море памфлетной литературы, выходившей в то время. Вместе с тем уж очень «к месту» был сюжет, к тому же пьеса была написана бойким стихом. Косвенным свидетельством успеха публикации *Карла IX* можно было бы назвать знаменитое восклицание Камилла Демулена об угрозе «Варфоломеевской ночи для патриотов», которое прозвучало в его речи 12 июля 1789 г. Впрочем, скорее, все было наоборот: пламенная речь Демулена в Пале Рояле навела Шенье на мысль, что пора добиваться постановки своей пьесы.

Обострив и без того шокирующий текст строками на злобу дня, драматург еще выпустил брошюру *О свободе театра во Франции* и организовал публичную кампанию по продвижению *Карла IX* – летом 1789 г. сделать это было нетрудно. Требование о немедленной постановке пьесы Шенье прозвучало в Комеди Франсез из зрительного зала во время спектакля.

Сама история так называемой борьбы за *Карла IX* давно описана и хорошо известна. Это был один из самых ярких сюжетов на парижской революционной сцене³⁹. Первое представление, состоявшееся 4 ноября, стало настоящей антимонархической демонстрацией и, конечно, способствовало нагнетанию страстей. Шенье в одночасье превратился из начинающего автора в признанного мэтра – новатора и патриота.

В течение нескольких месяцев пьеса имела беспрецедентный успех, и вслед за ней, естественно, на сцену вышли *Генрих VIII* и другие сочинения драматурга. Он принялся также писать тексты революционных гимнов и сценарии революционных праздников. В отличие от своего старшего брата Мари Жозеф никогда не проявлял подозрительных колебаний в правильности поведения властей предрежащих.

В архивном досье Блен де Сенмора сохранился еще один документ, в котором встретились названия трагедий *Изамберга* и *Анна Бoleyн*. Это ответ драматурга на запрос театра, касающийся денежных условий постановки его пьес:

³⁹ См., например: *Dreyfous M. Les arts et les artistes pendant la période révolutionnaire (1789–1795)*. Paris, 1911. P. 290–304 (Ch. V: «Les arts de théâtre»); *Державин К. Театр Французской революции. 1789–1790*. М., 1932. С. 67–76.

Messieurs⁴⁰,

Je vous ai promis une reponse aux propositions que vous m'avez faites dans votre comité quelques jours avant les vacances et il est juste que je tiennne ma parole.

Je vous dirai dabord qu'il est beaucoup plus intéressant que vous ne pensez et pour vous et pour moi de représenter dans ce moment la tragédie d'Isemberge; 1°. parce que la concurrence avec Henri 8 doit nécessairement piquer la curiosité du Public; 2°. Parce qu'il y a une scene entre Philippe-Auguste et un ambassadeur du Pape, laquelle dans les circonstances ne peut manquer de produire quelqu'effet. En outre, je me plais à croire qu'avec l'aide de vos talens, le Public pourra partager à la représentation l'interet que vous avez generalement témoigné lors que je vous en ai fait lecture.

En conséquence si vous voulez donner tout de suite cette tragédie, voici les propositions, Messieurs, que j'ai l'honneur de vous faire.

Je souscirai aux conditions pécuniaires qui seront concertées entre vous, Messieurs, et les commissaires de la société dramatique, et du moment où ma pièce aura été jouée, j'attendrai que les arrangemens soient terminés au gré des deux parties pour disposer des honoraires qui pourront me revenir. Je vous abandonnerai volontier le droit de jouer seuls ma piece dans Paris pendant ma vie et cinq ans après ma mort sous la condition expresse que si dans la nouveauté elle a de suite douze representations au-dessus de 2000 lt⁴¹, vous la donnerez au moins quatre fois tous le ans, c'est à dire, une fois tous les trois mois pendant ma vie et cinq ans après, et que si de votre coté ses conditions ne sont pas exactement remplies, je rentrerai sur le champs dans tous mes droits naturels et je serai libre de la donner à tel théâtre de Paris que je jugerai à propos.

Si enfin vous aimez mieux un arrangement plus simple et moins embarrassant ; vous avez à moi deux tragedies et un Drame, Orphanis qui a été jouée, Isemberge reçue depuis cinq ans et les trois freres⁴² drame en trois actes reçu depuis trois ans, je vous abandonnerai ces trois ouvrages en toute propriété, en me donnant des a present une somme de vingt mille livres comptant.

Voyez, Messieurs, à vous décider sur l'une de ces deux propositions, et faites-moi connoître promptement, je vous prie, vos intentions.

J'ai l'honneur d'être avec les sentiments les plus distingués,
Messieurs,

Votre très humble et tres
obéissant serviteur
Blindesainmore

Rue des Francs bourgeois, N° 133.

A Paris le 30 may 1791⁴³

⁴⁰ На верхнем поле другой рукой: «à Paris le 30 Décembre 1789».

⁴¹ Для сравнения: сборы от трагедии *Карл IX* на первом представлении 4 ноября 1789 г. составили 5018,3 ливра; 5 ноября – 4411,7 л.; 7 ноября – 4876,9 л.; 10 ноября – 4974,15 л.; 12 ноября – 4927,16 л. Представление *Безумного дня, или Женидьбы Фигаро* 18 декабря 1789 г. принесло 2345,1 ливра, а, например, спектакль 2 марта, когда были представлены *Скупой* и *Жорж Данден* Мольера, – 404,14 ливра (Bibliothèque-musée de la Comédie-Française. R 155: Régistres journaliers. 1789–1790).

⁴² Имеется в виду драма Блен де Сенмора *Иоахим, или Триумф сыновнего благочестия*.

⁴³ CF, *Isemberge*. Автограф.

Таким образом, теперь писатель надеется, что публика оценит его трагедию *Изамберга* и отдаст ей предпочтение, если сможет сравнить ее с *Анной Болейн*.

Революция подорвала основы материального благополучия писателя: в связи с прекращением выплат содержания по должностям, пенсий, а также обесцениванием сбережений он испытывает серьезные денежные затруднения⁴⁴. В попытке продать все пьесы театру за 20 тыс. ливров сквозит едва ли не отчаяние. Однако и театр находился в тот момент далеко не в лучшем положении. Так или иначе, в вышеприведенном письме Блен де Сенмора от 30 мая 1791 г. сохранилась вложенная записка с предписанием составить ответ автору с отказом от всех его предложений⁴⁵.

Изамберга так никогда и не была поставлена, другие пьесы Блена тоже больше не шли на сцене театра, а сам он был стремительно отодвинут с арены театральной и общественной жизни. Этот типичный интеллигент конца Старого порядка совершенно не вписывался в революционную реальность, не понимал и не принимал ее.

Впрочем, оказавшись в тени, Блен де Сенмор тихо, но сравнительно спокойно выживал в течение всех лет революции. Он не стал жертвой доноса, не подвергался заключению. В какой-то мере он даже преодолел тяжелый духовный кризис. Конечно, время его триумфов безвозвратно прошло. Но в 1798 г. он принимает предложение написать *Историю России* для широкого читателя, что с успехом и делает, основываясь на классическом сочинении П.Ш. Левека⁴⁶. Он активно переводит с древнегреческого, а в 1805 г. получает пост хранителя во вновь созданной Библиотеке Арсенала. Там он с энтузиазмом занимается каталогизированием богатейших библиотек, которые принадлежали закрытым во время революции монастырям. В Библиотеке Арсенала хранятся разрозненные бумаги, связанные с каталогами тех лет, среди которых – записки, сделанные рукой Блена. Эта его деятельность была прервана скорострительной смертью 27 сентября 1807 г.

Молодой же драматург Мари Жозеф Шенье выстраивал в годы революции свою судьбу литератора нового поколения, быстро сменявшего старых классицистов-просветителей. Он не стал крупным поэтом и драматургом, однако сумел прославиться. Уверенный в себе и не слишком щепетильный, он успешно ориентировался в кризисных обстоятельствах. В какой-то мере Шенье проявил эти качества в конфликте с

⁴⁴ В литературе встречается информация о материальной помощи в размере двух тысяч экю, выплаченных великой княгиней Марией Федоровной своему корреспонденту во время революции (см., например: Blin de Sainmore // *Biographie universelle, ancienne et moderne*. Paris, 1811. Т. 4. P. 583).

⁴⁵ Cf. *Isembèrge*.

⁴⁶ *Blin de Sainmore A.-M. Histoire de la Russie, représentée par figures, accompagnées d'un précis historique / Les figures gravées par F.-A. David, d'après les dessins de Monnet, le discours par Blin de Sainmore*. Paris: David [impr. De Boiste], 1798–1799. 2 vol.

Блен де Сенмором и уже полностью продемонстрировал их в борьбе за постановку пьесы о Варфоломеевской ночи. В новые беспокойные времена оказывались востребованными и быстро выходили на первые роли, в том числе и в литературе, именно такие люди.

Конечно, переиграть этого напористого энергичного деятеля, которому предстояло в ближайшие годы стать одним из главных певцов революции, у Блен де Сенмора не было ни малейших шансов. В культуре, как и в политике, происходил разлом, резкая смена поколений, между которыми открывалась пропасть.

Однако прошли годы; страсти улеглись. И стало заметно, что яркая слава драматурга и поэта Мари Жозефа Шенье оказалась даже менее долговечной, чем в свое время успех и положение в литературе Адриена Мишеля Блен де Сенмора. Сегодняшняя известность Шенье – другого рода. Он обрел ее как активный участник революции. А его литературная карьера оставляет ощущение конъюнктурности и неприятный привкус обычного карьеризма.

Elena Lebedeva

**A.-M. Blin de Sainmore et M.-J. Chénier:
à propos d'un conflit théâtral**

L'article est consacré au conflit qui a eu lieu au mois de mars 1789 au sein de la Comédie Française entre deux dramaturges: A.-M. Blin de Sainmore (1733–1807) et M.-J. Chénier (1764–1811). Blin a accusé son confrère d'avoir utilisé le fonds de son œuvre *Isembèrge*, écrite et reçue par la Comédie en 1786, en composant sa tragédie *Henri VIII ou Anne de Bolleyn* (1788). Le théâtre se proposait de mettre en scène la tragédie de Chénier avant la pièce de Blin, ce qui révoltait ce dernier. Blin de Sainmore a protesté contre cette décision; Chénier tâcha de prouver que le sujet d'*Henri VIII* était tout à fait différent de celui de son adversaire et que les similitudes avaient pour cause la ressemblance des situations. Le théâtre prit le parti de Chénier. Le conflit étudié s'inscrit dans l'histoire de la mise en scène de l'autre pièce de Chénier – la célèbre tragédie *Charles IX*, dont la première représentation en novembre 1789 devint une grande manifestation politique révolutionnaire. En même temps le sujet présenté donne l'exemple marquant d'une collision entre un écrivain de la génération des Lumières et un autre de la génération révolutionnaire. L'article est basé sur les fonds des Archives de la Comédie Française.

НОВЫЕ КНИГИ, РЕЦЕНЗИИ, БИБЛИОГРАФИЯ

ZABOROV P. VOLTAIRE DANS LA CULTURE RUSSE / AVEC LES SOINS DE GEORGES DULAC. TRAD. DE MARINA REVERSEAU REVUE PAR JACQUES PRÉBET. FERNEY-VOLTAIRE: CENTRE INTERNATIONAL D'ÉTUDE DU XVIIIe SIÈCLE, 2011. 351 p.

Имя Петра Романовича Заборова хорошо известно специалистам, изучающим век Просвещения. Ученик академика М.П. Алексева (рецензируемое издание посвящено памяти учителя), петербургский ученый давно и успешно разрабатывает вольтеровскую тему в истории русской культуры. С 1960-х годов регулярно выходят его работы, посвященные «русскому Вольтеру». Библиографический указатель *Вольтер в России* (1995), в издании которого П.Р. Заборов принимал непосредственное участие, зафиксировал более двух десятков его работ на эту тему¹. Статьи петербургского литературоведа продолжали выходить и после 1995 г., как в России, так и во Франции². Книгу *Вольтер в русской культуре*, изданную Международным Центром по изучению XVIII века в Фернее, можно рассматривать как определенный итог в изучении давно заявленной темы, а также как знак международного признания заслуг автора.

П.Р. Заборов ставит целью проследить судьбу сочинений Вольтера в России с середины XVIII в. до наших дней. Речь идет о переводах вольтеровских текстов на русский язык, об оценках сочинений Вольтера русскими критиками, о постановках его пьес в России и о других проявлениях отношения к фернейскому мудрецу в русском обществе, которые свидетельствуют о роли сочинений Вольтера в русской культуре на разных этапах ее исторического развития.

© С.А. Мезин, 2012

¹ См.: Вольтер в России. Библиографический указатель, 1735–1995. Русские писатели о Вольтере (Стихотворения, статьи, письма, воспоминания). М., 1995. С. 286.

² См., например: Zaborov P. Ferney vu par les Russes // Cahiers Voltaire. Revue annuelle de la Société Voltaire. Ferney-Voltaire, 2003. N 2. P. 63–71; Заборов П.Р. Вольтер и Ж.-Ж. Руссо в русской культурной жизни 1920-х гг. // XX век. Двадцатые годы. СПб., 2006. С. 5–40.

Литературоведческие аспекты темы, конечно, составляют сердцевину исследования П.Р. Заборова. Автор пытается определить степень распространённости различных сочинений Вольтера в образованном русском обществе, тщательно выявляет переводы его текстов (в том числе рукописные), отдельно рассматривает особенности распространения в России драматических, поэтических и прозаических сочинений французского автора. Оценивается художественный уровень и адекватность переводов. Существенное место занимают театроведческие сюжеты: раскрывается не только литературное качество пьес, но и особенности постановки, игра актеров, анализируются отклики в печати. Литературная полемика со знаменитым французом также привлекает внимание исследователя.

Как отмечает сам автор, исходным моментом нового издания является его книга *Русская литература и Вольтер*³, текст которой дополнен, уточнен и исправлен, а главное – продолжен хронологически. Три главы первого издания («Эпоха Просвещения», «От классицизма к романтизму», «Романтическое движение») дополнены двумя новыми: «От эпохи реализма к “серебряному веку” (от 1840-х годов до революции 1917)» и «Советский период». Новая книга П.Р. Заборова снабжена подробным библиографическим списком, а также именным и предметным указателями, что делает более удобной работу с научным изданием.

Однако следует признать, что именно во второй половине XVIII и в первой трети XIX в. творчество Вольтера было животворящим началом для русской культуры. На этот период приходится наибольшее количество переводов из Вольтера, многие из которых принадлежали выдающимся русским авторам – В.К. Тредиаковскому, М.В. Ломоносову, А.П. Сумарокову, Д.И. Фонвизину, Я.Б. Княжнину, А.Н. Радищеву и др. Особой популярностью пользовалась драматургия Вольтера. Ценили в России и его поэтический талант, отмечает П.Р. Заборов, но стихи переводились меньше. За короткий период русские читатели познакомились также с прозаическими, историческими и публицистическими сочинениями великого француза. Огромной популярностью пользовались его философские повести и романы. Впрочем, триумфальный вход Вольтера в русскую литературу не исключал ни искажения оригинальных текстов французского автора, ни полемики с ним. Социальная острота сочинений Вольтера, широта его этических взглядов, его боевой антиклерика-

³ Заборов П.Р. Русская литература и Вольтер. XVIII – первая треть XIX века. Л., 1978. Книга вызвала целый ряд положительных откликов в зарубежной печати: *Mervaud Ch., Mervaud M.* // *Revue d'Histoire Littéraire de la France.* 1979. N 2–3. P. 504–506; *Minasian M.-J.* // *DHS.* 1979. N 11. P. 524; *Феньвешу И.* // *Studia Slavica Hung.* 1981. T. 27, fasc. 1–4. P. 355–360; *Geissler R.* // *Allgemeine und vergleichende Literaturgeschichte.* 1981. Bd. 13. N 4. S. 513–514. Единственная рецензия российского автора увидела свет лишь через 25 лет после выхода книги – в посмертной публикации материалов из архива известного петербургского литературоведа: В.Э. Вацуро: *Материалы к биографии.* М., 2003. С. 310–311.

лизм не всегда находили отклик у русских читателей и пробуждали внутреннего цензора в переводчиках.

События Французской революции и царствования Павла I не могли не повлиять на рецепцию вольтеровского творчества в России. Однако интерес читателей к Вольтеру оставался высоким, а в начале XIX в. он, пожалуй, достиг своего пика. Этот успех был обусловлен не только либеральными послаблениями Александровского царствования, ростом образованности русского общества, но и обращением к вольтеровскому наследию таких авторов, как А.С. Пушкин и П.А. Вяземский. П.Р. Заборов приходит к выводу, что смена эстетических ориентиров и наступление эпохи романтизма в русской литературе почти не повлияли на высокую оценку вольтеровского творчества в целом. Усилившаяся в это время критика Вольтера не только с политических, но и с эстетических позиций, несомненно, свидетельствовала о возмужании русской культуры эпохи Пушкина.

В новой редакции глав, посвященных эпохе Просвещения и первой трети XIX в., автор, думая о зарубежном читателе, сократил научный аппарат за счет ссылок на узкоспециальные издания, но добавил короткие биографические справки о русских литераторах (почему-то обделен такой справкой Е.А. Баратынский). Принципиальные выводы и наблюдения автора остались неизменными, что свидетельствует о научной основательности исходного текста, об изначальном стремлении автора избегать почти обязательных в советское время идеологических клише.

Тем не менее заметные перемены, произошедшие за последние десятилетия в гуманитарных науках, не прошли бесследно для автора. Накоплен новый материал по смежным проблемам, который в необходимых случаях также использован П.Р. Заборовым. В частности, в новой книге появилось несколько страниц, раскрывающих роль франкоязычного петербургского журнала *Le Caméléon littéraire* в популяризации творчества Вольтера у русских читателей (с. 14–17). Более адекватно оценен вклад Екатерины II и созданного по ее инициативе и на ее средства «Собрания старающегося о переводе иностранных книг» в распространение произведений французских просветителей (с. 29). Автор по-прежнему считает просвещенный абсолютизм Екатерины II иллюзорным, но все-таки заменяет фразу «официальное просветительство» императрицы (иронические кавычки в данном случае были непременным атрибутом советской историографии) более нейтральным выражением «культурная политика» (с. 29). Думается, что эта политика отражала вполне реальный просвещенный абсолютизм Екатерины II.

Несколько сокращен раздел, посвященный воздействию произведений Вольтера на декабристов, которые характеризуются как участники «тайного либерального движения» («mouvement clandestin libéral»). Можно подумать, что автор снизил уровень радикализма дворянских оппозиционеров по сравнению с официальной советской историогра-

фией, однако и в издании 1978 г. он не называл декабристов революционерами.

Прекрасное знание оригинальных вольтеровских текстов, исключительная скрупулезность в работе с источниками, владение исследовательской литературой по теме, а также отсутствие склонности к широким обобщениям почти не оставляют места для критики автора. Тем не менее позволю себе высказать ряд замечаний частного порядка. В связи с вольтеровской *Историей Карла XII* упоминается ее рукописное *Опровержение*, которое автор вслед за П.Н. Берковым приписывает П.А. Левашеву (с. 13). Между тем нигде в литературе мы не найдем обоснования этой гипотезы. В последнее время В.С. Ржеуцкий попытался развить версию (впрочем, небесспорную) о принадлежности этого сочинения барону Т. А. де Чуди⁴.

Говоря об *Истории Российской империи при Петре Великом*, автор упоминает «легенду об официальном характере “Истории Петра”, будто бы написанной по заказу русского двора» (с. 103). При этом П.Р. Заборов ссылается на статью своего учителя М.П. Алексеева, стремившегося «разрушить старую легенду о том, что история Петра была заказана Вольтеру по инициативе русского правительства»⁵. Конечно, об «официальном характере» *Истории Петра* говорить не приходится, но это не снимает вопроса о «заказе», который Вольтер получил от фаворита императрицы И.И. Шувалова через дипломата Ф.П. Веселовского⁶. Если не «дипломатико-литературная сделка» (П.А. Вяземский), то взаимно выгодный союз все-таки имел место.

Требует дополнительного комментария свидетельство Д.И. Фонвизина о театральном триумфе Вольтера в Париже 1787 г., по поводу которого высказывались Вяземский и Пушкин (с. 182). Последний, как всегда, оказался прав, назвав это описание «историческим документом». Как установили новейшие исследователи, этот фрагмент почти дословно заимствован Фонвизиним из *Journal de Paris*⁷.

Наконец, можно отметить, что автор не учел рукописный перевод трагедии Вольтера *Агафоклес*, выполненный в 1820 г. известным литератором, театралом и мемуаристом И.М. Долгоруковым⁸, представлявшим собой своеобразный экземпляр российского вольтерьянца.

Факты, которыми так богато исследование П.Р. Заборова, дают гипотетическую возможность довольно широких обобщений в области ис-

⁴ Ржеуцкий В.С. В тени Шувалова. Французский культурный посредник в России барон де Чуди // НЛО. 2010. № 105. С. 107–110.

⁵ Алексеев М.П. Вольтер и русская культура // Вольтер: Статьи и материалы. Л., 1947. С. 20–21.

⁶ См.: Мезин С.А. Взгляд из Европы: французские авторы XVIII века о Петре I. Саратов, 2003. С. 98–100.

⁷ Стричек А. Денис Фонвизин. Россия эпохи Просвещения. М., 1994. С. 322.

⁸ Долгоруков И.М. Повесть о рождении моем, происхождении и всей жизни... СПб., 2005. Т. 2. С. 483, 550.

тории русской культуры второй половины XVIII – первой трети XIX в. Речь может идти о французском влиянии в русской культуре, об особенностях русского Просвещения, о том, что просветительские идеи, дискредитированные в Западной Европе после Французской революции, господствовали в России до конца Александровской эпохи, о «догоняющем» развитии русской культуры, наконец. Автор не реализует этой возможности, но это его право.

Стремление остаться в строгих рамках литературоведческой проблематики, некоторая отстраненность от вопросов общественно-политической мысли явно проявляются в первых трех главах исследования. Но в дальнейшем П.Р. Заборов никак не может избежать этой тематики, ибо на следующем этапе именно социальные идеи Вольтера приобретают для русских авторов особую привлекательность.

Не видя в Вольтере великого писателя, В.Г. Белинский, А.И. Герцен, петрашевцы, Н.Г. Чернышевский ценили в нем «передового» общественного деятеля и «борца», а в его произведениях – действенное средство для преобразования действительности. Нетрудно заметить, что проблемы, поднятые Вольтером, – просвещения, терпимости, личной и политической свободы – оставались актуальными для русского общества и в период Великих реформ, и в пореформенное время, и позже. Издание его сочинений «для народа» вполне вписывалось в популярную среди интеллигенции народническую доктрину. Не случайно одной из первых к изучению и популяризации жизни и творчества Вольтера обратилась известная деятельница народнического движения В.И. Засулич. В это время в России появляются новые переводы сочинений Вольтера, сохраняется проблема цензурных ограничений, начинается научное изучение творчества великого француза и публикация зарубежных исследований на эту тему.

Начало XX в. П.Р. Заборов характеризует как время заметного роста общественного интереса к Вольтеру. Писатель, воспринимавшийся как один из идейных вдохновителей Французской революции, оказался популярен в предреволюционном русском обществе. Впрочем, не одни революционные ожидания подогревали интерес к Вольтеру в среде русской интеллигенции «серебряного века». Думается, что вольтеровские произведения оказались в чем-то близки эстетике эпохи модерна, когда происходит новое осознание художественного обаяния культуры XVIII в. Из этого источника вырос интерес к фернейскому патриарху у писателей, далеких от политики. Например, у символиста Федора Сологуба, который создал классический перевод «Кандида» и поднял на новый уровень перевод вольтеровских произведений. Отсюда же, кажется, происходил интерес русского экспериментального театра к пьесам Вольтера.

Истории «советского Вольтера» посвящена последняя глава книги П.Р. Заборова. После 1917 г. новая власть поставила культуру под невиданный прежде контроль. Однако творчество Вольтера вполне вписывалось в ограниченное поле «дозволенного», подчас парадоксальным об-

разом. Заборов отмечает, что на всех этапах истории советской культуры великий просветитель рассматривался властью как «союзник», что обеспечило в целом счастливую издательскую, переводческую и исследовательскую судьбу произведениям Вольтера в России XX в. В 1920-е годы они привлекали своим критическим пафосом; революционные критики рассматривали Вольтера как попутчика в грядущей мировой революции. Ясная проза французского писателя легко становилась предметом социологических опусов литературоведов периода культурной революции. Вероятно, старый фернейский насмешник не должен был вызывать особого энтузиазма у идейных руководителей «забронзовевшего» сталинского режима. Однако поразительным образом Вольтер безболезненно миновал даже период борьбы с «космополитизмом» и «низкопоклонством перед Западом»: его сочинения широко переиздавались и изучались. Наверное, следует отдать должное уважительному отношению к классике, которое культивировалось советской властью с 1930-х годов до последних лет существования режима. «Интерес к Вольтеру на том или ином уровне всегда существовал в стране независимо от внешних условий, – пишет П.Р. Заборов. – Истоки этого феномена следует искать в потребностях общественной, научной, литературной, театральной жизни, а также в неограниченных возможностях издательской сферы» (с. 288). Конечно, особый интерес к Вольтеру стал уделом специалистов-гуманитариев, но творческое наследие великого просветителя, несомненно, стало органической частью русской культуры, заключает автор.

Назвав свою книгу *Вольтер в русской культуре*, автор тем самым сделал заявку на расширение диапазона своего исследования. Однако целый ряд вопросов автор сознательно оставляет за его рамками, например феномен русского вольтерьянства, притом что П.Р. Заборов его специально изучал⁹. Лишь пунктиром обозначена отечественная историография Вольтера. Не затрагиваются специально русские сюжеты в творчестве и переписке просветителя. Таким образом, превосходное исследование П.Р. Заборова не закрывает, но, напротив, открывает новые перспективы в изучении «русского Вольтера».

Когда-то рецензенты книги П.Р. Заборова 1978 г. сожалели о том, что она не имеет обширного резюме на французском языке. Сегодня можно выразить сожаление о том, что книга *Вольтер в русской культуре* еще не вышла на русском языке.

С.А. Мезин

⁹ Заборов П.Р. Русское вольтерьянство // Вольтер и Россия / Под ред. А.Д. Михайлова и А.Ф. Строева. М., 1999.

Андросов С.О. СКУЛЬПТОРЫ И РУССКИЕ КОЛЛЕКЦИОНЕРЫ В РИМЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII ВЕКА. СПБ.: ДМИТРИЙ Буланин, 2011. 258 с.; ил.

Название книги петербургского ученого С.О. Андросова невольно может ввести читателя в заблуждение. Открывая ее, предполагаешь найти прежде всего новые сведения, касающиеся взаимоотношений западно-европейских скульпторов и их русских заказчиков. Однако задача, которую поставил перед собой автор, намного превышает эти ожидания. Как он сам объясняет во введении: «Предлагаемая читателю книга, как ни странно, представляет собой первое исследование, посвященное эволюции скульптуры в Риме во второй половине XVIII века» (с. 5). Хронологические рамки исследования даже несколько шире: в поле зрения автора оказываются также скульпторы позднего барокко, и соответственно он рассматривает памятники, которые датируются 1730–1750-ми годами.

Русские коллекционеры, конечно, присутствуют на страницах книги, и в ней много новых или малоизвестных сведений о заказах и истории покупок скульптуры для России, хотя С.О. Андросов, пожалуй не меньше, пишет и об английских или итальянских заказчиках и комиссионерах. «Русский акцент» в названии, впрочем, обоснован, так как коллекции Эрмитажа и других отечественных музеев позволяют представить эволюцию западноевропейской скульптуры XVIII в. «на первоклассных произведениях, которые до сих пор (...) оставались малоизвестными или вовсе неизученными» (там же). Сам процесс изучения памятников скульптуры, которые оказались в России в XVIII в., также нашел отражение на страницах книги. Хотя обоснование новых атрибуций или публикация источников не являются в данном случае главными задачами

исследователя, он охотно делится результатами своих находок, не забывая ссылаться на коллег из музеев Павловска, Царского Села, Третьяковской галереи или ГМИИ им. А.С. Пушкина.

К числу несомненных достоинств текста мы бы отнесли корректность описания произведений скульптуры, особенно когда речь идет о категориях стиля. Уже во введении автор четко формулирует отношение к привычным искусствоведческим определениям, давно превратившимся в клише, таким как «Ренессанс», «Высокое Возрождение», «барокко» или «неоклассицизм»: «По нашему мнению, общепринятые стилевые признаки могут обозначать лишь основные тенденции, присущие данному времени, тогда как каждое отдельно взятое произведение должно характеризоваться качеством исполнения» (там же).

После первого обзорного раздела, посвященного художественной культуре Рима XVIII в., С.О. Андросов переходит к рассмотрению разных тенденций в римской скульптуре этого времени, выделяя их в отдельные главы. Среди скульпторов барочной традиции, которым посвящена вторая глава, особое внимание уделено Пьетро Браччи (1700–1773) и Филиппо дела Валле (1698–1768). В третьей главе предметом рассмотрения становятся Бартоломео Кавачеппи (1716/1717–1799), Карло Альбачини (около 1734–1813) и Джузеппе Анджелини (1738–1811), которые проделали сходную эволюцию, чрезвычайно характерную для Рима той эпохи: начав как самостоятельные скульпторы, они позже почти полностью переключились на занятия реставрацией, что, судя по всему, было более востребовано современниками. Это дает автору повод остановиться на методах реставрации, которые были приняты в XVIII в.: поскольку фрагменты античной скульптуры не казались эстетически завершенными, недостающие детали восполнялись по воле ваятеля, а старая поверхность мрамора полировалась, чтобы сгладить различия между аутентичными частями и поздними доделками. Если деятельность Кавачеппи сравнительно хорошо изучена европейскими исследователями, то Альбачини впервые удостоился столь подробной характеристики. С.О. Андросову удалось выделить в русских собраниях целую группу работ, которые он на основании документов относит к концу 1760-х – началу 1770-х годов, то есть к раннему периоду творчества мастера. Он также подробно останавливается на контактах Альбачини с русскими заказчиками в 1780-е годы, когда тот много работал для будущего императора Павла I и его супруги Марии Федоровны, а также для известного коллекционера, близкого к великокняжеской чете, князя Н.Б. Юсупова.

Отдельная глава посвящена британским и французским скульпторам, работавшим в Риме во второй половине XVIII в. Широко известно, что развитию неоклассического вкуса способствовали путешествия знатных англичан в Италию, однако, по мнению С.О. Андросова, английские скульпторы, прежде всего Джозеф Ноллекенс (1737–1823) и Кристофер Хеветсон (1737–1798), также внесли большой вклад в формирование портретной пластики неоклассицизма. Используя ранее не

публиковавшиеся документы из римских и петербургских архивов, исследователь уточняет, что, «находясь в Риме, Ноллекенс не только реставрировал произведения античной пластики, но и, подобно Дженкинсу и Кавачеппи, занимался торговлей антиками» (с. 97). Так, имя Ноллекенса обнаруживается в списке скульптур, отправляемых в 1769 г. из Рима в Петербург И.И. Шуваловым.

Французская скульптура XVIII в. исследована сегодня, пожалуй, наиболее подробно и основательно, может быть, поэтому из множества французских мастеров, побывавших в Риме, Андросов выбирает для рассмотрения лишь тех, кто связал свою карьеру почти исключительно с вечным городом, прежде всего – Франсуа Мари Понсе (1736–1797).

В пятой главе главными героями становятся швед Иоганн Тобиас Сергель (1740–1814) и швейцарец Александр Триппель (1744–1793), каждый из которых проработал в Риме более десяти лет. Выбор именно этих мастеров вполне оправдан, так как, по мнению автора книги, для большинства неитальянских скульпторов, прибывавших в Рим, «обычный срок пенсионерства (5 лет) оказывался слишком мал» (с. 115), и они создавали наиболее интересные работы уже по возвращении на родину. С другой стороны, именно чужестранцы особенно «живо и свежо могли воспринимать античную пластику, прочувствованную ими не через многовековой опыт итальянского искусства, а более непосредственно и эмоционально» (там же). Несколько характерных работ Сергеля также находятся в российских собраниях. Что касается Триппеля, то от монументального надгробия графа З.Г. Чернышева, которое находилось в подмосковном имении Ярополец, увы, сохранился лишь барельеф (в настоящее время – в Музее архитектуры им. А.В. Щусева в Москве).

В шестой главе – «Юность Кановы» – приводятся в основном известные факты, в значительной степени введенные в научный оборот самим автором книги. Однако без этой главы представление о скульптуре в Риме XVIII столетия было бы неполным. Тонко выстраивая эволюцию творчества Кановы, начиная с самых ранних ученических работ, Андросов делает вполне определенный вывод: «для нас главными шедеврами Кановы остаются статуи и группы, созданные им в ранние годы, примерно до 1800 года (...) именно в этих произведениях Канове удалось сформулировать основные положения нового стиля, которые потом, с большим или меньшим успехом, он повторял на протяжении более чем 20 лет творчества» (с. 152). Разделяя высокою оценку римского периода Кановы, мы бы не были столь категоричны, поскольку и после 1800 г. Канова создает такие шедевры, как *Портрет Полины Боргезе* (1804–1808, галерея Боргезе, Рим).

В следующих пяти главах книги (7–11) рассмотрены заказчики римской скульптуры в XVIII в. В отличие от первых шести разделов последовательность этих глав и их место в структуре книги вызывают определенные вопросы. Так, седьмая глава – «Русские путешественники в Риме в XVIII веке. Общий обзор» – была бы, на наш взгляд, более уместна вначале, сразу после обзорной главы о «Риме XVIII века». Это, пожа-

луй, единственная глава, которая кажется нам схематичной, представляя собой не более чем перечисление известных фактов и сведений. Можно было бы взять проблему шире и рассмотреть, например, восприятие римской скульптуры в России в XVIII столетии. Жаль, что в книге никак не затронуты вопросы взаимоотношений римской и русской скульптуры XVIII в. Упомянув на стр. 115 о Ф.И. Шубине, Андросов замечает, что он не создал в Риме ничего значительного. Однако именно русские скульпторы, прежде всего М.И. Козловский и Шубин, принадлежали к числу наиболее тонких и отзывчивых ценителей искусства в Риме, что нашло отражение не только в их работах, но и, в случае с Козловским, в текстах. Наконец, вовсе непонятно отсутствие в этой главе фигуры Екатерины II. Хотя «физически» ее в Риме не было, это не помешало русской императрице стать активным участником художественного процесса.

Две другие главы, имеющие отношение к проблеме заказчика, – «Гаспаре Сантини – дипломат и художественный агент в Риме» и «Музей слепков как универсальный проект эпохи Просвещения» – повторяют тексты, которые уже были опубликованы в предыдущих выпусках сборника *Век Просвещения*¹. Обе статьи хорошо вписываются в проблематику книги, но было бы уместно указать дату и место первой публикации.

В тексте книги довольно часто упоминается имя Ивана Ивановича Шувалова, которому посвящена и одна из самых удачных глав: «И.И. Шувалов в Риме: приобретение произведений искусства». Благодаря изучению документов, связанных с получением разрешения на вывоз художественных ценностей, которые хранятся в римских архивах, Андросов восстанавливает интереснейшую картину активной комиссионерской деятельности Шувалова в вечном городе, где он был тесно связан с ведущими художниками, скульпторами, реставраторами и антикварами. Как оказалось, Шувалов приобретал скульптуру не только для себя и Екатерины II, но и для русских аристократов, увлеченных новым неоклассическим вкусом, таких как Г.Г. Орлов, А.М. Голицын, К.Г. Разумовский.

Каждую статью сопровождают толковые примечания, а в конце книги опубликовано краткое резюме на итальянском языке, что делает издание доступным не только для русского читателя. Изобразительный ряд просто превосходный и включает воспроизведение, в том числе в цвете, множества малоизвестных памятников, находящихся в римских церквях или частных собраниях. Поскольку многие «герои» римской художественной жизни присутствуют в разных главах, у внимательного читателя, наверняка, возникнет желание вернуться к заинтересовавшим его персоналиям. Именно поэтому досадно, что в книге не оказалось именного указателя.

Е.Б. Шарнова

¹ Век Просвещения. Вып. 1: Пространство европейской культуры в эпоху Екатерины II / Отв. ред. С.Я. Карп. М., 2006. С. 102–116; Век Просвещения. Вып. 3: Западноевропейское искусство в России XVIII в. Тексты, коллекции, мастера / Отв. ред. С.Я. Карп. М., 2011. С. 13–24.

ROSSI F. PALLADIO IN RUSSIA: NIKOLAJ L'VOV ARCHITETTO E INTELLETTUALE RUSSO AL TRAMONTO DEI LUMI / CENTRO INTERNAZIONALE DI STUDI DI ARCHITETTURA 'ANDREA PALLADIO'. VENEZIA: MARSILIO, 2010. 320 P.; 170 ILL.

Монографию итальянской исследовательницы Федерики Росси украшает знак лауреата премии Джеймса Аккермана по истории архитектуры. Аббревиатура имени этого известного американского историка архитектуры, внесшего значительный вклад в изучение творчества Андреа Палладио, специально выполнена кириллицей для этой книги: «ДжА» – занимая большую часть обложки, она явно апеллирует к названию: «Палладио в России». Содержание монографии раскрывается в подзаголовке: «Николай Львов, русский интеллигент и архитектор на закате Просвещения». Есть некий глубокий смысл в том, что именно эта престижная премия (James Ackerman Prize) позволила опубликовать исследование о русском архитекторе XVIII в., подготовленное в рамках Международного центра по изучению архитектуры им. Андреа Палладио. С другой стороны, поддержку изданию оказал фонд им. Эудженио Бальцана (Fondazione Internazionale Premio Balzan). Стоит, пожалуй, все же упрекнуть издателей за излишний «минимализм» в оформлении обложки – она, хотя и не лишена изящества, о герое книги могла бы сказать значительно больше.

Автор книги, дочь известного журналиста Серджио Росси, работавшего в Москве много лет, выросла в российской столице, где закончила лицей. Погруженность в культурную итало-русскую среду предопределила выбор сложной темы – творчество Николая Александровича Львова (1753–1803) – и стала, вне сомнения, залогом успеха исследования. Несмотря на обширную библиографию, сопровождающую имя выдающегося русского архитектора, исследовательнице удалось обнаружить

некоторые новые данные и умело вписать их в уже известную фактологию его жизни и творчества. Достоинством монографии следует признать удачное воссоздание образа главного героя в контексте эпохи, а также (что особенно ценно) всестороннее рассмотрение той важной роли культурного посредника между Россией и Западной Европой, в первую очередь Италией, которую сыграл Н.А. Львов.

Необыкновенно яркая личность Н. Львова уже давно привлекает к себе внимание историков, искусствоведов, филологов¹. Ценнейшая работа по критическому изданию сочинений Н.А. Львова, сделанная в 1990-е годы К.Ю. Лаппо-Данилевским², еще больше расширила интерес к этой фигуре: благодаря доступности наиболее эстетически значимого корпуса текстов Львова стало возможным изучение его творчества на кардинально ином как источниковедческом, так и текстологическом уровне.

Однако, если ранее наследие Львова рассматривалось преимущественно в каком-либо одном аспекте (архитектурном или литературном), Федерика Росси сделала, на наш взгляд, успешную попытку осмысления его многогранного творчества в целом. Такой подход, обозначенный в самом названии книги («архитектор и интеллектуал»), совершенно определенно продемонстрирован уже в главе первой – «Многогранная личность» («Una personalità poliedrica»). В ней автор подробно излагает увлекательную биографию русского архитектора, что совершенно оправдано, поскольку она мало известна итальянскому читателю.

Несомненную ценность представляют сведения, которые удалось выявить автору при изучении пока еще не опубликованного *Журнала* Елизаветы Николаевны Львовой, дочери архитектора³, в частности пополнить знания о его пребывании за границей. Росси ввела в оборот новые данные о дружбе русского архитектора с мадам Жоффрен (1699–1777), хозяйкой знаменитого литературного салона, куда в течение целых двадцати пяти лет сходилась талантливейшая парижская интеллигенция (Д'Аламбер,

¹ Перечислим лишь основные труды: *Будылина О.И., Брайцева М.В., Харламова А.М.* Архитектор Н.А. Львов. М., 1961; *Никулина Н.И.* Николай Львов. Л., 1971; *Глумов А.Н.* Н.А. Львов. М., 1980; *Medvedkova O.* La première édition russe de Palladio par Nikolaj L'vov // *Cahier du monde russe.* 43. 1. 2002. P. 35–56; Гений вкуса: Материалы научной конференции, посвященной творчеству Н.А. Львова / Под ред. М.В. Строганова. Тверь, 2001–2005. Вып. 1–4; *Никитина А.Б.* Архитектурное наследие Н.А. Львова. СПб., 2006; *Милюгина Е.Г.* Обгоняющий время. Николай Александрович Львов: поэт, архитектор, искусствовед, историк Москвы. М., 2009.

² См.: *Львов Н.А.* Избранные сочинения / Предисл. Д.С. Лихачева; вступ. ст., сост., подготовка текста и коммент. К.Ю. Лаппо-Данилевского; перечень архитектурных работ подготовлен А.В. Татариновым. СПб.; Köln; Weimar; Wien, 1994 (Новая русская словесность и культура 1); *Nikolaj A. L'vov.* Italienisches Tagebuch / Итальянский дневник / Hrsg. und komment. von K.Ju. Lappo-Danilevskij. Köln; Weimar; Wien, 1998.

³ «Детский журнал. Дневниковые записи, посвященные воспитанию детей», который Е.Н. Львова писала по-французски в 1820-е годы, хранится в Рукописном отделе ИРЛИ РАН (Пушкинский Дом).

Дидро, Гольбах и многие другие). Находясь в 1776–1777 гг. в Париже, Н.А. Львов имел возможность общаться с виднейшими представителями французского Просвещения во многом благодаря мадам Жоффрен, салон которой он часто посещал и которая любила его, по словам Е.Н. Львовой, «как родного сына».

В этой главе анализируется также литературная деятельность Львова, его дружба с Г.Р. Державиным, И.И. Хемницером, М.Н. Муравьевым; все это удачно вписано в контекст эстетических исканий, объединявших выдающихся поэтов эпохи Просвещения. Здесь же впервые публикуется самый ранний набросок стихотворения «К чижикам» (1796), написанного Львовым для жены, автограф которого хранится в библиотеке ГМИИ им. А.С. Пушкина в Москве.

Во второй главе – «Львов-архитектор. Становление и творчество» («L'vov diventa architetto. Formazione e opere») – автор, привлекая уже известные архитектурные проекты Львова, пытается подойти к их осмыслению с «антропологических» позиций (подход, давно укоренившийся в западной историографии, но чуждый советской исторической науке). Так, Ф. Росси интересуют прежде всего те отношения, которые складывались между зодчим и его заказчиками, вкусы которых он не мог не учитывать. Царский двор, знать и просто друзья – вот три категории заказчиков Львова. Понятно, что отношения с ними не могли быть простыми. Анализу вкусов самой эпохи, которыми строитель должен был руководствоваться, в монографии также уделяется самое серьезное внимание.

Ф. Росси анализирует архитектурное наследие Н.А. Львова в общеевропейском контексте художественной жизни эпохи Просвещения. Сопоставить произведения русского архитектора с аналогичными работами широкого круга его современников – Джакомо Кваренги, Чарлза Камерона, Матвея Казакова, Василия Баженова и др. – задача непростая. К сожалению, многие постройки Львова безнадежно утрачены, а уцелевшие нуждаются в срочной реставрации. В целях изучения сохранившихся памятников и их фотофиксации Ф. Росси предприняла несколько поездок по различным областям России. Обобщив собранный материал, она выявила огромные утраты, которые понесло это уникальное наследие.

Третья глава «Львов и античность: в поисках “исторической правды”» («L'vov e le antichità. Alla ricerca della “verità storica”») посвящена выяснению степени влияния античной, готической и древнерусской архитектуры на творчество Львова. Автор небезуспешно пытается расширить круг возможных античных источников и образцов, которыми русский архитектор вдохновлялся в своих работах. Особое внимание Ф. Росси обращает на виллу Адриана в Тиволи, Домус Ауреа в Риме, а также тексты Плиния Младшего, Светония и Павсания.

В четвертой главе «От древности к Палладио» («Dall'antico a Palladio»), наиболее отвечающей заявленной теме монографии, автор пытается провести сопоставительный анализ творчества Н. Львова и

А. Палладио. Отношение к наследию великого итальянского архитектора позднего Возрождения отражают как сами проекты Львова, так и его перевод первой из *Четырех книг об архитектуре* (СПб., 1798): в предисловии «От издателя Русского Палладия», текст которого можно назвать эстетическим манифестом Н.А. Львова, он признается, что «такого Архитектора, каков Палладий, не смеет оспорить». Ф. Росси, подробно излагая в этой главе историю проникновения трактата Палладио в Россию и его восприятия здесь, неслучайно напоминает о первом, до сих пор еще не изданном сочинении о русском зодчестве – «Архитектура цивилная выбрана из Палладиуша...» князя Долгорукого (1699). Привлечение данного текста, основанного на *Четырех книгах* Палладио, к исследованию творчества архитектора конца следующего столетия (с. 229–235) заставляет по-новому взглянуть и на архитектурные трактаты, переведенные Львовым, позволяя выявить историческую преемственность русского палладианства.

При рассмотрении переводов Н.А. Львова, в первую очередь таких, как вышеназванный трактат Палладио или *Рассуждение о перспективе, облегчающее употребление оной* Э.-А. Петито (СПб., 1789), Ф. Росси прибегает к методу лингвистического анализа, позволяющему не только объяснить причины выбора переводчиком русского аналога для того или иного архитектурного понятия, но и очертить круг возможных читателей, которых он стремился увлечь или, по крайней мере, заинтересовать. Отдельно рассматривается ею проблема невозможности применения ряда наставлений Палладио в России в связи с особенностями климата и архитектурной традиции (преобладание строительства из дерева, а не из камня), что также нашло отражение в львовском переводе трактата Палладио.

Таким образом, монография Федерики Росси, удачно представляющая многогранную деятельность Н.А. Львова в ее единстве, позволяет в полной мере оценить богатство и незаурядность этой творческой личности.

М. Талалай

«MACH DICH AUF UND WERDE LICHT – CELIES NU, TOPI GAIŠŠ»: ZU LEBEN UND WERK ERNST GLÜCKS (1654–1705): AKTEN DER TAGUNG ANLÄSSLICH SEINES 300. TODESTAGES VOM 10. BIS 13. MAI 2005 IN HALLE (SAALE) / HRSG. VON CHR. SCHILLER UND M. GRUDULE. WIESBADEN: HARRASOWITZ, 2010. 282 s.*

10–13 мая 2005 г. в Галле состоялся международный междисциплинарный семинар, приуроченный к 300-летию со дня смерти выдающегося церковного деятеля пастора Эрнста Глюка. В Латвии он известен главным образом как переводчик Библии на латышский язык, в России – как основатель первой гимназии. Путь материалов конференции к изданию, видимо, был нелегким, поскольку сборник вышел из печати лишь пять лет спустя. Организаторы конференции и составители сборника стремились дать как можно более полное представление о жизни и деятельности Глюка в историческом контексте¹.

Среди чисто издательских достоинств сборника, помимо высокого качества печати, отметим наличие именного указателя, что служит ценным подспорьем при обилии встречающихся в статьях имен.

Сборник состоит из четырех разделов. Первый, озаглавленный «Лифляндия – Швеция – Россия», дает обзор эпохи Глюка. Остальные разделы – «Эрнст Глюк», «Сочинения Глюка на латышском языке», «Глюк в России и его сочинения на русском языке» – посвящены, по словам авторов предисловия, основным этапам в жизни пастора². Однако в ряде статей, включенных во второй раздел, затронут и русский период жизни Глюка, а статьи, касающиеся истории перевода Библии на латышский

© Е.Е. Рычаловский, 2012

* Поскольку данная рецензия была напечатана в журнале *Российская история* (2012, № 1) с сокращениями, произведенными без ведома автора, мы посчитали уместным опубликовать ее здесь в полной, авторской, редакции.

¹ *Schiller Chr., Grudule M. Vorwort // «Mach dich auf und werde licht...»* S. 7.

² См.: *Inhalt // Ibid.* S. 5–6.

язык, попали и во второй, и в третий разделы, что ставит под вопрос сам смысл предложенной структуры сборника.

Неблагодарную роль взял на себя автор статьи о положении Лифляндии и ее населения под властью Швеции в XVII – начале XVIII в. Герт фон Пистолькорс³. В подобного рода очерках, часто компилятивных, всегда есть опасность слишком далеко уйти от основного предмета исследования, и при чтении одного из разделов этой статьи («Шведский путь к великодержавию») складывается именно такое впечатление⁴. Правда, последующие разделы («О роли дворянства и крестьян в Швеции и Лифляндии», «Земельная редукция и нарушение государственного устройства в период шведского абсолютизма») постепенно приводят читателя к обзору образовательной и религиозной политики Швеции на территории остзейских провинций, а в рамки этой темы вполне укладывается и деятельность пастора Глюка. Правда, слишком общим представляется название раздела, содержащего данный обзор: «Шведское господство в Эстляндии и Лифляндии». Возможно, это вызвано тем, что автор именно здесь подводит итоги шведского правления в XVII в.: совершенствуется правовая система, вводится новое церковное устройство, повышается интеллектуальный уровень духовенства, переводится на латышский и эстонский языки Библия, открывается университет, наконец, предпринимаются попытки ограничить эксплуатацию крестьянства (S. 21–25). В целом автор, похоже, присоединяется к Рейнхарду Витраму, давшему положительную оценку шведскому периоду в истории Лифляндии⁵.

Статья Яниса Креслиньша «К вопросу о письменности: поиски идентичности и шведская церковная и образовательная политика в раннее Новое время»⁶ представляет взгляд на ту же эпоху истории культуры и религии. Во второй половине XVII столетия в Швеции произошла консолидация лютеранской церкви, которая позволила ей совместно с королевским домом и государством «придать более глубокое религиозное основание и национальный субстрат новому политическому самосознанию». Этот процесс достиг наивысшего развития в последние два десятилетия XVII в., когда был принят церковный устав (1686) и были изданы новые Катехизис (1689), Требник (1693) и Псалтирь (1695), а завершился уже в годы Северной войны новым, исправленным, переводом Библии на шведский язык (1703). Именно в данном контексте следует рассматривать переводы Библии на южноэстонский и латышский языки и лифляндский период деятельности Э. Глюка (S. 30–31). Одна-

³ *Pistohlkors G. von Livland um 1700* // *Ibid.* S. 13–28.

⁴ *Ibid.* S. 14–16 («Schwedens Weg zur Großmacht»).

⁵ *Ibid.* S. 22 – ссылка на: *Wittram R.* Baltische Geschichte. Die Ostseelände Livland, Estland, Kurland 1180–1918. München, 1954.

⁶ *Krēsliņš J.* Zur Schriftlichkeit: Suche nach Identität und die frühneuzeitliche schwedische Kirchen- und Bildungspolitik // «Mach dich auf und werde licht...» S. 29–40.

ко Я. Креслиньша интересуют не эти хорошо известные факты, а цели и «реальные ответвления» («die wirklichen Verästelungen») означенного процесса (S. 31). Как следует из подчас весьма пространных и извилистых рассуждений исследователя, целью являлось создание шведской государственной и национальной идентичности, чему, например, были призваны служить и концепция «шведского Израиля», разработанная придворным проповедником и видным церковным идеологом Хаквином Спегелем, и труд ученого Улофа Рюдбека *Атлантика* (S. 33). По мнению автора, только религия могла объединить различные территории шведского государства и способствовать формированию начал шведской нации (S. 37). Он приводит такие факты: до самого конца XVII столетия большинство книг в Северной Европе печаталось на латыни, и еще в середине века в университетской библиотеке Упсалы почти не было книг на шведском языке (S. 33, 36). Однако роль письменности – тема, заявленная в заголовке статьи, – рассматривается лишь почти в самом ее конце. В частности, Я. Креслиньш отмечает, что, «только когда господствует письменность (видимо, следовало бы добавить – на национальном языке. – *Е.Р.*), открывается возможность построить общую, хотя и многоязычную и мультикультурную, идентичность» (S. 37).

Центральная статья в сборнике – «Эрнст Глюк. Жизнь и труды» – по праву принадлежит Гельмуту Глюку, одному из авторов первой посвященной пастору монографии, вышедшей в 2005 г.⁷ Профессор Глюк вспоминает, что обратил внимание на личность выдающегося просветителя после публикации в 1994 г. его русской грамматики⁸. Пастор интересовал и по-прежнему интересуется автора прежде всего как филолог и педагог⁹. Основное место в статье отведено ливляндскому периоду жизни Э. Глюка, а именно его работе над переводом Библии на латышский и эстонский языки и основанию латышских школ. Известно, что план перевода был представлен шведскому правительству еще суперинтендантом¹⁰ Ливляндии Иоганном Георгом Гецелиусом в 1660 г., а в 1681 г. с повторным предложением обратился в королевскую канцелярию Иоганн Фишер. Как и ранее в монографии, автор считает, что инициатива в последнем случае принадлежала пастору, хотя при этом уточняет – «по свидетельству Глюка» (S. 43–44).

С такой точкой зрения полемизирует эстонская исследовательница Лииви Аарма («Эрнст Глюк и Иоганн Фишер: их роль в латышском и эстонском переводах Библии»)¹¹. Основное внимание она уделяет пре-

⁷ Glück H., *Polanska I.* Johann Ernst Glück (1654–1705): Pastor, Philologe, Volksaufklärer im Baltikum und in Russland. Wiesbaden, 2005.

⁸ Johann Ernst Glück. *Grammatik der russischen Sprache* / Hrsg. von H. Keipert, B. Uspenskij und V. Živov. Köln; Weimar; Wien, 1994.

⁹ Glück H. Ernst Glück. *Leben und Werk* // «Mach dich auf und werde licht...» S. 41–42.

¹⁰ Высокопоставленный чиновник, осуществлявший надзор за епархией.

¹¹ *Aarma L.* Ernst Glück und Johann Fischer: ihre Rolle bei der lettischen und estnischen Bibelübersetzung // “Mach dich auf und werde licht...” S. 79–110.

быванию Фишера на шведской службе в качестве суперинтенданта Южной Лифляндии (с 1673 г.), а затем генерала-суперинтенданта Лифляндии (с 1678 г.), его программе создания школ («Схола Каролина» в Риге, латинская школа в Дерпте и др.), издательской деятельности (S. 84–94). Она обращает внимание на то влияние, которое оказал ранний пиетизм на Фишера, а также на дружеские отношения последнего с «отцом лютеранского пиетизма» Филиппом Якобом Шпенером (S. 83–84). Именно идеи пиетизма, где Библии отводилось особое место, видимо, побудили Фишера обратиться к замыслу ее перевода, насчитывавшему к тому времени почти полвека, и поручить его осуществление группе сотрудников. Определенную роль тут могли сыграть и появившиеся примерно в тот же период планы издания исправленных переводов Библии на шведский и финский языки (S. 96–97). Переписка Эрнста Глюка периода до 1699 г. и свидетельства современников не содержат никаких данных о том, что пастор являлся инициатором означенного проекта. Л. Аарма считает, что пастор приписал себе эту заслугу позднее, пытаясь защититься от нападков ортодоксального духовенства и властей. Более того, как показывают привлеченные исследовательницей архивные материалы, Глюк не был единственным переводчиком латышской Библии (S. 99–100).

Петерис Ванас, по всей видимости, также не склонен приписывать заслугу перевода Библии целиком Э. Глюку. В своей статье «Влияние перевода Библии Глюка на латышский литературный язык» он осторожно говорит о «переводчике или переводчиках»¹². Вначале автор дает краткий обзор памятников латышской письменности с 1615 по 1685 г. (разумеется, все это исключительно богослужебные книги), касаясь попутно различных систем орфографии – от Георга Манцелиуса до Кристофа Фюрэкера и Генриха Адольфиуса (S. 159–165). Все они пытались ввести, более или менее удачно, орфографические правила, учитывающие фонетические особенности, в том числе диалектные, латышского языка XVII столетия. Именно так называемая «курляндская система» Фюрэкера, усовершенствованная Адольфиусом и примененная им в *Расширенном латышском требнике* 1685 г. (*Vermehretes Lettisches Hand-Buch*), легла, по мнению профессора, в основу перевода Глюка (S. 173). Исследователь довольно высоко оценивает значение данного перевода. Прежде всего он способствовал «консолидации и расширению словарного состава латышского литературного языка» (S. 168). Речь идет о неологизмах, заимствованных словах, фразеологизмах. Вклад перевода Глюка в грамматику латышского языка заметно скромнее. Здесь он в целом продолжил традицию Манцелиуса и Фюрэкера, внося всего несколько изменений (S. 173).

¹² Vanags P. Der Einfluss der Glückschens Bibelübersetzung auf die lettische Schriftsprache // Ibid. S. 165.

Немалый интерес у российского читателя может вызвать статья Михаэля Шиппана «Эрнст Глюк и Екатерина I»¹³. Предметом исследования стал один из сюжетов немецкоязычной литературы XVIII в.: жизнь и чудесное восхождение к вершинам власти первой русской императрицы. Данный сюжет неизбежно связан с пастором Эрнстом Глюком, в семье которого некоторое время жила на положении то ли служанки, то ли воспитанницы юная Екатерина, до перехода в православие – Марта Скавронская. Изучив определенный круг текстов – от записок дипломатов до литературных «разговоров в царстве мертвых» и театральных пьес¹⁴, – М. Шиппан сравнивает различные известия о тех или иных эпизодах жизни Екатерины, главным образом о ее происхождении, но нигде не ставит вопрос об источниках этих известий. Во второй половине статьи автор переходит от изложения литературных версий к рассказу о реальных исторических фигурах и событиях: он дает описание службы сыновей Э. Глюка при Петре I и Екатерине I, затем повествует об обстоятельствах прихода последней к власти и важнейших событиях ее царствования, пытаясь при этом дать объективную оценку ее государственной деятельности (S. 124–136). Большая часть сведений, приведенных в этой части исследования, широко известна, и складывается впечатление, что обе части статьи лишь формально соединены под общим заголовком, а первая половина ничего бы не потеряла при отсутствии второй.

Отечественная историческая наука представлена в сборнике лишь статьей Веры Александровны Ковригиной «Глюк – основатель школы в России»¹⁵. Здесь подведены итоги полуторавековым исследованиям российской историографии, в той или иной мере касавшимся создания школы в Немецкой слободе. Автор показывает этапы становления школы Глюка – от ведомственного учебного заведения при Посольском приказе к гимназии в ведении Ижорской канцелярии и снова к ведомственной

¹³ Schippan M. Ernst Glück und Katharina I // Ibid. S. 111–142.

¹⁴ Это – донесение Н.С. Хоххольцера, предположительно легацион-секретаря при австрийском посланнике, от 28 сентября 1725 г., опубликованное А.Ф. Бюшингом под заголовком «Abgestatteter Bericht an den römisch-kaiserlichen Hof von der rußischen Kaiserin Katharina der ersten Herkunft und Gelangung zum Thron...» (Magazin für die neue Historie und Geographie. Halle, 1777. Т. 11. S. 479–522), записки ганноверского посланника Ф.К. Вебера *Преображенная Россия* (Weber F. Chr. Das veränderte Rußland. Hannover, 1740. Т. 3), *Разговоры в царстве мертвых* Д. Фасмана (Fassmann D. Gespräche in dem Reiche derer Todten. 225. Entrevue. Leipzig, 1737), произведение анонимного автора того же жанра *Der Curieuses Eva Historisch-Politische Staats-Assemblée in dem Reiche derer Todten...* (Leipzig, 1727), пьесы австрийского писателя Франца Краттера *Девушка из Мариенбурга* (Kratzer F. Das Mädchen von Marienburg. Ein fürstliches Familiengemälde in fünf Aufzügen. Frankfurt, 1795) и *Прымский мир* (Idem. Der Friede am Pruth. Grätz, 1799), а также летучий листок *Die Gewisse Nachricht, Von Ihro Ruß. Kayserl. Majestät Der nunmehr verblichenen Czaarin Catharina Alexievna, Ankunfft, Glück, Erhebung zum Throne, Leben und Todt, auch letzter Wille und Testament...* (S. 1., 1727).

¹⁵ Kovrigina V.A. Glück als Schulgründer in Russland // «Mach dich auf und werde licht...» S. 193–213.

школе при Монастырском приказе, затем при Приказе книгопечатного дела. Значение гимназии для российского образования, на взгляд автора, состояло в следующем: «она стала одной из первых государственных школ России, где иностранные учителя обучали русских учеников языкам и гуманитарным наукам», многие из 400 обучавшихся там русских учеников стали впоследствии «видными дипломатами, переводчиками, а также служащими канцелярий и коллегий» (S. 211). Закрытие гимназии в 1715 г., очевидно, связано с тем, что Петр I в области образования сделал упор на специальные учебные заведения, такие как Артиллерийская, Инженерная школы и другие, расположенные преимущественно в Петербурге.

Можно заметить, что круг источников по истории гимназии Глюка со времен С.А. Белокурова и А.Н. Зерцалова, издавших в 1907 г. основной корпус документов по данной теме, почти не расширился. К сожалению, В.А. Ковригина не смогла привлечь к исследованию письма Э. Глюка и пиетистов, хранящиеся в архиве Учреждений Франке и Берлинской государственной библиотеке. Ею были использованы только несколько писем Глюка к А.Г. Франке, опубликованные в 1953 г. Э. Винтером¹⁶. В какой-то степени восполняет этот пробел статья Вероники Альбрехт-Биркнер «Связь Глюка с Филиппом Якобом Шпенером и Августом Германом Франке, или Был ли Глюк пиетистом?»¹⁷ Исследовательница отмечает, что свою заинтересованность в пропаганде Библии и переводе ее с этой целью на латышский и русский языки пастор обосновывал в русле ортодоксально-лютеранской традиции, но его деятельность в данной сфере соответствовала намерениям пиетистов, что сделало возможным его сотрудничество с такими теологами, как Иоганн Фишер (S. 60–61). В московский период жизни и деятельности Глюка обнаружили его расхождения с пиетистами по ряду позиций. Прежде всего резкое неприятие как московских (Юстус Самуэль Шаршмидт), так и галльских пиетистов (Август Герман Франке и Йоахим Юстус Брейгаупт) вызвало его предложение ввести в программу школьных занятий уроки танцев и верховой езды, т. е. «телесных упражнений». Глюк оправдывался тем, что такие занятия соответствовали образу мыслей царя, танцы необходимы для обучения русских европейским манерам, а верховая езда отвлекает юношество от менее безобидных забав (S. 63, 65–66). Когда Глюк собирался обсудить так называемое *filioque* с православным духовенством и запросил у Ф.Я. Шпенера выписки из сочинений отцов церкви по данному вопросу, в ответ ему было процитировано письмо некоего богослова (по всей видимости, Франке), осуждающее его намерение (S. 61–62). Еще большее неудовольствие пиетистов вызвала примирительная

¹⁶ См.: Winter E. Halle als Ausgangspunkt der deutschen Rußlandkunde im 18. Jahrhundert. Berlin, 1953.

¹⁷ Albrecht-Birkner V. Glücks Verhältnis zu Philipp Jakob Spener und August Hermann Francke, oder: War Glück Pietist // «Mach dich auf und werde licht...» S. 57–78.

позиция Глюка в двух конфликтах: между пасторами Новой и Старой общин Немецкой слободы и между жителем той же слободы купцом Матиасом Поппе и учителем в его семье Кристианом Рихтером (S. 66–74). На вопрос, был ли Глюк пиетистом, автор дает отрицательный ответ, отмечая, что в вопросе распространения Евангелия и совершенствования школьного образования пастору был ближе пиетизм в духе Шпенера, а не Франке (S. 75).

В заключение хотелось бы обратить внимание на тот факт, что в промежуток времени между конференцией и выходом сборника в свет работа над биографией Э. Глюка продолжалась, о чем свидетельствует короткая статья Кристианы Шиллер «Имя (имена) Глюка. Биографические заметки»¹⁸. Исследовательница уточнила сведения о братьях и сестрах Глюка. Но главное – ей удалось найти запись в приходской книге г. Веттина, доказывающую, что при крещении Глюку было дано только одно имя – Эрнст. Поэтому именовать пастора, как это было еще в 2005 г., Иоганн Эрнст более не является правомерным¹⁹. Когда и при каких обстоятельствах Глюк взял второе имя, до сих пор не выяснено.

Е.Е. Рычаловский

¹⁸ *Schiller Chr.* Glücks Vorname(n). Biographische Miscellen // *Ibid.* S. 53–56.

¹⁹ Соответствующие поправки были внесены во все остальные статьи сборника.

XVIII ВЕК
УКАЗАТЕЛЬ ЛИТЕРАТУРЫ ЗА 2009–2010 гг.*

МОНОГРАФИИ

1. *Абрамзон Т.Е.* «Письмо о пользе Стекла» М.В. Ломоносова: Опыт коммент. просветит. энциклопедии. М.: ОГИ, 2010. 191 с.
2. *Айзенштат М.П.* Власть и общество Британии, 1750–1850 гг. М.: ИВИ, 2009. 398 с.
3. *Алитова Р.Ф.* Ростовская церковная архитектура XVIII века / Гос. музей-заповедник «Рост. кремль». М.: Индрик, 2010. 398 с.: ил.
4. *Альбедиль М.Ф.* Путь Петра: От Руси до России. СПб.: Максима, 2009. 208 с.: ил.
5. *Альбицкий В.Ю., Баранов А.А., Шер С.А.* Императорский московский воспитательный дом: (1763–1813 – первые 50 лет в истории Научного центра здоровья детей РАМН). М.: Союз педиатров России, 2009. 60 с., 8 л. ил. (Сер. «История Науч. центра здоровья детей РАМН; Вып. 1).
6. *Андреев А.Ю.* Российские университеты XVIII – первой половины XIX века в контексте университетской истории Европы. М.: Знак, 2009. 640 с.: ил., 4 л. ил. (Studia historica).
7. *Андреев И.Л.* На пути к Полтаве. М.: Вече, 2009. 384 с.
8. *Анисимов Е.В.* Афродита у власти: царствование Елизаветы Петровны. М.: АСТ: Астрель, 2010. 606 с.
9. *Анисимов Е.В.* Петербург времен Петра Великого. М.: Центрполиграф; СПб.: МиМ-Дельта, 2010. 430 с.: ил.
10. *Анисимов Е.В.* Петр Великий: личность и реформы. СПб.: Изд-во Питер, 2009. 447 с.: ил., 8 л. ил. (Слава России).
11. *Анисимов Е.В.* Русский застеноч: тайны Тайной канцелярии [XVIII в.]. М.: Центрполиграф; СПб.: МиМ-Дельта, 2010. 413 с.
12. *Антилогова Е.С.* Повседневная жизнь женщин высших сословий России конца XVII – начала XVIII веков. М.: Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2010. 295 с.

* Составитель Л.И. Фурсенко.

13. *Антипин Л.Н.* Ломоносов. У истоков отечественной исторической науки. М.: Моск. гос. текстильный ун-т им. А.Н. Косыгина, 2009. 231 с.: портр.
14. *Апраксин И.* Павел: Император Павел и его страшная смерть. Загадка заговора 11 марта 1801 года. М.: АСТ, 2009. 478 с.
15. *Артамонов В.А.* «Несказанная виктория»: Сражение при Лесном. 1708 г. М.: Цейхгауз, 2009. 64 с.: ил. (Дела Марсовы).
16. *Аурова Н.Н.* От кадета до генерала: Повседневная жизнь русского офицера в конце XVIII – первой половине XIX в. М.: Новый хронограф: Янович Л., 2010. 463 с.: ил.
17. *Афонасенко И.М., Ломако Е.Л.* Русский провинциальный город екатерининской эпохи: Коломна во второй половине XVIII в. М.: ВЕК, 2010. 375 с.: ил. *Рец.: Толстая М.А.* // *Вопр. истории.* 2010. № 5. С. 173–174.
18. *Балдин А.Н.* Протяжение точки. Лит. путешествия: Карамзин и Пушкин. М.: Эксмо, 2009. 575 с.: ил. (Лауреаты лит. премий). *Рец.: Березин В.* Изображение слова // *Новый мир.* 2010. № 2. С. 187–191.
19. *Балязин В.Н.* Петр Великий и дворцовая чехарда: Гвардейский переворот, балы Елизаветы. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2009. 255 с.: ил., 8 л. ил. (1000 занимательных сюжетов).
20. *Баранова К.М.* XVIII столетие. Рождение американской мечты (творчество Дж. Эдвардса и Б. Франклина). М.: Моск. гос. обл. ун-т, 2010. 250 с.
21. *Барбье П.* Венеция Вивальди: музыка и праздники эпохи барокко / Пер. с фр. Е. Рабинович. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2009. 279 с. (Studia Europaea).
22. *Белова А.В.* «Четыре возраста женщины»: Повседневная жизнь рус. провинц. дворянки XVIII – середины XIX в. СПб.: Алетейя, 2010. 479 с. (Гендерные исследования).
23. *Бенда В.Н.* Деятельность военно-специальных учебных заведений по подготовке артиллерийских и инженерных кадров в XVIII веке. СПб.: СПбГУАП, 2009. 156 с.: табл.
24. *Бердин А.Т.* Салават: бой после смерти: Монография. Уфа: РУНМЦ МО РБ, 2009. 152 с.
25. *Бердинских В.А.* Ремесло историка в России. М.: Новое лит. обозрение, 2009. 608 с.: ил. *Из содерж.:* Радел IV. Рождение исторической науки в России. XVIII век. С. 219–369.
26. *Беспалов А.В.* Битвы и осады Великой Северной войны (1700–1721 гг.): Монография. М.: Акад. ГПС МЧС России, 2010. 505 с.: ил., карты, табл.
27. *Болотина Н.Ю.* Деятельность Г.А. Потемкина (1739–1791 гг.) в области внутренней политики России. М.: Изд-во РАГС, 2010. 139 с.
28. *Боханов А.Н.* Павел I. М.: Вече, 2010. 446 с., 8 л. ил. (Великие исторические персоны) (Государство и власть). В прил.: Воспоминания генерала Н.А. Саблукова.
29. *Брион М.* Повседневная жизнь Вены во времена Моцарта и Шуберта / Пер. с фр. Г.Г. Карпинского. М.: Мол. гвардия: Палимпсест, 2009. 359 с., 8 л. ил. (Живая история: Повседневная жизнь человечества).
30. *Брызгалова С.И., Шамелько Н.В.* Андрей Тимофеевич Болотов как педагог-просветитель. Калининград: Рос. гос. ун-т им. И. Канта, 2009. 182 с.
31. *Буранок О.М.* Никанор Иванович Ознобишин и русская переводная художественная проза середины XVIII века: Исследование, публ. текстов, комментариев. Самара: Поволж. Гос. соц.-гуманитар. акад., 2010. 293 с.: факс.

32. *Буровский А.М.* Правда о «золотом веке» Екатерины. М.: Язуа: Эксмо, 2010. 478 с. (Вся правда о России).
33. *Валькович А.М.* Золотой век Российской гвардии : [В 2 т.]. М. : Ключ-С, 2010.
Т. 1. 1700–1762. 347 с.: ил.
Т. 2. 1762–1801. 446 с.: ил.
34. *Вассерман Дж., Бирх У.* Тайные общества: иллюминаты, франкмасоны и Французская революция / Пер. с англ. П. Денисова. Ростов н/Д: Феникс, 2009. 285 с. (Х-файлы).
35. *Вишленкова Е.А.* Сокровищница русской живописи: история создания (1780–1820-е гг.). М.: ГУ ВШЭ, 2009. 62 с. (Препринт / Гос. ун-т – Высш. шк. экономии. Сер. WP6. Гуманитарные исследования; WP6/2009/03).
36. *Воронцов-Дашков А.И.* Екатерина Дашкова: Жизнь во власти и в опале / Пер. с англ. М.И. Микешина. М.: Мол. гвардия, 2010. 335 с., 16 л. ил. (Жизнь замечательных людей: Сер. биографий; Вып. 1433 (1233)).
37. *Востриков А.В., Овсянников В.П.* Россия и Франция в XVIII веке: диалог культур по-русски: Монография. Тольятти: ПВГУС, 2010. 286 с.
38. *Гагарин Е.И.* Леонтий Лукьянович Шамшуренков: [Об изобретателе XVIII в.]. Киров: О-Краткое, 2009. 95 с.: ил.
39. *Гайманова Е.В.* Журналы для детей и юношества в контексте русской художественной культуры конца XVIII – первой четверти XIX в. М.: Экон-Информ, 2010. 240 с.
40. *Гафаров Р.М.* Автор и литературный герой в контексте литературно-общественного движения XVIII века: Монография. Уфа: Гилем, 2009. 229 с.
41. *Гёзалова Н.Р.* Вопросы истории Азербайджана XVIII в. (на основе сведений англоязычных источников и историографии). М.: Ирис Групп, 2010. 242 с.
42. *Гордон А.В.* Великая Французская революция в советской историографии. М.: Наука, 2009. 380 с.
43. *Грандильевский А.Н.* Родина Михаила Васильевича Ломоносова: Описание ко дню двухсотлетнего юбилея от рождения сего первого русского ученого / Вступ. ст. А.Н. Давыдова, с. 5–43. 2-е изд. Архангельск: Правда Севера, 2009. 335 с.: ил. (Северная библиотека).
44. *Гречаная Е.П.* Когда Россия говорила по-французски: русская литература на французском языке (XVIII – первая половина XIX века). М.: ИМЛИ РАН, 2010. 382 с. Текст рус., фр.
45. *Демичев А.А., Илюхин А.В.* Идея суда присяжных в России: генезис, эволюция, законодательное воплощение: (Вторая половина XVIII в. – первая половина 60-х гг. XIX в.). М.: Юрлитинформ, 2010. 255 с. (Теория и история гос-ва и права).
46. *Демкин А.В.* Лейб-компания императрицы Елизаветы Петровны (1741–1762 гг.). М.: ИРИ, 2009. 227 с.
47. *Джонсон Ч.* История знаменитых морских разбойников XVIII века / Пер. с англ. А. Ефремова; авт. предисл. Д. Кордингги. М.: Эксмо, 2009. 592 с.: ил. (Военная история человечества).
48. *Друголенский Я.Н.* Век Анны и Елизаветы: панорама столичной жизни. СПб.: Изд-во Пушкин. фонда, 2009. 286 с.: ил., портр., факс. (Былой Петербург: Панорама столичной жизни; Кн. 17).
49. *Доценко В.Д., Колотило Л.Г.* Вопросы крови: легенда о великом Ломоносове, сыне Петра Великого. СПб.: Аврора-Дизайн, 2010. 205 с.: портр.

50. *Дучич Й.* Граф Савва Владимирович: серб – дипломат при дворе Петра Великого и Екатерины I / Пер. с серб. В.Н. Соколова. СПб.: Скифия, 2009. 293 с. (Сер. «Славянская карта»).
51. *Дьячкова И.Н.* Числительные в русском литературном языке XVIII века / Под ред. Л.В. Савельевой. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2010. 234 с.
52. *Елисеева О.И.* Екатерина Великая. М.: Мол. гвардия, 2010. 635 с., 16 л. ил. (Жизнь замечательных людей: Сер. биографий; Вып. 1467 (1267)).
53. *Жесткова Е.А.* Художественный компонент в повествовательной структуре «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина: Монография. Арзамас: АГПИ, 2010. 127 с.
54. *Завражин А.В.* Исторический опыт развития политического мировоззрения российского общества (XVIII – первая половина XIX вв.). М.: ЗАО «Гриф и К», 2010. 201 с.
55. *Зайцева Л.И.* Иван Тихонович Посошков о богоустроении русской жизни и Россия Петра Первого. М.: Изд-во ин-та экономики РАН, 2010. 613 с.: ил.
56. *Захаров А.В.* Государев двор Петра I: Публ. и исслед. массовых источников разряд. делопроизводства. Челябинск: Изд-во Челяб. гос. ун-та, 2009. 447 с.: факс. + 1 электрон. опт. диск.
57. *Зегер Х.* Вольфганг Амадей Моцарт (1756–1791) / Пер. с нем. А.Я. Минора, Ю. Маюкос, Г.В. Соловьевой. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2009. 155 с.: ноты.
58. *Зуев А.С.* Присоединение Чукотки к России (вторая половина XVII–XVIII вв.) / Отв. ред. А.П. Деревянко. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2009. 444 с.: табл., 12 л. ил.
59. *Ибнеева Г.В.* Имперская политика Екатерины II: в зеркале венценосных путешествий. М.: Памятники ист. мысли, 2009. 468 с.: ил.
60. *Ибрагимов К.Х., Ибрагимов А.К.* Петр Великий и Правительствующий сенат: Монография. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2010. 319 с.
61. *Ильина Т.В.* На переломе: Русское искусство середины XVIII в. СПб.: Издат. дом Санкт-Петерб. гос. ун-та, 2010. 238 с., 16 л. ил., портр. (Искусствоведение).
62. *Ишимбаева Г.Г.* Античный триптих Иоганна Вольфганга Гёте. Уфа: Гилем, 2009. 162 с.
63. *Казакова Л.А.* Жанр комической поэмы в русской литературе второй половины XVIII – начала XIX вв.: генезис, эволюция, поэтика: Монография. Псков: ПГПУ, 2009. 447 с.
64. *Карасева Е.И.* Божий царь Павел I Петрович Романов. СПб.: Царское дело, 2010. 525 с.: ил. В прил.: Венок на гробницу императора Павла I: Стихи; Вишняков В. Император Павел Первый; Бехтеев С. Царь-рыцарь: Стихотворение; Акафист царю-мученику Павлу Первому.
65. *Кемпер Д.* Гёте и проблемы индивидуальности в культуре эпохи модерна / Пер. с нем. А. Жеребина. М.: Языки славян. культуры, 2009. 384 с. (Науч. тр. / Каф. герм. филологии им. Т. Манна РГГУ; Т. 2).
66. *Кириллина Л.В.* Бетховен. Жизнь и творчество: В 2 ч. М.: Науч.-издат. центр «Моск. консерватория», 2009.
Т. 1. 536 с.: ил., ноты, портр.
Т. 2. 595 с.: ил., ноты, портр.
Рец.: Царёва Е. Книга о Бетховене // Науч. вестн. Моск. консерватории. 2010. № 1. С. 182–192.

67. *Киясов С.Е.* Масонство в эпоху Просвещения: (генезис, идеология, эволюция, статус). СПб.: Фак. филологии и искусств Санкт-Петерб. гос. ун-та, 2010. 396 с.
68. *Клейн И.* Русская литература в XVIII в. М.: Индрик, 2010. 440 с.
69. *Ковалева О.А.* Ричард Бринсли Шеридан и политическая борьба в британском парламенте в 80–90-е гг. XVIII в. Ростов н/Д: ИПО ПИ ЮФУ, 2010. 147 с.
70. *Ковтунова И.И.* «Несобственно прямая речь» в языке русской литературы конца XVIII – первой половины XIX в. / Вступ. ст., прилож. и указатели А.А. Грек. М.: Азбуковник, 2010. 284 с.
71. *Козлов С.А.* От Лейпцига до Очакова. Дневниковые записи Р.М. Цебрикова. СПб.: Ист. иллюстрация, 2009. 231 с.: ил., факс. (Рус. путешественник эпохи Просвещения; Т. 4). (Б-ка Фонда памяти светлейшего князя А.Д. Меншикова).
72. *Козлова Н.В.* Люди дряхлые, больные, убогие в Москве XVIII в. М.: РОССПЭН, 2010. 359 с.: ил.
73. *Кондрескул А.М.* Поморье в политической истории России в конце XVII – первой четверти XVIII вв.: Монография. Архангельск: Кира, 2009. 176 с.
74. *Коришунуова Н.В.* Проекты реформ в России: (Вторая половина XVIII – первая четверть XIX вв.). Челябинск, 2009. 299 с.
75. *Красиков В.А.* Северная война или блицкриг по-русски. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2010. 478 с.
76. *Кротов П.А.* Битва при Полтаве: К 300-летней годовщине. СПб.: Ист. иллюстрация, 2009. 415 с.
Рец.: Артамонов В.А. // Рос. история. 2010. № 5. С. 194–197; См. № 204.
77. *Круглов А.Н.* Философия Канта в России в конце XVIII – первой половине XIX веков. М.: Канон+, 2009. 567 с.
78. *Крючков Ю.С.* Самуил Карлович Грейг, 1735–1788. Николаев: Наваль, 2008. 303 с.
79. *Крючкова М.А.* Мемуары Екатерины II и их время. М., 2009. 461 с.: ил.
80. *Кудрявцева Е.Б.* Для сердца и разума: Детская литература в России XVIII в. СПб.: Нестор-История, 2010. 178 с.
81. *Кузнецова Л.К.* Петербургские ювелиры. Век восемнадцатый, бриллиантовый... М.: Центрполиграф, 2009. 543 с.
82. *Кузьменко Л.И.* Китайский фарфор XVII–XVIII веков. М.: Гос. музей Востока, 2009. 198 с.: ил. (Коллекция музея Востока).
83. *Курукин И.В., Плотников А.Б.* 19 января – 25 февраля 1730 года: События, люди, документы. М.: Квадрига, 2010. 277 с. (Ист. исследования).
84. *Курукин И.В.* Персидский поход Петра Великого: Низовой корпус на берегах Каспия (1722–1735). М.: Квадрига: Объед. ред. МВД России, 2010. 378 с.: табл., 8 л. ил. (Забытые войны России).
85. *Курьшева Л.А.* Повести о богатырях в «Русских сказках» В.А. Лёвшина: сказочно-историческая модель повествования / Отв. ред. Е.К. Ромодановская. Новосибирск: Наука, 2009. 151 с.
86. *Лазарева О.В.* Общеуголовная полиция Российской империи: Становление и развитие в конце XVIII – первой пол. XIX вв.: (По материалам Пензинской губернии). Саранск, 2010. 107 с.
87. *Лайдре М.* Северная война и Эстония: Тарту в годовщину испытаний (1700–1708) / Пер. с эст. В. Томбу. Таллинн: Argo, 2010. 263 с.: 4 л. ил.

88. *Латин В.В.* Полтава – российская слава: Россия в Северной войне 1700–1721 гг. СПб.: Нестор-История, 2009. 331 с. (Программа книгоиздания «Кантемир». «Благодарная Молдавия – братскому народу России»).
89. *Лебедев Е.Н.* Ломоносов, 1711–1765: К 300-летию со дня рождения. М.: Дрофа, 2009. 590 с., 8 л. ил.
90. *Лебедева-Емелина А.В.* Хоровая культура России екатерининской эпохи. М.: Композитор, 2010. 303 с.: ил., ноты.
91. *Леонов О.Г.* Русский военный костюм. Эпоха Екатерины II. М.: Фонд «Рус. витязи», 2010. 383 с.: ил.
92. *Липовский А.Л.* Очерки по истории русской литературы: от эпохи Петра Великого до Пушкина. 3-е изд., доп. М: URSS: Либроком, 2009. X, 241 с.
93. *Лопатников В.А.* Канцлер Румянцев: время и служение. М.: Мол. гвардия, 2010. 249 с., 16 л. ил. (Жизнь замечательных людей; Вып. 1486 (1286)).
94. *Лупанова Е.М.* Норма и девиация в привилегированных кругах российского общества XVIII–XIX вв.: Монография. СПб.: Изд-во СПбГУСЭ, 2010. 251 с.
95. *Люттов С.Н., Дутов С.Ю.* Становление военного книгоиздания в России (XVII–XVIII вв.). Новосибирск: ГПНТБ, 2010. 277 с.: ил., 6 л. ил.
96. *Мазин К.А.* Российская эмиграция и российское зарубежье. XVIII век: политический и культурный феномен. М.: МГОУ, 2009. 382 с.
97. *Маклини Ф.* 1759. Год завоевания Британией мирового господства / Пер. с англ. М. Жуковской. М.: АСТ. 2009. 638 с., 8 л. ил. (Ист. б-ка).
98. *Максимов Е.К., Мезин С.А.* Города Саратовского Поволжья петровского времени. СПб.: Европейский Дом, 2010. 178 с.: ил.
99. *Мальчукова Т.Г.* Северная тема в русской поэзии XVIII – первой трети XIX в. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2009. 263 с.
100. *Мамедли Э.М.* Карабахская сага. М., 2010. Т. 1: От Петра до Павла. 375 с.
101. *Мартыненко А.А.* Зверь на престоле, или Правда о царстве Петра Великого. М.: БСК, 2009. 447 с.: ил. (Противостояние).
102. *Маслова А.Г.* Поэтическое творчество Г.Р. Державина в контексте литературно-эстетических исканий конца XVIII – начала XIX в. Киров: Изд-во ВятГГУ, 2010. 295 с.
103. *Матвеев Е.М.* Русская ораторская проза середины XVIII века: (Панегирик в светской и духовной литературе): Монография. СПб.: СПбГУ. Фак. филологии и искусств, 2009. 139 с.
104. *Матченя С.Р.* Поэтика английского романа XVI–XVIII века: гендерный аспект. Псков: Логос, 2009. 271 с.
Рец.: Вахрушев В. // Новое лит. обозрение. 2010. № 6 (106). С. 389–390.
105. *Милюгина Е.Г.* Обгоняющий время. Николай Александрович Львов: поэт, архитектор, искусствовед, историк Москвы. М.: Рус. импульс, 2009. 359 с.: ил. В кн. также включ. тексты Н.А. Львова.
106. *Минаева Н.В.* Потаенные конституции России: [XVIII–XIX вв.]. М.: Посев, 2010. 223 с.
107. *Минаева Т.С.* Россия и Швеция в XVIII веке: история таможенной политики и таможенной системы. Архангельск: Помор. ун-т, 2009. 220 с.: табл.
108. *Михайлова О.А.* Саратовская губернская администрация и развитие социальной сферы губернии в конце XVIII – первой половине XIX вв.: Монография. Саратов: Науч. книга, 2010. 211 с.

109. *Молева Н.М.* Вояж Екатерины II, или Влюбленный поручик: [О В.Л. Боровиковском]. М.: Олимп: Астрель, 2010. 319 с., 8 л. ил. (Кумиры. Истории великой любви).
110. *Молтусов В.А.* Полтавская битва: уроки военной истории, 1709–2009. М.: Объед. ред. МВД РФ; Кучково поле, 2009. 510 с.: ил., портр.
111. *Мументалер Р.* Швейцарские ученые в Санкт-Петербургской академии наук. XVIII век / Пер. с нем. И.Ю. Тарасовой. СПб.: Нестор-История, 2009. 235 с.
112. *Мыльников А.С.* Петр III: Повествование в документах и версиях. 2-е изд. М.: Мол. гвардия, 2009. 510 с., 16 л. ил. (Жизнь замечательных людей: Сер. биографий; Вып. 1371 (1171)).
113. *Напцок Б.Р.* Английская «готическая» проза XVIII века: жанровая типология и поэтика: Монография. Майкоп: АГУ, 2010. 344 с.
114. *Наумов В.П.* Повседневная жизнь Петра Великого и его сподвижников. М.: Мол. гвардия, 2010. 443 с.: ил., 16 л. ил. (Живая история: Повседневная жизнь человечества).
115. *Нелипович С.Г.* Союз двуглавых орлов: Рус.-австр. военный альянс второй четверти XVIII в. М.: Квадрига: Объед. ред. МВД России, 2010. 406 с., 8 л. ил. (Забытые войны России).
116. *Нефедов А.В.* Мастер слова и дела: Странности судьбы книгоиздателя Н. Новикова / Вступ. ст. С.О. Шмидта. М.: Академия-XXI, 2010. 236 с.: ил.
117. *Николаев Н.И., Нехлебаева Н.А., Шестакова Е.Ю.* Русский литературный герой в контексте этических исканий XVIII–XIX веков: Монография. Архангельск: Солти, 2009. Ч. 1: Архитектоника мира поступка русского литературного героя первой трети XVIII в. 172 с.
118. *Николаева С.В.* Троице-Сергиев монастырь в XVI – начале XVIII в.: Вклады, вкладчики, состав монашеской братии. Сергиев Посад: Ремарко, 2009. 287 с.: ил.
119. *Николози Р.* Петербургский панегирик XVIII века: миф – идеология – риторика / Пер. с нем. М.Н. Жаровой, под ред. К.А. Богданова. М.: Языки славян. культуры (Кошелев А.), 2009. 215 с.: ил.
120. *Никонов О.А.* Иран во внешнеполитической стратегии Российской империи в XVIII веке. М.; Владимир, 2009. 377 с.
121. *Огородникова Л.А.* Стилистико-грамматическая характеристика родительного падежа в художественном тексте второй половины XVIII века: Монография. Ишим: Изд-во ИГПИ им. П.П. Ершова, 2010. 147 с.
122. *Осипов В.И.* Философия М.В. Ломоносова: Монография. Архангельск: Поморский ун-т, 2009. 137 с., 1 л. портр.
123. *Паскаль П.* Пугачевский бунт / Пер. с фр. Л. Сахибгареевой; Под ред. и с коммент. [и вступ. ст.] И. Кучумова. Уфа: Галиуллин Д.А., 2010. 183 с.: ил. (Башкортостан в зарубеж. исследованиях).
124. *Паикуров А.Н.* Поздний русский сентиментализм: диалог идиллического и элегического: [На материале творчества Е.П. Люценко, М.А. Поспеловой, Н.Ф. Эмина, А.Т. Болотова, П.И. Шаликова, М.Н. Муравьева, А. Турчаниновой]. Казань: Казан. ун-т, 2010. 126 с.
125. *Пекуровская А.* Герметический мир Иммануила Канта: по ту сторону зрения и слуха. СПб.: Алетейя, 2010. 566 с. (Тела мысли: in profundum).
126. *Пенская Т.М., Пенской В.В.* Очерки истории Белгородчины в XVIII в. Белгород: ИПЦ «Политерра», 2010. 261 с.

127. *Петерс Д.И.* Наградные медали России царствования императора Павла I (1796–1801 гг.). М.: Древлехранилище, 2009. 397 с.: ил.
128. *Петров А.В.* Новогодняя поэзия в России: от Тредиаковского до Бенедиктова. Магнитогорск: Изд-во Магнитогор. гос. ун-та, 2009. 266 с.
129. *Петров А.В.* Поэты и история: Очерки русской художественной историографии, XVIII век. Магнитогорск: Изд-во Магнитогор. гос. ун-та, 2010. 267 с.
130. *Писаренко К.А.* Тайны дворцовых переворотов: [О семи переворотах в России XVIII в.]. М.: Вече, 2009. 397 с.
131. *Пислегин Н.В.* Удмуртское крестьянство и власть (конец XVIII – первая половина XIX в.): Монография. Ижевск: УИИЯЛ, 2010. 297 с.
132. *Плеве И.Р.* Списки колонистов, прибывших в Россию в 1766 г. Рапорты Ивана Кульберга. Саратов: СГТУ, 2010. 519 с. Загл. корешка: Рапорты Ивана Кульберга. Часть текста парал.: рус., англ.
133. Повседневная жизнь провинциального города Владимира в последней трети XVIII – первой половине XIX в. / И.И. Шулус, Н.В. Киприянова, Н.В. Мягина, В.А. Черничкина; под ред. И.И. Шулус. Владимир: Владимир. гос. ун-т, 2009. 271 с.: ил. (Приоритетные национальные проекты. Образование) (Инновационная образовательная программа. Проект 3 «Устойчивое развитие: человек – природа – культурное наследие»).
Рец.: Кошман Л.В. // Вопр. истории. 2010. № 9. С. 170–171.
134. *Погода Ю.В., Иванов Я.Г.* Полтавская баталия: крепости и герои. М.: Объед. ред. МВД России: Кучково поле, 2009. 382 с.: ил., 8 л. ил. (Рос. военно-историческая б-ка).
135. *Привалихина С.В.* Ее Величество королева Швеции Фридерика (1781–1826). Томск: Томский гос. ун-т, 2009. 367 с.: ил.
136. *Привалихина С.В.* Русская судьба немецкой принцессы. Императрица Елизавета Алексеевна (1779–1826). Тула: Лев Толстой, 2009. 339 с.: ил.
137. *Приказчикова Е.Е.* Культурные мифы в русской литературе второй половины XVIII – начала XIX в. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2009. 528 с.
138. *Пряшников М.П.* Из истории русской музыкальной культуры XVIII века: Сб. статей. М.: МГИ им. Е.Р. Дашковой, 2010. 260 с.
Содерж.: Предисловие. С. 3–7; Сочинения Д.С. Бортнянского в библиотечном собрании Воронцовых. С. 8–20; Ф.Г. Лафермьер и его либретто оперы Д.С. Бортнянского «Сокол». С. 21–30; Письма итальянских музыкантов XVIII века в Российском государственном архиве древних актов. С. 31–44; Н.А. Львов и музыка. С. 45–62; Е.А. Синявина – русская женщина-композитор. С. 63–77; Музыкальный театр А.Р. Воронцова в Андреевском. С. 78–96; Русские песни и обряды, записанные М. и К. Вильмот (по материалам архива В. Брэдфорда в Royal Irish Academie). С. 97–143; Музыка и театр в дипломатической переписке русского двора во второй половине XVIII века (по материалам Архива внешней политики Российской империи). С. 144–161; Романсы и песни Н.И. Куракиной. С. 162–171; Композитор и клавесинист екатерининской эпохи Эрнст Ванжура. С. 172–207; Английский предприниматель М. Медокс в России. С. 208–222; А. Пошман – немецкий ученый, предприниматель и музыкант. С. 223–229; Указатель имен. С. 230–258; Список сокращений. С. 259.

139. *Пуятин И.Е.* Образ русского храма и эпоха Просвещения: Монография. М.: Гнозис, 2009. 416 с.: ил.
Рец.: Слюнькова И.Н. // Искусствознание. 2010. № 1/2. С. 623–624.
140. *Пылаева Л.Д.* Сценический танец французского барокко: феномен «безмолвной риторики»: Монография. Пермь: Перм. гос. пед. ун-т, 2010. 236 с.
141. *Распутина М.В.* Становление клавирного стиля в музыке южнонемецкого барокко. М.: Моск. гос. консерватория, 2009. 219 с.: ил., нот.
142. *Растягаев А.В.* Житийная топика в прозе писателей XVIII столетия: (Кантемир, Третьяковский, Фонвизин): Монография. Самара: Книга, 2009. 291 с.: ил.
143. *Роундинг В.* Екатерина Великая / Пер. с англ. Н. Тартаковской. М.: АСТ: Астрель, 2010. 731 с., 8 л. ил. (Ист. б-ка).
144. *Сапова М.А.* Шедевры Баха по-русски. М.: Классика-XXI, 2009. 281 с., 1 л. портр.: ил. Часть текста парал.: нем., латин., рус.
145. *Свердлов М.Б.* Василий Никитич Татищев – автор и редактор «Истории Российской». СПб.: Европ. дом, 2009. 341 с., факс.
Рец.: Зиновьева Е. // Нева. 2009. № 8. С. 250–252.
146. *Сергеева С.В.* История домашнего образования и частной школы в России: (последняя четверть XVIII – первая половина XIX в.): Монография. Пенза: ПГТА, 2010. 258 с.
147. *Серов Д.О.* Судебная реформа Петра I: Ист.-правовое исследование. М.: Зерцало-М, 2009. 487 с.
148. *Скоробогатов А.В.* Политические идеи и символы в правовой культуре России на рубеже XVIII–XIX веков. Казань: Отечество, 2008 (об. тит. л. 2009). 148 с.
149. *Смягликова Е.А., Буторина Т.С.* История развития педагогической мысли на Архангельском Севере (вторая половина XVIII века): Монография. Архангельск, 2010. 217 с.
150. *Соловьев В.М.* Тайны Российской империи. XVIII век. М.: Оникс, 2009. 351 с.: ил., карты (История Отечества).
151. *Соловьев Е.А.* Петр Первый: Метаморфозы образа (конец XVIII – начало XX вв.). М.: РУДН, 2009. 287 с. (Б-ка классического университета).
152. *Спацанский А.Н.* Григорий Орлов и Гатчина: история фаворита императрицы и его загородного имения. СПб.: Коло, 2010. 254 с.
153. *Стегний П.В.* «Прощайте, мадам Корф»: Из истории тайной дипломатии Екатерины II. М.: Междунар. отношения, 2009. 389 с.
Рец.: Черкасов П.П. // Новая и новейшая история. 2009. № 6. С. 213–216.
154. *Сукайло В.А.* Труды и дни Ивана Дмитриева: В 2 кн. Изд. 2-е, доп., испр. М.; Ульяновск: Корпорация технологий продвижения, 2010. Кн. 1: Хроника. 959 с.: ил.
155. *Таирова-Яковлева Т.Г.* Иван Мазепа и Российская империя. История предательства. М.: Центрополиграф; СПб.: Русская тройка, 2010. 527 с.
Рец.: Каревин А.С. Бездна невежества: «нетрадиционная» российская история Мазепы // Клио. 2010. № 4. С. 152–156.
156. *Талина Г.* Выбор пути: русское самодержавие второй половины XVII – первой четверти XVIII в. М.: Русский Мир, 2010. 448 с.
157. *Тараборин Р.С., Тараборина Ю.В.* Влияние политико-правового опыта Франции на государственно-правовое развитие России: (вторая половина XVIII – первая половина XIX вв.). Екатеринбург: УраГС, 2010. 175 с.

158. *Тиманова О.И.* «Сказочная» книга в социокультурном пространстве России XVIII–XIX веков: движение во времени / Под ред. К.И. Шарафудиной. СПб., 2009. 340 с.: ил.
159. *Трофимов Ж.А.* Николай Карамзин и Симбирск: Поиски, находки, исследования. Ульяновск: Ульянов. Дом печати, 2009. 271 с.: ил.
160. *Успенская С.В., Маковская Л.К.* Парадная литавренная колесница 1760 года: Для вывоза арт. знамени: (история создания, бытования, музеефикации, реставрации) / Воен.-ист. музей артиллерии, инж. войск и войск связи. СПб.: ВИМАИВИВС, 2009. 88 с.: ил., факс.
161. *Ушакова К.М.* Терминология русской риторики как учения о речи (вторая половина XVIII – первая половина XIX в.). М., 2010. 230 с.
162. *Фархутдинова С.Г.* Диалогическая природа культуры барокко. Томск: ТМЛ-Пресс, 2009. 117 с.
163. *Фафурин Г.А.* К истории академической книжной торговли в России в эпоху Екатерины II: Деятельность Иоганна Вейтбрехта в Санкт-Петербурге. СПб.: Петерб. лингвистич. о-во, 2010. 375 с.: ил.
164. *Филимон А.Н.* Брюс. М.: Вече, 2010. 382 с., 8 л. ил. (Великие ист. персоны: ВИП) (Война и армия).
165. *Ханзен Ф.* Прямые и окольные пути к Гёте: Жизнь и творчество немецкого гения / Пер. с нем. К.П. Щепетова. М.: МГТУ, 2010. 170 с.
166. *Хотеев П.И.* Читатели Библиотеки Академии наук: по данным за 1724–1728 и 1731–1736 гг. СПб.: БАН, 2010. 243 с.: ил.
167. *Цвиркун В.И.* Дмитрий Кантемир: страницы жизни в письмах и документах. СПб.: Нестор-История, 2010. 411 с., 8 л. ил.
168. *Черкасов В.А.* Державин и его современники глазами Ходасевича: Монография. Белгород: БелГУ, 2009. 335 с.
Рец.: Колесников С.А. // Науч. ведомости Белгород. гос. ун-та. Сер.: Гуманитарные науки. 2009. № 6. С. 107.
169. *Черкасов П.П.* Елизавета Петровна и Людовик XV: русско-французские отношения, 1741–1762. М.: КМК, 2010. 375 с., 16 л. ил.
170. *Чудинов А.В.* Жильбер Ромм и Павел Строганов: история необычного союза. М.: Новое лит. обозрение, 2010. 335 с.
171. *Шакорнак П.* Граф Сен-Жермен – хранитель всех тайн / Пер. с фр. М. де Брен. М.: Вече, 2010. 319 с. (Великие тайны истории).
172. *Шевченко Е.А.* Воронежское наместничество (1779–1796 гг.): система управления: Монография. Воронеж: Истоки, 2010. 301 с.
173. Шедевры русского фарфора XVIII века: Из собр. галереи «Попов & Ко» / М. Баруш, Н. Сиповская, Т. Носович и др. М.: Пинакотека, 2009. 352 с.: ил.
174. *Шигин В.В.* Адмирал Нельсон. М.: Мол. гвардия, 2010. 383 с., 16 л. ил. (Жизнь замечательных людей. Серия биографий; Вып. 1430 (1230)).
175. *Шипилов А.В.* Индустрия России первой половины XVIII в.: Промыслы, ремесло, мануфактура: Монография. Воронеж: ВГПУ, 2009. 408 с.
176. *Шипилов А.В.* Россия первой половины XVIII века: государство, общество, культура: Монография: В 2 т. Воронеж: ВГПУ, 2010. Т. 1. 435 с.; Т. 2. 225 с.
177. *Широкопад А.Б.* Мифы и реалии Полтавской битвы. М.: АСТ; Владимир: ВКТ, 2010. 319 с., 12 л. ил. (Неизвестные войны).

178. *Шкваров А.Г.* Петр I и казаки. СПб.: Алетейя, 2010. 455 с., 8 л. ил. (Ист. книга).
179. *Шкваров А.Г.* Полтавская битва. К 300-летию «Преславной баталии». М.: Яуза: Эксмо, 2009. 447 с. (Перелом в истории).
180. *Шкваров А.Г.* Русская церковь и казачество в эпоху Петра I. СПб.: Алетейя, 2009. 111 с. (Ист. книга).
181. *Шубинский В.И.* Ломоносов. М.: Мол. гвардия, 2010. 471 с., 16 л. ил. (Жизнь замечательных людей; Вып. 1463 (1263)).
182. *Щербакова Т.В.* «Великий хан» английской литературы Самюэль Джонсон (1709–1784). Киров: Изд-во Вят. Гос. гуманит. ун-та, 2009. 161 с.
183. *Юркин И.Н.* «От первопрестольного града Москвы...»: А.А. Виниус в Москве и Подмоскovie. М.: Моск. учебники и Картолитография, 2009. 237 с.
Рец.: Белозеров О.П. // Вопр. истории естествознания и техники. 2010. № 4. С. 193.

КОЛЛЕКТИВНЫЕ ТРУДЫ И СБОРНИКИ

184. Андрей Никифорович Воронихин. Мастер, эпоха, творческое наследие: Материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 250-летию архитектора А.Н. Воронихина (1759–1814). [Санкт-Петербург], 28–30 окт. 2009 г. / Гл. ред. Ю.Г. Бобров. СПб.: Коломенская верста, 2010. 430 с.: ил., 8 л. ил.
Содерж.: Приветственные слова участникам Международной научно-практической конференции, посвященной 250-летию архитектора А.Н. Воронихина: «Андрей Никифорович Воронихин. Мастер, эпоха, творческое наследие» / Владимир, Митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский; З.К. Церетели, М.М. Посохин, Д.О. Швидковский. С. 5–8; Предисловие Научно-редакционной коллегии. С. 9; Программа конференции. С. 10–15; Александр (Фёдоров), игумен. Актуальные вопросы изучения наследия А.Н. Воронихина. С. 17–28; Кузнецов С.О. За колоннадой Казанского собора: А.Н. Воронихин как архитектор Дома Строгановых. С. 29–48; Кириченко Е.И. Казанский собор в Петербурге Павла I. С. 49–56; Лисовский В.Г. Казанский собор и его градостроительный контекст. С. 57–66; Путятин И.Е. Раннехристианские и древнеримские образы в архитектуре Казанского собора. С. 67–80; Коляда М.И. Реставрация Санкт-Петербургского Казанского собора в начале XXI в. С. 81–84; Белоножкин А.Е. Петербургский епархиальный архитектор А.П. Аплаксин – исследователь жизни и творчества А.Н. Воронихина. С. 85–94; Иванова Е.Б. Г.Г. Гримм – автор монографии о А.Н. Воронихине. С. 95–98; Несветайло Т.Н. Интерьеры восточного флигеля Строгановского дворца. Проблемы реставрации. С. 99–112; Бондарева О.Н. Митрополит Платон (Левшин) и А.Н. Воронихин. С. 113–118; Блинова Е.К. Ордер в творчестве А.Н. Воронихина. С. 119–123; Белов А.А. Архитектурные работы А.Н. Воронихина в Петергофе. С. 125–134; Глухих А.А., Калугина И.В. К вопросу об атрибуции усадьбы Братцево. С. 135–144; Белковская В.М., Новикова О.В. Участие А.Н. Воронихина в перестройке интерьеров Мраморного дворца (1803–1809 гг.). С. 145–150; Анисимова Е.Е. Константиновский дворец в Павловске. Роль архитектора

в формировании облика дворца. С. 151–164; Алексеева А.В. «...От молодой графини Ливен». С. 165–170; Цыпуштанов В.А. Постройки, приписываемые А.Н. Воронихину в провинции. Село Новое Усолье Пермской губернии. С. 171–174; Микишатъев М.Н. Творчество Воронихина. Проблемы формообразования. С. 175–188; Полярная Ж.А., Столбова В.П. Первое высшее техническое учебное заведение России – Горное училище, Горный кадетский корпус, Горный институт – как памятник архитектуры великого зодчего А.Н. Воронихина. С. 189–196; Яковлев К.В. Каменных дел мастер Самсон Суханов. С. 197–204; Черненко В.А. Ансамбль Казанского собора и вклад завода К.Н. Берда в его архитектурно-художественный образ. С. 205–214; Буллах А.Г. Яшмовые колонны из иконостаса Казанского собора – где они теперь? С. 215–218; Августин (Никитин), архимандрит. Казанский собор (страницы истории). С. 219–234; Коршунова М.Ф. Коллекция живописи Александра Сергеевича Строганова. С. 235–239; Гончарова Н.В. Гравюры Алексея Егорова в научной библиотеке Томского государственного университета (к вопросу изучения коллекции графики книжного собрания Г.А. Строганова). С. 241–246; Ерохина И.П., Кузнецов С.О. Шансы архитектора Ивана Колодина. С. 247–258; Нугманова Г.Г. Архитектурные ансамбли Казани эпохи классицизма. С. 259–268; Безверхова Л.Б. Воплощение градостроительных идей русской архитектуры начала XIX в. в архитектурных ансамблях Вятской губернии (А.Д. Захаров, А.Н. Воронихин, С.Е. Дудин, Н.А. Андреевский, И.Д. Дюссар де Невиль, А.Л. Витберг). С. 269–279; Брызгалова К.В. Особенности градостроительного подхода архитектора С.Е. Дудина к промышленным ансамблям Вятской губернии. С. 281–288; Лазарева Т.В. Деятельность в Рязани губернского архитектора Н.И. Воронихина. С. 289–298; Берташ А., священник. А.Н. Воронихин и истоки русского стиля. С. 299–304; Савинова Е.А. Проектная модель Казанского собора. История ее создания и бытования. С. 305–310; Бурдяло А.В. Усадьба Воронихиных или дом купца Таратина. (Что охраняла Государственная инспекция охраны памятников?). С. 311–324; Исаченко В.Г. Казанский собор в произведениях литературы и изобразительного искусства. С. 325–334; Василик В., диакон. Казанский собор в творчестве Пушкина: «Перед гробницею святой...». С. 335–343; Кент Н. Классицистический контекст. Роберт Адам. С. 345–354; Гликин А.А. А.Н. Воронихин и стиль современной церковной архитектуры Санкт-Петербурга. С. 355–357; Небольсин А.Р. Историческая семантика идей классической и христианской мировой гармонии. С. 358; Белоножкин А.Е. Памятник А.Н. Воронихину (об одном замысле начала XX века). С. 359–368; Краткие сообщения: О создании Юлией Гоголь памятной монеты к юбилею А.Н. Воронихина. С. 369; О создании Александром Новосёловым копии (авто)портрета А.Н. Воронихина из собрания ГРМ. С. 370; Предложения Юлии Гоголь и Кирилла Яковлева по созданию памятника А.Н. Воронихину. С. 371; О проекте Дмитрия Бутырина по воссозданию храма Императорского Фарфорового завода (где трудился и был похоронен на Фарфоровском кладбище скульптор А.И. Воронихин). С. 372–373; Итоговый документ Международной научно-практической конференции, посвященной 250-летию архитектора А.И. Воронихина (1759–1814) «Андрей Никифорович Воронихин. Мастер, эпоха, творческое наследие». С. 374–375; Приложения: Формулярный список проф. Воронихина. С. 377; Высказывания о А.Н. Во-

- ронихине. С. 378; Воронихин Н.Н. Письмо в редакцию «Ленинградской правды». С. 379–380; Воронихин Н.Н. Зодчий А.Н. Воронихин. (Материалы для биографии). С. 381–395; Воронихин С.Н. Александр Андреевич Воронихин. С. 396–398; Воронихин Н.Н. Род Воронихиных (набор с более полного варианта рукописи). С. 399–402; Список участников конференции, посвященной 250-летию А.Н. Воронихина. С. 403–406; Каталог выставки архитектурной графики Андрея Никифоровича Воронихина, посвященной 250-летию архитектора, из собрания Научно-исследовательского музея Российской академии художеств. С. 407–414; Собор св. Петра в Риме и Казанский собор в Санкт-Петербурге. Сравнительный визуальный ряд, разработанный архитектором М.Б. Атаянцем. С. 415–422; Надписи на фасадах Казанского собора. Описание текстового оформления Казанского собора. С. 423–427.
185. Век Просвещения / Отв. ред. С.Я. Карп; Сост. Г.А. Космолинская. М.: Наука, 2009. Вып. 2: В 2 кн. Кн. 2. 255 с., 4 л. ил.
Содерж.: От редколлегии. С. 5; **Исследования и публикации. Репрезентации, художественные образы и их создатели**: Marker G. Out of the Terem: Representations of the *Tsaritsa* in Print and Public Ceremonials, 1712–1724. С. 6–22. С. 22; Савинская Л.Ю. Письма Анжелики Кауфман князю Н.Б. Юсупову (художник и заказчик в Риме конца XVIII века). С. 23–46; **Сообщения и находки**: Краснобаева М.Д. *Бумажный музей* Н.Б. Юсупова. С. 47–71; Долгодрова Т.А. Собрание набивных тканей К.Ф. Оберкампа в Российской государственной библиотеке. С. 72–84; Королев С.В. Книги с посвящениями императрице Екатерине II в собрании Российской национальной библиотеки (продолжение). С. 85–92; **Новые книги. Рецензии. Библиография**: Елагина Н.А. *Корпус читательских помет Вольтера*: от замысла к его осуществлению. С. 93–104; Карп С.Я. Voltaire. Corpus des notes marginales. Vol. 6: Nadal–Plato. Oxford: Voltaire Foundation, 2006 (Euvres complètes de Voltaire, t. 141). 517 p. С. 105–107; Долгодрова Т.А. Histoire et civilisation du livre. Revue internationale. N 1–2. Genève: Librairie Droz S.A., 2005–2006. 391 p.: il., 424 p.: il.; С. 108–116; Плавинская Н.Ю. Revue Montesquieu. Revue bisannuelle – Société Montesquieu / UMR CNRS № 5037 / Librairie Droz S.A. 1997–2006. № 1–8. С. 117–122; Карп С.Я. *Moureau F. La plume et le plomb. Espaces de l'imprimé et du manuscrit au siècle des Lumières* / Préface de R. Darnton. Paris: Presses de l'Université Paris-Sorbonne, 2006. 728 p. С. 123–129; Фурсенко Л.И. XVIII век. Указатель литературы за 2005–2006 гг. С. 130–210; Перечень иллюстраций. С. 211–212; Список сокращений. С. 213–215; Указатель имен / Сост. Е.Н. Балашова. С. 216–248; Сведения об авторах. С. 249–253.
186. Вольтеровские чтения: Материалы междунар. конф. / Рос. нац. б-ка. СПб.: Рос. нац. б-ка, 2009. Вып. 1 / Отв. ред. Н.А. Копанев. 260 с.: ил.
Содерж.: Зайцев В.Н. К читателям. С. 5–6; Перру Э. К читателям. С. 9–10; Предисловие. С. 11–14; Вольтер, журналистика и общественное мнение: Sgard J. Voltaire et les gazettes. С. 17–18; Копанев Н.А. Петербургские отклики на конфликт Вольтера с Фридрихом II. С. 29–38; Delon M. Modèle journalistique et récit romanesque. С. 39–48; Заборов П.Р. Вольтеровский юбилей 1878 г. в русской периодической печати. С. 49–57; Кротов П.А. Вольтер и П.Н. Крёкшин: два подхода к воссозданию событий Полтавской битвы 1709 г. С. 58–66; Kölving U. Voltaire dans la «Correspondance

- littéraire» de Grimm: quelques apports de la nouvelle édition. С. 67–76; Смирнов Ю.Н. Изучение российских регионов в XVIII веке и научная журналистика (на примере сотрудничества Г.Ф. Миллера и П.И. Рычкова). С. 77–90; Raynaud J.-M. Voltaire et les «Lettres historiques et galantes». С. 91–99; Фафурин Г.А. Конфликт Э. Фальконе и Помеля на страницах «Journal encyclopédique». С. 100–104; Артамонова Л.М. Отражение основных этапов школьной реформы Екатерины II в периодических изданиях 1780-х гг. С. 105–118; Златопольская А.А. Ж.-Ж. Руссо в русской периодической печати XVIII–XX веков. С. 119–132; Reynaert F. Un journaliste d'aujourd'hui et le journalisme de l'époque de Voltaire. С. 133–142; Религии просветителей: Лукьянец И.В. Добродетельный атеист в романах Ж.-Ж. Руссо и Д. Дидро. С. 145–154; Zanin S. Rousseau interprète des idées religieuses de Montesquieu. С. 155–176; Зайцева И.И. Две книги из фернейского собрания Вольтера в контексте истории императорской царскосельской библиотеки. С. 177–193; Артемьева Т.В. «Город без церкви»: теологическая утопия А.Т. Болотова. С. 194–202; Полосина А.Н. Лев Толстой и Вольтер о веротерпимости. С. 203–214; Занин С.В. Благодетель из Фернея. С. 215–243; Список иллюстраций. С. 243; Список сокращений. С. 244; Сведения об авторах. С. 245.
187. Воронцовы – два века в истории России: Тр. Воронцов. о-ва. СПб.: Санкт-Петербург. центр истории идей, 2010. 301 с.
- Содерж.*: Павлов В.Е. Военный историк, пушкиновед и генеалог. С. 5–7; Программа XVII Воронцовских чтений. С. 8–9; XVII Воронцовские чтения. С. 10–11; Программа XVIII Воронцовских чтений. С. 12–13; Алексеев В.Н. XVIII Воронцовские чтения. С. 14–15; Алексеев В.Н. Граф М.И. Воронцов – вице-канцлер, канцлер и дипломат. Ч. 1 (1744–1758). С. 16–25; Балдин К.Е., Костылева Е.Л. Воронцовы и Ивановский край. С. 26–31; Берташ А. Церковь Воскресения Словущего Кадетского ракетно-артиллерийского корпуса при бывшем доме Р.И. Воронцова. С. 32–36; Болотина Н.Ю. Эстетика путешествий Екатерины II по России в контексте мифа о «потемкинских деревнях». С. 37–45; Воронцов А.П. Социологическое исследование старинного русского рода дворян Воронцовых и Воронцовых-Дашковых. С. 46–51; Воскобойникова Н.П. К вопросу об управлении именьями Воронцовых в начале XIX в. С. 52–58; Воскобойникова Н.П. Переписка А.Р. Воронцова с Н.А. Щербининым за 1784–1793 гг. С. 59–65; Долгова С.Р. Вотчины Воронцовых в Костромской губернии. С. 66–74; Долгова С.Р. Сестра кн. Е.Р. Дашковой Елизавета Романовна Полянская (по документам РГАДА). С. 75–84; Долгова С.Р. Дачи Воронцовых по Петергофской дороге и их соседи. С. 85–91; Иванова Е.В. Домовые владения Воронцовых в Москве. С. 92–96; Меркулова Т.Н. Семейные портреты Воронцовых из именья Андреевское в собрании Владимиро-Суздальского музея-заповедника. С. 97–109; Меркулова Т.Н. Царские и императорские портреты из коллекции Воронцовых в собрании Владимиро-Суздальского музея-заповедника. С. 110–122; Микешин М.И. Лейтенант королевского флота. С. 123–137; Мисайлиди Л.Е. Записная книжка М.С. Воронцова. С. 138–147; Монахова Е.Н. Образ графини А.К. Воронцовой-Дашковой в пьесе М.А. Булгакова об Александре Пушкине «Последние дни». С. 148–153; Монахова Е.Н. Портреты Воронцовых в серии иллюстраций Е.Е. Лансере к повести Л.Н. Толстого «Хаджи-Мурат» из собрания Литературного музея

- ИРЛИ РАН (Пушкинский Дом). С. 154–158; Никитина А.Б. Из переписки Воронцовых. С. 159–168; Парахуда В.А. Редкие фотографические изображения бывшей усадьбы графов Воронцовых и Мордвиновых вблизи Мартышкина под Петербургом. С. 169–177; Петерс Т.П. К вопросу об образовании сыновей княгини Натальи Петровны Голицыной («Пиковой дамы»). С. 178–189; Пленкин О.И. Наместник Р.И. Воронцов и становление Владимирской губернской прокуратуры. С. 190–198; Приходько М.А. Конституционный проект А.Р. Воронцова и его обсуждение в Негласном комитете. С. 199–203; Рассказова Л.В. Барские забавы Ранцовых в Архангельском. С. 204–213; Рассказова Л.В. Письма А.Н. Радищева к графу А.Р. Воронцову (межличностный аспект). С. 214–223; Тихомирова Е.Г. Село Торшковицы по документам РГАДА и ОПИ ГИМ. С. 224–232; Фирсова Е.Н. Дети и воспитанники княгини Дашковой. С. 233–280; Якушкин Г.Р., Якушкина М.М. Крестьянин Иван Мошкин – изобретатель XVIII в. С. 281–293; Хроника. С. 294–297; Сведения об авторах. С. 298–299.
188. XVIII век: литература как философия, философия как литература / Под ред. Н.Т. Пахарьян. М.: Экон-Информ, 2010 512 с.
Содерж.: **Общие вопросы философско-художественного синтеза XVIII века**: Артамонова Ю. Литература и философия в эпоху Просвещения: основания синтеза. С. 3–12; Соломеин А. Структурные и генерализационные вопросы эссеизации философско-исторических текстов во французском Просвещении. С. 12–20; Черновверская Т. Философия на трибуне: о некоторых особенностях политической риторики Французской революции. С. 20–29; Кулакова И. «Воздвигните на небо очи ваши»: взаимодействие философского, научного и художественного дискурсов в российской литературной традиции XVIII в. С. 29–48; Кротенко И. Взаимодействие философского и литературного дискурсов в русской литературе XVIII в. С. 49–54; **Философия творчества и этико-эстетические проблемы культуры Просвещения**: Трофимова В. На заре эпохи Просвещения: «женский вопрос» в *Споре древних и новых* (Н. Буало и Ш. Перро). С. 55–64; Соловьева Н. Литература и философия в педагогических системах английского Просвещения: С. Джонсон, С. Филдинг, М. Эджуорт. С. 64–74; Линкова Я. Философия творчества в предисловии к французскому роману XVIII в. С. 74–79; Галатенко Ю. «Размышления о хорошем вкусе» в итальянской эстетике начала XVIII века (Дж. В. Гравина, П. Джанноне, Л.А. Муратори). С. 79–87; Какауридзе Н. Философские основы литературной теории движения *Бури и натиска*. С. 87–91; Калашникова Н. Поэтика как форма философии творчества (голландская литература XVIII века). С. 91–97; Васильева Г. «Часть» и «целое» в переписке Гёте и Шиллера. С. 97–105; Ахвледиани Т., Ахвледиани М., Квирикадзе Н. Грузинский царевич Давид Багратион – философ-просветитель. С. 105–110; Ломтадзе Т. Философские термины в грузинских литературно-исторических источниках XVIII в. С. 110–114; **Поэзия и философия в эпоху Просвещения**: Алилова Д. В тандеме магических слов: философы, барды, жрецы в поэзии английского Просвещения. С. 115–122; Поляков О. Моральная философия С. Джонсона в поэме *Тщета человеческих желаний*. С. 122–128; Анисимова А. Топика «*Iocus amoenus*» в немецкой идиллии XVIII века: проблема философско-художественного синтеза. С. 128–137; Смирнов А. Воздействие философии сенсуализма на становление нового типа лирической образности в

поэзии И.В. фон Гёте. С. 137–143; Синило Г. Синтез поэзии, философии и мифа в позднем творчестве Фридриха Гёльдерлина. С. 143–158; Соловьёва Е. Философические построения в поэзии Э.Ю. Стагнелиуса. С. 158–166; Фейгина Е. Философия бытия в поэме Дж. Парини *День*. С. 166–170; Теперик Т. Греческая анакреонтика в русских переводах XVIII века: философский аспект. С. 171–178; Петров А. Эпиталамические оды в русской культуре XVIII века: *Egos & Politics inc.* С. 178–187; Саськова Т. Жанр эклоги и философия «наивного сознания» в перекрестии литературных стилей. С. 187–196; Абрамзон Т. О «методах философствования»: Ломоносов и Муравьев. С. 196–206; Салова С. Философские подтексты анакреонтики М.В. Ломоносова. С. 207–216; Архангельская А. «Философия жизни» в русской рукописной литературе XVIII в. С. 216–222; Микадзе М. Философский спектр поэзии Давида Гурамишвили. С. 223–227; **Проза и филология XVIII столетия:** Лидергос Н. Романные афоризмы Кребийонасына как форма бытового философствования. С. 228–236; Ермоленко Г. Идея свободы в философских трактатах и повестях Вольтера. С. 236–244; Гринштейн А. Образ философа в философских повестях Вольтера. С. 244–249; Чекалов К. «Его философия – бред...». *Этюды о природе* Бернарден де Сен-Пьера. С. 249–258; Овчарова Е. Философия французского эмиссара XVIII века (*Записки об Индии* Клода Гюго). С. 258–266; Потницева Т. «Позолоченная пилюля»: парадоксы мысли и слова С. Джонсона. С. 266–274; Зыкова Е. Спор о человеческой природе в английском романе XVIII в. С. 275–285; Карабегова Е. Идеи философии Платона в романах К.М. Виланда. С. 285–298; Черненко И. Герметическая мудрость Гёте: *Сказка о зеленой змее и прекрасной Лилии*. С. 298–308; Сапрыкина Е. Метаморфозы жанра диалога в просветительской литературе Италии. С. 308–317; Алпатова Т. Философский дискурс эпохи в *Письмах русского путешественника* Н.М. Карамзина. С. 317–324; Сложеникина Ю., Растягаев А. От поэтики чуда к философии Просвещения: *Житие канцлера Франциска Баккона* Тредиаковского. С. 325–333; **Театр и философия века Просвещения:** Пахсарьян Н. «Комическая философия» в комедиях Мариво. С. 334–341; Iuanova-Gledel E. «Zemire et Azor» de Gretry et Marmontel (1771): un operacomiqua a portee philosophique. С. 342–356; Иванова-Гледель Е. *Зем(ф)ира и Азор* Мармонтеля и Гретри (1771 г.): комическая опера с философским подтекстом?: Рез. доклада. С. 356–362; Садыхова Л. Английская драма XVIII века: философия на сцене Просвещения. С. 362–369; Чеснокова Т. Английский театральный бурлеск от Ф. Бомонта до Дж. Гея: эстетика и «моральная философия» жанра. С. 370–378; Саруханова И. К вопросу о некоторых философских аспектах оперы В.А. Моцарта *Волшебная флейта*. С. 378–383; Калганова В. Комедия А.П. Сумарокова *Опекун*: философия любви. С. 383–391; **Искусство и философия XVIII века:** Белова Ю. Рациональные конструкции в творчестве Антуана Ватто. С. 392–396; Лётин В. Храмы Мудрости в садах русских усадеб конца XVIII – начала XIX века: аполлоническая парадигма. С. 396–406; Пауткин А. Последний «философский камень» усадьбы Савинское (И.В. Лопухин и Квириин Кульман). С. 406–414; **Традиции философско-художественного диалога XVIII столетия в литературе XIX–XXI веков:** Лимборский И. «Игры разума» в литературе Просвещения и их судьбы в эпоху глобализации. С. 415–424; Корнилова Е. Жанровые черты философской повести Вольтера в сочинении

- А. фон Шамиссо *Удивительная история Петера Шлемиля*. С. 425–433; Курдина Ж. Сентименталистская рефлексия в ранней поэзии Уильяма Вордсворта. С. 433–445; Новикова Н. Философская лирика Бланко Уайта: от Севильской академии словесности до Оксфордского университета. С. 445–452; Симонова Л. Последнее письмо в идейно-художественной коллизии романов *Юлия, или Новая Элоиза* Ж.-Ж. Руссо и *Лилия в долине* О. де Бальзака. С. 452–459; Модина Г. «Верный сын Вольтера»: традиции Просвещения в становлении творческой индивидуальности Флобера. С. 460–466; Багдасарова А. Миф о Дон Жуане в философском контексте испанского экзистенциализма (драмы М. де Унамуно *Другой* и *Брат Хуан*). С. 467–472; Автухович Т. Традиции философской прозы XVIII века в творчестве С.Д. Кржижановского. С. 473–480; Этарян Е. Идеи философии истории в творчестве Ф. Шиллера и их рецепция в романе Г. Грасса *Бескрайнее поле*. С. 481–488; Дубровина С. Пьеса Жан-Люка Лагарса *Смутные воспоминания о чумном годе*: современный опыт прочтения Дефо. С. 488–496; Огнева Е. XVIII век сквозь призму магического феминизма (*Остров под морем* Исабель Альенде после *Царства земного* Алехо Карпентьера). С. 497–500; Гуланын К. Отражение идей английского Просвещения в романе П. Акройда *Лондонские сочинители*. С. 501–508.
189. Е.Р. Дашкова: Великое наследие и современность / Отв. ред. Л.В. Тычинина. М.: МГИ им. Е.Р. Дашковой, 2009. 360 с., 12 с. ил.
Содерж.: Тычинина Л.В. Дашковское общество. 2008 год: хроника событий. С. 5–9; Лисовой Н.Н. Екатерининское время и современность: Империя, Церковь, Культура. С. 10–17; Маррезе М.Л. Дворцовый переворот 1762 г. и традиция женских интриг при российском дворе XVIII в. С. 18–31; Тычинина Л.В. О христианских основах мировоззрения Е.Р. Дашковой. С. 32–43; Мамаева О.В. Универсальная женская личность в «Записках» Е.Р. Дашковой. С. 44–82; Сафонов М.М. «Записки» Е.Р. Дашковой и их авторы. С. 83–151; Фирсова Е.Н. Еще раз об авторстве записок Е.Р. Дашковой. С. 152–168; Байрд О.А. Екатерина Великая и Екатерина Малая в Бирмингеме (Англия): мифы и факты. С. 169–182; Итурраран Х. Неожиданная находка: испанский ученый – член-корреспондент Санкт-Петербургской императорской Академии наук. С. 183–186; Фадеева Т.М. Е.Р. Дашкова и английская ветвь Воронцовых: о малоизвестном портрете княгини, хранящемся в поместье Вилтон-хауз (Англия). С. 187–200; Долгова С.Р. Как делили наследство Анны Карловны Воронцовой. С. 201–206; Полевщикова Е.В. Русские периодические издания XVIII века в библиотеках Воронцовых. С. 207–217; Пряшников М.П. Английские музыкальные связи Воронцовых и Дашковых (по материалам нотного-музейного архива и библиотеки Воронцовых). С. 218–231; Серебрякова Н.Я. О захоронениях Екатерины Алексеевны и Семена Романовича Воронцовых. С. 232–235; Фирсова Е.Н. Московские адреса родственников Е.Р. Дашковой по линии Воронцовых. С. 236–262; Боленко К.Г. Проект Генерального суда Екатерины II: истоки и результаты. С. 263–268; Козлова Н.В. Уклад жизни в богадельнях Москвы XVIII в. С. 269–281; Болотина Н.Ю. Зубовы в Литве (обзор фондов РГАДА). С. 282–293; Пчелов Е.В. Образ и эпоха Екатерины Великой в комедии А.С. Грибоедова «Горе от ума». С. 294–311; Елисеева О.И. Удар – поцелуй: тактильный контакт в русской культуре XVIII в. С. 312–320; Моисеева С.В. Художник Леонтий Семенович Мирополь-

- ский и его творчество. С. 321–348; Таёжная Л.Я. Усадьба в селе Троицком и ее роль в становлении отечественной школы изобразительных искусств 1930-х годов. С. 349–352; Пищулина Л.М. Десять лет с именем Е.Р. Дашковой. С. 353–357; Стручков В.А. Восстановление русских усадеб – дело государственной важности. С. 358–359; Список сокращений. С. 360.
190. Е.Р. Дашкова и XVIII век: От Российской империи к современной цивилизации / Отв. ред. Л.В. Тычина. М.: МГИ им. Е.Р. Дашковой, 2010. 349 с., 8 л. ил.
- Содерж.*: Вступительное слово ректора Московского гуманитарного института им. Е.Р. Дашковой Л.В. Тычиной на открытии XV Международных Дашковских чтений. С. 5–7; Тычина Л.В. Дашковское общество. 2009 год: хроника событий. С. 8–10; Челышев Е.П. Слово о Святейшем Патриархе. С. 11–18; Чернышёва М.И. К вопросу о лексикографическом диалоге двух Екатерин: два словаря – два итога. С. 19–20; Фаловски А. Славянские материалы в многоязычных европейских лексиконах XVIII в. С. 21–30; Сугоняев Ю.М. Е.Р. Дашкова и Петергофская дорога: Российская Академия начинается. С. 31–47; Фадеева Т.М. Е.Р. Дашкова – директор Академии наук: штрихи к портрету (из переписки с братом А.Р. Воронцовым). С. 48–56; Сафонов М.М. «Записки» Е.Р. Дашковой и их авторы: [Окончание. Начало см. № 189]. С. 57–106; Алексеев В.Н. Е.Р. Дашкова в произведениях А.С. Пушкина. С. 107–112; Долгова С.Р. Участие Р.И. Воронцова в подготовке торжественной встречи Екатерины II в Костроме (1767 год). С. 113–134; Байрд О.А. Российский посол С.Р. Воронцов и английский механик М. Боултон: история дружбы. С. 135–150; Фирсова Е.Н. Дети и воспитанники Е.Р. Дашковой. С. 151–204; Пряшникова М.П. Дочь Е.Р. Дашковой Анастасия Михайловна Щербинина: штрихи к портрету. С. 205–221; Лопатин В.С. История требует уважения (в защиту Екатерины Великой). С. 222–242; Пчелов Е.В. Антропонимия императорской семьи в эпоху Екатерины Великой. С. 243–253; Боленко К.Г. Восприятие идеи Верховного уголовного суда российской административной и интеллектуальной элитой в 1800–1810-е годы. С. 254–267; Лещиловская И.И. Российско-сербские церковные связи в XVIII веке. С. 268–281; Лабутина Т.Л. Британская культура в екатерининской России. С. 282–291; Болотина Н.Ю. Традиция празднования Полтавской победы в эпоху Екатерины II. С. 292–301; Кочнева Е.В. Коллекция портретов членов Российской академии в собрании Литературного музея Пушкинского Дома. С. 302–314; Полевщикова Е.В. Театральные сочинения в изданиях гражданской печати XVIII века в библиотеках Воронцовых. С. 315–326; Серебрякова Н.Я. Митрополит Гавриил (Петров) и Патриарх Алексей II в судьбе храма св. Екатерины в Мурине. С. 327–332; Таёжная Л.Я. О некоторых итогах инициатив 1990-х годов по возрождению усадьбы Троицкое. С. 333–337; Стручков В.А. Новотомниковский конный завод: история и современность. С. 338–343; Чечикова Г.А. Имя Е.Р. Дашковой в наукограде Протвино: из опыта работы Центральной городской библиотеки им. Е.Р. Дашковой. С. 344–348; Список сокращений. С. 349.
191. Г.Р. Державин и диалектика культур: Материалы Междунар. науч. конф. (г. Лаишево, 13–15 июля 2010 г.). Казань: Казан. гос. ун-т, 2010. 157 с.
- Содерж.*: **Разд. 1. Поэтический мир Г.Р. Державина:** Разживин А.И. Опера Г.Р. Державина «Грозный, или покорение Казани» в свете предроманти-

ческой поэтики. С. 4–7; Федосеева Т.В. Предромантическая поэтика драматических произведений Г.Р. Державина комедийных жанров. С. 8–13; Фоменко И.Ю. «На парение орла»: образ орла в поэтике Державина. С. 14–18; Абрамзон Т.Е. Грамматика любви: коды «легкой» поэзии Г.Р. Державина. С. 19–22; Яницкая С.С. «Но я с тех пор, с тех пор страдаю»: романс в художественной практике Г.Р. Державина. С. 23–26; Салова С.А. Философские подтексты анакреонтики Г.Р. Державина. С. 27–30; Саленко О.Ю. Стилевые особенности пейзажных описаний в поэзии Г.Р. Державина. С. 31–32; Петров А.В. Эпиталамические стихи Г.Р. Державина. С. 33–36; **Разд. 2. Г.Р. Державин: литература и культура в контексте XVIII–XXI вв.**: Саськова Т.В. Еще раз о «Фелице»: динамическое взаимодействие жанра и стиля. С. 37–39; Васильев С.А. «Риторика» М.В. Ломоносова и «Рассуждение о лирической поэзии или об оде» Г.Р. Державина: литературная теория и авторский стиль. С. 40–42; Алпатова Т.А. Мифология поэтического творчества в художественном осмыслении Г.Р. Державина и Н.М. Карамзина. С. 43–46; Пашкуров А.Н. Оссианизм и Г.Р. Державин: лирико-философские аспекты. С. 47–50; Никулина В.В., Островских И.Н. Поэтика имени в повести М.Н. Муравьева «Эмилиевы письма». С. 51–54; Ишкиняева Л.К. Державинская цитата в «Записках ружейного охотника...» С.Т. Аксакова. С. 55–58; **Разд. 3. Личность и творчество Г.Р. Державина**: Шарипов Х.Г. Г.Р. Державин и Министерство юстиции России. С. 59–64; Маслова А.Г. Военные события екатерининской эпохи в поэтическом изображении Г.Р. Державина. С. 65–69; Сузи В.Н. «Жизнь есть небес мгновенный дар...». С. 70–73; Мещеряков Ю.В. Г.Р. Державин и Н.А. Львов: последний год общения (по архивным документам). С. 74–78; Фельдман Д.З. Мнение сенатора Г.Р. Державина «об отвращении в Белоруссии голода и устройстве быта евреев» 1800 г.: история появления и судьба рукописи. С. 79–83; Морозова Н.П. Г.Р. Державин и его «казанский приятель» Г.Н. Киселев. С. 84–87; Кукушкина Е.Д. Судьба русского офицера в XVIII веке: («Похождение прапорщика Климова» в архиве Г.Р. Державина). С. 88–91; Дзюбанов С.Д. «Удостойте снисхождения старость мою». С. 92–100; **Разд. 4. Г.Р. Державин и провинциальная культура**: Воронова Л.Я. Г.Р. Державин в казанском литературоведении и критике конца XIX – начала XX вв. С. 101–104; Галимуллина А.Ф. Поэтический диалог казанских поэтов с Г.Р. Державиным. С. 105–108; Гольденберг М.Л. Г.Р. Державин: истоки Олонецкой губернии. С. 109–114; Болотина Н.Ю. Державинская газета «Тамбовские известия» в жизни провинциального города второй половины XVIII в. С. 115–119; Колычев С.В. Гаврила Романович Державин и его наследие в Оренбургском крае. С. 120–126; Карташева Е.И. Некоторые черты книжной культуры Казани последней трети XVIII – начала XIX вв. С. 127–132; Ключевская Е.П. Художественный мир казанской провинции XVIII столетия. С. 133–136; Фахретдинов А.И. Исследования памятников болгарского времени в Лаишевском районе. С. 137–138; Никонова Н.А. Державин в Симбирске. С. 139–142; Завьялова И.В. Сочинения Г.Р. Державина в рукописных сборниках начала XIX в. (по материалам фондов НМ РТ и ОРРК НБЛ КГУ). С. 143–147; Белозерцев А. Имя Державина обязывает. С. 148–152; Варина В.М. Исследовательская деятельность учащихся в изучении творчества Г.Р. Державина во внеурочное время. С. 153–155.

192. Г.Р. Державин и его время: Сб. науч. ст. / Всерос. музей А.С. Пушкина, Музей Г.Р. Державина и рус. словесности его времени; Отв. ред. Н.П. Морозова. СПб.: ВИРД, 2009. Вып. 5. 114 с.
Содерж.: Предисловие. С. 2; Список сокращений. С. 3; Кукушкина Е.Д. В.В. Капнист – предводитель дворянства: детали биографии в стихах, письмах и документах. С. 4–13; Демин А.О. О датировке трех горацянских од В.В. Капниста. С. 14–28; Лаппо-Данилевский К.Ю. М.Н. Муравьев и львовско-державинский кружок (критические заметки). С. 29–35; Федоровская Л.А. Музыка и музыканты в жизни и творчестве Н.А. Львова: Ст. 4. С. 36–48; Дзюбанов С.Д. «Реестр. Что продать» (1789–1791) как источник для реконструкции державинского быта тамбовского периода. С. 49–66; Морозова Н.П. Из истории державинского быта (к вопросу о перечне предметов, отправленных из оренбургского имения Державиных в Петербург в 1791 году). С. 67–79; Морозова Н.П., Родионов А.Н. Гравюры из собрания Г.Р. Державина: Ст. 1. С. 80–89; Морозова Е.В. «Все имущество села Званка в 1827 году» (описи и реестры). С. 90–113.
193. Г.Р. Державин и его время: Сб. науч. ст. / Всерос. музей А.С. Пушкина, Музей Г.Р. Державина и рус. словесности его времени; Отв. ред. Н.П. Морозова. СПб.: ВИРД, 2010. Вып. 6. 201 с.
Содерж.: Некрасов С.М. Предисловие. С. 3–4; Список сокращений. С. 5; Болотина Н.Ю. Единственный экземпляр державинской газеты «Тамбовские известия». С. 6–21; Сониная Е.С. Г.Р. Державин и газета его старого друга, другом быть переставшего: [О.П. Козодавлев]. С. 22–49; Морозова Н.П. О хронологии заседаний литературного общества «Беседа любителей русского слова». С. 50–74; Ларкович Д.В. Идеи Э. Сведенборга в поэтической рецепции Г.Р. Державина (опыт историко-культурного комментария). С. 75–86; Агамалян Л.Г. О портрете Дарьи Алексеевны Державиной из собрания Литературного музея Пушкинского Дома. С. 87–96; Дзюбанов С.Д. Директор Императорских театров князь Петр Иванович Тюфякин. С. 97–141; Ковзун А.А. Страница из истории дворянского быта Владимирской губернии XVIII в. Движимое имущество князя П.И. Тюфякина, полученное им от матери в 1788 году. С. 142–168; Кошкин И.В. Эпиграф в творчестве Н.М. Карамзина. С. 169–186; Морозова Е.В. Табакерки Г.Р. Державина. С. 187–190; Н.Д. Чечулин о литературной деятельности А.П. Сумарокова: неизвестная работа известного ученого / Сообщ. Т.И. Рожковой. С. 191–193; Об одном книжном раритете из собрания Всероссийского музея А.С. Пушкина / Сообщ. Н.А. Казаковой. С. 194–196; Мероприятия, посвященные 265-летию со дня рождения Г.Р. Державина (2008). С. 197–199.
194. Державинский сборник – 2010 / Отв. ред. М.Л. Пивненко. Петрозаводск: Карел. филиал СЗАГС в г. Петрозаводске, 2010. 190 с.
Из содерж.: Гольденберг М.Л. Г.Р. Державин – основатель государственной службы в Олонецкой губернии. С. 26–36; Данков М.Ю. Олонецкие секреты человека «У принятия челобитень» (о малоизвестном проекте графа А.А. Безбородко). С. 36–44; Калинин Н.Н. Державин – гражданин. С. 69–78; Капуста Л.И. Подготовка горнозаводских кадров на Олонецких заводах в 1790-е гг. (проекты Т.И. Тутолмина и К.К. Гаскойна). С. 91–104; Кондратьев В.Г. Школьная реформа конца XVIII века и Г.Р. Державин. С. 104–118; Мошина Т.А. Архитекторы Адам Менелас и Уильям Гесте, современники

- и сподвижники Чарльза Гаскойна. С. 118–122; Никитина А.Б. «Зодчий аттики преславный, мне построй покойный дом...» (работы архитектора Н.А. Львова для Г.Р. Державина). С. 130–145; Новоселова В.А. Формулы официально-почтительного обращения в русском речевом этикете конца XVIII – начала XIX в. С. 145–151; Солдатова Л.М. Святыня поэта (родовой складень Г.Р. Державина). С. 172–187.
195. Иван Иванович Дмитриев (1760–1837). Жизнь. Творчество. Круг общения / Ред. А.А. Костин, Н.Д. Кочеткова; С.-Петербург. науч. центр РАН, Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). СПб., 2010. 242 с.: портр. (Петербург в европейском пространстве науки и культуры). (Чтения Отд. рус. лит. XVIII века; Вып. 6).
Содерж.: Иванова Е.А., Костин А.А., Кочеткова Н.Д. Предисловие. С. 5–6; Кочеткова Н.Д. «Русский Лафонтен» (к литературной репутации Дмитриева). С. 7–18; Алексеева О.В. Поэт, мемуарист и автор писем: конструирование авторского облика в творчестве Дмитриева. С. 19–27; Гуськов Н.А. Оппозиция «парадное – приватное» в творчестве Дмитриева. С. 28–42; Бодрова А.С. Из комментариев к поздним стихотворениям Дмитриева. С. 43–54; Дикинсон С. Дмитриев и освоение русского пространства. С. 55–65; Беспалова Е.К. К вопросу о связи Дмитриева с московскими масонами конца XVIII в. С. 66–79; Соловьев А.Ю. И.И. Дмитриев и В. В. Измайлов. С. 80–91; Костин А.А. И.И. Дмитриев – председатель Комиссии под председательством Ивана Дмитриева (1816–1819). С. 92–108; Добрицын А.А. Заметки о французских источниках и посредниках Дмитриева (стансы и подражание Петрарку). С. 109–119; Шиппан М. Карл Фридрих фон дер Борг – переводчик Ивана Дмитриева. С. 120–128; Екуч У. Дмитриев в Германии. К вопросу о переводческой и литературно-критической рецепции. С. 129–145; Карпова Е.В. Произведения изобразительного искусства в стихах и письмах Дмитриева. С. 146–164; Панов С.И. «Осень патриарха»: неизвестные мемуары о поздних годах Дмитриева. С. 165–219; Прилож.: Мемуарные свидетельства А.А. Иовского об И.И. Дмитриеве. С. 183–219; Ильина К.А. Как И.И. Дмитриев не стал попечителем учебного округа. С. 220–224; Прилож.: Переписка П.В. Завадовского с И.И. Дмитриевым о назначении последнего куратором Московского университета. С. 222–224; Зацаринный С.Г. О предках И.И. Дмитриева. С. 225–228; Указатель имен. С. 229–238; Список сокращений. С. 239; Сведения об авторах. С. 240–242.
196. Имперская Россия / Classical Russia, 1700–1825. 2007. Т. 2, № 1/2. 260 p.
Из содерж.: **Русский двор: новые источники и новые подходы**: Авторы этого сборника. Р. III–IV; Марасинова Е. Русский двор: новые источники и новые подходы: (Вместо предисловия). Р. V–VII; **Документы**: Европейские чины российского двора от Петра Великого до Екатерины: Наказы, инструкции, записки об обязанностях чинов / Сост. и коммент. О.Г. Агеева, Р.Р. Гафифуллин; Вступ. ст. О.Г. Агеевой. Р. 1–78; **Статьи**: Агеева О.Г. Новые европейские чины русского двора XVIII в. и документы об их обязанностях. С. 79–115; Польской С.В. Формирование «придворного общества» в России: императорский двор и дворянство в середине XVIII в. Р. 117–144; Елисеева О. «Добрая женщина» и ее двор: [Екатерина II]. Р. 203–253; **Обзоры и рецензии**: Самарин А.Ю. Возвращение Герарда Миллера: [Рец. на кн.:] Илизаров С.С., Герард Фридрих Миллер (1705–1783). М.: Янус-К,

- 2005; Миллер Г.Ф. Избранные труды. М.: Янус-К; Моск. учебники и картография, 2006. Р. 255–260.
197. Культура XVIII века и современность: Науч.-теорет. конф. «Искусство XVIII столетия и соврем. поликультур. глобал. мир» (Краснодар, 22 апр. 2009 г.) / Под науч. ред. Б.П. Борисова, И.В. Кочубея. Краснодар; Нью-Йорк, 2009. 64 с.: ноты. (ACA international scientific conferences series; Т. 3).
Из содерж.: Борисов Б.П. Творчество Д. Альберти – переломный момент в обретении гомофонно-гармоническим складом музыки качества полной зрелости. С. 4–10; Фролкин В.А. Клавирные сонаты Доменико Альберти. С. 10–16; Фролкин В.А. Сонаты Лодовико Джустини da cimbalo di piano e forte detto volgarmente di martelletti op. I (Florence, 1732) как самый ранний памятник фортепианной музыки. С. 16–25; Храмов В.Б. К вопросу об эстетическом смысле сонат Д. Альберти. С. 25–29; Зорин А.Л. Итальянские композиторы XVIII века при русском императорском дворе. С. 29–34.
198. Литературная культура России XVIII века / Под ред. П.Е. Бухаркина, Е.М. Матвеева, А.Ю. Тираспольской. СПб.: Санкт-Петерб. гос. ун-т. Фак. филологии и искусств, 2009. Вып. 3. 311 с.
Содерж.: Тоичкина А.В. Эпоха барокко в исследованиях Д.И. Чижевского. С. 5–35; Власов С.В., Московкин Л.В. Илья Федорович Копиевский и его лексикографические труды. С. 36–42; Бухаркин П.Е. Стефан Яворский и культурное движение петровской эпохи. С. 43–66; Волков С.С. Еще раз о словосочетании «Максимовская грамматика» у В.К. Третьяковского. С. 67–74; Власов С.В. Концепция правильного языкового употребления у Третьяковского и французские теории *bon usage* XVII–XVIII веков. С. 75–104; Матвеев Е.М. Словарь рифм М.В. Ломоносова: проблемы описания рифмы в русской поэзии XVIII в. С. 105–114; Кислова Е.И. Проповедь Симона Тодорского «Божие особое благословение» и бракосочетание Петра Федоровича и Екатерины Алексеевны. С. 115–138; Петров А.В. «Слова» на Новый год российских духовных писателей XVIII века: христианская традиция праздника новолетия в самодержавном государстве. С. 139–179; Гуськов Н.А. Духовная поэзия А.П. Сумарокова. С. 180–232; Клепацкий В.В. Проблема повторных переводов XVIII в.: переписка Вольтера с Екатериной II (историко-библиографические заметки). С. 233–241; Веселова А.Ю., Милютин М.П. Этнические стереотипы и опыт восприятия иностранной культуры в мемуарах А.Т. Болотова. С. 242–265; Тираспольская А.Ю. О принципе игры с читателем в повестях Н.М. Карамзина 1790-х годов. С. 266–286; Руднев Д.В. Особенности поэтики повести Н.М. Карамзина «Марфа Посадница, или Покорение Новагорода». С. 287–292; Беляева О.Н. «Старик» и «старость» в русской анакреонтике. С. 293–302; Приложение: О разработке новой теоретической модели репрезентации истории литературы (на материале русской литературы XVIII века) / А.В. Андреев, П.Е. Бухаркин, Е.М. Матвеев, М.В. Понамарева. С. 303–310.
199. М.В. Ломоносов в книжной культуре России / Сост. М.Е. Ермакова. М.: Пашков дом, 2010. 143 с.: ил. На авантит.: 300 лет со дня рождения М.В. Ломоносова.
Содерж.: Вислый А.И. Универсальность гения. С. 5–6; Самарин А.Ю. М.В. Ломоносов и книжная культура России. С. 9–28; «*Колумб российской науки*»: Соломина О.Л. Документальное наследие великого мыслителя в фондах НИО рукописей. С. 31–33; Родионова Л.В. Иконография выда-

- ющегося ученого. С. 33–36; Зинчук Л.Н. М.В. Ломоносов и картографирование России. С. 36–37; *«Я знак бессмертия себе воздвигнул»*. *Издания трудов ученого-энциклопедиста*: Фоменко И.Ю. Прижизненные издания. С. 39–40; Фоменко И.Ю. Издания второй половины XVIII – первой четверти XIX века. С. 40–41; Фоменко И.Ю. Публикации в периодических изданиях XVIII – середины XIX века. С. 41–44; Ковригина С.И., Маслова С.А. Издания второй четверти XIX века – 1917 года. С. 44–47; Маслова С.А. Издания 1917–2009 годов. С. 47–51; [Иллюстрации]. С. 52–86; Каталог материалов о М.В. Ломоносове и изданий его трудов. С. 87–138; Литература. С. 139–141.
200. М.В. Ломоносов: личность и научно-образовательная деятельность: Сборник / Сост. и отв. ред. В.И. Голдин. Архангельск: Поморский ун-т, 2009. 212 с., 6 л. ил.
Из содерж.: Голдин В.И. Личность и наследие российского ученого-энциклопедиста. С. 17–30; Николаев Н.И. Мифы о М.В. Ломоносове и мотивы его поступка (к вопросу о построении биографии русского ученого). С. 31–54; Шумилов Н.А. Куростровские Ломоносовы – корни рода. С. 54–68; Терехихин Н.М. Геокультурное пространство Северной России (Поморья) – родины М.В. Ломоносова. С. 68–78; Буторина Т.С. Ломоносоведение как историко-педагогическая проблема. С. 78–92; Зальвский Н.П. В России есть потенциал для лидерства в мировой экономике: поморские корни экономического мировоззрения М.В. Ломоносова. С. 92–114; Шубин С.И. Первый геополитик России. С. 114–121; Осипова Э.Н. М.В. Ломоносов и развитие русской филологической мысли. С. 121–133; Алексеева О.В. Прошлое, настоящее и будущее России в одическом наследии М.В. Ломоносова. С. 134–143; Осипов В.И. Религия в мировоззрении М.В. Ломоносова. С. 144–156; Бызова Н.М. Вклад М.В. Ломоносова в развитие наук о земле, экономической географии и демографии. С. 156–164; Трофимов В.Т., Рябухин А.Г. Геологические идеи М.В. Ломоносова: история и современность. С. 164–174; Левандовская Т.В. Вклад М.В. Ломоносова в развитие химической науки и производства. С. 175–185; Копосов Г.Д. Моделирование в физических исследованиях М.В. Ломоносова. С. 186–194; Копосова Т.С. М.В. Ломоносов – русский физиолог и основоположник школьной гигиены. С. 194–206.
201. Ломоносовский образовательный проект: Материалы междунар. науч.-практ. конф. (Архангельск, 8–11 сент. 2009 г.) / Под общ. ред. И.Р. Луговской. Архангельск: Помор. ун-т, 2009. 232 с.
Из содерж.: **Пленарные доклады**: Буторина Т.С. М.В. Ломоносов и традиции классического университетского образования. С. 19–26; Сагдал Б. Циркумполярный Север: развитие знаний через партнерство. С. 27–30; Николаев Н.И. Позиция ученого в мире его поступка (Ломоносов о «пользе наук»). С. 30–39; Моисеева Т.М. Эйлер, Вольф и Вольтер знали Ломоносова. А вы? С. 40–53; Попков Ю.В., Тюгашев Е.А. М.В. Ломоносов и метафизика Севера. С. 65–75; Зальвский Н.П., Зальвский М.Н. М.В. Ломоносов о демографической стратегии и социальных технологиях сбережения российского народа. С. 75–89; **Материалы заседаний секций**: Гузенко Н.В., Прилуцкая Е.Н. Идея патриотизма в художественном творчестве М.В. Ломоносова. С. 111–115; Конов А.М. Политические аспекты воплощения идей М.В. Ломоносова об университетском образовании. С. 138–145; Николаев-

- ва Э.И., Полякова И.Ф. Формирование образа М.В. Ломоносова у учащихся на начальном этапе школьного образования. С. 164–167; Швецова Т.В. М.В. Ломоносов как культурный герой северного текста. С. 213–217.
202. Меншиковские чтения – 2009: Материалы чтений / Отв. ред. П.А. Кротов. СПб.: Ист. иллюстрация, 2010. Вып. 7. 126 с. (Б-ка Фонда памяти светлейшего князя А.Д. Меншикова). К 300-летию Полтавской битвы.
Содерж.: Кротов П.А. От ответственного редактора. С. 5–6; Артамонов В.А. А.Д. Меншиков как полководец. С. 7–33; Дуров И.Г. Регламентация питания моряков при становлении русского военно-морского флота. С. 34–52; Иванов А.В. «Первенцы» Балтийского линейного флота – корабли «доброй пропорции». С. 53–86; Стерликова А.А. Тайные русско-шведские переговоры о мире осенью 1717 года: С. Понятовский и загадка покушения на Петра I. С. 87–93; Андреева Е.А. Описи 1732 года Василеостровской резиденции А.Д. Меншикова в Петербурге. С. 94–111; Кротов П.А. Свадебная величальная песня А.Д. Меншикову 1706 года – неизвестный поэтический памятник Петровской эпохи. С. 112–123; Список сокращений. С. 124; Сведения об авторах. С. 125.
203. Меншиковские чтения, 2009 : Материалы чтений, проводившихся 13–14 нояб. 2009 г. Березовским районным краевед. музеем пос. Берёзово Ханты-Мансийского автономного округа – Югры / Сост. Л.В. Андриянова. Березово: Березов. тип., 2010. 155 с.
Из содерж.: Артамонов В.А. Русский полководец-самородок. С. 3–7; Дутов А.А. Бастион Меншикова в Петропавловской крепости – памятник А.Д. Меншикову, основателю и строителю Санкт-Петербурга. С. 8–12.
204. Меншиковские чтения – 2010: Научный альманах / Отв. ред. П.А. Кротов. СПб.: XVIII век, 2010. Вып. 1 (8). 150 с.: ил. (Б-ка фонда памяти светлейшего князя А.Д. Меншикова).
Содерж.: Кротов П.А. От ответственного редактора. С. 7–9; **I. Научные статьи**: Артамонов В.А. От огневой защиты Петра I и А.Д. Меншикова к апогею ударной тактики А.В. Суворова. С. 10–19; Дуров И.Г. Пенсионное обеспечение отставных военных и морских чинов в монастырях Русской православной церкви в первой четверти XVIII в. С. 20–54; Иванов А.В. Уникальный рисунок первого русского линейного корабля «Гото Предестинация». С. 55–75; Пальчиков В.П. Создание современных кинопроизведений на основе достоверных фактов как важнейший метод возвращения исторической правды в России. С. 76–79; Соловьев В.Д. Знамение времени, или Публичное восстановление российской исторической справедливости как основа культурно-исторического развития России. С. 80–84; **II. Публикации источников**: Бабич М.В. «Сказки» полтавских ветеранов. С. 85–94; Копанев Н.А., Копанева Н.П. Первое жизнеописание князя Меншикова: к вопросу об авторстве. С. 95–102; Кротов П.А. Русская дворянка Петровской эпохи: письма Авдотьи Мордвиновой сыну гардемарину во Францию (1717–1722). С. 103–117; Савельева Е.А. «Речь» Карла XII после Полтавской битвы (Литературная мистификация середины XVIII в.). С. 118–121; **III. Рецензии**: Петрухинцев Н.Н. Рецензия на книгу П.А. Кротова «Битва при Полтаве» (к 300-летней годовщине) (СПб.: Ист. иллюстрация, 2009). С. 122–127; **IV. Материалы к биографии А.Д. Меншикова**: Андреева Е.А. Кто строил Петербург в 1703 г.? С. 128–141; Список сокращений. С. 142; Сведения об авторах. С. 143; Рефераты. С. 144–149.

205. Михаил Ломоносов: ученый-энциклопедист, поэт, художник, радетель просвещения. М.: ЮниВестМедиа, 2010. 396 с., 8 л. ил. (Русские витязи: Защитники и созидатели России).
Содерж.: Миронов С.М. Книга о выдающемся сыне России. С. 3–4; Голдин В.И. Великий российский энциклопедист в начале XXI в. С. 5–24; Шумилов Н.А. Куростровские корни рода. С. 25–36; Николаев Н.И. Архитектоника мира поступка русского ученого. С. 37–70; Фролова А.К. «К истинной пользе и славе Отечества». С. 71–85; Копосов Г.Д. Ломоносовские модели картины мира. С. 86–97; Осипова Э.Н. У истоков русской филологической мысли. С. 98–115; Алексеева О.В. «Что вы, о позные потомки, помыслите о наших днях?». С. 116–131; Черепашук А.М., Менцин Ю.Л. Открывая бездну, полную звезд (М.В. Ломоносов и его вклад в развитие астрономии). С. 132–155; Шолохов А.Б. Ломоносов о целостности и многомерности истории. С. 156–179; Антипин Л.Н. «Нужда требует гром громом отражать». С. 180–198; Зальвский Н.П. Поморские корни экономической мысли. С. 199–229; Бызова Н.М. Географ широкого профиля. С. 230–240; Трофимов В.Т., Рябухин А.Г. Геологические идеи Ломоносова. С. 241–253; Шубин С.И. Первый геополитик России. С. 254–263; Теребихин Н.М. Геокультурное пространство Поморья. С. 264–277; Водчиц С.С. Художественные работы Ломоносова. С. 278–290; Осипов В.И. Религия в мировоззрении великого русского ученого. С. 291–308; Тимохина И.М. Самобытный подвижник просвещения. С. 309–320; Копосова Т.С. Русский физиолог и основоположник школьной гигиены. С. 321–334; Полосин А.С. Как архангельский мужик... С. 335–342; Буторина Т.С. Ломоносовведение как историко-педагогическая проблема. С. 343–363; Фортыхин В.С., Добрунова Г.П. Знамя российской науки. С. 364–367; Луговская И.Р. Университет на родине Ломоносова. С. 368–379; Кудряшова Е.В. Ломоносовские традиции живы. С. 380–384; Основные даты жизни и деятельности М.В. Ломоносова. С. 385–390; Краткая библиография. С. 391; Сведения об авторах. С. 392–394.
206. Михаил Муравьев и его время: Сб. ст. и материалов Второй Всерос. науч.-практ. конф. (Казань, 20–21 апр. 2010 г.) / Под ред. А.Н. Пашкурова, А.Ф. Галимуллиной. Казань: ТГГПУ, 2010. 166 с.
Содерж.: **I. Михаил Муравьев: взгляды и творчество**: Мурвьев М.Н. Анекдот / Публ. И.Ю. Фоменко. С. 3; Фоменко И.Ю. Набросок М.Н. Муравьева «Анекдот» в ряду повестей о «Российском Вертере». С. 4–6; Алпатова Т.А. Космическое чувство в поэзии М.Н. Муравьева. С. 6–16; Сапченко Л.А. М.Н. Муравьев о благосостоянии и личном достоинстве земледельца. С. 16–21; Островских И.Н. Поэтика имени как элемент идилической картины мира в повести М.Н. Муравьева «Обитатель предместья». С. 22–28; Попович А.В. Мифопоэтические образы природы в лирике М.Н. Муравьева: модели рецепции. С. 28–34; Сионова С.А. Михаил Никитич Муравьев – автор первых русских баллад. С. 34–43; Пашкуров А.Н. Феномен «игрового» отрывка в письмах М.Н. Муравьева и Н.А. Львова (1770–1790-е годы). С. 43–52; Петровна Е.К. «В недавних временах у Геллерта я чел...» (художественное наследие Х.-Ф. Геллерта в баснях М.Н. Муравьева). С. 52–61; Парамонова М.К. Черты жанра надгробного слова в «Стихах на смерть Александра Петровича Сумарокова» М.Н. Муравьева. С. 61–65; **II. Литературная культура России второй половины**

- XVIII – первой трети XIX веков:* Карпова И.Л. Губернские книгопродавцы (по материалам газет XVIII века). С. 66–69; Тарасова Ю.Г. Е.П. Люценко как переводчик-просветитель. С. 70–75; Лаходынова Н.Ю. Феномен Н.Ф. Эммина в контексте исследований русской словесности XVIII века казанской академической школой. С. 75–80; Галимуллина А.Ф. Поэтика перевода стихотворения «Осень» Н.М. Карамзина на татарский язык. С. 80–86; Пантелеева Е.А. К истории становления «рыцарской» баллады в русской литературе XVIII века («Болеслав, король польский» М.Н. Муравьева и «Граф Гваринос» Н.М. Карамзина). С. 86–91; Аликова Е.А. Образ сестры в творческом наследии женщин-поэтов рубежа XVIII–XIX веков. С. 92–96; Карташева Е.И. Наследие С.А. Москотильникова в государственных хранилищах России. С. 96–103; Бакиров Р.А. Масонский подтекст в повести Г.П. Каменева «Софья» и «Инна». С. 103–110; Завьялова И.В. Рукописные литературные сборники конца XVIII – начала XIX веков (из фондов НМ РТ и ОРРК НБЛ КГУ). С. 110–114; **III. Литературные диалоги:** Васильев С.А. Державинская поэтическая традиция в стиле Павла Васильева. С. 115–120; Галимуллина А.Ф. Повесть Н.М. Карамзина «Бедная Лиза» в татарском культурном контексте начала XX в. С. 120–125; Рычкова И.А. Поэтический диалог Н.М. Карамзина и И.И. Дмитриева (к проблеме жанра). С. 125–129; Пашкуров А.Н. Из истории «Прогулки-фантазии» в русской литературе последней четверти XVIII века: Михаил Муравьев, Андрей Болотов, Мария Поспелова... С. 130–139; Июльская Е.Г. Тема суеты мира в поэзии XVIII века (А.П. Сумароков, М.М. Херасков, М.Н. Муравьев). С. 139–144; Биткинова В.В. Образ Кантемира в произведениях А. Гордоницкого. С. 144–149; Ишкиняева Л.К. С.Т. Асаков – переводчик Буало. С. 150–154; Клюкина А.В. «Державинское» и «карамзинское» в творческой практике «неистовых романтиков». С. 154–161; Об авторах. С. 162–163.
207. Немцы в Санкт-Петербурге: Биографический аспект (XVIII–XX вв.) / Отв. ред. Т.А. Шрадер. СПб.: МАЭ РАН, 2009. Вып. 5. 280 с.
Из содерж.: Иванов Д.В. Немецкие ученые XVIII в. и формирование буддистских коллекций Кунсткамеры. С. 5–12; Богданов В.И., Малова Т.И. Геодезические и картографические работы Ф.В. Бауера в связи с катастрофическим наводнением Невы 1777 г. С. 12–29; Богданов В.И., Малова Т.И. Гравюра неизвестного немецкого автора с изображением наводнения Невы 1721 или 1777 гг. С. 30–55; Августин (Никитин), архимандрит. Петр Федорович – Император Всероссийский. С. 56–81; Иодко О.В. Каспар-Фридрих Вольф в Петербурге. С. 81–91; Сафонов М.М. Иоганна Елизавета Ангальт-Цербстская по «Запискам» Екатерины II. С. 92–112; Шван Х.К. Вклад представителей ангальтских княжеств в развитие России в 1763–1856 гг. С. 113–127; Мошник Ю.И., Ефимов М.В. Петербургские связи И.Г. Фосса. С. 127–139.
208. Петровское время в лицах – 2007: Материалы науч. конф. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2007. 281 с.: ил., портр. (Труды Гос. Эрмитажа; Т. 38).
Содерж.: Агеева О.Г. К истории траурного церемониала Романовых петровского времени: редкий рисунок погребения представительницы царской семьи (из ОР РНБ). С. 5–13; Андреева Е.А. И.Г. Шедель – трагическая судьба иностранца в России. С. 14–19; Андреева О.С. Особенности питания воспитанников Первого кадетского корпуса. С. 20–28; Бабич М.В. Петровская и аннинская администрация сквозь призму персонала цен-

- тральных комиссий. С. 29–36; Базарова Т.А. Бумаги вице-канцлера П.П. Шафирова в Архиве СПбИИ РАН: общий обзор и перспективы изучения. С. 37–47; Гузевич Д.Ю., Гузевич И.Д. Петр I и Фридрих-Казимир: гипотеза о результатах одного визита. С. 48–53; Гусарова Е.В. Был ли Никита Бекетов фаворитом Елизаветы Петровны? Опыт восстановления исторической репутации. С. 54–75: портр.; Данков М.Ю. Таинственный архив мегапроекта XVIII в. (малоизвестные письма строителей «Осударевой дороги» 1702 года). С. 76–89; Евангулова О.С. Сны Петра и Екатерины и особенности образного мышления их времени. С. 90–93; Елфимов В.И. К вопросу о розыске могилы светлейшего князя А.Д. Меншикова в Березове. С. 94–96; Иванова-Везн Л.И., Плигина М.А. Новые данные к биографии архитектора П.М. Еропкина. С. 97–106: портр.; Каминская А.Г. Пенсионер Петр Еропкин «с товарищами»: путь следования из Петербурга в Рим и первые четыре года обучения за границей. С. 107–119; Каргапольцев С.Ю., Каргапольцев М.Ю., Седых В.Н. Археологические исследования дворца А. Д. Меншикова «Монкураж» в Петровской Александрии. С. 120–126; Кареева Н. Из истории Грота Летнего сада: Программа аллегорического убранства Грота Г.-И. Маттарнови. С. 127–136; Костюк О.Г. «...Сокровища знаний и добрых нравов...». С. 137–148; Кротов П.А. Морской бой 7 мая 1703 года: российская пропагандистская версия и реальные подробности. С. 149–156; Макаров Б.С. Франсуа де Вааль в Петербурге. С. 157–167; Мещеряков В.В. О захоронении А.Д. Меншикова. С. 168–172; Михайлов А.А. Директора Первого кадетского корпуса (военной гимназии) во второй половине XIX – начале XX в. С. 173–181; Мишина Е.А. Западноевропейские оригиналы русских гравюр на металле XVII в. С. 182–193; Наумов В.П. Герцог Карл-Фридрих Гольштейн-Готторпский в Петербурге. С. 194–197; Новиков И.А. Вилим Иванович де Генин и управление горными заводами России в первой половине XVIII в. С. 198–202; Рощин А.А., Саверкина И.В. Дворец Меншикова и его публика: эффективность взаимодействия. С. 203–209; Свердлов М.Б. Петр Великий и формирование человека Нового времени. С. 210–222; Сорокин П.Е. Археологические исследования в Летнем саду в 2005–2006 годах. С. 223–237; Ухналев А.Е. Троице-Петровский собор 1750-х годов – памятник елизаветинской архитектуры. С. 238–248; Юркин И.Н. «А здесь, милостию Божию, все добро и тихо» (Москва и москвичи в письмах А.А. Виниуса Петру Великому). С. 249–258; Список сокращений. С. 259–260; Сведения об авторах. С. 261–262; Резюме статей на английском языке. С. 263–277.
209. Петровское время в лицах – 2008: Материалы науч. конф. К 10-летию конф. «Петровское время в лицах» (1998–2008). СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2008. 295 с.: ил. (Труды Гос. Эрмитажа; Т. 43).
Содерж.: Агеева О.Г. Ф. Санти и Г. Габихсталь: первые обер-церемоний-мейстеры российского двора. С. 5–14; Андреева Е.А. Окно в Европу, или «Все флаги в гости будут к нам...». С. 15–21; Андросов С.О., Орехова Е.М. Об иконостасе церкви Воскресения Христова в Первом кадетском корпусе. С. 22–26; Бабич И.В. «Стрелки вышиты серебром»: штрихи к портрету князя С.Д. Голицына. С. 27–39; Базарова Т.А. «Петербургский класс» новгородской епархиальной школы 1715–1717 гг. С. 40–45; Василенко С.А. Абсолютный монарх и государство в системе взглядов Петра I. С. 46–49; Гузевич Д.Ю. Великое посольство и женщины. С. 50–65; Гузевич И.Д. Кон-

- спирация и шпионаж во время Великого посольства (1697–1698). С. 66–74; Дадькина М.М. Княгиня Ирина Григорьевна Трубецкая. С. 75–82; Данков М.Ю. Таинственный архив мегапроекта XVIII в. (малоизвестные письма строителей «Осударевой дороги» 1702 г.). С. 83–87; Данков М.Ю. «О бедном Бутенанте замолвите слово...». С. 88–101; Епатко А.Ю. Исторические и библиографические обстоятельства создания фонтана «Лакоста» в Летнем саду. С. 102–112; Жаркова Н.Ю. «Мирны вовеки пребудем»: об одной теме барельефов первой трети XVIII в. С. 113–121; Захаров А.В. Открывая новые страницы о юности В.Н. Татищева (по документам Разрядного приказа). С. 122–127; Караулова И.Б. Представители рода Карауловых – выпускники Первого кадетского корпуса. С. 128–132; Каргапольцев С.Ю., Каргапольцев М.Ю., Седых В.Н. Памятники конца первой четверти XVIII в. по материалам археологических изысканий в Нижнем парке Петергофа. С. 133–146; Ковригина В.А. Из жизни часового мастера и «московского иноземца» Я.А. Гассениуса. С. 147–155; Лаптева Т.А. К вопросу о земельных владениях А.Д. Меншикова и его семьи. С. 156–159; Макаров Б.С. Тимофей «меншой» Фонармус (Dirk van Ammers de jongste). История одного подряда. С. 160–168; Мезин С.А. Первый биограф Петра Великого Петр Никифорович Крекшин. С. 169–176; Микишатъев М.Н. Неисследованный памятник петровского времени (дом князей Голицыных на Шпалерной улице). С. 177–186; Николаева М.В. Частные застройщики петровского времени – дома-дворцы на набережных Большой и Малой Невы. С. 187–207; Новиков И.А. Леонтий Дмитриевич Угримов – штрихи к портрету «нового человека» петровского времени. С. 208–212; Свердлов М.Б. Петр Великий и историческая наука. С. 213–225; Сорокин П.Е. Новые археологические исследования крепости Ниеншанц. С. 226–236; Ухналев А.Е. Гаванец Летнего дворца Петра I. История создания и изучения. С. 237–247; Хвостова Г.А. Известное и неизвестное о статусе «Церера» из коллекции Петра I. К истории реставрации мраморной скульптуры Летнего сада. С. 248–255; Юркин И.Н. «Жить в деревнях своих, где она пожелает» (Анна Девиер и ее дети в годы опалы). С. 256–262; Список сокращений. С. 263–265; Сведения об авторах. С. 266–268; Резюме. С. 269–283; Содержание материалов научных конференций «Петровское время в лицах». 1998–2007 / Сост. И.В. Саверкина. С. 284–291.
210. Петровское время в лицах – 2009: Материалы науч. конф.: К 300-летию Полтавской победы (1709–2009). СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2009. 267 с.: ил. (Труды Гос. Эрмитажа; Т. 47).
- Содерж.*: Агеева О.Г. История домов У. Сенявина и А. Волкова на Васильевском острове: (До их передачи Сухопутному шляхетному корпусу). С. 5–17; Азизбаева Р.Е. Московская школа для «засорных» детей: (Возникновение и судьба замысла). С. 18–25; Ананьев В.Г. К истории возобновления издания «Письма и бумаги императора Петра Великого» в годы Великой Отечественной войны: (По архивным материалам). С. 26–33; Андросов С.О. Материалы к биографии графа Саввы Владиславича и его родственников. С. 34–41; Бабич М.В. «Полтавская баталия» в материалах Герольдмейстерской конторы. С. 42–50; Барина И.Н. Градостроительный феномен петровского Петербурга: (К вопросу о праздновании Дня города Санкт-Петербурга). С. 51–59; Богданов В.И., Малова Т.И. Оценка высоты затопления территории Первого Кадетского корпуса во время катастро-

- фического наводнения Невы 1824 г. С. 60–70; Гузевич Д.Ю., Гузевич И.Д. Портрет Петра I: (Вывеска лондонской таверны). С. 71–86; Гуськов А.Г. Е.И. Украинцев и Петр Великий. С. 87–93; Данков М.Ю. Тайны первого концессионера Олонецкого края. С. 94–105; Денисова М.В., Моисеенко Е.Ю., Тарасова Н.И. «Искусству сего швеня... не можно надивиться»: (К истории костюма «Восковой персоны»). С. 106–125; Долгова С.Р. Где хранится ранний автограф А.Д. Меншикова. С. 126–128; Евангулова О.С. Усадьбы Головкиных в Москве. С. 129–136; Епатко А.Ю. Монеты Петра I на Соломоновых островах: (О так называемой Камчатской коллекции Ж.Ф. Лаперуза). С. 137–152; Жаркова Н.Ю. К проблеме атрибуции трех рисунков «голландского альбома» из собрания Эрмитажа. С. 153–163; Каргапольцев С.Ю., Каргапольцев М.Ю., Седых В.Н. Архитектурно-археологические изыскания на территории Сампсониевского собора в Санкт-Петербурге: (Сезон 2008 г.). С. 164–174; Копанев Н.А. «Письмо знатной дамы из провинции». С. 175–177; Копанева Н.П. Федор Алексеевич Головин и Николаас Витсен: (По материалам книги Н. Витсена «Северная и Восточная Тартария»). С. 178–185; Коренцвит В.А. Кто автор Летнего дворца и сада? С. 186–199; Кротов П.А. Портрет Петра I первой половины мая 1703 г. С. 200–204; Макаров Б.С. Голландцы в деле Алексея Петровича. С. 205–217; Славнитский Н.Р. Ф.Ю. Ромодановский и его деятельность в Приказе артиллерии в годы Северной войны. С. 218–222; Таирова-Яковлева Т.Г. А.Д. Меншиков и традиция элиты украинского гетманства. С. 223–228; Тюхменева Е.А. Образ А.Д. Меншикова в программе «собственных» триумфальных врат по случаю Полтавской победы: (К вопросу об идеале государственного деятеля в искусстве Петровской эпохи). С. 229–237; Шебалдина Г.В. Иоаким Диттмер: пленник и резидент. С. 238–241; Юркин И.Н. Князь Матвей Петрович Гагарин на Иван-озере. С. 242–249; Список сокращений. С. 250–251; Сведения об авторах. С. 252–253; Резюме статей на английском языке. С. 254–263.
211. Петровское время в лицах – 2010: К 300-летию Дворца Меншикова (1710–2010): Магериалы науч. конф. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2010. 359 с.: портр., ил. (Труды Гос. Эрмитажа; Т. 52).
Содерж.: Азизбаева Р.Е. Госпитали для «ззорных» младенцев Петровской эпохи: замысел и его судьба. С. 5–12; Ананьев В.Г. Петровское время в учебной и научной деятельности А.И. Андреева второй половины 1940-х гг. С. 13–18; Андреева О.С. Из дневников А.А. Крутецкого, заведующего музеями во Дворце Меншикова (1923–1926). С. 19–55; Бабич М.В. «Полтавская» идентичность как атрибут лица петровской армии. С. 56–73; Базарова Т.А. Михаил Борисович Шереметев (1672–1714): материалы к биографии. С. 74–78; Реформа Петра I: меры длины на рубеже XVII–XVIII вв. / В.И. Богданов, Р.А. Колотилин, Т.И. Малова, Г.Б. Ястребинский. С. 79–95; Богданов В.И., Малова Т.И., Осанкин А.Н. К проекту закрепления ансамбля меток высот исторических наводнений Невы у Дворца Меншикова. С. 96–104; Болотина Н.Ю. Судьба российских и иностранных орденских знаков петербургского генерал-губернатора князя А.Д. Меншикова. С. 105–117; Гузевич Д.Ю., Гузевич И.Д. По следам детей, или отцы в Европе. С. 118–124; Данков М.Ю. «Своевольный и неистовый капитан...» (таинственная биография голландца Питера фон Памбурха). С. 125–137; Долгова С.Р. Русский резидент в Швеции А.Я. Хилков и загадка А.И. Ман-

- киева. С. 138–148; Дутов А.А. «Посольский» портрет А.Д. Меншикова работы Михеля ван Мюсхера. С. 138–148; Епатко А.Ю. Дворец Анны Иоанновны в Летнем саду. С. 155–168; Игнатъева Е.И. К истории интерьера петровского времени: двери с росписью из Дворца А.Д. Меншикова. С. 169–184; Каминская А.Г. Медальон с миниатюрным портретом Петра Еропкина – семейная реликвия Вишневыских. С. 185–199; Кареева Н.Д. Античные басни в лабиринте Летнего сада и их аллегорическое значение. С. 200–215; Коренцвит В.А. Петергоф исследуют археологи. Раскопки дворца «Монкураж» в Александрии и «Кривых Галерей» на Морском канале. С. 216–227; Костюк О.Г. Россия и Пруссия... новые знаки контактов... С. 228–234; Лаптева Т.А. А.Д. Меншиков и строительство Андреевского собора на острове Котлин. С. 235–238; Макаров Б.С. Садовый мастер Иоганн Эйк. С. 239–256; Мезин С.А. Саратовский комендант Д.Е. Бахметев. С. 257–262; Моисеенко Е.Ю. Золотошвей петровского времени и их работы. С. 263–269; Седов Г.П. «Потешные» Петра Великого и Петра III: формирование государя. С. 270–276; Седых В.Н. Из истории одной памятной медали. К 300-летию российской морской гвардии. С. 277–286; Смирнова Н.В. Историк Петр и полтавский фрагмент «Истории Свейской войны». С. 287–292; Тарасова Н.И. К истории домика Петра Великого в слободе Борисовка. С. 293–301; Ухналев А.Е. Чертежи архитектора Гаэтано Киавери в Санкт-Петербурге. С. 302–313; Холоднова О.А. К вопросу об авторе скульптурного декора Парадного зала дворца Монплеизир в Петергофе. С. 314–324; Шебалдина Г.В. «...к отпущению и к свободе в неволе сущих» (история одного из малоизвестных эпизодов Северной войны). С. 325–332; Юркин И.Н. Первая (1720) химическая лаборатория Берг-коллегии: события и люди (научная работа в России в доакадемический период). С. 333–340; Сведения об авторах. С. 341–342; Список сокращений. С. 343–345; Резюме. С. 346–355.
212. Платоновские чтения: Сб. материалов / Гл. ред. В. Чувикин. М.: Перервинская духовная семинария, 2010. [Вып.] 6. 1 декабря 2009. 102 с.: ил., портр. *Из содерж.*: Юхименко Е.М. Малоизвестные факты из истории Николо-Перервинского монастыря XVII–XVIII веков. С. 8–21; Стариков В.И. Жизнь и труды русского Златоуста: (Обновленная версия биографии митрополита Платона). С. 22–30; Стасюк В. Секулярный гуманизм и Православная Церковь. Борьба митрополита Платона (Левшина) с гуманистическими идеями эпохи Просвещения. С. 31–37; Скурат Н. Сравнительное рассмотрение катехизисов московских архипастырей митр. Платона (Левшина) и святителя Филарета (Дроздова). С. 38–44; Короткевич Р.М. Монастырская политика митрополита Московского Платона (Левшина). С. 45–58; Бондарева О.Н. Митрополит Платон (Левшин) и зодчий А.Н. Воронихин. С. 59–67; Клопова С.Н. Облачения митрополита Платона из ризницы Троице-Сергиевой лавры. С. 68–78; Кузнецова Т.В. Облачения митрополита Платона из ризницы Спасо-Вифанского монастыря. С. 79–88; Горячева А.А. Детство будущего священника (по материалам XVIII–XIX веков). С. 96–101.
213. Полтава: К 300-летию Полтавского сражения: Сб. ст. / Отв. ред. О.Г. Агеева, В.А. Артамонов. М.: Кучково поле, 2009. 399 с., 12 л. ил. (Полтавская битва – 300 лет). *Содерж.*: Агеева О.Г., Артамонов В.А. Предисловие. С. 5–14; Военные и дипломатические аспекты Полтавской победы: Кобзарева Е.И. От первой

Северной войны 1655–1661 гг. к великой Северной войне 1700–1721 гг. и Полтаве: Россия и ее потенциальные союзники в борьбе против Швеции. С. 16–38; Татарников К.В. Полковая артиллерия русской армии в первую треть XVIII в. С. 39–47; Дуров И.Г. Провиантское обеспечение русской армии при подготовке к Полтавскому сражению. С. 48–75; Артамонов В.А. Отражение шведского нашествия в 1708–1709 гг. С. 76–110; Иванюк Я.Г., Погода Ю.В. Крепость Полтава. С. 111–126; Молтусов В.А. Полевая фортификация русской армии в Полтавском сражении. С. 127–140; Кротов П.А. Полтавская битва: новые материалы по спорным вопросам. С. 141–153; Беспалов А.В. Потери шведского офицерского корпуса в Полтавском сражении. С. 154–165; Акишин М.О. Пленные Северной войны: правовое положение. С. 166–194; Демкин А.В. Шведский вельможа в русском плену (1709–1718). С. 195–199; Цвиркун В.И. Участие молдаван в Северной войне 1700–1721 гг. С. 200–218; Базарова Т.А. Возвращение Карла XII в Швецию после Полтавы в русской дипломатической переписке: по материалам походной канцелярии П.П. Шафирова. С. 219–228; Смирнов Ю.Н. Социальное происхождение чинов русской гвардии и ее комплектования в годы Северной войны. С. 229–242; Полтавская битва в культуре и религии общества: Тарасова Н.И. Полтавские «мемории» Петра I в собрании Государственного Эрмитажа: судьба музейных экспонатов. С. 244–251; Новоселов В.Р. Казачьи булавы из собрания музеев Московского Кремля: забытые трофеи Полтавской баталии. С. 252–256; Агеева О.Г. Праздники в честь Полтавской победы в XVIII в. С. 257–273; Карев А.А. Комплекс гравью, посвященных триумфальному вступлению русских войск в Москву после Полтавской победы: эмблематика праздника и символика изображения. С. 274–286; Тюхменева Е.А. Триумфальные ворота в Москве по случаю Полтавской победы. С. 287–301; Чугреева Н.Н. Казанская Каплуновская икона Богоматери и победа под Полтавой. С. 302–312; Казакевич А.Н. Полтавское сражение в памяти русской православной церкви. С. 313–333; Мезин С.А. Вольтер о Полтавской битве. С. 334–346; Шестаков В.Ф. Полтавские СМИ в преддверии 300-летнего юбилея Полтавского сражения. С. 347–356; Публикация: Служба благодарственная о победе над шведами под Полтавой в 1709 г. / Вступ. слово, подгот. текста А.Н. Казакевича. С. 357–371; Указатель имен. С. 372–385; Список сокращений. С. 386; Основные источники и литература. С. 387–397; Сведения об авторах. С. 398–399.

214. Полтава: Судьбы пленных и взаимодействие культур / Под ред. Т. Тоштендаль-Салычевой, Л. Юнсон. М.: РГГУ, 2009. 462 с.: ил., портр. *Содерже.:* От редколлегии. С. 9–10; Тоштендаль-Салычева Т., Юнсон Л. Введение. Память о Полтаве. С. 11–19; Тоштендаль Р. Полтава: сражение, история и символ. С. 21–44; **Шведские военнопленные:** Шебалдина Г. Сибирские мемуары каролинов: о своих и о чужих. С. 47–68; Рычаловский Е. Социокультурная адаптация шведских пленных периода Великой северной войны. С. 69–88; Дёмкин А. Судьбы шведов, оставшихся в России. С. 89–98; Вычугжанин А. Шведский след в древней столице Сибири. С. 99–106; Недоспасова А. Вклад шведских военнопленных в формирование традиций российского инструментального музицирования. С. 107–123; Болтунова Е. Шведское влияние на формирование городской топографии Санкт-Петербурга (первая четверть XVIII в.). С. 125–138; Андреева Е. Шведские

- строители российской столицы. С. 139–154; Базарова Т. Санкт-Петербург и его окрестности на шведских картах и планах первой четверти XVIII в. С. 155–180; *Русские военнопленные в Швеции*: Юриксон Х. Русские военнопленные на Висингсе. С. 183–206; Биргегорд У. О русских высших чинах в шведском плену. С. 207–229; *Обмен и взаимовлияние*: Эренсверд У. Географические карты противника. С. 233–256; Петерсон К. Реформы Петра I в сфере государственного управления и их шведские прототипы. С. 257–271; Эрикссон-Вольке Л. Импульсы к проведению военных реформ. С. 273–295; Кротов П. Шведское влияние на русское военное дело до Полтавской битвы. С. 297–312; Люстров М. Шведские и русские победословия эпохи Северной войны. С. 313–330; *Отголоски Полтавской битвы в шведской истории*: Карлссон О. Швеция после Полтавы: экономика и политика после катастрофы. С. 333–355; Аскер Б. «Нация, которой надо показывать зубы». Шведский взгляд на Россию времен Петра Великого. С. 357–375; Оселиус Г. «Полтава не подействует угнетающе на человека здорового». С Карлом Беннедиком на поле битвы. С. 377–404; Сёдерберг У., Леннерсанд М. Источники о Полтавской битве в Государственном и Военных архивах Швеции. С. 405–411; Примечания. С. 413–446; Указатель имен и географических названий. С. 447–459; Сведения об авторах. С. 460–461; Список сокращений. С. 462.
215. Проблемы изучения русской литературы XVIII века: Межвузов. сб. науч. тр. / Науч. ред. Е.И. Анненкова, О.М. Буранок. СПб.; Самара: АсГард, 2009. Вып. 14. 477 с.
- Содерж.*: Осьмухина О.Ю. Традиция авторской маски в «монаршей» эпистографии рубежа XVII–XVIII столетий (на материале переписки Петра I и кн. Ф.Ю. Ромодановского). С. 3–11; Абрамзон Т.Е. О величании царствующих особ XVIII в. С. 12–20; Петров А.В. Переходные процессы в русской литературе XVIII в. как методологическая проблема. С. 21–32; Кислова Е.И. «Письма архиепископа Феофана Прокоповича к рязанскому епископу». С. 33–43; Текст письма / Публ. Е.И. Кисловой. С. 43–45; Архангельская А.В. Так называемый «Роман в стихах» – малоизвестное сочинение в контексте светской рукописной литературы XVIII в. С. 46–53; Растягаев А.В. «Житие Квинта Горация Флакка» А.Д. Кантемира: рецепция агиографической традиции. С. 54–64; Сложеникина Ю.В. Nomen est omen: Третьяковский. С. 65–71; Калганова В.Е. Художественное своеобразие любовной риторики в творчестве поэтов-классицистов (В.К. Третьяковский, М.В. Ломоносов, А.П. Сумароков). С. 72–86; Рожкова Т.И. А.П. Сумароков и литературная жизнь второй половины XVIII в. С. 87–96; Голованова И.С. Развитие концепта «вино» в русской поэзии XVIII века (30–90-е гг.). С. 97–103; Буранок О.М. Никанор Иванович Ознобишин: неизвестные факты биографии. С. 104–109; Николенкова Н.В. Развитие русской грамматической мысли и ее отражение в литературе XVIII века (об одном известном фрагменте комедии Д.И. Фонвизина). С. 110–117; Акимова Т.И. Судьба стихотворной драмы в системе драматургических жанров второй половины XVIII в. С. 118–129; Рыкова Е.К. Художественные искания русских писателей-масонов последней трети XVIII в. С. 130–142; Сапченко Л.А. «Не перестаю думать о Москве» (Петербург и Москва в письмах Н.М. Карамзина). С. 143–152; Зверева Т.В. Надписи в «Письмах русского путешественника» Н.М. Карамзина. С. 153–159; Биткинова В.В. «Стихи и

- проза» в альманахе Н.М. Карамзина «Аглая». С. 160–170; Заломкина Г.В. «Остров Борнгольм» Н.М. Карамзина: фрагмент как новая форма литературной готики. С. 171–180; Пашкуров А.Н. «Письмо отцу» в творчестве М.Н. Муравьева (К проблеме нравственного идеала писателя). С. 181–191; Усова В.А. Первый поэт Самарского края: [И.И. Дмитриев]. С. 192–195; Булгакова А.А. Топос *Мир* в предромантизме (поэма С. Боброва «Херсонида, или картина лучшего летнего дня в Херсонисе Таврическом»): соотношение конкретного и абстрактного. С. 196–205; **XVIII век в литературном контексте**: Благов Ю.В. Английское влияние в русской литературе XVIII в. С. 206–213; Камышева О.А. Искусство барокко как феномен метаисторической парадигмы. С. 214–220; Разживин А.И. Предромантический диалог «о древней и новой поэзии» в русской литературе рубежа XVIII–XIX веков. С. 221–229; Нигматуллина Ю.Г. К истории просветительской мысли: Феофан Прокопович и Г. Утыз Имяни. С. 230–247; Аликова Е.А. Образ женщины, хранительницы семейного очага, в русской женской поэзии рубежа XVIII–XIX веков. С. 248–256; Попович А.В. Танатическая эмблематика в русской предромантической поэзии. С. 257–269; Алпатов С.В. *Varia Historia*: Чулков «Горькая участь» vs Элиан «Пестрые рассказы» (XIII, 2). С. 270–277; Шустов М.П., Матвеева Е.И. Влияние сборников Чулкова-Левшина на русскую литературу первых двух десятилетий XIX в. С. 278–290; Кривонос В.Ш. Хлестаков и Карамзин в «Ревизоре». С. 291–300; Васильев С.А. М.М. Херасков, С.С. Бобров, Н.В. Гоголь: жанрово-стилевые формы религиозно-философского эпоса. С. 301–309; Абузова Н.Ю. «Ночь» и «Бессонница»: метафизические опыты С.С. Боброва и Ф.И. Тютчева. С. 310–321; Алдонова Н.Б. А.В. Дружинин о творчестве А.П. Сумарокова-драматурга. С. 322–334; Клюкина А.В. Образ XVIII столетия в творчестве В.Г. Бенедиктова. С. 335–346; Кадочникова В.С. Оссианистический пейзаж в поэзии П.А. Катенина. С. 347–357; Салова С.А. А.П. Сумароков в творческом сознании С.Т. Аксакова. С. 358–369; Ишкиняева Л.К. «Записки ружейного охотника...» С.Т. Аксакова и традиции жанра описательной поэмы XVIII в. С. 370–379; Мельник В.И. И.А. Гончаров и русская литература XVIII века (гуманизм Н.М. Карамзина и «русский ум» И.А. Крылова). С. 380–391; Сердюкова О.И. «Екатерининские орлы» в изображении И.С. Тургенева. Статья вторая: «Бригадир». С. 392–407; Тимашова О.В. Русские и европейские источники в раннем творчестве А.Ф. Писемского. С. 408–417; Конкина Л.С. Поэзия сельского кладбища в русской литературе: от Н.М. Карамзина до И.А. Бунина. С. 418–430; Полосина А.Н. Ж.-Ж. Руссо и Л.Н. Толстой о праздности. С. 431–440; Багманова А.Р., Прохорова Т.Г. Игровой диалог с сентиментализмом в романе Л. Улицкой «Искренне ваш Шурик». С. 441–451; Бабичева А.В. Игровая актуализация кодов XVIII века в романе Джона Фаулза «Червь». С. 452–460; Галимуллина А.Ф. Работа с художественным переводом как методический прием при изучении повести Н.М. Карамзина «Бедная Лиза» на национальных (татарских) отделениях педагогических вузов. С. 461–467; Авторы сборника. С. 468–471; Приглашение на конференцию 2011 г. С. 472–473.
216. Проблемы социальной и политической истории России: Сб. науч. ст. / Под ред. Р.Г. Пихои. М.: Изд-во РАГС, 2009. 343 с.
Из содерж.: Козлов В.П. «Слово о полку Игореве»: взгляд из века XXI в век XVIII. С. 44–51; Болотина Н.Ю. Реализация судебной реформы Петра

- Великого: Московский гофгерихт. С. 111–118; Зенченко М.Ю. Приказное делопроизводство в эпоху петровских преобразований: традиция и реформы. (На примере организации губернской переписи 1710 г.). С. 119–129; Санин О.Г. Деятельность Московского архива Коллегии иностранных дел по использованию документов в 20–60-х годах XVIII в. С. 129–140; Агеева О.Г. Придворная служба при императорском дворе России XVIII века: обер-церемониймейстры. С. 140–150; Пёрышкин М.Ю. Структура и штаты канцелярий статс-секретарей Екатерины II. С. 151–161; Редин Д.А. Полковые дистрикты в системе местного государственного управления России первой трети XVIII века: (На примере Сибирской губернии). С. 161–172; Петрухинцев Н.Н. Военный «разбор» социальных групп в период Русско-турецкой войны 1735–1739 годов. С. 173–183; Рычаловский Е.Е. Материалы судебно-следственных учреждений и проблема массовости антиправительственных настроений в XVIII столетии. С. 184–193; Вдовина Л.Н. Понятия «Отечество», «патриот», «сын Отечества», «гражданин» в национальном самосознании XVIII в. С. 193–202; Моряков В.И. В.Н. Татищев и Н.И. Новиков о воспитании молодых дворян. С. 202–212; Козлова Н.В. Представление о труде и богатстве в менталитете русского купечества XVIII в. С. 212–218; Ибнешева Г.В. Челобитные российского купечества в путешествиях Екатерины II. С. 218–226; Камкин А.В. Из исторического опыта севернорусского крестьянского самоуправления в XVIII веке. С. 226–232.
217. Проблемы экономической и социокультурной истории феодальной России: Материалы конф., посвящ. 80-летию со дня рождения проф. А.А. Преображенского. Москва, нояб. 2005 г. / Отв. ред. А.В. Семенова. М.: ИРИ РАН, 2010.
- Из содерж.:* Козлова Н.В. Социальная благотворительность частных лиц в Москве в XVII–XVIII веках. С. 191–203; Тихонов Ю.А. Новые источники о бытовом устройстве дворянских усадеб в Москве и Санкт-Петербурге (материалы комиссий по описанию имущества опальных сановников в 1730 – начале 1740-х годов). С. 204–226; Комиссаренко А.И. Вятские крестьяне в социальных движениях в середине и второй половине XVIII в. С. 227–247; Беспаленок Е.Д. Факторы развития купеческого храмоостроительства в XVIII веке (по материалам Смоленской губернии). С. 248–261; Аксёнов А.И. География, климат, время в жизни русского купца конца XVIII – первой половины XIX в. С. 262–271; Дёмкин А.В. Обработывающая промышленность России в конце XVIII – начале XIX века (региональный аспект). С. 272–279; Истомина Э.Г. Социокультурные реалии малых исторических городов центральной России в конце XVIII – начале XIX века: проблемы изучения. С. 280–290.
218. Российская академия (1783–1841): язык и литература в России на рубеже XVIII–XIX веков / Ред. сб.: А.А. Костин, Н.Д. Кочеткова, И.А. Малышева. СПб., 2009. 217 с. (Петербург в европейском пространстве науки и культуры).
- Содерж.:* Предисловие. С. 5–6; Вачева А. Фенелон и Ломоносов как предшественники Российской академии. С. 7–12; Захарова Е.Е. Отражение лексикографической практики «Словаря Академии Французской» в «Словаре Академии Российской» (1789–1794). С. 13–25; Волков С.С. Несколько заметок о слове «славенский» у М.В. Ломоносова. С. 26–39; Лепе-

- хин М.П. Четыре столпа Российской академии (И.И. Лепехин, Т.С. Мальгин, П.И. Соколов, А.С. Шишков). С. 40–50; Милюгина Е.Г. Н.А. Львов и Российская академия: о театрально-музыкальной картине «Пролог». С. 51–65; Костин А.А., Малышев А.А. Московский член Российской академии И.И. Мелиссино (по материалам переписки). С. 66–84; Николаев С.И. Словари и словарное дело в русской поэзии XVIII в. С. 85–94; Алексеева Н.Ю. Риторика и поэтика Российской академии: история неудачи. С. 95–106; Костин А.А. О проекте А.А. Нартова по переводу классических авторов в Российской академии. С. 107–131; Кочеткова Н.Д. Перевод книги Ж.-Ф. Лагарпа «Ликей, или круг словесности древней и новой», осуществленный Российской академией. С. 132–140; Иванов Д.А. Об академической деятельности А.А. Шаховского: к реконструкции «Слова о Петре Великом». С. 141–148; Приёмшова М.Н. Лексикографическая деятельность Российской академии в 20–30-е гг. XIX в.: на пути к новому академическому словарю. С. 149–158; Малышева И.А. Словарь Академии Российской (1789–1794 гг.) как источник Словаря русского языка XVIII в. С. 159–172; Волынская А.В. Локализмы в «Словаре Академии российской» и «Словаре русского языка XVIII века». С. 173–182; Кочнева Е.В. Портретная галерея Российской академии в собрании Литературного музея ИРЛИ РАН (по материалам выставки «Слава Академии Российской», посвященной 225-летию учреждения Российской академии). С. 183–205; Указатель имен. С. 206–213; Список сокращений. С. 214–215; Сведения об авторах. С. 216–217.
219. Россия и Франция, XVIII–XX века. М.: Наука, 2009. Вып. 9 / Отв. ред. П. Черкасов. 397 с.
Из содерж.: Лобко С.И. Деятельность французской дипломатии в Польше в 60-е годы XVIII века глазами русского посла Н.В. Репнина. С. 10–25; Гребенщикова Г.А. Русско-французские отношения во второй половине XVIII века и морская политика России. С. 26–55; Бахарева Т.А. «Суд над Вольтером» Леонтия Зеленского. С. 56–68; Митрофанов А.А. Образ России в революционной публицистике и периодической печати Франции периода якобинской диктатуры. С. 69–99.
220. Северная война, Санкт-Петербург и Европа в первой четверти XVIII века: Материалы междунар. науч. конф. Санкт-Петербург, дек. 2006 г. / Отв. ред. В.Е. Возгрин. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2007. 332 с.
Содерж.: Возгрин В.Е. Предисловие. С. 3–14; **Историография и источниковедение Северной войны:** Ушаков В.А., Тютюма С.А. Великая Северная война и русско-шведская война 1808–1809 гг. в зеркале историографии и статистики (военные потери). С. 24–35; Гончарова Т.Н. Вольтер – историк Северной войны. С. 35–50; Барышников В.Н. Русский исследователь М.М. Бородин о Финляндии и о финнах периода времени Петра I. С. 51–63; Василик В.В. Северная война в гимнографических памятниках петровской эпохи (Служба в память Полтавской баталии). С. 63–78; Прокопьев А.Ю. Погребение Петра Великого: протестантский стандарт в православной России. С. 78–122; **Научные сообщения:** Черкасова М.С. Источники о снабжении русской армии в начальный период Северной войны. С. 112–116; Кротов П.А. Литературные героико-эпические мотивы о сражении при Гангуте 1714 г. в сочинении Й.А. Нордберга (1740). С. 116–120; Яковлев О.А. Шведские «подметные листы» 1700 года. С. 120–124; Попов Ю.М. Отражение внешнеполитической ситуации в имяобразовании

- кораблей Балтийского флота на первом этапе Северной войны. С. 125–130; Политическая и дипломатическая история периода Северной войны: Мёрнер М. Наследие Столбовского мира: шведское правление в Ингрии / Кексгольме 1617–1704 / Пер. М.А. Катцовой. С. 131–161; Возгрин В.Е. Экономические причины участия Датско-Норвежского королевства в Северной войне. С. 161–174; Филюшкин А.И. Историческая память о борьбе за Прибалтику в XVI–XVII вв. в политической пропаганде Северной войны. С. 174–184; Морохин А.В. К истории пребывания в России принцессы Шарлотты Христины Софии, жены царевича Алексея Петровича (1713–1715). С. 184–201; Стерликова А.А. Брауншвейгский конгресс. С. 202–212; Научные сообщения: Сидоренко Л.В. Влияние ганноверского фактора на курс Великобритании в Северной войне. С. 213–218; Киселёв А.А. Формирование англо-французского союза в 1716–1720 гг. С. 218–223; Петрова А.А. Итальянский вопрос во внешней политике Испании в 1716–1720 гг. «Авантюра Альберони». С. 224–230; Прохоренко И.А., Якунина О.А. Изменения в российско-английской торговле во второй половине XVII – первой половине XVIII веков. С. 230–234; Петухова Н.В. Исторические перипетии лютеранства в Северной войне. С. 235–238; Варенцова Л.Ю. Сподвижник Петра Великого – сенатор Тихон Никитич Стрешнев. С. 238–245; Военная история периода Северной войны. Статьи: Базарова Т.А. Русские войска и местное население Ингерманландии в 1702–1710 гг.: проблема взаимоотношений. С. 246–255; Сорокин П.Е. «Небываемое бывает» – морская победа 1703 г. у устья Невы. С. 255–261; Артамонов В.А. Победа генерала А.Д. Меншикова под Калишем в 1706 г. С. 262–276; Андреева Е.А. Судьба шведских гарнизонов Ингерманландии и Карелии в 1702–1710 гг. С. 276–283; Шкваров А.Г. Русская кавалерия в Северной войне на финском театре военных действий. С. 283–293; Журавлев Д.А. Медицинское обеспечение русской армии и флота в годы Северной войны. С. 293–306; **Научные сообщения:** Славнитский Н.Р. Гарнизон Санкт-Петербурга в годы Северной войны. С. 306–311; Ананьин А.В. Снабжение русского флота обмундированием в период Северной войны. С. 311–314; Смирнов С.С. Генералы-иностранцы на русской службе в последние годы правления Петра I. С. 314–318; Тютюма С.А., Ушаков В.А. Русско-шведские войны XVIII – начала XIX веков: (к вопросу о роли личности в истории). С. 318–322; Краткие сведения об авторах. С. 323–324.
221. Славная победа русского оружия (к 300-летию Полтавской баталии): Материалы конф. / Под общ. ред. И.Е. Горелова, В.А. Потатурова. М.: МИЭМП, 2009. 134 с.
- Содерж.*: Шапкин И.Н. И грянул бой. Полтавский бой... славная победа русского оружия (к 300-летию Полтавской баталии). Вступ. слово. С. 4; Аманжолова Д.А. Полтава как повод. С. 5–11; Брищук Е.Г. Мемория героя Полтавы – фельдмаршала Я.В. Брюса (новые материалы по истории его усадьбы Глинки). С. 12–15; Горелов И.Е. Вольтер о сражении под Полтавой и его последствиях. С. 15–20; Иерусалимский Ю.Ю., Юрчук К.И. Дипломатическая подготовка России к Северной войне. С. 20–27; Калашников В.М. Полтавская битва и ее международные последствия в труде английского историка Дж. Моттли «История жизни Петра I, императора России» (1738 г.). С. 28–45; Кошевая Н.С. Командующий гвардейскими полками М.М. Голицын. С. 45–51; Мазин К.А. Полтавская битва и эмигра-

- ция запорожских казаков. С. 51–60; Меньшиков В.П. Личность Карла XII в шведской историографии. С. 61–68; Михеенков В.П. Предшественница великой победы. С. 68–73; Нарышкин А. К. Полтава – да святится имя твое! С. 73–76; Потатуров В.А. Историографические баталии вокруг Полтавы. С. 76–85; Прохоров М.Ф. Судьба и положение шведов пленных под Полтавой в 1709 г. С. 86–95; Слисаренко А.Н. Константин Гордиенко – патриот или изменник? С. 95–107; Соколова А.А. «Батури́нская резня» – трагедия, которой не было. С. 108–112; Томан И. Б. Яков Брюс: земная жизнь и посмертная слава. С. 112–121; Черноскулов В.И. Фельдмаршал Б.П. Шереметев – главнокомандующий русской армией в Полтавском сражении. С. 121–132; Сведения об авторах. С. 132–134.
222. Словарь языка М.В. Ломоносова / Гл. ред. Н.Н. Казанский. СПб.: Нестор-История, 2010. (Материалы к словарю языка М.В. Ломоносова). Вып. 1. Исследования и материалы по стихосложению М.В. Ломоносова. 394 с.
- Содерж.*: Хворостьянова Е.В. Предисловие. С. 5–12; **Реформа русского языка**: Баевский В.С. Третьяковский и Ломоносов – реформаторы стиха. С. 15–19; Гаспаров М.Л. Ломоносов и Третьяковский – два исторических типа новаторов стиха. С. 20–21; Баевский В.С. Барокко и классицизм в стиховедческих трактатах Ломоносова и Третьяковского. С. 22–24; **Ритмика**: Жирмунский В.М. О национальных формах ямбического стиха. С. 27–45; Тарановский К.Ф. Ранние русские ямбы и их немецкие образцы. С. 46–55; Викери В.Н. Русский шестистопный ямб и отношение его к французскому александрийскому стиху. С. 56–77; Тарановский К.Ф., Прохоров А.В. К характеристике русского четырехстопного ямба XVIII века: Ломоносов, Третьяковский, Сумароков. С. 78–122; Гаспаров М.Л. Материалы о ритмике русского 4-стопного ямба XVIII в. С. 123–144; Тарановский К.Ф. Шестистопный ямб Ломоносова. С. 145–166; Прохоров А.В. Проблемы становления русского классического стиха: Комментарий к работе К.Ф. Тарановского о 6-стопном ямбе Ломоносова. С. 167–182; Шапир М.И. У истоков русского четырехстопного ямба: генезис и эволюция ритма: (Социолингвистика стиха раннего Ломоносова). С. 183–214; **Рифма**: Томашевский Б.В. К истории русской рифмы. С. 217–265; Жирмунский В.М. О русской рифме XVIII в. С. 266–274; Холшевников В.Е. Еще раз об истории русской рифмы от Ломоносова до Лермонтова. С. 275–289; Гаспаров М.Л. Эволюция русской рифмы. С. 290–326; **Ритмическая, интонационная и синтаксическая структура одической строфы**: Тарановский К.Ф. Из истории русского стиха XVIII в. Одическая строфа AbAb || CCdEEd в поэзии Ломоносова. С. 329–339; Стенник Ю.В. Одическая строфа Ломоносова. С. 340–349; Иванов Вяч. Вс. Из наблюдений над одой XVIII в. С. 350–363; Шапир М.И. Ритм и синтаксис Ломоносовской оды (К исторической грамматике русского стиха). С. 364–393.
- Вып. 2. Лалетина О.С., Хворостьянова Е.В. Метрико-строфический справочник к произведениям М.В. Ломоносова. 340 с.
223. Творчество А.П. Сумарокова в контексте мировой литературы: Сб. науч. работ, подготовленный по материалам конф, посвящ. творчеству А.П. Сумарокова (17 дек. 2008 г.) / Отв. ред. С.Н. Травников; Ред.-сост. Е.Г. Июльская. М.: Гос. ИРЯ им. А.С. Пушкина, 2009. 174 с.

- Содерж.*: Прохоров Ю.Е. Вступительное слово ректора Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина. С. 4–5; Аннушкин В.И. Филологические взгляды А.П. Сумарокова. С. 6–16; Соколовская Т.Д. Языковой вкус эпохи и нормализаторская деятельность филологов XVIII века. С. 17–21; Величкина И.И. А.П. Сумароков в литературно-критическом наследии В.Г. Белинского. С. 22–26; Туфанова О.А. Трагедия А.П. Сумарокова «Дмитрий Самозванец» и историческая публицистика начала XVII столетия. С. 27–36; Алпатова Т.А. А.П. Сумароков и Ш.-Л. Монтескье (к генезису политической концепции трагедии «Дмитрий Самозванец»). С. 37–50; Ольшевская Л.А., Травников С.Н. «Без пользы общества на троне славы нет...» (поэтика трагедии А.П. Сумарокова «Дмитрий Самозванец»). С. 51–67; Михайлова Д.Д. Образ императрицы в «екатерининских» одах А.П. Сумарокова. С. 68–73; Трофимова Н.В. Тренические мотивы в одической поэзии А.П. Сумарокова и Г.Р. Державина. С. 74–80; Барахта А.В. «Тщетно я скрываю сердца скорби люты...» (проблема атрибуции стихотворения). С. 81–85; Толю Э.О. Из малоизученного литературного наследия А.П. Сумарокова: «Элегия на преставление графини Анны Петровны Шереметевой, невесты графа Никиты Ивановича Панина». С. 86–91; Донская Н.А. Медитативна ли псалмодическая лирика А.П. Сумарокова? С. 92–100; Зайцева Е.Л. Космогонический мотив в парафразах 103 псалма А.П. Сумарокова и Ф.Н. Глинки. С. 101–106; Сорокин В.Б. Аксиология сатир А.П. Сумарокова. С. 107–115; Парамонова М.К. А.Д. Кантемир и А.П. Сумароков о благородстве (на материале «Сатиры II. На зависть и гордость дворян злонаправных. Филарет и Евгений» А.Д. Кантемира и сатиры «О благородстве» А.П. Сумарокова). С. 116–122; Королева Д.А. «О вещах таких есть споры, каковых в природе нет...» (сюжетное своеобразие стихотворной новеллы «Отстреленная нога» в творчестве А.П. Сумарокова). С. 123–128; Петривня Е.К. «О чем я в притче сей, читатель, говорю?» (образ автора в притчах А.П. Сумарокова). С. 129–135; Соломонова А.А. Интерпретация сюжета басни «Стрекоза и Муравей» в мировой и русской литературе. С. 136–150; Пантелева Е.А. Басенный сюжет о Дубе и Трости в интерпретации Эзопа, Ж. де Лафонтена и А.П. Сумарокова. С. 151–159; Горюнова А.И. Трудолюбивые пчела и муравей. С. 160–163; Июльская Е.Г. «К тебе, о Боже мой, я ныне вопию» (цикл молитвословий А.П. Сумарокова). С. 164–169; Якушева Г.В. Сумароков – русский Расин? С. 170–174.
224. Труды по русской и славянской филологии. Литературоведение. VII (Новая серия): К 80-летию со дня рождения Зары Григорьевны Минц; К 85-летию со дня рождения Юрия Михайловича Лотмана / Под ред. Л. Киселевой. Тарту: Tartu Ülikooli Kirjastus, 2009.
- Из содерж.*: Погосян Е., Смержевских-Смирнова М. «Яко аз на раны готов»: Петр I на иконе Таллиннского Никольского храма. С. 11–37; Смержевских-Смирнова М. Перенесение мощей Александра Невского: «Водный путь» в имперском церемониале. С. 38–59; Зайонц Л. Ифигения в Тавриде: К проблеме «мерцающих» источников у Семена Боброва. С. 60–83.
225. Художественный перевод и сравнительное изучение культур: (Памяти Ю.Д. Левина) / Отв. ред. Н.Д. Кочеткова. СПб.: Наука, С.-Петербург. изд. фирма, 2010. 678 с., 1 л. ил.
- Из содерж.*: Росслин В. Женщины-переводчицы в России XVIII в. С. 8–18; Ананьева А.В., Веселова А.Ю. Сад в художественной системе романа

- Дж. Кредока «Сельские мемуары». С. 19–38; Альтшуллер М.Н. С. Смирнов: Неизданное стихотворение. С. 38–47; Скугаревская-ван ден Бром Е.В. О романтизме в жизни и науке: О Джоне Китсе в России (к истории русских переводов его произведений). С. 82–92; Феррацци М. А.Д. Кантемир и его итальянское окружение в Лондоне: К вопросу о влиянии итальянской поэзии на теорию стихосложения А.Д. Кантемира / Пер. с итал. А.О. Демина. С. 178–197; Вачева А. «Жизнь и мнения Тристрама Шенди, джентльмена» Л. Стерна и «Записки» Екатерины II. С. 198–212; Малэк Э. Сон наяву, или Комическая опера кн. Д. Горчакова «Калиф на час». С. 213–223; Лаппо-Данилевский К.Ю. О филэллинизме Н.М. Карамзина. С. 223–231; Клейн И. «Искусство жить» у Карамзина: («Письма русского путешественника»). С. 232–245; Костин А.А. Еще раз о душах на конце иглы у Радищева. С. 246–250; Свиясов Е.В. Магия слова. Крылатое выражение «Beatus ille, que...» (Блажен, кто...) в русской поэзии XVIII – начала XIX в. С. 250–261; Космолинская Г.А. Итальянская книга в русских частных библиотеках XVIII – первой четверти XIX в. С. 261–281; Hughes L. Peter the Great's tomb in the Peter-Paul cathedral in its cultural and historical context (18th – early 19th centuries). С. 378–388; Keipert H. Das Vortwort zum sog. Weismannschen Wörterbuch von 1731. С. 389–404; Хексельштейндер Э. Еще раз: «Известие о некоторых русских писателях вместе с кратким сообщением о русском театре» (1768). С. 404–426; Карп С.Я. «Пропавшая» рукопись Дидро: Замечания на проект договора между Россией и Сардинским королевством. С. 426–441; Рак В.Д. К истории сюжета о девушке, задохнувшемся юноше и слуге-вымогателе. С. 441–459; Cross A. «General Swallow»: Suworov in English Caricature. С. 460–469; Данилевский Р.Ю. «Дмитрий» Ф. Шиллера. С. 469–481; Lehmann-Carli G. Nicolaj M. Karamzin und Johann Caspar Lavater: Affinitäten und Distanz. С. 544–567.
226. Царицыно: Императорский дворцово-парковый ансамбль для людей. М., 2010. Т. 2. 168 с.: ил.
Из содерж.: Сергеев И.Н. Из истории Царицына. С. 22–28; Хлебников Г.В. Храм иконы Пресвятой Богородицы «Живописный источник». С. 30–33; Герчук Ю.Я. Архитектор Василий Баженов. С. 34–43; Клименко Ю.Г. Архитектор Матвей Казаков. С. 44–49; Клименко Ю.Г. Архитектор Иван Егоров. С. 50–58; Боголюбова-Фомичева Н.В. Екатерина II – истинная немка с русским характером. С. 82–85; Кольцова В.А., Малафеева С.Л. Екатерина II и Василий Баженов: Царицыно – загадка истории. С. 86–91; Будко А.А., Гольдин И.И., Журавлев Д.А. Медицина Екатерины II, Царицынские ключи и бани. С. 92–102; Воронина Т.А. Застольные традиции Екатерининской эпохи. С. 104–109.

СТАТЬИ

227. *Абрамзон Т.Е.* Генезис и эволюция формулы «Сын(-ы) Отечества»: (К вопросу о диалоге дискурсивных практик в России XVIII века) // Проблемы истории, филологии, культуры. 2010. Вып. 2. С. 251–265.
228. *Абрамзон Т.Е.* Научный анекдот «Случились два Астронома в пиру» М.В. Ломоносова: специфика дискурса // Проблемы истории, филологии, культуры. 2010. № 4. С. 94–99.

229. *Абрамов Е.П.* Создание морской пехоты и ее развитие в ходе Северной войны 1700–1721 гг. // Модернизация в России: экономика, политика, культура: Сб. материалов Всерос. науч. конф., 4–5 мая 2009 г. СПб., 2009. Вып. 2. С. 29–34.
230. *Агеева О.Г.* Дипломатический церемониал российского двора 1744 года // Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия. М.: Ин-т рос. истории, 2009. Вып. 5. С. 45–66.
231. *Акимова Т.И.* Смысл жизни дворянина в екатерининской «Сказке о царевиче Февее» и державинской оде «Решемыслу» // Проблемы истории, филологии, культуры. 2010. № 4. С. 173–179.
232. *Алеева Е.З.* Культурологические аспекты мифа в романе Дж. Свифта «Путешествие Гулливера» // Учен. зап. Казан. гос. ун-та. 2010. Т. 152, кн. 2. С. 125–136.
233. *Александров Л.Г.* Критика магии и мистики в сатирической публицистике эпохи Просвещения: «Сказка бочки» Дж. Свифта и «Почта духов» И.А. Крылова: К 240-летию со дня рождения русского баснописца // Вестн. Челябин. гос. ун-та. Филология. Искусствоведение. 2009. № 17, вып. 32. С. 5–8.
234. *Александров Л.Г.* Мистические суеверия и гадания в журнальном святочном рассказе (вторая половина XVIII – первая половина XIX веков) // Вестн. Челябин. гос. ун-та. Филология. Искусствоведение. 2009. № 22, вып. 33. С. 10–14.
235. *Александров Л.Г.* Научно-художественная космология Бертрана Фонтенеля и русская поэзия эпохи Просвещения // Вестн. Челябин. гос. ун-та. Филология. Искусствоведение. 2009. № 30, вып. 35. С. 10–14.
236. *Алексеев В.Н.* «Жесткие» меры директора С.-Петербургской академии наук княгини Е.Р. Дашковой // История науки и техники. 2010. № 12. С. 15–23.
237. *Алилова Д.Г.* «Бардовская доктрина» в контексте поэзии позднего английского Просвещения // Вестн. Санкт-Петерб. ун-та. Сер. 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. 2009. Вып. 4. С. 5–11.
238. *Алимова Л.Б.* Мастерская и Оружейная палаты Московского Кремля и развитие художественного производства в России XVIII – первой трети XIX века // Жизнь в истории: (К 85-летию профессора А.П. Абрамовского). Челябинск: Энциклопедия, 2009. С. 155–163.
239. *Алпатова Т.А.* Мифологические мотивы в «Письмах русского путешественника» Н.М. Карамзина // Язык мифа: Материалы Междунар. науч.-практ. конф., 10 окт. 2009 г. М.: Моск. гуманитарно-экон. ин-т, 2010. С. 4–27.
240. *Алпатова Т.А.* Оппозиция «мужское/женское» в художественном мире Н.М. Карамзина // Вестн. Новгород. гос. ун-та. 2010. № 56. Сер. «Филология». Спец. вып. «Мусатовские чтения – 2009». С. 12–15.
241. *Альбедиль М.* Тело в пространстве архитектуры: мода в эпоху Петра I // Теория моды. 2009–2010. Зима. (№ 14). С. 155–172.
242. *Алякринская М.А.* Танец в русской культуре XVIII–XIX вв. // Культура и история: Материалы межвузовских научных конференций «Культура и история» (2004–2007). СПб., 2009. С. 417–436.
243. *Андреев А.Н.* Западноевропейские вероисповедания и русские старообрядцы в XVIII в. // Вопр. истории. 2010. № 5. С. 98–109.
244. *Андреев А.Н.* Квакеры на Западе и в России. XVIII век // Новая и новейшая история. 2010 № 4. С. 165–177.

245. *Андреев А.Н.* Конфессиональное влияние французской эмиграции на русское дворянство в конце XVIII – начале XIX века (по мемуарам В.Н. Головиной) // Рос. история. 2010. № 2. С. 81–91.
246. *Андреев М.Л.* Пьетро Метастазियो: между трагедией и комедией // *Arbor mundi* = Мировое древо. 2010. Вып. 17. С. 62–80.
247. *Андреева А.Н.* Российский императорский двор в записках английских путешественников: последняя четверть XVIII в. // Культура и история: Материалы межвузовских научных конференций «Культура и история» (2004–2007). СПб., 2009. С. 99–105.
248. *Андреева Л.В.* Екатерина II на Царевборисовских прудах в селе Черная Грязь и Царицыне: О пребывании императрицы в этих местах в годы «московского присутствия» // Моск. журн.: История государства Российского. 2010. № 11. С. 14–21.
249. *Андриайнен С.В.* Проекты П.И. Шувалова относительно развития военного образования и их идейный контекст // Диалог со временем. М., 2009. Вып. 29. С. 271–284.
250. *Андропова В.О.* Эпическая искромантия: римские образцы, русская рецепция: [Об освоении эпического произведения Лукана «Фарсалия» в поэзии М.М. Хераскова] // Изв. Тульского гос. ун-та. Гуманитарные науки. 2009. Вып. 1. С. 241–246.
251. *Андросов С.О.* Иван Иванович Шувалов в Риме // Искусство Византии, Древней Руси, Западной Европы: Материалы науч. конф. 2009 / Лазаревские чтения. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2009. С. 461–474.
252. *Антонова С.Г.* Переводная литература по театру как фактор формирования национальной идентичности (на материале изданий XVIII в.) // Шестые Международные Михоэлсовские чтения. Национальный театр в контексте многонациональной культуры: Докл., сообщ. М.: Рос. гос. б-ка искусств: Три квадрата, 2010. С. 254–261.
253. *Антонова С.Г.* Театральный контекст в изданиях XVIII в. К вопросу об аппарате // Федоровские чтения 2009. М.: Наука, 2010. С. 176–182.
254. *Антохов А.В., Антохова С.Ю.* Русская провинциальная мемуарно-автобиографическая литература второй половины XVIII – начала XIX веков (проблемы поэтики) // Литература, язык, периодическая печать в жизни российского общества и государства (XVIII–XX вв.). Брянск: Курсив, 2010. С. 7–54.
255. *Апрыщенко В.Ю.* Англо-шотландская парламентская уния в современной британской историографии: [1707 г.] // Изв. ЮФУ. Технические науки / Южный федер. ун-т. 2009. № 3. Информационные и гуманитарные технологии в управлении экономическими и социальными системами. С. 181–186.
256. *Арменков А.А.* Представления русских ученых конца XVIII века о происхождении и развитии языка // Вестн. Санкт-Петерб. ун-та. Сер. 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. 2010. Вып. 3. С. 99–104.
257. *Аронова А.* Отношение к наследию А. Палладио в русской архитектурной практике первой трети XVIII века // Искусствознание. 2009. № 3/4. С. 162–187.
258. *Артамонов В.А.* Украинское казачество между Петром I и Карлом XII в полтавский период Северной войны 1708–1709 годов // Славяноведение. 2010. № 2. С. 38–54.

259. *Артеменко С.А.* Причины возникновения и развитие движения методистов в Англии XVIII века // Вестн. Моск. гос. гуманитар. ун-та им. М.А. Шолохова. Сер.: История и политология. 2010. № 1. С. 51–59.
260. *Артемьева Т.В.* Вхождение России в интеллектуальное пространство Европы: от Петра I до Екатерины II // Вопр. философии. 2009. № 8. С. 41–55.
261. *Архангельская А.В.* Изображение животных в русских стихотворных фациях XVIII века // Герменевтика древнерусской литературы. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2010. С. 708–717.
262. *Ариш Г.Л.* Российские эмиссары в Пелопоннесе и Архипелагская экспедиция 1770–1774 годов // Новая и новейшая история. 2010. № 6. С. 60–72.
263. *Астюков А.М.* О религиозных воззрениях М.В. Ломоносова // Труды Тобольской Духовной семинарии. Тобольск, 2009. Вып. 1. С. 279–286.
264. *Афасижев Т.М.* Литературный сон XVIII века как картина мира российского интеллектуала // IV Овсянниковская международная эстетическая конференция, 23–24 ноября 2010 года. Границы современной эстетики и новые стратегии интерпретации искусства: Сб. науч. докл. М.: Оргкомитет ОМЭК IV, 2010. С. 247–252.
265. *Афониюшкина А.В.* Изучение французского крестьянства предреволюционной эпохи XVIII века в трудах М.М. Ковалевского // Вопросы истории славян: Сб. науч. тр. Воронеж: Науч. книга, 2009. Вып. 19. С. 198–209.
266. *Афониюшкина А.В.* Проблемы социальной и политической истории Французской революции XVIII века в оценке Н.И. Кареева // Вопросы истории славян: Сб. науч. тр. Воронеж: Науч. книга, 2010. Вып. 20. С. 200–217.
267. *Ашмаров Ю.А.* Правительственные меры по борьбе со взяточничеством в первой четверти XVIII века // Проблемы отечественной истории: Сб. науч. ст. М.: Изд-во РАГС, 2009. Вып. 11. С. 32–47; 2010. Вып. 13. С. 86–93.
268. *Баева Л.Ф.* Философия языка и роль В.К. Тредиаковского в русской культуре // Вопр. лингвистики и литературоведения. Астрахань, 2009. № 4. С. 26–31.
269. *Байбурова Р.М.* Классицистические интерьеры дворцов и богатых жилых домов в XVIII веке // Проблемы дизайна – 5. М.: Артпроект, 2009. С. 252–271.
270. *Байбурова Р.* Цель – универсальный человек: [К истории создания воспитательных учреждений в России, конец XVIII в.] // Academia. 2009. № 4. С. 11–18.
271. *Байнова Т.С.* Реформы театрального дела 1783 года. Рождение коллегиального органа «Комитета для управления зрелищами и музыкой» и основные направления его деятельности // Изв. Рос. гос. пед. ун-та им. А.И. Герцена: Обществ. и гуманитар. науки. 2009. № 92. С. 239–244.
272. *Байович З.* Поэма «Петр Алексеевич» дубровницкого поэта эпохи барокко Стиепо Русича (1678–1770) // Сербско-русские литературные и культурные связи XIV–XX вв. СПб., 2009. С. 58–68.
273. *Бакури Н.С.* Росписи раннего московского классицизма: [О монументально-декоративной живописи 1760–1770-х гг. в интерьерах дворца-усадьбы Кусково (Москва) и Белого домика усадьбы Никольское-Урюпино (Подмосковье)] // Декоративное искусство и предметно-пространственная среда: Вестн. МГХПУ / Моск. гос. худож.-промышл. ун-т им. С.Г. Строганова. 2009. № 1, ч. 1. С. 187–195.

274. *Баранов В.А.* Полное собрание сочинений М.В. Ломоносова в Интернете: подготовка электронной коллекции и функциональные возможности модулей корпуса // Учен. зап. Казан. ун-та. 2010. Т. 152. Сер.: Гуманитар. науки. Кн. 6. С. 223–234.
275. *Бели Л.* Французская дипломатия и русская держава в XVIII веке // Россия – Франция: 300 лет особых отношений. М.: РОСИЗО, 2010. С. 48–57.
276. *Белова А.В.* «В куклы я никогда не играла...»: Детские игрушки в российской дворянской культуре XVIII – середины XIX в. // Родина. 2009. № 11. С. 92–94.
277. *Белова А.В.* «Снова принимаешь вид старухи»: Восприятие старости русскими дворянками (XVIII – середина XIX вв.) // Новый ист. вестн. 2009. № 3. С. 5–16.
278. *Беляева И.М.* К вопросу о реконструкции частных собраний XVIII в. в Библиотеке Академии наук // Сборник научных трудов (по материалам научных конференций БАН) / Б-ка Рос. акад. наук. СПб., 2010. С. 98–104.
279. *Бенда В.Н.* Московская артиллерийская школа (1712–1759 годы) // Изв. Рос. гос. пед. ун-та им. А.И. Герцена. 2009. № 110. С. 7–15.
280. *Бенда В.Н.* Первые российские артиллерийские и инженерные школы в конце XVII – первой четверти XVIII века // Военно-ист. журн. 2009. № 9. С. 23–28.
281. *Бенда В.Н.* Роль Я.В. Брюса в развитии инженерно-артиллерийских школ в первой четверти XVIII в. // Вестн. Ленингрд. гос. ун-та им. А.С. Пушкина. Сер.: История. 2010. № 1, т. 4. С. 111–128.
282. *Бенда В.Н.* Финансирование деятельности военно-учебных заведений в первой половине XVIII в. // Вестн. Санкт-Петерб. ун-та. Сер. 2. История. 2009. Вып. 1. С. 53–58.
283. *Бердников Л.* «Мой русский сонет»: [Переводной сонет В.К. Третьяковского «Боже! коль твои судьбы правости суть волны» (1732 г.)] // Новый журнал. 2009. Кн. 257. С. 321–330.
284. *Бердников Л.* Стихи для Анны Иоанновны: История одного посвящения: [В.К. Третьяковский как переводчик итал. панегирических сонетов, сочиненных Дж. Аволлио в России для императрицы] // Новая юность. 2009. Спец. вып. С. 250–261.
285. *Березин В.* Устав и правила музыкальных мастеров города Парижа 1599–1791 // Старинная музыка. 2010. № 4. С. 19–26.
286. *Биткинова В.В.* Русский восемнадцатый век в стихах и песнях А. Городничьего // Междисциплинарные связи при изучении литературы: Сб. науч. тр. Саратов: Изд. центр «Наука», 2009. Вып. 3. С. 230–236.
287. *Благодер Ю.Г.* Россия и Китай: практика двусторонней дипломатии (XVII–XVIII вв.) // Учен. зап. Казан. гос. ун-та. 2010. Т. 152. Сер. Гуманитарные науки. Кн. 3, ч. 1. С. 222–232.
288. *Блохин В.Ф.* «Путешествие из Петербурга в Москву» А.Н. Радищева в сфере государственных интересов: «Радищев, рабства враг, цензуры избежал!» // Литература, язык, периодическая печать в жизни российского общества и государства (XVIII – XX вв.). Брянск: Курсив, 2010. С. 55–80.
289. *Блудилина Н.Д.* Антиох Кантемир и английская культура // Вестн. слав. культур. 2009. № 1. С. 57–67.
290. *Блудилина Н.Д.* Антиох Кантемир и его литературные связи во Франции // Вестн. славянских культур. 2010. № 3. С. 60–68.

291. *Бобков В.А.* Российские арсеналы в XVIII – начале XIX века // Воен.-ист. журн. 2010. № 8. С. 35–41.
292. *Бовыкин Д.Ю.* Накануне 18 фрюктидора (анатомия одного государственного переворота) // Французский ежегодник, 2009. Левые во Франции. М.: Книж. дом «ЛИБРОКОМ», 2009. С. 83–118.
293. *Богатырев Э.Д.* Поташ во внешней торговле в первой половине XVIII века // Изв. Самар. науч. центра РАН. 2009. Т. 11, № 2. С. 30–34.
294. *Богдан В.* Герои парадного портрета: [История Имп. Акад. художеств в XVIII в.] // Academia. 2009. № 3. С. 3–14.
295. *Бокарева О.Б.* Измайловский зверинец в середине XVIII в. (по материалам РГАДА) // Коломенское: Материалы и исследования. М., 2009. Вып. 12. С. 60–68.
296. *Болотина Н.Ю.* Организация и деятельность судов второй инстанции Московской губернии в последней трети XVIII века // Проблемы отечественной истории: Сб. науч. ст. М.: Изд-во РАГС, 2009. Вып. 11. С. 47–72.
297. *Болотина Н.Ю.* Первая провинциальная газета России «Тамбовские известия»: [1788 г.] // Книга: Исслед. и материалы. 2009. Сб. 91, ч. 1/2. С. 97–109.
298. *Болотина Н.Ю.* Полтавская виктория 27 июня 1709 года // Наука и жизнь. 2009. № 6. С. 98–107.
299. *Болотина Н.Ю.* Эпистолярное наследие женщин династии Романовых (первая треть XVIII в.) // Проблемы отечественной истории: Сб. науч. ст. М.: Изд-во РАГС, 2010. Вып. 12. С. 5–13.
300. *Болтунова Е.* Пространство власти: царский/императорский дискурс в топографии Москвы и Санкт-Петербурга конца XVII – XVIII столетий // Ab Imperio. 2009. № 2. С. 65–104.
301. *Болтунова Е.* Феномен удвоения столицы как проявление дуализма в культуре: Москва и Санкт-Петербург в первой четверти XVIII века // Конструкты национальной идентичности в русской культуре XVIII–XIX веков: Материалы конф. Апр. 2008 г., Тверь. М.: РГГУ, 2010. С. 294–302.
302. *Бондина С.И.* Житие Александра Невского в редакции Екатерины II // Унив. историк. 2010. Вып. 7. С. 95–102.
303. *Борщ Е.В.* Визуализация литературного текста во французской книжной гравюре рококо // Изв. Урал. гос. ун-та. Сер. 2. Гуманитар. науки. 2009. № 3. С. 35–44.
304. *Борщ Е.В.* Иконография интерьера «стиля Регентства» во французской книжной иллюстрации XVIII века // Вестн. Челяб. гос. ун-та. 2009. № 22. Филология. Искусствоведение. Вып. 33. С. 161–165.
305. *Борщ Е.В.* Приемы визуальной интерпретации литературного текста во французской книжной иллюстрации XVIII века // Вестн. Челяб. гос. ун-та. 2009. № 10. Филология. Искусствоведение. Вып. 30. С. 168–173.
306. *Борщ Е.В.* Французская книжная виньетка XVIII в. как средство интерпретации литературного текста [на примере издания «Декамерона» Боккаччо 1757 г.] // Пограничные процессы в литературе и культуре: Сб. ст. по материалам Междунар. науч. конф., посвящ. 125-летию со дня рождения В. Каменского (17–19 апр. 2009 г.). Пермь: Перм. гос. ун-т, 2009. С. 225–226. (Мировая литература в контексте культуры).
307. *Бринцева А.* Наполеон в Италии и батальная графика Карла Верне // Собрание. 2010. № 2. С. 88–95.

308. *Бубнов Н.Ю.* Библиотека Устюжской епархии (вторая половина XVII – первая четверть XVIII вв.) // Духовное наследие народов республики Коми: история и современность: Материалы Всерос. науч. конф. «Редкие книги в фондах современных библиотек, архивов, музеев (к 20-летию Отдела редкой и рукописной книги. Науч. б-ки Сыктывкар. ун-та), 15–16 мая 2008 г. Сыктывкар, 2009. С. 101–108.
309. *Бугаев Д.С.* Термин «Грузия» во второй половине XVIII – первой половине XIX века // Научные пробл. гуманитарных исследований. 2010. Вып. 12. С. 41–46.
310. *Бугаева Т.Б.* Московский университет при Екатерине II // История России: политика, власть, управление: Сб. ст., посвящ. 80-летнему юбилею Заслуженного проф. Моск. ун-та В.А. Кувшинова. М.: МАКС Пресс, 2010. С. 82–99.
311. *Бугаев С.И.* Англо-французское соперничество в Швеции (1768–1770 гг.) // Клио. 2009. № 2. С. 42–44; № 3. С. 56–58.
312. *Бугаев С.И.* «Великий год». Военная кампания 1759 г. (Из истории Семилетней войны 1756–1763 гг.) // Вестн. Санкт-Петерб. ун-та. Сер. 2. История. 2010. Вып. 2. С. 93–103.
313. *Бугров К.Д., Киселев М.А.* «Закон» и «Совет»: Концептуальное поле проектов политических реформ российской бюрократической элиты (рубеж 50–60-х гг. XVIII в.) // Диалог со временем: Альманах интеллектуальной истории. 2010. Вып. 33. С. 110–139.
314. *Булмистре Я.Э.* К истории изучения культурных связей между Англией и Петербургом XVIII столетия // Историография и источниковедение в культурологическом исследовании: (Культурологич. исследования' 10): Сб. науч. тр. СПб.: Астерион, 2010. С. 119–125.
315. *Бухаркин П.Е.* Феофан Прокопович и духовно-интеллектуальные движения Петровской эпохи // Христиан. чтения. 2009. № 9/10. С. 100–121.
316. *Валькова О.А.* «Ученая дама» в России в конце XVIII – первой половине XIX вв.: Миф или реальность? // Вопр. истории естествознания и техники. 2009. № 1. С. 66–87.
317. *Васильев В.И. И.П.* Кулибин как деятель отечественной книжной культуры: (К 275-летию со дня рождения) // Вопр. истории естествознания и техники. 2010. № 4. С. 112–119.
318. *Вахтина П.Л., Острой О.С.* Книга Николая Дмитриевича Чечулина «Жизнь русской провинции во второй половине XVIII века» и ее судьба // Деятели книги: Михаил Николаевич Куфаев (1888–1948): Сб. науч. трудов по материалам 15-х Смирдин. чтений. СПб., 2010. С. 157–164. (Труды / Санкт-Петерб. гос. ун-т культуры и искусств; Т. 188).
319. *Вдовин Г.В.* «Заслужить лицо». Этюды о русской живописи XVIII века // Искусствознание. 2010. № 1/2. С. 190–242; № 3/4. С. 133–197.
320. *Верещагина А.* Художественный департамент [Академии художеств] // Academia. 2009. № 1. С. 8–12.
321. *Веселова С.С.* Зимние сады российских дворцов и особняков XVIII–XIX вв.: образы в живописи и литературе // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 8. История. 2010. № 3. С. 124–141.
322. *Вихорева Т.Г.* Хоровые концерты Д.С. Бортнянского и проблемы русской музыки XVII–XVIII вв. // Диалогическое пространство музыки в меняю-

- щемся мире: Сб. по материалам Междунар. науч.-практ. конф. (Саратов, 20–22 нояб. 2009 г.). Саратов: Сарат. гос. консерватория, 2009. С. 20–26.
323. *Вишнякова Н.* Сады русской поэзии: XVIII век // Лит. учеба. 2010. № 3. С. 85–101.
324. *Волкова М.А.* Коронационные регалии в церемонии императорской коронации в России XVIII в. // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 8. История. 2010. № 2. С. 99–108.
325. *Волкова Н.П.* О некоторых особенностях ансамбля парадных интерьеров дворца усадьбы «Архангельское»: [2-я половина XVIII – 1-я треть XIX в.] // Памятники русской архитектуры и монументального искусства XII–XX вв. М.: Наука, 2010. Вып. 8. С. 256–269.
326. *Волосюк О.В.* Г.М. де Ховельянос в Мадридском экономическом обществе друзей отечества: [1744–1811] // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Сер.: Всеобщая история. 2010. № 3. С. 21–41.
327. *Волынская А.В.* Терминология книжного дела в старорусском языке: (По материалам хозяйственных рукописей северных монастырей XVI – начала XVIII веков) // Поморский летописец. Архангельск: Поморский ун-т, 2009. Вып. 2. С. 18–27.
328. *Воронцов В.С.* Оранжерейное и тепличное хозяйство в усадьбе конца XVIII – середины XIX в.: история кадочной культуры в России // Яснополянский сборник 2010: Ст., материалы, пуб. Тула: Издат. дом «Ясная Поляна», 2010. С. 491–503.
329. *Вульциус Р.* Вестернизация России и формирование российской цивилизаторской миссии в XVIII веке // Imperium inter pares: Роль трансферов в истории Российской империи (1700–1917): Сб. ст. М.: Новое лит. обозрение, 2010. С. 14–41. (Historia Rossica).
330. *Вяткин В.В.* Церковная политика Анны Иоанновны // Вопр. истории. 2010. № 8. С. 91–101.
331. *Гаврин В.* «Русский Феб», или Уловки красноречия: Портретное сходство – феномен иконологии: [О взаимодействии живописи и литературы в России второй половины XVIII – первой трети XIX в.] // Искусствознание. 2010. № 3/4. С. 198–218.
332. *Гайдак С.Н.* Композиционная логика нового типа в русском хоровом концерте конца XVIII века // Изв. Самар. науч. центра Рос. акад. наук. 2009. Т. 11, № 4, ч. 3. С. 804–808.
333. *Гайзман Г.* Учение Канта о вечном мире и его уникальный философский реализм / Пер. с нем. и редакция Р.Д. Галеева // Вопр. философии. 2009. № 12. С. 94–104.
334. *Галанов М.М.* Политика самодержавия в униатском вопросе в годы царствования Павла I в освещении российской историографии // Вестн. Санкт-Петерб. ун-та. Сер. 2. История. 2009. Вып. 1. С. 65–71.
335. *Галатенко Ю.* Поэтическая интерпретация музыки (на примере влияния оперного жанра на итальянскую поэзию XVII – XVIII веков) // Проблемы художественной интерпретации: Материалы Всерос. науч. конф. (Москва, 27–28 нояб. 2007 г.). М.: РАМ им. Гнесиных, 2010. С. 158–165.
336. *Ганцева Н.Н.* Организация производства мебели во Франции XVII–XVIII вв.: развитие искусства в социальной парадигме эпохи // Декоративное искусство и предметно-пространственная среда. Вестн. МГХПУ /

- Моск. гос. художеств.-пром. ун-т им. С.Г. Строганова. 2010. № 2. С. 54–71.
337. Гапонов А. Почти забытый адмирал: [Об О.М. Рибасе, 1750–1800 гг.] // Морской сборник. 2010. № 12. С. 67–70.
338. Гашеев В.В., Харламова М.А. Отражение аканья в частной и деловой переписке XVII–XVIII вв. // Вестн. Санкт-Петерб. ун-та. Сер. 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. 2009. Вып. 4. С. 67–70.
339. Герасимова В.А. «Свои» и «чужие»: крещенные евреи в России XVIII века // Вестн. РГГУ / Рос. гос. гуманитар. ун-т. 2010. № 15. Сер.: Культурология. Искусствоведение. Музеология. С. 139–146.
340. Герд А.С. Именное склонение в прекурских словенских текстах XVIII в. (Стефан Кузмич) // Вестн. Санкт-Петерб. ун-та. Сер. 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. 2009. Вып. 4. С. 57–66.
341. Герлах Г.-М. Кант и Берлинское просвещение / Пер. с нем. А.Ю. Шачиной, С.В. Шачина; Под ред. И.Д. Копцева // Кантовский сб. 2010. № 4 (34). С. 13–20.
342. Глаголева О. Оскорбленная добродетель: бесчестье и обида в эмоциональном мире русской провинциальной дворянки XVIII века // Российская империя чувств: Подходы к культурной истории эмоций: Сб. ст. М.: Новое лит. обозрение, 2010. С. 329–352. (Науч. прилож.; Вып. 84).
343. Гладышев А.В. Сен-Симон и партийное строительство в эпоху Реставрации // Французский ежегодник, 2009. Левые во Франции. М.: Книж. дом «ЛИБРОКОМ», 2009. С. 139–173.
344. Глазева А.С. Отношение Московского митрополита Платона (Левшина) к католицизму и к Католической Церкви // Вестн. Православ. Свято-Тихоновского гуманитар. ун-та. I. Богословие. Философия. 2010. Вып. 3. С. 7–20.
345. Глариянтова Е.В. Следы античной традиции в поэме «Петрида» А.Д. Кантемира // Рецепция античного наследия в русской литературе XVIII–XIX вв.: Сб. ст. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2009. С. 31–45.
346. Гокина А.Г. Кантовы традиции в песенной лирике В.К. Третьяковского // Вестн. Поволж. гос. соц.-гуманит. акад. Фак. худож. образования: Сб науч. тр. Самара: ПГСГА, 2010. Вып. 6. С. 78–84.
347. Гольденберг М.Л. Губернатор Олонецкого края: [Г.Р. Державин] // Рус. история. 2009. № 6. С. 42–45.
348. Гончарова Е.В. Киевские постройки Осипа Дмитриевича Старцева в контексте архитектуры украинского барокко рубежа XVII–XVIII веков // Архитектурное наследие. 2009. Вып. 50. С. 159–178.
349. Горбатенко С.Б. Петр I и польская архитектура XVIII века // Краков и Санкт-Петербург: Наследие столичности. Краков, 2009. С. 89–94.
350. Горбовская С.Г. Жак Делиль и интернациональная описательная поэзия XVII–XVIII вв. // Романовский коллегийум. СПб., 2009. Вып. 2. С. 46–53.
351. Гордюхин Е.Ф. Эпикурейское учение о богах и эстетическая теория Канта // Вестн. Ленингр. гос. ун-та им. А.С. Пушкина. 2010. № 4, т. 2. Сер.: Философия. С. 9–17.
352. Горелик Л.Г. Друг А.Н. Радищева, смоленский писатель-публицист Петр Иванович Челищев // Очерки истории смоленской журналистики. Смоленск: Изд-во СмолГУ, 2010. С. 113–122.

353. *Горюнова А.И.* Сравнительная характеристика журналов А.П. Сумарокова «Трудолюбивая пчела» и В.Г. Рубана «Трудолюбивый муравей» // *Вопр. гуманитар. наук.* 2009. № 1. С. 90–92.
354. *Гребенкин А.Н.* Правительственная политика в области военного образования в Российской империи в конце XVIII – 1-й половине XIX в.: социокультурный аспект // *Учен. зап. Орловского гос. ун-та.* 2010. № 1. С. 26–30.
355. *Гречаная Е.П.* Языковое и культурное взаимодействие в сборнике В.К. Тредиаковского «Езда в остров Любви» // *Мультилингвизм и генезис текста: Материалы междунар. симпозиума, 3–5 окт. 2007 г. М.: ИМЛИ, 2010.* С. 178–195.
356. *Григорьева В.П.* Проблема возрождения шотландского поэтического языка в XVIII веке // *Изв. Тульского гос. ун-та. Гуманитарные науки.* 2009. Вып. 2. С. 219–228.
357. *Григорьева И.А.* Схоластическая традиция в Новгороде XVIII в. (к вопросу о новгородской «Академии») // *Санкт-Петербургский университет в XVIII–XX вв.: европейские традиции и российский контекст: Труды междунар. науч. конф., 23–25 июня 2009 г. СПб.: Издат. дом Санкт-Петерб. гос. ун-та, 2009.* С. 11–21.
358. *Гринев А.В.* Геополитические интересы России в Америке и на Тихоокеанском севере XVIII – первая половина XIX в. // *Вопр. истории.* 2009. № 3. С. 48–65.
359. *Громов М.Н.* Влияние Канта на русскую мысль // *Кантовский сб.* 2009. № 2. С. 74–83.
360. *Гудков А.А., Шемелина Д.С.* Отражение теории фортификации французского инженера С. Вобана в неизвестном проекте оборонительной линии на Алтае (1745 г.) // *Архитектурное наследство.* 2009. Вып. 51. С. 133–145.
361. *Гурская Н.В.* Образование и просвещение уральского (яицкого) качества в XVIII–XIX вв. // *Омский науч. вестн. Сер.: Общество. История. Современность.* 2010. № 6. С. 20–23.
362. *Гурьевская Л.А.* Религиозно-нравственные аспекты философии Джеймса Освальда: [1715–1793] // *Вестн. Ун-та Рос. акад. образования.* 2009. № 2. С. 83–86.
363. *Гусарова Е.В.* История создания и авторы первого «высочайше подтвержденного» генплана Астрахани по вновь открытым документам из собраний Петербурга // *Архитектурное наследство.* 2009. Вып. 50. С. 235–254.
364. *Дановский А.В.* «Вольность» у Радищева и у Пушкина // *Рус. речь.* 2009. № 1. С. 3–11.
365. *Дарнтон Р.* Раннее информационное общество: новости и СМИ в XVIII веке в Париже: [Пер. с англ.] / Вступ. ст. и примеч. М.Ю. Минского // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. 7. Философия.* 2009. № 3. С. 67–92.
366. *Дедова Е.Б.* Фейерверки в России елизаветинского времени // *Вопр. культурологи.* 2010. № 10. С. 63–68.
367. *Дежуров А.С.* Русские праздники XVIII в. в контексте немецких представлений о природе комического // *Забелинские чтения-2007. Вдохновение Россией: наука, образование, культура как способ развития общества (источники, условия, формы, люди), Москва, март – апр. 2007 г. М.: МИОО, 2010.* С. 129–131.
368. *Дейников Р.Т.* Россия, Турция и Крымское ханство в 40–60-х годах XVIII века // *Рос. история.* 2009. № 6. С. 147–157.

369. *Демичев А.А.* Юридический анекдот XVIII – первой половины XIX века как источник по истории российской ментальности // Рос. история. 2010. № 5. С. 137–153.
370. *Джундужузов С.В.* Наделение земель и землепользование казаков Ставропольского калмыцкого войска (середина XVIII в.) // Новый ист. вестник. 2010. № 4. С. 25–40.
371. *Длугач Т.Б.* Кант и теоретическая философия Германа Когена // Вопр. философии. 2009. № 11. С. 160–170.
372. *Дмитриев И.С.* Пьер Симон Лаплас – маленький император большой науки // Антропология революции: Сб. ст. по материалам XVI Банных чтений журн. «Новое лит. обозрение» (Москва, 27–29 марта 2008 г.). М.: Новое лит. обозрение, 2009. С. 67–100. (Науч. прилож.; Вып. 76).
373. *Дмитриева Е.* Re-volutio чувства и чувственности: О некоторых особенностях французского либертинажа XVIII века // Антропология революции: Сб. ст. по материалам XVI Банных чтений журн. «Новое лит. обозрение» (Москва, 27–29 марта 2008 г.). М.: Новое лит. обозрение, 2009. С. 141–177. (Науч. прилож.; Вып. 76).
374. *Доброхотов А.Л.* Код Шардена, или Культурная морфология XVIII века в версии М.И. Свирской // Культура, эпоха и стиль: классическое искусство Запада: Сб. ст. в честь 70-летия доктора искусствоведения, проф. М.И. Свирской. М.: Галарт, 2010. С. 421–428.
375. *Дозорова Н.И.* Итальянская драматургия в библиотеке князя Н.Б. Юсупова // Итальянский сборник. М., 2009. Вып. 5: Fascicolo quinto. С. 196–207.
376. *Долгих А.Н.* О программе Павла I по крестьянскому вопросу // Вестн. Моск. гос. обл. ун-та. Сер.: История и полит. науки. 2009. № 3. С. 19–24.
377. *Долгова С.Р.* О социальном происхождении насельников Данилова монастыря в XVIII в. // Даниловские чтения: Материалы первой и второй науч. конф., посвященных 25-летию возрождения Данилова монастыря, 2008–2009. М.: ИНЭС, 2010. С. 8–19.
378. *Драгайкина Т.А.* И.В. Лопухин и журнал «Друг юношества» // Сюжет, мотив, история: Сб. науч. ст. Новосибирск: Наука, 2009. С. 76–85. (Материалы к Словарю сюжетов и мотивов русской литературы; Вып. 8).
379. *Дубровская Е.А.* Русская усадьба – центр дворянского предпринимательства XVIII–XIX веков // Вопр. гуманитар. наук. 2009. № 2. С. 20–22.
380. *Дуклау А.В.* «Путешествие» как жанр английской поэзии XVII – XVIII вв. // Вестн. Санкт-Петерб. ун-та. Сер. 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. 2010. Вып. 2. С. 23–30.
381. *Дутов С.Ю.* Проблемы сосуществования рукописных и печатных военных книг во второй четверти XVIII в. // Рубежи книжной культуры: общественная роль книги и чтения в Сибири и на Дальнем Востоке. XIX – начало XXI в. Новосибирск: ГПНТБ СО РАН, 2010. С. 5–14.
382. *Душенко К.* Вольтер и Феофилакт Косичкин: Об эпитафии к памфлету «Торжество дружбы» // Новое лит. обозрение. 2010. № 5 (105). С. 150–155.
383. *Евангулова О.С.* Сновидения и особенности образного мышления в России XVIII века // Русское искусство Нового времени: Исследования и материалы: Сб. ст. М.: Памятники исторической мысли, 2009. Вып. 12. По итогам Всерос. науч. конф. «Императорская Академия художеств и художественная жизнь России». С. 7–17.

384. *Евангулова О.С.* Судьба и владения Головкиных. К истории московских усадеб первой половины XVIII столетия // Русское искусство Нового времени: Исследования и материалы: Сб. ст. М.: Памятники ист. мысли, 2010. Вып. 13. По итогам Всерос. науч. конф. «Художества, художники и художественная жизнь России в XVIII – начале XX века». С. 24–39.
385. *Евсеева Е.Д.* К истории взаимодействия художника с городской средой Петербурга в 1790-е – 1820-е годы (по страницам «Санкт-Петербургских ведомостей») // Русское искусство Нового времени: Исследования и материалы: Сб. ст. М.: Памятники ист. мысли, 2010. Вып. 13. По итогам Всерос. науч. конф. «Художества, художники и художественная жизнь России в XVIII – начале XX века». С. 79–98.
386. *Евстратов А.* К семантике сюжета придворной комедии 1760-х гг. («Мот, любовью исправленный» В.И. Лукина) // Рус. филология. Тарту, 2009. № 20. С. 18–26.
387. *Егерева Т.А.* Религиозные воззрения Н.М. Карамзина // VII Пасхальные чтения. М., 2010. С. 66–71.
388. *Егорова О.В.* Августин де Бетанкур – выдающийся инженер, ученый, создатель московского Манежа // Новая и новейшая история. 2009. № 6. С. 176–192.
389. *Егорова С.В.* Немецкая автобиография XVIII века как литературный жанр // Язык и межкультурная коммуникация: Материалы Междунар. науч.-практ. конф., 19–20 нояб. 2009 г. Вел. Новгород: Новгород. гос. ун-т, 2009. С. 406–411.
390. *Ермолаева М.А.* Книговедческие воззрения в трудах библиотекарей XVIII столетия // Федоровские чтения 2009. М.: Наука, 2010. С. 170–176.
391. *Ермолаева М.А.* Ученые XVIII века в библиографической базе данных «История отечественной книжной культуры» // Книжная культура: Опыт прошлого и проблемы современности. 2010: К 90-летию Научно-исслед. ин-та книговедения в Петрограде: Материалы IV Междунар. науч. конф. (Москва, 24–25 нояб. 2010 г.). М.: Наука. 2010. С. 122–128.
392. *Есюков А.И.* Восприятие идей М.В. Ломоносова в духовной литературе века Екатерины // Семантика и прагматика слова и текста. Поморский текст. Архангельск, 2010. С. 15–23.
393. *Есюков А.И.* Русская проповедь XVIII в. как источник знаний о ценностных ориентациях русского человека «Духовного чина» // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Сер.: История России. 2010. № 1. С. 18–41.
394. *Ефремова Е.Н.* Материалы переписной книги 1709 г. и 1-й ревизии как источник по формированию тверского купечества в начале XVIII в. // Исследования по источниковедению истории России (до 1917 г.). М., 2009. С. 135–168.
395. *Жабрева А.Э.* Петербургские маскарады в XVIII веке // Мир экскурсий. 2010. № 4. С. 46–49.
396. *Жаткин Д.Н.* Ода русскому уединению: [На материале рус. лит. XVIII–XIX вв.] // Рус. речь. 2009. № 5. С. 3–10.
397. *Жеребин А.И.* Маркиз Поза и «русские мальчики». (К 250-летию со дня рождения Фридриха Шиллера) // Изв. Рос. акад. наук. Сер. лит. и яз. 2009. Т. 68. № 6. С. 3–7.
398. *Живов В.* Дисциплинарная революция и борьба с суеверием в России XVIII века: «провалы» и их последствия // Антропология революции:

- Сб. ст. по материалам XVI Банных чтений журн. «Новое лит. обозрение» (Москва, 27–29 марта 2008 г.). М.: Новое лит. обозрение, 2009. С. 327–360. (Науч. прилож.; Вып. 76).
399. *Жук А.Д.* Идиллический гимн в английской и немецкой литературе последней четверти XVIII века и XIX века // Вестн. Челябин. гос. ун-та. Филология. Искусствоведение. 2009. № 30, вып. 35. С. 75–83.
400. *Заболотная Н.В.* Варианты изданий и типографские дополнения как свидетельства корректорской и редакторской работы в типографии Почаевского Успенского монастыря XVIII в. (на материалах фондов отд. старопечатных и ред. книг Нац. б-ки Украины им. В.И. Вернадского) // Федоровские чтения 2009. М.: Наука. 2010. С. 108–118.
401. *Зайцева И.* «Коллекция книг французских» императрицы Екатерины II // Россия – Франция: 300 лет особых отношений. М.: РОСИЗО, 2010. С. 80–92.
402. *Заломкина Г.В.* Голубая книжка, трехпалубный роман и библиотека Минервы: (массовое готическое чтение в Британии на рубеже XVIII–XIX веков) // Библиоковедение. 2010. № 1. С. 94–98.
403. *Захаров А.В.* Высшие чины государева двора при Петре I (1697–1701) // *Sahiers du monde russe*. Paris, 2009. Vol. 50. № 2/3. С. 579–592.
404. *Захаров В.Н.* Общины иностранных купцов в России в XVIII в. // Экономическая история: Ежегодник, 2010. М.: РОССПЭН, 2010. С. 13–29.
405. *Захаров В.Ю.* Теория модернизации и попытки реформ государственного строя в России во 2-й половине XVIII – 1-й четверти XIX вв. (к постановке проблемы) // Вестн. Моск. гос. обл. ун-та. Сер.: История и политические науки. 2010. № 2. С. 47–49.
406. *Златопольская А.А.* «Исповедь» Руссо в творчестве Толстого и Достоевского и образ «женевского гражданина» в русской мысли XVIII – начала XIX века // Яснополянский сборник 2010: Ст., материалы, публ. Тула: Издат. дом «Ясная Поляна», 2010. С. 211–223.
407. *Иванов А.* Йозеф Габлер: (К 310-летию со дня рождения) // Орган. 2010. № 2. С. 24–32.
408. *Иванов Д.В.* Буддийские коллекции Кунсткамеры XVIII века // Восточная Азия: Вещи, история коллекций, тексты. СПб.: Наука, 2009. С. 254–276. (Сб. Музея антропологии и этнографии; Т. 55).
409. *Иванова С.В.* Женщины-композиторы XVIII века // Вестн. Челябин. гос. пед. ун-та. 2009. № 12. С. 238–245.
410. *Иванова С.В.* Неизвестные страницы женского композиторского творчества в России (XVIII–XIX века) // Культурная жизнь Юга России. 2009. № 5. С. 79–82.
411. *Иванова С.В.* Оперное творчество женщин-композиторов XVIII века // Проблемы истории, филологии, культуры. 2010. № 2. С. 363–368.
412. *Иванская И.В.* Французский этикет и русское общество эпохи Петра Первого // Культура и история: Материалы межвузовских научных конференций «Культура и история» (2004–2007). СПб., 2009. С. 94–98.
413. *Ивинский А.Д.* Екатерина II и русский язык // Рус. речь. 2009. № 2. С. 77–81.
414. *Ивинский А.Д.* Литературная политика Екатерины Великой и Фридрих II // Науч. докл. высш. шк. Филол. науки. 2009. № 5. С. 112–119.

415. *Ивинский А.Д.* Языковая программа Екатерины II: К истории журнала «Собеседник любителей российского слова» // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2009. № 3. С. 47–54.
416. *Ивонин Ю.Е., Ивонина Л.И.* Дипломатия Бранденбурга-Пруссии в начале XVIII века (до битвы под Полтавой) // Рос. науч. журн. 2009. № 6. С. 18–32.
417. *Ивонина Е.В.* Актуальные проблемы становления и правового регулирования банковской деятельности Российской империи (1729 г. – сер. XVIII в.) // Актуальные проблемы российского права. 2009. № 2. С. 63–70.
418. *Илизаров С.С.* Начала русской научной литературы (обоснование в трудах Г.Ф. Миллера) // Вопр. истории естествознания и техники. 2010. № 2. С. 49–81.
419. *Илизаров С.С.* «Пропавшие» академики (лакуны в академическом списке XVIII – первой половины XIX вв.) // Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова. Годичная научная конференция, 2009. М., 2009. С. 197–201.
420. *Ипатов С.А.* К вопросу о литературных источниках «Сказки о царевиче Хлоре» Екатерины II // Пушкинские чтения – 2009. СПб., 2009. С. 162–170.
421. *Ишутин В.В.* Русский посол И.М. Смолен и геополитический прогноз 1782 г. // Вопр. истории. 2010. № 3. С. 76–85.
422. *Кабанова И.* Русская национальная идентичность в «Записках» Е.Р. Дашковой // Конструкты национальной идентичности в русской культуре XVIII–XIX веков: Материалы конф., апр. 2008 г. Тверь. М.: РГГУ, 2010. С. 177–188.
423. *Кагамлык С.Р.* Книжные интересы и среда использования библиотечных собраний украинских церковных иерархов XVII–XVIII вв.: анализ малоизвестных источников // Книжная культура: Опыт прошлого и проблемы современности. 2010: К 90-летию Науч.-исслед. ин-та книговедения в Петрограде: Материалы IV Междунар. науч. конф. (Москва, 24–25 нояб. 2010 г.). М.: Наука. 2010. С. 145–149.
424. *Каграманов Ю.* Мазепа и другие // Дружба народов. 2009. № 2. С. 120–131.
425. *Казакова Л.А.* «Дабы живее мог я описать»: Сумароковские традиции в творчестве В.И. Майкова // Рус. речь. 2010. № 1. С. 3–7.
426. *Казарцев Е.В.* Ода М.В. Ломоносова «На день тезоименитства его императорского высочества государя Великого князя Петра Феодоровича 1743 года» в контексте проблемы источников русской силлабо-тоники // Рус. лит. 2010. № 2. С. 82–90.
427. *Калганова В.Е.* Комическая опера и русская любовная лирика в творчестве А.П. Сумарокова и Г.Р. Державина // Пушкинские чтения – 2009. СПб., 2009. С. 156–162.
428. *Калганова В.Е.* Поэтика заглавия комедии А.П. Сумарокова «Опекун» // Вестн. Моск. гос. обл. ун-та. Сер.: Русская филология. 2010. № 4. С. 28–32.
429. *Калганова В.Е.* Ростовщик Кащей: особенности создания образа-персонажа в комедии Сумарокова «Лихоимец» // Пушкинские чтения. «Живые» традиции в русской литературе: Материалы XV междунар. науч. конф. СПб.: Изд-во Ленингр. гос. ун-та им. А.С. Пушкина, 2010. С. 128–132.

430. *Калинина И.А.* Свобода публичного суждения о законодательстве в учении Канта // История государства и права. 2010. № 1. С. 43–46.
431. *Калугин Д.* Герой и его автор: некоторые наблюдения над поэтикой русской биографии второй половины XVIII века // Пермский сборник. М.: Новое изд-во, 2010. С. 93–110. (Новые материалы и исследования по истории русской культуры; Вып. 7, ч. 2).
432. *Кальницкая Е.Я.* Императрица Елизавета Петровна и Петергоф: К 300-летию со дня рождения императрицы Елизаветы Петровны // История Петербурга. 2010. № 1. С. 30–35.
433. *Каменева Е.А.* Из истории приходского духовенства С.-Петербургской епархии в царствование Екатерины II // Герценовские чтения – 2008. СПб., 2009. С. 18–21.
434. *Каминская Ю.В.* Драмы Фридриха Шиллера: созвучие и взаимодействие искусств // Изв. Рос. акад. наук. Сер. литературы и языка. 2010. Т. 69, № 3. С. 37–45.
435. *Карвелис М.А.* Развитие масонства в России XVIII века // Человек и Вселенная. 2010. № 1. С. 98–102.
436. *Карвелис М.А.* Философско-эстетические взгляды масонов в художественной культуре России XVIII века // Этносоциум и межнациональная культура. 2010. № 2. С. 30–41.
437. *Карев А.А.* Структура пространства в русской исторической картине XVIII в. Семантический аспект // Русское искусство Нового времени: Исследования и материалы: Сб. ст. М.: Памятники ист. мысли, 2010. Вып. 13. По итогам Всерос. науч. конф. «Художества, художники и художественная жизнь России в XVIII–XX века». С. 62–78.
438. *Карпенко С.В.* Михаил Хрущов, Степан Шешковский и «преображение» Тайной канцелярии в Тайную экспедицию // Новый ист. вестник. 2010. № 2. С. 58–109; № 3. С. 57–94.
439. *Карпова Е.В.* Забытый скульптор Иван Моисеев (1779–1817) // Русское искусство Нового времени: Исслед. и материалы: Сб. ст. М., 2009. Вып. 12. С. 86–92.
440. *Карпова И.Л.* Книжная торговля на Спасском мосту во второй половине XVIII в. // Румянцевские чтения – 2009: Материалы междунар. науч. конф. М.: Пашков дом, 2009. Ч. 1. С. 106–112.
441. *Карпова И.Л.* Московские библиотеки второй половины XVIII в. (по данным «Московских ведомостей» 1756–1789 гг.) // Наука о книге: традиции и инновации: К 50-летию сб. «Книга. Исследования и материалы»: Материалы 12-й Междунар. науч. конф. по проблемам книговедения. М.: Наука, 2009. Ч. 1. С. 139–141.
442. *Карпова И.Л.* Московский наблюдатель европейских событий: инскрипты Ф.В. Каржавина в «Московских ведомостях» 1769 г. // Новое лит. обозрение. 2009. № 5 (99). С. 392–396.
443. *Карпова И.Л.* Новые поступления отечественных изданий XVIII в. в фонд НИО редких книг (Музея книги) Российской государственной библиотеки // Румянцевские чтения – 2010: Материалы междунар. науч. конф. М.: Пашков дом, 2010. Ч. 1. С. 174–177.
444. *Карпова И.Л.* Объявления «Московских ведомостей» как источник сведений о неизвестных изданиях второй половины XVIII века // Вивлиофика:

- история книги и изучение книжных памятников. М.: Пашков дом, 2009. Вып. 1. С. 112–120.
445. *Карякина Т.Д.* Аллегии в западноевропейской фарфоровой пластике XVIII века // Искусство Византии, Древней Руси, Западной Европы: Материалы науч. конф. 2009 / Лазаревские чтения. М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 2009. С. 424–442.
446. *Карякина Т.Д.* Театральные темы в западноевропейской фарфоровой пластике XVIII века // Декоративное искусство и предметно-пространственная среда. Вестн. МГХПУ / Моск. гос. художеств.-пром. ун-т им. С.Г. Строганова. 2009. № 2. С. 87–97.
447. *Карякина Т.Д.* Черты стиля барокко в западноевропейской фарфоровой пластике XVIII века // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 8. История. 2009. № 2. С. 98–108.
448. *Касумов Р.М.* Взаимоотношения России и Дагестана накануне Каспийского похода 1722–1724 гг. // Вопр. истории. 2010. № 11. С. 150–153.
449. *Касумов Р.М.* Константинопольский русско-турецкий договор 1724 года // Изв. Дагестан. гос. пед. ун-та. Обществ. и гуманитар. науки. 2010. № 2. С. 24–28.
450. *Касумов Р.М.* Рештский договор 1732 г. // Вопр. истории. 2010. № 5. С. 149–153.
451. *Каткова С.С.* Василий Никитин Вошин – костромской иконописец первой половины XVIII века // Личность в культуре Костромского края. XX век. Материалы межвузов. науч. конф. Кострома, 25 апр. 2009 г. Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2009. С. 34–46.
452. *Кинякин И.Н.* Адмирал Сенявин – флотоводец и дипломат // Вестн. Акад. военных наук. 2010. № 4. С. 175–180.
453. *Кириллина Л.В.* Поздний стиль Бетховена: художник и эпоха // Культура, эпоха и стиль: Классическое искусство Запада: Сб. ст. в честь 70-летия доктора искусствоведения, проф. М.И. Свицкерской. М.: Галарт, 2010. С. 146–172.
454. *Кириченко Е.* Время Бецкого // Academia. 2009. № 4. С. 3–9.
455. *Кириченко Е., Рязанцев И.* Преемник дела Бецкого: [А.И. Мусин-Пушкин] // Academia. 2009. № 5. С. 3–5.
456. *Кириченко Е.* Шуваловская академия: [О роли И.И. Шувалова в создании и развитии Акад. художеств] // Academia. 2009. № 2. С. 3–12.
457. *Кириченко Е.* Эпоха Строганова // Academia. 2010. № 1. С. 3–12.
458. *Кирюшкина В.В.* Эстетика классицизма в английской культуре эпохи Просвещения: синергетические метаморфозы // Синергия культуры и динамика культурных процессов: Сб. науч. си. Саратов: КУБиК, 2009. С. 87–90.
459. *Киселев М.А.* Законодатель в ситуации выбора: Петр I, июль 1722 г., Астрахань // Урал. ист. вестн. 2010. № 4. С. 80–84.
460. *Клемме Х.* Понятие антропологии в философии И. Канта / Пер. с нем. А.Ю. Шачиной, С.В. Шачина // Кантовский сб. 2010. № 3 (33). С. 24–32.
461. *Клименко С.В.* Полицейское управление в России первой половины XVIII века в его связи с градостроительным законодательством (к постановке проблемы) // Архитектурное наследие. 2009. Вып. 51. С. 169–179.
462. *Кнышева Д.В.* «Театральность» развития русского искусства в XVIII столетии // Изв. Самар. науч. центра Рос. акад. наук. 2010. Т. 12, № 5, ч. 3. С. 852–854.

463. *Князева М.В.* Архитектурное развитие Рязани в конце XVIII – первой половине XIX века // Аспирант. вестн. Рязан. гос. ун-та им. С.А. Есенина. 2010. № 16. С. 15–18.
464. *Кобяк Н.А., Зименко Е.В., Шульгина Э.В.* Новые данные о сборниках «Солнце пресветлое»: [XVIII в.] // Вестн Рос. гуманитар. науч. фонда. 2010. № 3. С. 140–149.
465. *Ковалева Т.В.* Внешний индивидуальный русско-немецкий билингвизм с начала XVIII в. до 1740 года // Обсерватория культуры. 2010. № 5. С. 112–118.
466. *Кожухова М.В.* Европейские наставники русских художников: [XVIII в.] // Культура и история: Материалы межвузовских научных конференций «Культура и история» (2004–2007). СПб.: Изд-во СПбГУ, 2009. С. 106–117.
467. *Козиков И. М.В.* Ломоносов о Российском государстве // Вестн. рос. нации. 2010. № 1/2. С. 267–277.
468. *Козлов В.Г.* Деятельность государственных органов по борьбе со взяточничеством во второй половине XVIII века // Проблемы отечественной истории: Сб. науч. ст. М.: Изд-во РАГС, 2010. Вып. 13. С. 94–100.
469. *Козлов С.А.* Российский аграрный патернализм второй половины XVIII – первой половины XIX вв.: исторический и социокультурный опыт // Проблемы российской истории. М.; Магнитогорск, 2010. Вып. 10. С. 71–87.
470. *Колесников И.Н.* Военно-политическое сближение Российской империи и Грузии во второй половине XVIII в. // Научные проблемы гуманитарных исследований. 2010. Вып. 12. С. 84–90.
471. *Колесникова О.В.* Образы Сапфо и Овидия в картинах Мариано Росси из коллекции князя Н.Б. Юсупова // Итальянский сборник М.: Памятники ист. мысли, 2009. Вып. 5. Fascicolo quinto. С. 177–187.
472. *Колосова И.В.* Голландский протестантизм и политика Петра I // Религия и политика на Евразийском пространстве. М.: Восток – Запад, 2009. С. 70–86.
473. *Кольцова Т.М.* Иконописная артель Холмогорского архиерейского дома в конце XVII – начале XVIII века // Поморский летописец. Архангельск: Поморский ун-т, 2009. Вып. 2. С. 74–82.
474. *Конев А.Ю.* Переписи ясачного населения Сибири первой половины XVIII в. (новые материалы) // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Сер.: История России. 2010. № 4. С. 128–136.
475. *Коновалова Е.Н.* Атласы Тобольской губернии второй половины XVIII века // Горные ведомости. 2010. № 1. С. 80–90.
476. *Копанев Н.А.* Западноевропейские издатели и Россия в эпоху Просвещения // Вестн. Рос. гуманитар. науч. фонда. 2010. № 1. С. 14–31.
477. *Коптева Э.И.* «Записки» Г.Р. Державина в повествовательной структуре книги В. Ходасевича о поэте // Омский научный вестн. Сер.: Общество. История. Современность. 2010. № 6. С. 129–131.
478. *Коптева Э.И.* О жанровом взаимодействии и литературном эксперименте в журналах Н.И. Новикова // Изв. Урал. гос. ун-та. Сер. 2. Гуманитар. науки. 2010. № 3. С. 127–132.
479. *Коридорф А.* Архитектура «Ада», или Еще раз о театральной иконографии «Подземного царства» [эпохи барокко и Просвещения] // Искусствознание. 2010. № 1/2. С. 92–143.

480. *Корндорф А.* «Схождение в Аид» и бродячие сюжеты театральной иконографии XVII–XVIII веков // Искусствознание. 2009. № 3/4. С. 303–334.
481. *Корнилов А.А.* «Лютый Питирим» или устроитель церковного порядка? // Вестн. церковной истории. 2009. № 3/4. С. 374–376.
482. *Коровин В.* «Замечания педанта»: Поэма Ф.Н. Глинки «Таинственная капля» и ее читатель М.А. Дмитриев // Новое лит. обозрение. 2009. № 3 (97). С. 178–194.
483. *Корогодина М.В.* Исповедь в России в XVIII в.: церковный или гражданский суд? // Вестн. Санкт-Петерб. ун-та. Сер. 2. История. 2009. Вып. 2. С. 119–123.
484. *Королёв С.В.* Книги – ученические награды XVII–XVIII вв.: учебные заведения Бельгии, Нидерландов и Германии // Книга: Исслед. и материалы. 2010. Сб. 93, ч. 1–2. С. 98–114.
485. *Королёв С.В.* О формировании Эрмитажной иностранной библиотеки в Екатерининскую эпоху // Книга: Исслед. и материалы. 2009. Сб. 91, ч. 1/2. С. 213–217.
486. *Короткова А.* Российские музеи в записках иностранцев (XVIII – 1-я половина XIX века) // Музей. 2009. № 3. С. 81–84.
487. *Короткова Н.В.* Оформление двух моделей концепта «провинция» в русской литературе XVIII века (на материале прозы А.Н. Радищева и Н.М. Карамзина) // Мир русского слова. 2009. № 4. С. 22–32.
488. *Коришнова Н.В.* Финансовые реформы в России в последней трети XVIII в. // Рос. науч. журнал. 2010 № 3. С. 32–39.
489. *Коришнова Н.В.* Школьная реформа Екатерины II // Вестн. Челяб. гос. пед. ун-та. 2010. № 8. С. 101–108.
- 489а. *Космолинская Г.А.* Археографическая деятельность Ф.В. Каржавина в парижской Королевской библиотеке // Наука о книге: Традиции и инновации. Материалы XII Международной научной конференции по проблемам книговедения (Москва, 28–30 апреля 2009 г.). М.: Наука, 2009. Ч. I. С. 148–152.
490. *Космолинская Г.А.* «Вы мне поверите, насколько я люблю хорошие французские книги...» (русский парижанин *Theodore Karjavine*) // Книга: Исслед. и материалы. 2009. Сб. 90, ч. 1/2. С. 193–204.
491. *Космолинская Г.А.* К вопросу о реконструкции книжного собрания Ф.В. Каржавина // Книжная культура: Опыт прошлого и проблемы современности. 2010: К 90-летию Науч.-исслед. ин-та книговедения в Петрограде: Материалы IV Междунар. конф. (Москва, 24–25 нояб. 2010 г.). М.: Наука, 2010. С.174–179.
492. *Костин А.А.* Изучение русской литературы XVIII века в 1930-е годы: переписка редакции «Лит. наследства» с Г.А. Гуковским и др. авторами // Рус. лит. 2009. № 2. С. 79–104.
493. *Костюк О.* «Чесменские» табакерки и мастера екатерининского времени // Наше наследие. 2010. № 95. С. 26–29.
494. *Котова И.Г.* Этапы формирования общественного центра Симбирска (последняя четверть XVIII – 1-я половина XIX в.) // Памятники русской архитектуры и монументального искусства XII–XX вв. М.: Наука, 2010. Вып. 8. С. 103–137.

495. *Кочегаров К.А.* «Не замай, король швецкий пропадет и загинет...». К вопросу о судьбе канцеляриста Якова Гречаного, бежавшего из ставки И.С. Мазепы в день Полтавской битвы // *Славяноведение*. 2009. № 6. С. 57–63.
496. *Краснов Н.А.* Британская секретная служба против американской дипломатии в Европе в 1776–1778 гг. // *Вестн. Рос. ун-та дружбы народов*. Сер.: *Междунар. отношения*. 2010. № 4. С. 32–40.
497. *Краснов Н.А.* Французская дипломатия в США во время войны за независимость. 1775–1783 годы // *Новая и новейшая история*. 2009. № 3. С. 65–79.
498. *Круглов А.Н.* Раннее кантианство в России: И.В.Л. Мельман и И.Г. Буле // *Кантовский сб.* 2010. № 2. С. 39–51.
499. *Крюк Г.М.* Технично-технологическое обозрение московской эмалевой живописи XVIII века // «Дом Бурганова». *Пространство культуры*. 2010. № 2. С. 121–134.
500. *Крючкова М.А.* Императрица Елизавета Петровна и Новый Иерусалим. Воскресенский Ново-Иерусалимский монастырь в середине XVIII века // *Моск. журн. История государства Российского*. 2009. № 10. С. 2–19.
501. *Кузичева А.А.* Н.М. Максимович-Амбодик и значение его работ по эмблематике для российской культуры эпохи Просвещения // *Историография и источниковедение в культурологическом исследовании: Культурологич. исследования* 10: Сб. науч. тр. СПб.: Астерион, 2010. С. 108–114.
502. *Кузнецов А.А.* Муравьевы: О представителях известнейшей в российской истории фамилии (вторая половина XVIII – конец XIX века) // *Моск. журн.: История государства Российского*. 2010. № 1. С. 2–15.
503. *Кузнецов А.Е.* Просторечие в «Записках» А.Т. Болотова // *Рус. речь*. 2010. № 2. С. 78–81.
504. *Кузнецов С.* Музыкальное содержание архитектуры больших залов: [Музыкальная жизнь Петербурга на рубеже 1770–1780-х гг.] // *Эвтерпа в хороводе муз. К освобождению архитектуры и пластических искусств: Сб. ст. М.: МАКС Пресс*, 2010. С. 48–57.
505. *Кузнецов С.О.* Архитектурная история Строгановского дома // *Архитектурное наследство*. 2010. Вып. 53. С. 136–164.
506. *Кукса И.Ю.* Субъективная модальность газетного текста XVIII века // *Вестн. Рос. гос. ун-та им. И. Канта*. 2010. Вып. 8. Сер.: *Филол. науки*. С. 21–28.
507. *Кулишкина О.* «Свое» и «чужое» в русском травелоге конца XVIII–XIX вв. (Фонвизин, Карамзин, Достоевский) // *Конструкты национальной идентичности в русской культуре XVIII–XIX веков: Материалы конф., апр. 2008 г. Тверь. М.: РГГУ*, 2010. С. 227–239.
508. *Кульматова Т.В.* Экземпляр книги «Велизер» Ж.Ф. Мармонтеля из академического собрания БАН [1768, 1773, 1785] // *Деятели книги: Михаил Николаевич Куфаев (1888–1948): Сб. науч. трудов по материалам 15-х Смирдин. чтений*. СПб., 2010. С. 165–175. (*Труды / Санкт-Петерб. гос. ун-т культуры и искусств; Т. 188*).
509. *Куприянова О.И.* Правовой статус иностранных купцов в XVIII веке // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. 11. Право*. 2009. № 4. С. 57–66.
510. *Кутцова О.* «Мы собрались сюда, чтобы вместе душевный праздник проводить...»: (Эволюция праздн. Форм и рус. усадебный театр конца XVIII – первой четверти XIX вв.) // *Любительство: XVIII–XXI вв. От просвещен-*

- ных дилетантов до рок-музыкантов: Сб. ст. памяти М. Юнисова. М.: Изд. Гос. ин-та искусствознания, 2010. С. 93–108.
511. *Курилова А.Д.* Об интерпретации тропов в латинских риториках в России XVIII в. // Гуманитар. исследования. Астрахань, 2010. № 3. С. 140–144.
512. *Куценко Н.А.* Отечественные богословы XVIII века как историки философии // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 7. Философия. 2009. № 3. С. 38–53.
513. *Лабутина Т.Л.* Британский дипломат и разведчик Чарльз Уитворт при дворе Петра I // Вопр. истории. 2010. № 11. С. 124–135.
514. *Лабутина Т.Л.* Екатерина II и женское образование в России в XVIII веке // Диалог со временем: Альманах интеллектуальной истории. 2010. Вып. 31. С. 201–208.
515. *Лабутина Т.Л.* Женская тема в журналах английских просветителей: [Проблема женского образования и чтения в журналах Дж. Аддисона и Р. Стила] // Рос. науч. журнал. 2009. № 6. С. 33–40.
516. *Лазарева Т.Г.* Антикварное движение в Британии XVIII века и Вальтер Скотт // Вестн. Перм. ун-та. Российская и зарубеж. филология. 2009. Вып. 4. С. 45–50.
517. *Лапкина Г.А.* Н.М. Карамзин и сценическое искусство его времени // Театрон. 2009. № 2. С. 16–20.
518. *Ларионов А.А.* Студенчество в Славяно-греко-латинской академии в первой половине XVIII века // Рос. история. 2010. № 6. С. 30–40.
519. *Ларионов А.А.* «Университетская автономия» в московской Славяно-греко-латинской академии (XVIII – начало XIX в.) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 8. История. 2010. № 3. С. 27–39.
520. *Ларкович Д.В.* Державин и Суворов: творческое взаимодействие автора и героя // Рус. лит. 2010. № 3. С. 62–73.
521. *Ларкович Д.В.* Жанровая динамика «траурной» оды Г.Р. Державина // Изв. Урал. гос. ун-та. Сер. 2. Гуманитар. науки. 2009. № 3. С. 123–137.
522. *Ларкович Д.В.* Поэтический «профетизм» и «экзегезис» Г.Р. Державина // Религоведение. 2009. № 3. С. 155–163.
523. *Ларокка Дж.* Очерк Л. Пумпянского «К истории русского классицизма» (размышления об оде Державина «На счастье») // Рус. филология. Тарту, 2010. № 21. С. 94–97.
524. *Лартома Ж.П.* Диалектика этики и эстетики в творчестве Шефтсбери: прекрасное как символ моральности // Философия и общество. 2009. № 3. С. 165–178.
525. *Лаходынова Н.Ю.* «Чувствительный» герой в пьесе Н.Ф. Эммина «Душою прав, на деле виноват» // Учен. зап. Казан. гос. ун-та. 2010. Т. 152, кн. 2. С. 33–39.
526. *Лебедев А.А.* Корабельные мастера Афанасьевы в судостроении юга России второй половины XVIII века // Гангут. 2010. № 5. С. 111–121.
527. *Лебедева О.* Неаполитанский текст в литературной истории царевича Алексея Петровича // Соп атмоге: Ист.-филол. сб. в честь Л.Н. Киселевой. М.: ОГИ, 2010. С. 255–264.
528. *Лебедько В.Г.* Запоздалая правда об адмирале Чичагове Павле Васильевиче // Вестн. Акад. военных наук. 2010. № 4. С. 180–183.
529. *Леонов В.П., Скворцова О.В., Баженова Н.М.* Библиотека Академии наук – книжная палата РАН (начальный этап, XVIII в.). // Академия наук в истории культуры России XVIII–XX веков. СПб.: Наука, 2010. С. 191–205.

530. *Леонов В.П.* Петр Великий и Библиотека Академии наук // Библиотекосведение. 2010. № 6. С. 64–69.
531. *Леонов В.П., Савельева Е.А.* Пометы М.В. Ломоносова на исторических рукописных книгах Библиотеки Российской академии наук // Книжные собрания Русского Севера: проблемы изучения, обеспечения сохранности и доступности: Сб. ст. Архангельск: Архангел. обл. науч. б-ка им. Н.А. Добролюбова, 2009. Вып. 4. С. 24–30.
532. *Летуновский В.А.* Павел Григорьевич Демидов и его роль в становлении высшей школы в Ярославле // Человек в пространстве культуры: Материалы Второй Всерос. науч. конф., посвящ. Основателю университета Павлу Григорьевичу Демидову (28–29 янв. 2009. Ярославль). Ярославль: ЯрГУ, 2009. С. 37–41.
533. *Летчфорд С.Е.* Бабёф и Друэ // Французский ежегодник, 2009. Левые во Франции. М.: Книж. дом «ЛИБРОКОМ», 2009. С. 65–82.
534. *Либан Н.И.* Николай Карамзин // Либан Н.И. Избранное: Слово о рус. лит.: Очерки, воспоминания, этюды. М.: Прогресс-Плеяда, 2010. С. 71–124.
535. *Либан Н.И.* Становление личности в русской литературе XVIII века // Либан Н.И. Избранное: Слово о рус. лит.: Очерки, воспоминания, этюды. М.: Прогресс-Плеяда, 2010. С. 25–70.
Содерж.: Поговорим о литературе XVIII века... С. 25–33; Николай Новиков. С. 33–41; Александр Радищев. С. 41–46; Гавриил Державин. С. 47–53; Андрей Болотов. С. 53–61; Екатерина Дашкова. С. 61–63; Екатерина II. С. 63–70.
536. *Липовецкий В.В.* Зарождение театральной жизни Вологды: (1760 – начало 1860) // Макариевские чтения. Можайск, 2010. Вып. 17: Книжность и книжники древней Руси. С. 193–209.
537. *Лисовский В.* Историческое здание Академии [художеств] // Academia. 2009. № 1. С. 20–32.
538. *Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б.* От трагедии к документу: «Грифельная ода» Державина как полемика с традицией завещаний // Знаки времени в славянской культуре: от барокко до авангарда. М.: Ин-т славяноведения, 2009. С. 105–114.
539. *Лиштенан Ф.-Д.* Первое посольство Франции в России: надежды, пределы, разочарования // Россия – Франция: 300 лет особых отношений. М.: РОСИЗО, 2010. С. 37–47.
540. *Ломтев Д.Г.* Балеты Йозефа Штарцера в России // Вестн. Моск. гос. ун-та культуры и искусств. 2010. № 1. С. 220–224.
541. *Лунгина Д.А.* Учение о культуре у Канта и Гегеля // Вопр. философии. 2010. № 1. С. 153–165.
542. *Лупанова М.Е.* Поездки Екатерины II по России в 1780–1787 гг. // Вопр. истории. 2009. № 2. С. 155–159.
543. *Луцкер П.В.* А был ли поздний стиль у Моцарта? // Культура, эпоха и стиль: Классическое искусство Запада: Сб. ст. в честь 70-летия доктора искусствоведения, проф. М.И. Свидаерской. М.: Галарт, 2010. С. 173–191.
544. *Лыжина О.А.* Становление и профессиональная деятельность учителей истории на Урале во второй половине XVIII века // История как ценность и ценностное отношение к истории: XIV Всерос. ист.-пед. чтения. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2010. Ч. 3. С. 248–255.

545. *Лыкова Е.* Дэвид Гаррик и актерская реформа XVIII века // *Личность и культура.* 2010. № 3. С. 96–99.
546. *Лылова М.Е.* Зарубежная историография о Екатерине II // *Запад, Восток, Россия в средние века, новое и новейшее время: история, политика, международные отношения, право.* Владимир, 2009. Вып. 8. С. 49–60.
547. *Львова И.П.* Восприятие античности ранним Третьяковским // *Вестн. Ленингр. гос. ун-та им. А.С. Пушкина.* 2009. № 4, т. 2. Сер.: Филология. С. 7–17.
548. *Любарский Г.Ю.* Музей XVIII века: энциклопедическая наука великодушных любителей (1755–1804) // *Любарский Г.Ю. История Зоологического музея МГУ: Идеи, люди, структуры.* М.: Товарищество науч. изданий КМК, 2009. С. 7–19.
549. *Любжин А.И.* Античные интересы Ивана Ивановича Шувалова (Заметки к каталогу его библиотеки) // *Индоевропейское языкознание и классическая филология – XIV: Материалы чтений, посвящ. памяти проф. М.М. Тронского, 21–23 июня 2010.* СПб., 2010. Ч. 2. С. 164–175.
550. *Любжин А.И.* Новоевропейский эпос в «Россиаде» Хераскова // *Рус. лит.* 2010. № 1. С. 3–25.
551. *Любин К.А.* А.В. Суворов и его управленческая система // *Проблемы отечественной истории: Сб. науч. ст. М.: Изд-во РАГС, 2010. Вып. 13. С. 101–111.*
552. *Люстров М.Ю.* «Божий гнев висит над гордыми»: (Тема наказания в русской и шведской литературе эпохи Северной войны) // *Вестн. славянских культур.* 2010. № 3. С. 49–59.
553. *Лямина Е.* Из истории одного поэтического мини-жанра: [Жанр комического изъяснения в любви в русской поэзии конца XVIII – первой четверти XIX вв.] // *Con amore: Ист.-филол. сб. в честь Л.Н. Киселевой.* М.: ОГИ, 2010. С. 311–321.
554. *Ляшко А.В.* Самосознание художника в русской культуре XVIII столетия: право на портрет // *Культурное наследие Российского государства.* СПб.: Вести, 2010. Вып. 5, ч. 1. С. 268–281.
555. *Магомедова Л.А.* Кабарда и Дагестан в восточной политике России в последней четверти XVIII – начале XIX в. // *Вопр. истории.* 2010. № 10. С. 157–161.
556. *Мазин К.А.* Россияне за границей в XVIII в.: случай и судьба // *Вестн. Моск. гос. обл. ун-та. Сер.: История и полит. науки.* 2010. № 1. С. 16–22.
557. *Майоров А.В.* Проект первого издания русских летописей и возникновение «Летописца Сенатской Архивы» // *Вопр. истории.* 2010. № 11. С. 168–172.
558. *Майорова А.С.* Культура и повседневная жизнь дворянства Саратовской губернии в конце XVIII – первой половине XIX века // *Рос. история.* 2010. № 4. С. 118–133.
559. *Максименко М.Ф.* К вопросу реставрации исторических цветников XVIII в. в русских садах и парках // *Вестн. Моск. гос. ун-та леса – Лесной вестн.* 2010 № 1. С. 25–31.
560. *Макушева Д.А.* Адресат «Дневника...» А.Г. Бобринского // *Сюжет, мотив, история: Сб. науч. ст. Новосибирск: Наука, 2009. С. 86–91. (Материалы к Словарю сюжетов и мотивов русской литературы; Вып. 8).*
561. *Малинина Г.М.* Музыкальная россика XVIII века в Государственной библиотеке Берлина: рукописи произведений Бортнянского и Козловского //

- Русские музыкальные архивы зарубежом. Зарубежные музыкальные архивы в России: Материалы междунар. конференций. М.: Науч.-издат. центр «Моск. консерватория», 2010. Вып. 5. С. 34–47.
562. *Малкин С.Г.* Горная Шотландия конца XVII – первой половины XVIII века и исторические романы Вальтера Скотта // Новая и новейшая история. 2010. № 2. С. 59–71.
563. *Малкин С.Г.* По курсу к Британской Шотландии: пограничные процессы на рубежах Горной Страны в первой половине XVIII в. // Власть, общество и личность в истории: Сб. ст. по материалам науч. конф., 22–24 нояб. 2006 г. М.: НОЦ по истории, 2010. С. 47–64.
564. *Мальшев А.А.* Конференция «Российская Академия (1783–1841): язык и литература в России на рубеже XVIII–XIX веков» // Рус. лит. 2009. № 2. С. 254–257.
565. *Мальцева Т.В.* Диалектика взаимоотношения творческой индивидуальности и культурного универсума в литературном дискурсе XVIII века: [К истории лит. полемики А.П. Сумарокова и Н.П. Николева] // Человек в коммуникативном пространстве современной культуры. СПб.: Ленингр. гос. ун-т им. А.С. Пушкина, 2009. С. 138–148.
566. *Мальцева Т.В.* Жанровые изменения русской комедии XVIII века // Вестн. Ленингр. гос. ун-та им. А.С. Пушкина. 2009. № 2. Сер.: Филология. С. 13–19.
567. *Мамуркина О.В.* Типология художественно-документальных нарративов в русской прозе второй половины XVIII века // Вестн. Ленингр. гос. ун-та им. А. С. Пушкина. 2010. № 4, т. 1. Сер.: Филология. С. 17–25.
568. *Манойленко Ю.Е.* Вклад русских монастырей в восстановление артиллерии в 1701 г. // Вопр. истории. 2010. № 2. С. 155–157.
569. *Манойленко Ю.Е.* К истории службы и быта «пушкарского чина людей» в России (XVII – первая треть XVIII в.) // Клио. 2010. № 1. С. 134–138.
570. *Мартуанова И.Ю.* Жизненный мир девочки в польской дворянской семье XVIII в. // Женская история и современные гендерные роли: переосмысливая прошлое, задумываясь о будущем. М.: ИЭА РАН; Череповец: Череповецкий гос. ун-т, 2010. Т. 2. С. 237–242.
571. *Мартюшев Г.И.* Роман Ж.Ф. Мармонтеля «Инки, или Разрушение Перуанской империи» и его русский читатель Михаил Никитич Муравьев // Мультикультурная и многонациональная Россия. М., 2009. Ч. 2. С. 131–140.
572. *Маслова А.Г.* Времена года в поэзии Г.Р. Державина // Преподаватель XXI век. 2010. № 3, ч. 2. С. 317–324.
573. *Маслова А.Г.* Символы времени в поэзии Г.Р. Державина: Материалы VII Междунар. конф. М.: РИЦ МГГУ им. М.А. Шолохова, 2009. С. 254–256.
574. *Маслова А.Г.* Трансформация хронотопа героико-патриотической оды в творчестве Г.Р. Державина // Вестн. Моск. гос. обл. ун-та. Сер.: Рус. филология. 2010. № 6. С. 62–66.
575. *Масляев В.Б. И.И. Неплюев – государственный деятель России XVIII века // Проблемы истории, филологии, культуры. 2010. № 2. С. 76–87.*
576. *Матвеев Е.М.* Проблемы описания рифмы русских поэтов XVIII века (на материале готовящегося словаря рифм М.В. Ломоносова) // Поэтика и эстетика слова: Сб. науч. ст. памяти В.П. Григорьева. М., 2010. С. 359–364.

577. *Матулис Т.Н.* Законодательная регламентация статуса и деятельности преподавателей университетов России в XVIII – первой половине XIX века // Матулис Таисия Николаевна. Служение высшей школе, науке, людям. М.: РУДН, 2010. С. 163–173.
578. *Махов А.Е.* Немецкое Просвещение: поэтика в союзе с эстетикой // Литературный журн. 2009. № 25. С. 150–168.
579. *Махотина А.А.* О программе триумфальных врат в честь фельдмаршала П.А. Румянцева-Задунайского // Русское искусство Нового времени: Исслед. и материалы: Сб. ст. М., 2009. Вып. 12. С. 68–85.
580. *Махотина А.А.* Путешествие Екатерины II: идейно-художественная программа церемониала встречи императрицы // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 8. История. 2010. № 6. С. 112–125.
581. *Махотина А.А.* Художественно своеобразие праздников при дворе Екатерины // Вестн. Моск. гос. ун-та культуры и искусств. 2010. № 5. С. 84–87.
582. *Мезин С.* Визит Петра I в Париж и первый союзный договор России и Франции 1717 года // Россия – Франция: 300 лет особых отношений. М.: РОСИЗО, 2010. С. 14–26.
583. *Мезин С.А.* «Завещание Петра Великого»: европейские мифы и российская реальность // Рос. история. 2010. № 5. С. 18–27.
584. *Мелешко Т.* «Священно-полицейская» Русь как утопия и антиутопия – гендерный аспекты: «Путешествие в землю Офирскую господина С..., Швецакого дворянина» М.М. Щербатова (1783/84) и «День опричника» В. Сорокина (2006) // Конструкты национальной идентичности в русской культуре XVIII–XIX веков: Материалы конф., апр. 2008 г., Тверь. М.: РГГУ, 2010. С. 147–160.
585. *Мельник Н.Б.* Человек будущего в философско-антропологической концепции Ж.-Ж. Руссо: попытка реконструкции // Изв. Урал. гос. ун-та. Сер. 3. Обществ. науки. 2010. № 4. С. 128–135.
586. *Мельникова-Григорьева Е.* Принуждение к свободе: модный приговор Петра I // Теория моды: Одежда. Тело. Культура. 2009. № 11. С. 89–100.
587. *Мещеряков В.Н.* Забытые имена резчиков штемпелей медных монет XVIII в. Резного дела подмастерье Никифор Федоров // Нумизматический сб. 2010. № 16. С. 40–52.
588. *Миклашевская Е.П.* Лефортово – Немецкая слобода: страницы истории: [XVIII в.] // Коломенское: Материалы и исследования. М., 2009. Вып. 12. С. 25–43.
589. *Миллер А.* Приобретение необходимое, но не вполне удобное: трансфер понятия *нация* в Россию (начало XVIII – середина XIX в.) // Imperium inter pages: Роль трансферов в истории Российской империи (1700–1917): Сб. ст. М.: Новое лит. обозрение, 2010. С. 42–66. (Historia Rossica).
590. *Мильцева Т.В.* Жанровые изменения русской комедии XVIII века // Вестн. Ленингр. гос. ун-та. Сер.: Филология. 2009. № 2. С. 13–19.
591. *Мильчина В., Осоват А.* Много шума из ничего: Мемуары Екатерины II в приватной и служебной переписке 1838 г. // Memento vivere: Сб. памяти Л.Н. Ивановой. СПб.: Наука, 2009. С. 132–151.
592. *Милюгина Е.Г.* Аллегорические программы Н.А. Львова: литературная специфика и жанровые функции // Учен. зап. Казан. гос. ун-та. 2010. Т. 152, кн. 2. С. 7–21.

593. *Милюгина Е.Г.* «Дух времени» и «дух народа» в поэтических манифестах Н.А. Львова // Изв. Самар. науч. центра Рос. акад. наук. 2009. Т. 11, № 4, ч. 4. С. 1027–1031.
594. *Милюгина Е.Г.* Концепция дворянской усадьбы в творчестве Н.А. Львова // Россия и мир: вчера, сегодня, завтра. Межкультурная коммуникация в условиях глобализации современного мира. М., 2009. С. 140–146.
595. *Милюгина Е.Г.* Н.А. Львов как гений места // Новоторжский сборник. 2009. Вып. 2. С. 170–176.
596. *Милюгина Е.Г.* Н.А. Львов и «Русский Анакреон» // Изв. Самар. науч. центра Рос. акад. наук. 2009. Т. 11, № 4. С. 764–769.
597. *Милюгина Е.Г.* «Опыт о русских древностях в Москве...» Н.А. Львова и Дж. Кваренги: уточнения к публикации // Рус. лит. 2009. № 2. С. 115–120.
598. *Милюков С.Г.* Неизвестное послание А.А. Виниуса к Петру Первому // Документ. Архив. История. Современность: Сб. науч. тр. Екатеринбург, 2009. Вып. 10. С. 240–279.
599. *Минаева Т.С.* Беломорская внешняя торговля и таможенная политика России в XVIII веке // Рос. история. 2009. № 3. С. 52–57.
600. *Минкина О.* Евреи в «большом политическом свете»: еврейские депутаты в Российской империи конца XVIII – начала XIX в. // Ab Imperio. 2009. № 1. С. 83–114.
601. *Мироненко-Маренкова И.К.* Святой Бенуа-Жозеф Лабр и его почитатели // Вопр. истории. 2009. № 4. С. 58–69.
602. *Мишин И.Ф.* Г.Р. Державин: от переводов с немецкого до высот русского классицизма // Научная и образовательная деятельность в рамках диалога культур «Россия – Германия». Тамбов: Изд-во ТГУ, 2009. С. 103–109.
603. *Мнацаканян К.А.* Образ положительного героя в английской прозе XVIII века // Вестн. Православ. Свято-Тихонов. гуманитар. ун-та. 3. Филология. 2009. Вып. 3. С. 88–96.
604. *Моисеева С.В.* Леонтий Миропольский. Новые сведения о жизни и творчестве // Русское искусство Нового времени: Исслед. и материалы: Сб. ст. М., 2009. Вып. 12. С. 18–38.
605. *Моисеева С.В.* «Опись неподвижных вещей, бывших в смотрении Кириллы Головачевского» 1773 года – первый полный каталог музея Санкт-Петербургской Академии художеств // Русское искусство Нового времени: Исслед. и материалы: Сб. ст. М., 2009. Вып. 12. С. 39–67.
606. *Моисеева Т.М.* Михаил Васильевич Ломоносов: [О музее М.В. Ломоносова] // Музеи Российской академии наук: Альманах. М.: Таус, 2010. Вып. 8. С. 301–318.
607. *Морозов А.А.* За честь русской науки: К 300-летию со дня рождения М.В. Ломоносова // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 20. Пед. образование. 2010. № 3. С. 74–77.
608. *Морозов С.Д.* Развитие демографической мысли России в XVIII в. // Россия: история идей и людей: Материалы 56-й Всерос. заочной науч. конф. СПб.: Нестор, 2009. С. 8–12.
609. *Морозова М.* «...Красоту ее Боровиковский спас...» // Academia. 2009. № 1. С. 114–116.
610. *Морозова М.Н.* Эволюция французского рыцарского романа в XVIII в.: упадок жанра или новый виток развития? // Вестн. РГГУ / Рос. гос. гума-

- нитар. ун-т. 2010. № 2. Сер.: Филологические науки. Литературоведение. Фольклористика. С. 194–206.
611. *Морозова С.С.* Группа итальянских бронз XVII–XVIII веков в собрании ГМИИ им. А.С. Пушкина // Итальянский сб. М., 2009. Вып. 5. Fascicolo quinto. С. 188–195.
612. *Моряков В.И.* Екатерина II – просветитель или консерватор? // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 8. История. 2010. № 3. С. 9–26.
613. *Моряков В.И.* Проблема воспитания «истинного сына отечества» в России XVIII в. // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 8. История. 2009. № 2. С. 42–58.
614. *Мудров Ю.* Блестящее путешествие. Граф и графиня Северные во Франции: [К биогр. цесаревича Павла Петровича и его супруги Марии Федоровны, 1781–1782 гг.] // Рус. искусство. 2009. № 4. С. 38–49.
615. *Мудрова Н.А.* Историческая библиотека графа Павла Александровича Строганова // Строгановское историческое собрание: Материалы межрегион. науч.-практ. конф., посвящ. 250-летию г. Очёра и Очёрского машиностроительного завода (10–11 июля 2009 г.). Пермь, 2009. Вып. 4. С. 163–169.
616. *Мягкова Е.* «Король Ивето»: образ монархической власти в народной культуре Западной Франции XVII–XVIII вв. // Власть и образ: Очерки потестарной имагологии. СПб.: Алетейя, 2010. С. 316–348.
617. *Наймарк Е.А.* Подготовка фейерверков служащими артиллерийского ведомства Санкт-Петербурга в первой половине XVIII века // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2009. № 8. С. 42–48.
618. *Нацок Б.Р.* К вопросу о генетической связи англосаксонского эпоса «Беовульф» и английской «готической» традиции XVIII в. // Изв. высш. учеб. заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2010. № 4. С. 90–97.
619. *Наумкин Г.И.* Представительская архитектура В.И. Баженова // Вестн. МГСУ / Моск. гос. строит. ун-т. 2010. № 1. С. 38–44.
620. *Нацокина М.В.* Палладианские виллы в русских усадебных интерпретациях. Конец XVIII – первая треть XIX века // Искусствознание. 2010. № 1/2. С. 310–326.
621. *Неклюдов Е.Г.* Отношение Строгановых к проблеме «многовладения» в XVIII – XIX вв. // Строгановское историческое собрание. Пермь, 2009. Вып. 4. С. 22–28.
622. *Немировская И.Д.* «Анюта» М.И. Попова: комическая опера для императрицы Екатерины II // Вестн. Поволж. гос. соц.-гуманитар. акад. Самара: ПГСГА, 2010. Вып. 5. С. 77–86.
623. *Нечипоренко Н.В.* Реликты русской комической оперы XVIII века в «типических» сценках Н.В. Гоголя // Учен. зап. Казан. гос. ун-та. 2010. Т. 152, кн. 2. С. 40–46.
624. *Нешатаева Н.* «Я жил, сколь мог, для общего добра...»: Этюд о В.Л. Боровиковском // Петербургский художник. 2009. № 1. С. 34–48.
625. *Нешумова Т.* «Зачем натура вновь бесплодна?»: (Д.И. Хвостов в его письмах к Х.О. Кайсарову) // Новое лит. обозрение. 2009. № 3 (97). С. 140–164.
626. *Никифорова Л.В.* Исторический нарратив как источник культурологического исследования. Заметки об отложенном Полтавском триумфе 21 декабря 1709 года // Историография и источниковедение в культурологическом исследовании: Культурологич. исследования' 10: Сб. науч. тр. СПб.: Астрион, 2010. С. 98–107.

627. *Николаев С.И.* Русский литературный палимпсест XVIII века: перспективы исследования // Труды Отделения историко-филологических наук, 2007. М.: Наука, 2009. С. 462–467.
628. *Николаева М.В.* К вопросу о строительстве домов дворцового типа в 1710–1720-х годах на набережных Адмиралтейского, Городового и Васильевского островов Санкт-Петербурга // Архитектурное наследство. 2009. Вып. 50. С. 194–206.
629. *Николаева М.В.* Каменных дел подрядчик Григорий Емельянов сын Деминской: заказы на строительные работы 1-й трети XVIII в. // Памятники русской архитектуры и монументального искусства XII–XX вв. М.: Наука, 2010. Вып. 8. С. 337–357.
630. *Новикова И.А., Рогачевская М.А.* Экономическая деятельность Екатерины II // ЭКО. 2010. № 8. С. 159–175.
631. *Нохейль Р.* Становление дискурса «Гендер и нация» в XVIII в.: Россия и Запад, сходство и различие // Конструкты национальной идентичности в русской культуре XVIII–XIX веков: Материалы конф., апр. 2008 г. Тверь. М.: РГГУ, 2010. С. 43–60.
632. *Овсянников Д.В.* К вопросу о месте и роли мусульманского духовенства Чечни и Дагестана в конце XVIII – начале XIX в. // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 2. История. 2009. Вып. 4. С. 78–88.
633. *Овчинникова Е.А.* Наука нравоучения в культуре русского Просвещения // Обсерватория культуры. 2009. № 2. С. 122–127, 142.
634. *Одинцова Е.В.* Оформление и развитие городского праздника в России XVII – первой трети XVIII в. // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Сер.: История России. 2009. № 6. С. 210–215.
635. *Омельченко О.А.* «Я мечтаю о законодательнице, воительнице, философе»: образы и реалии власти в переписке Вольтера // Изв. МГИУ / Моск. гос. индустриал. ун-т. 2010. № 1. С. 10–21.
636. *Орехов В.В.* Русские «скифы»: эволюция образа: [Образ «русского-скифа» в истории рус. лит. XVIII – 1-й половины XIX вв.] // Вестн. слав. культур. 2009. № 1. С. 68–74.
637. *Осинов А.С.* Индустрия развлечений в Англии в середине XVIII в. Театр Дэвида Гарика // Вопросы отечественной и зарубежной истории, политологии, теологии, образования: Материалы конф. «Чтения Ушинского». Ярославль: Изд-во ЯГПУ им. К.Д. Ушинского, 2009. С. 16–22.
638. *Основат К.* Государственная словесность: Ломоносов, Сумароков и литературная политика И.И. Шувалова в конце 1750-х гг. // Европа в России: Сб. ст. М.: Новое лит. обозрение, 2010. С. 6–65. (Науч. прилож.; Вып. 87).
639. *Основат К.А.* Из истории русского придворного театра 1740-х годов // Memento vivere: Сб. памяти Л.Н. Ивановой. СПб.: Наука, 2009. С. 9–36.
640. *Основат К.А.* Тема и стиль в оде: о нескольких строфах из Ломоносова // Con amore: Ист.-филол. сб. в честь Л.Н. Киселевой. М.: ОГИ, 2010. С. 447–461.
641. *Отто А.* Церемониал, церемония и ритуал российского придворного общества XVIII века: теоретико-методологический анализ в контексте современной западной историографии // Рос. история. 2009. № 2. С. 115–124.
642. *Павлова А.Л., Смирнов Г.К.* Церковь Рождества Богородицы в селе Сальково [в Тверской губернии конца XVIII в.] // Памятники русской архитек-

- туры и монументального искусства XII–XX вв. М.: Наука, 2010. Вып. 8. С. 484–500.
643. Павлова Н. Образ художника у Венецианова // *Academia*. 2010. № 1. С. 22–26.
644. Павляк О.Н. Образ океана в художественной структуре оды М.В. Ломоносова «Утреннее размышление о Божием величестве» // *Вестн. Рос. гос. ун-та. Калининград*, 2010. № 8. Сер.: Филол. науки. С. 106–110.
645. Парсамов В.С. «Якобинец» и «либерал». П.И. Пестель и Н.М. Муравьев и Французская революция XVIII в. // Парсамов В.С. *Декабристы и Франция*. М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2010. С. 151–236.
646. Парахуда В.А. Актуальные исторические празднования 300-летия Ораниенбаума // *Культура и история: Материалы межвузовских научных конференций «Культура и история» (2004–2007)*. СПб., 2009. С. 118–127.
647. Парушева В. Голицынское Архангельское (в XVIII в., до приобретения усадьбы князьями Юсуповыми) // *Наше наследие*. 2009. № 92. С. 6–9.
648. Пашкуров А.Н. Предромантическая загадка в поэтике Н.А. Львова и А.С. Пушкина: «Ботаническое путешествие на Дудорову гору...» и «Евгений Онегин» // *Вестн. Моск. гос. обл. ун-та. Сер.: Рус. филология*. 2010. № 1. С. 146–151.
649. Пашкуров А.Н. Эволюция русской «слезной» драматургии в конце XVIII – начале XIX веков // *Учен. зап. Казан. гос. ун-та*. 2010. Т. 152, кн. 2. С. 22–32.
650. Петрова О.В. «Причудливый вкус» Павла I и архитектура города Гатчина // *Памятники русской архитектуры и монументального искусства XII–XX вв.* М.: Наука, 2010. С. 80–102.
651. Печурик Ю.Ю. Философия Канта и религия откровения // *Вестн. Рос. христиан. гуманитар. акад.* 2009. Т. 10, вып. 2. С. 106–115.
652. Пименова Л. Тайнство, праздник, спектакль: восприятие коронационной символики во Франции XVIII в. // *Власть и образ: Очерки потестарной имагологии*. СПб.: Алетейя, 2010. С. 349–362.
653. Пирожкова Т.Ф. К.С. Аксаков и его диссертация «Ломоносов в истории русской литературы и русского языка» // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10. Журналистика*. 2009. № 2. С. 108–118.
654. Писаренко К.А. Абоский мир 1743 года // *Вопр. истории*. 2010. № 3. С. 106–113.
655. Пичугин П.В. Библиотеки духовных семинарий в истории отечественного просвещения. XVIII век (по материалам ЦГИА СПб., ОР РНБ, РГАДА, НИОР РГБ) // *Сборник научных трудов (по материалам научных конференций БАН) / Б-ка Рос. акад. наук. СПб.*, 2010. С. 265–272.
656. Плешкова О.И. Образ Петра I в романе Д.С. Мережковского «Антихрист (Петр и Алексей)» // *Вестн. АлтГПА / Алт. гос. пед. академия*. 2010. № 4. Гуманитар. науки. С. 63–71.
657. Плотникова Н.Ю. Певческая культура Новгородского архиерейского хора в XVIII веке // *Музыковедение*. 2010. № 10. С. 26–31.
658. Погосян В.А. Марк-Антуан Жюльен и выборы VI года // *Французский ежегодник, 2009. Левые во Франции*. М.: Книж. дом «ЛИБРОКОМ», 2009. С. 119–138.
659. Погосян Е. К предыстории «Торжествующей Минервы»: И.И. Бецкой и М.М. Херасков в кругу организаторов маскарада // *Пермяковский сборник*.

- М.: Новое изд-во, 2010. С. 111–127. (Новые материалы и исследования по истории русской культуры; Вып. 7, ч. 2).
660. *Погосян Е., Сморжевских-Смирнова М.* «Книга любви знак в честен брак»: воспитание чувств молодого царя Петра Алексеевича: [Об эпиталаме Карриона Истомина, посвященной бракосочетанию Петра I с Евдокией Федоровной Лопухиной] // *Con amore: Ист.-филол. сб. в честь Л.Н. Киселевой.* М.: ОГИ, 2010. С. 519–528.
661. *Полякова О.Б.* Французское искусство в российских дворянских усадьбах XVIII – первой половины XIX в. // Коломенское: Материалы и исследования. М., 2009. Вып. 12. С. 139–147.
662. *Попова Л.А.* Семейная книга XVIII века // *Вестн. Югорского гос. ун-та.* 2010. Вып. 3. С. 7–9.
663. *Посохова Л.* Православные коллегиумы Российской империи (вторая половина XVIII – начало XIX вв.): между традициями и новациями // *Ab Imperio.* 2010. № 3. С. 85–113.
664. *Потапов А.Н.* «Железный» хозяин Гусь-Железного: «Штрихи к портрету» одного из крупнейших российских металлозаводчиков XVIII века Андрея Родионовича Баташева (1729–1799) // *Моск. журн.: История государства Российского.* 2010. № 6. С. 13–21.
665. *Преснова Н.* Усадебный Боровиковский // *Наше наследие.* 2010. № 93/94. С. 50–59.
666. *Преснякова И.А.* О становлении русскоязычной терминологии в отечественной теории музыки конца XVIII – первой половины XIX века // *Музыковедение.* 2009. № 11. С. 2–6.
667. *Приказчикова Е.Е.* Античность в литературном и бытовом сознании XVIII – 1-й трети XIX в. через призму мифологической культуры // *Изв. Урал. гос. ун-та. Сер. 2. Гуманитар. науки.* 2009. № 63, вып. 1/2. С. 102–113.
668. *Приказчикова Е.Е.* Антропологическая утопия Смольного института и ее отражение в мемуарно-автобиографической литературе второй половины XVIII века // *Вестн. Челябин. гос. ун-та. Филология. Искусствоведение.* 2009. № 27, вып. 34. С. 105–114.
669. *Приказчикова Е.Е.* Библиофильская утопия масонов в XVIII веке // *Дергачевские чтения – 2008. Русская литература: национальное развитие и региональные особенности. Проблема жанровых номинаций: Материалы IX Междунар. науч. конф.: В 2 т. Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. ун-та,* 2009. Т. 1. С. 46–55.
670. *Приказчикова Е.Е.* «Возделывая свой сад»: утопия естественного существования человека эпохи Просвещения в пространстве садово-парковой культуры на примере «Жизни и приключений...» А.Т. Болотова // *Вестн. Рос. гос. ун-та им. И. Канта.* 2009. Вып. 8. Сер.: Филол. науки. С. 58–64.
671. *Приказчикова Е.Е.* Культурный миф о романе-развратителе и способы его преодоления в русской литературе эпохи Просвещения // *Филол. науки.* 2009. № 4. С. 74–86.
672. *Пронкин С.В.* Причины «затейки» 1730 г. в дореволюционной историографии // *История России: политика, власть, управление: Сб. ст., посвящ. 80-летию юбилею Заслуж. проф. Моск. ун-та В.А. Кувшинова.* М.: МАКС Пресс, 2010. С. 65–81.

673. *Проскурина В.* Между Фелицей и Фортуной: Державин и барковиана // Пермьяковский сборник. М.: Новое изд-во, 2010. С. 128–143. (Новые материалы и исследования по истории русской культуры; Вып. 7, ч. 2).
674. *Проскурина В.* Ода Г.Р. Державина «На счастье»: политика и поэтика // Новое лит. обозрение. 2009. № 3 (97). С. 114–139.
675. *Проскурина В.* Спор о «свободоязычии»: Фонвизин и Екатерина II // Новое лит. обозрение. 2010. № 5 (105). С. 125–144.
676. *Проскуракова М.Е.* Военные госпитали Выборгской провинции в период русско-шведской войны 1741–1743 годов // Рос. история. 2009. № 5. С. 150–154.
677. *Пузанкова С.Н.* Надписи М.В. Ломоносова к серебряной раке Александра Невского: специфика экфрасиса // Проблемы истории, филологии, культуры. 2010. № 4. С. 99–103.
678. *Путятин И.Е.* К хронологии и идеологии русской «готики» XVIII века // Academia. Архитектура и строительство. 2009. № 3. С. 54–56.
679. *Путятин И.Е.* Кваренги и Львов. «Паломничество к италийским святыням», или Рождение образа храма русского ампира // Искусствознание. 2009. № 3/4. С. 188–218; 2010. № 1/2. С. 275–309.
680. *Рамазанова Д.Н.* «Лексикон трехязычный» Федора Поликарпова в собрании Музея книги Российской государственной библиотеки // Вивлиофика: История книги и изучение книжных памятников. М.: Пашков дом, 2009. Вып. 1. С. 156–176.
681. *Рамазанова Д.Н.* Становление системы преподавания в Московской Славяно-греко-латинской академии: [XVII – нач. XVIII вв.] // Лихудовские чтения: Материалы науч. конф. «Вторые Лихудов. чтения». Вел. Новгород, 24–26 мая 2004 г. Вел. Новгород, 2009. С. 15–20.
682. *Резник А.А.* Геополитика Екатерины II // Вестн. ИНЖЭКОНА. Сер.: Гуманитар. науки. 2009. Вып. 4. С. 192–201.
683. *Резниченко Л.И.* «Путешествие по Северу России в 1791 году» П.И. Челищева и «Путешествие из Петербурга в Москву» А.И. Радищева // Северный текст русской литературы. Архангельск: Поморский ун-т, 2009. Вып. 1. С. 24–37.
684. *Ржеуцкий В.* В тени Шувалова: французский культурный посредник в России барон де Чуди // Новое лит. обозрение. 2010. № 5 (105). С. 91–124.
685. *Рогачёва О.Г.* Первый мост Петербурга // Памятники русской архитектуры и монументального искусства XII–XX вв. М.: Наука, 2010. С. 449–464.
686. *Рогов К.* К генезису «высокого» одического ямба: об одном успешном опыте фальсификации истории русской словесности: [Эволюция поэтич. техники М.В. Ломоносова и ее ист.-лит. контекст] // Пермьяковский сборник. М.: Новое изд-во, 2010. С. 58–91. (Новые материалы и исследования по истории рус. культуры; Вып. 7, ч. 2).
687. *Романенко Е.В.* Картографические материалы по истории Центрального Предкавказья второй половины XVIII–XIX в. // Вопр. истории естествознания и техники. 2010. № 3. С. 64–75.
688. *Рудковская И.Е.* Женщины в политике в трактовке В. Робертсона и Н.М. Карамзина // Диалог со временем: Альманах интеллектуальной истории. 2010. Вып. 31. С. 229–250.

689. *Рудковская И.Е.* Место и образ XVI столетия в историографии эпохи Просвещения // *Образы времени и исторические представления: Россия – Восток – Запад.* М.: Кругъ, 2010. С. 772–796.
690. *Руднева Л.Ю.* Портреты Строгановых в творчестве Жана Луи Вуаля // *Искусство Византии, Древней Руси, Западной Европы: Материалы науч. конф., 2009 / Лазаревские чтения.* М.: Изд-во Моск. ун-та, 2009. С. 511–533.
691. *Рыжов А.И.* Образование детей крепостных в России во второй половине XVIII в. // *Вопр. образования.* 2010. № 2. С. 238–262.
692. *Ряжнев А.С.* Вероисповедная дипломатия Екатерины II: борьба за возвращение на родину казаков-некрасовцев // *Воен.-ист. журн.* 2010. № 10. С. 56–63.
693. *Ряжнев А.С.* Надпись на памятной доске в Архангельском соборе Московского Кремля – опыт историописания Екатерины II: исторический контекст // *Терминология исторической науки. Историописание.* М.: ИВИ РАН, 2010. С. 214–247.
694. *Рязанцев И.В.* Рукопись А.А. Матвеева. К вопросу о формировании идеи Академии художеств в России // *Русское искусство Нового времени: Исследования и материалы: Сб. ст. М.: Памятники ист. мысли, 2010. Вып. 13. По итогам Всерос. науч. конф. «Художества, художники и художественная жизнь России в XVIII – начале XX века».* С. 6–23.
695. *Савельева Е.А., Сыщиков А.Д.* К вопросу о начале Академической библиотеки // *Сборник научных трудов (по материалам научных конференций БАН) / Б-ка Рос. акад. наук. СПб., 2010. С. 3–10.*
696. *Савельева Е.А.* Петровская копия «Радзивилловской летописи» как памятник редакторской и издательской деятельности середины XVIII века // *Сборник научных трудов (по материалам научных конференций БАН) / Б-ка Рос. акад. наук. СПб., 2010. С. 186–194.*
697. *Савельева Е.А.* Пометы Ф.В. Каржавина на книгах Библиотеки Российской академии наук // *Книга: Исслед. и материалы.* 2010. Сб. 93, ч. 1/2. С. 129–140.
698. *Савенкова М.С.* Почему кривословят персонажи комедии Д.И. Фонвизина «Бригадир»? // *Филологические этюды.* Саратов, 2009. Вып. 12, ч. 1/2. С. 21–26.
699. *Савенкова М.С.* Театральная судьба одной комедии: («Бригадир» Д.И. Фонвизина в русском театре) // *Изв. Саратов. ун-та. Н.С. Сер.: Филология. Журналистика.* 2010. Т. 10, вып. 2. С. 66–69.
700. *Саверкина И.В.* К истории библиотеки А.Д. Меншикова // *История русского читателя.* СПб.: Изд-во СПбГУКИ, 2010. Вып. 5. С. 188–196 (Тр. Санкт-Петерб. гос. ун-та культуры и искусств; Т. 187).
701. *Саверкина И.В.* Образ А.Д. Меншикова: историческая реальность и экспозиционное воплощение: [Коллекционная деятельность А.Д. Меншикова] // *Мавродинские чтения 2008. Петербургская историческая школа и российская историческая наука: дискуссионные вопросы истории, историографии, источниковедения: Материалы Всерос. науч. конф., посвящ. 100-летию со дня рожд. Проф. В.В. Мавродина.* СПб.: Изд-во Санкт-Петерб. ун-та, 2009. С. 632–634.
702. *Саверкина И.В., Сомов В.А.* Реестр книг А.Д. Меншикова // *История русского читателя.* СПб.: Изд-во СПбГУКИ, 2010. Вып. 5. С. 197–214 (Тр. Санкт-Петерб. гос. ун-та культуры и искусств; Т. 187).

703. *Савин М.В.* Неизвестное педагогическое сочинение Ж.-Ж. Руссо // Историко-педагогическое знание в начале III тысячелетия: постижение педагогической культуры человечества: Материалы шестой нац. науч. конф., Москва, 11 нояб. 2010 г. М.: АСОУ, 2010. С. 114–116.
704. *Савинова Е.* Коллекция моделей Екатерины II // *Academia*. 2010. № 1. С. 14–21.
705. *Садовников А.Г.* Уединение и меланхолия в лирике и публицистике Н.М. Карамзина начала XIX века // *Вопросы филологической науки*. СПб.: Ленингр. гос. ун-т им. А.С. Пушкина, 2009. С. 177–181.
706. *Саидов А.Х.* Гёте как юрист // *Государство и право*. 2010. № 2. С. 76–89.
707. *Саликов А.Н.* Русские в «Кант-штудиен» // *Кантовский сб.* 2010. № 4 (34). С. 87–96.
708. *Салимов А.М., Салимова М.А.* План города Старицы первой четверти XVIII века // *Архитектурное наследие*. 2010. Вып. 53. С. 65–74.
709. *Салоников Н.В.* Новгородская школа братьев Лихудов в 1717–1723 гг. (по данным ГАНО) // *Лихудовские чтения: Материалы науч. конф. «Вторые Лихудов. чтения»*. Вел. Новгород, 24–26 мая 2004 г. Вел. Новгород, 2009. С. 47–54.
710. *Самарин А.Ю.* Живучая ошибка из трудов Е. Болховитинова и В.С. Сопикова // *Библиография*. 2009. № 6. С. 69–75.
711. *Самарин А.Ю.* «Имена особ, благоволивших подписаться на книгу...»: О списках подписчиков в изданиях второй половины XVIII века // *Про книги: Журн. библиофила*. 2010. № 1. С. 63–73.
712. *Самарин А.Ю.* Неопубликованный доклад о книжном деятеле XVIII века С.С. Волчке в архиве Института книговедения // *Книжная культура: опыт прошлого и проблемы современности: К 90-летию Науч.-исслед. ин-та книговедения в Петрограде: Материалы междунар. науч. конф. (Москва, 24–25 нояб. 2010 г.)*. М.: Наука, 2010. С. 287–290.
713. *Самарин А.Ю.* Почитатели Ломоносова: О собраниях сочинений М.В. Ломоносова и их знаменитых владельцев // *Про книги: Журн. библиофила*. 2009. № 5. С. 94–101.
714. *Самарин А.Ю.* С.С. Волчков и принятие «Штата» Сенатских типографий в 1764 году // *Чтения памяти Александры Александровны Зайцевой (1927–1996): Материалы науч. семинара (2007)*. СПб.: БАН, 2009. С. 102–136.
715. *Самарин А.Ю.* Собрания сочинений М.В. Ломоносова в Отделе редких книг Российской государственной библиотеки // *Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова. Годичная науч. конф.*, 2009. М.: Анонс Медиа, 2009. С. 225–228.
716. *Самарин А.Ю.* Труды академика Г.Ф. Миллера и русский читатель XVIII – начала XIX вв. // *Архив истории науки и техники*. М.: Янус-К, 2010. Вып. 4. С. 295–310.
717. *Самосюк Г.Ф.* Оценки А.Н. Пыпиным русской сатиры XVIII века (по статьям «Современника» 1860-х годов) // *Междисциплинарные связи при изучении литературы: Сб. науч. тр. Саратов: Изд. центр «Наука», 2009. Вып. 3. С. 43–48.*
718. *Сафронова А.М.* Оренбургская коллекция иностранных книг в составе библиотеки Горного ведомства Екатеринбурга: [О коллекции книг, присланных В.Н. Татищевым в 1735 г.] // *Изв. Урал. гос. ун-та. Сер. 2. Гуманитар. науки*. 2010. № 2. С. 76–91.

719. *Сафронова А.М.* Первая школа пения на горнозаводском Урале и ее книжное собрание (1735–1740-е) // Документ. Архив. История. Современность: Сб. науч. тр. Екатеринбург, 2009. Вып. 10. С. 51–68.
720. *Сдвижков Д.* Империя в наполеоновском наряде: восприятие французского неоклассицизма в Российской империи // *Imperium inter pages: Роль трансферов в истории Российской империи (1700–1917):* Сб. ст. М.: Новое лит. обозрение, 2010. С. 67–104. (*Historia Rossica*).
721. *Селиванова Л.Л.* Российские амазонки на службе ее величества: [О формировании Г.А. Потёмкиным в Крыму роты вооруженных женщин] // Диалог со временем: Альманах интеллектуальной истории. 2010. Вып. 31. С. 74–88.
722. *Семенова Е.В.* Екатеринбургское ателье Андрея Воронихина // Изв. Урал. гос. ун-та. Сер. 2. Гуманитар. науки. 2009. № 3. С. 14–28.
723. *Семенова Л.Н.* Церковные преобразования в первой четверти XVIII в. // Вопросы религии и религиоведения. 2009. Вып. 1, ч. 3. С. 51–64.
724. *Семенова Ю.С.* Музыкально-театральный памфлет Екатерины II: комическая опера «Горе-богатырь Косометович» // Музыкаведение. 2010. № 6. С. 21–27.
725. *Сень Д.В.* Отношения булавинцев с Крымским ханством и кубанскими казаками. XVII–XVIII вв. // Вопр. истории. 2009. № 4. С. 89–96.
726. *Серебренников М.* О неизвестной Прелюдии и фуге Готфрида Кирхгофа: К 325-летию со дня рождения // Орган. 2010. № 4. С. 34–37.
727. *Серебряков Е.А.* Власть поэзии и свобода духа: поэты XVII–XVIII вв. Ван Ши-чжэнь, Хуан Цзин-жэнь и Юань Мэй // Вестн. Санкт-Петерб. ун-та. Сер. 13. Востоковедение, африканистика. 2010. Вып. 2. С. 150–167.
728. *Серебрянникова М.В.* Прокурорский надзор при Петре I // Федерация. 2010. № 1/2. С. 12–15.
729. *Серов Д.О.* Зарождение системы судов общей юрисдикции в России (из истории судебной реформы Петра I) // *Lex Russica: Науч. тр. Моск. гос. юрид. акад.* 2009. № 1. С. 83–94.
730. *Сигунова С.В.* Реформы Петра Великого в сфере культуры в оценке историков XVIII века // Образ прошлого: историческое сознание и его эволюция: Материалы науч. конф. молодых ученых. 24–26 апр. 2009 г. Воронеж: Науч. кн., 2009. С. 139–144.
731. *Симонов А.Н.* Канонизация преподобного Иосифа Заоникиевского и церковные реформы Петра I // Вестн. Санкт-Петерб. ун-та. Сер. 2. История. 2010. Вып. 4. С. 125–130.
732. *Симонова Э.Р.* Итальянская школа *bel canto* XVII–XVIII веков: Из истории теоретического осмысления // От барокко к романтизму: Музыкальные эпохи и стили: эстетика, поэтика, исполнительская интерпретация: Сб. ст. М.: Науч.-издат. центр «Моск. консерватория», 2010. Вып. 2. С. 53–88. (Науч. тр. Моск. гос. консерватории; Сб. 65).
733. *Синдаловский Н.* Эпоха Просвещения в фольклоре петербургского студенчества // Нева. 2010. № 7. С. 111–138.
734. *Сиповская Н.В.* Мода и политика фарфоровых коллекций. (Собрание Петра Великого в фарфоровом кабинете императрицы Елизаветы Петровны) // Декоративное искусство и предметно-пространственная среда. Вестн. МГХПУ / Моск. гос. художеств.-пром. ун-т им. С.Г. Строганова. 2009. № 2. С. 57–70.

735. *Ситовская Н.* Настольные декорации в России XVIII века // Искусствознание. 2009. № 3/4. С. 335–356.
736. *Ситовская Н.В.* Фарфор в русском интерьере XVIII века // Декоративное искусство и предметно-пространственная среда. Вестн. МГХПУ / Моск. гос. художеств.-пром. ун-т им. С.Г. Строганова. 2010. № 2. С. 20–36.
737. *Скворцова Е.А.* Петербургские будни и праздники в изображении Джона Августа Аткинсона: к вопросу о формировании пейзажного и бытового жанров в русском искусстве // Художественное наследие и современность: Сб. науч. тр. СПб.: СПбГХПА им. А.Л. Штигилица, 2010. Вып. 6. Предметы и пространства искусства II: Материалы межвуз. науч.-практ. конф. аспирантов и студентов, 17 марта 2010 г. С. 139–146.
738. *Скоропадская А.А.* Горацианский мотив быстротечной жизни в поэзии Г.Р. Державина // Рецепция античного наследия в русской литературе XVIII – XIX вв.: Сб. ст. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2009. С. 60–78.
739. *Скульская М.А.* Свобода моды: мужской костюм в женском гардеробе, женский – в мужском (Россия, вторая половина XVIII века) // Обсерватория культуры. 2010. № 2. С. 133–136.
740. *Слуцкая Е.А.* Театральные реформы князя Юсупова. 1792–1799 гг. // Историография и источниковедение в культурологическом исследовании: (Культурологич. исследования'10): Сб. науч. тр. СПб.: Астерион, 2010. С. 114–118.
741. *Смагина Г.И.* Академия наук и зарождение университетского образования в России // Академия наук в истории культуры России XVIII–XX веков. СПб.: Наука, 2010. С. 39–80.
742. *Смагина Г.И.* Академия наук и создание учебной литературы в XVIII в. // Академия наук в истории культуры России XVIII–XX веков. СПб.: Наука, 2010. С. 11–38.
743. *Смирнов Г.К.* Гостиный двор в Твери (2-я половина XVIII в.) // Памятники русской архитектуры и монументального искусства XII–XX вв. М.: Наука, 2010. С. 233–255.
744. *Смирнов Г.К.* Коллекция архитектурной графики в собрании Николаи (Библиотека земли Баден-Вюртемберг, город Штутгарт): [XVII–XVIII вв.] // Лазаревские чтения. Искусство Византии, Древней Руси, Западной Европы: Материалы науч. конф. 2009. М.: Изд-во МГУ, 2009. С. 443–460.
745. *Смирнов Г.* Особенности протестантской церковной архитектуры XVII–XVIII веков в странах Центральной Европы // Искусствознание. 2010. № 3/4. С. 244–270.
746. *Смирнова Н.В.* Грош, ефимок, деньга, полушка...: Наименования денег в России XVIII века // Рус. речь. 2010. № 3. С. 91–94.
747. *Соблиров Х.Х.* Социокультурные трансформации в истории России: [XVIII–XIX вв.] // Науч. проблемы гуманитарных исследований. 2010. Вып. 3. С. 98–102.
748. *Соколов О.* Первая попытка заключения русско-французского союза в эпоху Наполеона. Бонапарт и Павел I // Россия – Франция: 300 лет особых отношений. М.: РОСИЗО, 2010. С. 93–112.
749. *Соколова М.* Феномен дилетанта в английской художественной жизни XVIII в. // Любительство: XVIII–XXI вв. От просвещенных дилетантов до рок-музыкантов: Сб. ст. памяти М. Юнисова. М.: Изд. Гос. ин-та искусствознания, 2010. С. 45–59.

750. *Соколов-Ремизов С.Н.* Мой Рёкан: [Япон. поэт и каллиграф (1758–1831)] // Россия – Япония: на путях взаимопонимания культур. М.: URSS, 2009. С. 137–155 (Исслед. по искусству Востока).
751. *Соломешин А.Ю.* Аксиология войны во французском Просвещении // Диалог со временем: альманах интеллектуальной истории. 2009. Вып. 29. С. 28–41.
752. *Сорокин В.Б.* «Ах! Кабы на цветы не морозы...»: Условные конструкции в поэзии XVIII века // Рус. речь. 2010. № 3. С. 3–6.
753. *Сорокин В.Б.* «Блаженство» в русской лирике XVIII–XIX веков // Рус. речь. 2009. № 4. С. 3–6.
754. *Сорокин В.Б.* Элегическое вопрошание поэтов XVIII века // Рус. речь. 2010. № 2. С. 3–8.
755. *Соснина Е.Л.* Французские католические миссионеры на Кавказе и их роль в изучении региона XVII–XVIII вв. // Науч. пробл. гуманитар. исследований. 2010. Вып. 9. С. 61–65.
756. *Спацанский А.Н.* Проблема «вкуса» в архитектуре XVIII века // Искусствознание. 2010. № 3/4. С. 271–291.
757. *Спицына Л.А.* Испанские газеты и журналы XVIII века // Грани культуры: актуальные проблемы истории и современности: Материалы V науч. конф. 18 дек. 2009 г. М.: Ин-т бизнеса и политики, 2010. С. 156–168.
758. *Станюкович-Денисова Е.Ю.* Мемуаристика первой половины XVIII века как источник изучения архитектуры Санкт-Петербурга // Художественное наследие и современность: К 65-летию кафедры теории и истории архитектуры и искусств: Сб. науч. тр. СПб.: Санкт-Петерб. гос. художеств.-пром.ш. акад. им. А.Л. Штиглица, 2010. Вып. 7. С. 12–27.
759. *Старова Е.В., Тилева Е.А., Скворцова О.В.* Консервационный мониторинг документов из Библиотеки Петра I на основе анализа компьютерной базы данных по превентивной консервации «Библиотека Петра I» // Сборник научных трудов (по материалам научных конференций БАН) / Б-ка Рос. акад. наук. СПб., 2010. С. 53–59.
760. *Степанова С.* Полтавская баталия. Французский художник в Третьяковской галерее: [К истории создания П.Д. Мартеном-младшим картины «Полтавский бой. Начало боя», 1717–1727 гг.] // Рус. искусство. 2009. № 4. С. 50–57.
761. *Стерликова А.А.* Дипломатический корпус Петра Великого: старые и новые методы формирования и работы: [П.П. Шафиров, Б.И. Куракин, В.Л. Долгоуков, А.Г. и М.Г. Головкины] // Модернизация в России: экономика, политика, культура: Сб. материалов Всерос. науч. конф., 4–5 мая 2009 г. СПб., 2009. Вып. 2. С. 29–34.
762. *Стефко М.С.* Образы Парижа в записках русских путешественников конца XVIII – начала XIX века // Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия. М.: Ин-т рос. истории, 2009. Вып. 5. С. 366–378.
763. *Стефко М.С.* Путешествие в круге чтения русского дворянства (конец XVIII – начало XIX вв.): опыт реконструкции по материалам сводного каталога русской книги гражданской печати XVIII в. // Проблемы российской истории. М.; Магнитогорск, 2009. Вып. 9. С. 195–200.
764. *Стецкевич Е.С.* Развитие художественного отделения Петербургской Академии наук в первой половине XVIII в. // Академия наук в истории культуры России XVIII–XX веков. СПб.: Наука, 2010. С. 509–528.

765. *Стецкевич М.С.* Церковь Англии и английское общество в середине XVIII – первой трети XIX в. // Вестн. Санкт-Петерб. ун-та. Сер. 6. Философия, культурология, политология, право, международные отношения. 2009. Вып. 1. С. 16–25.
766. *Столочич Л.Н.* И. Кант и проблема ценности // Кантовский сб. 2009. № 2. С. 20–30.
767. *Стрелкова И.Х.* Основные направления деятельности Нижегородской духовной консистории в 40–50-ые гг. XVIII века // Изв. Самар. науч. центра РАН. 2009. Т. 11, № 6. С. 17–24.
768. *Строев А.* Искусство соблазнять: французские дипломаты и шпионы в России в XVIII веке // Россия – Франция: 300 лет особых отношений. М.: РОСИЗО, 2010. С. 58–71.
769. *Ступкин Е.И.* К истории строительства усадьбы Боровно: [конец XVIII в.] // Памятники русской архитектуры и монументального искусства XII–XX вв. М.: Наука, 2010. С. 501–508.
770. *Сулимова А.* Жанровая живопись Жана-Батиста Греза в Салонах 1759–1765 годов // Искусствознание. 2009. № 1/2. С. 242–263.
771. *Сурикова А.С.* Образ дьявола в канун Просвещения: [О книге Д. Дефо «История Дьявола»] // Начало. 2010. № 21. С. 172–196.
772. *Сусидко И.П.* Musicus ludens. Музыкальные игры Моцарта // Культура, эпоха и стиль: Классическое искусство Запада: Сб. ст. в честь 70-летия доктора искусствоведения, проф. М.И. Свидерской. М.: Галарт, 2010. С. 192–206.
773. *Суслов М.Д.* К вопросу об интеграции российских утопий XVIII в. // Вопр. культурологии. 2009. № 1. С. 39–45.
774. *Суховерхов В.В.* Испания первой половины XVIII века: начало модернизаторских инициатив «просвещенного абсолютизма» // Вестн. Моск. гос. гуманитар. ун-та им. М.А. Шолохова. Сер.: История и политология. 2010. № 1. С. 44–51.
775. *Суховерхов В.В.* Преобразования «просвещенного абсолютизма» в Испании XVIII в. // Вопр. истории. 2010. № 9. С. 35–51.
776. *Сучков И.В.* Историческая концепция Н.М. Карамзина // Вопросы отечественной истории и историографии: Межвузов. сб. науч. тр. М.: Моск. гос. гуманитар. ун-т им. М.А. Шолохова, 2010. Вып. 13. С. 112–117.
777. *Тараканова А.Д.* Русская литературная утопия второй половины XVIII века // Учен. зап. Казан. гос. ун-та. Сер.: Гуманитар. науки. 2009. Т. 151, кн. 3. С. 39–46.
778. *Тараненко А.В.* Основные тенденции развития журналистики Испании XVIII в. // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Сер.: Литературоведение. Журналистика. 2009. № 1. С. 58–66.
779. *Тарановский К.* К характеристике русского четырехстопного ямба XVIII века: Ломоносов, Тредиаковский, Сумароков // Тарановский К. Русские двухсложные размеры. Статьи о стихе / Пер. с сербского В.В. Сонькина. М.: Языки славян. культуры, 2010. С. 398–444.
780. *Тарасова Ю.Г.* Буколическая поэзия в творчестве Е.П. Люценко 1794–1798 гг. // Филологические этюды. Саратов, 2009. Вып. 12, ч. 1/2. С. 140–145.
781. *Техова Е.Д.* Россия во французской публицистике в царствование императрицы Екатерины II // Власть, общество и личность в истории: Сб. ст.

- по материалам науч. конф., 22–24 нояб. 2006 г. М.: НОЦ по истории, 2010. С. 65–84.
782. Тимофеев Д.Н. Образ Швеции в представлениях российской правящей элиты XVIII и начала XIX вв.: сравнительный анализ // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Сер.: История России. 2010. № 6. С. 207–215.
783. Титов Ю.Н. Процесс огосударствления церкви в XVIII–XIX вв. // Вопросы религии и религиоведения. 2009. Вып. 1, ч. 3. С. 65–74.
784. Ткачева Е.А. Образ театра в комедиях-сказках Людвиг Тика // Изв. Рос. гос. пед. ун-та им. А.И. Герцена: Обществ. и гуманитар. науки. 2009. № 111. С. 251–261.
785. Токмакова Т.Н. Репертуар французской книги в российской провинции в последней четверти XVIII в. – первой половине XIX в. (на материалах Орловской губернии) // Власть и общество в России в XIX–XX вв.: этноконфессиональный и региональный аспект. Орел, 2010. Кн. 4. С. 107–118.
786. Торияма Ю. Живописность в описании обеденного стола в поэзии Г.Р. Державина // Новый филол. вестн. 2009. № 4. С. 7–17.
787. Трефилов Е.Н. Особенности казачьего монархизма конца XVII – начала XVIII века // Рос. история. 2009. № 6. С. 125–140.
788. Трубицына В.В. Фольклорные источники литературной песни в поэзии А.П. Сумарокова // Филология и человек. 2009. № 3. С. 73–79.
789. Тункина И.В. Неосуществленные проекты Г.В. Вернадского 1915–1917 гг. по истории России XVIII в. // Гуманитарные науки в Сибири. 2010. № 2. С. 40–44.
790. Тюхменева Е.А. Программа убранства триумфальных ворот в Москве по случаю заключения мирного договора со Швецией 1743 года. Основные особенности // Русское искусство Нового времени: Исследования и материалы: Сб. ст. М.: Памятники ист. мысли, 2010. Вып. 13. По итогам Всерос. науч. конф. «Художества, художники и художественная жизнь России в XVIII–XX века». С. 40–61.
791. Урушев Д.А. Епископ Павел Коломенский в старообрядческой литературе первой половины XVIII века (литературная традиция Выговской пустыни) // Религиоведение. 2010. № 1. С. 18–23.
792. Усачева С.В. «Странствующие художники». О творчестве пейзажистов В.П. Петрова и Т.А. Васильева // Русское искусство Нового времени: Исследования и материалы: Сб. ст. М.: Памятники ист. мысли, 2010. Вып. 13. По итогам Всерос. науч. конф. «Художества, художники и художественная жизнь России в XVIII–XX века». С. 99–112.
793. Ухналев А.Е. Архитектор Иван Фок и Невская ограда Летнего сада // Архитектурное наследие. 2009. Вып. 50. С. 207–218.
794. Ухналев А.Е. История строительства Летнего дворца Петра I // Архитектурное наследие. 2010. Вып. 53. С. 92–106.
795. Файзрахманова А.А. Отражение идей Просвещения в утопии М.М. Щербатова «Путешествие в землю Офирскую г-на С... швецкаго дворянина» // Гуманистическое наследие просветителей в культуре и образовании. Уфа, 2009. Т. 1. С. 343–348.
796. Фарафонова О.А. Автокомментарий Г.Р. Державина // Критика и семиотика. М.; Новосибирск: Новосибир. гос. ун-т; Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2010. Вып. 14. С. 58–67.

797. *Федосеева Т.В., Шанаева О.Н.* Духовные воззрения Г.Р. Державина позднего периода творчества (1790–1810 годы) // Вестн. Рязан. гос. ун-та им. С.А. Есенина. 2010. № 4. С. 59–71.
798. *Федосеева Т.В.* Художественно-методологическая специфика литературы русского предромантизма // Филол. науки. 2009. № 1. С. 3–14.
799. *Федоткина М.И.* Житийные мотивы в повести первой половины XVIII века // Учен. зап. Орловского гос. ун-та. 2010. № 3, ч. 1. С. 247–250.
800. *Федотова Е.Д.* К вопросу об интерпретации сюжета «Александр и Кампаспа в мастерской Апеллеса» итальянскими живописцами века Просвещения // Итальянских сб. М., 2009. Вып. 5. Fascicolo quinto. С. 164–176.
801. *Филаретов Н.И.* О значении гипотезы о «естественном состоянии» в политических учениях XVII–XVIII вв. // Актуальные проблемы рос. права. 2009. № 2. С. 36–42.
802. *Филимонова М.А.* Полемика вокруг ратификации Конституции 1787 г. в периодической печати США: поражение антифедералистов // Мифы и реалии американской истории в периодике XVIII–XX вв.: Коллективный труд: В 3 т. М.: Ин-т всеобщей истории РАН, 2009. Т. 2. С. 7–46.
803. *Флоря Б.Н.* Московский договор между Россией и Речью Посполитой и внешнеполитические планы А.Л. Ордина-Нащокина // Славяноведение. 2010. № 2. С. 31–37.
804. *Фруменкова Т.Г.* Организация воспитательного дома в России (60–70-е гг. XVIII в.): участие иностранных и российских ученых // Педагогическое образование в эпоху перемен: результаты научных исследований и их использование в образовательной практике (опыт Герценовского ун-та). СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2009. С. 71–75.
805. *Фуражева Н.С.* Социальное самочувствие, стиль жизни и этикет русского дворянства второй половины XVIII – первой половины XIX вв. // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Сер. «История России». 2009. № 5. 297–304.
806. *Хабермас Ю.* Границы между верой и знанием: об истории влияния и актуальном значении религиозной философии Канта / Пер. с нем. А.Ю. Шачиной, С.В. Шачина // Кантовский сб. 2009. № 2. С. 31–60.
807. *Хазиева Д.* Анджелини: об эстетике балета эпохи Просвещения // Вестн. Акад. рус. балета им. А.Я. Вагановой. СПб., 2010. № 1. С. 195–199, 297–304.
808. *Халтурин Ю.Л.* Каббала и орденская символика в интерпретациях русских масонов конца XVIII – начала XIX вв. // Изв. Урал. гос. ун-та. Сер. 3. Обществ. науки. 2009. № 4. С. 75–84.
809. *Харлушина А.А., Зверева Т.В.* Мотив Богородицы в торжественной оде М.В. Ломоносова // Литература в контексте современности: Сб. материалов IV Междунар. науч.-метод. конф., Челябинск, 12–23 мая 2009 г. Челябинск: Челябин. гос. пед. ун-т: Энциклопедия, 2009. С. 99–102.
810. *Хворых Т.О.* Село Царицыно, век XVIII: О создании царицынского дворцового комплекса и его несчастливой судьбе // Моск. журн.: История государства Российского. 2010. № 11. С. 8–13.
811. *Хладениус И.М.* Всеобщая наука истории [XVIII в.] / Вступ. ст. и пер. Ю.Д. Артамоновой // Эпистемология и философия науки. 2010. Т. 23, № 1. С. 189–223.
812. *Ходеев Ф.П.* Переселение греков из Крыма в Новороссию в XVIII в. // Вопр. истории. 2009. № 6. С. 113–120.

813. *Холодкова Н.В.* Архитектурный альбом Троице-Сергиевой лавры 1745–1789 гг. // Троице-Сергиева лавра в истории, культуре и духовной жизни России: Материалы V междунар. конф., 26–28 сент. 2006 г. Сергиев Посад: Ремарко, 2009. С. 313–328.
814. *Царева А.П.* Представления о семье в среде английского дворянства во второй половине XVIII в. // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 8. История. 2010. № 3. С. 56–65.
815. *Чежина Ю.И.* Вигилиус Эриксен в России. Карусельные портреты братьев Орловых // Мавродинские чтения – 2008. Петербургская историческая школа и российская историческая наука: Дискуссионные вопросы истории, историографии, источниковедения: Материалы Всерос. науч. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения проф. В.В. Мавродина. СПб.: Изд-во Санкт-Петерб. ун-та, 2009. С. 475–479.
816. *Чежина Ю.И.* К истории русского маскарада середины – второй половины XVIII столетия: традиции и новации // Вестн. Санкт-Петерб. ун-та. Сер. 2. История. 2009. Вып. 1. С. 140–149.
817. *Чекмарев А.В.* Постройки Н.А. Львова и его круга в провинции: новые открытия // Архитектурное наследство. 2009. Вып. 50. С. 255–279.
818. *Чекулаев Н.Д.* Дворцовое хозяйство в Дербенте в начале XVIII в. // Вопр. истории. 2010. № 5. С. 154–159.
819. *Чепурина М.Ю.* «Заговор равных» 1796 г. во французской историографии // Французский ежегодник, 2009. Левые во Франции. М.: Книж. дом «ЛИБРОКОМ», 2009. С. 348–366.
820. *Черенко И.А.* Актуальный XVIII век. (Международная научная конференция [«XVIII век: литература как философия, философия как литература»], Москва, 25–27 марта 2010 года) // Изв. Южного федер. ун-та. Филол. науки. Ростов н/Д., 2010. № 3. С. 193–195.
821. *Черепенникова М.С.* К 260-летию юбилею со дня рождения И.-В. Гёте (1749–1832). Роль Гёте во всемирной литературе // Филология и человек. 2010. № 2. С. 99–104.
822. *Черкасов В.А.* В гоголевском коде: О «Записках» Г. Державина в освещении В. Ходасевича // Вопр. лит. 2010. Вып. 3. С. 73–94.
823. *Черкасов В.А.* Методология В.Ф. Ходасевича в биографии «Державин» в рецепции критики 1920–1930-х гг. // Вестн. Ленингр. гос. ун-та. Сер.: Филология. 2009. № 2. С. 38–44.
824. *Черкасов В.А.* Миф о Г.Р. Державине как о честолюбце в интерпретации Н.Г. Чернышевского и В.Ф. Ходасевича // Филол. науки. 2009. № 1. С. 23–30.
825. *Черкасов В.А.* «Не собой блистал я...»: честолюбие Державина в интерпретации Ходасевича // Изв. высш. учеб. заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2009. № 6. С. 142–145.
826. *Черкасов П.П.* «Одиссея» маркиза де Ла Шетарди в России (1739–1744 годы) // Новая и новейшая история. 2010. № 6. С. 165–191.
827. *Черкасов П.П.* Опасные связи. Маркиз де Ла Шетарди и дворцовая «революция» 1741 года // Родина. 2009. № 2. С. 16–21.
828. *Черная Л.А.* Театр в системе усадебной культуры XVII–XVIII вв. // Коломенское: Материалы и исследования. М., 2009. Вып. 12. С. 19–24.
829. *Чеснокова Т.Г.* Бурлескная трагедия Генри Филдинга в контексте жанровой традиции // Arbor mundi = Мировое древо. 2010. Вып. 17. С. 34–61.

830. *Чжу Хунжуй*. М.В. Ломоносов как великий российский педагог // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 20. Пед. образование. 2010. № 2. С. 98–102.
831. *Чудинов А.В.* «Русская школа» историографии Французской революции XVIII в.: выбор пути // Французский ежегодник, 2009. М.: Книж. дом «ЛИБРОКОМ», 2009. С. 330–347.
832. *Чудинов А.* Французско-российский торговый договор 1787 года в контексте международной политики XVIII века // Россия – Франция: 300 лет особых отношений. М.: РОСИЗО, 2010. С. 72–79.
833. *Чудинов И.А.* М.В. Ломоносов и быстротекущее время // Вестн. Междунар. ин-та упр. 2009. № 10/12. С. 7–16.
834. *Шарнова Е.Б.* Мариано Росси – «забытый художник» итальянского сетте-ченто // Культура, эпоха и стиль: Классическое искусство Запада: Сб. ст. в честь 70-летия доктора искусствоведения, проф. М.И. Свидаерской. М.: Галарт, 2010. С. 269–279.
835. *Шачина А.Ю.* Актуальность философско-педагогического наследия И. Канта // Кантовский сб. 2010. № 2 (32). С. 88–96.
836. *Швидковский Д.О.* Архитектурная судьба Павла I // Academia / Рос. акад. художеств. 2009. № 3. С. 50–55.
837. *Шевцов А.В.* Отражение политической проблематики в изданиях эпохи Екатерины II // Деятели книги: Михаил Николаевич Куфаев (1888–1948): Сб. науч. трудов по материалам 15-х Смирдин. чтений. СПб., 2010. С. 141–156. (Труды / Санкт-Петерб. гос. ун-т культуры и искусств; Т. 188).
838. *Шевцова О.Н.* Языковая характеристика опричнины Ивана Грозного князем М.М. Щербатовым как выражение исторической мысли конца XVIII века // Изв. вузов. Сев.-Кавк. регион. Обществ. науки. 2010. № 1. С. 149–153.
839. *Шенле А.* Эстетика стихийного бедствия у Богдановича и его перевод «Поэмы на разрушение Лиссабона» Вольтера // Тыняновский сб. 2009. Вып. 13. С. 29–41.
840. *Шишков А.С.* Разбитие русского военного корабля у берегов Швеции в 1771 году: (Отрывок из жизни N...) // Петербургские исследования: Сб. науч. ст. СПб.: Ист. фак. С.-Петерб. ун-та, 2010. Вып. 2. С. 244–301.
841. *Шкитина И.В.* Традиции нормативной поэтики Горация в классицистических поэтиках Н. Буало и А.П. Сумарокова // Рецепция античного наследия в русской литературе XVIII–XIX вв.: Сб. ст. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2009. С. 45–59.
842. *Шобухин В.Ю.* Тенденции развития прокуратуры России в период 1722–1864 гг. // Журн. рос. права. 2010. № 6. С. 79–86.
843. *Шорбан Е.А.* Неизвестный памятник московской архитектурной школы конца XVIII в. – церковь села Растворова в Калужской губернии // Памятники русской архитектуры и монументального искусства XII–XX вв. М.: Наука, 2010. С. 465–483.
844. *Шрётер Б.* Образ Америки в «Leipziger Zeitungen» в период между Семилетней войной и Французской революцией 1789 г. / Пер. с нем. В.В. Дамье // Мифы и реалии американской истории в периодике XVIII – XX вв.: Коллективный труд: В 3 т. М.: Ин-т всеобщей истории РАН, 2009. Т. 2. С. 225–257.
845. *Штольценберг Ю.* Кант и право на ложь. / Пер. с нем. И.Д. Копцев, А.С. Зильберг // Кантовский сб. 2010. № 2. С. 7–16.

846. *Шуклин В.И.* Книжные аукционы в Северной Америке в XVIII в. // Библиография. 2009. № 6. С. 65–68.
847. *Шулепин Д.С.* Попытки кодификации процессуального законодательства в России во второй-третьей четверти XVIII в. // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 11. Право. 2009. № 4. С. 67–76.
848. *Щеболева Е.Г.* Центрические храмы с треугольным планом в Костромской и Ярославской областях: [XVIII в.] // Памятник русской архитектуры и монументального искусства XII–XX вв. М.: Наука, 2010. С. 509–524.
849. *Щерба А.Н.* Еще раз о рукописях В.Н. Тагищева // Клио. 2010. № 3. С. 28–36.
850. *Эльц Е.Э.* Французский музыкальный театр в России в последней трети XVIII в. // Культура и история: Материалы межвузовских научных конференций «Культура и история» (2004–2007). СПб., 2009. С. 403–416.
851. *Эрих-Хэфели В.* К вопросу о становлении концепции женственности в буржуазном обществе XVIII в.: психоисторическая значимость героини Ж.-Ж. Руссо Софии / Пер. Н. Носовой // Пол. Гендер. Культура: Немецкие и русские исследования. М.: РГГУ, 2009. С. 61–111.
852. *Эрлихсон И.М.* Генезис и классификация английской утопической мысли XVII – начала XVIII вв. (по материалам отеч. и зарубеж. науч. лит.) // Рос. науч. журн. 2009. № 2. С. 46–58.
853. *Эрлихсон И.М.* Социально-экономические и философские взгляды Б. Мандевиля (1670–1733) // Рос. науч. жур. 2010. № 5. С. 70–80.
854. *Эрлихсон И.М.* Сюжет и атрибуты социальной утопии в английской публицистике Раннего Просвещения (Даниэль Дефо, Джозеф Браун) // Диалог со временем. М., 2009. Вып. 26. С. 115–126.
855. *Южакова Т.Л.* А.Н. Радищев об окружающем мире, государстве и «истинном сыне отечества» // Литература, язык, периодическая печать в жизни российского общества и государства (XVIII–XX вв.). Брянск: Курсив, 2010. С. 80–95.
856. *Юрьев А.Ю.* Конференция по окказиональной литературе XVIII века: [Обзор конф. «Окказиональная литература в контексте праздничной культуры России XVIII» (Санкт-Петербург, 21–23 сент. 2009 г.)] // Рус. лит. 2010. № 3. С. 214–218.
857. *Юшкин Н.П.* Коротовская ссылка президента: К 200-летию со дня смерти Е.Р. Дашковой // Вестн. Урал. отд-ния РАН. Наука. Общество. Человек. 2010. № 3. С. 96–101.
858. *Якимович А.* XVIII век. Европейский концерт // Собрание. 2010. № 2. С. 64–77.
859. *Якимович А.* Художник на службе. Фальконе и Давид // Собрание. 2010. № 1. С. 64–75.
860. *Яковлев А.А.* Заметки о политической культуре Екатерины II. Ч. 1 // Современные гуманитарные исследования. 2010. № 2. С. 26–31.
861. *Яковлев А.Н.* Об архитектурном прототипе главного здания Генерального госпиталя в Лефортово // Архитектурное наследство. 2010. Вып. 53. С. 184–195.
862. *Яковлев А.Н.* Церковь Косьмы и Дамиана на Маросейке. Прототипы и повторения: [1790–1803 гг.] // Архитектурное наследство. 2009. Вып. 51. С. 228–251.

863. *Якушев М.М.* Османский протокол в дипломатических отношениях Порты и России (конец XVIII – начало XIX в.) // Восток. 2010. № 3. С. 48–58.
864. *Яницкая С.С.* А.П. Сумароков и формирование жанровой традиции русского романа // Изв. Саратов. ун-та. Новая серия. 2009. Т. 9. Сер.: Социология. Политология. Вып. 2. С. 53–61.

ПУБЛИКАЦИИ ИСТОЧНИКОВ

865. *Богословский М.М.* Российский XVIII век: [В 2 кн.] / Сост., подгот. текста, примеч. А. В. Мельникова. М., 2010. Кн. 2. 399 с.: портр.
866. «Велено мне в Галандию отправить казенных товаров на десять тысяч рублей»: Донесения советника Мануфактур-коллегии Я.М. Вреинова в Сенат. 1744–1748 гг. / Публ. И.В. Торопицына // Ист. архив. 2010. № 5. С. 196–206.
867. «Взятое в баталии свейское ружье, и знамена, и литавры, и иные всякие военные припасы принять в полату Оружейную»: Документы РГАДА о трофеях, взятых у шведов после Полтавской виктории 27 июня 1709 г. / Публ. Н.Ю. Болотиной, В.Р. Новоселова // Ист. архив. 2009. № 3. С. 14–35.
868. Екатерина II. Избранное / Сост., авт. коммент Г.О. Бабкова; Авт. вступ. ст. «Екатерина Вторая» А.Б. Каменский, с. 5–36. М.: РОССПЭН, 2010. 951 с. (Б-ка отечеств. обществ. мысли с древнейших времен до начала XX века).
869. «За отличность, оказанную в сражении на Очаковском лимане с турецким флотом...»: Док. о дворянах Рост. уезда Яросл. губернии – участниках боевых походов второй пол. XVIII – нач. XIX вв. / Публ. К.А. Степанова // Ист. архив. 2009. № 4. С. 131–152.
870. *Загряжский А.А.* «В надежде на известную всегдашнюю милость Вашей светлости ко мне...»: [Письма генерал-поручика А.А. Загряжского, прадеда Н.Н. Пушкиной по матери, к светлейшему князю Г.А. Потемкину, 1774–1782 гг.] / Публ. и вступ. ст. В.С. Лопатина, Л.Б. Сомовой // Ист. архив. 2009. № 5. С. 188–207.
871. Законодательство Екатерины I и Петра II / Сост., авт. вступ. статей «Законодательство императрицы Екатерины I: комментарий» (с. XIII–XXIII) и «Тестамент, блаженной памяти, Императрицы Екатерины I: комментарий» (XXIV–XXXII) В.А. Томсинов. М.: Зерцало, 2009. XXXII, 294 с. (Рус. юрид. наследие).
872. «И ныне писал ко мне он, муж мой, из Копенгагена»: Княгиня М.Ю. Долгорукова при датском дворе. 1708–1711 гг.: [Документы / Публ. и вступ. ст. Н.Ю. Болотиной] // Ист. архив. 2010. № 1. С. 178–198.
873. *Иванов И.А.* Взаимоотношения церкви и государства во второй половине XVIII века: (Деятельность обер-прокуроров Святейшего Синода 1763–1796 гг.): Сб. документов / Науч. ред. А.В. Топычканов. М.: Правосл. Свято-Тихон. гуманит. ун-т, 2010. 135 с.: портр.
874. «Из твердого моего Ее Императорскому Величеству усердия Вам доношу»: Письма казахского хана Нурали оренбургскому губернатору И.А. Рейнсдорпу во время откочевки калмыков в Джунгарию. 1770–1771 гг. [В публ. включены некоторые респикты Екатерины II к И.А. Рейнсдорпу и его «до-

- ношения в столицу»] / Публ. Ж.Б. Кундакбаевой // Ист. архив. 2009. № 1. С. 199–212.
875. Императрица Елизавета Петровна и Царское Село. [Альбом] / Авт. текста и аннот. Е. Анисимов, Л. Бардовская, И. Ботт. СПб.: Абрис, 2010. 119 с.: ил. (Альманах «Сокровища России»; Вып. 91).
876. История Выборга XVIII – начала XIX века в документах и материалах: русско-шведские войны, военные действия на Балтике, территории Финляндии и в Карелии / Сост. Т.М. Телегина, В.А. Иваненко, С.Г. Кашенко, Е.В. Костригина, Е.А. Миронова. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2009. 469 с.: ил. Часть текста англ.
877. Карамзин Н.М. Избранные труды / Сост. А.А. Ширинянц, А.Ю. Старостин; Авт. вступ. ст. «Николай Михайлович Карамзин» А.А. Ширинянц, Д.В.Ермашов, с. 5–45; Авт. коммент. А.А. Ширинянц, А.И. Шевляков. М.: РОССПЭН, 2010. 486 с. (Б-ка отечеств. обществ. мысли с древнейших времен до начала XX века).
878. Краткая летопись жизни и трудов Ивана Евсеевича Срезневского (1770–1819) / Вступ. ст. и публ. А.Н. Стрижева // Литературовед. журн. 2009. № 25. С. 218–224. С. 225–260: Подборка стихотворений И.Е. Срезневского.
879. Ломоносов М.В. Переписка, 1737–1765 / Сост., подгот. текста и примеч. Г.Г. Мартынова; Под ред. Б.А. Градовой. М.: Ломоносовь, 2010. 511 с.: ил. Часть текста латин., нем., фр.
880. Маркиз де ла Шетарди в России 1740–1742 годов / Подгот. А.И. Цепковым; Вступ. ст. В. Фурсенко. Рязань: Александрия, 2010. 559 с. (Источники России).
881. Мастера русской историографии: Герард Фридрих Миллер / Публ. подгот. С.С. Илизаров // Ист. архив. 2009. № 5. С. 162–177.
882. Мастера русской историографии: Михаил Васильевич Ломоносов: (1711–1765) / Публ. подгот. С.С. Илизаров, А.А. Чернобаев // Ист. архив. 2009. № 2. С. 195–210.
883. Музееведческая мысль в России XVIII–XX веков: Сб. документов и материалов / Отв. ред. Э.А. Шулепова. М.: Этерна, 2010. 958 с.
Из содерж.: Ч. 1. Идеи, проекты, программы, методики. Разд. 1. 1700–1790-е годы. С. 15–146.
884. Областные правители России, 1719–1739 гг. / Сост. М.В. Бабич, И.В. Бабич. М.: РОССПЭН, 2008. 831 с.
885. Общественная мысль России XVIII века / Сост., автор вступ. ст. «Традиции и особенности российской философской и общественно-политической мысли XVIII века» (с. 5–36) и комментариев Т.В. Артемьева. М.: РОССПЭН, 2010. (Б-ка отечеств. обществ. мысли с древнейших времен до начала XX в.).
Т. 1 / Авт.: Д.С. Аничков, Я.П. Козельский, М.В. Ломоносов, И.А. Третьяков, А.М. Брянцев, П.И. Страхов, А.А. Прокопович-Антонский, Ф.Г. Политковский, М.И. Панкевич, И.Д. Ертов, Т.Ф. Осиповский. 758 с.
Т. 2 / А.П. Сумароков, Г.Н. Теплов, Ф.И. Дмитриев-Мамонов, С.Е. Десницкий, Н.И. Новиков, А.Н. Радищев, А.Ф. Бестужев, И.П. Пнин, Д.Н. Синьковский, П.А. Плавильщиков. 734 с.
886. Описания архива князя В.Л. Долгорукова, 1730 г./ Вступ. ст. и подгот. текста Д.И. Алексеевой // Вестн. РГГУ / Рос. гос. гуманитар. ун-т. 2010. № 7.

- Сер.: Ист. науки. Историография, источниковедение, методы ист. исследований. С. 228–238.
887. «Определяется переводчик Яков Синявич...»: Январь 1717 – декабрь 1741 гг. / Публ. подгот. С.Р. Долгова // Ист. архив. 2010. № 1. С. 199–206.
888. Памятники деловой письменности конца XVIII века: Из архива Соликам. Святотроицкого мужского монастыря / Сост. Н.В. Логунова, Л.Л. Мазитова. Соликамск, 2009. 248 с.: табл.
889. Переписка Иммануила Канта и Иоганна Георга Гамана / Пер. с нем. и послесл. «О последних письмах в переписке между Гаманом и Кантом» (2010. № 2, С. 104–105) В.Х. Гильманова // Кантовский сб. 2009. № 1 (29). С. 92–109; 2009. № 2 (30). С. 112–125; 2010. № 1 (31). С. 90–111; № 2 (32). С. 97–108.
890. Петр I. Избранное / Сост., авт. вступ. ст. «Петр I Алексеевич» (с. 5–40) и коммент. А.Б. Каменский. М.: РОССПЭН, 2010. 485 с. (Б-ка отечеств. обществ. мысли с древнейших времен до начала XX века).
891. Петр I. Указы. М.: Бизнеском, 2010. 288 с. (Б-ка генерал. директора: БГД. Сер. «Вечная классика»; Т. 12(36). В кн. также: Ключевский В.О. Петр I: исторический портрет: Петр Великий. Его наружность, привычки. Образ жизни и мыслей; Костомаров Н.И. Петр Великий.
892. Письма и донесения иезуитов о России конца XVII и начала XVIII вв. Современное состояние Великой России, или Московии: Иржи Давид [О деятельности Ордена иезуитов] / Пер. с латин.; Предисл. А.С. Мыльникова; Подгот. А.И. Цепковым. Рязань: Александрия, 2010. 335 с.: ил. (Источники истории).
893. «Получил я честь видеть в Версалии короля французского»: Российский дипломат П.В. Постников во Франции. 1702–1710 гг. [Документы] / Публ. подгот. Н.Ю. Болотина // Ист. архив. 2010. № 6. С. 176–187.
894. *Посошков И.Т.* Книга о скудности и богатстве; Завещание отеческое: [Избранное] / Сост., авт. вступ. ст. «Иван Тихонович Посошков» (с. 5–42) и коммент. Н.В. Козлова, Л.Н. Вдовина. М.: РОССПЭН, 2010. 591 с. (Б-ка отечеств. обществ. мысли с древнейших времен до начала XX века).
895. Проект «...приведения [Московского] Кремля в лучшее состояние» (1776 г.). Публ. и комментарии Ю.Г. Клименко // Архитектурное наследство. 2009. Вып. 51. С. 180–194.
896. *Прокопович Феофан.* Избранные труды / Сост., авт. вступ. ст. «Феофан Прокопович» (с. 5–78) и коммент. И.В. Курукин. М.: РОССПЭН, 2010. 623 с. (Б-ка отечеств. обществ. мысли с древнейших времен до начала XX века).
897. Прокофий Акинфиевич Демидов: Письма и документы, 1735–1786: К 300-летию со дня рождения / Предисл. А.С. Черкасовой; Коммент. А.В. Гришаевой, А.С. Черкасовой. Екатеринбург: Демидовский ин-т, 2010. 495 с.: факс., ил. (Памятники истории и языка: Наследие Демидовых; 3). На корешке загл. Сер.: Наследие Демидовых.
898. Российский архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. Новая серия / Сост. Т.В. Померанская. М.: Студия «Тритэ» Никиты Михалкова, 2009. Вып. 18. 615 с.: ил., портр., 32 л. ил., портр. *Из содерж.*: Письма британского купца Я.С. Вульфа барону И.А. Черкасову 1744 г. / Публ. К.А. Писаренко. С. 9–22; Памятная записка о визите датского посла К. фон Голштейна в Троице-Сергиеву лавру 1744 г. / Публ. К.А. Писаренко. С. 23–32; Секретные протоколы Сената об отмене смер-

- тной казни 1743–1744 гг. / Публ. К.А. Писаренко. С. 33–50; Письма обергофмейстера Х.В. Миниха Иоганне-Елизавете принцессе Ангальт-Цербстской 1745–1746 гг. / Публ. К.А. Писаренко. С. 51–105; Дипломатические хроники. Российские посланники о гелуэзской революции 1746–1747 гг. Реляции Л. Ланчинского; Ведомости Г. Гросса / Публ. К.А. Писаренко. С. 106–168; Указ императрицы Елизаветы Петровны бригадиру А.В. Беэру 1747 г. / Публ. К.А. Писаренко. С. 169–183; Письма барона И.А. Черкасова адмиралу М.М. Голицыну 1750–1754 гг. / Публ. К.А. Писаренко. С. 184–230; Как восстанавливался сгоревший Головинский дворец 1753 г. / Публ. К.А. Писаренко. С. 231–240; Царские камердинеры. 1755 г. / Публ. К.А. Писаренко. С. 241–257; Бумаги А.А. Прозоровского по делу Н.И. Новикова / Публ. А.К. Афанасьева. С. 567–595.
899. Российский архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. Новая серия / Сост. Т.В. Померанская. М.: Студия «Тритэ» Никиты Михалкова, 2010. Вып. 19. 759 с.: ил., портр.
Из содерж.: Памятная записка о завершении австро-русского конфликта из-за дела маркиза Боты. 1744 г. / Публ. К.А. Писаренко. С. 9–25; К истории создания русского фарфора: Челобитная А.М. Владыкина. 1748 г. / Публ. К.А. Писаренко. С. 26–40; Рапорт мичмана И. Токмачева. 1751 г. / Публ. К.А. Писаренко. С. 41–60; Дипломатические хроники. Реляции П.Г. Чернышева о смерти принца Уэльского Фридрика-Льюиса и премьер-министра Великобритании Генри Пелгэма. 1751, 1754 гг. / Публ. К.А. Писаренко. С. 61–92; Письма Андрея Михайловича Голицына вице-канцлеру М.Л. Воронцову: [лето 1757 – лето 1758 гг.] / Публ. К.А. Писаренко. С. 93–119; Список с Купчей графов Григория, Алексея, Федора и Ивана Григорьевичей Орловых. 14 февраля 1763 г. / Публ. А.К. Афанасьева. С. 703–707.
900. Северная война 1700–1721 гг.: Сб. документов / Под ред. Л.Г. Бескровного, Г.А. Куманева; Сост. Р.Е. Альтшуллер и др. М.: Объед. ред. МВД РФ, 2009. Т. 1. 1700–1709. 528 с.
901. Строевые уставы, инструкции и наставления русской армии XVIII века: Сб. материалов. В 2 т. / Сост., вступ. ст., комментарии К.В. Татарникова. М.: Рус. панорама, 2010.
Т. 1. 455 с.: ил.
Т. 2. 514 с.: ил.
902. *Татищев В.Н.* Избранные труды / Сост., авт. вступ. ст. «Василий Никитич Татищев» (с. 5–42) и коммент. А.Б. Каменский. М.: РОССПЭН, 2010. 487 с. (Б-ка отечеств. обществ. мысли с древнейших времен до начала XX века).
903. «Умоляю Ваше Величество не лишать меня своего доброго расположения»: Письма вел. княгини Натальи Алексеевны к императрице Екатерине II. 1773–1775 гг. / Публ. подгот. А.Н. Маслов, А.В. Морохин // Ист. архив. 2009. № 4. С. 207–212.
904. Уставы Российской Академии наук, 1724–2009 / Науч. рук. В.И. Васильев. М.: Наука, 2009. 367 с.
Из содерж.: Проект положения об учреждении Академии наук и художеств, 1724 г. С. 47–56; Регламент императорской Академии наук и художеств, 1747 г. С. 57–79.
905. *Чечулин Н.Д.* Русская провинция во второй половине XVIII века / Авт. вступ. ст. П.Л. Вахтина, О.С. Острой; Рос. нац. б-ка. СПб.: РНБ, 2010 836 с., 1 л. портр.: ил.

906. «Чтоб и астраханское купечество с киргиз-кайсаками в торгу участие иметь могло»: В.Н. Татищев и И.И. Неплюев: два подхода к развитию русско-казахской пограничной торговли. 1744 г. / Публ. И.В. Торопицына // Ист. архив. 2009. № 1. С. 188–198.
907. «Чтоб на Аральском море город построить»: Подготовка начальником Оренбургской комиссии В.Н. Татищевым экспедиции в Среднюю Азию. 1738–1739 гг. [Документы / Вступ. ст. и публ. И.В. Торопицына] // Ист. архив. 2009. № 6. С. 188–201.
908. *Шувалов П.И., Шувалов И.И.* Избранные труды / Сост., авт. комментарии С.В. Андрияйнен; Авт. вступ. ст. «Петр Иванович и Иван Иванович Шуваловы» С.В. Андрияйнен, А.Б. Каменский, с. 6–42 и «Археографического предисловия (с. 43–44). М.: РОССПЭН, 2010. 342 с. (Б-ка отечеств. обществ. мысли с древнейших времен до начала XX века).
909. *Щербатов М.М.* Избранные труды / Сост., авт. вступ. ст. «Михаил Михайлович Щербатов» (с. 5–26) и коммент. С.Г. Калинина. М.: РОССПЭН, 2010. 631 с. (Б-ка отечеств. обществ. мысли с древнейших времен до начала XX века).

СПЕЦИАЛИЗИРОВАННЫЕ СПРАВОЧНЫЕ ИЗДАНИЯ

910. Б. Франклин и К. Линней: Каталоги книжных выставок (Филосовский век: Альманах 35) / Сост. Е.А. Савельева; Отв. ред. Т.В. Артемьева, М.И. Микешин. СПб.: СПб центр истории идей, 2009. 39 с., 6 л. ил.
911. *Бантыш-Каменский Д.Н.* Словарь достопамятных людей Русской земли: В 4 т. СПб.: Рус. симфония: БАН, 2009. (Книжные памятники из фондов Б-ки Акад. наук; Вып. 23). В раздел «Публикации источников»? Подумать... А что, это критическое издание с никакими-то современными комментариями или перепечатка?
Т. 1. А – Д. 789 с., 1 л. портр.: ил.
Т. 2. Е – Пле. 800 с., 1 л. портр.: ил.
Т. 3. По – Я. 816 с.: ил.
Т. 4. Приложения. 696 с.
912. Библиотека М.В. Ломоносова: Науч. описание рукописей и печатных книг / Б-ка РАН; Науч. рук. В.П. Леонов; Отв. ред. И.М. Беляева; Сост. А.Е. Карначев и др. М.: Ломоносовъ, 2010. 279 с.: ил.
913. *Гусева А.А.* Свод русских книг кирилловской печати XVIII века типографий Москвы и Санкт-Петербурга и универсальная методика их идентификации. М.: Индрик, 2010. 1252 с.
Рец.: Кислова Е.И. // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2010. № 6. С. 166–170; Семеновкер Б.А. Фундаментальный книговедческий и библиографический труд // Библиография. 2010. № 6. С. 106–108.
914. *Емельянова Е.А.* Старообрядческие издания кирилловского шрифта конца XVIII – начала XIX в. М.: Пашков дом, 2010. 499 с.: ил. (Книжные памятники Рос. гос. б-ки).
915. *Личенко С.И.* Русская живопись XVIII века: Из собр. Калуж. обл. художеств. музея: Каталог. Калуга: Фридгельм, 2009. 87 с.: ил.

916. Ломоносов: Крат. энцикл. словарь / Авт.-сост. Э.П. Карпеев. 2-е изд., испр. и доп. М.: ОГИ, 2009. 479 с.: ил.
917. Материалы по истории русского военного мундира, 1730–1801: Сб. документов: В 2 т. / Сост. К. В. Татарников. М.: Рус. панорама, 2009.
Т. 1. 727 с.: ил.
Т. 2. 591 с.: ил.
918. *Морозова С.В.* Портрет в русской гравюре XVIII века: Из собрания Гос. ист. музея: Аннотир. альбом-каталог. М., 2010. 543 с.: ил.
919. Петровская гравюра: Из собрания Воронежского областного художественного музея им. И.Н. Крамского: Альбом-каталог / Авт.-сост. М.А. Кривцова. Воронеж: Кварт, 2010. 271 л. ил.
920. Полтавская победа в исторических и художественных памятниках: Из собр. Эрмитажа: [Альбом / Авт. текста В.Н. Васильев и др. Изд. доп. и испр.] СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2009. 75 с.: ил. (In brevi).
921. Ради пользы и славы Отечества: К 300-летию со дня рождения М.В. Ломоносова / Рос. нац. б-ка. СПб.: Рос. нац. б-ка, 2010. 64 с.: ил.
922. Редкие книги XVIII века: Каталог / Авт. статей и сост. С. Ничкало. Киев: Арт Эксклюзив, 2010. 435 с.: ил. Рус., укр., англ.
923. Русские издания гражданской печати XVIII века в хранилищах Хабаровского края: Каталог / Вступ. ст. «Русские издания гражданской печати XVIII века в хранилищах Хабаровского края» И.Ю. Фоменко (с. 3–5); Сост. Н.В. Радишаускайте, А.В. Воропаева, А.С. Даценко. Хабаровск: ДВГНБ, 2010. 137 с., 8 л. ил.
924. Словарь русских писателей XVIII века / Отв. ред. А.М. Панченко. СПб.: Наука, 2010. Вып. 3. Р–Я. 471 с.
925. *Тычинина Л.В., Бессарабова Н.В.* «...Она была рождена для больших дел»: Летопись жизни княгини Е.Р. Дашковой. М.: Моск. гуманитар. ин-т Е.Р. Дашковой, 2009. 312 с., 8 л. ил.

АВТОРЕФЕРАТЫ ДИССЕРТАЦИЙ

Докторские диссертации

926. *Белова А.В.* Повседневная жизнь провинциальной дворянки Центральной России (XVIII – середина XIX в.): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук / Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н.Миклухо-Маклая РАН. М., 2009. 66 с.
927. *Богатырев Э.Д.* Экспортноориентированная казенная промышленность России во второй половине XVII–XVIII вв.: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук / Мордов. гос. ун-т им. Н.П. Огарева. Саранск, 2010. 50 с.
928. *Дегтярева М.И.* Религиозно-философская мысль Жозефа де Местра в контексте формирования консервативных традиций Европы и России: Автореф. дис. ... д-ра филос. наук / Ин-т философии РАН. М., 2009. 54 с.
929. *Занин С.В.* Формирование и развитие общественного идеала Ж.-Ж. Руссо: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук / Самар. гос. ун-т. М., 2009. 42 с. Место защиты: Ин-т всеобщей истории РАН.

930. *Зорин А.Н.* Поэтика ремарки в русской драматургии XVIII–XIX веков: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Саратов. гос. ун-т им. Н.Г. Чернышевского. Саратов, 2010. 36 с.
931. *Коршунова Н.В.* Проекты реформ в России второй половины XVIII – первой четверти XIX в.: замысел и механизмы реализации: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук / Челябин. гос. пед. ун-т. М., 2010. 38 с. Место защиты: Моск. пед. гос. ун-т.
932. *Лылова М.Е.* Внешнеполитическая деятельность императрицы Екатерины Второй Великой (1762–1796 гг.): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук.
933. *Мазин К.А.* Эмиграционные процессы и формирование русского зарубежья в XVIII в.: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук / Рос. гос. ун-т туризма и сервиса. М., 2010. 41 с.
934. *Минаева Т.С.* Торговая конкуренция и таможенная политика России и Швеции в XVIII в.: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук / Поморский гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. Архангельск, 2010. 45 с.
935. *Немировская И.Д.* От русской комической оперы к «раннему» водевиллю: генезис, поэтика, взаимодействие жанров (середина XVIII – первая треть XIX в.): Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. / Полож. гос. социал.-гуманитар. акад. М., 2009. 39 с. Место защиты: Моск. гос. обл. ун-т.
936. *Осьмухина О.Ю.* Авторская маска в русской прозе 1760–1830-х гг.: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Мордов. гос. ун-т им. Н.П. Огарева. Саранск, 2009. 40 с. Место защиты: Мордов. гос. пед. ин-т им. М.Е. Евсевьева.
937. *Приказчикова Е.Е.* Культурные мифы и утопии в мемуарно-эпистолярной литературе русского Просвещения: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Урал. гос. ун-т им. А.М. Горького. Екатеринбург, 2010. 55 с.
938. *Серов Д.О.* Фискальская служба и прокуратура России первой трети XVIII в.: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук / Урал. гос. ун-т им. А.М. Горького. Екатеринбург, 2010. 49 с.
939. *Сиповская Н.В.* Фарфор в русской художественной культуре XVIII века: Автореф. дис. ... д-ра искусствознания / Гос. ин-т искусствознания. М., 2010. 52 с.
940. *Сиренов А.В.* Степенная книга и русская историческая мысль XVI–XVIII вв.: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук / С.-Петербург. гос. ун-т. СПб., 2010. 36 с.
941. *Фокина О.Н.* Эволюция древнерусского четьего сборника как народной книги в историко-литературном контексте XVII–XVIII вв.: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Урал. гос. ун-т им. А.М. Горького. Екатеринбург, 2009. 45 с.
942. *Чеботарев А.М.* Информационно-рекламная деятельность государственных и общественных организаций в России в XVIII веке: этапы развития, тенденции, особенности: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук / Моск. гуманитар. ун-т. М., 2009. 43 с.
943. *Шкунов В.Н.* Торгово-экономические отношения Российской империи с сопредельными странами Востока во второй половине XVIII – первой половине XIX в.: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук / Мордов. гос. ун-т им. Н.П. Огарева. Саранск, 2009. 53 с.
944. *Эрлихсон И.М.* Генезис идей социальной утопии в английской общественной мысли второй половины XVII – начала XVIII вв.: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук / Моск. пед. гос. ун-т. М., 2009. 50 с.

Кандидатские диссертации

945. *Агрatina Е.Е.* Александр Рослин и русская художественная среда: Автореф. дис. ... канд. искусствоведения / Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. М., 2009. 34 с.
946. *Акельев Е.В.* Городская преступная среда и опыт борьбы с ней в России и Франции первой половины XVIII в.: сравнительно-историческое исследование: Автореф. дис. ... канд. ист. наук / Ист.-арх. ин-т Рос. гос. гуманитар. ун-та. М., 2009. 26 с.
947. *Акуленко В.П.* Участие России в европейских военно-политических союзах (конец XVIII – начало XIX века): Автореф. дис. ... канд. ист. наук / Ин-т воен. истории М-ва обороны РФ. М., 2009. 31 с.
948. *Алексеев В.Н.* Графы Воронцовы в политической и общественной жизни России 2-й половины XVIII – 1-й половины XIX вв.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук / Владимир. гос. гуманитар. ун-т. Владимир, 2010. 23 с.
949. *Алексеева О.А.* Торговля и промыслы на Псковской земле в XVIII в. (1725–1800 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук / Сев.-Зап. Акад. гос. службы. СПб., 2009. 31 с.
950. *Аликаева Л.С.* Немецкий лингвофилософский дискурс XVIII столетия (концепция Й.Г. Гаманна): Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Кабардино-Балкар. гос. ун-т им. Х.М. Бербекова. Нальчик, 2009. 22 с.
951. *Андрейчук С.В.* Сибирский корпус в системе военной безопасности на юге Западной Сибири (1745–1808 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук / Алт. гос. техн. ун-т им. И.И. Ползунова. Барнаул, 2010. 23 с.
952. *Анисимов В.В.* Деятельность государственных органов по военно-правовому обеспечению строительства регулярной армии в России в XVIII веке: Автореф. дис. ... канд. ист. наук / Военный ун-т. М., 2010. 27 с.
953. *Антилогова Е.С.* Повседневная жизнь женщин высших сословий России конца XVII – начала XVIII веков: Автореф. дис. ... канд. ист. наук / Моск. гуманитар. ун-т. М., 2009. 23 с.
954. *Аржанов А.П.* Становление субъективности в русской прозе XVIII века: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Самар. гос. ун-т. Самара, 2008. 16 с.
955. *Ахмедова З.А.* Государственно-правовые взгляды И.Г. Посошкова: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Рос. акад. правосудия. М., 2009. 18 с.
956. *Багамаева Д.М.* Народы Северо-Западного Кавказа во взаимоотношениях России с Османской империей (конец 60-х гг. XVIII – 20-е гг. XIX вв.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. / Дагест. гос. пед. ун-т. Махачкала, 2010. 26 с. Место защиты: Ин-т истории, археологии и этнографии Дагест. НЦ РАН.
957. *Бадаева Л.А.* Социально-экономическое развитие и политические взаимоотношения народов Северо-Восточного Кавказа с Россией (1774–1813 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук / Чечен. гос. ун-т. Махачкала, 2009. 26 с. Место защиты: Ин-т истории, археологии и этнографии Дагест. НЦ РАН.
958. *Басков В.И.* Проблема «естественных границ» во взаимоотношении Франции со Священной Римской империей в период Великой Французской революции: Автореф. дис. ... канд. ист. наук / Моск. пед. гос. ун-т. М., 2009. 24 с.

959. *Безрядина Е.В.* Формирование классического стиля в клавирной музыке XVIII века: Автореф. дис. ... канд. искусствоведения / Саратов. гос. консерватория им. Л.В. Собинова. Саратов, 2009. 23 с.
960. *Бодров С.С.* Организация воспитательной среды в закрытых учебных заведениях России второй половины XVIII в.: Автореф. дис. ... канд. пед. наук / Елец. гос. ун-т им. И.А. Бунина. Елец, 2009. 26 с.
961. *Бояркина А.В.* Письма В.А. Моцарта в лингвистическом и текстуральном аспектах: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Санкт-Петербург. гос. ун-т. СПб., 2010. 24 с.
962. *Бугров К.Д.* Идеология и политический лексикон реформаторских проектов Н.И. Панина (60–80-ые гг. XVIII в.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук / Урал. гос. ун-т им. А.М. Горького. Екатеринбург, 2010. 27 с.
963. *Бурмистрова Е.В.* Жанр стихотворного изречения в творчестве И.В. Гёте: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Санкт-Петербург. гос. ун-т. СПб., 2009. 17 с.
964. *Василевич Е.В.* Оссианизм в европейском ландшафтном искусстве второй половины XVIII–XIX веков: Автореф. дис. ... канд. искусствоведения / Рос. гос. пед. ун-т им. А.И. Герцена. СПб., 2010. 26 с.
965. *Васильева Е.Н.* Монтескье и Россия: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Автореф. дис. ... канд. филол. наук / С.-Петербург. гос. ун-т. СПб., 2010. 20 с.
966. *Вдовин Е.А.* Трансформация обрядовой культуры мордвы XVIII–XIX веков в условиях двоеверия: Автореф. дис. ... канд. культурологии / Мордов. гос. ун-т им. Н.Н. Огарева. Саранск, 2009. 18 с.
967. *Востриков А.В.* Взаимодействие русской и французской культур в российской городской среде (1701–1796 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук / Казан. гос. ун-т культуры и искусств. Казань, 2009. 22 с.
968. *Гайдак С.Н.* Хоровая музыка как доминанта русской музыкальной культуры XVII–XVIII веков: Автореф. дис. ... канд. искусствоведения / Саратов. гос. консерватория им. Л. В. Собинова. Саратов, 2010. 25 с.
969. *Гауч О.Н.* Семантико-этимологическая интерпретация предметно-бытовой лексики второй половины XVIII в.: (на материале ТФГАТО): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тюмень, 2009. 20 с.
970. *Глоба Т.А.* Философская мысль в России во II половине XVIII века (Г.С. Сковорода и Я.П. Козельский): Автореф. дис. ... канд. филос. наук / Мурман. гос. техн. ун-т. Мурманск, 2009. 22 с.
971. *Голицына О.Ю.* Медицина в культуре России XVIII века: Автореф. дис. ... канд. ист. наук / Волгогр. гос. мед. ун-т. Волгоград, 2009. 28 с.
972. *Горбунова Н.В.* Донское дворянство XVIII – первой половины XIX вв.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук / Южный Федерал. ун-т. Ростов н/Д., 2008. 29 с.
973. *Гукова Е.А.* Оборона южных рубежей России в XVIII веке: Украинская линия и Украинский ландмилицкий корпус (1710–1780 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук / Моск. гуманитар. ун-т. М., 2009. 27 с.
974. *Гулякова И.В.* Записки Уильяма Кокса второй половины XVIII века о его путешествии в Россию как исторический источник: Автореф. дис. ... канд. ист. наук / Рязанский гос. ун-т им. С.А. Есенина. Н. Новгород, 2009. 29 с. Место защиты: Нижегород. гос. архитектур.-строит. ун-т.

975. *Демидовская А.Е.* Женское образование во Франции XVIII века: Автореф. дис. ... канд. пед. наук / Архангельский гос. техн. ун-т. Архангельск, 2009. 22 с.
976. *Демина В.Н.* Музыка «викториальных» торжеств эпохи Петра I (о путях становления русской светской культуры): Автореф. дис... канд. искусствovedения / Рост. гос. консерватория (акад.) им. С.В. Рахманинова. Ростов-на-Дону, 2009. 24 с.
977. *Дубровская Е.А.* Эволюция дворянской усадьбы конца XVIII – первой трети XIX в. На примере Архангельского: Автореф. дис. ... канд. ист. наук / Моск. пед. гос. ун-т. М., 2009. 16 с.
978. *Думенко О.Е.* Сиротские суды Тверской губернии в последней четверти XVIII – первой половине XIX века: Автореф. дис. ... канд. ист. наук / С.-Петербур. гос. ун-т. СПб., 2010. 22 с.
979. *Дьячкова И.Н.* Имена числительные: состав, структура и функционирование в русском литературном языке XVIII века: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Санкт-Петербур. гос. ун-т. СПб., 2009. 22 с.
980. *Евстратов А.Г.* Екатерина II и русская придворная драматургия в 1760-х – начале 1770-х годов: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Ин-т высш. гуманитар. исследований им. Е.М. Мелетинского Рос. гос. гуманитар. ун-та. М., 2009. 24 с.
981. *Зотов С.В.* Деятельность государственных и военных органов по укреплению дисциплины в русской армии во второй половине XVIII в.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук / Военный ун-т. М., 2010. 24 с.
982. *Иголкин И.Ю.* Российско-французские отношения в конце XVIII – начале XIX веков: Автореф. дис. ... канд. ист. наук / Воронеж. гос. ун-т. Воронеж, 2010. 26 с.
983. *Ильюшенкова Л.А.* Лексико-семантические процессы в русском литературном языке второй половины XVIII века (на материале языка «Записок» Г.Р. Державина): Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Моск. пед. гос. ун-т. М., 2010. 26 с.
984. *Илюшина М.Ю.* Мамлюкский политический режим в Египте в XVIII веке (1711–1798 гг.): основные направления внутренней и внешней политики: Автореф. дис. ... канд. ист. наук / С.-Петербур. гос. ун-т. СПб., 2009. 23 с.
985. *Исаков А.А.* Философские идеи нестяжательства и «ученого монашества» второй половины XVIII века: единство и своеобразие: Автореф. дис. ... канд. философ. наук / Нижегород. гос. пед. ун-т. Н. Новгород, 2009. 21 с.
986. *Казакова В.В.* Частные собрания декоративно-прикладного искусства в контексте русской культуры XVIII – первой половины XIX вв.: Автореф. дис. ... канд. искусствovedения / Санкт-Петербур. гос. художест.-промышленная акад. им. А.Л. Штиглица. СПб., 2009. 24 с.
987. *Калинина И.А.* Проблема свободы личности в государственно-правовых взглядах Канта: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Тамб. гос. ун-т им. Г.Р. Державина. Тамбов, 2009. 22 с.
988. *Калугин Д.Я.* Русские биографии второй половины XVIII – первой половины XIX в. Генеалогия. Структура. Практика: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Рос. гос. гуманитар. ун-т. М., 2009. 26 с.
989. *Карвелис М.А.* Массонская символика в русской культуре XVIII – начале XIX вв.: Автореф. дис. ... канд. культурологии / Санкт-Петербур. гос. ун-т культуры и искусств. СПб., 2010. 19 с.

990. *Карпова И.Л.* Газета «Московские ведомости» как источник по истории отечественного книжного дела второй половины XVIII века: Автореф. дис. ... канд. ист. наук / Рос. гос. б-ка. М., 2009. 20 с.
991. *Карсакова Т.Н.* Типология и стилистика украшений в России XVIII века: от ювелирного костюма к ювелирному предмету: Автореф. дис. ... канд. искусствоведения / Гос. ин-т искусствознания. М., 2010. 26 с.
992. *Кемпер Д.* Поэтика автобиографического повествования: автобиография И.В. Гёте в типологическом освещении: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Рос. гос. гуманитар. ун-т. М., 2010. 24 с.
993. *Киселев М.А.* Возникновение российского промышленного законодательства в 1-й четверти XVIII в.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук / Урал. гос. ун-т им. А.М. Горького. Екатеринбург, 2010. 25 с.
994. *Коковин И.С.* Особенности формирования социально-философского дискурса в России XVIII-го века: Автореф. дис. ... канд. филос. наук / Новосибир. гос. ун-т экономики и упр. – НИИХ. Новосибирск, 2010. 26 с. Место защиты: Новосибир. гос. техн. ун-т.
995. *Королев А.В.* Религиозно-политические взгляды С.Т. Кольриджа: Автореф. дис. ... канд. ист. наук / Саратов. гос. ун-т им. Н.Г. Чернышевского. Саратов, 2010. 27 с.
996. *Краснова С.Г.* Семантическая архаизация заимствованных слов русского языка XVIII века (по разновременным лексикографическим источникам): Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Казан. гос. техн. ун-т им. А.Н. Туполева. Казань, 2010. 25 с. Место защиты: Татар. гос. гуманитарно-пед. ун-т.
997. *Кувшинова Н.В.* Нравственные основания мировоззренческих идей Н.М. Карамзина: Автореф. дис. ... канд. филос. наук / Шуйский гос. пед. ун-т. Шуя, 2009. 22 с.
998. *Кудреватых А.Н.* Эволюция психологизма в прозе Н.М. Карамзина: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Урал. гос. пед. ун-т. Екатеринбург, 2009. 21 с.
999. *Кузьмин Е.П.* Воеводское управление в Марийском крае в XVIII веке: Автореф. дис. ... канд. ист. наук / Чуваш. гос. ун-т им. И.Н. Ульянова. Чебоксары, 2009. 23 с.
1000. *Кулаков В.О.* Роль Астрахани в государственной политике России в отношении Персии в первой половине XVIII века: Автореф. дис. ... канд. ист. наук / Астраханский гос. ун-т. Астрахань, 2010. 18 с.
1001. *Куликова В.Ф.* Политическая ситуация на Украине в начале XVIII века и украинский поход Карла XII (1708–1709 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук / Санкт-Петерб. гос. ун-т. СПб., 2009. 20 с.
1002. *Куприянова О.И.* Правовое положение иностранцев в России в XVI–XVIII вв.: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. М., 2010. 26 с.
1003. *Лебедев А.А.* Создание и действия Азовской флотилии в русско-турецкой войне 1768–1774 гг.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук / Санкт-Петерб. гос. ун-т. СПб., 2009. 31 с.
1004. *Левшина О.Н.* Рецепция американской культуры в России в XVIII–XIX вв.: Автореф. дис. ... канд. филос. наук / Рос. гос. пед. ун-т им. А. И. Герцена. СПб., 2009. 21 с.

1005. *Лобко С.И.* Н.В. Репнин – государственный деятель России второй половины XVIII века: Автореф. дис. ... канд. ист. наук / Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. М., 2010. 21 с.
1006. *Логунова М.О.* Траурный церемониал в Российской империи в XVIII–XIX вв.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук / Сев.-Зап. акад. гос. службы. СПб., 2010. 21 с.
1007. *Луканина О.Н.* Эволюция представлений о природе «женского» в западноевропейской культуре (эпоха Просвещения – эпоха Постмодерна): Автореф. дис. ... канд. филос. наук / Моск. гос. ун-т культуры и искусств. М., 2010. 23 с.
1008. *Максимова М.С.* Искусство шинуазри в контексте европейской художественной практики XVIII столетия: Автореф. дис. ... канд. искусствоведения / Санкт-Петерб. гос. художеств.-пром. акад. им. А.Л. Штиглица. СПб., 2009. 21 с.
1009. *Мальцев И.А.* Рабство в Сибири и Оренбургском крае в XVIII – первой половине XIX вв.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук / Санкт-Петерб. ин-т истории РАН. СПб., 2009. 25 с.
1010. *Манойленко Ю.Е.* Русская артиллерия в первой трети XVIII века: Автореф. дис. ... канд. ист. наук / Рос. гос. пед. ун-т им. А.И. Герцена. СПб., 2010. 27 с.
1011. *Мансурова Ю.В.* Казанская Адмиралтейская слобода в XVIII–XIX вв.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук / Казан. гос. ун-т. Казань, 2010. 23 с. Место защиты: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН Респ. Татарстан.
1012. *Маркова И.В.* Литературная критика и драматургия Артура Мэрфи в контексте эстетических исканий английского Просвещения: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Вятский гос. гуманитар. ун-т. Самара, 2009. 18 с. Место защиты: Поволж. гос. соц.-гуманитар. акад.
1013. *Меер Е.С.* Альфред Коббен как историк французской революции конца XVIII века: Автореф. дис. ... канд. ист. наук / Краснояр. гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева. Красноярск, 2010. 31 с. Место защиты: Томский гос. ун-т.
1014. *Милованов К.Ю.* Концепция правового государства в философско-исторической мысли Просвещения: Автореф. дис. ... канд. ист. наук / Моск. гос. обл. ун-т. М., 2009. 28 с.
1015. *Мурашов И.Ю.* Властные полномочия российского монарха в правление Елизаветы Петровны: Автореф. дис. ... канд. ист. наук / Омский гос. ун-т им. Ф.М. Достоевского. Омск, 2010. 26 с.
1016. *Назаренко Б.А.* Государственно-правовые взгляды М.М. Щербатова: (ист. правовое исслед.): Автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Моск. гос. юрид. акад. им. О.Е. Кутафина. М., 2009. 25 с.
1017. *Наймарк Е.А.* Фейерверки в официальных торжествах России первой половины XVIII века: Автореф. дис. ... канд. ист. наук / Санкт-Петерб. гос. ун-т. СПб., 2010. 26 с.
1018. *Наумова Г.А.* Дворянские и купеческие усадьбы Подольского уезда Московской губернии в культурной жизни пореформенной России (1861–1917 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук / Ин-т российской истории РАН. М., 2009. 34 с.
1019. *Никитина О.В.* Петиметр: щегольская культура в России второй половины XVIII века: Автореф. дис. ... канд. культурологии / Гос. ин-т искусствознания М-ва культуры РФ. М., 2010. 30 с.

1020. *Петровская О.В.* Эволюция российской государственности на рубеже XVIII–XIX веков: либеральная и консервативная тенденции: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Моск. гос. юрид. акад. им. О.Е. Кутафина. М., 2010. 22 с.
1021. *Приходько И.Н.* Законодательные акты и делопроизводственная документация как исторический источник по налоговой политике правительства в первой четверти XVIII века: (на примере Западной Сибири): Автореф. дис. ... канд. ист. наук / Тюмен. гос. акад. культуры, искусств и социал. технологий. Челябинск, 2010. 26 с. Место защиты: Юж.-Урал. гос. ун-т.
1022. *Прокопьева Л.Б.* М.Н. Муравьев и античность: (Гораций и Вергилий в переводах и творчестве писателя): Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Томский гос. ун-т. Томск, 2010. 26 с.
1023. *Проскуракова М.Е.* Российские крепости и гарнизоны в Выборгской Карелии в первой половине XVIII века: Автореф. дис. ... канд. ист. наук / Петрозавод. гос. ун-т. СПб., 2009. 30 с. Место защиты: Санкт-Петерб. ин-т истории.
1024. *Рыбакова А.А.* Экспрессивно-семантическая структура русской эпиграммы XVIII–XIX веков и ее лексические, фразеологические средства: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Армавир. гос. пед. ун-т. Ставрополь, 2009. 26 с. Место защиты: Ставропольский гос. ун-т.
1025. *Сенькина А.А.* «Книга для чтения» как вид учебного пособия для начального обучения: вопросы типологии и истории издания (конец XVIII – первая половина XIX вв.): Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Санкт-Петерб. гос. ун-т культуры и искусств. СПб., 2010. 24 с.
1026. *Сидоренко Л.В.* Монархия и кабинет министров Великобритании: проблема взаимоотношений в 1760–1783 гг.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук / Санкт-Петерб. гос. ун-т. СПб., 2009. 23 с.
1027. *Смирнова Н.В.* Развитие терминологии гражданского и административного права в русском языке XVIII века: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Помор. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. Архангельск, 2009. 21 с.
1028. *Сотавов М.Н.* Крымское ханство в русско-турецких отношениях 1700–1783 гг. в свете влияния их на Дагестан: Автореф. дис. ... канд. ист. наук / Дагест. гос. ун-т. Махачкала, 2010. 26 с. Место защиты: Ин-т истории, археологии и этнографии Дагест. ИЦ РАН.
1029. *Стаму П.Н.* Офицер Ламброс Кацонис и легкая российская флотилия в Средиземном море: Автореф. дис. ... канд. ист. наук / Санкт-Петерб. ин-т истории РАН. СПб., 2009. 27 с.
1030. *Стефко М.С.* Европейское путешествие как феномен русской дворянской культуры конца XVIII – первой четверти XIX веков: Автореф. дис. ... канд. ист. наук / Ин-т рос. истории РАН. М., 2010. 28 с.
1031. *Стеценко Н.К.* Северокавказская политика России в царствование императрицы Екатерины II: Автореф. дис. ... канд. ист. наук / Пятигорский гос. технол. ун-т. Пятигорск, 2009. 25 с.
1032. *Стрекалов Д.В.* Социально-демографическое развитие губернского города Тамбова в конце XVIII – первой половине XIX вв.: / Тамбовский гос. ун-т им. Г.Р. Державина. Тамбов, 2010. 24 с.
1033. *Теряева Е.В.* Служащее дворянство Орловской губернии второй половины XVIII – первой половины XIX вв.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук / Орлов. гос. ун-т. Орел, 2009. 21 с.

1034. *Трефилов Е.Н.* Представления о царской власти участников народных бунтов петровского времени: Автореф. дис. ... канд. ист. наук / Рос. гос. гуманитар. ун-т. М., 2010. 23 с.
1035. *Ушакова К.М.* Терминология русской риторики как учения о речи (вторая половина XVIII – первая половина XIX вв.): Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Гос. ин-т рус. яз. им. А.С. Пушкина. М., 2009. 24 с.
1036. *Федорова М.М.* Ростовская иконопись на эмали XVIII–XIX вв.: Автореф. дис. ... канд. культурологии / Яросл. гос. пед. ун-т им. К.Д. Ушинского. Ярославль, 2009. 23 с.
1037. *Федотова Л.Л.* Русская национальная идея в героическом эпосе М.М. Хераскова: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Моск. гос. гуманитар. ун-т им. М.А. Шолохова. М., 2009. 29 с.
1038. *Фуражева Н.С.* Культура общения в русской дворянской усадьбе в конце XVIII – первой половине XIX века: Автореф. дис. ... канд. культурологии / Гос. академия славянской культуры. М., 2009. 25 с.
1039. *Халтурин Ю.Л.* Философия русских масонов конца XVIII – начала XIX веков: критическая реконструкция: Автореф. дис. ... канд. философ. наук / Урал. гос. ун-т им. А.М. Горького. Екатеринбург, 2010. 20 с.
1040. *Харлушина А.А.* Функции тематического комплекса «свет» в системе торжественной оды М.В. Ломоносова: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Удмурт. гос. ун-т. Ижевск, 2010. 18 с.: ил.
1041. *Хуан Мин-Хун.* Образ Петра I в русском изобразительном искусстве XVIII – начала XX века: Автореф. дис. ... канд. искусствоведения / Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. М., 2010. 25 с.
1042. *Цейтлина М.В.* Пейзажный рисунок как явление изобразительного искусства венецианской художественной школы XVIII в. Проблемы формирования и специфики: Автореф. дис. ... канд. искусствоведения / С.-Петерб. гос. акад. ин-т живописи, скульптуры и архитектуры им. И.Е. Репина. СПб., 2010. 25 с. Место защиты: С.-Петерб. гос. художест.-промышлен. акад. им. А.Л. Штиглица.
1043. *Цыганкин Г.С.* Заводская усадьба Замосковского горного округа конца XVIII – первой половины XIX вв.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук / Мордов. гос. ун-т им. Н.П. Огарева. Саранск, 2009. 23 с.
1044. *Цырульников Д.Е.* Социальное и экономическое развитие г. Брянска в конце XVII – первой четверти XVIII века: Автореф. дис. ... канд. ист. наук / Брянский гос. ун-т им. акад. И.Г. Петровского. Брянск, 2010. 20 с.
1045. *Черновол М.П.* Познание ребенком окружающего мира в педагогической теории Ж.-Ж. Руссо: Автореф. дис. ... канд. пед. наук / Елец. гос. ун-т им. И.А. Бунина. Елец, 2009. 24 с.
1046. *Чуносова А.А.* Стилеобразование поэтических текстов XVIII–XIX веков (на материале произведений Г.Р. Державина): Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Воронеж. гос. ун-т. Воронеж, 2010. 23 с.
1047. *Шевченко Е.А.* История воронежского наместничества (1779–1796 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук / Воронеж. гос. ун-т. Тамбов, 2009. 23 с. – Место защиты: Тамб. гос. ун-т им. Г.Р. Державина.
1048. *Яхшибекян Д.Д.* Роль армянского купечества в торгово-экономических взаимоотношениях Дагестана с Россией в XVIII – первой половине XIX в.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук / Дагест. гос. пед. ун-т. Махачкала, 2010. 30 с. Место защиты: Ин-т истории, археологии и этнографии Дагест. ИЦ РАН.

КАТАЛОГИ И ОБЗОРЫ ВЫСТАВОК

1049. Елизавета Петровна и Москва: [Каталог выставки 9 дек. 2010–27 марта 2011] / Гос. Третьяковская галерея. М.: Арт-Волхонка, 2010. 219 с.: ил.
Содерж.: Маркина Л.А. Елизавета Петровна и Москва. С. 5–10; Москвичка – дочь Петра Великого: Маркина Л.А. «Младые лета» в древней столице. С. 15–17; «Охотничьи забавы» цесаревны. С. 29–31; Императрица на российском троне: Палтусова И.Н. Коронация. С. 43–46; Маркина Л.А. Двор и окружение. С. 67–69; Степанова С.С. Государыня и церковь. С. 95–98; Болотина Н.Ю. Семейство Разумовских. С. 113–117; Долгова С.Р. Малый двор: московские события. С. 125–129; «Дщерь Петра» – покровительница наук и художеств: Седов В.В. Елизаветинское барокко. С. 137–142; Горохова Е.Г. Искусства и образование. С. 155–160; Маркина Л.А. Женский мир императрицы. С. 175–178; Преснова Н.Г. Подмосковные усадьбы. С. 189–192; Приложения: Хроника пребывания Елизаветы Петровны в Москве: по материалам камер-фурьерских журналов XVIII века и другим источникам. С. 203–209; Москва в указах, 1741–1761. С. 211–217; Список сокращений. С. 218.
1050. Путь Петра. От Руси до России: Каталог выставки, май – июнь 2009. СПб.: Максима, 2009. 207 с.: ил.
1051. Ради пользы и славы Отечества: К 300-летию со дня рождения М.В. Ломоносова: Каталог выставки / Рос. нац. б-ка. СПб.: Рос. нац. б-ка, 2010. 64 с.: ил.
1052. «Северная виктория» – «The perfect victory»: К 300-летию Полтавского сражения: Каталог выставки / Гос. Эрмитаж, Гос. ист.-культурный музей-заповедник «Моск. Кремль»; Общ. науч. ред. Г.В. Вилинбахов. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2009. 399 с.: ил.

СПЕЦИАЛИЗИРОВАННЫЕ УЧЕБНЫЕ ПОСОБИЯ

1053. Бухаркин П.Е. История русской литературы XVIII века: Петровская эпоха: Учеб.-метод. комплекс по курсу «История русской литературы XVIII века». СПб.: Фак. филологии и искусств СПбГУ, 2009. 498 с. (Русский мир: учеб. для высш. школы).
1054. Гуськов Н.А. А.П. Сумароков. Биография. Формирование литературной позиции: Учеб. пособие по курсу «История рус. лит. XVIII в.». СПб.: Фак. филологии и искусств СПбГУ, 2009. 24 с.
1055. Гуськов Н.А. А.П. Сумароков. Духовная поэзия: Учеб. пособие по курсу «История рус. лит. XVIII в.». СПб.: Фак. филологии и искусств СПбГУ, 2009. 58 с.
1056. Гуськов Н.А. А.П. Сумароков. Личность. Эстетические взгляды: Учеб. пособие по курсу «История рус. лит. XVIII в.». СПб.: Фак. филологии и искусств СПбГУ, 2009. 28 с.
1057. Гуськов Н.А. История русской литературы XVIII века: Учебная книга: Учебно-метод. комплекс по курсу «История русской литературы

- XVIII века». СПб.: Фак. филологии и искусств СПбГУ, 2009. 566 с. (Русский мир: учеб. для высш. школы).
1058. Зарубежная литература и культура эпохи Просвещения: Учебник / В.Д. Алташина, И.В. Лукьянец, Л.Н. Полубояринова, А.А. Чамеев. М.: Академия, 2010. 240 с. (Высш. профес. образование. пед. специальности).
1059. *Ионайтис О.Б.* Философия науки в России в XVIII веке: Учеб. пособие. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2010. 110 с.
1060. *Курочкин А.Е.* Строгановы в XVIII веке: [Учеб. пособие для всех спец. вузов]. М.: МИИТ, 2009. 176 с.
1061. *Курукин И.В.* История России, XVIII век: Учеб. пособие. М.: Дрофа, 2010. 254 с.: ил. (Высш. образование).
1062. *Лоскутникова М.Б.* Русское литературоведение XVIII–XIX веков: истоки, развитие, формирование методологий: Учеб. пособие. М.: Флинта: Наука, 2009. 352 с.
Рец.: Ларионова М.Ч. // Изв. Южного федер. ун-та. Филол. науки. Ростов н/Д, 2010. № 4. С. 191–193.
1063. *Максимова А.Е.* Русский балетный театр екатерининских времен. Россия – Запад: Учеб. пособие для педагогов и студентов. М.: Композитор, 2010. 418 с.: нот. ил.
Рец.: Малинина Г.М. О балете времен Екатерины II // Старинная музыка. 2010. № 4. С. 32.
1064. *Мальшева Л.Г.* История зарубежной литературы XVII–XVIII веков. Русско-немецкие литературные связи: Учеб. пособие для студентов филол. фак. Томск: Изд-во ТГПУ, 2010. 151 с. Текст рус., нем.
1065. *Матвеев Е.М.* Русская ораторская проза середины XVIII века: (Панегирик в светской и духовной литературе). СПб.: СПбГУ, 2009. 139 с.
1066. *Молодцова М.* Карло Гольдони: Очерк творчества: Учеб. пособие. СПб.: Изд-во СПбГАТИ, 2009. 208 с.
1067. *Поляков О.Ю.* Английская литературная критика XVIII века: Учеб. пособие для студентов специальностей 031001 «Филология», 050301 «Русский язык и литература» с дополнительной специальностью 050303.65 «Иностранный язык». Киров: Изд-во Вятского гос. гуманитарного ун-та, 2010. 255 с.
1068. *Строилова А.Г.* Поэма Юнга «The complaint, or Night thoughts» и формирование русской переводческой школы в конце XVIII – начале XIX вв.: Учеб. пособие. Кемерово: КГУ, 2010. 86 с.
1069. *Томсинов В.А.* Юридическое образование и юриспруденция в России в XVIII столетии: Учеб. пособие. М.: Зерцало-М, 2010. 215 с.

РЕЦЕНЗИИ

1070. *Архангельская А.В.* [Рец. на кн.: *Вачева А.* Романът на императрицата: Романовият дискурс в автобиографичните записки на Екатерина II: Ракурси на четене през втората половина на XIX век. София, 2008] // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2010. № 2. С. 143–146.

1071. *Боленко К.Г.* [Рец. на кн.: *Костюхина М.С.* Золотое зеркало: Русская литература для детей XVIII–XIX вв. М.: ОГИ, 2008] // Новое лит. обозрение. 2010. № 5 (105). С. 353–355.
1072. *Веселова А.Ю.* Н.А. Львов: гений вкуса и места: [Рец. на кн.: *Милюгина Е.Г., Строганов М.В.* Гений вкуса: Н.А. Львов. Итоги и проблемы изучения. Тверь, 2008] // Рус. лит. 2010. № 3. С. 196–199.
1073. *Гопман В.Л.* [Рец. на кн.: *Соловьева Н.А.* Англия XVIII века: разум и чувство в художественном сознании эпохи. М.: Формула права, 2008] // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2010. № 1. С. 203–206.
1074. *Зиновьева Е.* [Рец. на кн.: *Воронов В.Г.* Иван Старов – главный архитектор эпохи Екатерины Великой. СПб.: Искусство-СПб, 2008] // Нева. 2009. № 3. С. 253–254.
1075. *Исаков В.А.* [Рец. на кн.: *Орлов А.А.* «Теперь вижу англичан вблизи...»: Британия и британцы в представлениях россиян о мире и о себе (вторая половина XVIII – первая половина XIX вв.). Очерки. М., 2008] // Вопр. истории. 2009. № 7. С. 168–169.
1076. *Клейн И.* «Письма русского путешественника» как документальный источник: [Рец. на кн.: *Panofsky G.S. Nikolai Mikhailovich Karamzin in Germany: Fiction as facts.* Wiesbaden, 2010.] // Новое лит. обозрение. 2010. № 5 (105). С. 334–337.
1077. *Любичанский С.* [Рец. на кн.: *Воропанов В.А.* Суд и правосудие в Российской империи во второй половине XVIII – первой половине XIX вв.: Региональный аспект: Урал и Западная Сибирь (опыт сравнительно-сопоставительного анализа). Челябинск: Изд-во Челяб. ин-та (филиал) ФГОУ ВПО «Урал. акад. гос. службы», 2008] // Ab Imperio. 2009. № 4. С. 385–390.
1078. *Марков А.* [Рец. на кн.: *Калинников Л.А.* Иммануил Кант в русской поэзии: (филос.-эстет. этюды). М.: Канон+, 2008] // Новое лит. обозрение. 2009. № 1 (95). С. 354–356.
1079. *Марков А.* [Рец. на кн.: Человек в культуре русского барокко: Сб. ст. по материалам междунар. конф. / Отв. ред. М.С. Киселева. М.: ИФ, 2007] // Вопр. лит. 2009. № 3. С. 482–485.
1080. *Мезин С.А.* [Рец. на кн.: *Кротов П.А.* Основание Санкт-Петербурга: Загадки старинной рукописи. СПб., 2006] // Рос. история. 2009. № 2. С. 181–183.
1081. *Мнацаканян К.А.* [Рец. на кн.: Русско-европейские литературные связи: Энцикл. словарь. СПб.: Фак. филологии и искусств СПбГУ, 2008] // Вестн. Православного Свято-Тихонов. ун-та. Сер. 3. Филология. 2010. № 1. С. 103–106.
1082. *Науменко Т.* Моцарт в пространстве времен: [Рец. на кн.: *Луцкер П.* Моцарт и его время. М.: Издат. дом «Классика-XXI», 2008] // Муз. академия. 2009. № 3. С. 132–134.
1083. *Петрова М.А.* [Рец. на кн.: *Beales D.* Joseph II. Vol. 2. Against the world, 1780–1790. Cambridge, 2009] // Новая и новейшая история. 2010. № 1. С. 233–237.
1084. *Поляков О.Ю.* Английское просвещение в зеркале романной поэтики: [Рец. на кн.: *Соловьева Н.А.* Англия XVIII века: разум и чувство в художественном сознании эпохи. М.: Формула права, 2008] // Вестн. Вятского гос. гуманитар. ун-та. 2009. № 4. С. 176–177.

1085. *Ранчин А.М.* [Рец. на кн.: *Малжк Э.* Разыскания по русской литературе XVII–XVIII вв.: Забытые и малоизученные произведения. СПб.: Дмитрий Буланин, 2008] // Новое лит. обозрение. 2009. № 3 (97). С. 391–393.
1086. [Рец. на кн.: *Гусельникова М.В., Калинин М.* Державин и Заболоцкий. Самара: Изд-во Самар. ун-та, 2008] // Новое лит. обозрение. 2009. № 4 (98). С. 346–349. Подпись: И. Т.
1087. *Салуцкий А.* [Рец. на кн.: *Никольский С.А., Филимонов В.П.* Русское мировоззрение: смыслы и ценности рос. жизни в отечеств. лит. в философии XVIII – середины XIX столетия. М.: Прогресс-Традиция, 2008] // Вопр. философии. 2009. № 9. С. 175–177.
1088. *Смолицкая О.* [Рец. на кн.: *Чекалов К.А.* Формирование массовой литературы во Франции XVII – первая треть XVIII в. М.: ИМЛИ РАН, 2008] // Новое лит. обозрение. 2009. № 3 (97). С. 410–412.
1089. *Таньшина Н.П.* [Рец. на кн.: *Орлов А.А.* «Теперь вижу англичан вблизи...»: Британия и британцы в представлениях россиян о мире и о себе (вторая половина XVIII – первая половина XIX вв.). Очерки. М., 2008] // Новая и новейшая история. 2009. № 1. С. 235–237.
1090. *Чевтаев А.Г.* [Рец. на кн.: Демидовский временник: Ист. альманах. Екатеринбург, 2006. Кн. 2] // Вопр. истории. 2010. № 2. С. 173–175.
1091. *Щукин В.Г.* [Рец. на кн.: *Пезенти М.К.* Комедия дель арте и жанр интермедии в русском любительском театре XVIII века / Пер. с итал. А.О. Демина. СПб.: Балтийские сезоны, 2008] // Новое лит. обозрение. 2010. № 5 (105). С. 358–360.
1092. *Яценко Л.И.* [Рец. на кн.: *Боук Б.Дж.* Imperial Boundaries: Cossack Communities and Empire-Building in the Age of Peter the Great: [Имперское пограничье: казачьи общности и имперское строительство в эпоху Петра Великого]. Кембридж, 2009] // Ab Imperio. 2010. № 4. С. 558–566.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Абрамзон Т.Е. 1, 188, 191, 215, 227, 228
 Абрамов Е.П. 229
 Абузова Н.Ю. 215
 Августин (Никитин), архимандрит 184, 207
 Автухович Т.Е. 188
 Агамалиян Л.Г. 193
 Агеева О.Г. 196, 208–210, 213, 216, 230
 Агратина Е.Е. 945
 Адам Р. (184)
 Азизбаева Р.Е. 210, 211
 Айзенштаг М.П. 2
 Акельев Е.В. 946
 Акимова Т.И. 215, 231
 Акишин М.О. 213
 Акرويد П. (188)
 Аксаков К.С. 653
 Аксаков С.Т. (191, 206, 215)
 Аксёнов А.И. 217
 Акуленко В.П. 947
 Алдонина Н.Б. 215
 Алеева Е.З. 232
 Александр (Фёдоров), игумен 184
 Александров Л.Г. 233–235
 Александр Невский (224, 302, 677)
 Алексеев В.Н. 187, 190, 236, 948
 Алексеева А.В. 184
 Алексеева Д.И. 886
 Алексеева Н.Ю. 218
 Алексеева О.А. 949
 Алексеева О.В. 195, 200, 205
 Алексей Петрович (210, 220, 527)
 Алексей II (190)
 Аликаева Л.С. 950
 Аликова Е.А. 206, 215
 Алилова Д.Г. 188, 237
 Алимова Л.Б. 238
 Алитова Р.Ф. 3
 Алпатов С.В. 215
 Алпатов Т.А. 188, 191, 206, 223, 239, 240
 Алташина В.Д. 1058
 Альбедиль М.Ф. 4, 241
 Альберони Дж. (220)
 Альберти Д. (197)
 Альбицкий В.Ю. 5
 Альеде И. (188)
 Альтшуллер М. 225
 Альтшуллер Р.Е. 900
 Алякринская М.А. 242
 Аманжолова Д.А. 221
 Ананьев В.Г. 210, 211
 Ананьева А.В. 225
 Ананьин А.В. 220
 Ангальт-Цербстская И.Е. (207, 898)
 Анджолини Д.Г.М. (807)
 Андреев А.В. 198
 Андреев А.И. 211
 Андреев А.Н. 243–245
 Андреев А.Ю. 6
 Андреев И.Л. 7
 Андреев М.Д. 246
 Андреева А.Н. 247
 Андреева Е.А. 202, 204, 208, 209, 214, 220
 Андреева Л.В. 248
 Андреева О.С. 208, 211
 Андреевский Н.А. (184)
 Андрейчук С.В. 951
 Андриайнен С.В. 249, 908
 Андриянова Л.В. 203
 Андропова В.О. 250
 Андросов С.О. 209, 210, 251
 Анисимов В.В. 952
 Анисимов Е.В. 8–11, 875
 Анисимова А.Н. 188
 Анисимова Е.Е. 184
 Аничков Д.С. 885
 Анна Иоанновна (48, 211, 284, 330)
 Анненкова Е.И. 215
 Аннушкин В.И. 223
 Анпилогова Е.С. 12, 953
 Антипин Л.Н. 13, 205
 Антонова С.Г. 252, 253
 Антюхов А.В. 254
 Антюхова С.Ю. 254
 Аплаксин А.П. (184)
 Апраксин И. 14
 Апрыщенко В.Ю. 255
 Аржанов А.П. 954
 Арменков А.А. 256
 Аронова А. 257
 Артамонов В.А. 15, 76, 202–204, 213, 220, 258
 Артамонова Л.М. 186
 Артамонова Ю.Д. 188, 811
 Артеменко С.А. 259
 Артемьева Т.В. 186, 260, 885, 910
 Архангельская А.В. 188, 215, 261, 1070
 Арш Г.Л. 262
 Аскер Б. 214
 Астюков А.М. 263
 Атаянц М.Б. 184
 Аткинсон Д.А. (737)
 Аурова Н.Н. 16
 Афанасьев А.К. 898, 899
 Афанасьевы (526)
 Афасижев Т.М. 264
 Афонасенко И.М. 17
 Афоношкина А.В. 265, 266
 Ахвледзиани М.Л. 188
 Ахвледзиани Т.Л. 188
 Ахмедова З.А. 955
 Ашмаров Ю.А. 267
 Бабеф Г. (533)
 Бабич И.В. 884
 Бабич М.В. 204, 208–211, 884
 Бабичева А.В. 215
 Бабкова Г.О. 868
 Багамаева Д.М. 956
 Багдасарова А.А. 188
 Багманова А.Р. 215
 Багратион Д. (188)
 Бадаева Л.А. 957
 Баева Л.Ф. 268
 Баевский В.С. 222
 Баженов В.И. (226, 619)
 Баженова Н.М. 529
 Базарова Т.А. 208, 209, 211, 213, 214, 220
 Байбурова Р.М. 269, 270
 Байнова Т.С. 271
 Байович З. 272
 Байрд О.А. 189, 190
 Бакиров Р.А. 206
 Бакури Н.С. 273
 Балашова Е.Н. 185
 Балдин А.Н. 18
 Балдин К.Е. 187
 Балазин В.Н. 19
 Балзак О. де (188)
 Бантыш-Каменский Д.Н. 911
 Баранов А.А. 5
 Баранов В.А. 274
 Баранова К.М. 20
 Барахта А.В. 223
 Бардовская Л. 875
 Барина И.Н. 210
 Барков И.С. (673)
 Баруш М. 173
 Барышников В.Н. 220
 Барбье П. 21
 Басков В.И. 958
 Баташев А.Р. (664)

- Бауер Ф.В. (207)
 Бах И.С. (144)
 Бахарева Т.А. 219
 Бахметев Д.Е. (211)
 Безбородко А.А. (194)
 Безверхова Л.Б. 184
 Безрядина Е.В. 959
 Бекетов Н.А. (208)
 Бели Л. 275
 Белинский В.Г. (223)
 Белковская В.М. 184
 Белов А.А. 184
 Белова А.В. 22, 276, 277, 926
 Белова Ю.Н. 188
 Белозеров О.П. 183
 Белоцерцев А. 191
 Белоножкин А.Е. 184
 Беляева И.М. 278, 912
 Беляева О.Н. 198
 Бенда В.Н. 23, 279–282
 Бенедиктов В.Г. (128, 215)
 Беннедик К. (214)
 Берд К.Н. (184)
 Бердин А.Т. 24
 Бердинских В.А. 25
 Бердников Л. 283, 284
 Березин В. 18, 285
 Бернарден де Сен-Пьер Ж.А. (188)
 Берташ А. 184, 187
 Бескровный Л.Г. 900
 Беспалёнок Е.Д. 217
 Беспалов А.В. 26, 213
 Беспалова Е.К. 195
 Бессарабова Н.В. 925
 Бестужев А.Ф. 885
 Бетанкур А. де (388)
 Бетховен Л. ван (66, 453)
 Бехтеев С. 64
 Бецкой И.И. (454, 455, 659)
 Беэр А.В. (898)
 Биргеорд У. 214
 Бирх У. 34
 Биткинова В.В. 206, 215, 286
 Благов Ю.В. 215
 Благодер Ю.Г. 287
 Блинова Е.К. 184
 Блохин В.Ф. 288
 Блудилина Н.Д. 289, 290
 Бобков В.А. 291
 Бобринский А.Г. (560)
 Бобров Ю.Г. 184
 Бобров С.С. (215, 224)
 Бовыкин Д.Ю. 292
 Богатырев Э.Д. 293, 927
 Богдан В. 294
 Богданов В.И. 207, 210, 211
 Богданов К.А. 119
 Богданович И.Ф. (839)
 Боголюбова-Фомичева Н.В. 226
 Богословский М.М. 865
 Бодров С.С. 960
 Бодрова А.С. 195
 Бокарева О.Б. 295
 Боккаччо Дж. (306)
 Боленко К.Г. 189, 190, 1071
 Болотина Н.Ю. 27, 187, 189–191, 193, 211, 216, 296–299, 867, 872, 893, 1049
 Болотов А.Т. (30, 124, 186, 198, 206, 503, 535, 670)
 Болтунова Е. 214, 300, 301
 Болховитинов Е.А. – см. Евгений (Болховитинов Е.А.)
 Бомонт Ф. (188)
 Бондарева О.Н. 184, 212
 Бондина С.И. 302
 Борг К.-Ф. фон дер (195)
 Борисов Б.П. 197
 Боровиковский В.Л. (109, 609, 624, 665)
 Бородкин М.М. (220)
 Бортиянский Д.С. (138, 322, 561)
 Борш Е.В. 303–306
 Ботт (899)
 Ботт И. 875
 Боук Б.Дж. (1092)
 Боултон М. (190)
 Боханов А.Н. 28
 Бояркина А.В. 961
 Браун Дж. (854)
 Брен М. де 171
 Бринцева А. 307
 Брион М. 29
 Бришук Е.Г. 221
 Брызгалова К.В. 184
 Брызгалова С.И. 30
 Брэдфорд В. (138)
 Брюс Я.В. (164, 221, 281)
 Брянцев А.М. 885
 Буало Н. (188, 206)
 Бубнов Н.Ю. 308
 Бугаев Д.С. 309
 Бугаева Т.Б. 310
 Бугашев С.И. 311, 312
 Бугров К.Д. 313, 962
 Будко А.А. 226
 Булгаков М.А. (187)
 Булгакова А.А. 215
 Буле Г. (498)
 Буллах А.Г. 184
 Булмистре Я.Э. 314
 Бунин И.А. (215)
 Буранок О.М. 31, 215
 Бурдяло А.В. 184
 Бурмистрова Е.В. 963
 Буровский А.М. 32
 Бутенант А.И. (209)
 Буторина Т.С. 149, 200, 201, 205
 Бутырин Д. (184)
 Бухаркин П.Е. 198, 315, 1053
 Бызова Н.М. 200, 205
 Вааль Ф. де (208)
 Валькова О.А. 316
 Валькович А.М. 33
 Ван Ши-чжэнь (727)
 Ванжура Э. (138)
 Варенцова Л.Ю. 220
 Варина В.М. 191
 Василевич Е.В. 964
 Василенко С.А. 209
 Василик В.В. 220
 Василик Владимир, диакон 184
 Васильев В.И. 317, 904
 Васильев В.Н. 920
 Васильев П.Н. (206)
 Васильев С.А. 191, 206, 215
 Васильев Т.А. (792)
 Васильева Г.М. 188
 Васильева Е.Н. 965
 Вассерман Дж. 34
 Вагто А. (188)
 Вахрушев В. 104
 Вахтина П.Л. 318, 905
 Вачева А. 218, 225, (1070)
 Вдовин Г. 319
 Вдовин Е.А. 966
 Вдовина Л.Н. 216, 894
 Вейтбрехт И. (163)
 Величкина И.И. 223
 Венецианов А.Г. (643)
 Вергилий (1022)
 Верещагина А. 320
 Вернадский Г.В. (789)
 Верне К. (307)
 Веселова А.Ю. 198, 225, 1072
 Веселова С.С. 321
 Вивальда А. (21)
 Викери В.Н. 222
 Виланд К.М. (188)
 Вилинбах Г.В. 1052
 Вильмот К. (138)
 Вильмот М. (138)
 Виниус А.А. (183, 208, 598)
 Вислый А.И. 199
 Витберг А.Л. (184)
 Витсен Н. (210)
 Вихорева Т.Г. 322
 Вишленкова Е.А. 35
 Вишневские (211)
 Вишняков В. 64
 Вишнякова Н. 323
 Владимир, митрополит 184

- Владиславич С.Л. (210)
 Владыкин А.М. 899
 Власов С.В. 198
 Вобан С. (360)
 Водчиц С.С. 205
 Возгрин В.Е. 220
 Волков А. (210)
 Волков С.С. 198, 218
 Волкова М.А. 324
 Волкова Н.П. 325
 Волосюк О.В. 326
 Волчков С.С. (712, 714)
 Вольтер (185, 186, 188, 198, 201, 219, 220, 221, 382, 635, 839)
 Вольф Х. 201
 Вольф К.-Ф. (207)
 Вордсворт У. (188)
 Воронина Т.А. 226
 Воронихин А.А. (184)
 Воронихин А.Н. (184, 722)
 Воронихин Н.И. (184, 212)
 Воронихин С.Н. 184
 Воронов В.Г. (1074)
 Воронова Л.Я. 191
 Воронцов А.П. 187
 Воронцов А.Р. (138, 187, 190)
 Воронцов В.С. 328
 Воронцов М.И. (187)
 Воронцов М.Л. (899)
 Воронцов М.С. (187)
 Воронцов Р.И. (187, 190)
 Воронцов С.Р. (189, 190)
 Воронцова А.К. (189)
 Воронцова Е.А. (189)
 Воронцов-Дашков А.И. 36
 Воронцова-Дашкова А.К. (187)
 Воронцовы (138, 187, 189, 190, 948)
 Воронцовы-Дашковы (187)
 Воропаева А.В. 923
 Воропанов В.А. (1077)
 Воскобойникова Н.П. 187
 Востриков А.В. 37, 967
 Вошин В.Н. (451)
 Вуаль Ж.Л. (690)
 Вульпиус Р. 329
 Вульф Я.С. (898)
 Вычугжанин А. 214
 Вяткин В.В. 330

 Габихсталь Г. (209)
 Габлер Й. 407
 Гавриил (Петров), митрополит (190)
 Гаврин В. 331
 Гагарин Е.И. 38
 Гагарин М.П. (210)

 Гайдак С.Н. 332, 968
 Гайзман Г. 333
 Гайманао Е.В. 39
 Галанов М.М. 334
 Галатенко Ю.Н. 188, 335
 Галлеев Р.Д. 333
 Галимуллина А.Ф. 191, 206, 215
 Гаман И.Г. (889, 950)
 Ганцева Н.Н. 336
 Гапонов А. 337
 Гаррикс Д. (545, 637)
 Гаскойн К.К. (194)
 Гаскойн Ч. (194)
 Гаспаров М.Л. 222
 Гассениус Я.А. (209)
 Гауч О.Н. 969
 Гафаров Р.М. 40
 Гафифуллин Р.Р. 196
 Гашеев В.В. 338
 Гегель Г.В.Ф. (541)
 Гёзалова Н.Р. 41
 Гей Дж. (188)
 Геллерт Х.-Ф. (206)
 Гельдерлин Ф. (188)
 Генин В.И. де (208)
 Герасимова В.А. 339
 Герд А.С. 340
 Герлах Г.-М. 341
 Герчук Ю.Я. 226
 Гесте У. (194)
 Гёте И.В. (62, 165, 188, 706, 821, 963, 992)
 Гильманов В.Х. 889
 Глаголева О. 342
 Гладышев А.В. 343
 Глазеева А.С. 344
 Глариантова Е.В. 345
 Гликин А.А. 184
 Глинка Ф.Н. (223, 482)
 Глоба Т.А. 970
 Глухих А.А. 184
 Гоголь Н.В. (215, 623)
 Гоголь Ю. 184
 Гокина А.Г. 346
 Голдин В.И. 200, 205
 Голицын А.М. (899)
 Голицын М.М. (221, 898)
 Голицын С.Д. (209)
 Голицына Н.П. (187)
 Голицына О.Ю. 971
 Голицыны (209, 647)
 Голованова И.С. 215
 Головачевский К. (605)
 Головин Ф.А. (210)
 Головкин А.Г. (761)
 Головкин М.Г. (761)
 Головкины (210, 384)
 Голштейн К. фон (898)

 Гольденберг М.Л. 191, 194, 347
 Гольдин И.И. 226
 Гольдони К. (1066)
 Гольштейн-Готгорпский К.-Ф. (208)
 Гончаров И.А. (215)
 Гончарова Е.В. 348
 Гончарова Н.В. 184
 Гончарова Т.Н. 220
 Гопман В.Л. 1073
 Гораций (841, 1022)
 Горбатенко С.Б. 349
 Горбовская С.К. 350
 Горбунова Н.В. 972
 Гордиенко К. (221)
 Гордон А.В. 42
 Гордюхин Е.Ф. 351
 Горелик Л.Г. 352
 Горелов И.Е. 221
 Городницкий А. (206, 286)
 Горохова Е.Г. 1049
 Горчаков Д. (225)
 Горюнова А.И. 223, 353
 Горячева А.А. 212
 Гравин Дж.В. (188)
 Градова Б.А. 879
 Грандилевский А.Н. 43
 Грасс Г. (188)
 Гребенкин А.Н. 354
 Гребенщикова Г.А. 219
 Грез Ж.-Б. (770)
 Грейг С.К. 78
 Грек А.А. 70
 Гретри А.-Э.-М. (188)
 Гречаная Е.П. 44, 355
 Гречаный Я. (495)
 Грибоедов А.С. (189)
 Григорьева В.П. 356
 Григорьева И.А. 357
 Григорьевичи (899)
 Гримм Г.Г. (184)
 Гринев А.В. 358
 Гринштейн А.Л. 188
 Гришаева А.В. 897
 Громов М.Н. 359
 Гросс Г. (898)
 Гудков А.А. 360
 Гузевич Д.Ю. 208–211
 Гузевич И.Д. 208–211
 Гузенко Н.В. 201
 Гукова Е.А. 973
 Гуковский Г.А. (492)
 Гуланян К.Г. 188
 Гунякова И.В. 974
 Гурамишвили Д. (188)
 Гурская Н.В. 361
 Гурьевская Л.А. 362
 Гусарова Е.В. 208, 363

- Гусева А.А. 913
 Гусельникова М. (1086)
 Гуськов А.Г. 210
 Гуськов Н.А. 195, 198, 1054–1057
 Гюго К. (188)
- Давид Ж.Л. (859)
 Давид И. 892
 Давыдов А.Н. 43
 Дадькина М.М. 209
 Дамье В.В. 844
 Данилевский Р.Ю. 225
 Данков М.Ю. 194, 208–211
 Дановский А.В. 364
 Дарнтон Р. 365
 Даценко А.С. 923
 Дашкова Е.Р. (36, 187, 189, 190, 236, 422, 535, 857, 925)
 Дашковы (189)
 Девиер А.М. (209)
 Дегтярева М.И. 928
 Дедова Е.Б. 366
 Дежуров А.С. 367
 Дейников Р.Т. 368
 Делиль Ж. (350)
 Деитдов П.Г. (532)
 Демидов П.А. (897)
 Демидовская А.Е. 975
 Демидовы (1090)
 Демин А.О. 192, 225
 Демина В.Н. 976
 Деминский Г.Е. (629)
 Демичев А.А. 45, 369
 Дёмкин А.В. 46, 213, 214, 217
 Денисов П. 34
 Денисова М.В. 210
 Дервянко А.П. 58
 Державин Г.Р. (102, 168, 191–194, 206, 223, 231, 347, 427, 477, 520–523, 535, 538, 572–574, 602, 673, 674, 738, 786, 796, 797, 822–825, 983, 1046, 1086)
 Державина Д.А. (193)
 Десницкий С.Е. 885
 Дефо Д. (188, 771, 854)
 Джанноне П. (188)
 Джонсон С. (182, 188)
 Джонсон Ч. 47
 Джунджузов С.В. 370
 Джустини Л. (197)
 Дзюбанов С.Д. 191–193
 Дидро Д. (186, 225)
 Дикинсон С. 195
 Диттмер И. (210)
 Длугач Т.Б. 371
 Длуголенский Я.Н. 48
- Дмитриев И.И. (154, 195, 206, 215)
 Дмитриев И.С. 372
 Дмитриев М.А. (482)
 Дмитриева Е. 373
 Дмитриев-Мамонов Ф.И. 885
 Добрицын А.А. 195
 Доброхотов А.Л. 374
 Добрунова Г.П. 205
 Дозорова Н.И. 375
 Долгих А.Н. 376
 Долгова С.Р. 187, 189, 190, 210, 211, 377, 887, 1049
 Долгодрова Т.А. 185
 Долгоруков В.Л. (761, 886)
 Долгорукова М.Ю. (872)
 Донская Н.А. 223
 Достоевский Ф.М. (406, 507)
 Доценко В.Д. 49
 Драгайкина Т.А. 378
 Дружинин А.В. (215)
 Друэ Ж.-Б. (533)
 Дубровина С.Н. 188
 Дубровская Е.А. 379, 977
 Дудин С.Е. (184)
 Дуклау А.В. 380
 Думенко О.Е. 978
 Дуров И.Г. 202, 204, 213
 Дутов А.А. 203, 211
 Дутов С.Ю. 95, 381
 Дучич Й. 50
 Душенко К. 382
 Дьячкова И.Н. 51, 979
 Дюссар де Невиль И.Д. (184)
- Евангулова О.С. 208, 210, 383, 384
 Евгений (Болховитинов Е.А.) (710)
 Евреинов Я.М. (866)
 Евсеева Е.Д. 385
 Евстратов А.Г. 386, 980
 Егерев Т.А. 387
 Егоров А.Е. (184)
 Егорова О.В. 388
 Егорова С.В. 389
 Еготов И.В. (226)
 Екатерина I (50, 189, 208, 871)
 Екатерина II (32, 52, 59, 79, 90, 91, 109, 143, 163, 153, 185–187, 189–191, 196, 198, 207, 216, 225, 226, 248, 260, 302, 310, 392, 401, 413–415, 420, 433, 489, 493, 514, 535, 542, 546, 580, 581, 591, 612, 622, 630, 675, 682, 692, 693, 704, 724, 781, 837, 860), 868, 874, (903, 932, 980)
- Екуч У. 195
 Елагина Н.А. 185
 Елизавета Алексеевна (136)
 Елизавета Петровна (8, 19, 46, 48, 169, 208, 432, 500, 734, 875), 898, (1015, 1049)
 Елисеева О.И. 52, 189, 196
 Елфимов В.И. 208
 Емельянова Е.А. 914
 Епатко А.Ю. 209–211
 Ермакова М.Е. 199
 Ермашов Д.В. 877
 Ермолаева М.А. 390, 391
 Ермоленко Г.Н. 188
 Еропкин П.М. (208, 211)
 Ерохина И.П. 184
 Ертвов И.Д. 885
 Есюков А.И. 392, 393
 Ефимов М.В. 207
 Ефремов А. 47
 Ефремова Е.Н. 394
- Жабрева А.Э. 395
 Жеребин А.И. 397
 Жаркова Н.Ю. 209, 210
 Жарова М.Н. 119
 Жесткова Е.А. 53
 Живов В. 398
 Жирмунский В.М. 222
 Житкин Д.Н. 396
 Жук А.Д. 399
 Жукова М. 97
 Журавлев Д.А. 220, 226
 Жюльен М.-А. (658)
- Заболотная Н.В. 400
 Заболоцкий Н.А. (1086)
 Заборов П.Р. 186
 Завражин А.В. 54
 Завьялова И.В. 191, 206
 Загрязский А.А. 870
 Зайонц Л. 224
 Зайцев В.Н. 186
 Зайцева Е.Л. 223
 Зайцева И. 401
 Зайцева И.И. 186
 Зайцева Л.И. 55
 Заломкина Г.В. 215, 402
 Зальевский М.Н. 201
 Зальевский Н.П. 200, 201, 205
 Занин С.В. 186, 929
 Захаров А.В. 56, 209, 403
 Захаров А.Д. (184)
 Захаров В.Н. 404
 Захаров В.Ю. 405
 Захарова Е.А. 218
 Зацаринный С.Г. 195
 Зверева Т.В. 215, 809
 Зегер Х. 57
 Зеленский Л. (219)

- Зенченко М.Ю. 216
 Зильберт А.С. 845
 Зименко Е.В. 464
 Зиновьева Е. 145, 1074
 Зинчук Л.Н. 199
 Златопольская А.А. 186, 406
 Зорин А.Л. 197
 Зорин А.Н. 930
 Зотов С.В. 981
 Зубовы (189)
 Зуев А.С. 58
 Зыкова Е.П. 188
- Ибнеева** Г.В. 59, 216
Ибрагимов А.К. 60
Ибрагимов К.Х. 60
Иван IV Васильевич Грозный (838)
Иваненко В.А. 876
Иванов А. 407
Иванов А.В. 202, 204
Иванов Вяч. Вс. 222
Иванов Д.А. 218
Иванов Д.В. 207, 408
Иванов И.А. 873
Иванова Е.А. 195
Иванова Е.Б. 184
Иванова Е.В. 187
Иванова С.В. 409–411
Иванова-Везн Л.И. 208
Иванова-Гледель Е. 188
Иванская И.В. 412
Иванюк Я.Г. 134, 213
Ивинский А.Д. 413–415
Ивонин Ю.Е. 416
Ивонина Е.В. 417
Ивонина Л.И. 416
Иерусалимский Ю.Ю. 221
Игнатъева Е.И. 211
Иголкин И.Ю. 982
Измайлов В.В. (195)
Илизаров С.С. (196), 418, 419, 881, 882
Ильина К.А. 195
Ильина Т.В. 61
Ильюшенкова Л.А. 983
Илюхин А.В. 45
Илюшина М.Ю. 984
Иодко О.В. 207
Ионайтис О.Б. 1059
Иосиф II (1083)
Иосиф Заоникиевский (731)
Ипатова С.А. 420
Исаков А.А. 985
Исаков В.А. 1075
Исаченко В.Г. 184
Истомин Карион (660)
Истоминна Э.Г. 217
И.Т. 1086
Итурран Х. 189
- Ишимбаева** Г.Г. 62
Ишкиниева Л.К. 191, 206, 215
Ишутин В.В. 421
Июльская Е.Г. 206, 223
- Кабанова** И. 422
Кагамлык С.Р. 423
Каграманов Ю. 424
Кадочникова В.С. 215
Казакевич А.Н. 213
Казаков М.Ф. (226)
Казакова В.В. 986
Казакова Л.А. 63, 425
Казакова Н.А. 193
Казанский Н.Н. 222
Казарцев Е.В. 426
Кайсаров Х.О. (625)
Какауридзе Н.А. 188
Калашников В.М. 221
Калашникова Н.Б. 188
Калганова В.Е. 188, 215, 427–429
Калинин М. (1086)
Калинин Н.Н. 194
Калинин С.Г. 909
Калинина И.А. 430, 987
Калинников Л.А. (1078)
Калугин Д.Я. 431, 988
Калугина И.В. 184
Кальницкая Е.Я. 432
Каменев Г.П. 206
Каменева Е.А. 433
Каменский А.Б. 868, 890, 902, 908
Каминская А.Г. 208, 211
Каминская Ю.В. 434
Камкин А.В. 216
Камышева О.А. 215
Кант И. (77, 125, 333, 341, 351, 359, 371, 430, 460, 498, 541, 651, 766, 806, 835, 845, 889, 1078)
Кантемир А.Д. (142, 215, 223, 225, 289, 290, 345)
Кантемир Д.К. (167)
Капнист В.В. (192)
Капуста Л.И. 194
Карабегова Е.В. 188
Карамзин Н.М. (18, 53, 159, 188, 191, 193, 198, 206, 215, 225, 239, 387, 487, 507, 517, 534, 688, 705, 776), 877, (997, 998)
Карасева Е.И. 64
Караулова И.Б. 209
Карауловы (209)
Карвелис М.А. 435, 436, 989
Каргапольцев М.Ю. 208–210
Каргапольцев С.Ю. 208–210
Карев А.А. 213, 437
- Каревин** А.С. 155
Каресев Н.И. (266)
Кареева Н.Д. 208, 211
Каржавин Ф.В. (442, 491, 697)
Карион Истомин – см. **Истомин Карион**
Карл XII (204, 221, 258, 1001)
Карлссон О. 214
Карначёв А.Е. 912
Карп С.Я. 185, 225
Карпенко С.В. 438
Карпентьер А. (188)
Карпинский Г.Г. 29
Карпова Е.В. 195, 439
Карпова И.Л. 206, 440–444, 990
Карсакова Т.Н. 991
Каргашева Е.И. 191, 206
Карякина Т.Д. 445–447
Касумов Р.М. 448–450
Катенин П.А. 215
Каткова С.С. 451
Катцова М.А. 220
Кауфман А. (185)
Кационис Л. (1029)
Кашенко С.Г. 876
Кваренги Дж. (597, 679)
Квирадзе Н.Г. 188
Кемпер Д. 992
Кент Н. 184
Киавери Г. 211
Кинякин И.Н. 452
Киприянова Н.В. 133
Кириллина Л.В. 453
Кириченко Е.И. 184, 454–457
Кирхгоф Г. (726)
Кирюшкина В.В. 458
Киселёв А.А. 220
Киселев Г.Н. 191
Киселев М.А. 313, 459, 993
Киселева М.С. (1079)
Кислова Е.И. 198, 215
Киселева Л. 224
Кислова Е.И. 913
Китс Дж. (225)
Киясов С.Е. 67
Клейн И. 68, 225, 1076
Клемме Х. 460
Клепацкий В.В. 198
Клименко С.В. 461
Клименко Ю.Г. 226, 895
Клопова С.Н. 212
Клюкина А.В. 206, 215
Ключевская Е.П. 191
Ключевский В.О. 891
Кнышева Д.В. 462
Князева М.В. 463
Коббен А. (1013)
Кобзарев Е.И. 213

- Кобяк Н.А. 464
 Ковалева О.А. 69
 Ковалева Т.В. 465
 Ковалевский М.М. (265)
 Ковзун А.А. 193
 Ковригина В.А. 209
 Ковригина С.И. 199
 Ковтунова И.И. 70
 Кожухова М.В. 466
 Козельский Я.П. 885, (970)
 Козиков И. 467
 Козлов В.Г. 468
 Козлов В.П. 216
 Козлов С.А. 71, 469
 Козлова Н.В. 72, 189, 216, 217, 894
 Козловский О.А. (561)
 Коковин И.С. 994
 Кокс У. (974)
 Колесников И.Н. 470
 Колесникова О.В. 471
 Колесников С.А. 168
 Колодин И.Ф. (184)
 Колосова И.В. 472
 Колотилин Р.А. 211
 Колотило Л.Г. 49
 Колычев С.В. 191
 Кольридж С.Т. (995)
 Кольцова В.А. 226
 Кольцова Т.М. 473
 Коляда М.И. 184
 Комисаренко А.И. 217
 Кондратьев В.Г. 194
 Кондрескул А.М. 73
 Конев А.Ю. 474
 Конкина Л.С. 215
 Конов А.М. 201
 Коновалова Е.Н. 475
 Копанев Н.А. 186, 204, 210, 476
 Копанева Н.П. 204, 210
 Копиевский И.Ф. (198)
 Копосов Г.Д. 200, 205
 Копосова Т.С. 200, 205
 Коптева Э.И. 477, 478
 Копцев И.Д. 341, 845
 Кордингли Д. 47
 Коренцвит В.А. 210, 211
 Корндорф А. 479, 480
 Корнилов А.А. 481
 Корнилова Е.Н. 188
 Коровин В. 482
 Корогодина М.В. 483
 Королев А.В. 995
 Королёв С.В. 185, 484, 485
 Королева Д.А. 223
 Короткевич Р.М. 212
 Короткова А. 486, 487
 Коршунова М.Ф. 184
 Коршунова Н.В. 74, 488, 489, 931
 Космолинская Г.А. 185, 225, 489а, 490, 491
 Костин А.А. 195, 218, 225, 492
 Костомаров Н.И. 891
 Костригина Е.В. 876
 Костылева Е.Л. 187
 Костюк О.Г. 208, 211, 493
 Костюхина М.С. (1071)
 Котова И.Г. 494
 Кочегаров К.А. 495
 Кочеткова Н.Д. 195, 218
 Кочнева Е.В. 190, 218
 Кочубей И.В. 197
 Кошевая Н.С. 221
 Кошман Л.В. 133
 Кощиенко И.В. 193
 Красиков В.А. 75
 Краснобаева М.Д. 185
 Краснов Н.А. 496, 497
 Краснова С.Г. 996
 Кребийон К.П. Жолио, сын 188
 Кредок Дж. (225)
 Кре́кшин П.Н. (186, 209)
 Кржижановский С.Д. (188)
 Кривонос В.Ш. 215
 Кривцова М.А. 919
 Кротенко И.А. 188
 Кротов П.А. 76, 186, 202, 204, 208, 210, 213, 214, 220, (1080)
 Круглов А.Н. 77, 498
 Крутецкий А.А. (211)
 Крылов И.А. (233)
 Крюк Г.М. 499
 Крючков Ю.С. 78
 Крючкова М.А. 79, 500
 Кувшинова Н.В. 997
 Кудреватых А.Н. 998
 Кудрявцева Е.Б. 80
 Кудряшова Е.В. 205
 Кузина С.В. 221
 Кузичева А.А. 501
 Кузнецов А.А. 502
 Кузнецов А.Е. 503
 Кузнецов С. 504
 Кузнецов С.О. 184, 505
 Кузнецова Л.К. 81
 Кузнецова Т.В. 212
 Кузьменко Л.И. 82
 Кузьмин Е.П. 999
 Кукса И.Ю. 506
 Кукушкина Е.Д. 191, 192
 Кулаков В.О. 1000
 Кулакова И.П. 188
 Кулибин И.П. (317)
 Куликова В.Ф. 1001
 Кулишкина О. 507
 Кульберг И. (132)
 Кульман К. (188)
 Кульматова Т.В. 508
 Куманев Г.А. 900
 Кундакбаева Ж.Б. 874
 Куприянова О.И. 509, 1002
 Купцова О. 510
 Куракин Б.И. (761)
 Куракина Н.И. (138)
 Курдина Ж.В. 188
 Курилова А.Д. 511
 Курочкин А.Е. 1060
 Курукин И.В. 83, 84, 896, 1061
 Курышева Л.А. 85
 Куценко Н.А. 512
 Кучумов И. 123
 Ла Шетарди Ж. (826, 827, 880)
 Лабр Б.-Ж. (601)
 Лабутина Т.Л. 190, 513–515
 Лагарп Ж.-Ф. (218)
 Лагарс Ж.-Л. (188)
 Лазарева О.В. 86
 Лазарева Т.В. 184
 Лазарева Т.Г. 516
 Лайдре М. 87
 Лалетина О.С. 222
 Лансере Е.Е. (187)
 Ланчинский Л. (898)
 Лаперуз Ж.Ф. (210)
 Лапин В.В. 88
 Лапкина Г.А. 517
 Лаплас П.С. (372)
 Лаппо-Данилевский К.Ю. 192, 225
 Лаптева Т.А. 209, 211
 Ларионов А.А. 518, 519
 Ларионова М.Ч. 1062
 Ларкович Д.В. 193, 520–522
 Ларокка Дж. 523
 Лартома Ж.П. 524
 Лафермьер Ф.Г. (138)
 Лафонтен Ж. де (223)
 Лаходьнова Н.Ю. 206, 525
 Лебедев А.А. 526, 1003
 Лебедев Е.Н. 89
 Лебедева О. 527
 Лебедева-Емелина А.В. 90
 Лебедько В.Г. 528
 Левандовская Т.В. 200
 Левшин В.А. (85, 215)
 Левшин П.Г. – см. Платон (Левшин П.Г.)
 Левшина О.Н. 1004
 Леннерсанд М. 214
 Леонов В.П. 529–531, 912
 Леонов О.Г. 91
 Лепехин И.И. (218)
 Лепехин М.П. 218

- Лермонтов М.Ю. (222)
 Лётин В.А. 188
 Летунувский В.А. 532
 Летчфорд С.Е. 533
 Лешиловский И.И. 190
 Либман Н.И. 534, 535
 Ливен Д. (184)
 Лидергос Н.В. 188
 Лимборский И.В. 188
 Линкова Я.С. 188
 Линней К. (910)
 Липовецкий В.В. 536
 Липовский А.Л. 92
 Лисовский В. 537
 Лисовой Н.Н. 189
 Лисовский В.Г. 184
 Литвина А.Ф. 538
 Лихуды, братья (709)
 Личенко С.И. 915
 Лиштенан Ф.-Д. 539
 Лобко С.И. 219, 1005
 Логунова М.О. 1006
 Логунова Н.В. 888
 Ломако Е.Л. 17
 Ломтадзе Т.Р. 188
 Ломтев Д.Г. 540
 Ломоносов М.В. (1, 13, 43, 49, 89, 122, 181, 188, 191, 198–201, 205, 215, 218, 222, 228, 263, 274, 392, 426, 467, 531, 576, 606, 607, 638, 640, 644, 653, 677, 686, 713, 715, 779, 809, 830, 833), 879, (882), 885, (912, 916, 921, 1040)
 Лопатин В.С. 190, 870
 Лопатников В.А. 93
 Лопухин И.В. (188, 378)
 Лопухина Е.Ф. (660)
 Лоскутникова М.Б. 1062
 Луговская И.Р. 201, 205
 Луканина О.Н. 1007
 Лукиан (250)
 Лукин В.И. 386
 Лукьянец И.В. 186, 1058
 Лунгина Д.А. 541
 Лупанова Е.М. 94
 Лупанова М.Е. 542
 Луцкер П.В. 543, (1082)
 Лыжина О.А. 544
 Лыкова Е. 545
 Лылова М.Е. 546, 932
 Лывов Н.А. (105, 138, 191, 192, 194, 206, 218, 592–597, 648, 679, 817, 1072)
 Лывова И.П. 547
 Любарский Г.Ю. 548
 Любжин А.И. 549, 550
 Любин К.А. 551
 Любичанский С. 1077
 Людовик XV (169)
 Люстров М.Ю. 214, 552
 Лютов С.Н. 95
 Люценко Е.П. (124, 206, 780)
 Лямина Е. 553
 Ляшко А.В. 554
 Магомедова Л.А. 555
 Мазин К.А. 556
 Мазепа И.С. (155, 424, 495)
 Мазин К.А. 96, 221, 933
 Мазитова Л.Л. 888
 Майков В.И. (425)
 Майоров А.В. 557
 Майорова А.С. 558
 Макаров Б.С. 208–211
 Маклинн Ф. 97
 Маковская Л.К. 160
 Максименко М.Ф. 559
 Максимов Е.К. 98
 Максимова А.Е. 1063
 Максимова М.С. 1008
 Максимович-Амбодик Н.М. (501)
 Макушева Д.А. 560
 Малафеева С.Л. 226
 Малинина Г.М. 561, 1063
 Малкин С.Г. 562, 563
 Малова Т.И. 207, 210, 211
 Малышев А.А. 218, 564
 Малышева И.А. 218
 Малышева Л.Г. 1064
 Мальгин Т.С. (218)
 Мальцев И.А. 1009
 Мальцева Т.В. 565, 566
 Мальчукова Т.Г. 99
 Малэк Э. 225, (1085)
 Мамаева О.В. 189
 Мамедли Э.М. 100
 Мамуркина О.В. 567
 Мандевиль Б. (853)
 Манкиев А.И. (211)
 Манойленко Ю.Е. 568, 569, 1010
 Мансурова Ю.В. 1011
 Марасинова Е. 196
 Мариво П. Карле де Шамблен де (188)
 Мария Федоровна (614)
 Маркина Л.А. 1049
 Марков А. 1078, 1079
 Маркова И.В. 1012
 Мармонтель Ж.-Ф. (188, 508, 571)
 Маррезе М.Л. 189
 Марген-младший П.Д. (760)
 Мартианова И.Ю. 570
 Мартыненко А.А. 101
 Мартынов Г.Г. 879
 Мартюшев Г.И. 571
 Маслов А.Н. 903
 Маслова А.Г. 102, 191, 572–574
 Маслова С.А. 199
 Масляев В.Б. 575
 Матвеев А.А. (694)
 Матвеев Е.М. 103, 198, 576, 1065
 Матвеева Е.И. 215
 Матгарнови Г.И. (208)
 Матулис Т.Н. 577
 Матченя С.Р. 104
 Махов А.Е. 578
 Махотина А.А. 579–581
 Маюкос Ю. 57
 Медокс М. (138)
 Меер Е.С. 1013
 Мезин С.А. 98, 209, 211, 213, 583, 584, 1080
 Мелешко Т. 584
 Мелисино И.И. (218)
 Мельман В.Л. (498)
 Мельник В.И. 215
 Мельник Н.Б. 585
 Мельников А.В. 865
 Мельникова-Григорьева Е. 586
 Менелас А. (194)
 Менцин Ю.Л. 205
 Меншиков А.Д. (202–204, 208–211, 220, 700–702)
 Меньшиков А.В. 221
 Мережковский Д.С. (656)
 Меркулова Т.Н. 187
 Мёрнер М. 220
 Местр Ж.М. де (928)
 Метастазιο П. (246)
 Мещеряков В.В. 208
 Мещеряков В.Н. 587
 Мещеряков Ю.В. 191
 Микадзе М.Г. 188
 Микешин М.И. 36, 187, 910
 Микишатов М.Н. 184, 209
 Миклашевская Е.П. 588
 Миллер А. 589
 Миллер Г.Ф. (186, 196, 418, 716, 881)
 Милованов К.Ю. 1014
 Мильцева Т.В. 590
 Мильчина В. 591
 Милогина Е.Г. 105, 218, 592–596, (1072)
 Милоков С.Г. 598
 Милютин М.П. 198
 Минаева Н.В. 106
 Минаева Т.С. 107, 599, 934
 Миних Х.В. (898)
 Минкина О. 600
 Минов А.А. 57

- Минский М.Ю. 365
 Мироненко-Маренкова И.К. 601
 Миронов С.М. 205
 Миронова Е.А. 876
 Миропольский Л.С. (189, 604, 605)
 Мисайлиди Л.Е. 187
 Митрофанов А.А. 219
 Михайлов А.А. 208
 Михайлова Д.Д. 223
 Михайлова О.А. 108
 Михеенков В.П. 221
 Мишин И.Ф. 602
 Мишина Е.А. 208
 Мнацаканян К.А. 603, 1081
 Модина Г.И. 188
 Моисеев И. (439)
 Моисеева С.В. 189, 604, 605
 Моисеева Т.М. 201, 606
 Моисеенко Е.Ю. 210, 211
 Молева Н.М. 109
 Молодцова М. 1066
 Молтусов В.А. 110, 213
 Монахова Е.Н. 187
 Монтескье Ш.Л. де (185, 223, 965)
 Мордвинова А.С. (204)
 Мордвиновы (187)
 Морозов А.А. 607
 Морозов С.Д. 608
 Морозова Е.В. 192, 193
 Морозова М.Н. 609, 610
 Морозова Н.П. 191–193
 Морозова С.В. 918
 Морозова С.С. 611
 Морохин А.В. 220, 903
 Моряков В.И. 216, 612, 613
 Московкин Л.В. 198
 Москотильников С.А. 206
 Моттл Дж. (221)
 Моцарт В.А. (29, 57, 188, 543, 772, 961, 1082)
 Мошина Т.А. (194)
 Мошкин И. (187)
 Мошник Ю.И. 207
 Мудров Ю. 614
 Мудрова Н.А. 615
 Мументалер Р. 111
 Муравьев М.Н. (124, 191, 192, 206, 215, 571, 1022)
 Муравьев Н.М. (645)
 Муравьевы (502)
 Муратори Л.А. (188)
 Мурашов И.Ю. 1015
 Мусин-Пушкин А.И. 455
 Мьльников А.С. 112, 892
 Мэрфи А. (1012)
 Мюсхер М. ванн (211)
 Мягкова Е. 616
 Мягтина Н.В. 133
 Назаренко Б.А. 1016
 Наймарк Е.А. 617, 1017
 Наполеон I (307, 748)
 Напцок Б.Р. 113, 618
 Нартов А.А. (218)
 Нарышкин А.К. 221
 Наталья Алексеевна (903)
 Науменко Т. 1082
 Наумкин Г.И. 619
 Наумов В.П. 114, 208
 Наумова Г.А. 1018
 Нащокина М.В. 620
 Небольсин А.Р. 184
 Недоспасова А. 214
 Неклюдов Е.Г. 621
 Нелипович С.Г. 115
 Нельсон Г. (174)
 Немировская И.Д. 622, 935
 Неплюев И.И. (575), 906
 Несветайло Т.Н. 184
 Нефедов А.В. 116
 Нехлебаева Н.А. 117
 Нечипоренко Н.В. 623
 Нешатаева Н. 624
 Нешумова Т. 625
 Нигматуллина Ю.Г. 215
 Никитина А.Б. 187, 194
 Никитина О.В. 1019
 Никифорова Л.В. 626
 Николаев Н.И. 117, 200, 201, 205
 Николаев Н.П. (565)
 Николаев С.И. 218, 627
 Николаева М.В. 209, 628, 629
 Николаева С.В. 118
 Николаева Э.И. 201
 Николаи (744)
 Николенкова Н.В. 215
 Николози Р. 119
 Никольский С.А. (1087)
 Никонов О.А. 120
 Никонова Н.А. 191
 Никулина В.В. 191
 Ничкало С. 922
 Новиков И.А. 208, 209
 Новиков Н.И. (116, 216, 478, 535), 885, (898)
 Новикова И.А. 630
 Новикова Н.К. 188
 Новикова О.В. 184
 Новосёлов А. 184
 Новоселов В.Р. 213, 867
 Новоселова В.А. 194
 Нордберг Й.А. (220)
 Носова Н. 851
 Носович Т. 173
 Нохейль Р. 631
 Нугманова Г.Г. 184
 Оберкамф К.Ф. (185)
 Овсянников В.П. 37
 Овсянников Д.В. 632
 Овчарова Е.Э. 188
 Овчинникова Е.А. 633
 Огнева Е.В. 188
 Огородникова Л.А. 121
 Одинцова Е.В. 634
 Ознобишин Н.И. (31, 215)
 Ольшевская Л.А. 223
 Омельченко О.А. 635
 Ордин-Нашокин А.Л. (803)
 Орехов В.В. 636
 Орехова Е.М. 209
 Орлов А.А. (1075, 1089)
 Орлов Г.Г. (152)
 Орловы, братья (815)
 Осанкин А.Н. 211
 Освальд Дж. 362
 Оселиус Г. 214
 Осипов А.С. 637
 Осипов В.И. 122, 200, 205
 Осипова Э.Н. 200, 205
 Осиповский Т.Ф. 885
 Осповат А. 591
 Осповат К.А. 638–640
 Островских И.Н. 191, 206
 Острой О.С. 318, 905
 Осьмухина О.Ю. 215, 936
 Отто А. 641
 Павел I (14, 28, 64, 100, 127, 184, 334, 376, 650, 748, 836)
 Павел Коломенский (791)
 Павел Петрович (614)
 Павлов В.Е. 187
 Павлова А.Л. 642
 Павлова Н. 643
 Павлик О.Н. 644
 Палладио А. (257)
 Палтусова И.Н. 1049
 Пальчиков В.П. 204
 Памбург П. фон (211)
 Панин Н.И. (223, 962)
 Панкевич М.И. 885
 Панов С.И. 195
 Пантелеева Е.А. 206, 223
 Панченко А.М. 924
 Парамонова М.К. 206, 223
 Парахуда В.А. 187
 Парини Дж. (188)
 Парсамов В.С. 645
 Парахуда В.А. 646
 Парушева В. 647
 Паскаль П. 123
 Пауткин А.А. 188
 Пахсарьян Н.Т. 188

- Пашкуров А.Н. 124, 191, 206, 215, 648, 649
 Пезенти М.К. (1091)
 Пекуровская А. 125
 Пелгэм Г. (899)
 Пенская Т.М. 126
 Пенской В.В. 126
 Перро Ш. (188)
 Перру Э. 186
 Пёрышкин М.Ю. 216
 Пестель П.И. (645)
 Петерс Д.И. 127
 Петерс Т.П. 187
 Петерсон К. 214
 Петр I (4, 9, 10, 19, 49, 50, 53, 55, 56, 60, 84, 92, 100, 101, 114, 147, 151, 180, 196, 202, 204, 208–211, 213–216, 218, 220, 221, 224, 241, 258, 260, 349, 403, 412, 459, 472, 513, 530, 582–584, 586, 656, 660, 696, 728, 730, 731, 734, 761, 794), 890, 891, (976, 1034, 1041, 1049, 1050, 1053, 1092)
 Петр II (871)
 Петр III (112, 198, 207, 211)
 Петр Фёдорович – см. Пётр III
 Петрарка Ф. (195)
 Петровна Е.К. 206, 223
 Петров А.В. 128, 129, 188, 191, 198, 215
 Петров В.П. (792)
 Петрова А.А. 220
 Петрова М.А. 1083
 Петрова О.В. 650
 Петровская О.В. 1020
 Петрухинцев Н.Н. 204, 216
 Петухова Н.В. 220
 Печурик Ю.Ю. 651
 Пивненко Р.Р. 194
 Пименова Л. 652
 Пирожкова Т.Ф. 653
 Писаренко К.А. 130, 654, 898, 899
 Писемский А.Ф. (215)
 Пислегин Н.В. 131
 Пихой Р.Г. 216
 Пичугин П.В. 655
 Пишулина Л.М. 189
 Плавильщиков П.А. 885
 Плавинская Н.Ю. 185
 Платон (188)
 Платон (Левшин П.Г.) (184, 212, 344)
 Плева И.Р. 132
 Пленкин О.И. 187
 Плешкова О.И. 656
 Плигина М.А. 208
 Плотников А.Б. 83
 Плотникова Н.Ю. 657
 Пнин И.П. 885
 Погода Ю.В. 134, 213
 Погосян Е. 224, 658–660
 Полевщикова Е.В. 190
 Полевщикова М.П. 189
 Поликарпов-Орлов Ф.П. (680)
 Политковский Ф.Г. 885
 Полосин А.С. 205
 Полосина А.Н. 186, 215
 Полубораинова Л.Н. 1058
 Польской С.В. 196
 Поляков О.Ю. 188, 1067, 1084
 Полякова И.Ф. 201
 Полякова О.Б. 661
 Полянская Е.Р. (187)
 Полярная Ж.А. 184
 Помель (186)
 Померанская Т.В. 898, 899
 Пономарева М.В. 198
 Понятовский С.А. (202)
 Попков Ю.В. 201
 Попов М.И. (622)
 Попов Ю.М. 220
 Попова Л.А. 662
 Попович А.В. 206, 215
 Посохин М.М. 184
 Посохова Л. 663
 Посошков И.Т. (55), 894, (955)
 Поспелова М.А. (124, 206)
 Постников П.В. 893
 Потапов А.Н. 664
 Потатуров В.А. 221
 Потёмкин Г.А. (27, 721, 870)
 Потницева Т.Н. 188
 Пошман А. (138)
 Преснова Н.Г. 665, 1049
 Преснякова И.А. 666
 Привалихина С.В. 135, 136
 Приёмшова М.Н. 218
 Приказчикова Е.Е. 137, 667–671, 937
 Прилуцкая Е.Н. 201
 Приходько И.Н. 1021
 Приходько М.А. 187
 Прозоровский А.А. (898)
 Прокопович Феофан (215, 315), 896
 Прокопьев А.Ю. 220
 Прокопьева Л.Б. 1022
 Пронкин С.В. 672
 Проскурина В. 673–675
 Проскуракова М.Е. 676, 1023
 Прохоренко И.А. 220
 Прохоров А.В. 222
 Прохоров М.Ф. 221
 Прохоров Ю.Е. 223
 Прохорова Т.Г. 215
 Пряшников М.П. 138, 189, 190
 Пугачев Е.И. (123)
 Пузанкова С.Н. 677
 Пумпянский Л. (523)
 Путятин И.Е. 139, 184, 678, 679
 Пушкин А.С. (18, 92, 184, 187, 190, 364, 648)
 Пушкина Н.Н. (870)
 Пчелов Е.В. 189, 190
 Пылаева Л.Д. 140
 Пыпин А.Н. (717)
 Рабинович Е. 21
 Рагузинский-Владиславич С.Л. (50)
 Радишаускайте Н.В. 923
 Радищев А.Н. (187, 225, 288, 352, 364, 487, 535, 683, 855), 885
 Разживин А.И. 191, 215
 Разумовские (1049)
 Рак В.Д. 225
 Рамазанова Д.Н. 680, 681
 Ранцовы (187)
 Ранчин А.М. 1085
 Расин Ж. (223)
 Распутина М.В. 141
 Рассказова Л.В. 187
 Растягаев А.В. 188, 215
 Растягаев А.В. 142
 Редин Д.А. 216
 Резник А.А. 682
 Резниченко Л.И. 683
 Рейнсдорп И.А. (874)
 Рёкан (750)
 Репнин Н.В. (219, 1005)
 Ржеуцкий В. 684
 Рибас О.М. (337)
 Робертсон В. (688)
 Рогачёва О.Г. 685
 Рогачевская М.А. 630
 Рогов К. 686
 Родионов А.Н. 192
 Родионова Л.В. 199
 Рожкова Т.И. 193, 215
 Романенко Е.В. 687
 Ромм Ж. (170)
 Ромодановская Е.К. 85
 Ромодановский Ф.Ю. (210, 215)
 Рослин А. (945)
 Росси М. (471, 834)
 Росслин В. 225
 Роундинг В. 143
 Рошин А.А. 208
 Рубан В.Г. 353
 Рудковская И.Е. 688, 689

- Руднев Д.В. 198
 Руднева Л.Ю. 690
 Румянцев Н.П. (93)
 Румянцев-Задунский П.А. (579)
 Русич С. (272)
 Руссо Ж.-Ж. (186, 188, 215, 406, 585, 703, 851, 1045)
 Рыбакова А.А. 1024
 Рыжов А.Н. 691
 Рыкова Е.К. 215
 Рычаловский Е.Е. 214, 216
 Рычков П.И. (186)
 Рычкова И.А. 206
 Рябухин А.Г. 200, 205
 Ряжев А.С. 692, 693
 Рязанцев И.В. 455, 694
- Саблуков Н.А. 28
 Савва Владиславич – см. Рагузинский-Владиславич С.Л.
 Савельева Е.А. 204, 531, 695–697, 910
 Савельева Л.В. 51
 Савенкова М.С. 698, 699
 Саверкина И.В. 208, 209, 700–702
 Савин М.В. 703
 Савинова Е.А. 184, 704
 Савинская Л.Ю. 185
 Сагдал Б. 201
 Садовников А.Г. 705
 Садыхова Л.Г. 188
 Саидов А.Х. 706
 Салават Юлаев (24)
 Саленко О.Ю. 191
 Саликов А.Н. 707
 Салимов А.М. 708
 Салимова М.А. 708
 Салова С.А. 188, 191, 215
 Салоники Н.В. 709
 Салуцкий А. 1087
 Самарин А.Ю. 196, 199, 710–716
 Самосюк Г.Ф. 717
 Санин О.Г. 216
 Санти Ф. (209)
 Сапонов М.А. 144
 Сапрыкина Е.Ю. 188
 Сапченко Л.А. 206, 215
 Саруханова И.М. 188
 Саськова Т.В. 188, 191
 Сафонов М.М. 189, 190, 207
 Сафронова А.М. 718, 719
 Сахибгареева Л. 123
 Сведенборг Э. (193)
 Свердлов М.Б. 145, 208, 209
 Свирская М.И. (374)
 Свифт Дж. (232, 233)
 Свиясов Е.В. 225
- Сдвижков Д. 720
 Сёдерберг У. 214
 Седов В.В. 1049
 Седов Г.П. 211
 Седых В.Н. 208–211
 Селиванова Л.Л. 721
 Семенова А.В. 217
 Семёнова Е.В. 722
 Семёнова Л.Н. 723
 Семёнова Ю.С. 724
 Семеновкер Б.А. 913
 Сен-Жермен (171)
 Сен-Симон К.-А. (343)
 Сень Д.В. 725
 Сенькина А.А. 1025
 Сенявин У.А. (210)
 Сергеев И.Н. 226
 Сергеева С.В. 146
 Сердюкова О.И. 215
 Серебренников М. 726
 Серебряков Е.А. 727
 Серебрякова Н.Я. 189, 190
 Серебрянникова М.В. 728
 Серов Д.О. 147, 729, 938
 Сигунова С.В. 730
 Сидоренко Л.В. 220, 1026
 Симонов А.Н. 731
 Симонова Л.А. 188
 Симонова Э.Р. 732
 Синдаловский Н. 733
 Синоло Г.В. 188
 Синьковский Д.Н. 885
 Синявина Е.А. (138)
 Синявич Я. (887)
 Сионова С.А. 206
 Сиповская Н.В. 173, 734–736, 939
 Сиренов А.В. 940
 Скворцова Е.А. 737
 Скворцова О.В. 529, 759
 Скворода Г.С. (970)
 Скоробогатов А.В. 148
 Скоропадская А.А. 738
 Скотт В. (516, 562)
 Скугаревская-ван ден Бром Е.В. 225
 Скульская М.А. 739
 Скурат Н. 212
 Славнитский Н.Р. 210, 220
 Слисаренко А.Н. 221
 Сложеникина Ю.В. 188, 215
 Слуцкая Е.А. 740
 Слюнькова И.Н. 139
 Смагина Г.И. 741, 742
 Смирнов А.А. 188
 Смирнов Г.К. 642, 743–745
 Смирнов Н.С. (225)
 Смирнов С.С. 220
 Смирнов Ю.Н. 186, 213
 Смирнова Н.В. 211, 746, 1027
 Смолицкая О. 1088
- Сморжевских-Смирнова М. 224
 Смягликова Е.А. 149
 Собиоров Х.Х. 747
 Соколов О. 748
 Соколов П.И. (218)
 Соколова А.А. 221
 Соколова М. 749
 Соколов-Ремизов С.Н. 750
 Соколовская Т.Д. 223
 Солдатова Л.М. 194
 Соловьев А.Ю. 195
 Соловьев В.Д. 204
 Соловьев В.М. 150
 Соловьев Е.А. 151
 Соловьева Г.В. 57
 Соловьёва Е.А. 188
 Соловьёва Н.А. 188, (1073, 1084)
 Соломеин А.Ю. 188, 751
 Соломина О.Л. 199
 Соломонова А.А. 223
 Сомова Л.Б. 870
 Сонина Е.С. 193
 Сонькина В.В. 779
 Сопиков В.С. (710)
 Сорокин В.Б. 223, 752–754
 Сорокин П.Е. 208, 209, 220
 Соснина Е.Л. 755
 Сотавов М.Н. 1028
 Спашанский А.Н. 152, 756
 Спицына Л.А. 757
 Срезневский И.Е. (878)
 Стагнеллиус Э.Ю. (188)
 Стаму П.Н. 1029
 Станюкович-Денисова Е.Ю. 758
 Стариков В.И. 212
 Старов И.Е. (1074)
 Старова Е.В. 759
 Старостин А.Ю. 877
 Старцев О.Д. (348)
 Стасюк В. 212
 Стегний П.В. 153
 Стенник Ю.В. 222
 Степанов К.А. 869
 Степанова С.С. 760, 1049
 Стерликова А.А. 202, 220, 761
 Стерн Л. (225)
 Стефан Кузминч (340)
 Стефко М.С. 762, 763, 1030
 Стеценко Н.К. 1031
 Стецкевич Е.С. 764
 Стецкевич М.С. 765
 Столбова В.П. 184
 Столович Л.Н. 766
 Стрекалов Д.В. 1032
 Стрелкова И.Х. 767
 Стрешнев Т.Н. (220)
 Стрижев А.Н. 878
 Странов А.С. (184, 457)

- Строганов Г.А. (184)
 Строганов М.В. (1072)
 Строганов П.А. (170)
 Строгановы (184, 690, 1060)
 Строев А. 768
 Строилова А.Г. 1068
 Стручков В.А. 189, 190
 Ступкин Е.И. 769
 Суворов А.В. (204, 520, 551)
 Сугомяев Ю.М. 190
 Сузи В.Н. 191
 Сукайло В.А. 154
 Сулимова А. 770
 Сумароков А.П. (188, 193, 198, 206, 215, 222, 223, 353, 425, 427–429, 565, 788, 779, 841, 864), 885, (1054–1056)
 Сумароков П.П. (223)
 Сурикова А.С. 771
 Сусидко И.П. 772
 Суслев М.Д. 773
 Суханов С.К. (184)
 Суховерхов В.В. 774, 775
 Сучков И.В. 776
- Таёжная Л.Я. 190
 Таирова-Яковлева Т.Г. 155, 210
 Талина Г. 156
 Танышина Н.П. 1089
 Тараборин Р.С. 157
 Тараборина Ю.В. 157
 Тараканова А.Д. 777
 Тараненко А.В. 778
 Тарановский К.Ф. 222, 779
 Тарасова И.Ю. 111
 Тарасова Н.И. 210, 211, 213
 Тарасова Ю.Г. 206, 780
 Таратин В.А. (184)
 Тартаковская Н. 143
 Татарников К.В. 213, 917
 Татищев В.Н. (145, 209, 216, 718, 849), 902, (906, 907)
 Телегина Т.М. 876
 Теперик Т.Ф. 188
 Теплов Г.Н. 885
 Терехин Н.М. 200, 205
 Теряева Е.В. 1033
 Техова Е.Д. 781
 Тик Л. (784)
 Тилева Е.А. 759
 Тиманова О.И. 158
 Тимашова О.В. 215
 Тимофеев Д.Н. 782
 Тимохина И.М. 205
 Тираспольская А.Ю. 198
 Титов Ю.Н. 783
 Тихомирова Е.Г. 187
 Тихонов Ю.А. 217
 Ткачева Е.А. 784
 Тодорский С. (198)
- Тоичкина А.В. 198
 Токмачев И. (899)
 Тольо Э.О. 223
 Толстая И.М. 17
 Толстой Л.Н. (186, 187, 215, 406)
 Томан И.Б. 221
 Томашевский Б.В. 222
 Томбу В. 87
 Томсинов В.А. 871, 1069
 Топычканов А.В. 873
 Торияма Ю. 786
 Торопицын И.В. 866, 906, 907
 Тоштендаль Р. 214
 Тоштендаль-Салычева Т. 214
 Травников С.Н. 223
 Третьяковский В.К. (128, 142, 188, 198, 215, 222, 268, 283, 284, 346, 355, 547, 779)
 Третьяков И.А. 885
 Трефилов Е.Н. 787, 1034
 Трофимов В.Т. 200, 205
 Трофимов Ж.А. 159
 Трофимова В.С. 188
 Трофимова Н.В. 223
 Трубецкая И.Г. (209)
 Трубицына В.В. 788
 Тункина И.В. 789
 Тургенев И.С. (215)
 Турчанинова А. (124)
 Тутолмин Т.И. (194)
 Туфанова О.А. 223
 Тычинина Л.В. 189, 190, 925
 Тьогашев Е.А. 201
 Тютчев Ф.И. (215)
 Тютюма С.А. 220
 Тюфякин П.И. (193)
 Тюхиенева Е.А. 210, 213
 Тюхменева Е.А. 790
- Уайт Б. (188)
 Угримов Л.Д. (209)
 Уитворт Ч. (513)
 Украинцев Е.И. (210)
 Улицкая Л. (215)
 Унамуну М. де (188)
 Урушев Д.А. 791
 Усачева С.В. 792
 Усова В.А. 215
 Успенская С.В. 160
 Успенский Ф.Б. 538
 Утыз Имяни (215)
 Ухналев А.Е. 208, 209, 211, 793, 794
 Ушаков В.А. 220
 Ушакова К.М. 161, 1035
- Фадеева Т.М. 189, 190
 Файзрахманова А.А. 795
 Фаловски А. 190
- Фальконе Э.М. (186, 859)
 Фарафонов О.А. 796
 Фархутдинова С.Г. 162
 Фаулз Д. (215)
 Фафурин Г.А. 163, 186
 Фахретдинов А.И. 191
 Федоров Н. (587)
 Федорова М.М. 1036
 Федоровская Л.А. 192
 Федосеева Т.В. 191, 797, 798
 Федоткина М.И. 799
 Федотова Е.Д. 800
 Федотова Л.Л. 1037
 Фейгина Е.В. 188
 Фельдман Д.З. 191
 Феофан Прокопович – см. Прокопович Феофан
 Феофилакт Косичкин (382)
 Феррацци М. 225
 Филарет (Дроздов) (212)
 Филаретова Н.И. 801
 Филдинг Г. (829)
 Филдинг С. (188)
 Филимон А.Н. 164
 Филимонов В.П. (1087)
 Филимонова М.А. 802
 Филошкин А.И. 220
 Фирсова Е.Н. 187, 189, 190
 Флобер Г. (188)
 Флоря Б.Н. 803
 Фок И. (793)
 Фокина О.Н. 941
 Фоменко И.Ю. 191, 199, 206, 923
 Фонвизин Д.И. (142, 215, 507, 675, 698, 699)
 Фонтенель Б. (235)
 Фортгыин В.С. 205
 Фосс И.Г. (207)
 Франклин Б. (20, 910)
 Фридерика Б. (135)
 Фридерик-Льюис (899)
 Фридрих II (186, 414)
 Фридрих-Казимир (208)
 Фролкин В.А. 197
 Фролкина А.К. 205
 Фруменкова Т.Г. 804
 Фуражева Н.С. 805, 1038
 Фурсенко В. 880
 Фурсенко Л.И. 185
- Хабермас Ю. 806
 Хазиева Д. 807
 Халтурин Ю.Л. 808, 1039
 Ханзен Ф. 165
 Харламова М.А. 338
 Харлушина А.А. 809, 1040
 Хворостьянова Е.В. 222
 Хворых Т.О. 810
 Хвостов Д.И. (625)
 Хвостова Г.А. 209

- Хексельштейндер Э. 225
Херасков М.М. (206, 215, 250, 550, 659, 1037)
Хилков А.Я. (211)
Хладениус И.М. 811
Хлебников Г.В. 226
Ховельянос М. де (326)
Ходасевич В.Ф. (168, 822–825)
Ходеев Ф.П. 812
Холодкова Н.В. 813
Холоднова О.А. 211
Холшевников В.Е. 222
Хотеев П.И. 166
Храмов В.Б. 197
Хрущов М. (438)
Хуан Мин-Хун 1041
- Ц**
Царева А.П. 814
Царёва Е. 66
Цвиркун В.И. 167, 213
Цебриков Р.М. (71)
Цейглина М.В. 1042
Цепков А.И. 880, 892
Церетели З.К. 184
Цзин-жэнь (727)
Цыганкин Г.С. 1043
Цыпуштанов В.А. 184
Цырульников Д.Е. 1044
- Ч**
Чамеев А.А. 1058
Чеботарев А.М. 942
Чевтаев А.Г. 1090
Чежина Ю.И. 815, 816
Чекалов К.А. 188, (1088)
Чекмарев А.В. 817
Чекулаев Н.Д. 818
Челищев П.И. (352, 683)
Чельшев Е.П. 190
Чепурина М.Ю. 819
Черенко И.А. 820
Черепашук А.М. 205
Черепеникова М.С. 821
Черкасов В.А. 168, 822–825
Черкасов И.А. (898)
Черкасов П.П. 153, 169, 219, 826, 827
Черкасова А.С. 897
Черкасова М.С. 220
Черная Л.А. 828
Черненко В.А. 184
Черненко И.А. 188
Черничкина В.А. 133
Черноваев А.А. 882
Черноверская Т.А. 188
Черновол М.П. 1045
Черноскулов В.И. 221
Чернышев П.Г. (899)
Чернышёва М.И. 190
Чернышевский Н.Г. (824)
Чеснокова Т.Г. 188, 829
- Чечикова Г.А. 190
Чечулин Н.Д. (193, 318), 905
Чжу Хунжуй 830
Чижевский Д.И. (198)
Чичагов П.В. (528)
Чувикин В. 212
Чугреева Н.Н. 213
Чудинов А.В. 170, 831, 832
Чудинов И.А. 833
Чулков М.Д. (215)
Чуносова А.А. 1046
- Ш**
Шакорник П. 171
Шаликов П.И. (124)
Шамелько Н.В. 30
Шамиссо А. фон (188)
Шамшуренков Л.Л. (38)
Шанаева О.Н. 797
Шапир М.И. 222
Шапкин И.Н. 221
Шарафадина К.И. 158
Шарден Ж.Б.С. (374)
Шарипов Х.Г. 191
Шарлотта Х.С. (220)
Шарнова Е.Б. 834
Шафиров П.П. (208, 213, 761)
Шаховской А.А. (218)
Шачин С.В. 341, 460, 806
Шачина А.Ю. 341, 460, 806, 835
Шванн Х.К. 207
Швецова Т.В. 201
Швидковский Д.О. 184, 836
Шебалдина Г.В. 210, 211, 214
Шевляков А.И. 877
Шевцов А.В. 837
Шевцова О.Н. 838
Шевченко Е.А. 172, 1047
Шедель И.Г. (208)
Шемелина Д.С. 360
Шёнле А. 839
Шер С.А. 5
Шереметев Б.П. (221)
Шереметев М.Б. (211)
Шереметева А.П. (223)
Шеридан Р.Б. (69)
Шестаков В.Ф. 213
Шестакова Е.Ю. 117
Шешковский С.И. (438)
Шигин В.В. 174
Шиллер Ф. (188, 225, 397, 434)
Шипилов А.В. 175, 176
Шиппан М. 195
Ширинац А.А. 877
Широкоград А.Б. 177
Шишков А.С. (218), 840
Шкваров А.Г. 178–180, 220
Шкипина И.В. 841
Шкунов В.Н. 943
- Шмидт С.О. 116
Шобухин В.Ю. 842
Шолохов А.Б. 205
Шорбан Е.А. 843
Шрадер Т.А. 207
Шрёттер Б. 844
Штарцер Й. (540)
Штольценбер Ю. 845
Шуберт Ф.П. (29)
Шубин С.И. 200, 205
Шубинский В.И. 181
Шувалов И.И. (251, 456, 549, 638, 684), 908
Шувалов П.И. (249), 908
Шуклин В.И. 846
Шулепин Д.С. 847
Шулупова Э.А. 883
Шулус И.И. 133
Шульгина Э.В. 464
Шумилов Н.А. 200, 205
Шустов М.П. 215
- Щ**
Щёболева Е.Г. 848
Щепетов К.П. 165
Щерба А.Н. 849
Щербакова Т.В. 182
Щербаков М.М. (584, 795, 838), 909, (1016)
Щербинин Н.А. (187)
Щербинина А.М. (190)
Щукин В.Г. 1091
- Э**
Эдвардс Дж. (20)
Эджуорт М. (188)
Эзоп (223)
Эйк И. (211)
Эйлер Л. (201)
Элиан К. (215)
Эльц Е.Э. 850
Эмин Н.Ф. (124, 206, 525)
Эренсверд У. 214
Эриксен В. (815)
Эрикссон-Вольке Л. 214
Эрих-Хэфели В. 851
Эрлихсон И.М. 852–854, 944
Этарян Е.О. 188
- Ю**
Юань Мэй (727)
Южакова Т.Л. 855
Юнг Э. (1068)
Юнсон Л. 214
Юриксон Х. 214
Юркин И.Н. 183, 208–211
Юрчук К.И. 221
Юрьев А.Ю. 856
Юсупов Н.Б. (185, 375, 471, 740)
Юсуповы (647)
Юхименко Е.М. 212
Юшкин Н.П. 857

УКАЗАТЕЛЬ ЛИТЕРАТУРЫ ЗА 2009–2010 ГГ.

- Яворский С.** (198)
Якимович А. 858, 859
Яковлев А.А. 860
Яковлев А.Н. 861, 862
Яковлев К.В. 184
Яковлев О.А. 220
Якунина О.А. 220
Якушев М.М. 863
Якушева Г.В. 223
Якушкин Г.Р. 187
Якушкина М.М. 187
Яницкая С.С. 191, 864
Ястребинский Г.Б. 211
Яхшибекян Д.Д. 1048
Яценко Л.И. 1092
- Beales D.** (1083)
Cross A. 225
Delon M. 186
Dretry A.-E.-M. (188)
Hughes L. 225
Iuanoua-Gledel E. 188
Karjavine T. (490)
Keipert H. 225
Kolving U. 186
Lehmann-Carli G. 225
- Marker G.** (185)
Marmontel J.-F. (188)
Montesquieu – см. Монтеस्कье
Ш.Л. де
Moureau F. (185)
Nicolaj M. 225
Panofsky G.S. (1076)
Raynaud J.-M. 186
Reynaert F. 186
Sgard J. 186
Voltaire – см. Вольтер
Zanin S. 186

ПЕРЕЧЕНЬ ИЛЛЮСТРАЦИЙ

К статье А.С. Корндорф

М. Кюзель. <i>Жерло Ада</i> , сцена из спектакля <i>Золотое яблоко</i> . 1668. Раскрашенная гравюра по рисунку Л. Бурначини	77
Э. Д'Альфиано. Сцена четвертой интермедии <i>Ад</i> . 1589. Флоренция. Гравюра по рисунку Б. Буонталенти.....	77
Неизвестный художник. Сцена <i>Ада</i> для второго действия спектакля <i>Ревнивая Венера</i> . 1643. Венеция. Гравюра по рисунку Дж. Торелли.....	78
В. Спада. Сцена <i>Ада</i> для третьего действия спектакля <i>Геркулес в Фивах</i> . 1661. Гравюра по эскизу Ф. Такко	78
Б. дель Бьянко. Сцена <i>Ада</i> из спектакля <i>Андромеда и Персей</i> . 1653. Гравюра.....	79
С. делла Белла. <i>Царство Плутона</i> , сцена интермедии <i>Ад</i> к спектаклю <i>Ночь богов</i> . 1637. Гравюра по эскизу А. Париджи	79
М. Кюзель. <i>Дворец Плутона</i> , сцена из спектакля <i>Золотое яблоко</i> . 1668. Гравюра по рисунку Л. Бурначини.....	80
В. Спада. <i>Дворец Плутона</i> , сцена из спектакля <i>Геркулес в Фивах</i> . 1661. Гравюра по эскизу Ф. Такко	80
В. Спада. <i>Тюремный двор</i> , сцена из спектакля <i>Геркулес в Фивах</i> . 1661. Гравюра по эскизу Ф. Такко	83
П.-Д. Абати. <i>Тюрма</i> , резцовая гравюра на меди по эскизу Ф. Галли Бибиена	84
Д. Маро. <i>Тюрма Амадиса</i> , гравюра из книги: <i>Marot D. Livre de décoration dife-gante. La Haye, s.d. [XVIIIe s.]</i>	89
Р. Кантагаллина. Сцена пятой интермедии <i>Кузница Вулкана</i> . 1608. Гравюра по эскизу Дж. Париджи	91
Неизвестный художник. <i>Подземелье</i> , тюремная сцена из спектакля <i>Дидио Джулиано</i> . 1687. Гравюра по эскизу Ф. Галли Бибиена.....	91
П. Гонзага. Сцена <i>Ада</i> , эскиз театральной декорации для спектакля <i>Амур и Психея (?)</i> . 1790-е годы. Бумага, тушь, перо. ГЭ	96

ПЕРЕЧЕНЬ ИЛЛЮСТРАЦИЙ

К статье С.О. Андросова

К. Альбачини. <i>Флора Фарнезе</i> . Конец 1760-х годов. Мрамор. ГЭ	101
К. Альбачини. <i>Исида</i> . Конец 1760-х годов. Мрамор. ГЭ	102
Л.-С. Буазо. <i>Весталка</i> . 1769. Мрамор. Государственный музей-заповедник «Павловск»	111
П. Батони. <i>Фетида забирает Ахиллеса у кентавра Хирона</i> . 1769–1770. Холст, масло. ГЭ	114

К статье Sabine Panzram

Carlos III (1716–1788), King of Naples and Sicily (1735–1759) and of Spain (1759–1788); frontispiece of the <i>Antichità di Ercolano</i> (1757)	117
A. von Maron. <i>Johann Joachim Winckelmann</i> (1717–1768). 1768. Oil on canvas, 136 x 99 cm; Klassik Stiftung Weimar/Museen (Inv. G 70)	120

К статье Sven Günther

Establishment of the Russian Fleet (1696). Дьяков 4.3; Image: Künker 161, 6076. © F.R. Künker GmbH & Co. KG, Osnabrück / Lübke & Wiedemann, Stuttgart	185
Swedish Victory over the Russians at Narva (20 th November 1700). Cf.: <i>Hildebrand B.E. Sveriges och Svenska Konungahusets Minnespengar Praktmynt och Belöningsmedaljer</i> . Stockholm, 1874. Vol. I. P. 505, 50. Image: Künker 150, 2121. © F.R. Künker GmbH & Co. KG, Osnabrück / Lübke & Wiedemann, Stuttgart	186
Battle near the Pelkine River (6 th October 1713). Дьяков 45.5; Image: Künker 161, 6094. © F.R. Künker GmbH & Co. KG, Osnabrück / Lübke & Wiedemann, Stuttgart	186
Peter's Visit to Paris Mint (1 st June 1717). Дьяков 52.1; Image: Künker 146, 8027 (for the legend on the rim). © F.R. Künker GmbH & Co. KG, Osnabrück / Lübke & Wiedemann, Stuttgart.....	187
Liberation of Prisoners (15 th December 1741). Дьяков 85.1; Image: Künker 186, 6629. © F. R. Künker GmbH & Co. KG, Osnabrück / Lübke & Wiedemann, Stuttgart	188
Birth of Grand Duke Paul Petrovich (20 th September 1754). Дьяков 97.2. Image: Künker 161, 6207. © F. R. Künker GmbH & Co. KG, Osnabrück / Lübke & Wiedemann, Stuttgart	190
Cessation of Land Border Disputes (13 th May 1754). Дьяков 99.2; Image: Künker 150, 2412. © F.R. Künker GmbH & Co. KG, Osnabrück / Lübke & Wiedemann, Stuttgart	190
Coronation of Catherine II (22 nd September 1762). Дьяков 117.2; Image: Künker 186, 6717. © F. R. Künker GmbH & Co. KG, Osnabrück / Lübke & Wiedemann, Stuttgart	192
Permission of Tax-Free Import of Bread from Livonia and Estonia to St. Petersburg (n.d.). Дьяков 133.1; Image: Künker 150, 2613. © F.R. Künker GmbH & Co. KG, Osnabrück / Lübke & Wiedemann, Stuttgart.....	193
Victories over Turkey in 1770. Дьяков 149.1; Image: Künker 148, 1216. © F.R. Künker GmbH & Co. KG, Osnabrück / Lübke & Wiedemann, Stuttgart	194
Seals of France (1792/1799). Cf.: <i>Mazard J. Le grand sceau de France (depuis 1789) // Centennial Publication of the American Numismatic Society / Ed. by H. Ingholt. New York, 1958. P. 459–470, fig. 2/3.....</i>	196

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- Архив СПбИИ РАН – Архив Санкт-Петербургского Института истории Российской академии наук
- БАН – Библиотека Академии наук (Санкт-Петербург)
- ГИМ – Государственный исторический музей (Москва)
- ГМИИ – Государственный музей изобразительных искусств им. А.С. Пушкина (Москва)
- ГМУА – Государственный музей-усадьба «Архангельское» (Московская обл.)
- ГЭ – Государственный Эрмитаж (Санкт-Петербург)
- ИРЛИ – Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук (Санкт-Петербург)
- НБ МГУ. ОРКиР – Научная библиотека Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. Отдел редких книг и рукописей
- РГАДА – Российский государственный архив древних актов (Москва)
- РГАЛИ – Российский государственный архив литературы и искусства (Москва)
- РГГУ – Российский государственный гуманитарный университет (Москва)
- РГИА – Российский государственный исторический архив (Санкт-Петербург)
- РГНФ – Российский гуманитарный научный фонд (Москва)
- РНБ – Российская национальная библиотека (Санкт-Петербург)
- Сборник РИО – Сборник Императорского Русского исторического общества. СПб., 1867–1916

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- СК – Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века. 1725–1800. Т. 1–5. М., 1962–1967; Дополнения. М., 1975
- AN – Archives Nationales (Paris)
- ASR – Archivio di Stato (Roma)
- Best. D – *Voltaire*. Correspondence and related documents / Definitive edition by Th. Besterman. Genève: Institut et Musée Voltaire; Toronto: University of Toronto Press, 1968–1971; Oxford: The Voltaire Foundation, 1971–1977. 51 vol.
- BNF – Bibliothèque nationale de France (Paris)
- CL – Correspondance littéraire, philosophique et critique par Grimm, Diderot, Raynal, Meister, etc. revue sur les textes originaux, comprenant outre à ce qui a été publié à diverses époques les fragments supprimés en 1813 par la censure... / notices, notes, table générale par M. Tourneux. Paris: Garnier, 1877–1882. 16 vol.
- Corr. – *Diderot D.* Correspondance / Éd. par G. Roth et J. Varloot. Paris: Éditions de Minuit, 1955–1970. 16 vol.
- DHS – Dix-huitième siècle, revue de la Société française d'étude du XVIIIe siècle, 1969–
- DK – Die Fragmente der Vorsokratiker. Griechisch und Deutsch von H. Diels / Hrsg. von W. Kranz. Bd. I–III. 6. Ausg. Berlin, 1951–1952
- DPV – *Diderot D.* Œuvres complètes / Éd. par H. Dieckmann, J. Proust, J. Varloot, & al. Paris: Hermann, 1975–
- OCV – *Voltaire*. Œuvres complètes. Genève; Oxford: The Voltaire Foundation, 1968–
- SVEC – Studies on Voltaire and the Eighteenth century. Genève; Banbury; Oxford: The Voltaire Foundation. 1955–

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН*

- Аарма Л. (см. также Aarma, L.) 341, 342
Абаты Пьетро Джованни (см. также Abati P.G.) 84
Август Младший, герцог Брауншвейг-Вольфенбюттельский 297
Август Октавиан (Гай Юлий Цезарь Август), римский император (см. также Augustus) 12, 269, 275
Агриппина 113
Адольфиус Генрих 342
Адриан, римский император (см. также Hadrian) 337
Аккерман Дж. (см. также Ackerman J.) 335
Александр Македонский (Александр Великий, см. также Alexandre de Macedoine) 8, 12, 13, 46, 103, 260, 261, 267–278
Александр Невский 275, 276
Алексеев Михаил Павлович (см. также Alekseev M.P.) 325, 328
Алексей Михайлович, русский царь 75
Алкивиад 6, 275
Альбани Алессандро 100
Альбачини Карло (Альбаджини Шарль) (см. также Albasini Carlo) 100–105, 108, 115, 332
Альберти Леон Баттиста (см. также Alberti L.B.) 233, 234
Альбрехт-Биркнер В. (см. также Albrecht-Birkner V.) 344
Алькюбьерре Роке Хоакин де (см. также Alcubierre R.J.) 141, 142
Анджелини Джузеппе 332
Анджелис Доменико де 104
Андросов С.О. 99, 148, 149, 331–334
Анна Болейн, королева Англии (см. также Anne de Boullen) 311, 312, 317, 319, 321, 323
Анна Иоанновна, российская императрица 86, 92
Апеллес 270
Арайя Франческо Доменико 86, 264, 267, 268
Арат из Сол 17, 18
Аристотель (см. также Aristoteles) 17
Арсений, иеромонах (Суханов, Антон Путилович, см. также Arseni Soukhanov) 15, 28
Артемяева Т.В. 149
Артене, д (см. также Arthenay, d), секретарь французского посольства в Неаполе 143
Артог Франсуа (см. также Hartog F.) 10

* Составитель – Л.Б. Вольфцун.

- Бабанов И.Е.** 141
Баженов Василий Иванович 337
Байрс Джозеф 108
Бальзак Жан Луи Гез де 260
Бальзан Эудженио (см. также *Balzan E.*) 335
Баратынский Евгений Абрамович 327
Барацци Франческо (см. также *Barazzi F.*) 109, 110, 114
Барбо Жан 230
Барсов Антон Алексеевич 29
Бартелеми Жан Жак (см. также *Barthélemy J.J.*) 145, 233
Батиани Карл Иосиф 233
Батони (Баттони) Помпео Джироламо (см. также *Batoni P.G.*) 109, 113, 114
Бах Иоганн Себастьян 23
Башомон Луи Пти де (см. также *Vauchautmont L.P. de*) 232
Баярди Оттавио Антонио (см. также *Bayardi O.A.*) 149
Беви-Аква, коллекционер 233
Беккариа Чезаре 95
Белинский Виссарион Григорьевич 329
Белла Стефано дела 76, 79, 456
Белликар Жером Шарль (см. также *Bellicard J.Ch.*) 155
Белокуров Сергей Алексеевич 26, 28, 31, 344
Белуа Пьер Лорен Дормон де (см. также *Belloy D.*) 315
Беляев И. 16
Бентам Иеремиа 95
Березайский Василий Семенович (см. также *Berezaiskii V.*) 150–152, 154
Берелович В. 258
Берков П.Н. 260, 328
Бернис Франсуа Жоашен Пьер де 308
Бернулли Николай 21
Бернулли Якоб 21
Бертолотти Антонино (см. также *Bertolotti A.*) 108
Бетховен Людвиг ван 97
Бибиена Алессандро (Галли Бибиена А.) 85
Бибиена Фердинандо (Галли Бибиена Ф.) (см. также *Bibiena F.*) 83–85, 90
Биньямини И. (см. также *Bignamini I.*) 106, 108–110
Блен де Сенмор Адриен Мишель Гиацинт (см. также *Blin de Sainmore A.M.H.*) 307–311, 313, 314, 316, 317, 319–324
Бове Жак Филипп 109
Бовилье Поль де 298
Бокаж Анна Мария Фике дю 262
Бон Иероним (Джироламо) 86
Боргезе Полина (Мария Полетта) 333
Боргезе Шипионе, кардинал 104, 112
Борисова И.В. 95
Брагоне М.К. (см. также *Bragone M.C.*) 295, 296, 302, 305
Брайцева М.В. 336
Браччи Алессандро 107, 112
Браччи Пьетро 107, 332
Брейтгаупт Йоахим Юстус 344
Брени Т. 75
Бриан П. (см. также *Briant P.*) 13, 46
Бридан Шарль Антуан 104
Брокки Иньяцио 108
Бросс Шарль де (см. также *Brosses Ch.*) 233, 239
Брукер Иоганн Якоб 10
Брюль Генрих граф фон (см. также *Brühl H.*) 142
Брюсов В.Я. 9
Буазо Луи Симон (см. также *Boizot Louis-Simon*) 109, 110, 111
Будылина О.И. 336
Бужинский Гавриил Федорович (см. Гавриил Бужинский) 274, 275
Буйи Жан Никола 97
Булычева А.В. 73
Буонталенти Бернардо (Бернардо делле Джирандоле) 93
Бурбон, династия 75, 139
Бурбон-Конде, династия 75
Бурначини Лодовико Оттавио 76, 93
Бухнер Август 75
Буше Ив Элуа 109
Бушмина Т.Б. 14
Быкова Т.А. 296
Бюшинг А.Ф. 343
Валад Жак Франсуа 156
Валле П.Ж. (см. также *Vallet P.J.*) 144

- Валле Филиппо дела 332
 Ванэгс П. (см. также Vanags P.) 342
 Вацуро В.Э. 326
 Вдовин Г.В. 5
 Вебер Фридрих Кристиан (см. также Weber F.Chr.) 343
 Велема В. (см. также Velema W.) 11, 226
 Венути Марчелло, маркиз (см. также Venuti N.M.) 143
 Вергилий (см. также Virgile) 9, 93, 261, 264
 Верри Алессандро (см. также Verri Alessandro) 232
 Верри Пьетро (см. также Verri Pietro) 230, 232
 Веселовский Федор Павлович 328
 Вестрис Франсуаза Роза де 311
 Виге-Лебрен Элизабет 178
 Виктор Амадей II, сардинский король 228
 Винкельман Иоганн Иоахим (см. также Winkelmann J.J.) 4, 7, 11, 12, 107, 139, 141–149, 152–157, 232
 Винтер Э. (см. также Winter E.) 296, 344
 Висконти Джованни Баттиста Антонио 107
 Витрам Рейнхард (см. также Wittram R.) 340
 Витрувий Поллион Марк (см. также Vitruvius) 154, 155
 Виттельсбахи, династия 171
 Владимир, архимандрит (Филантропов Василий) 17, 23
 Вольпьяк-Оже К. (см. также Volpihas-Auger C.) 6, 13, 14, 232
 Вольтер (см. также Voltaire) 6, 7, 9, 22, 46, 56, 87, 156, 172, 233, 239, 261, 263, 268, 269, 270, 273, 274, 276, 277, 279, 308, 318, 325–330
 Воронцов Михаил Илларионович 149
 Воронцов Семен Романович (см. также Vorontsov S.R.) 149, 174, 175
 Восс И.Г. 26
 Вяземский Петр Андреевич 327, 328
 Габриелли Диамант 75
 Гаво Пьер 97
 Гавриил Бужинский (см. Бужинский Г.Ф.)
 Гади А. (см. также Gady A. d') 173, 176
 Галиани Фердинандо (см. также Galiani F.) 12, 146, 211, 212, 230
 Галли Бибиена, семья итальянских художников (см. также Bibiena) 83, 85, 90, 93–95
 Галли Бибиена Фердинандо (см. Бибиена Ф.)
 Галуппи Бальдассаре 96
 Гамильтон Гэвин 105, 106, 108, 109, 112, 113
 Ганнибал Барка 265
 Ганнон (см. также Hannon) 56
 Гебхардт Оскар фон 30
 Гедеон, иеромонах 17, 18
 Гей Джон 94
 Гейне Христиан Готлиб (см. также Heune Christian Gottlob) 27
 Гельвеций Клод Адриан (см. также Helvétius Cl.A.) 230, 294
 Гендель Георг Фридрих 267
 Генрих IV, король Франции (см. также Henri IV) 73, 74
 Генрих VIII, король Англии (см. также Henri VIII) 311, 312, 317, 321
 Герцен Александр Иванович 329
 Гесиод 30
 Гёте Иоганн Вольфганг фон (см. также Goethe J.W.) 12, 26, 140, 141, 146, 155, 169, 170
 Гецелиус Иоганн Георг 341
 Глумов А.Н. 336
 Глюк Г. (см. также Glück H.) 341
 Глюк Кристоф Вилибальд 81
 Глюк Эрнст (см. также Glück E.) 295, 296, 301, 339–345
 Голиков Иван Иванович 277
 Голицын Александр Михайлович 334
 Голицын Дмитрий Алексеевич (см. также Golitsyn D.A.) 147, 148, 172
 Гольбах Поль Анри 337
 Гомер 9, 22, 24–28, 31, 154, 264
 Гонзага, правители Мантуи 75

- Гонзага (Гонзаго) Пьетро ди Готтардо (Петр Федорович) 95, 96
 Гонзага Сильвио Валенти, кардинал 103
 Гораций Флакк Квинт (см. также Ногасе) 12, 212, 261–263
 Гордеев Федор Гордеевич 242
 Гори Антонио Франческо, антиквар 143
 Горский А.В. 16
 Гребенюк В.П. 260
 Грегори Иоганн (Яган) Годфрид 75
 Грель Ш. (см. также Grell Ch.) 261
 Гримм Фридрих Мельхиор (см. также Grimm F.M.) 147, 171, 174–180, 230, 232
 Гринер П. (см. также Griener P.) 228, 232, 237
 Грипенхельм (Фигрелиус) Эдмунд (см. также Gripenhjelm E.) 233, 234
 Гуарначи из Вольтерры 233
 Гуаско Джованни Франческо Антонио, граф де Клавьер 229
 Гуаско Пьетро Алессандро, граф де Клавьер 229
 Гуаско Оттавиано, граф де Клавьер (см. также Guasco O.) 13, 227–237, 239–242
 Губер Михаэль (см. также Huber M.) 147
 Гузанов А.Н. 149
 Гуревич М.М. 296
 Гюнтер С. (см. также Günter S.) 12, 198
 Д’Аламбер Жан Лерон (см. также Alembert J. Le Rond d’) 6, 144, 147, 154, 336
 Данкарвиль Пьер Франсуа Юг (см. также D’Hancarville P.F.H.) 233
 Даннекер Иоганн Генрих 105
 Дарий (см. также Darius) 260, 267, 269, 273, 274, 276
 Дасье Анна 9
 Дасье Андре 9
 Дасье Бон Жозеф (см. также Dacier B.J.) 229
 Дашкова Екатерина Романовна 149
 Дезессар, семенье в Комеди Франсез 314
 Дейк, консул в Ливорно 233
 Де Квинси Томас 94
 Демаре Жан де Сен-Сорлен 259, 260
 Демин А.С. 75, 275, 276
 Демосфен (см. также Démosthène) 265
 Демулен Камилл (Люси Семплис Камилл Бенуа) 321
 Дёнике М. 13, 169
 Депре Луи 81
 Державин Гаврила Романович 337
 Державин Константин Николаевич 321
 Державина О.А. 75, 260, 275, 276
 Джамболонья (Джованни да Болонья) 106
 Дженкинс Томас 105, 106, 108, 112, 333
 Джонсон (см. также Johnson) 107
 Дзоффоли Джакомо 112
 Дзоффоли Джованни 112
 Дидро Дени (см. также Diderot D.) 144, 146–148, 154, 172, 242, 337
 Дионисий, иеромонах 26, 30, 31
 Дионисий Перизгет 30
 Дмитриев-Мамонов Александр Матвеевич 179
 Дмитриевский А.А. 30
 Долгова С.Р. 151
 Долгоруков Василий Лукич 338
 Долгоруков Иван Михайлович 328
 Дорофеева Г.В. 146
 Дьяков М.Е. (см. также Diakov M.E.) 183–187, 189, 193
 Дюбо Жан Батист (см. также Dubos J.-B.) 233, 238
 Дюкенуа Франсуа 106
 Дюнан Франсуа Николя 316
 Евгений, митрополит (Евфимий Алексеевич Болховитинов) 22
 Евгений, архиепископ (Елевферий Булгарис) 22
 Евсина Н.А. 148
 Егунов А.Н. 22
 Екатерина I, российская императрица (см. также Katharina I) 343

- Екатерина II, российская императрица (см. также Catherine II) 11–13, 22, 95, 100, 103, 114, 146, 147, 149, 171–180, 198, 212, 242, 275, 327, 337, 334
- Екимов Петр Екимович 22
- Елизавета Петровна, российская императрица (см. также Elizabeth) 198, 277, 278
- Елизавета Шарлотта, принцесса Палатинская 171
- Еремин И.П. 260
- Живов В.М.** 258–260, 277, 278
- Жокур Луи де (см. также Jaucourt L. de) 11, 144, 151–155, 157, 231, 234
- Жоффрен Мария Тереза 228, 230, 336, 337
- Заборов П.Р. (см. также Zaborov P.) 325–330
- Засулич Вера Ивановна 329
- Зерцалов Александр Николаевич 344
- Зиновьев Василий Николаевич 149
- Иакинф**, иеродиакон 16
- Иванов Алексей Алексеевич 242
- Иванов А.М. 149
- Иванов И.А. 148
- Изабелла Клара, эрцгерцогиня австрийская 75
- Ингеборга, королева Франции (Изамберга, см. также Isemberge) 309–312, 314, 317, 319–321, 323
- Иоаким, московский патриарх 16
- Иоанн IV Грозный 28
- Иоанн Евгеник 27
- Иоанн Златоуст, архиепископ Константинопольский 23, 296
- Кавалли Франческо** (Калетти-Бруни Пьетро Франческо) 75
- Кавачеппи Бартоломео (см. также Cavascerpi V.) 99, 100, 105, 106, 108, 112, 115, 332, 333
- Каган М.Д. 297
- Каган Ю.О. (см. также Kagan J.) 173–175, 177, 180
- Казаков Матвей Федорович 337
- Казанова Джакомо Джироламо 230
- Кальцабиджи Раньеро 81
- Камерон Чарльз 337
- Канова Антонио (см. также Canova A.) 104, 115, 333
- Кантагаллина Ремиджио 88, 91
- Кантемир Антиох Дмитриевич (см. также Cantemir A.D.) 228, 230
- Каптерев Н.Ф. 22
- Карамзин Николай Михайлович 21
- Карделли Доменико 112
- Карделли Лоренцо 112
- Каржавин Федор Васильевич 154–157
- Карл I Людвиг, курфюрст Пфальца 171
- Карл II Пфальцкий 171
- Карл II Гонзага, герцог Мантуи 75
- Карл III, король Испании (см. также Carlos III Bourbon) 139, 141
- Карл VI, король Франции (см. также Charles VI) 231
- Карл VII, король Франции (см. также Charles VII) 231
- Карл VII, король Неаполя и Сицилии (см. Карл III)
- Карл IX, король Франции (см. также Charles IX) 307, 311, 312, 319, 321, 322
- Карл XII, король Швеции (см. также Charles XII) 8, 12, 269, 270, 274, 276, 278, 328
- Карп С.Я. (см. также Karp S.) 6, 13, 144, 152, 171, 176, 334
- Каррадори Франческо 108
- Карташев (Карташов) Алексей Иванович 29, 30, 31
- Кассий Гай Лонгин 104
- Катремер де Кинси Антуан Кризостом (см. также Quatremère de Quincy A.Ch.) 228, 233
- Квальо Джованни Мария 81
- Кваренги Джакомо 337
- Квинт Курций Руф (см. также Quinte-Curce) 8, 13, 46
- Квинтилиан (Марк Фабий Квинтилиан, см. также Quintilien) 265, 266
- Кейлюс, Анн Клод Филипп граф де (Келюс, см. также Caylus A.C.Ph.) 142, 146, 153, 233

- Кемпфер Энгельберт 233
 Кириллина Л.В. 97
 Кларк Э.М. (см. также Clark A.M.) 109, 114
 Клодион (см. Мишель К.) 109, 110
 Княжнин Яков Борисович 326
 Кобенцль Карл 231
 Ковригина В.А. (см. также Kovrigina V.A.) 295, 296, 301, 343, 344
 Козловский Михаил Иванович 334
 Колчинский Э.И. 261
 Кондорсе Мари Жан Антуан Николя де Карита, маркиз де 7
 Констан Бенжамен Анри де Ребек (см. также Constant H.V.) 13, 14, 294
 Константин Павлович, великий князь 22
 Контти Луи Арман II 269
 Конфуций 7
 Корндорф А.С. (см. также Korndorf A.) 12, 72, 73, 456
 Корнель Пьер (см. также Corneille P.) 309
 Коробочко А.И. 147
 Королев Е.В. 103–105, 110
 Космолинская Г.А. (см. также Kosmolinskaya G.A.) 11, 140, 156
 Костышин Д.Н. 278
 Кочеткова Н.Д. 258, 273, 276
 Кошен Шарль Никола (см. также Cochin C.N.) 172
 Краттер Франц (см. также Kratter F.) 343
 Кребийон Клод Проспер 263, 318
 Кребийон (Кребильтон) Проспер Жюлио 318
 Креслинш Янис (см. также Krēsliņš J.) 340, 341
 Кристина, королева Швеции (см. также Christina of Sweden) 233
 Кроза Пьер (см. также Crozat P.) 172
 Кросс Э. 175
 Ксеркс 274
 Кубе А.Н. 103
 Кузен Виктор 9
 Куртепе Клод аббат (см. также Courtépée C.) 145, 146, 151
 Кучеренко Г.С. 147
 Кьярини Маркантонио 82
 Кюзель Маттеус 76, 77, 80, 456
 Лабон из Монпелье 233
 Ла Валль, коллекционер 233
 Лавань А. (см. также Lavagne H.) 173
 Лагарп Жан Франсуа де 311
 Лагранж-Шансель Жозеф де 318
 Ладзарини Франческо 108
 Лажу Жак де 93
 Ла Порт, семяне (см. также La Porte) 313
 Лаппо-Данилевский К.Ю. (см. также Lappo-Danilevskiy K.Yu.) 148, 149, 336
 Лафон из Нарбонна 233
 Леардини Алессандро 75
 Лебедева Е.И. 307, 309
 Лебрэн Жан Батист Пьер 178, 180
 Ле Брен (Лебрэн) Шарль 267, 268
 Левашев, Павел Артемьевич 328
 Левек Пьер Шарль (см. также Levesque P.Ch.) 323
 Левитт М. 258, 267
 Левшин Петр Георгиевич (см. Платон, митрополит)
 Леме Франсуа (см. также Lemée F.) 234, 235
 Лемуан Жан 307
 Ле Пик Шарль 96
 Ликург (см. также Lycurgus) 271, 272
 Литке Иоганн Филипп (см. также Lütke J.Ph.) 278
 Лихачев Д.С. 297, 336
 Ломоносов Михаил Васильевич (см. также Lomonosov M.V.) 87, 259, 261, 265, 276, 278, 279, 326
 Лонпьер Бернар Илэр де 318
 Лопиталь Поль Франсуа, маркиз де (см. также L'Hospital P.F.) 143
 Лоренцо Медичи 172
 Лосенко Антон Павлович 242
 Луи (Благочестивый), герцог Орлеанский (см. также Louis d'Orléans) 171, 176
 Луи Анри, герцог Бурбонский 177
 Луи Филипп I (Толстый), герцог Орлеанский 172, 176
 Луи Филипп II, герцог Орлеанский (Филипп Эгалите) 172, 177
 Луиза Мария Аделаида Бурбонская 178

- Луиза Тереза Батильда Орлеанская 177
 Лукреций (Тит Лукреций Кар, см. также Lucrèce) 257
 Львов Николай Александрович (см. также L'vov N.A.) 335–338
 Львова Елизавета Николаевна 336
 Лэнг А. (см. также Lang A.) 104
 Людовик IX Святой, король Франции 268
 Людовик XI, король Франции (см. также Louis XI) 231
 Людовик XIV, король Франции 267, 268, 269, 298
 Людовик XVI, король Франции 97, 312
 Люно де Буажермен Пьер Жозеф 308
- М**
 Мадзокки, каноник 146
 Мазепа Иван Степанович, гетман 30
 Макиавелли Никколо (см. также Machiavelli N.) 6
 Маний Ацилий Глабрион 267
 Манцелиус Георг 342
 Мариетт Пьер Жан (см. также Mariette P.J.) 172
 Мариньи Абель Франсуа Пуассон, маркиз де 109
 Мария Антуанетта, королева Франции 312
 Мария Луиза Гонзага, польская королева 75
 Мария Терезия Вальбурга Амалия Кристина, императрица 229, 231
 Мария Федоровна, великая княгиня 103, 104, 308, 323, 332
 Мария Медичи, королева Франции 73
 Мармонтель Жан Франсуа 263
 Мартин-и-Солер Винсенте 96
 Маттеи Христиан Фридрих фон (см. также Matthaei Ch.F.) 11, 16, 19, 22–32
 Маффеи Франческо Шипионе 233
 Медичи, династия 75
 Мезин С.А. 328, 330
 Менвильер Ж.С. де 262
 Мерво М. (см. также Mervaud M.) 258, 270, 271
 Мерсье Луи Себастьян 229
- Мерцалов Иван Федорович 149
 Метастазιο Пьетро 267
 Микеланджело (см. также Michelangelo) 106
 Микешин М.И. 149
 Микоцка-Рахубова К. (см. также Mikocka-Rachubova K.) 104
 Милиотти Альфонсо (см. также Miliot-ty A.D.G.) 178–180
 Миллер Герард Фридрих 21
 Милюгина Е.Г. 336
 Мирабо Виктор Рикети де (см. также Mirabeau V. Riqueti) 274
 Михайлов А.Д. 330
 Мишель Клод (см. Клодион)
 Модзалевский Л.Б. 265
 Мозговая Е.Б. 148, 149
 Моисеева Г.Н. 296
 Молдавский Д.М. 150
 Мольер Жан Батист 322
 Монкло Б. де (см. также Montclos B. de) 173–175
 Монно Пьер Этьен 99
 Монтальво Гарсиа Родригес де 88
 Монтами Д.Ф. де 172
 Монтескье Жан Батист де Секонда (см. также Montesquieu J.B.) 232
 Монтескье Шарль Луи де Секонда (см. также Montesquieu Ch.L.) 8, 13, 56, 154, 228, 230, 233, 237–239, 269
 Монтэгию, шевалье 233
 Мотонис Николай Николаевич 260
 Монфокон Бернар де (см. также Montfaucon B. de) 23, 233
 Мор Томас 154
 Морель П.М. (см. также Morel P.M.) 12, 257
 Моро Даниэль (см. также Moreau D.) 88, 90, 93
 Муравьев М.Н. 337
 Мураро М.Т. 85
 Муссино, аббат (см. также Moussinot) 143
- Н**
 Наполиони Карло Антонио 99
 Натуар Шарль Жозеф 109
 Неверов О.Я. (см. также Neverov O.) 173–175, 177, 180
 Невоструев К.И. 16

- Немировский А.И. 146
 Никитина А.Б. 336
 Никифорова Надежда Петровна 306
 Николаев С.И. 274
 Никомах Гераский 18
 Никон, патриарх 15, 16
 Никулина Н.И. 336
 Новиков Николай Иванович 154, 306
 Ноллекенс Джозеф (см. также Nollekens J.) 105–108, 332, 333
 Ньютон Исаак 233
- Обрадович А.Г.** 149
 Овидий (Публий Овидий Назон) 149, 264
 Орлов Григорий Григорьевич 334
 Орсини Фульвио 172
 Отто Генрих, пфальцграф Пфальцский 171
- Павел Петрович, великий князь (Павел I, российский император)** 103, 104, 149, 276, 311, 327, 332
 Павлова Ж.К. 146
 Павсаний 25, 337
 Палладио Андреа (см. также Palladio A.) 335, 337, 338
 Панин Петр Иванович (см. также Panine P.I.) 148
 Панцрам С. (см. также Panzram S.) 12, 139, 140
 Паолетти Дж. (см. также Paoletti G.) 13, 294
 Париджи Альфонсо 76
 Париджи Джулио 88
 Паскаль Блез (см. также Pascal B.) 81, 86, 87, 228
 Паузе (Паус), Иоганн Вернер (см. также Pauze J.W.) 295–297, 301, 302, 305, 306
 Пачетти Винченцо 108
 Паэр Фердинандо 97
 Перетц Владимир Николаевич 295, 296, 297, 301, 305
 Пери Якопо 73
 Перикл 275
 Перро Клод 154
 Петито Энмон Александр 338
 Петр I (Петр Великий), российский император (см. также Pierre le Grand) 12, 13, 46, 103, 198, 258–261, 267, 269–279, 328, 343, 344
 Пизоны, римский род 145
 Пикенар Т. 110
 Пиранези Джованни Баттиста (см. также Piranesi G.B.) 90, 92–96, 105, 108
 Пиранези Франческо 108
 Пирр 260, 274
 Пистолькорс Г. фон (см. также Pistohlkors G. von.) 340
 Плавинская Н.Ю. (см. также Plavinskaja N.) 6, 13, 227, 228
 Платон (см. также Platon) 6, 9, 361
 Платон, митрополит (Левшин Петр Георгиевич) 22
 Плиний Младший (см. также Pliny the Younger) 153, 337
 Плутарх 17, 18, 272
 Поволедо Е. (см. также Povoledo E.) 85
 Пожарова М.А. 152
 Полиньяк Мельхиор де 233
 Полонская И.М. 154, 156
 Поляков Ф.Б. 23
 Помпадур Жанна Антуанетта Пуассон, маркиза де 87
 Понсе Франсуа Мари 333
 Поп (Поуп) Александр 273
 Попова М.Н. 262
 Поповский Николай Никитич 273
 Поппе Матиас 345
 Поссевино Антонио 259
 Потоцкий Игнатий Роман 104, 105
 Прато Джакомо Антонио дель 110, 112, 113
 Прато Джузеппе дель 110
 Прево Антуан Франсуа 233
 Прокопович Ф. (см. Феофан Прокопович)
 Протасьева Т.Н. 16
 Пушкин Александр Сергеевич 327, 329
 Пьяджи Антонио 146
- Равальяк Франсуа** 74
 Радищев Александр Николаевич 326
 Разумовский Кирилл Григорьевич (см. также Razumovsky K.G.) 109, 114, 334

- Райске Иоганн Якоб 23
 Расин Жан Батист (см. также Racine J.B.) 261, 309
 Растрелли Бартоломео Карло 103
 Рейтенфельс Якоб (Рутфель Яков) 75
 Рейхель Иоганн Готфрид 149
 Рео Луи (см. также Réau L.) 110
 Ржеуцкий В.С. (см. также Rjeoutski V.) 12, 258, 261, 274, 279, 328
 Ригетти Франческо 112
 Ринуччини Оттавио 73
 Рихтер Кристиан 345
 Риччи Марко 83
 Ришелье Арман Жан дю Плесси, герцог де 268
 Робинсон А.Н. 75
 Рознатовский (Рознотовский) Ефим Васильевич 154
 Ромул 8
 Росси С. 335
 Росси Ф. 335–338
 Ротта С. 227, 236
 Рубенс Питер Пауль 172
 Рункен Давид 24–26, 28–30
 Руссо Жан Жак (см. также Rousseau J.J.) 8, 12, 233, 257, 325
 Рычаловский Е.Е. 278, 300, 339, 345
 Рюдбек Улоф 341
- Саветьери К. (см. также Savettieri C.) 228
 Сад Донасьен Альфонс Франсуа, маркиз де 87, 94
 Сальери Антонио 81
 Сантини Гаспаре 108, 334
 Сарки А. (см. также Sarchi, A.) 228
 Светлов Л.Б. 154
 Светоний (Гай Светоний Транквилл) 337
 Северные граф и графиня (см. Павел Петрович и Мария Федоровна) 103, 104
 Секонда Жан Батист (см. Монтескье Ж.Б.)
 Селлари, коллекционер 233
 Семирамида (см. также Semiramis) 278
 Сент-Обен Огюстен де 172
 Септимий Север (Луций Септимий Север), римский император 107
- Сергель Иохан (Юхан) Тобиас 108, 333
 Серлио Себастьяно (см. также Serlio S.) 82
 Сильвестр (Медведев Симеон Агафонович) 260
 Симеон Полоцкий (Петровский-Ситнянович Самуил Гаврилович) 260
 Синтипа Перс 30
 Скавронская Марта (см. Екатерина I) 343
 Скакки Марко 75
 Скиада Афанасий Егорович (см. также Skiadas A.) 17
 Смит Джон Томас (см. также Smith J.T.) 105, 106
 Сократ (см. также Socrates) 7
 Сологуб Федор (Тетерников Федор Кузьмич) 329
 Соломон (см. также Salomon) 269
 Софронова Л.А. 88
 Софья Алексеевна, царевна 260
 Спада Валерио 76, 78, 80, 83, 456
 Спегель Хаквин 341
 Стадничук Н.И. 103
 Старикова Л.М. 85
 Старов Иван Егорович 242
 Стенник Ю.В. 274
 Степанов В.П. 271
 Стерн Лоренс 105
 Стефан Яворский (Яворский Симеон Иванович) 260
 Стричек А. 328
 Строганов М.В. 336
 Строев А.Ф. 330
 Стэпльбрук К. (см. также Stapelbroek K.) 12, 211
 Стюарт Джеймс 146
 Сумароков Александр Петрович 260, 264, 265, 275, 326
 Сутерланд Ричард (Сазерленд, см. также Sutherland R.) 175
 Сырейщиков Евгений Борисович 150
 Сыркина Ф.Я. 96
- Такка Фердинандо 82
 Талалай М.Г. 335, 338
 Тамерлан (см. также Tamerlan) 269
 Тасси Джеймс 178

- Татаринов А.В. 336
 Тацит (Публий Корнелий Тацит) 6
 Теплов Григорий Николаевич 265
 Терещенко Г.Ф. 261
 Террасон Жан (см. также Terrasson J.) 271
 Тиберий Юлий Цезарь Август 6
 Тирю Никола Клод 269
 Тит Флавий Веспасиан, римский император 107
 Титова Л.В. 297
 Тихон, иеродиакон 16
 Тихорский М. 276
 Тишбейн Иоганн Генрих Вильгельм 155
 Торелли Джакомо (см. также Torelli G.) 73, 93
 Тревизани Франческо 268
 ТрEDIAKОВский Василий Кириллович 260, 305, 326
 Тремер Эдуард 28
 Третьяков Н.С. 149
 Триппель Александр 333
 Трубников Александр Александрович 149
 Туманский Иван Григорьевич 306
 Турнё Морис 175
 Тьеполо Джованни Баттиста 93
 Тюрго Анн Робер Жак, барон д'Ольн 7
 Тюрина Г.А. 11, 19, 22
 Уорбертон Уильям 233
 Успенский Б.А. 259, 260
Фабриций (Фабриций Лусцин Гай) 274
 Фантони Донато Андреа (см. также Fantoni A.D.) 110
 Фарнезе, правители Пармы 105
 Фасман Давид (см. также Fassmann D.) 343
 Фаустина 113
 Федор Алексеевич, русский царь 272
 Фельдман-Линецкая Э.Л. 86
 Фенелон Франсуа де Пон де Салиньяк де ла Мот (см. также Fénelon F.) 7, 266, 295, 297–299, 301, 302, 305, 306
 Феньвеш И. 326
 Феофан Прокопович (Прокопович Елиазар (Елисей)) 260, 274
 Филипп II Август, король Франции 310, 311
 Филипп II Македонский 275
 Филипп I, герцог Орлеанский 171
 Филипп II, герцог Орлеанский 171
 Филипп Эгалите (см. Луи Филипп II)
 Филодем 146
 Филонов Борис 24
 Фичино Марсилио 6, 9
 Фишер Иоганн (см. также Fischer J.) 341, 342, 344
 Фламарион Э. 6
 Фольмер А. 262
 Фомичева Т.Д. 114
 Фонвизин Денис Иванович 21, 154, 326, 328
 Фонкич Б.Л. 11, 15, 20, 22, 23, 27, 31
 Фонтенель Бернар ле Бовье де (см. также Fontenelle B.) 6, 56, 259, 260
 Фордис Вильям (см. также Fordyce W.) 143
 Франк Кристоф 234
 Франке Август Герман (см. также Francke A.H.) 295, 297–299, 301, 305, 344, 345
 Франческо I Медичи великий герцог Тосканы 73
 Фридрих Август II, курфюрст Саксонский 141
 Фридрих II, король Пруссии 268
 Фриз (Фриц), банкирский дом (см. также Fritz) 173
 Фукидид 9, 17
 Фуко М.П. 95
 Фюрэкер Кристоф 342
 Харламова А.М. 336
 Хауард С. 106
 Хачатуров С.В. 95
 Хеветсон Кристофер 332
 Хемницер Иван Иванович 337
 Хорнсби К. (см. также Hornsby C.) 106, 108–110
 Хоххольцер Н.С. 343
Церава Грант Константинович 147
 Цезарь (см. Юлий Цезарь Гай)
 Цоррази, коллекционер 233

- Чеботарев Харитон Андреевич** 149
Чекалевский Петр Петрович 152
Челетти Д. (см. также Celetti D.) 11, 74
Ченакал В.Л. 271
Черкасов П.П. 176
Черный Вацлав (см. также Černý V.) 271, 279
Чернышев Захар Григорьевич 333
Чернышев Иван Григорьевич 113
Чернышевский Николай Гаврилович 329
Чуди Теодор Анри, барон де (см. также Tschudy T.H.) 12, 258, 261–268, 270–274, 277–279, 328
- Шабанон Мишель Поль Ги де** 315
Шаден Иоганн Маттиас 21
Шарнова Е.Б. 331, 334
Шаршмидт Юстус Самуэль 344
Шатобрен Жан Батист Вивьен де 263
Шахова А.Д. 22
Шекспир Уильям 8
Шенье Андре Мари де 310
Шенье Мари Жозеф де (см. также Chénier M.J.) 307, 310–312, 316–319, 321, 323, 324
Шептулин Н. 94
Шерф Г. 110
Шиллер К. (см. также Schiller Chr.) 345
Шиппан М. (см. также Schippan M.) 343
Ширле И. 5
Шнор Иоганн Карл 150, 154
Шпанхайм Эзекиель 171
Шпенер Якоб (Филипп Якоб) (см. также Sprener Ph.J.) 342, 344, 345
Штелин Якоб 147
Штольберг Фридрих Леопольд фон 26
Шубин Федот Иванович 149, 334
Шувалов Иван Иванович (Скиаффлофф, см. также Shuvalov I.I.) 12, 100, 103, 107–110, 113, 114, 148, 149, 258, 261, 262, 269, 274, 277–279, 328, 333, 334
Шэклтон Р. (см. также Shackleton R.) 229, 231
Шютц Генрих 75
- Щедрин Сильвестр Феодосиевич** 242
Щедрин Феодосий Федорович 149
Щербатов Михаил Михайлович 275
- Эйлер Леонард** 21
Эльбёф Эммануель Морис Лотарингский, герцог д' 141
Энсон Томас 105
Эпикур (см. также Épicure) 146, 257
Эразм Роттердамский (см. также Erasmus Roterodamus) 296, 301, 302
Эрар Жан 6
Эрнести Иоганн Август (см. также Ernesti J.A.) 23, 25, 26
Эсхил (см. также Eschyle) 17
- Юварра Филиппо** 83, 93
Юлий Цезарь Гай (Иулий Кесарь) 8, 269, 274
Юм Дэвид (см. также Hume D.) 233, 239, 294
Юниус Франциск (Дю Жон Франсуа) (см. также Junius F.) 233
Юсупов Николай Борисович 103, 332
- Ярослав Мудрый** 275
- Aarma L.** (см. также Аарма Л.) 341
Abati Pietro Giovanni (см. также Абати П.Д.) 85
Abou-Taleb-al-Hosseini 36
Achilles W. 59
Ackerman James (см. также Аккерман Дж.) 335
Acton H. 123, 138
Agricola (Julius Agricola Gnaeus) 35
Agrippa (Vipsanius Agrippa Marcus) 189
Alamanni Luigi 60, 62, 63
Albacini Carlo (см. также Альбачини К.) 100, 115
Albani Alessandro, cardinal 125
Alberti Leon Battista (см. также Альберти Л.Б.) 234
Albrecht-Birkner, V. (см. также Альбрехт-Биркнер В.) 344
Alcubierre Roque Joaquín (Rocco Gioacchino) de (см. также Алькубьерри Р.Х.) 116, 118, 124

- Alekseev M.P. (см. также Алексеев М.П.) 165, 209
 Alembert Jean-Baptiste Le Rond d' (см. также Д'Аламбер Ж.Л.) 157, 244, 250
 Alexandre de Macedoine (Alexandre le Grand Alexander the Great, см. также Александр Македонский) 33–45, 47, 121, 160, 268–271, 279
 Alexandre II, empereur de Russie 181
 Algarotti Francesco 210
 Allart Johannes 224
 Allroggen-Bedel A. 118, 119, 123, 125, 127, 140, 141
 Almagro-Gorbea M. 122, 123, 137
 Almodóvar del Río, Pedro Francisco de Luján y Góngora duque de 131
 Alonso Rodríguez M. del C. 122
 Alvar J. 139
 Amigues S. 61
 Amouretti M.Cl. 61
 Ampolo C. 280, 281
 Androsov S.O. 100, 115, 148
 Anes (Anes y Álvarez de Castrillón) Gonzalo 122, 137
 Anna Amalia Weimar duchess 162
 Anne de Boullen (см. также Анна Болейн) 312, 313, 315, 316, 318
 Antonines, dynastie 160
 Appleby A.B. 59
 Arcésilas de Pitane 245
 Arduino Giovanni 66, 67
 Arduino Pietro 67, 70
 Argemi L. 71
 Aristobule 34
 Aristophane 151
 Aristoteles (Aristotle, см. также Аристотель) 57, 194, 220
 Armstrong D. 204
 Arrien (Lucius Flavius Arrianus) 33, 35, 36, 41
 Ἄρατος (Aratos de Soles) 18
 Arseni Soukhanov (см. также Арсений) 20
 Arthenay d' (см. также Артене д') 143
 Atkins E.M. 220
 Auernhammer A. 128
 Augustus (Gaius Julius Caesar Augustus, см. также Август Октавиан) 188, 189, 193, 205
 Avlami C. 280
 Aymard M. 280
 Ayres Philip 219
 Azara José Nicolás de 139
 Bachaumont Louis Petit de (см. также Башомон Л.П.) 232
 Bachofen Blaise 246, 251, 252
 Baglioni Paolo 34
 Bakker Leenderd 220
 Bakker P. 219
 Ballesteros-Pastor L. 34
 Balzan E. (см. также Бальцана Э.) 335
 Banier Antoine 287
 Barazzi Francesco (см. также Барацци Ф.) 115
 Bardet de Villeneuve Pierre 118
 Barni Gianluigi 63
 Barocchi P. 159
 Barrilot, imprimeur 50
 Barrois L.F. l'aîné 142
 Barthélemy Jean Jacques (см. также Бартелеми Ж.Ж.) 36, 119, 131–133, 224
 Baruffaldi Girolamo 65
 Baseggio L., imprimeur 143
 Batoni Pompeo Girolamo (см. также Батони П.Д.) 109, 115
 Bayardi Ottavio Antonio (см. также Баярди О.А.) 121, 133, 146
 Bayle Pierre 53
 Beaufort Lieven (Levinus) Ferdinand de 219–222
 Beaufort Lois de 280
 Bédarida P. 199
 Bedaux J.B. 219
 Bederman D.J. 217
 Behler E. 163
 Beijer A. 73
 Bellicard Jérôme Charles (см. также Белликар Ж.) 155
 Bellini Giovanni 162
 Belloy Dormont de (Buirette Pierre Laurent, см. также Белуа П.Л.Д.) 315
 Beltrami D. 62, 67
 Bembo Pietro 63
 Benedict XII, pope 163
 Berezaiskii Vasilii (см. также Березайский В.С.) 158

- Bernabó, imprimeur 143
 Bernardi Bruno 246, 249, 252
 Bernecker W.L. 136
 Berti Fabrizio 65
 Berti Gio (Giovanni) Antonio 65, 209
 Bertolotti Antonino (см. также Бертолотти А.) 108
 Berwick Jacques Fitz-James, duc de 51
 Bettarini R. 159
 Beutler C. 61
 Bianchi L. 48
 Bibiena Ferdinando (см. также Бибиена Ф.) 83–85, 98
 Bickendorf G. 164
 Biedermann Flodoard Woldemar, Freiherr von 163
 Bignamini I. (см. также Биньямини И.) 100, 106, 108, 109, 112, 113
 Bignon, monseigneur 36
 Binoche B. 274, 284
 Bisky J. 167
 Bjurström P. 73
 Black M. 246
 Blanchard I. 66
 Blanning T.C.W. 217
 Blin de Sainmore (Blindesainmore, BlindeSainmore) Adrien Michel Hucacinte (см. также Блен де Сенмор А.М.Г.) 308, 309, 311–313, 315–320, 322, 323, 324
 Bloch E. 138
 Blumenberg H. 73
 Bodart D. 234
 Boeckh August 281
 Boisserée Melchior 163–165
 Boisserée Sulpiz 163–167, 169
 Boiste, imprimeur 323
 Boizot Louis-Simon (см. также Буазо Л.С.) 110, 115
 Bollack M. 249
 Boncompagni A. 66
 Borelli G. 60
 Boubers de Corbeville, Jean-Louis de, imprimeur 227
 Bougainville Jean Pierre de 50, 54
 Bougainville Louis Antoine de 50
 Boulain J. 69
 Boulanger Nicolas Antoine 203
 Bourbons of Naples, dynastie 123
 Bourlet Simon Jérôme, abbé de Vauxcelles 44
 Bosscha Herman 224
 Bowersock G.W. 116
 Bowman P. 286
 Bragone M.C. (см. также Брагоне М.К.) 306
 Bregoli Innocenzio 65
 Breitkopf Johann Gottlob Immanuel 147
 Briant Pierre (см. также Бриан П.) 33, 52, 268
 Briasson Antoine Claude 37
 Brink Jan ten 224
 Brokmann-Nooren Ch. 298, 299
 Brosse Charles de (De Brosse Ch. см. также Бросс Ш.) 290
 Brown R.D. 249
 Brucioli Antonio 61
 Brunet Pierre, imprimeur 309
 Brunner Martin 185
 Brutus (Junius Brutus Lucius) 215, 225
 Brutus (Junius Brutus Caepio Marcus) 195, 197, 220, 221, 225
 Brühl Henri (Heinrich), comte de (см. также Брюль Г.) 126, 142
 Buffon Georges-Louis Leclerc, comte de 247
 Buijnsters P.J. 221
 Buisson (François ?) 35
 Buma H.L. van 215
 Burnacini Lodovico Ottavio 73
 Burriel Andrés Marcos 130, 136
 Bury Friedrich 162
 Buyn Isaak, imprimeur 262
 Büнау Heinrich von 134
 Bylebyl J.J. 62
 Bynkershoek Cornelius van 208
 Cabello Carro P. 123
 Caccialanza Filippo 63
 Cacciotti B. 129, 130
 Cadilhon F. 229
 Cailleau André 36
 Callisthène 55
 Cambiagi Gaetano 69
 Campbell G. 247
 Canova Antonio (см. также Канова А.) 100, 104, 115

- Cantemir Antioche Dmitrievitch (см. также Кантемир А.Д.) 228
 Carabelli G. 233
 Caracciolo A. 200
 Carlos III Bourbon (Carlo Terzo, Charles de Bourbon à Naples, Charles III, см. также Карл III) 116, 117, 122–124, 129, 137–139
 Carpenter C. 283
 Carra J.L. 35
 Carriat J. 230
 Catalá Sanz J.A. 130
 Catherine II (Catherine the Great, Katharina II, см. также Екатерина II) 32, 42, 115, 173, 174, 176, 180, 183, 184, 187, 188, 189, 191–193, 197, 199, 200, 206, 207, 209, 210
 Catiline (Sergius Catilina Lucius) 224, 318
 Caton l'Ancien (Porcius Cato Marcus) 59, 61
 Cato Uticensis (Porcius Cato Uticensis Marcus) 220
 Cavacerpi Bartolomeo (см. также Кавачеппи Б.) 99, 100, 115
 Cavalcanti M.L. 209
 Caylus Anne Claude Philippe, comte de (см. также Кейлюс А.К.Ф.) 119, 123, 126, 132, 142
 Céard J. 57
 Celetti D. (см. также Челетти Д.) 57, 60, 63
 Cellot Louis 309
 Cerami P. 57
 Černy Václav (см. также Черный В.) 271
 César (Iulius Caesar Gaius, см. также Цезарь) 35
 Charlemagne 39
 Charles II, roi d'Angleterre 222
 Charles VI, roi de France (см. также Карл VI) 231
 Charles VII, roi de France (см. также Карл VII) 231
 Charles IX, roi de France (см. также Карл IX) 324
 Charles XII, roi de Suède (Karl XII, см. также Карл XII) 269, 270, 279
 Chateaubriand François René de 49
 Chénier Marie-Joseph (см. также Шенье М.Ж.) 310, 324
 Cherefeddin Ali, natif d'Yezd (Sharaf al-Dîn Ali) 36
 Cherubini G. 60
 Chevet J.M. 64, 68
 Christina of Sweden (см. также Кристина) 138
 Christodolou Kyriaki E. 269
 Cicero (Tullius Cicero Marcus) 193, 194, 208, 216, 219, 220, 224
 Cimabue (Cenni di Pepo) 162
 Clark A.M. (см. также Кларк Э.М.) 109, 114
 Claudian 184, 185, 193
 Cléland J. De 36
 Clement XI, pope 136
 Clement XII, pope 136
 Clemente de Aróstegui Alfonso 131
 Clementi Africo (Clemente Padovano Africo) 65
 Clément-Mullet Jean Jacques 63
 Cochin Charles Nicolas le fils 155
 Cole T. 248
 Colella A. 64
 Columelle (Iunius Moderatus Columella Lucius) 59, 61–64, 70
 Comet G. 61
 Commodus (Aelius Aurelius Commodus Lucius) 160
 Condillac Étienne Bonnot de 245, 251
 Condorcet Marie Jean Antoine Nicolas de Caritat, marquis de 282, 286
 Constant de Rebecque Henri Benjamin (см. также Констан Б.А.) 280–292
 Constantine the Great 159–162
 Cornaro Alvise 60
 Corneille Pierre (см. также Корнель П.) 309
 Cornelia Scipionis Africana 224
 Cosimo III de Medici, grand duc de Toscane 82
 Court de Gébelin Antoine 285, 286
 Courtépée Claude (см. также Куртепе К.) 144–146
 Crapelet Charles, imprimeur 43
 Cratyle 254, 255

- Creuzer Georg Friedrich 281, 291
 Crèvecoeur John Hector St. John (Michel Guillaume Jean) de 43, 44
 Crozat Pierre (см. также Кроза П.) 172
 Cyrus le Grand 35
Dacier Bon Joseph (см. также Дасье Б.Ж.) 229
 Danwerth O. 116
 Darius Ier (Darius le Grand) 39, 44
 Daunou P. 34
 David François Anne 323
 David J. 40
 David l'aîné, Michel Antoin 37
 Décultot É. 142, 144
 De Franciscis A. 143, 155
 Delalain Nicolas Augustin, imprimeur 309
 Delattre D. 255
 Delbouille P. 285
 Delespine Charles Jean Baptiste le fils, imprimeur-libraire 37
 Del Negro P. 62
 De Martino Ernesto 287
 Demeunier Jean Nicolas 44
 Démocrite (Democritus) 248, 254, 256
 Démosthène (Demosthenes, см. также Демосфен) 39, 265
 Desange J. 49
 Dessain junior 43
 D'Hancarville Pierre François Hugues (см. также Данкарвиль П.Ф.Ю.) 233
 Diakov M.E. (см. также Дьяков М.Е.) 183
 Diaz F. 121, 209
 Dickson A. 59
 Diderot Denis (см. также Дидро Д.) 37, 38, 50, 144, 157, 203, 209, 230, 242, 244, 250, 274
 Didot fils l'aîné François Ambroise 36, 37, 233
 Dieck A. 59
 Diels Hermann Alexander 254
 Diodati Luigi 199
 Diodore de Sicile 151, 248, 253, 254, 256
 Diogène Laërce (Diogenes Laertius) 256
 Diogène d'Énoanda (Diogenes of Oinoanda) 254–256
 Disselkamp M. 134
 Diz A. 129
 Doderer K. 298
 Dodwell Henry 51, 53
 Does Frans de, imprimeur-libraire 223
 Dönike M. 159, 162
 Dooley B. 58
 Dreyfous Maurice 321
 Dubos Jean-Baptiste l'abbé (du Bos, см. также Дюбо Ж.Б.) 54, 238
 Duby G. 298
 Duchesne, veuve imprimeur 230
 Duhamel du Monceau Henri Louis 69
 Dulac G. 176, 210, 230, 242, 325
 Dunk Th. von der 213, 214
 Dupré Augustin 196
 Dupuis Charles François 285, 286
 Durand Laurent 37
 Duvivier Jean 186
Edwards J. 178
 Effenberger A. 162–165
 Eigeldinger F.S. 251
 Eikema Hommes M. van 219
 Elias N. 274
 Elizabeth, impératrice de Russie (см. также Елизавета Петровна) 187–189, 191, 194
 Elizabeth, reine d'Angleterre 313
 Elvira Barba M.Á. 138
 Épicure (Epicurus, см. также Эпикур) 244–247, 254–257
 Épinay Louise Florence Pétronille, Tardieu d'Esclavelles de la Live d' 230
 Erasmus Roterodamus (см. также Эразм Роттердамский) 296
 Erler M. 249
 Ernesti Johann August (см. также Эрнести И.А.) 25
 Eschyle (см. также Эсхил) 151, 293
 Estrées Gabrielle d' 308
 Euclide 57
 Eucrate (Eucrates) 55
 Eurypide (Euripide) 151, 293
 Euzennat Maurice 49

- Fabius Maximus (Fabius Maximus Ver-
rucosus Cunctator Quintus) 216
Falcone Giovanni 65
Fantoni A.D. (см. также Фантони Д.А.)
110
Fassina M. 60
Fassmann David (см. также Фасман Д.)
343
Febvre L. 274
Felipe V, roi d'Espagne et des Indes
136–138
Fénelon François de Salignac de La
Mothe (см. также Фенелон Ф.) 207,
298, 299, 302–304, 306
Fenzo Modesto 68
Ferguson Adam 284, 286
Fernández Murga F. 116
Fernando IV, roi de Naples 126
Fernando VI, roi d'Espagne et des Indes
130, 136
Finzi C. 123
Finzi R. 62, 65
Fiorillo Johann Dominicus 160, 161,
166, 167
Fisch J. 274
Fischer Johann (см. также Фишер И.)
341
Fitzon T. 124
Fitzpatrick M. 58
Flaubert Gustave 52, 54
Foglierini Giovanni Andrea 62
Fonkitch B. (см. также Фонкич Б.Л.)
20
Fontana Felice 69
Fontenelle Bernard Le Bovier de 40,
280
Fordyce William (см. также Фордис В.)
143
Fornaro S. 135
Fornasin A. 67
Foster J.R. 58
Francke August Hermann (см. также
Франке А.Г.) 297, 299, 306, 344
Francke Johann Michael 126, 128, 133
Frank A.I. 132
Fritz, банкирский дом (см. также Фриз)
173, 174
Fritzsch Jacob, éditeur 297
Fritzsche P. 224
Fumaroli M. 264
Furchheim F. 140
Fussel G.E. 59, 60
Fustel de Coulanges Numa Denis 281
Füssli Johann Heinrich (Fuseli Henry;
Fuessli Henri) 127
Gadamer H.G. 57
Gady A. d' (см. также Гади А.) 173,
176
Gagnebin B. 244
Galasso G. 202
Galiani Berardo 126, 201, 210
Galiani Ferdinando (см. также Галиа-
ни Ф.) 119, 121, 126, 127, 199–211,
230
Galland Antoine 36
Gallienus (Licinius Egnatius Gallienus
Publius) 160
Gallo Agostino 60, 63, 64
Gambacorta L. 210
Garampi Giuseppe 199
Garin E. 159
Gasparini D. 60
Gazzola Felice 133
Gebhardt Oskar von 30
Geel Jacob 26
Geissler R. 326
Gelly C. 178
Gengis-khan 39
Gerretzen J.G. 215
Gesner Johann Matthias 135
Gibbon Edward 203, 205
Gigandet A. 244
Gil Luis 139
Gillies John 35, 282, 283, 289, 290
Gilliver Lawton 35
Ginanni Francesco 69
Giorgetti Gianfrancesco 65
Giorgetti Giorgio 59
Giovannelli G.P. 143
Girelli A.M. 60
Giroud Alexandre 143
Giunchi P., imprimeur 68
Giura V. 209
Giusti Jacopo 69
Glück Ernst (см. также Глюк Э.) 295,
339, 341, 343–345

- Glück H. (см. также Глюк Г.) 295, 341
- Goethe Johann Wolfgang von (см. также Гёте И.В.) 122–124, 128, 133, 140, 141, 155, 159, 161–167, 169, 280
- Goetze Paul 162
- Goggi G. 209, 274
- Golitsyn Dmitri Alekseevič (см. также Голицын Д.А.) 209
- Gombrich E. 164
- Gonzago (Gonzaga) Pietro di Gottardo (см. также Гонзага (Гонзаго) П.) 98
- Gordon A.R. 138, 155
- Grabowsky E. 219
- Gracchi, frères (Sempronius Gracchus, Tiberius et Sempronius Gracchus, Gaius) 224
- Graepler D. 27
- Graf F. 26, 286
- Grafton A. 211
- Grant M. 138
- Grant R. 246
- Gray J. 35
- Grell Ch. (см. также Грель Ш.) 133, 140, 143, 217, 261, 268
- Griener P. (см. также Гринер П.) 161, 228, 232, 237
- Grimm Friedrich (Frédéric) Melchior (см. также ГРИММ Ф.М.) 176, 180, 204, 210, 230
- Gripenhjelm (Figrelius) Edmund (см. также ГРИПЕНХЕЛЬМ Э.) 234
- Griselini Francesco 68
- Groell Michel 35
- Groenveld S. van 215
- Groot A. 219
- Grote George 280
- Grotius Hugo 208
- Grudule M. 339
- Gruyter W. de 282
- Guasco Ottaviano di (Giovanni Battista Ottaviano, см. также Гуаско О.) 227–232, 234–243
- Guellec L. 34
- Guerci L. 121, 202
- Guerin Hippolyte Louis 37
- Guignes Joseph de 38
- Gullino G. 67
- Gutas D. 61
- Günter S. 176
- Guyon Claude Marie 37, 43
- H**abermas J. 217
- Hadrian (Adriano, см. также Адриан) 160, 165
- Haechler J. 144
- Hagen A. 219
- Haibach H.W. 131
- Haitsma Mulier E.O.G. 218
- Hale J.R. 62
- Hamilton William 233
- Hannibal (см. также Ганнибал) 49
- Hannon (см. также Ганнон) 47–55
- Hannon le Grand 49
- Haroche-Bouzinac G. 228
- Harris James 123, 206
- Hartog François (см. также Артог Ф.) 10, 144
- Haskell F. 122
- Hébrail Jacques 230
- Heckmann U. 163, 164, 167
- Heidenreich M. 27
- Heier E. 210
- Heijbroek J.F. 214
- Helena, impératrice 163
- Helvétius Claude Adrien (см. также Гельвеций К.А.) 283, 291
- Henri IV (см. также Генрих IV) 308
- Henri VIII (см. также Генрих VIII) 312, 313, 315, 317, 318, 324
- Herbelot de Molainville Barthélemy d' 36
- Herbig R. 116
- Herissant Cl. 143
- Hermann, Johann Gottfried Jakob 281, 297, 306, 344
- Hérodote 34, 37, 254, 256, 257
- Hésiode (Ἡσίοδος, см. также Гесиод) 293
- Heß G. (Hess G.) 124
- Heyne Christian Gottlob (см. также Гейне Хр.Г.) 27, 135, 281, 286–288
- Hirshner J.D. 231
- Hoeniger F.D. 57, 62
- Hölter A. 167

- Home Francis 69
 Homère (Ὅμηρος, см. также Гомер) 25, 26, 27, 28, 35, 207
 Honkoop Abraham, éditeur 214–216
 Honkoop Jan, éditeur 214–216
 Horace (Orazio, см. также Гораций) 40, 189, 200, 204–206, 211, 263
 Hornsby C. (см. также Хорнсби К.) 100, 106, 108, 109, 112, 113
 Howard S. 100, 106
 Huber Michel (см. также Губер М.) 126, 142, 147
 Huet Pierre Daniel 52
 Humboldt Wilhelm von 280, 281
 Hume David (см. также Юм Д.) 203, 205, 280, 283, 286, 289, 290
 Hunecke V. 67
 Iacono A.M. 284
 Ibarra Joachin (Joaquin), imprimeur 132
 Ibn al-Awwam (Ibn al-Awwām al-Išbīlī, Yaḥyā ibn Muḥammad (Abou Zakaria Yahia Ibn Mohammed Abou Ahmed Ibn al-Awam al-Ichbili al-Andaloussi) 63
 Imbruglia G. 203
 Isabel de Farnesio (Élisabeth Farnèse), reine d'Espagne 138
 Isemberge (см. также Ингеборга) 312, 313, 315–319, 322
 Iskoul S.N. 176
 Israel J.I. 220
 Iulia (Julia) Augusti filia 189
 Ivanov Timofei Ivanovich 187, 191, 192
 Iverson John R. 270
 Jacob Christian 49
 Jacquot J. 73
 Jahnson (см. также Джонсон) 107
 James II, roi d'Angleterre 195
 Jansen H. 142
 Janssonius Johannes, imprimeur 234
 Jas N. 58
 Jaucourt Louis de (см. также Жокур Л. де) 37, 38, 50, 144, 145, 151, 158, 231, 234
 Jeanne Seymours, reine d'Angleterre 313, 315
 Jenkins I. 233
 Jombert Ch.A. 155
 Jones J.R. 289
 Jones M. 182, 183, 195
 Jorry Sebastien, éditeur 308
 Josa G. 63
 Jourdan A. 213
 Junius Franciscus (см. также Юниус Ф.) 234
 Justi C. 124
 Kagan J. (см. также Каган Ю.О.) 173, 174
 Kahn D. 209
 Kammerer-Grothaus H. 118, 119, 140, 141
 Karathanassis A. E. (см. также Καραθανάσης 'Αθ.Ε.) 17
 Karp S. 42, 116, 176, 180, 209, 210
 Kartatschew Alexey Ivanovich (см. также Карташев А.И.) 30
 Kaspar D. 119
 Katharina I (Catharina Alexievna см. также Екатерина I) 343
 Kauderbach Johann Heinrich 127
 Kenworthy-Browne J. 105
 Keudell E. von 166
 Klein S.R.E. 217, 222, 223
 Klimov (Klimentov) Vasilij 184
 Kloek J. 217
 Kloocke Kurt 282, 285, 291
 Kocks D. 125
 Kölving U. 230, 269, 270
 Kondoïdis Athanasios (Κωντοειδης, 'Αθ.) 17
 Konstantin Pavlovich, grand duc 207
 Korndorf A. (см. также Корндорф А.С.) 97
 Kosmolinskaya G.A. (см. также Космолинская Г.А.) 157
 Kossmann E.H. 220
 Kotelnikova L.A. 62
 Kovrigina V.A. (см. также Ковригина В.А.) 343
 Kranz Walther 254
 Kratter Franz (см. также Краттер Ф.) 343
 Krēsliņš J. (см. также Креслиньш Я.) 340
 Kress Samuel Henry 110
 Kuiper E.J. 217
 Kunze M. 125, 126, 135

- La Chau G. de 172
 Lafitau Joseph François 37, 43
 Lammers A. 214
 La Mothe Le Vayer François de 34, 35, 37, 43
 Lamy Bernard (père Lami) 252–256
 Lang A. (см. также Лэнг А.) 104
 Langlès Louis-Mathieu 36
 Lapauze H. 109
 Laporte Joseph de 230
 La Porte, semainier (см. также Ла Порт) 313
 Lappo-Danilevskiy K.Yu. (см. также Лаппо-Данилевский К.Ю.) 142, 148, 149
 Λασκαρίδης Χ.Π. 30
 Latapie François de Paule de 232, 233
 Lavagne H. (см. также Лавань А.) 173
 Lazzarini 143
 Lebedeva E. 309, 324
 Le Blond G.M. 172
 Le Breton André 37
 Lecce M. 66, 70
 Le Clerc Jean 35
 Leeb I.L. 214
 Le Jay Edme Jean, imprimeur 309
 Lemée François (см. также Леме Ф.) 234, 243
 Lessing Gotthold Ephraim 135
 Letronne Jean Antoine 37
 Levesque Pierre Charles (см. также Левек П.Ш.) 288
 Levi G. 209
 L'Hospital (L'Hôpital) Paul François Gallucci, marquis de (см. также Лопиталь П.Ф.) 143
 Lieby A. 310
 Lifschitz A.S. 244, 256, 257
 Linde A.P.G. Jos van der 214
 Lomonosov Mihaïl Vasilievich (см. также Ломоносов М.В.) 271
 Longo Auricchio F. 126
 Loosjes Adriaan 224, 225
 López-Cordón Cortezo M.V. 136
 Lorenzi Bartolomeo 229
 Lortholary Albert 42
 Lottin de Saint-Germain Jean Roch, libraire, imprimeur 36
 Louis, prince (Louis VIII, roi de France) 315
 Louis XI, roi de France (см. также Людовик XI) 231
 Louis XIII, roi de France 39
 Louis XIV, roi de France 195, 279
 Louis d'Orléans (см. также Луи, герцог Орлеанский) 176
 Louis Philippe, duc de Chartres, puis duc d'Orléans 177
 Luchtmans Samuel, éditeur 220
 Lucilius 245
 Lucrèce (Lucretius Carus Titus; Lukrez) 59, 244–250, 254, 256
 Lütke Johann Philipp (см. также Литке И.Ф.) 278
 Luzac Johan 214, 215, 218
 Luzón Nogué J.M. 139
 L'vov Nicolaj Aleksandrovich (см. также Львов Н.А.) 335–337
 Lycurgus (Lycurgue, см. также Ликург) 216, 271
 Lysimaque 55
 Machiavelli Nicolò (см. также Макиавелли Н.) 62, 222
 Madariaga I. de 206
 Maggetti D. 230
 Mahne G.L. 26
 Maier Allende J. 122, 136
 Małek E. 153
 Mallgrave H.F. 159
 Malvasia Innocenzo 65
 Mamiani M. 58
 Manno Pietro, imprimeur 99
 Maradan Calude François 43
 Marandet F. 178
 Marcello Benedetto 67
 Maria Amalia de Saxe 116
 Maria Pavlovna, grande duchesse de Weimar 165
 Mariette Jean 238
 Mariette Pierre Jean (см. также Мариетт П.Ж.) 119, 172
 Marino L. 281
 Marker G. 116
 Martí Manuel (Martinus Emmanuel) 139
 Martorelli Giacomo 199
 Mascardi Agostino 34

- Matarazzo di Licosa Giuseppe 143
 Matthaei Christian Friedrich von (см. также Маттеи Х.Ф. фон) 19, 20, 22, 27, 30, 32
 Mayans y Siscar Gregorio (Maiansius Gregorius) 130, 131
 Mazard J. 196, 197
 Mazzocchi Alessio Simmaco 119, 199
 Medvedkova O. 336
 Meersch Jan Bartholomeus van der 216
 Meister Jacques Henri 230
 Ménandre 151
 Mengs Anton Raphael 131, 132
 Mercier-Faivre A.M. 48
 Mervaud Ch. 269, 270, 326
 Mervaud M. (см. также Мерво М.) 326
 Mestre Sanchís A. 130
 Meyer Johann Heinrich 161, 162, 166, 167
 Michel Ch. 144, 268
 Michelangelo (см. Микеланджело) 159, 160
 Middeldorf U. 110, 160, 167
 Mijnhardt W. 217, 218
 Mikocka-Rachubova K. (см. также Микоцка-Рахубова К.) 104, 113
 Miliotty Alphonse Denis Gaspard (Miliotti, Migliotti, см. также Милиотти А.) 178
 Millar F. 218, 222
 Miller Giovanni Cristiano 123, 140, 141, 162
 Milner-Gulland R. 164
 Minassian M.J. 326
 Minuti Rolando 35, 52
 Mirabeau Victor Riqueti (см. также Мирабо В. Рикети де) 45, 203
 Moleón Gavilanes P. 130
 Moltke Adam Gottlob von 128
 Mometto P. 60
 Mondini D. 161
 Moniglia Giovanni Andrea 82, 85
 Monnet Charles 323
 Monnier Raymonde 45
 Montanari M. 59
 Montclos B. de (см. также Монкло Б.) 173, 174
 Montelatici Umberto 70
 Montesquieu Charles Louis de Secondat (см. также Монтескье Ш.Л.) 44, 45, 47–55, 205, 227–230, 236, 238
 Montesquieu Jean Baptiste de Secondat (см. также Монтескье Ж.Б.) 232, 233
 Monteverdi Claudio Giovanni Antonio 73
 Montfaucon Bernard de (см. также Монфокон Бернар де) 32, 139
 Mora G. 129, 130, 132, 136
 Moras J. 274
 Moratín Leandro Fernández de 129
 Moreau Daniel (см. также Моро Д.) 98
 Morel P.M. (см. также Морель П.М.) 244, 247, 249, 254
 Morellet André 44
 Morelli Francesco (François), éditeur 233
 Morin Robert 38
 Morrison Alfred 172
 Mortier Pierre, éditeur 40, 251
 Mortimer John 69
 Mossé C. 217
 Mostert Hendrik 214
 Moulas B., éditeur 231
 Moulton K. 197
 Moussinot, abbé (см. также Муссино) 143
 Mout M.E.H.N. 215
 Mund-Dopchie Monique 49
 Mühlpfordt Günter 176
 Müller Karl Ottfried 281
 Müller Philipp Heinrich 183, 185
 Nedham (Needham) Marchamont 222
 Née de La Rochelle Jean François 36
 Nerone (Claudius Caesar Augustus Germanicus, Nero) 165
 Neverov O. (см. также Неверов О.Я) 173, 174
 Newton Isaac 35, 58
 Nicholas I, empereur de Russie 181
 Nicolas II, empereur de Russie 181
 Nicolai (Nicolay), Ludwig Heinrich von 210

- Nicolini Fausto 126, 199, 200, 202–206
 Niebuhr Barthold Georg 280, 281
 Nierop H.F.K. van 219
 Nijenhuis I.J.A. 221
 Nikon, patriarche (см. также Никон) 20
 Νικόμαχος (см. также Никомах) 18
 Nippel W. 284
 Nisard Charles 119
 Nollekens (Nolchens), Joseph (см. также
 Ноллекенс Д.) 105, 106, 115
 Nonius Balbus Marcus 118
 Nourse John 228
 Novati F. 230
 Nürnberger Georg Friedrich 185
- Occhi S.** 143
 Ocón Fernández M. 129
 Oexlein Johann Leonhard 193
 Oliensis E. 204
 Orsino Vincenzo 199
 Orus Giuseppe 68
 Osterkamp E. 134, 162, 164
 Osterwalder F. 299
 Ovide (Ovid) 54, 151, 184, 286
- Paciaudi Paolo Maria** 119, 126
Paderni Camillo 118, 125
Pagani Antonio Giuseppe, imprimeur
 230
Palladio Andrea (Andrea di Pietro della
 Gondola, см. также Палладио А.)
 62, 335–337
Palladius (Paladius Rutilius Taurus Emil-
ianus) 59, 61
Pallara Antonio 65
Panckoucke Charles-Joseph 229
Pane R. 199
Ranine P.I. (см. также Панин П.И.)
 148
Panzram S. (см. также Панцрам С.)
 116
Paoletti G. (см. также Паолетти Д.)
 280
Parker H.T. 217
Parslow C.C. 118, 122, 140
Paul I (Paul Petrovich) 189, 190
Pausanias 25
Pauw Cornelius Franciscus de 280
Pauze (Paus) Johann Werner (см. также
 Паузе И.В.) 306
- Pavan M.** 281
Pavini Giuseppe 143
Pawlitzki B. 122
Pellet J.L. 144
Penthievre Louis Jean Marie de Bour-
bon, duc de 177
Pérez Bayer Francisco 130–132, 136
Perez de Soto Antoine (Antonio) 52
Pérez García P. 130
Perizonius Jacobus 35, 215
Perrot M. 298
Pesce Domenico 58
Pestel Friederich Willhelm 215
Pétis de la Croix Alexandre-Louis-Marie
 36
Pétis de la Croix François 36
Philodemus 146
Piccolomini Alessandro 61
Pierre le Grand (Pierre de Russie, Peter
the Great, см. также Петр I) 38, 40,
 41, 45, 181, 183, 184, 194, 197, 210,
 270–273, 279
Pietschmann H. 116, 136
Pigeaud J. 144, 255
Pindare 286
Pinto G. 63, 67
Piranesi Giovanni Battista (см. также
 Пиранези Д.Б.) 90, 92, 98, 148
Pirrotta N. 73
Piscitelli E. 67
Pissot Noël Jacques, libraire-imprimeur
 172
Pistohlkors G. von (см. также Пис-
 толькорс Г. фон) 340
Platon (см. также Платон) 254
Plavinskaia N. (см. также Плавин-
 ская Н.Ю.) 243
Plet F. 43
Pline l’Ancien (Plinius Secundus Gaius)
 47, 48, 52–55
Pline le Jeune (Plinius Caecilius Se-
cundu, Gaius, Pliny the Younger,
 см. также Плиний Младший) 61,
 64, 70, 151, 158
Plutarque (Plutarch, Plutarchus,
 Πλούταρχος, Ploutarkhos, см. так-
 же Плутарх) 24, 45, 220, 248
Росock J.G.A. 203, 222

- Polanska I. 295, 341
 Poleni Giovanni 58
 Poliziano (Angelo Ambrogini) 73
 Polybe (Polybius) 151, 220
 Pomponius Mela 52
 Ponz Antonio 131, 132
 Ponz José (Joseph) 132
 Popelin Claudius Marcel 234
 Popkin J.D. 214
 Porset Ch. 246, 251, 253
 Potemkin Grigori Aleksandrovich 207
 Potts A. 159
 Povoledo E. (см. также Поволедо Е.)
 83
 Pralard André, imprimeur 35
 Prebet J. 325
 Preti C. 229
 Propper M. von 165
 Ptolémée 34, 47
 Publius Terentius Afer 24
 Pucci G. 118
 Pufendorf Samuel von 208, 247

Quatremère de Quincy Antoine
 Chrysostome (см. также Катремер
 де Кинси А.К.) 228, 233
 Quinte Curce (см. также Квинт Курций
 Руф) 33–36, 38, 40–45
 Quintilien (см. также Квинтилиан) 265

Racine Jean-Baptiste (см. также Ра-
 син Ж.Б.) 309
 Rampazetto Francesco, imprimeur 64
 Rao A.M. 138, 207
 Ravelli F. 59
 Rawson E. 218
 Raymond M. 244
 Raynal Guillaume Thomas François 203,
 230
 Razumovsky Kirill Grigorievitch (см.
 также Разумовский К.Г.) 115
 Reau L. (см. также Рео Л.) 110
 Reinhard Charles Frédéric 166
 Reinsma R. 218
 Remy Pierre 178
 Reverseau M. 325
 Revunenkovna N.V. 296
 Rey Marc Michel, libraire 144, 231
 Richard C.J. 181, 217

 Richelieu Armand Jean du Plessis de 51
 Riedel V. 124
 Riedesel Johann Hermann von 127
 Rivero C.M. del 132
 Rjeoutski V. (см. также Ржеуцкий В.С.)
 276
 Robbins C. 222
 Roberts J.T. 218
 Robison A. 90
 Rode-Breymann S. 73, 74
 Rollin Charles 36, 37
 Roma N.N. 68
 Rombai L. 66
 Rooke John 35
 Rosenbusch Johann Georg 160
 Rosini Carlo Maria 121
 Rossi F. 67, 337
 Rotta S. (см. также Ротта С.) 227, 230,
 236
 Rousseau Jean-Jacques 195, 223, 244–
 257
 Rower Johann Frierich 160
 Ruault Nicolas, imprimeur 309
 Ruggiero Michele 125
 Ruhnken David (см. также Рункен
 Давид) 24, 25, 26, 32
 Rumohrs Karl Friedrich von 160

Sainctyon, sieur de 35
 Saint-Pierre Charles Irénée Castel, abbé
 de 209
 Sainte-Beuve Charles Augustin 51, 52
 Sainte-Croix Guillaume Emmanuel Jo-
 seph Guilhem de Clermont-Lodève
 de 42–45, 286
 Salluste (Sallustius Crispus Gaius) 34,
 220, 224
 Salomon (см. также Соломон) 269
 Saltini A. 61, 63–65
 Salvemini B. 64
 Sarchi A. (см. также Сарки А.) 228
 Sarrailh J. 138
 Sas N.C.F. van 217, 222, 223
 Savettieri C. (см. также Саветьери К.)
 228
 Schama S. 213
 Schele Rabo Herman (Schelius Radbo-
 dus Hermannus) 220

- Schiller Chr. (см. также Шиллер К.) 339, 345
 Schimmelpenninck Gerrit 215
 Schimmelpenninck Rutger Jan 215, 223, 224
 Schippan M. (см. также Шиппан М.) 343
 Schlegel August Wilhelm 160
 Schlegel Friedrich 163
 Schleiermacher Friedrich Daniel Ernst 291
 Schöffner I. 214, 215
 Schrapel C. 167
 Schrötter Friedrich von 182
 Schulte Nordholt J.W. 214, 221
 Schumacher Leonhard 194–197
 Schweinfurth P. 166
 Scott J. 92
 Secondat Jean Baptiste de (см. Montesquieu J.B., см. также Монтескье Ж.Б.) 232, 233
 Sekler P.M. 90
 Semiramis (см. также Семирамида) 318
 Sempere y Guarinos Juan 129, 137
 Sénèque (Annaeus Seneca Lucius) 245
 Seneuze Arnoul, imprimeur 234
 Sereni E. 62
 Sérieys Antoine 132
 Serlio Sebastiano (см. также Серлио С.) 82
 Séroux d'Agincourt, Jean Baptiste Louis Georges 159, 161, 166
 Seta C. de 128
 Settari Gregorio 232
 Seznec J. 133, 169
 Shackleton R. (см. также ШЭКЛТОН Р.) 229, 230
 Shuvalov Ivan Ivanovitch (Šuvaev I., Chevaloff, Chouvalov, см. также Шувалов И.И.) 115, 148, 262, 279
 Sichtermann H. 134
 Siebers W. 129
 Sigaut F. 61, 64
 Sillem Jérôme Alexander 215
 Simonetto M. 66
 Sittig F. 116
 Skiadas Athanasios (Σκιαδάς 'Αθ., см. также Скиада А.Е.) 17
 Sloan K. 233
 Smith Adam 205, 283
 Smith J.T. (см. также Смит Д.Т.) 106
 Smith M.F. 255
 Socrates (см. также Сократ) 214, 215, 218
 Solf S. 73
 Sonnet M. 298
 Sophocle 24, 293
 Soufflot Jacques Germain 133
 Spener Philipp Jakob (см. также Шпенер Я.) 344
 Spolverini Giovanbattista (Giovan Battista) 65
 Stapelbroek K. (см. также Стэпльбрук К.) 199, 200, 207
 Starobinski Jean 246, 247, 251, 252, 274
 Steegmuller F. 210
 Steguweit W. 182
 Stern Menahim 218
 Stewart Ph. 246
 Stolberg Freidrich Leopold (см. также Штольберг Ф.Л.) 26
 Strazzullo F. 116, 143, 155
 Streng J.C. 220
 Stuart Martinus 218, 214
 Sutherland Richard (см. также Сутерланд Р.) 173
 Swart A.B. 223
 Sylla (Cornelius Sulla Lucius) 55
 Tacite (Cornelius Tacitus Publius) 35, 40, 151, 220
 Tafuri M. 60
 Tamerlan (Timour, Timur-Bec, см. также Тамерлан) 35, 36
 Tanara Vincenzo 65
 Tanucci Bernardo 116, 118, 121, 123, 124, 126, 127
 Taragna Novo S. 61
 Tarasov O. 164
 Tarello Camillo 60, 64, 70
 Targioni-Tozzetti Giovanni 69
 Tarquin (Tarquinius Superbus Lucius) 215
 Tejerina B. 129
 Terrason Jean, abbé (см. также Террасон Ж.) 256
 Theophrast 57

- Thomas C. 48, 213
 Thouard D. 291
 Thucydide 285, 288, 289
 Tieck Ludwig 160
 Tilliard Nicolas Martin, imprimeur libraire 126, 142
 Tintoretto (Robusti Jacopo) 162
 Tourina Galina (см. также Тюрина Г.А.) 32
 Tite Live (Titus Livius) 54, 151
 Titian 162
 Torelli Giacomo (см. также Торелли Д.) 73
 Touchefeu Y. 244, 252, 256
 Tourneux Maurice 230
 Trajano (Ulpius Nerva Traianus Marcus) 165
 Trap Piter Hendrik 225
 Trogue Pompée (Pompeius Trogus Cneius) 34
 Tschudy Théodore Henri (см. также Чуди Т.А.) 279
 Tucci U. 63, 66
 Tuck R. 208
 Tull Jethro (Henry Jethro William) 69
 Turpin José 249

 Valade, la famille d'imprimeures 229
 Valckenaer Johan 215, 216
 Valckenaer Ludewijk Caspar 215
 Vallet P.J. (см. также Валле П.Ж.) 144
 Valerius Maximus 193
 Vanags P. (см. также Ванас П.) 342
 Van Eyck Jan 163, 168
 Vancouver George 44
 Vandenhoeck Abraham 143
 Varlé D., veuve 231
 Varron (Terentius Varro Marcus) 59, 61, 62, 63
 Vasari Giorgio 159–161, 163–165, 168
 Vasco de Gama 40
 Vatebender Gerrit Carel Coenraad (Gerard Carl Conrad) 215
 Vattel Emer (Emmerich) de 208
 Vaughan G. 100
 Veeman R. 217
 Vegetti M. 57

 Velema W.R.E. (см. также Велема В.) 213, 218, 220, 222
 Veneziano Domenico 162
 Venturi F. 57, 210
 Venuti N.M. (смотри также Венути М.) 143
 Vermeule C. 197
 Vernier P.L.
 Veronese Paolo 163
 Verri Alessandro 230
 Verri Pietro 230
 Vespasian (Flavius Caesar Vespasianus Augustus Titus) 165
 Vidal-Naquet P. 280
 Villette Jean fils imprimeur 37
 Virgile (Virgil; Vergilius Maro Publius, см. также Вергилий) 54, 62, 63, 184, 187, 189, 206, 286
 Vitruvius (Vitruvius Pollio Marcus, см. также Витрувий) 201
 Vöhler M. 27
 Volmer A. 262
 Volney Constantin François Chassebœuf de La Giraudais, comte de 284, 285, 288
 Volpilhac-Auger C. (см. также Вольпьяк-Оже К.) 34, 47, 48, 228
 Voltaire (Arouet François-Marie) (см. также Вольтер) 38–42, 48, 52, 55, 142, 268–271, 279, 309, 318, 325
 Vorontsov Semyon Romanovich (см. также Воронцов С.Р.) 173
 Vossius (Voss) Isaac 51
 Vuyk S. 218, 225

 Wackenroder Wilhelm Heinrich 160
 Wächter Georg Christian 187–189, 191, 192
 Wächter Johann Georg 184, 188
 Wahl H. 165
 Walther G.C. 142
 Warburton William 286
 Wassenbergh Everwinus 224
 Watson A.M. 63
 Weber Friedrich Christian (см. также Вебер Ф.К.) 343
 Weber Karl 118, 140
 Weil F. 309

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- William III, roi d'Angleterre 195
Willock R. 35
Wilton-Ely J. 90
Winkelmann Johann Joachim (см. также
Винкельман И.И.) 115, 116, 118,
119, 120, 122–128, 131–136, 138,
142–144, 147, 155, 157–161, 167,
168, 201
Winter E. (см. также Винтер Э.) 296, 344
Winterer C. 217, 218
Wissing P. van 225
Witt U. 299
Wittram R. (см. также Витрам Р.) 340
Woehrle G. 57
Wolf Friedrich August 286
Wolff L. 42
Woltjer J.J. 215
Worden B. 222
Worrall Thomas 35
Wortman R.S. 181
Wytttenbachium (Wytttenbach Daniel Al-
bert) 24, 26
Хантиппе 55
Хéноcrate 55
Хéноphon 61, 63
Yudin Samoyla Yudich 184, 189, 191
Zaborov Piotr (см. также Заборов П.Р.)
325
Zanetti Antonio Maria 162
Zanon Antonio 68
Zarrillo Mattia 201
Zénon 245
Ziegler H. 234

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Сергей Олегович Андросов – доктор искусствоведения, заведующий Отделом западноевропейского изобразительного искусства Государственного Эрмитажа, специалист по истории итальянского искусства XVIII в. и русско-итальянских связей в этой области; иностранный член Венецианской академии искусств и Академии художеств в Карраре. Автор около 300 работ по истории итальянского и русского искусства.

Мария Кристина Брагоне – профессор славянской филологии и русской литературы в Университете Павии (Италия). Занимается русской дидактической литературой XVII–XVIII вв., в частности судьбой наследия Эразма Роттердамского в России в это время.

Пьер Бриан – историк, профессор Коллеж де Франс по кафедре «История и цивилизация мира Ахеменидов и империи Александра», специалист по истории Персии, автор *Histoire de l'empire perse* (Paris, 1996) и книг об эпохе Александра Македонского: *Lettre ouverte à Alexandre le Grand* (Arles, 2008); *Alexandre le Grand* (Paris, 2011); *Alexander the Great and his empire* (Princeton, 2010). Последние годы занимался изучением историографии Александра Великого в XVIII в.

Вигер Велема – историк, профессор Амстердамского университета. Автор многочисленных работ по истории политической мысли XVIII столетия, в том числе монографий: *Enlightenment and Conservatism in the Dutch Republic. The Political Thought of Elie Luzac (1721–1796)* (Assen/Maastricht, 1993) и *Republicans. Essays on Eighteenth-Century Dutch Political Thought* (Leiden/Boston, 2007); руководитель программы «The First Dutch Democracy: The Political World of the Batavian Republic, 1795–1801», финансируемой Нидерландской организацией научных исследований (Nederlandse Organisatie voor Wetenschappelijk Onderzoek).

Катрин Вольпияк-Оже – профессор Высшей нормальной школы в Лионе, председатель редколлегии *Œuvres complètes* Монтескье. Автор многих работ о восприятии Тацита и античности в XVIII в., руководитель нескольких коллек-

тивных трудов, в том числе специального номера «L'Antiquité au XVIIIe siècle» журнала *Dix-huitième siècle* (1995, совместно с Эдит Фламарион), *Dictionnaire électronique Montesquieu* (совместно с Катрин Ларпер), ENS-LSH, 2008 (<http://Dictionnaire-Montesquieu.ens-lyon.fr>). Последняя книга, написанная ею совместно с Габриэлем Саббагом и Франсуазой Вейль, – *Un auteur en quête d'éditeurs? Histoire éditoriale de l'œuvre de Montesquieu (1748–1964)* (Lyon, 2011).

Свен Гюнтер – специалист по истории государства и права Древней Греции и Древнего Рима, эпиграфике и нумизматике; преподаватель латыни в Немецкой школе Токио-Йокогамы. Основная публикация – докторская диссертация: *Vectigalia nervos esse rei publicae. Die indirekten Steuern in der Römischen Kaiserzeit von Augustus bis Diokletian* (Wiesbaden, 2008).

Мартин Дёнике – научный сотрудник исследовательского центра «Судьбы культурного наследия античности» при Берлинском университете им. В. Гумбольдта. Историк литературы и изобразительного искусства конца XVIII – начала XIX в., классицизма XX в. Основные публикации: *Pathos, Ausdruck und Bewegung. Zur Ästhetik des Weimarer Klassizismus 1796–1806* (Berlin; New York, 2005); *Friedrich Bury: Briefe aus Italien an Goethe und Anna Amalia* (Göttingen, 2007); «Belehrende Unterhaltung». *Altertumskundliches Wissen im antiquarisch-philologischen Roman // Wissensästhetik: Wissen über die Antike in ästhetischer Vermittlung / Hrsg. von Ernst Osterkamp*. Berlin; New York, 2008. S. 201–237.

Сергей Яковлевич Карп – доктор исторических наук, руководитель Центра по изучению XVIII века Института всеобщей истории РАН, специалист по истории русско-западноевропейских культурных связей в XVIII в.

Анна Сергеевна Корндорф – кандидат искусствоведения, старший научный сотрудник Отдела изобразительного искусства и архитектуры XVIII–XX вв. Государственного института искусствознания; специалист по театральной архитектуре и сценографии XVII–XVIII столетий, автор ряда публикаций, в том числе книги: *Дворцы Химеры. Иллюзорная архитектура и политические аллюзии придворной сцены* (М., 2011).

Галина Александровна Космолинская – историк, старший научный сотрудник Научного центра исследований истории книжной культуры Академиздатцентра «Наука» РАН и Центра по изучению XVIII века Института всеобщей истории РАН; ученый секретарь сборника *Век Просвещения*. Специалист по истории русской культуры XVIII – первой четверти XIX в., автор публикаций, посвященных русско-итальянским и русско-французским связями в эпоху Просвещения, в том числе книги: *Русский Бертольдо. Судьба итальянского комического романа в России XVIII века: рукописи, издания, читатели* (М., 2011).

Елена Ивановна Лебедева – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра по изучению XVIII века Института всеобщей истории РАН, специалист по истории Франции и русско-французским культурным связям XVIII в.; занимается исследованием биографии и творчества французского писателя-просветителя Адриена Мишеля Блен де Сенмора, публикацией его литературной корреспонденции.

Пьер Мари Морель – историк античной философии, профессор Высшей нормальной школы в Лионе, член Французского университетского института; автор исследований и публикаций, посвященных главным образом Аристотелю и античному атомизму (Эпикуру, Лукрецию). Руководитель исследовательского направления «Античная философия и Новое время» в Институте истории классической мысли Национального центра научных исследований Франции (UMR 5037).

Сабина Панцрам – выпускница Фрайбургского и Барселонского университетов. В 2001 г. защитила в Мюнстерском университете диссертацию *Stadtbild und Elite: Tarraco, Corduba und Augusta Emerita zwischen Republik und Spätantike* (Stuttgart, 2002).

Джованни Паолетти – историк философии, научный сотрудник Пизанского университета, член редколлегии *Œuvres complètes* Бенжамена Констана и автор книги о нем: *Benjamin Constant et les Anciens. Politique, religion, histoire* (Paris, 2006).

Надежда Юрьевна Плавинская – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра по изучению XVIII века Института всеобщей истории РАН; специалист по истории Франции и русско-французских культурных связей эпохи Просвещения; занимается изучением судьбы наследия Монтескье в России XVIII в.

Владислав Станиславович Ржеуцкий – кандидат исторических наук; научный сотрудник Бристольского университета (Великобритания), участник проекта «Социальная история французского языка в России» (руководитель Д. Оффорд). Координатор нескольких научных проектов: «История Французского института и Альянс Франсез в России», «Французы в России XVIII в.», «Франкоязычная периодика в России XVIII в.». Руководитель (совместно с А. Мезен) коллективного труда *Les Français en Russie au siècle des Lumières* (Ferney-Voltaire, 2001).

Кун Стэпльбрук – историк политической мысли, доцент Роттердамского университета. В 2004 г. в Кембридже защитил диссертацию на тему *Moral Philosophy in Galiani's Early Political Economy*. Автор книги *Love, Self-Deceit and Money: Commerce and Morality in the Early Neapolitan Enlightenment* (Toronto; London, 2008). В настоящее время завершает работу над монографией, посвященной дебатам вокруг политических и экономических реформ в Нидерландах XVIII в.

Галина Андреевна Тюрина – кандидат исторических наук, преподаватель древних языков (латынь, греческий, литературный арабский); зав. Отделом по изучению наследия А.И. Солженицына в Доме русского зарубежья (Москва). Автор статей по греческой палеографии и истории классической филологии в России; кандидатская диссертация: *Х.Ф. Маттеи и изучение греческих рукописей в Европе в эпоху Просвещения* (2009).

Борис Львович Фонкич – доктор исторических наук, руководитель Центра «Палеография, кодикология, дипломатика» Института всеобщей истории РАН; специалист по греческой палеографии и истории греческо-русских связей XV–XIX вв.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Давид Челетти – научный сотрудник Хертфордширского университета (Великобритания), специалист по социально-политической истории Нового и Новейшего времени. Особое внимание уделяет истории сельскохозяйственного производства и его индустриализации. Основные публикации: *La canapa nella Repubblica Veneta* (Venezia, 2007); *Contadini senza terra*. (Verona, 2007); *Il bosco nelle province venete dall'Unità ad oggi* (Padova, 2008); *Vivai Sgaravatti. Storia di un'impresa agricola nell'Italia d'età contemporanea* (Padova, 2012).

СОДЕРЖАНИЕ

От редколлегии.....	5
Античность: особый мир? (<i>Катрин Вольфияк-Оже</i>).....	6

Судьбы классических текстов

<i>Б.Л. Фонкич</i> (Москва) Античная литература в описях и каталогах греческих рукописей Московской Патриаршей/Синодальной библиотеки в XVIII – начале XIX века.....	15
<i>Г.А. Тюрина</i> (Москва) Московская рукопись <i>Илиады</i> в библиотеке Лейденского университета	21

Знания

<i>Pierre Briant</i> (Paris) Des Scythes aux Tartares, et d'Alexandre de Macédoine à Pierre de Russie. L'histoire de l'Europe au passé et au présent	33
<i>Catherine Volpilhac-Auger</i> (Lyon) L'Antiquité, lointaine ou proche? Montesquieu et le <i>Périple</i> d'Hannon.....	47
<i>David Celetti</i> (Padoue) L'héritage classique dans la pensée et la pratique agronomique du XVIII ^e siècle	57

Искусство и общество

<i>А.С. Корндорф</i> (Москва) «Темная сторона» Просвещения. Античная традиция и inferнальные сюжеты архитектурной сценографии XVIII века	72
<i>С.О. Андросов</i> (Санкт-Петербург) Античная пластика и «ныне живущие» скульпторы в Риме во второй половине XVIII века	99

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Sabine Panzram</i> (Hamburg) The Rediscovery of Herculaneum and Pompeii: Carlos III and Winckelmann – a «Rey Arqueólogo» and a Polemical Intellectual, Fighting just because of...?.....	116
<i>Г.А. Космолинская</i> (Москва) Что знал русский читатель XVIII века о раскопках Геркуланума?	140
<i>Martin Dönike</i> (Berlin) À la recherche du missing link: Goethe, the «Russian Holy Pictures» and the Discovery of Byzantine Art as a Link between Antiquity and the Modern Age.....	159
<i>С.Я. Карп</i> (Москва) Из истории покупки Екатериной II коллекции резных камней герцога Орлеанского: некоторые уточнения	171

Политика

<i>Sven Günther</i> (Mainz/Yokohama) Between Imperium and Libertas: Understanding, Utilization and Diversity of Interpretation of Roman Power and Moral Concepts in European Medals and Seals of the 18 th Century	181
<i>Koen Stapelbroek</i> (Rotterdam) Antiquity and the Challenges of Modernity: The Political Thought of Ferdinando Galiani Reconsidered	199
<i>Wyger R.E. Velema</i> (Amsterdam) Classical Antiquity Contested: The Dutch Eighteenth Century and Ancient Politics.....	213

Философия

<i>Н.Ю. Плавинская</i> (Москва) Античная скульптура сквозь призму философии: аббат Гуаско и его трактат <i>De l'usage des statues chez les Anciens</i>	227
<i>Pierre-Marie Morel</i> (Lyon) Rousseau, l'épicurisme et l'origine des langues.....	244
<i>В.С. Ржеуцкий</i> (Бристоль) Между Россией и Западной Европой: античное наследие и фигура Петра Великого в век Просвещения (на примере произведений барона де Чуди, секретаря И.И. Шувалова)	258
<i>Giovanni Paoletti</i> (Pise) Polythéisme et Révolution: le manuscrit des <i>Recherches historiques sur la religion des principaux peuples de l'antiquité</i> de Benjamin Constant	280

Исследования и публикации

<i>Мария Кристина Брагоне</i> (Павия) Фенелон в России: к истории трактата <i>De l'éducation des filles</i>	295
<i>Е.И. Лебедева</i> (Москва) А.М. Блен де Сенмор и М.Ж. Шенье: К истории одного театрального конфликта	307

Новые книги, рецензии, библиография

<i>Zaborov P.</i> Voltaire dans la culture russe / Avec les soins de Georges Dulac. Trad. de Marina Reverseau revue par Jacques Prébet. Ferney-Voltaire: Centre international d'étude du XVIII ^e siècle, 2011. 351 p. – <i>Рецензия С.А. Мезина</i>	325
<i>Андросов С.О.</i> Скульпторы и русские коллекционеры в Риме во второй половине XVIII века. СПб.: Дмитрий Буланин, 2011. 258 с.; ил. – <i>Рецензия Е.Б. Шарновой</i>	331
<i>Rossi F.</i> Palladio in Russia: Nikolaj L'vov architetto e intellettuale russo al tramonto dei Lumi / Centro Internazionale di Studi di Architettura 'Andrea Palladio'. Venezia: Marsilio, 2010. 320 p.; 170 ил. – <i>Рецензия М. Талалая</i>	335
«Mach dich auf und werde licht – Celies nu, topi gaiß»: Zu Leben und Werk Ernst Glücks (1654–1705): Akten der Tagung anlässlich seines 300. Todestages vom 10. bis 13. Mai 2005 in Halle (Saale) / Hrsg. von Chr. Schiller und M. Grudule. Wiesbaden: Harrasowitz; 2010. 282 s. – <i>Рецензия Е.Е. Рычаловского</i>	339
XVIII век. Указатель литературы за 2009–2010 гг. – <i>Составитель Л.И. Фурсенко</i>	346
Перечень иллюстраций	456
Список сокращений	458
Указатель имен – <i>Составитель Л.Б. Вольфиун</i>	460
Сведения об авторах	485

Научное издание

Век Просвещения

Выпуск IV

Античное наследие в европейской культуре XVIII века

Утверждено к печати
Научным советом
«История мировой культуры»
Российской академии наук

Заведующая редакцией *Н.Л. Петрова*
Художник *В.Ю. Яковлев*
Художественный редактор *Ю.И. Духовская*
Технический редактор *Т.А. Резникова*
Корректоры *А.Б. Васильев, Е.А. Желнова,*
Т.А. Печко

Подписано к печати 30.10.2012. Формат $70 \times 100^{1/16}$
Гарнитура Таймс. Печать офсетная
Усл.печ.л. 40,3. Усл.кр.-отг. 41,0. Уч.-изд.л. 43,0
Тип. зак.

Издательство «Наука»
117997, Москва, Профсоюзная ул., 90

E-mail: secret@naukaran.ru
www.naukaran.ru

Первая Академическая типография «Наука»
199034, Санкт-Петербург, 9-я линия, 12/28

АДРЕСА КНИГОТОРГОВЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ ТОРГОВОЙ ФИРМЫ “АКАДЕМКНИГА” РАН

Магазины “Книга-почтой”

- 117192 Москва, Мичуринский проспект, 12; (код 495) 932-78-01 Сайт: www.LitRAS.ru
E-mail: info@LitRAS.ru
- 197345 Санкт-Петербург, ул. Петрозаводская, 7 “Б”; (код 812) 235-40-64
ak@akbook.ru

Магазины “Академкнига” с указанием букинистических отделов и “Книга-почтой”

- 690002 Владивосток, Океанский проспект, 140 (“Книга-почтой”); (код 4232) 45-27-91
antoli@mail.ru
- 620151 Екатеринбург, ул. Мамина-Сибиряка, 137 (“Книга-почтой”); (код 343) 350-10-03
kniga@sky.ru
- 664033 Иркутск, ул. Лермонтова, 289 (“Книга-почтой”); (код 3952) 42-96-20 aknir@irlan.ru
- 660049 Красноярск, ул. Сурикова, 45; (код 3912) 27-03-90 akademkniga@bk.ru
- 220012 Минск, просп. Независимости, 72; (код 10375-17) 292-00-52, 292-46-52, 292-50-43
www.akademkniga.by
- 117312 Москва, ул. Вавилова, 55/7; (код 495) 124-55-00 (Бук. отдел (код 495) 125-30-38)
- 117192 Москва, Мичуринский проспект, 12; (код 495) 932-74-79
- 127051 Москва, Цветной бульвар, 21, строение 2; (код 495) 621-55-96 (Бук. отдел)
- 117997 Москва, ул. Профсоюзная, 90; (код 495) 334-72-98
- 105062 Москва, Б. Спасоглинищевский пер., 8 строение 4; (код 495) 624-72-19 (Бук. отдел)
- 630091 Новосибирск, Красный проспект, 51; (код 383) 221-15-60 akademkniga@mail.ru
- 630090 Новосибирск, Морской проспект, 22 (“Книга-почтой”); (код 383) 330-09-22
akdmn2@mail.nsk.ru
- 142290 Пущино Московской обл., МКР “В”, 1 (“Книга-почтой”); (код 49677) 3-38-80
- 191104 Санкт-Петербург, Литейный проспект, 57; (код 812) 272-36-65
- 199034 Санкт-Петербург, Менделеевская линия, 1; (код 812) 328-38-12
- 199034 Санкт-Петербург, Васильевский остров, 9-я линия, 16; (код 812) 323-34-62
- 634050 Томск, Набережная р. Ушайки, 18; (код 3822) 51-60-36
akademkniga@mail.tomsknet.ru
- 450059 Уфа, ул. Р. Зорге, 10 (“Книга-почтой”); (код 3472) 23-47-62, 23-47-74
UfaAkademkniga@mail.ru
- 450025 Уфа, ул. Коммунистическая, 49; (код 3472) 72-91-85 (Бук. отдел)

Коммерческий отдел, Академкнига. г. Москва
Телефон для оптовых покупателей:
(код 499) 143-84-24; 143-89-35
Сайт: www.LitRAS.ru
E-mail: info@LitRAS.ru
Склад, телефон (код 495) 932-74-71
Факс (код 499) 143-89-35

*По вопросам приобретения книг
государственные организации
просим обращаться также
в Издательство по адресу:
117997 Москва, ул. Профсоюзная, 90
тел. факс (495) 334-98-59
E-mail: initsiat@naukaran.ru
www.naukaran.ru*
